
УДК 08
ББК 79.1
Е-361

Редакционная коллегия
*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, О.А. Коростелев,
Т.В. Марченко, В.А. Москвин, М.Ю. Сорокина*

Ответственный редактор
Н.Ф. Гриценко

Художник
И.И. Антонова

ISBN 978-5-98854-045-8

© Коллектив авторов, 2012
© Оформление. ГБУК «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», 2012

КАФЕДРА

К.А. Арнштам
БЕРЛИН МОЕГО ДЕТСТВА*

Художник-график Кирилл Александрович Арнштам родился 27 декабря 1918 г. (9 января 1919 г.) в Петрограде в семье Александра Мартыновича Арнштама (1880–1969) — живописца и графика. В 1922 г. Арнштамы эмигрировали в Берлин. Еще будучи ребенком, Кирилл Александрович сотрудничал как иллюстратор в берлинском журнале «Квершнитт» («Querschnitt») в 1925–1932 гг. В 1933 г. семья переехала в Париж, где Кирилл Александрович окончил Школу прикладных искусств (Ecole des Arts Appliqués) по специальности «Реклама». В начале профессиональной карьеры и вплоть до 1950-х гг. заявил себя в том числе как автор киноафиш. После войны он сотрудничал с известными периодическими изданиями «Мари Франс» («Marie France»), «Мари клер» («Marie Claire»), «Пари матч» («Paris Match»), «Мир музыки» («Monde de la Musique») и др. В середине 1950-х гг. как иллюстратор сотрудничал с издательствами «Плон» («Plon») и «Файар» («Fayard»). В начале 1960-х гг. вместе с отцом работал над оформлением балета «Нана», поставленного в Страсбургском театре. В 1965 г. начал работать в книжной графике. Создал иллюстрации к романам Льва Толстого, Эмиля Золя, Ги де Мопассана, в 1971–1972 гг. — к трилогии Анри Труайя «Пока стоит земля». Первая персональная выставка в России состоялась в 2003 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, а тремя годами раньше в Русском музее прошла первая в России выставка произведений Александра Мартыновича Арнштама.

В октябре 2011 г. по инициативе и при самом активном участии Кирилла Александровича в Доме русского зарубежья состоялась выставка произведений его отца, выдающегося художника первой половины XX в. Это была первая выставка в Москве, родном городе А.М. Арнштама. Кирилл Александрович Арнштам является почетным дарителем Дома русского зарубежья, лауреатом Медали имени Михаила Александровича Чехова.

М.А. Васильева

Мы приехали в Берлин в феврале 1922-го, мне было тогда три года. Помню типично берлинскую гостиницу, наполненную русскими эмигрантами, десерт на обед — половина груши в сиропе в столовой с витражами, затемнявшими высокие окна. Помню коридоры с мягкими коврами, комнаты с клопами и ужас-

---

* Текст написан по материалам беседы, которую провели с художником М.А. Васильева и И.Н. Тишина.

но пронзительный запах серы, когда, заклеив газетной бумагой двери, некоторые обитатели гостиницы сражались с этими малоприятными насекомыми. Мы довольно долго жили в гостинице, а потом перебрались на квартиру.

Мой отец, Александр Мартынович Арнштам, сразу получил работу, поскольку в Берлине в то время существовало немало русских издательств. Издательство И.П. Ладыжникова, «Огоньки», «Геликон». Отец очень много рисовал. Ребенком, я, словно зачарованный, наблюдал за казавшимся мне тогда сказочным процессом творчества. Видно было, что он принимался за работу с огромным аппетитом, как за праздничный обед. А к инструментам — карандашам, перьям и туши (черная пластинка с китайской надписью золотыми буквами) относился с подлинной чувственностью. И так же необычайно «вкусно» он создавал балетные костюмы! До сих пор вспоминаю, как однажды, вставая, осторожно держа двумя пальцами лист своего любимого ватмана и чуть покачивая его, он сказал: «Послушай, какой изумительный металлический звон идет от этой роскошной бумаги». С раннего детства до зрелых лет, живя в окружении работ отца и, разумеется, любя их, я воспринимал их как вещи обыкновенные... Хотя на самом деле они были именно совершенно необыкновенные. Связь руки и глаза была у него настолько мгновенной, что ему удавалось сразу же уловить абсолютное сходство, так же как создать необычайно выразительный «портрет тела»¹, часто — одним стремительным штрихом, без всяких поправок.

Однако были и такие периоды, когда он не работал, — разные были времена... Конечно, Берлин 20-х годов, с его издательствами, выставками, его интенсивной творческой жизнью, оказался для отца счастливым периодом жизни. Мы, Арнштамы, «забытого» немецкого происхождения. Отец неплохо говорил по-немецки, с легким балтийским акцентом, и любил вспоминать, что на столе его отца красовался бюст Гете и всегда лежал томик его произведений. До революции мой отец учился не только в Московском, но и в Берлинском университете Фридриха Вильгельма. Правда, в детстве я слышал его рассказы о московской студенческой жизни. Помню, как он вспоминал, как весело они, студенты, праздновали на Кузнецком Мосту окончание университета. И когда он рассказывал, я воображал его, вместе со студентами танцующим на каком-то мосту.

А в Берлине он общался с немцами на равных, и они его очень полюбили. Вскоре он стал сотрудничать с немецкими издателями — ходил на премьеры (например, балетные) и делал репортажные портреты прямо на месте, вечером он шел на премьеру — а на следующее утро его рисунки уже были напечатаны в газетах!.. Даже я попал к издателям — был настоящим вундеркиндом. Однажды мой отец показал издателю журнала «Квершнитт» мои рисунки (а мне было всего шесть лет) и сказал, что это работы одного знакомого голландского художника. Издатель очень заинтересовался и попросил привести «голландского художника» для знакомства. В назначенный час отец вошел вместе со мной. «А где ваш голландец?» — недоуменно спросил издатель. «Вот он и есть, тот самый художник!» —

---

¹ Так искусствовед Михаил Герман охарактеризовал «ню» Арнштама.

ответил, улыбаясь, отец, чем привел издателя еще в большее недоумение. Меня решили проверить и заставили рисовать, что я и сделал. А после взяли за руку и повели по типографии — показывать. Вскоре мои рисунки напечатали, и я стал сотрудником журнала.

Берлин тех лет был совершенно открытым городом — в смысле политическом, литературном. Берлинская культурная общественность «смотрела» на Париж, было несколько художественных журналов, которые писали более всего о Париже. Часто приезжал Вертинский, русскими ставились оперетты и многие другие постановки — например в театре «Летучая мышь» Никиты Балиева и театре «Синяя птица» Якова Южного. Балиев — один из героев портретной галереи, созданной моим отцом в берлинский период. Мы продолжали жить русской жизнью. В то время еще можно было ездить туда и обратно — и в советскую Россию, и из нее. К нам в гости приходили многие известные люди, знакомые отца — в основном те, кто находился в Берлине проездом. Чаще всего у нас были актеры МХТ — Аким Тамиров, Григорий Хмара, сын Валентина Серова Георгий Серов, которого я просто обожал, всякий раз нетерпеливо ждал его и... его маленький «фиат», на котором он ездил в Париж и обратно. Помню, Серов первое время приезжал с Ольгой Пыжовой. Пыжова потом вернулась в Россию, Аким Тамиров уехал в Америку, стал голливудской звездой. Помню отлично близкого отцовского друга Хмару, по воскресеньям они вместе разъезжали на велосипедах по берлинским лесам. Помню, как-то пришел к нам оперный певец Поземковский² и в обеденное время запел своим русским оперным голосом так, что задрожали окна. А в те годы в Берлине запрещали шуметь во время дневного отдыха. Мы жили на первом этаже, и в нашу квартиру полетели из окон возмущенных соседей стаканы, бутылки, банки...

В Берлине мой отец часто встречался с режиссером Николаем Евреиновым, здесь он оформил его книгу «Театр как таковой», создал его портрет. Еще одно детское воспоминание: у нас в гостях журналист Александр Бродский, и я ем с ним кашу на кухне. Однажды видел писателя Алексея Ремизова — он как-то заходил к нам домой. Есть замечательный портрет Алексея Ремизова берлинского периода, созданный моим отцом, с автографом писателя — знаменитой каллиграфической вязью. А журналист и писатель Виктор Ирецкий вообще бывал у нас как дома, читал маме свои произведения, покупал за плитку шоколада у меня мои детские рисунки, познакомил с сыном Даниилом, мальчиком моего возраста. Даниил приезжал в Берлин из Парижа на каникулы, и мы с ним очень подружились. Потом он с мамой Еленой Антиповой уехал в Бразилию. Там его мать стала известным педагогом, специалистом по психологии. У нас часто бывал петербургский коллекционер Аркадий Руманов, и я даже нарисовал тогда на него карикатуру, которую, к своему великому удивлению, увидел уже в 2006 году в Париже у его сына!

---

² Поземковский (Подземковский) Георгий Михайлович (1890 (по другим данным, 1892) — 1958) — лирический тенор. Выступал в Мариинском театре, после революции эмигрировал, жил во Франции, выступал в «Русской опере» кн. Алексея Церетели. В 1928 г. был на гастролях в Берлине и Лейпциге. (Выражаем признательность за предоставленную информацию В.П. Нечаеву. — Ред.)

*Кирилл Арнштам на открытии выставки произведений Александра Арнштама.
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. 6 октября 2011.
Фотография Светланы Урбан*

В 60-е годы, уже будучи в Париже, в одном из писем к своему другу Корнею Чуковскому отец вспоминал это время:

«В Берлине нас посетил О. Дымов с дочерью. Я писал ее портрет. Он жил в Америке.

У меня были:

Федин (я нарисовал его портрет).

Был Зозуля (где он?).

Кольцов.

Шкловский (где он?). Отец Пастернак»³.

Вот наше берлинское окружение. К этим именам я добавляю Валентина Парнаха и конечно Надежду Тэффи, в Берлине в 1923-м вышел ее поэтический сборник «Шамрам» в художественном оформлении моего отца.

Я очень гордился, когда узнал, что среди русских в Берлине моего папу настолько уважали, что избрали президентом Дома искусств, а потом председателем Союза русских художников. Помню, как рассказывал отец, что, когда в Берлин приезжал Луначарский, — кажется, на встречу с русскими художниками, — он спросил моего отца, не собираемся ли мы возвращаться в Россию, — мы ведь уехали под предлогом лечения мамы. «Итак, Арнштам, вы все еще здесь и вам это

³ А.М. Арнштам — К.И. Чуковскому. 23 ноября 1963 г. // НИОР РГБ. Ф. 620. К. 60. Д. 49. Л. 4 об.

нравится?» — так звучал вопрос. Гримасы времени: после революции отец оказался востребованным художником в Стране Советов, сотрудничал со многими издательствами, ему доверили оформить Балтийский судостроительный завод, он вместе с группой известных художников создавал эмблему для Верховного Совета РСФСР и в то же время пережил обыски, арест, допросы в ЧК и тюремное заключение. О возвращении в Россию речи быть не могло.

В одном из писем к Чуковскому, уже под конец жизни, отец написал: «Чем дальше — тем сильнее жажда, хотя бы выпить стакан московской воды. Один французский журналист привез мне из Москвы по моей просьбе небольшой камень — который у меня на рабочем столе»⁴. Эти строки вызвали у меня наплыв эмоций. Тут он весь — и ярко, ясно дает понять, где на всю жизнь осталась его душа.

В Берлине мои старшие братья Игорь и Жорж пошли учиться в русскую гимназию. Фотографию выпускников этой гимназии я передал в архив Дома русского зарубежья. А я ходил в подготовительную берлинскую школу. Там я свободно заговорил по-немецки и говорю до сих пор. Друзьями у меня были в основном немцы, но был и один русский мальчик из богатой семьи, — помню его маленьких сестер, игры в ручеек.

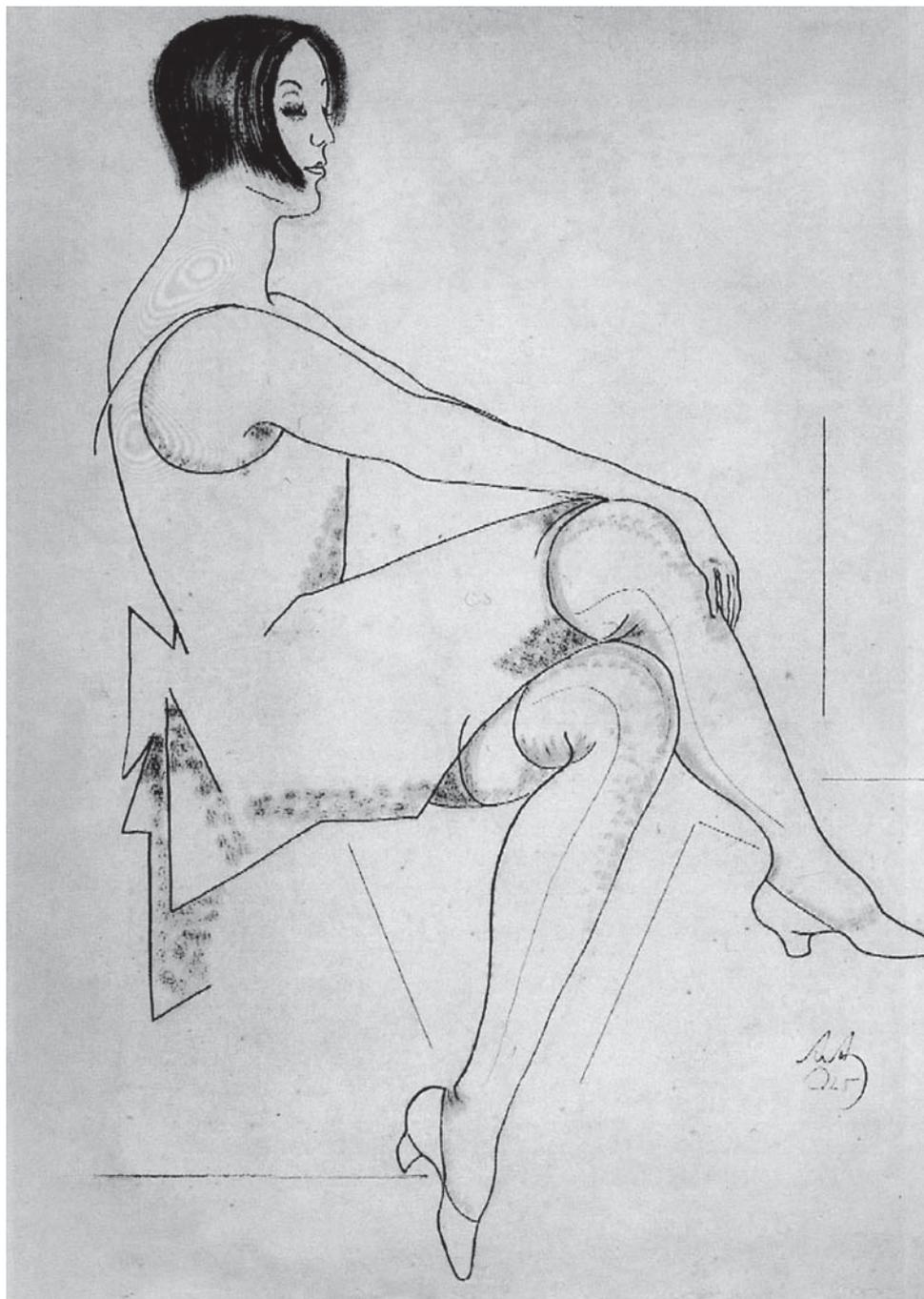
В Берлине я приобщился и к скаутскому протестантскому движению — YMCA, ездил в их лагеря, где вечерами детям читали кусочки из Библии. В этих лагерях собирались дети не только из протестантской среды, и со стороны организаторов не было никакого религиозного давления.

В эти годы стала меняться атмосфера Берлина. В 1929 году нацисты уже существовали как партия. Они «прошли» на почве поддержки интересов рабочих, поскольку рабочие в Германии тех лет жили плохо — в отличие от буржуазии. И главное, национал-социализм сыграл на идее вернуть Германии потерянную гордость. Помню, как во время выборов нацисты, как и другие партийные группы, разъезжали по городу с флагами — это было привлекательно, красиво. Мы жили тогда на Кайзер-аллее — там всегда происходило все самое интересное — и видели победоносное вечернее шествие нацистов с факелами после прихода к власти.

По моим детским воспоминаниям, страха мы тогда не ощущали — все нарастало постепенно. Главное, что революции не было! В гимназии, когда кто-то из профессоров внезапно исчезал, говорили: да, он больше не у нас, ему пришлось уйти, так как он еврей. В гимназии тогда было много депутатов — и правых, и левых. Левых нацисты постепенно убрали — остались только правые. Помню одного из них — профессора географии. Он был маленького роста, носил нацистский знак на лацкане пиджака (тогда было принято носить знак партийности) и всегда обращался к одному французскому мальчику, моему однокласснику, так: «Встань, француз!», или «Отвечай, француз!», или «Иди сюда, француз!». Уже тогда по нему

---

⁴ А.М. Арнштам — К.И. Чуковскому. 23 ноября 1963 г. Л. 3.

Александр Арнштам. Дама в платье ар-деко.
Тушь, сухая кисть, бумага. Берлин, 1925.
Музейное собрание Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

было видно, что будет... В основном же все правые были важные и не хулиганили. Пережив сам в Берлине приход нацистов, я бы хотел дать понять: они приходили к власти медленно, почти бесшумно, так проникает змея, которую жертва «понимает», когда уже поздно. Как и многие, мы не чувствовали тогда особого страха.

В те годы у моего отца было много друзей-немцев. Он вспоминал об этом периоде: его немецкие товарищи сами не верили в диктатуру Гитлера. Мы дружили еще с очень симпатичной еврейской семьей, главу которой звали Израэлем. Уже потом, во Франции, нам было страшно подумать, что с ними стало...

В то время в Берлине мы переехали на новую квартиру, и я видел, как нацисты громили еврейские магазины напротив — я ходил туда каждый день за мороженым. Я воспринимал происходящее как фильм, словно сам был за кадром. Так часто бывает в детстве: какое-то особое, отстраненное восприятие действительности, словно меня это не касается, и даже не приходило в голову бояться.

А по-настоящему страшно мне, ребенку, было только за маму, которая очень страдала от приступов болезней сердца и желудка. Этот страх я испытал уже в первые годы нашей жизни в Берлин. Она заболела, когда мой отец сидел в советской тюрьме. Мне кажется, он сам так не переживал за себя, как волновалась за него в тот момент моя мама. В нашей небольшой квартире я слышал, как ей бывало плохо, и молился лишь об одном: пусть мы все умрем в тот же день, если умрет мама — чтобы никто не страдал без нее. Помню, как к нам приходил хороший русский доктор и потом все часами сидели и говорили о политике.

Я понимал, что мои родители собираются покинуть Берлин, так и произошло в 1933 году. Они все чаще говорили о Париже, о том, что будет, «когда мы будем в Париже». А меня учили вести себя за столом — мол, в Париже надо будет особенно соблюдать правила столового этикета: есть чисто, не класть локти на стол, не подпирать голову руками и тому подобное. Таким образом, Париж для меня, ребенка, стал очень сложной вещью — зачем нам туда надо? Берлин стал мне родным городом. Берлин — это друзья, детство. Я любил играть с мальчишками на улице в чижа, в лапту, бочке — такую игру, где выбивают шарик шариком, французы ее называют «петанк». Помню, как мы с друзьями из шалости что-то подожгли на балконе, — ну я и перепугался тогда! Помню в Берлине настоящую русскую зиму — с санками, с дворцами из снега, — такая вот связь с Россией... Мы часто ходили в городской парк — там были хорошие горки, а после мама разогревала мне руки и ноги одеколоном. В берлинском луна-парке отец обожал стрелять в тире по мишеням, когда мы ходили туда всей семьей, и было неудивительно, что мы возвращались домой нагруженные никому не нужными выигранными им вещами. И я понимал: этим же безукоризненно точным глазом, этой рукой он как художник мог передать абсолютно точное сходство с натурой.

Так получалось, что до школьного возраста я дружил в основном с немецкими ребятами и русских детей почти не встречал. Позже, в берлинской школе, я стал настоящим берлинским мальчиком. Мое детство совпало с этим городом. Но я никогда не чувствовал себя немцем или французом. Я всегда был русским.

В детстве мне читали русские книги, а мама пела мне русские колыбельные и русские народные песни, читала много русских стихов. Помню, что моей любимой русской книжкой был «Медный всадник» Пушкина с иллюстрациями Бенуа. Ясно вижу одну из них: генерал с плюмажем выходит на балкон посмотреть на наводнение. И, маленьким, я недоумевал: зачем генералу, когда вокруг потоп, нужна треуголка с плюмажем? Папа мне все время читал, рассказывал о своих друзьях из «Мира искусства», — из России мы захватили открытки с репродукциями их работ. Одно время ко мне приходил русский учитель, который научил меня читать и писать по-русски. Увы, эти навыки со временем я потерял. Когда-то отец просил меня читать по-русски четверть часа в день, но я, к сожалению, этого не делал... И вот теперь я снова стал почти свободно говорить по-русски, я вспоминаю слова, которые казались мне безвозвратно забытыми. Это началось со времени первой выставки отца в Санкт-Петербурге, в Русском музее в 2000 году, моего первого приезда на родину. Признаться, какую-то особую исключительно русскую черту я сам в себе до сих пор не ощутил. Но французы замечают некое отличие, — со стороны виднее! Зато я знаю, что меня всегда тянуло в Россию, эта связь была сильной, и с каждым моим приездом я чувствую ее все сильнее.

ГОД ГЕРМАНИИ
В РОССИИ

К.К. Семенов

БЕРЛИНСКИЙ УЗЕЛ РОВСа (1920–1945)

Помните, что русский узел может быть
развязан только в Берлине.

П.Н. Врангель

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ

История российской военной эмиграции в Германии первой половины XX в. ярка и удивительна. В отличие от других европейских стран эмигранты в Германии оказались невольно втянуты в смертельный водоворот Второй мировой войны. Вместе с тем необходимо отметить, что образование российской эмигрантской колонии в этой стране сопровождалось значительными трудностями, так как Германия в годы Первой мировой войны была противником России. Недаром поэт В.Ф. Ходасевич назвал Берлин «мачехой российских городов»¹. Кроме того, в Германии особенно остро проявились противоречия между разными политическими фракциями военной эмиграции.

На территории Германии еще до Октябрьской революции в России находилось значительное количество чинов Русской армии, попавших в плен к немцам. Большинство пленных находились в лагерях. В годы Гражданской войны в России некоторые из них отправились домой, а другие вступили в ряды белогвардейских частей, формировавшихся на территории Германии. Военнопленные, оставшиеся в Германии, в скором времени влились в ряды российской военной эмиграции и стали делиться премудростями жизни на чужбине с новыми изгнанниками.

К концу 1918 г. на территорию Германии прибыло около 2500 беженцев из Прибалтики и Украины. Среди беженцев преобладали военнослужащие армий буржуазных республик, образованных на территории бывшей Российской империи. Эта группа беженцев была размещена в лагерях Клаусталь, Бленхорст, Вецлар, Нойштадт и Зальцведель. В последнем вскоре была образована так называемая Зальцведельская пулеметная команда, ставшая основой для Западной добровольческой армии (ЗДА) генерал-майора П.Р. Бермонт-Авалова. В конце 1919 г. на территорию Германии из Прибалтики отошла новая волна русских военнослужащих — около 3000 человек из ЗДА. Эта группа была размещена в лагерях Альтенграбов и Вюнсдорф. Весной 1920 г. для прибывающих в Германию русских военнослужащих было создано еще несколько новых лагерей-общежитий в Альтенау, Боденфельде, Вильдемане.

Первыми во внутринемецкие события оказались вовлечены люди П.Р. Бермонт-Авалова: они были тесно связаны с немецкими добровольческими корпу-

---

¹ Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика. С. 266.

сами², сражавшимися с левыми в России и в Германии. Сам П.Р. Бермонт-Авалов пытался играть значительную роль в политической жизни республики. В ходе переговоров была достигнута договоренность, что интернированные в лагере Альтенграбов чины Западной добровольческой армии примут участие в Капповском путче в марте 1920 г.³ При успешном развитии событий П.Р. Бермонт-Авалов рассчитывал получить аналогичную помощь от своих немецких друзей при новом походе в Россию. Быстрый провал Капповского путча не дал заговорщикам превратить в жизнь свои планы.

Генерал П.Н. Врангель понимал острую необходимость сплочения разрозненных офицеров в единое целое, но сделать это было достаточно сложно: в Германии проживало значительное количество ветеранов Гражданской войны на северо-западе России.

В начале 1921 г. в Берлине были созданы Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии (часто именовался просто Союз офицеров) и Центральный союз увечных воинов. Союз офицеров в своей деятельности ориентировался на Монархическое объединение Н.Е. Маркова. Председателем союза был генерал-лейтенант Е.К. Арсеньев, товарищем председателя — генерал-майор Н.А. Елагин, секретарем — штабс-ротмистр Ф.Г. фон Эттинген, казначеем — полковник В.В. Сергеев. В суд чести союза входили вице-адмирал С.А. Воеводский, капитан 2-го ранга барон Г.Г. Остен-Сакен, полковник Т.П. Гаусман.

Летом 1921 г. была предпринята попытка организовать Общество офицеров Генерального штаба. Создание новых офицерских союзов и обществ было непосредственно связано с прибытием в Германию новых офицеров. К середине 1922 г. массовое прибытие российских военнослужащих в Германию прекратилось. Общая численность выходцев из России к этому времени составляла примерно 250 тыс. человек⁴. При этом удельный вес военных в эмигрантской колонии оценивался в 15,8%.

Все русские лагеря находились в ведении Министерства внутренних дел Германии и образованного в Берлине Ликвидационного управления по делам русских военнопленных и интернированных⁵. Сами лагеря управлялись германской лагерной администрацией и русскими управляющими. Полковник В.А. Богуславский был управляющим в лагерях Вюнсдорф и Циле, полковник Субботин — в Альтенау, полковник Н.А. Швецов — в Вильдемане.

К 1922 г. произошло организационное становление союзов и обществ российских военнослужащих в Германии. Самым многочисленным был Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии — в нем насчитывалось 770 членов⁶. Другие союзы насчитывали несколько сотен, а то

² См.: Русская военная эмиграция 20–40-х гг. XX века: Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн.: На чужбине. М., 1998. С. 409.

³ См.: Kellog M. Russian roots of Nazism. Cambridge, 2005. P. 106.

⁴ См.: Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М., 1994. С. 262.

⁵ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5815. Оп. 1. Д. 8. Л. 107.

⁶ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 34. Л. 67.

и несколько десятков членов. Жизнь военной эмиграции заметно оживилась весной 1922 г., после назначения и переезда в Берлин военного представителя главнокомандующего в Германии генерал-майора Алексея Александровича фон Лампе. Военный представитель с рвением взялся за наведение порядка на подведомственной ему территории: были ужесточены правила учета офицеров, документооборот и т. п.

Первым серьезным событием, последствия которого вынужден был преодолеть А.А. фон Лампе, было покушение на П.Н. Милюкова. 28 марта 1922 г. в берлинской консерватории во время выступления Милюкова с докладом «Америка и восстановление России» двое офицеров-эмигрантов попытались убить выступающего. В ходе покушения был убит В.Д. Набоков, пытавшийся нейтрализовать стрелявшего, ранены Л.Е. Эльяшов, А.И. Каминка и еще пятеро присутствовавших. Покушение осуществили ротмистр С.В. Таборицкий и корнет П.Н. Шабельский-Борк, которые позже станут играть заметную роль в жизни русской эмиграции в Германии.

Главной заботой бывших военнослужащих в Германии, как немецких, так и русских, было трудоустройство. Лидеры российской военной эмиграции продолжали подчеркивать острую необходимость получения работы эмигрантами. Так, военный представитель главнокомандующего в Германии генерал-майор И.А. Хольмсен (предшественник А.А. фон Лампе) заявлял: «Первейшая задача каждого русского эмигранта: помоги себе сам. Побольше работы, поменьше слов. Совершенствуйтесь — каждый в своей специальности, особенно в области сельскохозяйственной промышленности». Ему вторил генерал от кавалерии П.Н. Краснов: «Офицер-эмигрант должен работать, а не политиканствовать... Когда ко мне является офицер и спрашивает, что ему делать, я отвечаю: теперь Вы больше не офицер, ибо у Вас нет никакой связи с русской армией, поэтому работайте и учитесь...»⁷

Под давлением немецких властей в конце 1922 г. был образован общеэмигрантский орган — Совещание объединенных русских учреждений и общественных организаций в Германии. В следующем году совещание стало называться Объединением русских учреждений в Германии. В него в качестве коллективных членов входило 35 эмигрантских учреждений и организаций, в том числе офицерские: Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии, Общество офицеров Генерального штаба, Союз взаимопомощи пажей, Союз взаимопомощи преображенцев, Союз взаимопомощи моряков, Союз русских увечных воинов, Союз бывших военнопленных и интернированных в Германии, Союз русских летчиков⁸.

Тем временем в Германии начался новый виток экономического кризиса и безработицы, от чего страдали не только эмигранты, но и немцы. Отсутствие работы заставляло эмигрантов покидать Германию и отправляться преимущественно во Францию. В соответствии с требованием командования чинам союзов

---

⁷ Анкеты // Голос эмигранта (Берлин). 1921. 20 апр. № 1. С. 7.

⁸ См.: Русская военная эмиграция 20–40-х гг. XX века: Документы и материалы. Т. 2: Несбывшиеся надежды. 1923 г. М., 2001. С. 295.

было необходимо сниматься с регистрации в канцелярии, но при этом они могли оставаться в составе своего союза даже после переезда в другую страну. В своем дневнике А.А. фон Лампе так описал эту ситуацию: «Из Германии офицерство бежит стихийно, [причины] — и политическое положение, и отсутствие заработка, в то время как во Франции можно не только заработать физическим трудом прожиточный минимум, но и приодеться. И политическое бесправие русских в Германии, и все права во Франции — все это гонит привычное к передвижениям офицерство на новое место! С января, начав с 14 в месяц, уехало до 700 человек! При таком темпе в Германии остается только моя миссия...»⁹

Несмотря на наметившееся бегство офицеров из Германии, самой многочисленной организацией по состоянию на 17 апреля 1923 г. оставался Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии — 683 человека, председатель союза — генерал-майор военно-судебного ведомства фон С.Н. Шульман¹⁰. Товарищ председателя, секретарь и казначей не менялись. В правление входили генерал-майор Г.Г. фон Тимрот, флота генерал-майор Г.Н. Папа-Федоров, полковники Купчинский, А.А. фон Гоерц, Т.П. Гаусман и Кутько.

Крупной организацией был Союз увечных воинов, насчитывавший 320 членов. Председателем союза был полковник барон К.П. Рауш фон Траубенберг (затем с марта 1925 г. подполковник А.Ф. Мучкин), товарищем председателя — Генерального штаба генерал-майор Н.И. Глобачев. В правление союза входили подполковник Б.П. Ашихманов, капитан В.М. Яковлев и поручик Тисс, в ревизионную комиссию — генерал-лейтенант А.М. Валуев, генерал-майор Ф.Е. Арцишевский, полковник Стадницкий-Календо. Правление союза располагалось в Берлине, функционировали отделения в Баден-Бадене (руководитель полковник барон С.К. Фелейзен) и Висбадене (руководитель полковник В.В. Плышевский). Отделы союза возглавляли: помощь обувью и помощь одеждой — подполковник С.К. Наместник, Комитет помощи детям — госпожа фон Пейнер, общежитие для тяжело увечных — госпожа М.Г. фон Эбелинг, столовая (три секции) — генерал-майор Н.Н. Кречетов, табачная фабрика — инженер Корни, помощь студентам-инвалидам была в ведении студенческой комиссии.

Весной 1921 г. по инициативе военного представителя генерал-лейтенанта И.А. Хольмсена началось создание германского отдела Общества русских офицеров Генерального штаба. В июне 1921 г. в его состав вошло 12 человек: председатель — генерал от кавалерии барон Е.А. Рауш фон Траубенберг, секретарь — полковник Петровский. 17 июля 1922 г. новым председателем был избран генерал от инфантерии Ф.Ф. Палицын. В связи со смертью последнего 10 марта 1923 г. новым председателем стал генерал-лейтенант А.И. Березовский. К этому времени численность отдела возросла до 26 членов, из которых 20 проживали в Берлине.

Особняком от воинских союзов держались казаки. В начале 1920-х гг. в Германии существовала казачья станица в местечке Лихтенхорст. В ней про-

⁹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 54.

¹⁰ См.: Там же. Д. 7. Л. 289.

живало около 1500 казаков, ранее находившихся в бывшем лагере военнопленных, расположенном на территории частных торфяных владений некоего немца Каера¹¹. Последний стоворился с представителем казаков — полковником П.В. Карташевым — и несколько лет, со слов казаков, эксплуатировал их. В лагере под редакцией Карташева выпускался журнал «Казачий сборник», на страницах которого редакция призывала к верности великому князю Николаю Николаевичу и генералу П.Н. Краснову. Рассказ о якобы имевших место мытарствах казаков был позже опубликован в журнале «Вольное казачество», свое повествование автор закончил словами, что большая часть казаков «прокляла свое пребывание в Германии»¹².

В середине 1920-х гг. в Германии еще располагались казачья группа в Майнце, входившая в состав Казачьего союза, а также Берлинская станица.

Но вернемся к общим проблемам эмиграции. Большие сложности имелись с определением правового статуса российских эмигрантов в Германии. Летом 1922 г. Министерство иностранных дел Германии подтвердило своими циркулярами, что белоэмигранты имеют статус лиц без гражданства — апатридов. При этом удостоверения личности, выданные Организацией по защите интересов русских беженцев в Германии, считались германскими учреждениями документами, подходящими для установления личности и беженского состояния владельца. 27 сентября 1923 г. эта ситуация изменилась в лучшую сторону — российским эмигрантам было разрешено выдавать нансеновские паспорта.

Выдача нансеновских паспортов вызвала у эмигрантов далеко не однозначную реакцию: от полного неприятия до полного восторга. При этом встал вопрос, кого же считать русскими эмигрантами (читай: беженцами) и кому выдавать нансеновские паспорта. Русские правоведы из берлинского отделения Комитета съездов русских юристов предложили следующие критерии для определения эмигранта и получения паспорта: «Беженцами признаются русские граждане, которые могут установить, что причиной оставления ими России или причиной невозможности в нее вернуться является гонение советской власти, или опасность, или отсутствие серьезных гарантий при возвращении для жизни, свободы и имущества. “Русскими беженцами” признаются те русские граждане, которые в момент оставления родины были подданными бывшей Российской империи и которые не опировали потом подданства какого-либо другого государства»¹³. Между тем командование Русской армии выступало категорически против принятия военнослужащими гражданства страны проживания: «...принятие нашими чинами иностранного гражданства является совершенно недопустимым и угрожающим интересам нашего общего дела»¹⁴.

8 февраля 1924 г. генерал Врангель подписал приказ № 5 о консолидации офицерских союзов в европейских странах. В соответствии с этим приказом генералу А.А. фон Лампе поручалось возглавить и усилить координационную работу

---

¹¹ См.: *Данник*. История одной авантюры // *Вольное казачество* (Прага). 1929. № 41/42. С. 24.

¹² Там же. С. 25.

¹³ ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 50.

с офицерскими союзами и обществами в Венгрии, Германии и Чехословакии¹⁵. Массовый отъезд русских военных эмигрантов из Германии не спровоцировал закрытия лагерей беженцев, хотя количество их обитателей значительно уменьшилось. Вскоре началась реформа лагерей — некоторые были расформированы, а их обитатели направлены в более крупные. В апреле 1924 г. ответственным за лагерь с русской стороны был назначен флота генерал-майор Г.Н. Папа-Федоров. Последним в Германии был расформирован лагерь для беженцев из России в местечке Вюнсдорф — в 1926 г.

1 сентября 1924 г. генерал П.Н. Врангель образовал Русский общевоинский союз (далее РОВС) — началась новая страница в жизни военной эмиграции. На территории Германии и Венгрии был образован II отдел союза. В тот же день приказом № 37 председателем отдела был назначен А.А. фон Лампе, уже проводивший работу по консолидации офицеров в этих странах. Как и в других европейских странах, военную эмиграцию раздирали внутренние противоречия, обуславливаемые в первую очередь службой на разных фронтах Гражданской войны и возникающими отсюда незнанием друг друга и подозрительностью. Около 75 % членов русских офицерских союзов в Германии участвовали в Гражданской войне на стороне белых, но служили при этом в разных армиях. Преобладали офицеры армий Н.Н. Юденича и П.Р. Бермонт-Авалова, офицеры русских формирований в Польше, ограниченно были представлены офицеры армии генерала Миллера и служившие в Русской армии Врангеля¹⁶. Бывшие в большинстве, офицеры П.Р. Бермонт-Авалова претендовали на главенство в жизни военной эмиграции, а в вопросе престолонаследия ориентировались на великого князя Кирилла, объявившего себя 31 августа 1924 г. «императором всероссийским». Бывшие военнослужащие армии Врангеля (составившие основу РОВСа в других странах), ориентировались на великого князя Николая Николаевича, но стояли на позициях непрещенчества.

В офицерском сообществе практически не было лиц, примирившихся с советской властью и вернувшихся на родину. Хотя некоторое количество генералов и офицеров, поддерживавших движение «Смена вех», уехали в советскую Россию. Так, в апреле 1923 г. в Россию вернулся Генерального штаба генерал-майор Е.С. Гамченко.

В отличие от Балкан и Франции эмигранты, осевшие в Германии, селились лишь в крупных городах. Большинство представителей военной эмиграции осели в Берлине, это предопределило то, что в этом городе оказались и все представительские органы военной эмиграции. В Германии эмигранты не имели возможности поступить на работу целой русской артелью или группой, и каждый устраивался как мог. Многие едва сводили концы с концами. Так, 6 ноября 1924 г. генерал А.А. фон Лампе записал в своем дневнике: «Нужда вылезает буквально со всех сторон — совершенно не знаешь, что делать и как помогать... нуждаются такие люди, которые всегда умели достать себе пропитание...»¹⁷ Между тем как

¹⁵ См.: ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 25. Л. 42.

¹⁶ См.: Там же. Д. 7. Л. 305.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 50.

и во Франции, и Бельгии некоторое количество офицеров устроились на работу таксистами. Работодателям импонировала их военная выправка и симпатии пассажиров¹⁸.

16 ноября 1924 г. великий князь Николай Николаевич принял на себя руководство Русской армией. К этому времени в Берлине существовали следующие организации российской военной эмиграции: Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии (председатель — флота генерал-майор Г.Н. Папа-Федоров), Союз взаимопомощи служивших в Российском флоте (председатель — капитан 1-го ранга П.А. Новопащенко), Союз русских офицеров Генерального штаба в Германии (председатель — Генерального штаба генерал-лейтенант А.И. Березовский), Союз увечных воинов (председатель — Генерального штаба генерал-майор Н.И. Глобачев), в стадии формирования находились: берлинский отдел Семеновского объединения (лейб-гвардии Семеновского полка) и Германский отдел общества взаимопомощи бывших кадет 1-го кадетского корпуса. Необходимо также упомянуть существовавший, но сепаратистски настроенный Союз украинских офицеров в Берлине.

Помимо Берлина своеобразный очаг русского военного зарубежья образовался в Мюнхене (земля Бавария). Представители военной эмиграции занимали в этом городе заметное положение. Председателем Беженского клуба был полковник Ф.Ф. Эвальд, главой Русско-немецкого клуба — генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, генерал-майор В.В. Бискупский был на связи с великим князем Кириллом.

Связующим звеном между нацистами и русской эмиграцией были так называемые русские немцы — те, кого позже в Третьем рейхе будут называть «фольксдойче». Один из них, Макс Эрвин фон Шойбнер-Рихтер, немецкий представитель при армии Врангеля, познакомил в 1922 г. великого князя Кирилла с Адольфом Гитлером. В 1922–1924 гг. семья великого князя и их материально обеспеченные сторонники передавали НСДАП крупные суммы денег.

Макс фон Шойбнер-Рихтер был одним из самых горячих сторонников русско-немецкого сближения. Для этой цели им и В.В. Бискупским в 1921 г. было создано общество «Ауфбау» («Восстановление»). В обществе было организовано три секции — немецкая, русская и украинская¹⁹. Штаб-квартира общества находилась в Мюнхене, главным казначеем общества стал генерал Людендорф. В списках общества значились такие заметные фигуры русской эмиграции, как П.О. Лукасов, герцог Г.Н. Лейхтенбергский и барон Б.Г. Кеппен. Главным лицом общества с русской стороны был генерал-майор В.В. Бискупский, ранее участвовавший в Капповском путче. Самым известным мероприятием общества было проведение монархического съезда в баварском городке Бад-Рейхенхалль 29 мая — 6 июня 1921 г. В организационный комитет съезда вошли и военные — полковники Ф.Ф. Эвальд и Т.П. Гаусман, ротмистр С.С. Андриевский. На съезд прибыло 100 делегатов более

---

¹⁸ См.: Шлегель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 297.

¹⁹ См.: *Dodenhoeft B. Laßt mich nach Rußland heim: Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945.* Frankfurt am Main, 1993. S. 189.

чем из 20 стран, около половины делегатов были военными²⁰. Результатом съезда стало образование Высшего монархического совета (ВМС) с постоянным местопребыванием в Берлине.

Годом позже, 26 августа 1922 г., в Мюнхене состоялось секретное совещание Военного совета при Высшем монархическом совете и представителей РОВСа. На совещании председательствовал генерал В.В. Бискупский, присутствовали генерал П.Н. Краснов, генерал Е.К. Миллер, генерал Снигурин, генерал-лейтенант П.В. Глазенап, генерал-майор Н.Н. Ваулин, полковник Непестрем, полковник князь Мещерский²¹. Несмотря на атмосферу таинственности, о совещании стало известно советским спецслужбам, которые предполагали, что на нем была выражена поддержка великому князю.

Позже вместе с нацистами члены общества «Ауфбау» участвовали в Пивном путче в ноябре 1923 г. Генерал Бискупский шел к залу «Фельдхеррnhалле» под руку с Гитлером и рядом с Шойбнер-Рихтером. Некоторые историки даже утверждают, что после путча именно Бискупский спрятал Гитлера. Смерть Шойбнер-Рихтера и тюремное заключение Гитлера полностью нейтрализовали деятельность «Ауфбау», и вскоре общество развалилось. Один из главных биографов Гитлера отмечает в своей работе, что прибалтийские немцы и русские эмигранты-радикалы «имели немалое влияние в рядах НСДАП в начальный период ее становления»²². В 1924–1925 гг. нацистская верхушка изменила свой взгляд на русскую проблему, что нашло свое отражение уже в книге Гитлера «Моя борьба».

СТАНОВЛЕНИЕ II ОТДЕЛА РУССКОГО ОБЩЕВОИНСКОГО СОЮЗА

К концу 1924 г., несмотря на финансовые проблемы, наметилось заметное укрепление структур РОВСа в Европе. Появились предпосылки для объединения национально мыслящей эмиграции вокруг союза и великого князя Николая Николаевича. В ноябре 1924 г. в Германию с ознакомительным визитом прибыл генерал П.Н. Врангель. На берлинском вокзале 12 ноября 1924 г. его встречал начальник II отдела А.А. фон Лампе. На все время визита к Врангелю была определена охрана от Русского студенческого союза — Липницкий, В.К. Вебер, Левашов, Лепп, И.К. Смолич, Решиков, В.Г. Новицкий. Выделенную охрану курировал полковник М.М. Богацевич²³. Вечером на квартире фон Лампе генералу Врангелю были представлены председатели основных офицерских союзов — Г.Н. Папа-Федоров, А.И. Березовский, П.А. Новопашенный и старшие офицеры отдела — Роде и фон Гагман. После представления офицеров и доклада фон Лампе главнокомандующий отбыл на ужин к своим бывшим однополчанам-конногвардейцам.

²⁰ См.: Русская военная эмиграция 20–40-х гг. XX века... Т. 1. Кн. 2. С. 459–462.

²¹ См.: Там же. С. 318.

²² Фест И.К. Гитлер: Биография: В 3 т. Пермь, 1993. Т. 1. С. 226.

²³ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 93.

16 ноября было собрано совместное заседание всех правлений офицерских союзов. Перед собравшимися выступил генерал Врангель. Понимая всю сложность положения отдела (преобладание в Германии офицеров-северозападников), генерал особо подчеркнул «что Русская армия является единой, что нет более Северной и Южной, Северо-Западной и Восточной, нет особой “армии Врангеля” или “армии Юденича”, что все Белые армии были по духу одной Русской национальной армией, во главе которой ныне стоит облеченный доверием Верховного Вождя В.К.Н.Н. (великого князя Николая Николаевича. — К.С.)»²⁴.

Пребывание Врангеля в Германии продлилось пять дней. В ходе визита генерал подробно ознакомился с жизнью II отдела и дал высокую оценку деятельности генерала фон Лампе в качестве начальника отдела. Между тем отношения Врангеля с великим князем опять стали портиться, при этом Николай Николаевич стал выделять генерала А.П. Кутепова, назначенного ответственным за проведение работы в советской России. В окружении великого князя и Кутепова обсуждали Врангеля и лояльных ему людей. Близкие к Кутепову люди острили: «“...немцы” поделили между собой Европу: фон Лампе — Германию и до Эстонии, фон Хольмсен — Францию и Бельгию, над ними фон Миллер, а еще над всеми фон Врангель»²⁵.

Несмотря на внутрисоюзные дразги, фон Лампе продолжал организационно оформлять свой отдел. 11 декабря 1924 г. было образовано совещание при начальнике отдела. В его состав вошли председатели воинских союзов в Германии — флота генерал-майор Г.Н. Папа-Федоров, Генерального штаба генерал-лейтенант А.И. Березовский, Генерального штаба генерал-майор Н.И. Глобачев, капитан 1-го ранга П.А. Новопашенный, секретарем совещания был назначен полковник фон Гагман. Также в состав совещания были назначены офицеры из Венгрии — председатель Союза русских офицеров в королевстве Венгрия полковник Л.Н. Соколов, председатель Общества галлиполийцев в Венгрии полковник Жуковский-Волынский и вице-председатель Союза русских офицеров в королевстве Венгрия полковник Э.Ф. Кариус²⁶.

Сами союзы в декабре 1924 г. представляли собой следующую картину. Самым многочисленным был Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии. Его председателем был флота генерал-майор Г.Н. Папа-Федоров, вице-председателями — генерал-майоры Н.А. Елагин и фон Лампе. Другим значимым союзом был Союз увечных воинов, председателем которого являлся Генерального штаба генерал-майор Н.И. Глобачев. При союзе имелось общежитие, расположенное на территории православного кладбища в Тегеле. Еще одним сплоченным сообществом был Союз взаимопомощи служивших в Российском флоте (председатель — капитан 1-го ранга П.А. Новопашенный, почетный председатель — вице-адмирал А.Г. Нидермиллер). Некоторые союзы прекратили свое существование, как, например, Союз офицеров Рейнской провинции, другие так и не смогли выбраться из зачаточного состояния. Кроме того, членство в со-

---

²⁴ Там же. Л. 112.

²⁵ Там же. Л. 151.

²⁶ См.: Там же. Л. 330.

юзах сопровождалось неким дуализмом — все члены Союза русских офицеров Генерального штаба в Германии одновременно состояли в Союзе взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии. Флота генерал-майор Г.Н. Папа-Федоров, председательствовавший в вышеуказанном Союзе взаимопомощи, одновременно являлся председателем суда чести в Союзе взаимопомощи служивших в Российском флоте.

Офицерские союзы предпринимали постоянные попытки более глубокой интеграции в немецкое общество, но этого удалось достичь лишь в части контактов с немецкими военными. Причем взаимопонимание было достигнуто не только на почве антибольшевизма, но и на уважении к армии противника по Первой мировой войне. Союз увечных воинов ежегодно проводил памятные мероприятия, на которых обязательно присутствовали члены Союза немецких инвалидов. Вместе с тем деятельность других союзов взаимопомощи внушала подозрения служащим немецкой полиции — они требовали протоколы собраний либо разрешения присутствовать на собраниях²⁷.

Эмигрантская жизнь была полна лишений и трудностей, численность союзов сокращалась, а общественная жизнь замирала. Так, в составе Союза русских офицеров Генерального штаба в Германии осталось лишь 15 человек: 11 — в Берлине, 3 — в Висбадене, 1 — в Дрездене. В январе 1925 г. генерал фон Лампе записал о собраниях союза: «Заседания офицеров Генерального штаба в Берлине все больше мельчают...»²⁸

С момента образования офицерских союзов они испытывали серьезные проблемы с финансированием. Руководство армии, а затем и РОВСа было вынуждено принимать и использовать любые поступления. Страны — союзницы по Антанте, вытянув все материально-технические активы белых армий, прекратили всякую помощь эмигрантам. Некоторое время Финансовая комиссия Королевства сербов, хорватов и словенцев ассигновала значительные суммы на содержание военных беженцев в 10 европейских странах. В 1922 г. сумма ассигнований составила 220 тыс. динар, из этой суммы членам союзов в Германии было выделено 10 тыс. динар²⁹. Ассигнования передавались официальным лицам союзов — председатели союзов получали 1650 динар, секретари — 550 динар.

Для получения дополнительных средств руководство отдела проводило балы. Нередко бал проводился сообща с другой русской организацией. Так, в начале 1925 г. отдел РОВСа и Студенческий союз совместно организовали и провели бал в Берлине. Расходы на бал составили 1750 марок, а доход 2250 марок³⁰. Таким образом, чистая прибыль от бала составила 500 марок.

20 марта 1925 г. председатели союзов и начальник II отдела генерал фон Лампе направили поздравления генералу Врангелю в связи с пятилетием пребывания его в должности главнокомандующего. В телеграмме офицеров-конногвардейцев были особо теплые слова: «Офицеры конной гвардии, находящиеся в Берлине,

²⁷ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 16. Л. 175.

²⁸ Там же. Д. 19. Л. 15.

²⁹ См.: ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

³⁰ См.: Там же. Д. 19. Л. 82.

шлют дорогому однополчанину к пятой годовщине командования славной Русской армией самые горячие поздравления и пожелания!»³¹

Между тем атмосфера в «русском Берлине» была далека от нормальной. Вечером 31 марта 1925 г. в квартиру генерала фон Лампе нагрянули трое сотрудников немецкой полиции, они арестовали генерала и изъяли более 100 документов и папок³². В этот же день прошли обыски и у других русских эмигрантов — С.Д. Боткина, Б.В. Андреева, А.А. Врангеля, А.О. Гамма, барона В.Л. Остен-Сакена, Н.Н. Субботина, Г.В. Шульце и у полковника фон Гагмана. Основанием для обыска послужил донос из кирилловских кругов и подделанное письмо Миллера к фон Лампе. Суть обвинений — эмигрантские организации управляются и финансируются из Франции, а значит, собирают информацию для французских спецслужб. Абсурдность и надуманность обвинений были настолько очевидны, что многие немецкие газеты вышли с материалами в защиту эмигрантов, к примеру газета «Дойче цайтунг» — с заметкой «Борьба против беззащитных русских»³³. Позднее к генералу фон Лампе явился с повинной один из составителей злополучного доноса. 4–6 апреля 1925 г. эмигрантам были возвращены все изъятые документы.

С годами поступление ассигнований сокращалось, а вместе с этим урезалась и смета II отдела. Из-за недостатка средств Союз офицеров был вынужден отказаться от своего помещения с 1 апреля 1925 г. и переехать в помещение управления отдела³⁴. В сентябре 1926 г. смета отдела составляла 153,74 немецкой марки (или 949 французских франков) в месяц, из них 899 франков выделяло руководство РОВСа, а 50 франков были частными пожертвованиями. В последующем смета продолжала урезаться, это привело к сокращению помощников фон Лампе, отпуску от помещений.

В мае 1925 г. русские эмигранты в Берлине были вновь растревожены: 4–11 мая в прусской прессе появились статьи депутата прусского ландтага Эдуарда Кенкеля «Русская эмиграция как политическая опасность для Германии»³⁵. Шумиха заставила прусскую полицию перейти к активным действиям против русских эмигрантов. 18 июля 1925 г. дела на С.Д. Боткина и А.А. фон Лампе были переданы в суд. Им было предъявлено обвинение в государственной измене³⁶. Учитывая всю серьезность ситуации, Боткин, фон Лампе и барон Ф.В. фон Шлиппе обратились с содержательной запиской к президенту и правительству Германской Республики. В своем меморандуме русские эмигранты разоблачили все выдвинутые против них обвинения, закончив его словами: «Вся эта гнусная газетная травля, которая выразилась в большом количестве статей в разных газетах, естественно, тревожит ответственных руководителей затронутых русских учреждений, стоящих на страже доброго имени своих организаций. Но с еще большей тревогой они учи-

³¹ Там же. Л. 166.

³² См.: Там же. Д. 20. Л. 12.

³³ См. об этом: Там же. Л. 23.

³⁴ См.: Там же. Л. 379.

³⁵ См. об этом: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 561.

³⁶ См.: Там же. Д. 21. Л. 63.

тывают то обстоятельство, что подобными действиями подрываются установившиеся хорошие отношения между широкими кругами русского беженства и германскими правительственными и общественными группами»³⁷. Авторы записки также обратились в ландтаг с просьбой снять депутатскую неприкосновенность с Кенкеля для подачи против него иска.

На волне сложностей с полицией генерал фон Лампе узнал, что великий князь не был доволен им как начальником отдела и летом 1925 г. готовил ему замену в лице генерала П.Н. Краснова. Однако генерал Врангель смог отстоять своего протеже, и все осталось без изменений. 15 июля 1925 г. в Берлине состоялось совместное заседание всех союзов, помимо обсуждения текущей обстановки был выбран новый состав судов чести на второе полугодие 1925 г. Дефицит бюджета сохранялся, и поэтому продолжались и сокращения в штате управления отделом: сначала был сокращен секретарь генерала фон Лампе — барон В. Каульбарс, а затем и помощник генерала — полковник А.А. фон Гагман.

К концу 1926 г. прекратил свое существование недавно образованный немецкий отдел Союза взаимопомощи офицеров технических и инженерных войск. Председателем отдела был генерал-майор В.В. Погосский, а в его рядах числилось всего лишь 10 человек. Зато существованию основных союзов почти ничего не грозило.

Численность Союза офицеров составляла 770 человек (по уставу организации в ней продолжали числиться члены, выбывшие за пределы Германии), при этом 20–25 человек проживали в общежитии. Председателем союза был избран генерал от инфантерии В.П. Роде (заменял умершего флота генерал-майора Г.Н. Папа-Федорова), в состав правления входили: генерал-майоры В.П. Бресслер, фон Лампе и Н.А. Елагин, полковники фон Гоерц и Купчинский, подполковник Наместник, капитан Розенбах, ротмистры Блесков и Каульбарс и доктор Аксенов; в суд чести — генерал-майоры Н.И. Глобачев, В.П. Бресслер, полковники фон Гагман, Доможиров, Беккер, П.П. Чайковский, фон Гоерц, Купчинский, подполковники Наместник, Хвалынский, ротмистры К.К. Кнорринг и Блесков, капитан Розенбах, мичман В.С. Касаткин; в ревизионную комиссию — Чайковский, Беккер, фон Гагман, Р.К. Баумгартен, капитан Воейков и мичман В.С. Касаткин.

В других союзах существенных изменений в руководстве и составе не было. В Союзе взаимопомощи служивших в Российском флоте числились 81 человек, около 20 из них постоянно проживали в Берлине. В рядах Союза увечных воинов насчитывалось 200 человек, включая инвалидов, проживающих в общежитии, и бывших сестер милосердия. Численность германского отдела Общества офицеров Генерального штаба составляла 13 человек, 9 из которых были генералами.

К концу 1927 г. становление и организационное оформление союзов было закончено, что и нашло отражение в письме генерала фон Лампе: «Необходимо прийти к выводу, что в Центральной Европе почти все офицерство стабилизировалось в союзах и все, что осталось вне их, либо политиканствует (кирилли-

³⁷ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 20. Л. 72.

сты, республиканцы, социалисты, сменовеховцы), либо настолько опустилось, что перестало быть похожим на офицера! Исключения в этом вопросе были наблюдаемы довольно редко! Все это касается главным образом именно Германии, так как в остальных странах II отдела число офицеров сравнительно мало, состав офицерства почти не меняется, и поэтому вопроса о новых приемах почти не существует»³⁸.

В сентябре 1927 г. П.Н. Врангель переехал в Брюссель, чтобы находится ближе к центру интриг — Франции. Переезд не улучшил его взаимоотношений с генералом Кутеповым и великим князем Николаем Николаевичем. Однако в Бельгии он стал более уязвим для врагов. Последствия этого не заставили себя ждать. 18 марта 1928 г. генерал Врангель неожиданно и тяжело заболел воспалением легких и скончался в 9 утра 25 апреля 1928 г. Генерал фон Лампе тяжело переживал болезнь Врангеля. Лампе и его единомышленники нашли в Германии врача высокой квалификации и направили к Врангелю, но врач не успел прибыть. Причина смерти барона не была точно установлена. По мнению близкого знакомого Врангеля профессора И.П. Алексинского, неизвестная инфекция вызвала скрытый туберкулез в левом легком. При вскрытии в теле генерала было найдено большое количество туберкулезных палочек, имевших внешнее происхождение и которые могли появиться при условии отравления пищи туберкулином³⁹.

В Берлине генерал фон Лампе подготовил и провел панихиды по главнокомандующему, а 22 мая Врангеля поминала почти вся русская эмигрантская община, украинцев представлял секретарь гетмана П.П. Скоропадского С. Шемет⁴⁰.

Новым председателем РОВСа великий князь Николай Николаевич назначил генерала А.П. Кутепова. Стоит сказать, что это назначение изрядно взволновало генерала фон Лампе — между ним и Кутеповым уже давно существовало недопонимание. Более того, новое руководство РОВСа всерьез планировало заменить фон Лампе в должности начальника отдела. Оказавшись в непростой ситуации, фон Лампе не сложил рук и продолжал исполнять свои обязанности.

В своих письмах к Кутепову генерал фон Лампе пытался донести, что сложившееся положение в воинских союзах необходимо сохранить: «Существующий скелет воинских организаций, несомненно, приносит русскому офицерству огромную пользу, в мере возможной сплачивая его и не только оказывая ему сильную помощь материально и в столкновениях с местной властью, но и не давая ему разлагаться, к чему, как известно, общее настроение русского беженства имеет склонность»⁴¹.

Период руководства Кутепова РОВСом имел ряд существенных особенностей, в том числе и во II отделе. В первую очередь в РОВСе была усилена антисоветская работа и сбор разведывательных сведений. Усилилось влияние первопоходников и галлиполийцев — ведь новый председатель союза был тесно связан с этими ор-

---

³⁸ Там же. Д. 20. Л. 254.

³⁹ См.: *Голдин В.И.* Солдаты на чужбине: Русский общевоинский союз, Россия и русское зарубежье в XX–XXI веках. Архангельск, 2006. С. 139.

⁴⁰ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

⁴¹ Там же. Д. 34. Л. 66.

ганизациями. В связи с этим в Берлине было образовано представительство Союза первопоходников, которым руководил полковник В.К. Леонтович. Примерно в это же в Германии начал организовываться Союз георгиевских кавалеров.

26 января 1930 г. ИНО ОГПУ нанесло очередной удар по Русскому общевоинскому союзу — при таинственных обстоятельствах в Париже исчез генерал Кутепов. Позже станет известно, что генерал умер от сердечного приступа, который спровоцировал морфий, введенный сотрудниками ОГПУ. Новым председателем РОВСа стал генерал-лейтенант Е.К. Миллер.

Несмотря на большевистский террор, РОВС продолжал расти и крепнуть, а с ним и германский отдел, руководить которым продолжал генерал-майор фон Лампе. К началу 1930-х гг. отдел имел следующую структуру:

- Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии — председатель Генерального штаба генерал-майор В.П. Бреслер;
- Общество офицеров Генерального штаба — председатель генерал-лейтенант А.И. Березовский;
- Центральный союз русских увечных воинов — председатель генерал-майор Н.И. Глобачев;
- Союз взаимопомощи служивших в Российском флоте — председатель капитан 1-го ранга П.А. Новопащенко;
- отдел Общества взаимопомощи бывших кадет 1-го кадетского корпуса — председатель генерал-майор барон А.А. Врангель;
- «Петровская бригада» — берлинское объединение бывших офицеров лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков — председатель генерал от инфантерии фон Роде;
- Общество офицеров Конной гвардии — председатель полковник барон К.К. Багге аф Боо.

Несмотря на наметившийся рост количества членов объединения и увеличение нагрузки на председателя отдела, смета отдела продолжала урезаться и весной 1931 г. составляла уже только 82 марки (500 франков) в месяц.

РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ В 1933–1939 гг.

Жизнь русской эмиграции в Германии существенно изменилась после назначения 30 января 1933 г. лидера Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) на должность рейхсканцлера. Для эмигрантов с либерально-демократическими взглядами находиться далее в Германии стало опасно. Р.Б. Гуль (кстати, прибывший в Германию в качестве военного беженца) писал: «3 января 1919 года Господь Бог унес меня от ленинского тоталитаризма в свободную Германию. А 3 сентября 1933 года — от гитлеровского — в свободную Францию»⁴². При этом Гуль уехал из Германии уже после заключения в концентрационном лагере Ораниенбург. Были арестованы и другие, более лояльные к нацистскому режиму

⁴² Гуль Р. Я унес Россию: В 3 т. Н. У., 1981. Т. 1: Россия в Германии. С. 364.

русские офицеры, например состоявший в Союзе взаимопомощи офицеров полковник А.К. Энгельгард⁴³.

Триумф нацистов добавил головной боли генералу фон Лампе: уже и ранее среди русского офицерства были популярны идеи национал-социализма и фашизма, а теперь даже здравомыслящие офицеры и генералы стали высказываться в пользу этих движений. Некоторые русские офицеры (особенно немецкого происхождения) стали вступать в НСДАП и различные национал-социалистические организации. Руководство отдела всячески занижало количество таких лиц и давало им самую нелестную оценку: «В среде национал-социалистов немало русских, и на 90 % — это наши отбросы», — писал генерал фон Лампе генералу Е.К. Миллеру 6 февраля 1933 г.⁴⁴ Наряду с членством в немецких организациях среди русского офицерства возобновились попытки образовать русскую национал-социалистическую организацию.

В марте 1933 г. полковник В.Ф. Фролов и еще 14 офицеров были приглашены на прием к полковнику Геллингу, одному из руководителей немецкой ветеранской организации «Стальной шлем». На приеме Геллинг выразил сочувствие русским эмигрантам и выразил надежду на скорую победу над большевизмом, а пока предложил русским вступать в «Стальной шлем». Отчитываясь о встрече, в письме генералу Миллеру Фролов сообщал: «Среди наших офицеров, с которыми мне приходится встречаться, царит глубокое возбуждение. Некоторые из них по собственному почину собираются записаться в партию национал-социалистов; другие добровольно предложили полиции свои услуги и успешно помогают вылавливать а) русских коммунистов как из советских подданных, так и б) предателей среди эмиграции»⁴⁵.

Нацисты с большим подозрением отнеслись к деятельности эмигрантского представительства — Бюро ответственного по делам русских беженцев, руководил которым бывший российский посланник С.Д. Боткин. Под давлением полиции он был вынужден покинуть Германию.

5 августа 1934 г. представители воинских организаций присутствовали на панихиде по скончавшемуся президенту Германии фельдмаршалу фон Гинденбургу. В ноябре 1934 г. стараниями фон Лампе и всей эмигрантской колонии на кладбище в Тегеле был установлен памятник погибшим в Первую мировую войну русским солдатам. На открытие памятника явилась немецкая ветеранская депутация со знаменем и венком, зато отсутствовали представители ветеранской организации армии П.Р. Бермонт-Авалова⁴⁶.

В июле 1936 г. генерал Бискупский был назначен начальником Управления по делам русской эмиграции в Германии (УДРЭ). Его ближайшими сотрудниками стали уже известные нам С.В. Таборицкий и П.Н. Шабельский-Борк.

Корреспондент журнала «Часовой», ранее писавший, что эмигранты растворяются в Берлине, в августе 1936 г. писал об уважительном отношении немецких

---

⁴³ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 51а. Л. 88.

⁴⁴ Там же. Л. 35.

⁴⁵ Там же. Л. 51.

⁴⁶ См.: Там же. Д. 56. Л. 93.

чиновников к эмигрантам: «Все русские, проживающие в Германии, чувствуют твердую почву под ногами. В случае отсутствия работы немедленно попадают в регистрацию безработных и получают пособие и помощь натурой (вещами и продуктами)»⁴⁷.

Как ранее упоминалось, в Германии в рядах РОВСа были объединены разрозненные группы офицеров, не сохранившие регалий своих частей. Исключение составлял союз «Балтиккампфер», организованный из чинов армии П.Р. Бермонт-Авалова и державшийся особняком от РОВСа. Поэтому, в отличие от других отделов РОВСа, где осели полковые группы и имелись флаги или знамена частей, II отдел испытывал острую необходимость в обретении своего символа. Генерал фон Лампе направил соответствующий запрос председателю РОВСа и всячески развивал эту тему в дальнейшем. В конце 1937 г. отдел получил из Югославии знамя неизвестного пехотного полка образца 1860 г. Знамя было далеко не в лучшем состоянии, и фон Лампе пришлось отдавать его на реставрацию.

30 января 1938 г. в гимнастическом зале немецкой школы напротив помещения Российского Красного Креста состоялось торжественное прибивание знамени к древцу⁴⁸. На церемонии священник А.Д. Шокотов отслужил молебен, затем началась процедура забивания гвоздей. Два последних гвоздя забила генерал фон Лампе и С. Таборицкий. Затем знамя было передано знаменосцу отдела — штабс-ротмистру В.Н. Влезкову, бывшему адъютанту генерала Врангеля, лишившемуся левой руки в годы Гражданской войны.

29 апреля 1938 г. генерал Архангельский, опасаясь, что он повторит судьбу своих предшественников, информировал генерала фон Лампе, что в случае своей гибели поручает последнему принять руководство РОВСом⁴⁹. 8 мая 1938 г. члены отдела собрались на панихиде по генералу Врангелю на русском кладбище Тегель, 30 июля 1938 г. — на панихиде по случаю 25-летия вступления России в Первую мировую войну.

22 октября 1938 г., после длительных консультаций с немецкими чиновниками и председателем Русского общевоинского союза, II отдел приказом по союзу № 36 был преобразован в Объединение русских воинских союзов (ОРВС) с генералом фон Лампе во главе⁵⁰. До чинов отдела эта информация была доведена приказом фон Лампе за № 189 от 24 октября 1938 г. 28 октября в помещении Управления по делам русской эмиграции состоялось общее заседание представителей всех воинских союзов и организаций Германии. В ходе заседания все воинские эмигрантские организации (в том числе и ранее не входившие в РОВС) были поставлены перед выбором — войти в ОРВС или самораспуститься. В ОРВС незамедлительно вошли союзы, состоявшие в германском отделе РОВСа: Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии, Союз взаимопомощи служивших в Российском флоте, Союз бывших русских офицеров Генерального штаба, Русская военная группа. Позже присоединились

⁴⁷ *Очевидец*. Из жизни русских в Германии // Часовой (Париж). 1936. 15 нояб. № 178. С. 19.

⁴⁸ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 64. Л. 42.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 293.

⁵⁰ См.: Там же. Д. 65. Л. 96.

Берлинская общеказачья станица (15 декабря 1938 г.) и Традиционная группа Западной добровольческой армии П.Р. Бермонт-Авалова (март 1939 г.). От вступления уклонились лишь монархическая группа капитана А.И. Секерка-Байбуса (42 человека) и казаки-самостийники (около 300 человек). В структуре ОРВС каждый упомянутый союз стал отделом. Председатели союзов становились начальниками отделов, которые назначались и снимались приказами генерала фон Лампе. В Берлинской общеказачьей станице атаман выбирался собранием станичников, а затем утверждался начальником ОРВС. Не вошел в состав ОРВС Союз русских увечных воинов в Германии, который финансировался Красным Крестом.

На заседании также было принято решение создать комиссию для разработки устава ОРВС, в ее состав были предложены генералы В.П. Бресслер и Ф.Е. Арцишевский, а также капитан 1-го ранга П.А. Новопащенный⁵¹.

Согласно уставу (утвержден немецким судом лишь 7 сентября 1939 г.) «объединение не является политической организацией и не преследует политических целей. Задачами объединения являются: а) поддержание воинской дисциплины и товарищества среди русских военных; б) укрепление научных знаний среди своих членов; в) организация лекций и докладов; г) устройство концертов, спектаклей, балов и т. д.»⁵². Знамя отдела стало знаменем ОРВС.

При начальнике ОРВС действовал совет из начальников отделов и уполномоченных лиц, а также суд чести, руководствовавшийся «Сводкой руководящих указаний по организации и деятельности Судов чести», принятой в РОВСе в 1932 г.

Несмотря на тотальный государственный контроль всех общественных организаций в Германии, устав ОРВС оставлял относительную свободу своим корпоративным членам: «Внутренняя жизнь союзов и организаций, входящих в объединение, нормируется уже существующими у них уставами, а также обычаями и традициями бывшей Российской армии и флота»⁵³.

Основной причиной создания ОРВС можно считать потребность в установлении более жесткого контроля за жизнью военной эмиграции. Так, к примеру, генерал фон Лампе был обязан дважды в месяц докладывать Бискупскому об изменениях, произошедших в жизни объединения. Позже периодичность докладов сократилась до раза в месяц.

26 января 1939 г. на собрании Союза офицеров в Берлине полковник К.В. Семчевский объявил о скором открытии Специальных курсов теоретической военной подготовки. В марте 1939 г. в состав ОРВС вошла Русская военная группа капитана 1-го ранга Б.И. Бока (заместитель — полковник барон Н.Б. Мейендорф), состоявшая из 24 офицеров-кирилловцев. Чуть позже к этой группе присоединился капитан 2-го ранга князь С.Г. Романовский, герцог Лейхтенбергский⁵⁴.

---

⁵¹ См.: Там же. Л. 109.

⁵² Там же. Д. 68. Л. 19.

⁵³ Там же. Л. 20.

⁵⁴ См.: Там же. Л. 33.

9 апреля 1939 г. приказом генерала фон Лампе были образованы Специальные курсы по теоретической военной подготовке. Начальником курсов был назначен полковник Семчевский, его помощником и секретарем — поручик Циммерман⁵⁵. Как и прежде, союзы проводили лекции и делали доклады. Особый интерес вызвал состоявшийся 18 апреля 1939 г. в собрании Союза офицеров доклад В.А. Ларионова «Мария Захарченко и ее группа», на который явилось до 70 человек, в том числе много молодежи. Для сравнения: другие лекции ОРВС посещало не более 25 человек⁵⁶.

Берлинская общеказачья станица приняла деятельное участие в обсуждении конфликта за атаманскую булаву Донского войска. В данном конфликте станица встала на сторону атамана генерала графа Граббе и отвергла и осудила претензии генерала П.Х. Попова. Представителем донского атамана в Берлине являлся генерал Ю.Е. Макаров⁵⁷.

В воздухе Европы уже пахло порохом, но еще до начала войны эмигрантов ждало серьезное потрясение. Как гром среди ясного неба грянула весть о подписании 23 августа 1939 г. Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом. В один миг антикоммунистическая Германия превратилась в союзника СССР. Таких потрясений русская эмиграция давно не испытывала.

ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К началу Второй мировой войны руководить ОРВС продолжал генерал-майор А.А. фон Лампе; его заместителем был генерал-лейтенант Генерального штаба А.И. Березовский; знаменщиками объединения — штабс-ротмистр Влезков, полковники С.А. Швецов 3-й и Б.Я. Добровольский (из группы Б.И. Бока). В основной состав суда чести входили: полковник фон Гагман, капитан 1-го ранга П.А. Новопашенный, генерал-майор Н.И. Глобачев, полковник А.И. Крыжановский, ротмистр А.С. Андреевский 1-й, полковник А.И. Вольский, в запасные — полковник барон Багге аф Боо, капитан 2-го ранга С.С. Ключарев, генерал-майор Бреслер, есаул М.И. Зарецкий, штабс-ротмистр В.В. Трофимов и полковник Н.Г. Ульянов.

В этот период ОРВС имел следующую структуру:

- Союз взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота в Германии (1-й отдел) — начальник генерал-майор Бреслер;
- Союз взаимопомощи служивших в Российском флоте (2-й отдел) — начальник капитан 1-го ранга П.А. Новопашенный;
- Союз бывших русских офицеров Генерального штаба (3-й отдел) — начальник генерал-лейтенант Генерального штаба А.И. Березовский;
- Берлинская общеказачья станица (4-й отдел) — начальник полковник Попов;
- Русская военная группа (5-й отдел) — начальник капитан 1-го ранга Б.И. Бок;

⁵⁵ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 64. Л. 35.

⁵⁶ См.: Там же. Л. 36, 32.

⁵⁷ См.: ГА РФ. Ф. 9101. Оп. 1. Д. 13. Л. 124.

- Традиционная группа Западной Добровольческой армии — «Балтикум-кемпфер» (6-й отдел) — начальник генерал-майор Ф.Е. Арцишевский (заместитель — полковник Вольском)⁵⁸.

1 сентября 1939 г. грянула Вторая мировая война — Германия напала на Польшу. Уже 2 сентября 1939 г. А.А. фон Лампе издал приказ по ОРВС, в котором подчеркивалось, что Германия оказала гостеприимство российским эмигрантам в сложный период борьбы с большевизмом. Поэтому «долг признательности» требовал от русских эмигрантов быть исключительно лояльными к германским властям и оказывать им помощь, оставаясь в то же время «верными нашим основным принципам»⁵⁹.

Между тем начальником ОРВС было объявлено, что с 1 сентября 1939 г. чины объединения в Германии смогут обучаться в Школе заочного обучения. Программа обучения в школе была рассчитана на один год. Директором школы был назначен корнет К.Г. Белоусов. Начальник ОРВС ставил перед школой следующие задачи:

- подготовить слушателей к административной деятельности по восстановлению национально-правовой государственности в освобожденной России;
- дать слушателям основные понятия по вопросам экономики и политики СССР и иностранных государств;
- напомнить слушателям важнейшие события российской истории, дать основные сведения о правовом и политическом устройстве России в дореволюционный период.

Программа обучения включала в себя три курса (в документах ОРВС — отделы). Юридический курс включал в себя энциклопедию права, историю философии права, государственное право, административное право, политическую экономию и экономическую политику (по каждой дисциплине пособие из 10 лекций). Исторический курс включал в себя следующие предметы: история русского права (5 лекций), история России (5 лекций), внешнее и внутреннее положение России между революциями 1905 и 1917 гг. (5 лекций), идейные течения и политические партии в дореволюционной России (5 лекций), причины революции (5 лекций). Политический включал предметы: государство с парламентарно-демократическим строем (5 лекций), политический строй европейских и азиатских государств (5 лекций), итальянский фашизм (5 лекций), немецкий национал-социализм (5 лекций), опыты Салазара и Рузвельта (5 лекций). Итого в учебную программу входило 15 предметов и дисциплин, всего 100 лекций общим объемом 1000 страниц. Учебный материал требовалось приобретать за свой счет. Плата за обучение составляла 8 американских долларов за годовой курс, 4 доллара при записи вперед. В конце обучения сдавались письменные экзамены — три самостоятельные работы (по одной теме из каждого курса)⁶⁰.

В отличие от других европейских стран (Франции, Бельгии и Югославии) после начала войны русские эмигранты не предоставляли себя в распоряжение во-

⁵⁸ В группе Арцишевского насчитывалось 188 человек. См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 26, 30.

⁵⁹ См.: ГА РФ. Ф. 5845. Оп. 1. Д. 4. Л. 114.

⁶⁰ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 88–89.

оруженных сил страны проживания и не вступали добровольцами в армию. Тем не менее эмигранты призывного возраста, получившие немецкое гражданство, призывались в армию наравне с немцами. В октябре 1939 г. в Берлине состоялись похороны первого русского эмигранта, погибшего в рядах немецкой армии на Западном фронте, Михаила Медема. Он был сыном барона М.М. Медема, который в 1920-х гг. материально поддерживал Союз взаимопомощи офицеров. Весь трагизм ситуации хорошо описал генерал фон Лампе: «Ничего нет удивительного в том, что кое-кто из нашей молодежи переходит в германское подданство, так как им надо жить и применяться к стране, но ярко выступает нелепость смерти русского мальчика в борьбе немцев против французов»⁶¹.

В мае 1939 г. к ОРВС присоединился Союз русских воинских организаций (СРВО, ранее VI отдел РОВСа), образованный на территории бывшей Чехословакии. В соответствии с приказом по ОРВС № 15 от 5 ноября 1939 г. СРВО стал Юго-Восточным отделом ОРВС. Его начальником был назначен капитан 1-го ранга Я.И. Подгорный, заместителем начальника — генерал-майор В.Г. Харжевский⁶².

В ноябре 1939 г. начальник курсов по теоретической военной подготовке полковник Семчевский переехал на постоянное место жительства в Вену. Начальником Специальных курсов был назначен поручик Циммерман, а его помощником — полковник В.И. Калишевский, имеющий аттестат об успешном окончании Зарубежных курсов генерала Н.Н. Головина.

Учитывая реалии начавшейся войны, руководство ОРВС выступило с проектом организации в Берлине курсов для русских санитаров и медсестер. Кроме того, ОРВС принимал участие в организации сборов в пользу берлинской амбулатории Красного Креста. В декабре 1939 г. фон Лампе в письме сообщал великой княжне Вере Константиновне, что Л.М. Триденская осуществила постановку пьесы А.Н. Островского «Не все коту масленица» в пользу амбулатории. На нужды амбулатории также передавалось 35 % ежедневных сборов с одной из тарелок в православном соборе Берлина, что давало около 400 марок в год⁶³.

В конце 1939 г. капитан 2-го ранга Б.И. Бок обвинил начальника Юго-Восточного отдела ОРВС капитана 1-го ранга Подгорного в самозванстве и в симпатиях к левым. Разгорелся скандал, и в декабре 1939 г. Б.И. Бок вышел из ОРВС. Новым начальником Военной группы стал полковник Б.Я. Добровольский⁶⁴. 12 декабря 1939 г. приказом по ОРВС № 17 был образован «Резерв ОРВСоюзов» для пожилых и малоактивных членов объединения.

В связи с походами и победами 1938–1941 гг. под властью Германии оказались территории, на которых существовали I (Франция), IV (Югославия), V (Бельгия), VI (Чехословакия) отделы РОВСа. В связи с этим наметилась лидирующая роль ОРВС и его начальника, которую понимал и председатель РОВСа. Учитывая обстоятельства, генерал А.П. Архангельский обратился к фон Лампе с предложением принять на себя руководство бельгийским и югославским отделами РОВСа.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 151.

⁶² См.: Там же. Л. 1.

⁶³ См.: Там же. Л. 155.

⁶⁴ См.: Там же. Л. 85.

Генерал фон Лампе провел предварительный зондаж в немецких инстанциях и доложил результаты Архангельскому. Имперское управление безопасности (РСХА) одобрило этот проект, а вот военное командование — нет⁶⁵.

После раздела Польши между СССР и Германией на территории, отошедшей к Третьему рейху (так называемое Генерал-губернаторство), началось бурное создание русских офицерских организаций. Ранее правительство Польши всячески препятствовало организации на своей территории русских офицерских организаций. В апреле 1940 г. в соответствии с приказом № 22 ОРВС имело следующую структуру:

- 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й отделы в Берлине — начальники как прежде;
- 7-й отдел (на бывшей территории Польши, отошедшей к Германии — Вартагау, Данциг, Позен, Литцманнштадт, Калиш) — начальник полковник Д.И. Ходнев;
- Восточный отдел (Генерал-губернаторство) — начальник генерал-майор Л.М. Ерогин;
- Юго-Восточный отдел (Словакия и Протекторат Богемия и Моравия) — начальник капитан 1-го ранга Подгорный;
- Южный отдел (Венгрия) — начальник капитан М.М. Кологривов;
- отдельные представительства ОРВС в Лейпциге, Латвии, Литве и Эстонии⁶⁶.

Таким образом, под властью фон Лампе оказались почти все русские воинские организации в странах Центральной Европы, но, как говорится, аппетит приходит во время еды: 10 апреля 1940 г. фон Лампе предложил председателю Союза офицеров в Копенгагене Генерального штаба генерал-майору С.Н. Потоцкому вступить в ОРВС и образовать Северный отдел.

19 апреля 1940 г. была окончена программа обучения на Специальных курсах по теоретической военной подготовке, вместо планируемых 12 месяцев они растянулись на 13 с половиной, в течение которых было сделано 70 докладов. На курсы записалось 23 члена ОРВС, а смогли завершить их лишь 13⁶⁷. 30 ноября планировалось начать следующий курс.

21 мая 1940 г. приказом № 25 в Вене из Русского воинского союза был образован очередной отдел ОРВС, его начальником был назначен полковник С.С. Гершельман. Летом 1940 г. в связи с оккупацией Прибалтики закрылись представительства ОРВС в Ревеле (Эстония), Риге (Латвия) и Ковно (Литва).

Война тем временем набирала обороты. Эмигранты призывного возраста и имеющие немецкое гражданство все чаще призывались в вермахт. Так, поручик Циммерман был призван на действительную военную службу в немецкую армию в звании лейтенанта⁶⁸.

15 сентября 1940 г. уже долго просившийся на покой атаман берлинской казачьей станицы наконец был перевыбран. Новым атаманом был избран полковник

⁶⁵ См.: Там же. Л. 156.

⁶⁶ См.: Там же. Л. 172.

⁶⁷ См.: Там же. Л. 176.

⁶⁸ См.: Там же. Л. 187.

А.И. Крыжановский, помощниками атамана — Парамонов (младший) и Зарецкий, казначеем — Бублеев, старшим писарем — Перцев. В связи с образованием Общеказачьего объединения в Германской империи, Словакии и Венгрии и вхождением Берлинской станицы в ОРВС возникла довольно щекотливая ситуация, способная омрачить взаимоотношения двух организаций. Однако генерал фон Лампе достиг полного взаимопонимания с атаманом Общеказачьего объединения генерал-лейтенантом Е.И. Балабиным.

Из-за массового призыва на службу военнообязанных немецкие фабрики и заводы стали пустеть. Эту проблему руководство Германии надеялось решить с помощью привлечения в Германию иностранных рабочих как из оккупированных, так и не из оккупированных стран. Среди прибывающих в Германию иностранцев были и эмигранты, в свою очередь, среди эмигрантов имелись и офицеры — чины РОВСа. Многие офицеры не хотели терять связи с командованием РОВСа и обращались с соответствующими запросами в ОРВС. В ответ на многочисленные обращения генерал фон Лампе издал распоряжение № 551 от 5 ноября 1940 г. В распоряжении фон Лампе требовал от желающих немедленной регистрации в штабе ОРВС и заполнения трех анкет с фотокарточками: одной на русском — для ОРВС, двух на немецком — для УДРЭ⁶⁹. Поскольку отделы ОРВС имелись лишь в некоторых крупных городах, фон Лампе распорядился организовывать представительства ОРВС в промышленных центрах, где находились русские офицеры-эмигранты, прибывшие в Германию.

В декабре 1940 г. Военная группа (5-й отдел ОРВС) была расформирована из-за своей малочисленности, ее командир полковник Добровольский поступил в распоряжение начальника ОРВС, а номер был передан отделу ОРВС в Вене с 15 декабря 1940 г.

В новом 1941 г. ряды ОРВС продолжали пополняться за счет РОВСа. В феврале 1941 г. к ОРВС по согласованию с председателем РОВСа присоединилась Воинская группа в Люксембурге. В ОРВС группа стала Западным отделом, начальником которого был назначен полковник Я.В. Эбен. Таким образом, в рядах ОРВС оказалось 11 отделов, объединяющих в своих рядах 35 организаций. Помимо этого были образованы представительства ОРВС в Бурге, Марле, Ганновере, Биттерсфельде, Эккфелде и Ландсберге⁷⁰. В марте 1941 г. были образованы новые представительства в городе Штеттин и в местечке Лейна, а представительство в Эккфелде было упразднено.

Будучи уверенным в скором советско-германском конфликте, генерал фон Лампе 21 мая 1941 г. направил главнокомандующему германской сухопутной армией генерал-фельдмаршалу Вернеру фон Браухичу письмо, в котором выражал уверенность в неизбежности боевого столкновения между Германией и Советским Союзом и заявлял о готовности российской военной эмиграции участвовать в борьбе против коммунистов: «Русские военные эмигранты с первого дня героической борьбы Германии за свое существование с глубоким вниманием при-

⁶⁹ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 198.

⁷⁰ См.: Там же. Л. 213–214.

сма­три­ва­ют­ся к со­бы­ти­ям, свя­зан­ным с этой борь­бой, и, не считая себя в праве ска­зать свое сло­во, все­ми си­ла­ми ста­ра­ют­ся за­ме­нить ушедших в армию на фронт бой­цов на их долж­но­стях в дале­ком тылу, хотя бы в не­боль­шой степе­ни при­нять уча­стие в борь­бе Гер­ма­нии про­тив Англии, ве­ко­вого вра­га На­ци­ональ­ной Рос­сии. Для нас нет ни­ка­ких сом­не­ний в том, что по­след­ний пе­ри­од борь­бы вы­ра­зит­ся в воен­ном столк­но­ве­нии Гер­ма­нии с Со­ю­зом Со­вет­ских Со­ци­али­сти­че­ских Рес­пуб­лик. Это неиз­бе­жно уже в силу того, что ком­му­ни­сти­че­ская власть, сто­ящая сей­час во гла­ве нашей Ро­дины, ни­когда не сдер­жит <ни> своих до­гово­ров, ни своих обе­щаний уже по са­мой своей ком­му­ни­сти­че­ской су­щности. Мы твердо ве­рим, что в этом воен­ном столк­но­ве­нии доб­лест­ная гер­ман­ская ар­мия будет бор­от­ся не с Рос­сией, а с овла­де­вшей ею и губящей ее ком­му­ни­сти­че­ской властью Со­вета на­род­ных комис­саров, мы ве­рим в то, что в ре­зуль­тате этой борь­бы при­дет мир и бла­го­по­лу­чие не толь­ко для Гер­ма­нии, но и для На­ци­ональ­ной Рос­сии, вер­ными ко­торой оста­лись мы, по­ли­ти­че­ские рус­ские из­гнан­ники, за все двад­цать лет на­шего пре­бы­ва­ния вне Ро­дины. Мы ве­рим так­же, что в ре­зуль­тате борь­бы, ко­торую ве­дет Гер­ма­ния, ро­дится союз между Гер­ма­нией и На­ци­ональ­ной Рос­сией, ко­торый и обе­спечит мир в Ев­ро­пе и про­цветание Ва­шего и на­шего Оте­чества»⁷¹.

2 июня 1941 г. ге­не­рал фон Лам­пе в при­казе № 40 по ОРВС обя­вил, что с 7 по 22 июня 1941 г. бу­дет на­хо­диться в от­пус­ке. Од­на­ко уже 4 июня 1941 г. в Бер­лин на со­ве­щание бы­ли вы­званы на­чаль­ник Вос­точ­ного от­дела ОРВС ге­не­рал-май­ор Трусов и его на­чаль­ник шта­ба ка­пи­тан Б.А. Смысловский⁷². 13 июня 1941 г. в Данциге пред­ста­ви­тели немец­кой ар­мии собра­ли рус­ских эми­грантов и пред­ложили по­след­ним всту­пать в немец­кие ча­сти на долж­ности пе­ре­вод­чи­ков, при этом пред­по­чтение от­да­валось бы­в­шим воен­но­слу­жащим. Из при­сут­ство­вав­ших доб­ро­воль­цами за­пи­сались 40 че­ло­век, в том числе на­чаль­ник 7-го от­дела пол­ков­ник Ходнев⁷³. 16 июня 1941 г. ге­не­рал фон Лам­пе при­казом по ОРВС № 41 со­об­щил, что дос­ро­чно воз­вра­щается из от­пус­ка и при­сту­пает к ис­пол­не­нию обя­зан­ностей, а даль­ше... Даль­ше была война.

Ранним ут­ром 22 июня 1941 г. ча­сти немец­кой ар­мии втор­глись в СССР. Среди пе­редовых немец­ких ча­стей (ди­вер­сион­ных) на­хо­дилось не­сколь­ко де­сят­ков бе­лоэми­грантов. Втор­жение вы­звало са­мые раз­ные эмо­ции в среде рус­ских эми­грантов. Ми­тро­полит За­пад­но-Ев­ро­пей­ский Се­ра­фим (Лу­кьянов) и ар­хи­е­пис­коп Бер­лин­ский и Гер­ман­ский Се­ра­фим (Ля­де) при­вет­ство­вали втор­жение немец­ких войск в СССР. Гла­ва рос­сий­ского им­пе­ра­тор­ского до­ма ве­ли­кий князь Вла­ди­мир Ки­рил­ло­вич при­звал своих сто­рон­ни­ков со­дей­ство­вать свер­же­нию боль­ше­ви­ст­ской вла­сти. Ли­деры ка­за­чества — дон­ской ата­ман граф М.Н. Граб­бе и ге­не­рал-лей­тенант Е.И. Ба­ла­бин — при­вет­ство­вали втор­жение нем­цев в СССР. Стоит за­метить, что кру­ги, близ­кие к РОВС и ОРВС, в целом по­зи­тивно вос­при­няли на­па­дение нем­цев. Но бы­ли в среде эми­грантов и те, кто с боль­ю и воз­му­ще­нием вос­при­нял новость о на­па­дении Гер­ма­нии на СССР. Их по­зи­ция за­слу­живает от­дельного рас­смот­рения, что не­воз­можно в ра­мках на­сто­ящего ис­сле­до­вания.

---

⁷¹ ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 234. Л. 1.

⁷² См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 228.

⁷³ См.: Там же. Л. 227.

Уже с первых дней войны по рапортам начальников отделов генерал фон Лампе вел строгий учет офицеров, отправлявшихся в действующую армию, а также докладывал их количество генералу В.В. Бискупскому. Начало войны положило конец хрупкому миру, царившему между ОРВС и вынужденной примкнуть к нему Традиционной группой Западной добровольческой армии. Глава группы (отдела ОРВС) генерал Арцишевский уже давно игнорировал требования фон Лампе о докладах, а с началом войны он, по словам генерала фон Лампе, «окончательно сепарировался»⁷⁴.

29 июня и 6 июля 1941 г. в Берлине состоялись собрания казаков-самостийников, на которых присутствовали и представители Берлинской общеказачьей станицы. В ходе собраний самостийники призвали казаков станицы присоединяться к ним, а также сообщили, что представители гетмана П.П. Скоропадского обещали признать будущую Казакию самостийной казачьей державой. Однако уговоры сепаратистов не нашли отклика в казачьих сердцах. 27 июля 1941 г. в связи с прибытием в промышленный район местечка Лейна значительного числа офицеров из Франции и Бельгии приказом по ОРВС № 45 на территории района был образован 8-й отдел объединения⁷⁵. Начальником отдела был назначен генерал-майор А.А. Куявский. В состав отдела вошли русские воинские группы в Лейне, Биттерфельде, Ганновере, а также все чины ОРВС в Лейпциге и Марле. Представительства, ранее существовавшие на территории данного района, были упразднены.

Чины ОРВС продолжали отправляться на советско-германский фронт, преимущественно в качестве переводчиков. 10 августа 1941 г. в бою под Рославлем погиб первый член объединения вольноопределяющийся (по ОРВС) Владимир Григорьевич Новицкий, состоявший в Восточном отделе. Его смерть была позже отражена генералом фон Лампе в приказе по объединению за № 48, в нем погибший был назван «первой жертвой объединения в возобновившейся борьбе против коммунистов, захвативших Россию...»⁷⁶.

17 августа 1941 г. генерал фон Лампе получил ответ от генерал-фельдмаршала фон Браухича, в котором говорилось, что «в настоящее время чины Объединения не могут быть применены в германской армии»⁷⁷. В этот же день фон Лампе издал приказ № 46, в котором разрешил чинам ОРВС вступать в немецкую армию в индивидуальном порядке (напомним, данная практика существовала еще до начала советско-германской войны). При этом фон Лампе предписывал чинам ОРВС поддерживать связь со своими начальниками независимо от места и характера службы, а начальникам вести строгий учет офицеров, отбывших на фронт или в армию⁷⁸.

28 сентября 1941 г. состоялся очередной сбор Берлинской казачьей станицы, на котором атаман полковник А.И. Крыжановский сложил с себя полномочия по болезни (полковнику было более 80 лет). Исполняющим должность атамана был

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 234–235.

⁷⁵ См.: Там же. Л. 242.

⁷⁶ Там же. Л. 250.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 69. Л. 244.

⁷⁸ См.: ГА РФ. Ф. 10015. Оп. 1. Д. 234. Л. 2.

избран представитель донского атамана в Берлине генерал-майор Ю.Е. Макаров, что было закреплено соответствующими приказами генералов Балабина и фон Лампе.

Приказом № 49 от 29 октября 1941 г. из чинов 2-й кавалерийской бригады, проживающих на территории Нижней Штирии (присоединена к Германии в апреле 1941 г.), была образована Русская воинская группа, начальником которой с правами начальника отдела был назначен бывший командир бригады полковник И.А. Глебов. В декабре 1941 г. по ходатайству начальника 3-го отдела ОРВС из-за малочисленности был расформирован Союз бывших русских офицеров Генерального штаба (т. е. 3-й отдел). Одновременно с этим был образован Союз галлиполийцев в Берлине, вошедший в ОРВС в качестве нового 3-го отдела. Исполняющим должность начальника союза и отдела был назначен штабс-капитан Л.А. Литвинов⁷⁹.

Вопрос службы эмигрантов в военных формированиях Германии требует отдельного рассмотрения, поэтому ограничимся лишь общей информацией, которая позволит понять степень вовлеченности чинов ОРВС в трагические события Второй мировой. Большинство чинов ОРВС попали в ряды немецкой армии через Управление делами русской эмиграции. На начальном этапе войны эмигранты попадали в немецкую армию в качестве переводчиков. Обычно они получали чин зондерфюрера (чиновник в звании офицера). Многие из них попали в структуры немецкой военной разведки — абвера. Так, сотрудником абверштелле (территориальный орган — представительство немецкой разведки) «Вена» был генерал-майор А.В. Туркул, абверштелле «Остланд» — поручик (капитан немецкой армии) И. Мюллер и капитан Меер, абверкоманды-102 — Смирнов⁸⁰. Самыми известными чинами ОРВС в абвере были ротмистр барон В.А. Каульбарс и капитан Б.А. Смысловский. Первый был близок к главе абвера адмиралу Канарису и оказался втянут в заговор против Гитлера летом 1944 г. Второй, начав войну в звании капитана, сотрудника абвергруппы, смог закончить ее в звании генерал-майора вермахта и командира Восточной группы фронтовой разведки (так называемая Зеленая армия особого назначения). В частях Смысловского находилось значительное количество офицеров из Восточного отдела ОРВС. Другие офицеры, например К.Г. Кромиади, были привлечены в начальный период войны в комиссии Восточного министерства.

С легкой руки В.К. Штрик-Штрикфельдта численность переводчиков-эмигрантов из Германии, вступивших в начальный период в немецкую армию, оценивают примерно в 200 человек⁸¹. При этом считается, что уже несколько месяцев спустя все они были отозваны с фронта. Последнее утверждение является ошибочным, по первому можно обратиться к немецким архивам для сравнения. По немецким данным, к маю 1943 г. управление направило в вермахт в качестве переводчиков 1200 эмигрантов⁸².

⁷⁹ См.: ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 68. Л. 255.

⁸⁰ См.: Чуев С.Г. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М., 2006. С. 555–578.

⁸¹ См.: Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера: Генерал Власов и русское освободительное движение. М., 1993. С. 58–59.

⁸² См.: *Dodenhoeft B. Laßt mich nach Rußland heim...* S. 283.

В марте 1942 г. эмигранты из Германии — инженер С.Н. Иванов, К.Г. Кромиади, И.К. Сахаров, И.Л. Юнг — начали формирование полностью русской части из военнопленных (эмигранты были руководителями). Данный проект вскоре стал известен как Русская народная национальная армия (РННА). Создание РННА происходило в местечке Осинторф под Оршей, в тылу группы армий «Центр». В конце 1942 г. эмигранты покинули РННА, и она была переформирована в Восточные батальоны немецкой армии.

В июле 1942 г. начальник ОРВС генерал фон Лампе посетил с рабочим визитом Белград и расположенные рядом части Русской охранной группы, сформированной из русских эмигрантов, проживающих на Балканах. Вернувшись в Берлин, генерал фон Лампе поделился впечатлениями о поездке и встречах с добровольцами-эмигрантами: «Я видел офицеров, солдат и казаков старой ИМПЕРАТОРСКОЙ (так в документе. — К.С.) армии и армий белых, вновь по собственному желанию вставших в строй, чтобы принять участие в борьбе против коммунистов, истерзавших нашу Родину»⁸³.

Между тем в конце августа 1942 г. закончились очередные повторительные курсы по теоретической военной подготовке при ОРВС в Берлине. На курсах было прочтено 20 докладов, 11 чинов ОРВС получили соответствующие сертификаты об окончании⁸⁴.

Отъезды русских эмигрантов на фронт продолжались, но не официально. При официальном обращении в немецкие органы доброволец рисковал получить отрицательный ответ. Так, один из чинов ОРВС, направивший письменный запрос немцам о возможности попасть на Восточный фронт, получил официальный ответ, в котором говорилось, что «применение русских эмигрантов как в армии, так и в обслуживающих армию организациях в русской операционной области запрещено»⁸⁵.

Эту информацию подтверждал генерал В.В. Бискупский, в декабре 1942 г. писавший, что эмиграция должна «терпеливо ожидать решения вопроса, занимаясь своей повседневной работой и тем сберечь как свое собственное положение, так и всей национальной эмиграции, проживающей в Германии»⁸⁶. Любые обращения эмигрантов к немцам, по мнению Бискупского, не могли изменить ход событий.

В конце 1942 г. очередным приказом генерала фон Лампе был объявлен состав ОРВС:

- 1-й отдел (Берлин) — начальник генерал-майор В.П. Бресслер;
- 2-й отдел (Берлин) — начальник капитан 1-го ранга П.А. Новопашенный;
- 3-й отдел (Берлин) — начальник штабс-капитан Литвинов;
- 4-й отдел (Берлин) — начальник генерал-майор Ю.Е. Макаров;
- 5-й отдел (Вена) — начальник полковник Семчевский;
- 6-й отдел (Берлин) — начальник генерал-майор Ф.Е. Арцишевский;

⁸³ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 70. Л. 109 об.

⁸⁴ См.: Там же. Л. 93.

⁸⁵ Там же. Л. 43.

⁸⁶ Там же. Л. 25.

- 7-й отдел (Данциг) — начальник полковник Ходнев. В состав отдела входили:
    - Русская воинская группа в Бромберге — начальник капитан Иванько,
    - Русская воинская группа в Позене — начальник капитан Волков,
    - Русская воинская группа в Калише — начальник штабс-капитан Василевич,
    - Русская воинская группа в Литцманнштадте — начальник подполковник Сенницкий;
  - 8-й отдел (Лейна) — начальник генерал-майор Куявский. В состав отдела входили представительства:
    - Лейпциге — представитель полковник А.Н. Фену,
    - в Биттерфельде — представитель подполковник Савицкий,
    - в Марле — представитель капитан Шевчук,
    - в Ганновере — представитель капитан Подаруев,
    - в Шкопау — представитель ротмистр Клепиков,
    - в Вольфене — представитель полковник Г.И. Жидков;
  - 9-й отдел (Марбург-на-Драве) — начальник полковник Глебов. В состав отдела входили представительства:
    - в Мюнхене — представитель капитан Гембицкий,
    - в Ландсберге — представитель штабс-капитан Канелец,
    - в Нюрнберге — представитель поручик Серебряков,
    - в Штеере-на-Драве — представитель подполковник Ядранцев;
  - 10-й отдел (Людвигсхафен) — начальник полковник Гречко. В состав отдела входили представительства:
    - во Франкфурте-на-Майне — представитель капитан Борисенко,
    - в Штуттгарте — представитель ротмистр Заремба;
  - Юго-Восточный отдел (Протекторат Богемия и Моравия) — начальник полковник С.Д. Гегела-Швили;
  - Южный отдел (Венгрия) — начальник капитан Кологривов;
  - Западный отдел (Люксембург) — начальник полковник Эбен;
  - Отдельная группа (Братислава) — начальник полковник Лавров;
  - Объединение русских воинских чинов в Генерал-губернаторстве — начальник генерал-майор Трусов.
- Представители начальника ОРВС:
- в Риге — прапорщик Смолинский,
  - в Подкарпатской Руси — полковник С.Н. Ряснянский;
- Общество бывших деятелей Императорского Российского Красного Креста в Германии. Президент — ее высочество княжна Вера Константиновна (Альтенбург). Представителями общества были:
  - в Дрездене — В.А. Сатин,
  - в Вене — Е.В. Семчевская⁸⁷.

---

⁸⁷ См.: Там же. Л. 23–24 об.

При изучении вышеприведенного списка, становится очевидным, что за первые военные годы структура ОРВС существенно разрослась из-за оккупации Германией ряда европейских стран и из-за переезда в Германию в качестве иностранных рабочих заметного количества офицеров. Наиболее многочисленными стали как раз отделы в присоединенных странах, а внутри Германии — отделы, образованные в промышленных центрах из приехавших офицеров. Большой интерес вызывает факт образования представительства на оккупированной территории СССР (г. Рига), идущий в разрез с обычными утверждениями о запрещении немцами деятельности эмигрантских организаций в СССР. Под давлением властей Генерал-губернаторства Восточный отдел ОРВС был преобразован в условно независимое Объединение русских воинских чинов в Генерал-губернаторстве. Другим достаточно интересным фактом является появление в рядах ОРВС Общества бывших деятелей РКК, произошедшее не без участия многолетнего друга и корреспондента фон Лампе — княжны Веры Константиновны.

25 января 1943 г. генерал П.Н. Краснов выступил на страницах эмигрантской и казачьей прессы с обращением к казакам, в котором призвал все казачество на борьбу с большевизмом. Год 1943-й стал годом новых надежд и в ОРВС. В первую очередь они были связаны с набравшим силу Русским освободительным движением генерал-лейтенанта А.А. Власова. Находясь вдали от фронта, эмигранты рисовали себе радужные перспективы участия во власовском движении. Важным фактором было и то, что собирательный образ полумифической Русской освободительной армии был для эмигрантов более предпочтителен, чем служба в немецких или в мелких национальных частях. Особый фурор вызвало среди офицеров-эмигрантов опубликованное в марте 1943 г. открытое письмо А.А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Это письмо стало предпосылкой для встречи генерала фон Лампе с А.А. Власовым.

22 мая 1943 г. на квартире барона фон Шлиппе в Берлине состоялась первая встреча начальника ОРВС генерала фон Лампе с генералом А.А. Власовым. В первой половине встречи участвовал также генерал П.Н. Краснов. Власов произвел на фон Лампе сильное впечатление. В своем письме Архангельскому фон Лампе написал: «Мое впечатление? Много лучше, чем я ожидал! Если откинуть всякие сомнения и верить ему полностью, то впечатление просто хорошее... Его слова — это наши слова и мысли в течение многих лет. Его планы — хороши, если они исполнимы для тех, кто их принимает, — приемлемы»⁸⁸. В дальнейшем генерал фон Лампе еще не раз встречался с генералом Власовым, иногда в присутствии генерала В.В. Бискупского.

Вернемся теперь к казачьей теме. 25 апреля 1943 г. в Берлине началось издание общеказачьего журнала «На казачьем посту». В состав редакции вошли многие известные казачьи авторы, в том числе Е. Тарусский (Е.В. Рышков). 10 ноября 1943 г. немцы опубликовали «Декларацию германского правительства к казакам». Она была подписана начальником Верховного командования вермахта (ОКВ) генерал-фельдмаршалом Кейтелем и министром оккупированных Восточных тер-

---

⁸⁸ Цит. по: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945. М., 2009. С. 554.

риторий А. Розенбергом. Декларация была с надеждой встречена той частью казачества, которая уже служила в немецкой армии. Существует мнение, что именно генерал П.Н. Краснов внес значительный вклад в подготовку декларации.

Вслед за провозглашением декларации немцы решили организовать своеобразное казачье правительство в изгнании. Это условное правительство получило название Главное управление казачьих войск — ГУКВ (одноименный орган существовал и в дореволюционной России в 1857–1867 и 1879–1910 гг.). 31 марта 1944 г. создание ГУКВ было объявлено в сообщении командующего Восточными добровольческими войсками вермахта генерала от кавалерии Э. Кестринга⁸⁹.

Среди современных исследователей, занимающихся изучением коллаборационизма, распространено мнение, что немцы всячески ограничивали проникновение эмигрантов в органы власти, но в случае с ГУКВ наблюдается исключение из общего правила — в нем преобладали эмигранты. Начальником ГУКВ был назначен П.Н. Краснов, членами — походный атаман Донского войска полковник С.В. Павлов, атаман Кубанского войска Генерального штаба генерал-майор В.Г. Науменко (эмигрант), походный атаман Терского войска полковник Н.Л. Кулаков, заместителями членов ГУКВ были войсковой старшина М.М. Ротов (эмигрант), полковник В.И. Лукьяненко, полковник В.И. Зимин (эмигрант). Аппарат штаба ГУКВ также был укомплектован преимущественно эмигрантами. ГУКВ старалось контролировать все сферы жизни казачества, оказавшегося на территории Германии, а также максимально привлекать эмигрантов к участию в казачьих делах.

Тем временем власовское движение набирало силу. К середине 1944 г. большинство эмигрантов, пребывающих на подконтрольной Германии территории, сделали свой моральный выбор — за или против указанного движения. Особенно трудным был выбор для казачества. Ряд казачьих лидеров благосклонно относились к сепаратистам-самостийникам, генерал П.Н. Краснов изначально был сильно предубежден против Власова. По мнению некоторых исследователей, генералы В.Г. Науменко и А.Г. Шкуро к этому времени стали склоняться в сторону самостийников⁹⁰. С другой стороны, часть казачьих лидеров приняла решение еще более сплотиться вокруг генерала Власова. 25 октября 1944 г. генерал Е.И. Балабин написал Власову: «Казачество пойдет с Вами, на освобождение России не для создания своей особой государственности. Эта мечта утопистов и авантюристов не имеет корней в сознании казачьего народа и культивируется численно ничтожной группой безответственных»⁹¹.

21 октября 1944 г. генерал фон Лампе получил официальное предложение от представителей генерала Власова войти в организуемый Комитет освобождения народов России, а также участвовать в обсуждении текста манифеста. В ответ фон Лампе заявил, что не является ни членом, ни кандидатом в члены комитета, после

⁸⁹ См.: Александров К.М. Против Сталина: Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне: Сб. ст. и м-лов. СПб., 2003. С. 50.

⁹⁰ См.: Никонов В. О казачьих делах // Часовой (Брюссель). 1950. Ноябрь. № 302 (10). С. 17–18; Крикунов П. Казаки: Между Сталиным и Гитлером. М., 2005. С. 140.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 14. Л. 329.

чего он был приглашен к генералу Власову. При встрече фон Лампе заявил, что поддерживает действия Власова, но сможет присоединиться к КОНР только после официального заявления об отношении комитета к борьбе белых армий⁹². В отличие от фон Лампе, генерал Е.И. Балабин вошел в президиум КОНР и стал в нем единственным представителем военной эмиграции. Многие генералы-эмигранты приветствовали объявление манифеста КОНР. При этом генерал В.В. Бискупский заявил, что не может принять манифест, будучи монархистом.

После оглашения манифеста генерал фон Лампе продолжал настаивать на подписании генералом Власовым особого обращения к воинам белых армий и даже подготовил проект обращения, однако оно так и не было подписано лидером КОНР. Несмотря на это, в конце января 1945 г. генерал фон Лампе как частное лицо подал рапорт о зачислении в ряды Вооруженных сил КОНР. 1 февраля 1945 г. фон Лампе был зачислен в ВС КОНР в качестве генерал-майора резерва, а 27 февраля генерал был включен в члены КОНР⁹³.

К весне 1945 г. российская эмиграция в Германии оказалась перед перспективой новой встречи с Красной армией. Особенно она пугала тех, кто активно сотрудничал с немцами. Вместе с тем согласно указу Гитлера о фольксштурме (ополчении) эмигранты, даже не имеющие немецкого гражданства, могли быть мобилизованы в состав этой организации и определены в полностью немецкие батальоны. Во избежание этого генерал фон Лампе отдал приказ о самостоятельной эвакуации чинов ОРВС в южные и западные районы Германии (генерал рассчитывал, что эти районы будут заняты англо-американскими войсками). Сам фон Лампе покинул Берлин 11 февраля 1945 г., в то время как руководство Управления по делам русской эмиграции в Германии осталось в городе. Ряд эмигрантов внял распоряжению главы ОРВС и стал пробираться на запад. Необходимо отметить, что количество эмигрантов в Германии увеличилось из-за прибытия в страну беженцев из других стран, уже занятых Красной армией. Среди прибывших были и очень известные лица — генералы Е.Г. Булюбаш, И.Г. Барбович, М.Г. Георгиевич, С.Д. Прохоров, Г.В. Татаркин и В.Г. Харжевский и полковник В.И. Пронин.

В начале апреля 1945 г. фон Лампе был уполномочен генералом А.А. Власовым на переговоры с западными союзниками. Учитывая связи фон Лампе в кругах Красного Креста (он был крупным функционером Российского общества Красного Креста в эмиграции), его миссия в глазах руководства КОНР имела неплохие перспективы. Однако уже ничто не могло изменить ход событий. Немецкая армия была разгромлена в считанные дни, а территория Германии была оккупирована и разделена союзниками по Антигитлеровской коалиции. Эмигранты, оказавшиеся на территории, занятой Красной армией, имели незавидную судьбу; оказавшимся в англо-американской зоне повезло больше. Обстоятельства положили конец существованию ОРВС. Деятельность эмигрантов в советской оккупационной зоне стала невозможна, а в оккупационной зоне западных союзников деятельность военных эмигрантских объединений была временно приостановлена.

⁹² См.: ГА РФ. Ф. 5796. Оп. 1. Д. 21. Л. 283.

⁹³ См.: Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова... С. 548.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В сравнении с другими европейскими странами российской военной эмиграции в Германии довелось сыграть заметную роль в событиях первой половины XX в. В первую очередь это было обусловлено приходом к власти в Германии национал-социалистической партии и ее жесткой антикоммунистической позицией. Установление в стране правой диктатуры и борьба с либерализмом заставили антинацистски настроенных эмигрантов искать спасения за пределами Германии. Это в значительной мере предопределило выбор эмигрантов в годы Второй мировой войны.

Другим существенным отличием эмиграции в Германии было наличие глубоких противоречий между ветеранами Добровольческой армии (и ВСЮР, соответственно) и ветеранами боев в Прибалтике. Последние хоть и были более близки к представителям нацистской партии, но так и не смогли добиться главенствующей роли в руководстве военной эмиграцией в Германии.

После преобразования отдела РОВСа в ОРВС последнее стало центром консолидации европейских отделов и подотделов РОВСа. По сути, ОРВС заменило франкофильский, с точки зрения немецких властей, Русский общевоинский союз. Используя административный ресурс, немцы принудили присоединиться к ОРВС даже конкурирующие воинские организации.

Военная эмиграция в Германии оказалась широко вовлеченной в процесс согласования, создания и применения антисоветских военных формирований, сражавшихся на стороне Германии. В целом можно сказать, что близость к центру событий обеспечила широкое участие эмигрантов из Германии во Второй мировой войне, но вопреки завету генерала Врангеля русский узел не был развязан в Берлине.

Дж. Биггарт

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВИЧ ЧАХОТИН —
РУССКИЙ ТЕЙЛОРИСТ В БЕРЛИНЕ (1922–1926)¹

Сергей Степанович Чахотин (1883–1973), русский биолог, цитолог, сторонник тейлоризма, один из основоположников методологии политической агитации и пропаганды, оставил яркий след в интеллектуальной истории России в качестве автора статьи «В Каноссу!», ставшей манифестом «Смены вех» — группы эмигрантов-интеллектуалов, которые в 1921 г. призвали своих соотечественников к примирению с советской властью².

Политическая позиция группы «Смена вех» неоднократно характеризовалась как «национал-большевизм». Действительно, одной из постоянных тем еженедельного журнала «Смена вех», выходившего в Париже с 29 октября 1921 г. по 25 марта 1922 г., была необходимость восстановить роль России в качестве великой державы на мировой арене³. Однако, как отмечает Хильде Хардеман, когда вместо журнала «Смена вех» стала выходить ежедневная берлинская газета «Накануне» (26 марта 1922 — 15 июня 1924), тема русского национализма, хотя и не исчезла полностью, стала менее выраженной, и политическая ориентация газеты в целом сместилась влево⁴. Этот сдвиг в политике издания по времени приблизи-

---

¹ Выражаю глубокую благодарность Евгению и Петру Чахотиным за предоставленный мне доступ к личному архиву их отца и его мемуарам «Un Phare me guidait. Un savant et penseur Russe avant, pendant et après la Révolution: Quatre-vingts ans d'histoire vécue» («Маяк, что вел меня. Русский ученый и мыслитель до, во время и после революции: Восемьдесят лет живой истории»).

² См.: Смена вех: Сб. ст. Прага: Наша речь, 1921. Авторами шести статей сборника, помимо Чахотина, были Юрий Вениаминович Ключников, Николай Васильевич Устрялов, Сергей Сергеевич Лукьянов, Александр Владимирович Бобрищев-Пушкин и Юрий Николаевич Потехин. Об истории «Смены вех» см.: Williams R.C. Changing Landmarks in Russian Berlin, 1922–1924 // Slavic Review. 1968. December. Vol. 27. № 4; *Ibid.* Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany. 1881–1941. Ithica; L., 1972; Burbank J. Intelligentsia and Revolution: Russian views of Bolshevism 1917–1922. Oxford, 1989; Hardeman H. Coming to Terms with the Soviet Régime: The “Changing Signposts” Movement among Russian Emigrés in the Early 1920s. De Kalb (Ill): Northern Illinois University Press, 1994; Квакин А.В. Между белыми и красными: Русская интеллигенция 1920–1930 годов в поисках третьего пути. М., 2006.

³ См.: Agursky M. The Third Rome: National Bolshevism in the USSR. Boulder; L., 1986 и предисловие к: Квакин А.В. Между белыми и красными. Ядром журнала «Смена вех» были Ключников, Лукьянов, Бобрищев-Пушкин и Потехин. См.: Hardeman H. Coming to Terms with the Soviet Régime. P. 133.

⁴ См.: Hardeman H. Coming to Terms with the Soviet Régime. Ch. 6. Характер и объемы финансирования изданий «Смена вех» и «Накануне» Народным комиссариатом по иностранным делам СССР подробно описаны и документально подтверждены в книге А.В. Квакина.

тельно совпал с выходом из его редакционной коллегии бывших кадетов Ключникова и Потехина, а также с сокращением активности Устрялова, тоже бывшего кадета и наиболее реакционного сторонника националистических взглядов⁵. После 23 августа 1922 г. в редакционную коллегию входили: Григорий Львович Кирдецов, Борис Вячеславович Дюшен (главный редактор), а также Лукьянов, Чахотин и Садыкер в качестве редакторов. Из них наиболее левых взглядов придерживался Кирдецов, Дюшен был избран в Учредительное собрание по списку социалистов-революционеров, Чахотин был социалистом⁶, а Садыкер, директор-распорядитель газеты, похоже, имел крайне незначительное влияние на ее редакционную политику. Лукьянов, когда-то недолго состоявший в рядах партии кадетов, был единственным «либералом», перешедшим в газету из редколлегии парижского журнала. Бобрищев-Пушкин, бывший октябрист, продолжал писать для газеты, но больше не являлся ее редактором⁷.

Было бы ошибкой считать изменение в редакционной политике исключительно уступкой требованиям советской внутренней и внешней политики, хотя Николай Николаевич Крестинский, полпред Советов в Германии, несомненно, сыграл свою роль в удалении Ключникова и Потехина из состава редакции. Каждый из участников группы «Смена вех» шел своим путем к «Каноссе», и среди них случались реальные политические разногласия, а также личные конфликты⁸. В то время как основными темами еженедельника «Смена вех» были мессианское предназначение России, роль интеллигенции «старого порядка» (*ancien régime*) и необходимость собственности на землю для крестьянства, редакция газеты «Накануне» больше внимания уделяла идее о том, что диктатура большевиков перерождается в «трудовую демократию» или «трудовое государство». На смену интеллигенции, бывшей когда-то отдельной кастой, приходит, как они утверждали, «трудовая интеллигенция» — активная социальная сила, способная, в отличие от своих предшественников, привести страну к социальному и экономическому возрождению⁹.

Наиболее последовательным теоретиком «трудового государства» в редакции газеты был Сергей Степанович Чахотин. Опираясь на работы западных экспертов в

---

⁵ Устрялов с 1920 по 1934 г. жил в Харбине и оттуда участвовал в деятельности группы. Когда Ленин предупреждал в своем выступлении на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 г. о том, что «сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики», под сменовеховством он подразумевал взгляды Устрялова. См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1964. Т. 45. С. 67–116.

⁶ Питер Холквист ошибочно называет Чахотина кадетом (*Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis 1914–1921.* Cambridge; L., 2002. P. 48, 105, 212, 223).

⁷ Начиная с номера 144 (1922) в редакционную коллегию «Накануне» входили Б.В. Дюшен, Г.Л. Кирдецов (главный редактор) «с активным участием» С.С. Лукьянова, П.А. Садыкера и С.С. Чахотина. С выпуска номера 450 (1923) Кирдецов вышел из состава редколлегии. Биографические данные, за исключением материалов по Чахотину, взяты из указанных книг Х. Хардемана и А.В. Квакина.

⁸ Кирдецов в «Накануне» от 22 июля 1922 г. отделил позицию левого крыла сменовеховства от взглядов Устрялова, а также утверждал, что Ключников и Потехин разделяют взгляды последнего. См.: *Hardeman H. Coming to Terms with the Soviet Régime.* P. 149.

⁹ См.: *Ibid.* P. 153–155; в книге цитируются статьи Кирдецова и Дюшена в «Накануне».

области «научного менеджмента», Чахотин к 1922 г. сформулировал свою собственную программу возрождения России, основанную на принципах неотеизма. Не национализм, а вера в то, что большевики разделяют его приверженность принципам научного менеджмента, заставила его отправиться «в Каноссу».

СТОРОННИК ТЕЙЛОРИЗМА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Будучи студентом медицинского факультета Московского университета, Чахотин в 1902 г. был арестован за участие в акции политического протеста, провел почти шесть месяцев в Бутырской тюрьме и был исключен из университета. В результате вмешательства его отца-дипломата Чахотина выпустили из тюрьмы с условием, что он покинет Россию¹⁰. После нескольких лет изучения медицины и естественных наук в университетах Берлина, Мюнхена и Гейдельберга в 1907 г. Чахотин был удостоен степени доктора зоологии Гейдельбергского университета. С 1907 по 1909 г. он работал на морских биологических станциях в Мессине¹¹, Неаполе, Виллафранке, Триесте, Неаполе, Гельголанде и Монако, а в 1909–1912 гг. трудился над разработкой и созданием аппарата для микроручевой хирургии на живых клетках с использованием ультрафиолетовых лучей¹². В 1912 г. за свои достижения в этой области Чахотин был приглашен Иваном Петровичем Павловым на должность его ассистента в физиологической лаборатории Императорской академии наук в Санкт-Петербурге. Чахотин работал у Павлова до 1918 г., время от времени выезжая за границу для проведения научных исследований¹³.

Идеи Павлова оказали значительное влияние на социальные воззрения Чахотина¹⁴. При этом еще до начала Первой мировой войны он стал также последователем Фредерика Уинслоу Тейлора (1856–1915)¹⁵. Во время Первой мировой войны и революции 1917 г. Чахотин разработал теорию агитации и пропаганды,

¹⁰ Об этом эпизоде см.: *Сорокина М.Ю.* «В Каноссу!», или Как Сергей Чахотин вернулся на родину // *Природа*. 2007. № 3.

¹¹ Чахотин был тяжело ранен во время землетрясения в Мессине. См. его недавно опубликованные воспоминания: *Tschachotine S.* Sotto le macerie di Messina: Racconto di un sopravvissuto al terremoto di Messina. = Под развалинами Мессины: Рассказ заживо погребенного в землетрясении 1908 года. Messina, 2008.

¹² «В 1911 г. изобрел и построил первый микроманипулятор, а в 1912 г. в Генуе метод и прибор для операций клеток при помощи ультрафиолетовых лучей» (*Сорокина М.Ю.* «В Каноссу!», или Как Сергей Чахотин вернулся на родину. С. 70).

¹³ О достижениях Чахотина в области цитобиологии см.: *Посудин Ю.И.* Биофизик Сергей Чахотин. Киев, 1995; *Greulich K.O., Khodjakov A., Vogt A., Berns M.W.* A Tribute to Sergej Tschachotin: Experimental Cytologist and Political Critic (1883–1973) // *Methods in Cell Biology*. Vol. 82: Laser manipulation of cells and tissues / Ed. M.W. Berns, K.O. Greulich. Amsterdam, 2007. P. 725–734.

¹⁴ Название мемуаров Чахотина («Un Phare me guidait») — дань памяти Павлова.

¹⁵ Однажды в Берлине Чахотин пытался убедить Эйнштейна в ценности методов тейлоризма для организации научной работы. См.: Встречи проф. С.С. Чахотина с Альбертом Эйнштейном // *Архив Чахотина*. 3 с.

в основе которой лежали идеи и Павлова, и Тейлора. В 1915–1916 гг. он организовал Комитет военно-технической помощи (КОВОТЕП), в задачи которого входила мобилизация всех научных сил для военных нужд¹⁶. При помощи еще одного приверженца идей тейлоризма, Павла Матвеевича Есманского¹⁷, он организовал работу местных комитетов КОВОТЕПа в Петрограде и ряде провинциальных городов, руководствуясь принципами тейлоризма¹⁸.

После Февральской революции Чахотин при поддержке военного министра Александра Керенского организовал Комитет социально-политического просвещения, быстро ставший органом агитпропа при Временном правительстве¹⁹. Разочарованный деятельностью этого комитета, Чахотин решил «создать связующее звено между слоем интеллигенции, поддерживавшей Временное правительство, и массами, становившимися все сильнее, но все еще недостаточно зрелыми, чтобы взять власть в свои руки»²⁰. С этой целью он организовал Совет депутатов трудовой интеллигенции²¹. Совет был против захвата власти большевиками, он участвовал в забастовке государственных служащих, к проведению которой призвал в конце октября (9 ноября по новому стилю) Союз союзов служащих государственных учреждений в рамках акций протеста, организованных Комитетом спасения родины и революции. Когда в январе 1918 г. наряд матросов явился в помещение совета с орденом на арест Чахотина, он уже уехал на поезде на юг России²². Сначала он занимал пост директора департамента информации в отделе иностранных дел Донского правительства при атамане Петре Краснове²³, затем

---

¹⁶ КОВОТЕП был организован при содействии Императорского русского технического общества (1866–1917). Чахотин утверждал, что к началу 1917 г. он объединял более 10 тыс. членов в 40 территориальных отделениях. КОВОТЕП координировал работу исследовательских групп и занимался организацией лекционных программ, курсов и выставок. Президент Императорского русского технического общества Владимир Иванович Ковалевский был избран президентом КОВОТЕПа.

¹⁷ Павел Матвеевич Есманский (1877–?) после революции стал директором Таганрогского института научной организации производства. См.: *Beissinger M.R. Scientific Management, Socialist Discipline and Soviet Power.* Harvard, 1988. P. 44. В этой книге цитируется: *Ильенко Н.С., Шамсутдинов К.Ш.* Научная организация труда двадцатых годов. Казань, 1969.

¹⁸ См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait.* P. 53; *Чахотин С.С.* Организация: Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. Берлин: Опыт, 1923. С. 66 (далее, за исключением особо оговоренных случаев, цитируется это издание).

¹⁹ См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait.* P. 55–56. Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, принадлежавшая к правому крылу партии эсеров, была почетным председателем, а среди членов комитета были такие умеренные левые и «пораженцы», как Лев Дейч, Николай Чайковский, В.Ф. Пекарский и Петр Пальчинский. См.: *Holquist P. Making War, Forging Revolution.* P. 212–213.

²⁰ *Tchakhotine S. Un Phare me guidait.* P. 57.

²¹ См.: *Chakotin S. The Rape of the Masses: The Psychology of Totalitarian Political Propaganda.* N. Y., 1940. P. 164; *Tchakhotine S. Le viol des foules par la propaganda politique.* P., 1952. P. 331. Русское наименование этого совета приведено Чахотиным в его автобиографическом эссе 1956 г. См.: *Сорокина М.Ю.* «В Каноссу!», или Как Сергей Чахотин вернулся на родину. С. 70.

²² См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait.* P. 58.

²³ Чахотин был назначен на этот пост благодаря личному знакомству с председателем Совета управляющих отделами, помощником атамана генерал-лейтенантом Африканом Петровичем Богавским, а также из-за хорошего знания иностранных языков. См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait.* P. 41; *Gehrmann U. Germany and the Cossack Community in the Russian Revolution (April — November 1918) // Revolutionary Russia.* 1992. December. Vol. 5. № 2. P. 147–151.

возглавил Осведомительное информационное агентство (ОСВАГ) в политической администрации (Особом совещании) Добровольческой армии под командованием сначала генерала М.В. Алексеева, а позднее — генерала А.И. Деникина. Он организовал деятельность ОСВАГа в Екатеринодаре и Ростове на основе принципов тейлоризма. Он считал работу в ОСВАГа новаторской и в своей главной книге о принципах организации труда, опубликованной в Берлине в 1923 г., подробно описал структуру и функции этого агентства²⁴.

Весной 1919 г., когда в армиях Белого движения на юге России начался разброд, Чахотин через порт Новороссийска покинул Россию и отправился в Париж, чтобы там заняться научной деятельностью. Здесь он принял приглашение князя Монако Альберта (выдающегося зоолога) и приступил к работе в Океанографическом музее Монако²⁵. Именно во время работы в Монако он пришел к заключению, что дальнейшая борьба с большевиками обречена на неудачу и способна только повредить экономическому и культурному возрождению России. Вместо этого эмигрантская интеллигенция должна была поделиться своими знаниями в сфере новых западных принципов организации труда, с тем чтобы «американизировать» промышленное производство в России. В 1920 г. в Париже, в кружке, сформировавшемся вокруг Ключникова, Лукьянова, Бобрищева-Пушкина и Потехина, он выступил с сообщением, по теме которого позднее была написана статья «В Каноссу!», вошедшая в антологию «Смена веков», опубликованную в Праге в 1921 г.²⁶ С 29 октября 1921 г. по 25 марта 1922 г. эта же группа издавала в Париже еженедельник, также называвшийся «Смена веков» и выходивший при финансовой поддержке советского правительства²⁷. Чахотин напечатал в нем две статьи: одна из них была посвящена психологии примирения, а вторая — необходимости «рационализировать» российское общество. Во всех трех публикациях он призывал к формированию «коллективов трудовой интеллигенции» и строительству социализма, основанного на применении системы Тейлора²⁸.

²⁴ См. главы «Принципы рациональной организации применительно к администрации» и «Принципы рациональной организации в политике» в: *Чахотин С.С.* Организация. С. 107–110 и 142–154.

²⁵ В 1921 г. за свои научные достижения этого периода, включая результаты экспериментальных работ в Коллеж де Франс, Чахотин был удостоен премии Монтёна Французской академии наук. См.: *Tchakhotine S.* Un Phare me guidait. P. 62–65.

²⁶ Чахотин утверждает, что он написал эту статью еще до знакомства с группой Ключникова и сначала намеревался опубликовать ее отдельной брошюрой. См.: *Tchakhotine S.* Un Phare me guidait. P. 66–67. По данным Хардеман, антология «Смена веков» датирована июлем 1921 г., но на самом деле она вышла не раньше середины сентября того же года. Второе издание было опубликовано в 1922 г. Последнее издание статьи «В Каноссу!» см. в: Политическая история русской эмиграции: 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 190–195.

²⁷ Редактором еженедельника был Ключников, получавший финансовую поддержку непосредственно от Л.Б. Красина. Советское правительство также финансировало второе издание антологии «Смена веков». См. обращение Крестинского к членам Центрального Комитета 9 сентября 1922 г. в кн.: *Квакин А.В.* Между белыми и красными. С. 149.

²⁸ См.: *Чахотин С.С.* Психология примирения // Смена веков (Париж). 1922. № 15; *Он же.* «Чумазый» или «хам»? // Там же. № 17. См. также: *Hardeman H.* Coming to Terms with the Soviet Régime. P. 111.

ЧАХОТИН И «НАКАНУНЕ»

Когда в марте 1922 г. газета «Накануне» только начала выходить, Чахотин сначала сотрудничал с ней в качестве корреспондента. После непродолжительного периода работы в Институте общей патологии и фармакологии Университета Загребца (с весны 1921 г.) к началу зимы 1921 г. он приступил к исследовательской деятельности в лаборатории своего друга профессора Бенедиченти в Генуе²⁹. То, что Чахотин жил в Генуе, немало способствовало его аккредитации в качестве репортера газеты «Накануне» на международной конференции, проходившей в Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г. Во время конференции он работал вместе с Ключниковым, одним из редакторов «Накануне», который был приглашен по рекомендации В.И. Ленина для участия в советской делегации на конференции в качестве эксперта³⁰.

Летом 1922 г. Чахотин стал играть более активную роль в издании «Накануне». 11 мая 1922 г., согласившись на выделение дополнительных средств на издание газеты по запросу Крестинского (был выделен еще один миллион немецких марок), Политбюро предложило «организовать дело таким образом, чтобы издательство газеты было переведено на акционерные начала, с тем чтобы в наших руках было не менее 50 % всех акций...»³¹. 31 мая 1922 г. Ключникова, чье доминирующее положение в газете «Накануне» вызывало недовольство его коллег, вызвали в Москву вместе с его ближайшим соратником Потехиным якобы для освещения процесса эсеров³². Чахотин принадлежал к левому крылу парижской группы и, соответственно, был ближе по своим взглядам к Крестинскому, Кирдецову и Дюшену³³. В 1922 г. он переехал из Генуи в Берлин³⁴, где 28 июня 1922 г., в отсутствие Ключникова и Потехина, подписал регистрационные документы акционерного общества «Накануне» в качестве одного из его учредителей и члена редакционной коллегии³⁵. Позднее в этом же году в Берлине Чахотин поменял свой «российский» паспорт, полу-

²⁹ См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait*. P. 66–67.

³⁰ См.: *Ленин В.И.* Проект постановления политбюро ЦК РКП(б) // Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1964. Т. 44. С. 380. Как видно из докладных записок советского полномочного представителя в Берлине Крестинского, у него сложилось не самое благоприятное мнение о Ключникове как человеке и журналисте, и это, возможно, было еще одной причиной того, что Чахотин был приглашен на конференцию. См. обращение Крестинского к членам Центрального Комитета РКП(б) 9 сентября 1922 г. в кн.: *Квакин А.В.* Между белыми и красными. С. 154.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 292 (цит. по: *Квакин А.В.* Между белыми и красными. С. 133).

³² О выходе Ключникова и Потехина из редакционной коллегии было объявлено в газете «Накануне» 23 августа 1922 г. См.: Заключение от редакции газеты «Накануне» // *Накануне*. 1922. 23 авг. № 114; В жерновах революции: Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. М., 2008. С. 176–177.

³³ Григорий Львович Кирдецов (наст. фам. Дворжецкий, псевд. Фиц-Патрик; 1880–1940?) и Борис Вячеславович Дюшен (1886–1949) были связаны с газетой правых эсеров «Свободная Россия», выходившей в Ревеле, и работали в Отделе пропаганды у Н.Н. Юденича. См. их биографии в приложении в кн.: *Квакин А.В.* Между белыми и красными.

³⁴ См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait*. P. 67.

³⁵ Об учреждении «Накануне» см.: РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 309. Л. 3–12 (опубл.: *Квакин А.В.* Между белыми и красными. С. 136–144).

ченный в 1921 г. в Париже, на советский и стал советским гражданином³⁶. Это, как писал он сам, было «логическим следствием» сменовеховства³⁷. В то же время получение советского паспорта позволило ему избавиться от статуса «невозвращенца» в глазах советских властей³⁸.

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ С ПОЗИЦИЙ ТЕЙЛОРИЗМА

Как писал Самюэль Либерштейн, «движение за научную организацию труда (НОТ) 1920-х гг. в Советском Союзе можно рассматривать в качестве неотъемлемой части современного всемирного движения за рационализацию производства на основе методов, разработанных еще Ф.У. Тейлором, А. Файоном, Г. Эмерсоном, Ф.Б. Гилбретом, Г. Фордом и их многочисленными последователями»³⁹. В своей статье «В Каноссу!» Чахотин утверждал, что «научная организация труда» является необходимой предпосылкой политического и экономического развития советской России. В целом ряде публикаций 1922–1928 гг. Чахотин приводил дополнительные доводы в поддержку этого утверждения, используя, в частности, пример Германии. В перечень этих публикаций входят: статьи, напечатанные в «Накануне» в 1922–1924 гг.; статьи о научном менеджменте, которые он посылал из Берлина в ряд специализированных советских журналов в 1924–1928 гг.; основательный труд «Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике», опубликованный на русском языке в Берлине в 1923 г. и в Москве в следующем году⁴⁰; библиография европейской литературы по науч-

³⁶ Чахотин получил паспорт в «досоветском» генконсульстве России в Париже 8 июля 1921 г. Данные этого паспорта приведены в копии нотариального соглашения от 28 июня 1922 г. (датированной 26 мая 1924 г.), которая хранится в Архиве внешней политики Министерства иностранных дел Российской Федерации. Советский посол Крестинский вручил верительные грамоты президенту Фридриху Эберту в августе 1922 г. в Берлине. В своей биографии, подготовленной в декабре 1960 г. для Сайруса С. Итона, американского бизнесмена, филантропа и спонсора Пагуошской конференции, Чахотин указывает 1922-й как год, когда он стал «советским гражданином».

³⁷ *Tchakhotine S. Un Phare me guidait*. P. 68.

³⁸ Декретом ВЦИК и СНК (Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров) от 15 декабря 1921 г. лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. «без разрешения советской власти», а также пробывшие за границей непрерывно свыше пяти лет и не получившие от консульств РСФСР заграничных паспортов, были лишены советского гражданства. Они получили юридический статус «невозвращенцев». См.: *Сорокина М.Ю.* «В Каноссу!», или Как Сергей Чахотин вернулся на родину. С. 82.

³⁹ О внедрении принципов тейлоризма в советской России см.: *Lieberstein S. Work and Sociology in the USSR: The NOT Movement // Technology and Culture*. 1975. January. Vol. 16. № 1. P. 52; *Meier C.S. Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s // Journal of Contemporary History*. 1970. № 5. P. 27–61; *Beissinger M.R. Scientific Management*.

⁴⁰ *Чахотин С.С. Организация: Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике*. Берлин: Опыт, 1923; М.; Петроград: Госиздат, 1924; 2-е изд.: Л.: Госиздат, 1925. В своей автобиографии Чахотин утверждает, что советское издание книги вышло при поддержке Абрама Самуиловича Галлопа, главы иностранной торговой миссии (ИНОТОРГ) в Берлине. См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait*. P. 67.

ной организации труда, опубликованная в Москве в 1924 г.⁴¹ и также в 1924 г. — редактировавшийся Чахотиным перевод на русский язык книги Иоганна Риделя о рационализации труда⁴².

Чахотин выделял три этапа в развитии науки организации труда. Первый этап, в ходе которого труд необходимо было организовать с достижением максимальной целесообразности для производства товаров, имел место в Америке в начале XX в. Он был основан на достижениях Тейлора и сформировавшейся под его влиянием школы инженеров и экономистов, таких как Фрэнк Б. Гилбрет и Генри Форд. Однако Америка, «истинная страна машин, страна, куда стремится поток неквалифицированных, не очень требовательных работников, но при этом ощущается недостаток квалифицированных рабочих», пошла по «пути развития, при котором на людей смотрели как на части механизмов и обращались с ними соответственно»⁴³.

В Европе, где социальные отношения были более развитыми, система Тейлора была перенесена в конце Первой мировой войны и вначале встретила мощное сопротивление со стороны рабочих. Однако в Европе тяготы военного времени привели к осознанию особой важности человеческого фактора. Европа, и в особенности Германия — страна с наиболее развитой наукой того времени, стали центром второго этапа развития науки управления — исследования человеческой кооперации в организационной деятельности. «Психотехника» возникла как отдельная дисциплина новой науки — прикладной психологии⁴⁴. Появились специализированные лаборатории и институты, а также возникло множество учреждений по оценке профессиональной пригодности, центров профориентации и школ для особо одаренных, предоставляющих возможность «быстрого роста для самых одаренных и самых лучших». Главным лозунгом стало: «Нужному работнику — нужное место». Вскоре, однако, даже самим специалистам в области психотехники стало ясно, что если работники отчуждены от результатов своего труда, они не смогут проявить свои способности в полной мере. Чувство собственного достоинства было необходимо для получения ими удовлетворения от своего труда. Именно тогда Россия стала центром третьего этапа развития теории организации и управления. «Здесь рабочий — хозяин своего государства, хозяин самому себе, своим поступкам, своей воле и своей судьбе». В советской России два аспекта научного менеджмента — «организационная механика» и «психотехника» — на-

---

⁴¹ См.: Чахотин С. Европейская литература по НОТ. М.: Изд-во НКРКИ, 1924. В предисловии указаны дата и место написания: «Берлин, ноябрь 1923».

⁴² Ридель И. Рационализация труда / Пер. с нем. Ю.Н.С. под ред. С.С. Чахотина. Л.; М.: Книга, 1924.

⁴³ См.: *Tschachotin S. Drei Etappen des Taylorismus (Amerika — Deutschland — Sowjet Russland)* // Архив Чахотина. Недатированная вырезка (возможно, 1925 г.). Здесь, как и в других работах, Чахотин старательно подчеркивает отличие идей Тейлора от «тейлоризма» в том виде, в каком он развивался в США: «То, что антисоциально в так называемом тейлоризме, идет не от него и его учений, а от тех наслоений, которые со временем закрепились в развитии этих идей в Америке» (Там же).

⁴⁴ Под психотехникой Чахотин понимал то, что теперь называется проверкой способностей при оценке профпригодности.

конец дополнили друг друга. Советской России было «суждено стать третьим и последним этапом на пути к организации труда и истинному освобождению человечества»⁴⁵.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА В ГЕРМАНИИ

В статьях, которые Чахотин посылал в советские журналы, он рассказывал о последних достижениях в Германии, которые он считал актуальными для советской России в условиях новой экономической политики. В этих работах о Германии есть некоторая противоречивость. С одной стороны, Чахотин понимает, что чрезвычайно благоприятная среда для распространения идей рационализации сложилась в Германии в силу ее раздробленности, низкой степени централизации государственного управления. В торговле, рекламе, делопроизводстве, в сфере образования и на транспорте появлялись отдельные группы, заинтересованные в научных методах организации труда, так что развитие управленческой практики и накопление опыта в этой сфере шло достаточно стихийно. В отличие от Франции и Соединенных Штатов, в Германии сначала не было никакого организованного движения. В немецком языке даже не было специального термина для научного менеджмента⁴⁶.

В то же время Чахотин положительно оценивал централизацию управления и подчеркивал важность государственного регулирования экономики. В «Организации» он описал модель централизованного планирования, которая применялась в Германии во время войны: она характеризовалась высокой степенью централизации и включала плановую структуру под руководством ведущих промышленников, единый план производства, экономическое разделение труда по всей стране и стремление к стандартизации технологий, механизмов и запасных частей. Хотя после войны рыночные принципы вернулись в экономику, в государственном управлении сохранялись элементы централизации, особенно в тот период, когда Вальтер Ратенау был министром реконструкции (с 1921 г.)⁴⁷. В целом Чахотин считал, что советская Россия многому может научиться на примере «модели Ратенау», но он также отмечал и «модель Мёллендорфа», в которой роль государства в управлении экономикой была более директивной⁴⁸. Хотя эта модель

⁴⁵ *Tschachotin S. Drei Etappen des Taylorismus.*

⁴⁶ Чахотин проводит сравнение с Французской конференцией по организации труда (Conférence de l'Organisation Française) и Тейлоровским обществом (Taylor Society). См.: Чахотин С.С. НОТ в Германии // Хозяйство и управление. 1925. № 4. С. 107–110. Указана дата написания статьи: «февраль 1925».

⁴⁷ См.: Чахотин С.С. Организация. С. 66.

⁴⁸ См.: *Moellendorf W., von. Der Aufbau der Gemeinwirtschaft: Denkschrift des Reichswirtschaftsministeriums vom 7 Mai 1919.* Jena: Diederichs, 1919. Мёллендорф был помощником Ратенау при организации производства для военных нужд, а в 1918–1919 гг. занимал пост госсекретаря в Министерстве экономики Рудольфа Висселя. «В развитие концепции контрольных органов военного времени, сохраняя свою приверженность немарксистскому “консервативному социализму”, Мёллендорф предсказывал появление двоянных пирамид плановых органов, сформированных по региональному и отраслевому принципам» (*Maier Ch.S., Recasting Bourgeois Europe: Stabilization in France, Germany and Italy in the Decade after World War One.* Princeton (NJ), 1975. P. 65–66; Ch. 3).

не была реализована в Германии, ее прямым аналогом была система «военного коммунизма» в России, где от нее пришлось отказаться в силу «индустриальной и культурной отсталости» страны⁴⁹.

НОРМЫ И СТАНДАРТЫ

По мнению Чахотина, ключевым элементом рационализации немецкой экономики был процесс «нормализации», т. е. внедрение норм и стандартов производства. Во время Первой мировой войны в рамках реализации «программы Гинденбурга» в Шпандау было создано подразделение, которое разрабатывало стандарты для военного производства. Уже позднее, в 1921 г., Министерство экономики при участии частных предпринимательских структур организовало Имперский попечительский совет по рентабельности индустрии и ремесла (*Reichskuratorium für Wirtschaftlichkeit in Industrie und Handwerk — RKW*), призванный содействовать развитию исследований и разработок в сфере научного менеджмента. В 200 подразделениях этого совета совместно работали ученые, бизнесмены, правительственные чиновники и представители кооптированных организаций. Наиболее мощной из структур, связанных с RKW, был Комитет по стандартизации немецкой промышленности (*Normenausschuß der deutschen Industrie — NADI*), созданный в 1917 г. по инициативе Союза немецких инженеров с целью разработки стандартов весов, мер и прочих технических аспектов производства. Комитет технического нормирования (*Ausschuß für wirtschaftliche Fertigung — AWF*) разрабатывал стандартные процедуры по использованию техники и оборудования. Комиссия по технике управления (*Ausschuß für wirtschaftliche Verwaltung — AWW*) работала над рационализацией управления; а Рейхкомиссия по изучению времени в производстве (*Reichsausschuß für Arbeitszeitermittlung*) занималась нормированием рабочего времени и движений работников. В этой области авторитетом являлся Эдуард Михель⁵⁰. А Вальтер Портсман внес большой вклад в создание стандартов DIN⁵¹.

ПСИХОТЕХНИКА

Для Чахотина внедрение психотехники, прикладной психологии производственных процессов, было существенным шагом на пути к гуманизации тейлоризма. В «Организации» он отметил вклад немецко-американского психолога, основоположника психотехники доктора Гуго Мюнстерберга (1863–1916); достижения Вальтера Мёде (1898–1958), основателя Института промышленной психотехники (*Institut für industrielle Psychotechnik*); а также Курта Пиорковского (1888–1939), основавшего

---

⁴⁹ Чахотин С.С. Организация. С. 66–69.

⁵⁰ См.: *Michel E. Wie macht man Zeitstudien: Arbeits- und Zeitstudien zur genauen Festsetzung von richtigen Stücklöhnen in Maschinenfabriken.* Berlin, 1920.

⁵¹ См.: Чахотин С.С. НОТ в Германии // НОТ и хозяйство. 1926. № 11; Он же. НОТ в Германии: (Работа по нормализации в народном хозяйстве) // Там же. 1927. № 2/3.

совместно с Отто Липманом (1880–1933) Институт организационной психологии (Institut für Berufsfeld Wirtschaftspsychologie) в Берлине и занимавшегося методологией тестирования и профессиональной ориентации⁵². Психотехника основывалась на идеях Зигмунда Фрейда и теоретика самовнушения Эмиля Куэ⁵³. Свидетельством профессионализации этой области знаний было создание Союза прикладной психологии в Штутгарте, среди членов которого были доктора медицины, школьные учителя, преподаватели высшей школы, инженеры, писатели и журналисты⁵⁴.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ – ПРИМЕР РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Рассказывая в своих работах о переменах в социальной жизни и промышленности Германии, Чахотин выступал в качестве свидетеля модернизации Европы. Его рассказ о внедрении системы регулирования дорожного движения в Берлине, где местные власти и полицейское управление объединили свои усилия в борьбе с постоянными пробками и высокой аварийностью, представляет собой разбор конкретного примера «неотейлоризма» с комментарием по поводу перехода от XIX к XX в. в Европе. Используя идеи К.А. Трамма, выдающегося инженера, управляющего компанией «Берлинский трамвай»⁵⁵, городские власти Берлина ввели ограничения на проезд по некоторым оживленным улицам для отдельных видов транспорта (в частности, для конных экипажей), установили светофоры и создали подразделения уличных регулировщиков (некоторые из них работали на специальных вышках, которые берлинцы прозвали «Oberkieker»), а также проложили широкие тротуары для пешеходов. При этом они использовали пропагандистские приемы, как рассчитанные на сознательное восприятие, так и действующие на подсознание, при подготовке водителей и других участников дорожного движения, а также при обучении пешеходов, особенно детей, безопасному использованию общественного транспорта. В оформлении плакатов, городских карт, схем и расписаний дорожного движения, размещенных по всему городу для обеспечения наиболее эффективного использования новой системы, творчески применялись элементы графического дизайна — неотъемлемой части культуры НОТ⁵⁶.

⁵² Об этих теоретиках см.: Чахотин С.С. Организация. С. 9; Он же. В Каносу! С. 163–164; Он же. Окно в завтра // Накануне. [Архив Чахотина. Недатированная вырезка (возможно, 1922 г.)]. Чахотин писал о Пиорковском, что тот был «хорошо известен в России в кругах НОТ» и его институт предлагал курсы обучения «бюротехнике» и «организационной технике продаж» (Чахотин С.С. За границей: Германский Союз организаторов // НОТ и хозяйство. 1927. № 6/7).

⁵³ Куэ де ла Шатеньерэ Эмиль (1857–1926) — французский психолог и фармацевт, разработавший метод психотерапии и личностного роста, основанный на позитивном самовнушении.

⁵⁴ См.: Чахотин С.С. Заграничная хроника НОТ // НОТ и хозяйство. 1927. № 1.

⁵⁵ К.А. Трамм писал также книги о тейлоризме и прикладной психологии — например, *Tramm K.A. Psychotechnik und Taylor-System*. Berlin, 1921.

⁵⁶ См.: Чахотин С.С. НОТ в Германии // Хозяйство и управление. 1925. № 4. С. 107–110. Сам Чахотин будет впоследствии использовать свои навыки в пропаганде и графическом дизайне для организации кампаний против фашизма. В «Организации» он приводит много примеров использования графического дизайнера и пропаганды в рекламе.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «VOGEL-VERLAG»

Еще одним примером «рационального» и «гуманного» предприятия было для Чахотина издательство «Vogel-Verlag», находившееся в городе Пёснек в Тюрингии. Эта компания имела внушительное современное оборудование (14 линотипов, которые могли работать в 4 раза быстрее, чем наборщики вручную); передовую систему финансового менеджмента (в каждом из издаваемых журналов была своя бухгалтерия); а в маркетинговом отделе работало 70 человек (чтобы вести учет данных в новейшей индексной картотеке)⁵⁷. Но рационализация была проведена не только в сфере технологий и управления. Психотехника помогла понять, как важно гармонизировать рабочие процессы с учетом потребностей работников: необходим точный план работ, четкое разграничение обязанностей, вовлечение каждого работника в общую работу и поощрение рабочей солидарности в коллективе. Особое внимание должно уделяться вопросам безопасности, а заработная плата должна быть на таком уровне, чтобы удовлетворялись материальные и духовные потребности работников. И самое главное, каждый работающий должен верить в важность его работы. Даже для Германии все это было необычно и выделяло издательство «Vogel-Verlag» из ряда других предприятий, так же как и то внимание, которое там уделялось мероприятиям по улучшению бытовых условий работников: рабочим выделялись отдельные квартиры, были построены школа, спортивные сооружения и дом отдыха, расположенный в прекрасном парке⁵⁸. Значение отдыха и свободного времени начали признавать и на общегосударственном уровне, свидетельством тому было введение «выходных» — периода «рационального отдыха», который начинался в середине дня в субботу. Весной 1917 г. магистрат Берлина планировал проведение специальной выставки, посвященной этому новому обычаю, позаимствованному из Америки⁵⁹.

НОВЫЕ ПРОФЕССИИ

Хотя Чахотин в своих работах по социологии уделял не слишком много внимания развитию гражданского общества, его, несомненно, поразил тот факт, что растущее применение достижений науки управления привело к появлению новых профессий в Германии точно так же, как это произошло ранее в США. Прежде всего, это были профессии консультантов в области управления: инженер-консультант и присяжный бухгалтер-ревизор. Новые консультационные компании, которые часто создавались в форме «доверительного ревизионного общества» (Treuhandlungsgesellschaft), оказывали не только обычные финансовые услуги (подтверждение кредитоспособности, ликвидация компании), они также

---

⁵⁷ Системы классификации и каталогизации входили в сферу интересов Чахотина — он даже изобрел свою собственную систему для использования в исследовательской и научной работе под названием «Масса-Время».

⁵⁸ См.: Чахотин С.С. НОТ в Германии // НОТ и хозяйство. 1926. № 12.

⁵⁹ См.: Он же. Заграничная хроника НОТ // Там же. 1927. № 1.

могли внедрить на предприятии новейшие системы финансового менеджмента и управления, другими словами — реорганизовать или «рационализировать» компанию⁶⁰. Создавались и ассоциации консультантов в области управления — например, Союз по организации (Gesellschaft für Organisation — G f. O), объединявший корпоративных членов, а также — в рамках одного из его подразделений, имевшего название «Члены Союза организаторов» («Mitglieder des Organisatoren-Verbandes» — M d. O) — индивидуальных консультантов⁶¹.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Чахотин, по сути, был беспартийным социалистом. В своих мемуарах он утверждает, что в 1917 г. являлся «членом партии Плеханова», но, хотя его взгляды значительно повзрослели в течение 1917 г., нет никаких свидетельств того, что он следовал политике или выполнял директивы группы «Единство», которой руководил Плеханов⁶². Чахотин не был марксистом. Он называл свой собственный вариант социализма «активным социализмом». В своих политических статьях он часто использовал научную терминологию из сферы цитологии, а в 1930-е гг., во время кампании против фашизма в Германии, Дании и Франции, предпочитал сотрудничество с молодежным крылом лейбористского движения, а не со старым руководством, которое считал отставшим от жизни в интеллектуальном отношении.

Чахотин не был социалистом-рыночником. Хотя он признавал ту роль, которую частное предпринимательство и гражданское общество сыграли в процессе «рационализации» Германии, его концепция развития советской России предполагала централизованное планирование. Как мы уже видели, он явно сожалел о том, что модель Мёллендорфа потерпела крах в России. На смену национализации торговли и естественному товарообмену пришла система, в которой сосуществовали государственная, кооперативная и частная формы собственности. Это означало, что существовали «внутренние риски НЭП». Радовало хотя бы то, что постепенно, «поэтапно» опять вводились меры центрального государственного планирования⁶³. Чахотин с одобрением отмечал работу Госплана и Совета труда и обороны по районированию и электрификации страны⁶⁴. Еще одним способом снижения рисков НЭПа могло бы быть развитие НОТ, т. е. внедрение «принципов

⁶⁰ См.: Чахотин С.С. НОТ в Германии: (Доверительные общества — один из элементов НОТа) // НОТ и хозяйство // 1927. № 4.

⁶¹ См.: Он же. За границей: Германский союз организаторов // Там же. № 6/7. В этой статье Чахотин сообщает, что его статьи о развитии НОТ в советской России были напечатаны в журнале этой ассоциации «Organisation: Zeitschrift für Betriebswissenschaft, Verwaltungspraxis u. Wirtschaftspolitik; offizielles Organ des Organisatoren-Verbandes u. d. Ausschusses für Büro-Organisation (ABO)».

⁶² См.: *Tchakhotine S.* Un Phare me guidait. P. 57, а также автобиографию Чахотина 1956 г., опубликованную в статье: *Сорокина М.Ю.* «Невозвращенцы», или Как Сергей Чахотин вернулся в СССР // Третьи чтения памяти В. Иофе. Право на имя: Биография вне шаблона. 22–24 апреля 2005: Сб. докл. СПб., 2006. С. 73–87.

⁶³ Чахотин С.С. Организация. С. 66–69.

⁶⁴ Там же. С. 66–69.

рационального планирования» в производстве и торговле⁶⁵. Вероятно, именно эта приверженность Чахотина идее централизованного планирования невольно сделала его теоретическим союзником сторонников центрального планирования, которые в конце концов победили в советских экономических дебатах 1920-х гг.⁶⁶

В более ранние годы из всех большевиков Чахотин был ближе всего по своим взглядам к Леониду Красину — главному «техницисту» в советском правительстве. Во время Генуэзской конференции Чахотин взял интервью у Красина, и в своем отчете в газете «Накануне» он с определенным чувством удовлетворения отметил, что Красин разделяет его взгляды на значение методов «рациональной организации», особенно если советской России придется развиваться в экономической изоляции от остального мира⁶⁷. По словам Красина, ощущался «огромный интерес к тейлоризму в Новой России. Ленин даже попросил всех наших представителей за рубежом собирать всю доступную информацию по этому вопросу и пересылать ее в Москву»⁶⁸.

В это время не только Красин, но и другие представители большевистского руководства, и среди них Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин и Томский, положительно оценивали научный менеджмент⁶⁹. Чахотин должен был знать, что Ленин, ранее критиковавший Тейлора, пересмотрел свою позицию вплоть до того, что в апреле 1918 г. заявил на заседании президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), что «в декрете необходимо определенно сказать о введении системы Тейлора» в России⁷⁰. В 1922 г. Ленин написал в целом благоприятный отзыв на книгу Осипа Аркадьевича Ерманского «Научная организация труда и система

⁶⁵ Чахотин С.С. За кем победа? // Накануне [Архив Чахотина. Недатированная вырезка (возможно, 1922 г.)].

⁶⁶ Одним из ведущих экономистов, сочетавших интерес к научному менеджменту с приверженностью идеям централизованного планирования, был Станислав Густавович Струмилин (1877–1974). См. тезисы его выступления на Первой всероссийской конференции по научной организации труда: Сборник тезисов к докладам, представленным на конференцию по научной организации труда в производстве. М., 1921. С. 35–36. Про сходство и различие между ранним советским «тейлоризмом» и «рационализацией» периода первой пятилетки см.: *Beissinger M.R. Scientific Management. Ch. 1–4.*

⁶⁷ О «техницизме» Красина см.: *O'Connor T.E. The Engineer of Revolution. L.B. Krasin and the Bolsheviks 1870–1926. Boulder; San Francisco; Oxford, 1992.*

⁶⁸ Цит. по: Чахотин С.С. Л.Б. Красин о Генуе и вытекающих из нее задачах // Накануне [Архив Чахотина. Недатированная вырезка (скорее всего, в конце Генуэзской конференции 10 апреля — 19 мая 1922 г.)].

⁶⁹ Троцкий был одним из главных политических покровителей НОТ (наряду с Г.Е. Зиновьевым, Н.И. Бухариным и М.П. Томским), и именно по его инициативе в январе 1921 г. была организована Первая конференции по научной организации труда. См.: *Корицкий Э.Б. Первые страницы НОТ // У истоков НОТ: Забытые дискуссии и нереализованные идеи. Л., 1990. Мы видим Троцкого среди авторов журнала «Время», посвященного проблематике НОТ, в номерах за 1923 г. (№ 1) и 1924 г. (по № 3 включительно), после чего его имя исчезает из перечня авторов этого издания.*

⁷⁰ Ленин В.И. Выступление на заседании Президиума ВСНХ 1 апреля 1918 г. // Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1962. Т. 36. С. 212. См. также: *Он же. Очередные задачи Советской власти, 23 и 28 марта 1918 г. // Там же. С. 140–141; Он же. Очередные задачи Советской власти, 13–26 апреля 1918 г. // Правда. 1918. 28 апр. (опубл.: Полн. собр. соч. Т. 36. С. 189–190); Он же. Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти, 29 апреля — 3 мая 1918 г. // Беднота. 1918. 9 мая (опубл.: Там же. Т. 36. С. 279). См. раннюю критику Тейлора Лениным: «Научная» система выжимания пота // Правда. 1913. 13 марта (опубл.: Там же. М., 1961. Т. 23. С. 18–19); Система Тейлора — порабощение человека машиной // Путь Правды. 1914. 13 марта (опубл.: Там же. М., 1961. Т. 24. С. 369–371).*

Тейлора»⁷¹, а в своих последних работах, которые он писал в январе — марте 1923 г. для XII съезда РКП(б) (17–25 апреля 1923), предлагал законодательные изменения, которые облегчили бы внедрение системы Тейлора в России. Именно эти последние работы часто цитируют как свидетельство того, что Ленин был твердо намерен «дебюрократизировать» партию и советский административный аппарат⁷². Однако они также свидетельствуют о приверженности принципам рационализации в духе тейлоризма — и эту задачу Ленин предлагал возложить на реорганизованную Рабоче-крестьянскую инспекцию, которая должна была, по его мнению, стать объединенным органом Коммунистической партии и госаппарата⁷³.

В апреле 1923 г. в двух статьях, напечатанных в «Накануне» до и во время XII съезда РКП(б), Чахотин пытается определиться в своей позиции к предложениям Ленина по Рабкрину и их резкой критике Красиным, заявившим, что они поддерживают «гипертрофию контроля и переоценку его значения». В статье, напечатанной 24 марта в газете «Правда», Красин выражает опасения по поводу того, что окопавшиеся в новом «сверхкомиссариате» некомпетентные коммунисты смогут диктовать свои условия опытным производственникам и управленцам. Эти управленцы уже были «членами партии по необходимости»; только если контроль будет осуществляться на уровне производства, беспартийные специалисты, чей вклад в развитие экономики очень важен, согласятся работать при новом режиме⁷⁴. Чахотин, стараясь не акцентировать внимание на явных разногласиях между позициями Ленина и Красина, подробно остановился на возможности использовать Рабкрин в качестве школы государственного управления: и в России, и на Западе все еще не хватало специалистов в области рациональной организации труда, и вместо того чтобы полагаться в основном на «буржуазных спецов», советская Россия могла бы создать свой центр («организационно-инструкторский аппарат») для отбора и обучения собственных кадров. Эту задачу мог бы помочь решить Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин)⁷⁵.

Именно эта открытая поддержка Рабкрина, возможно, помогла Чахотину стать «иностранным представителем Рабкрин в Берлине» в тот период, ког-

⁷¹ *Ерманский О.А.* Научная организация труда и система Тейлора. М.: Госиздат, 1922. Ленин критиковал книгу только за ее вторичность. См. статью, написанную не раньше 19 сентября 1922 г.: *Ленин В.И.* Ложка дегтя в бочке меда // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 206–207.

⁷² См.: *Lewin M.* Lenin's Last Struggle. L., 1969.

⁷³ См.: *Ленин В.И.* Как нам реорганизовать Рабкрин: (Предложение XII съезду партии) // Правда. 1923. 23 янв. (опубл.: Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383–388); Лучше меньше, да лучше // Правда. 1923. 4 марта (опубл.: Там же. С. 389–406).

⁷⁴ См.: *Красин Л.Б.* Контроль или производство? // Правда. 1923. 24 марта. На XII съезде партии, в отсутствие Ленина, Зиновьев и Бухарин раскритиковали позицию Красиного. См.: *Rees E.A.* State Control in Soviet Russia: The Rise and Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate, 1920–1934. L., 1987. P. 52–54; *Beissinger M.R.* Scientific Management. P. 48–50.

⁷⁵ См.: *Чахотин С.С.* В чем эволюция? // Накануне. [Архив Чахотина. Недатированная вырезка (возможно, апрель 1923 г.); Спор Ленина — Красиного // Накануне. [Архив Чахотина. Недатированная вырезка (написана во время XII съезда партии)]. См. также: Организация, не импровизация // Накануне. 1923. 12 дек. О дискуссии между Красиным и Зиновьевым на XII съезде партии см.: *O'Connor T.E.* The Engineer of Revolution... P. 141–144.

да он работал в советской торговой миссии⁷⁶. Как мы уже видели, созданная им библиография «Европейская литература по НОТ» была напечатана в 1924 г. при поддержке Рабкрина. Начиная с 1924 г. он печатался в «Информационном бюллетене» — органе Центральной контрольной комиссии Российской коммунистической партии (ЦКК РКП(б)) и Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции (предложение Ленина по их объединению было принято XII съездом РКП(б))⁷⁷. В 1924–1928 гг. в журнале Рабкрина «НОТ и хозяйство» появилось в общей сложности двенадцать статей Чахотина, в большинстве своем посвященных новейшим достижениям в области научного менеджмента в Германии⁷⁸.

ТЕХНИЦИЗМ И УВРИЕРИЗМ

Чахотинская модель социалистической политической системы не была централизованной в отличие от его модели социалистической экономики. Конечно, он не был либералом и с одобрением воспринял то, что советская система отказалась от «классического “демократического” избирательного права на основе “всеобщего, равного, прямого и тайного” голосования в пользу выборов представителей трудовых коллективов, то есть заводов, сельских объединений, профессиональных союзов и т. д.»⁷⁹. В то же время Чахотин критиковал партийно-государственную систему России, существовавшую в первые годы нэпа. Он провидчески отмечал, что существуют «проблемы в структурных и функциональных связях между, с одной стороны, законодательной властью — Советами — и их исполнительными комитетами — ВЦИК, Совнаркомом — и, с другой стороны, тремя главными учреждениями, компетенции которых в Советском государстве в настоящее время пересекаются и недостаточно разграничены, а именно Советом, основным органом власти, партией, которая служит своего рода хребтом или рычагом, используемым исполнительной властью для подготовки и реализации законотворческих решений Совета, и, наконец, профсоюзами, которые являются естественной основой трудового государства»⁸⁰. Чахотин считал, что это смешение функций — временное явление, но, в соответствии со своей полутехнистической, полуувриеристской концепцией социализма, он не советовал прибегать к гегемонии партии в качестве способа разрешения этого конфликта интересов. Он скорее считал, что «успех всего проекта, очень интересного с социо-организационной точки зрения, зависит от налаживания необходимых связей между Советами и профсоюзами»⁸¹.

---

⁷⁶ См. автобиографию Чахотина 1956 г., опубликованную в: *Сорокина М.Ю.* «Невозвращенцы», или Как Сергей Чахотин вернулся в СССР.

⁷⁷ Возможно, «Бюллетень ЦКК ВКП(б) — НК РКП СССР и РСФСР». См.: *Tchakhotine S.* Un Phare me guidait. P. 68.

⁷⁸ НОТ и хозяйство (Орган ЗКК ВКП(б) и НК РКП ЗСФСР) — журнал Закавказской центральной контрольной комиссии Всероссийской коммунистической партии и Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики.

⁷⁹ Чахотин С.С. Организация. С. 135–136.

⁸⁰ Там же. С. 136. Выделено мною. — Дж. Б.

⁸¹ Там же.

УХОД ОТ ПОЛЕМИКИ

В 1923 г. Чахотин с одобрением писал о работе Центрального института труда, который был создан в 1920 г. при Всероссийском центральном совете профессиональных союзов (ВЦСПС) под руководством Алексея Капитоновича Гастева⁸², а в 1923 г. переподчинен реорганизованному Рабкрину. Он был рад узнать, что этот институт, подобно его американским и европейским аналогам, занимался исследованиями в области психотехники⁸³. В 1920-е гг. в советской России шла упорная борьба за руководство движением НОТ, но Чахотин в дискуссиях по этому поводу не участвовал⁸⁴. Возможно, он не знал об обмене мнениями между Гастевым и Александром Богдановым, имевшем место на страницах журнала «Пролетарская культура» в 1919 г.⁸⁵ Но было бы странно, если бы Чахотин не был знаком с материалами Первой Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства, проходившей в Москве 20–27 января 1921 г., где Богданов выступил со вступительным докладом⁸⁶, — тем не менее в своих работах он нигде не упоминает об этом событии. Учитывая высокий статус Богданова как теоретика организации труда (Чахотин включил «Тектологию» Богданова в свою библиографию 1924 г.) и тот факт, что Богданов был автором брошюры о системе Тейлора⁸⁷, можно только предположить, что Чахотин решил воздержаться от каких-либо комментариев по поводу деятельности Богданова после того, как узнал о неприязненном отношении к тому́ Ленина.

⁸² Гастев Алексей Капитонович (1882–1941) — основатель Центрального института труда (1920). Влияние на его взгляды оказали Фредерик У. Тейлор, Фрэнк Гилбрет и Генри Форд. О роли Гастева в истории советского тейлоризма см.: *Bailes K. Alexei Gastev and the Soviet controversy over Taylorism // Soviet Studies. 1977. Vol. 29. № 3. P. 374–375; Beissinger M.R. Scientific Management; Кравченко А.И. Классики социологии менеджмента: Ф. Тейлор. А. Гастев. СПб., 1998.*

⁸³ См.: Чахотин С.С. Организация. С. 115. О роли Центрального института труда в образовании рабочих в 1923–1928 гг. см.: *Beissinger M.R. Scientific Management. P. 66–73; Ch. 3.*

⁸⁴ О разногласиях внутри движения НОТ см.: *Lieberstein S. Work and Sociology in the USSR; Bailes K. Alexei Gastev and the Soviet Controversy over Taylorism // Soviet Studies. 1977. Vol. 29. № 3. P. 373–394; Idem. Technology and Society under Lenin and Stalin: Origins of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941. Princeton, 1978; Sochor Z.A. Soviet Taylorism Revisited // Soviet Studies. 1981. № 2. P. 246–264; Idem. Revolution and Culture: The Bogdanov — Lenin Controversy. Ithica; L., 1988; Smith S. Taylorism Rules Bolshevism, Taylorism and the Technical Intelligentsia in the Soviet Union, 1917–1941 // Radical Science Journal. 1983. № 13. P. 3–27; Rees E.A. State Control in Soviet Russia. P. 85–87; Beissinger M.R. Scientific Management. P. 55–58; Корицкий Э.Б. Первые страницы НОТ.*

⁸⁵ См. статью Гастева в «Пролетарской культуре» № 9/10 (июнь – июль) (с. 34–45) и ответ Богданова: Богданов А. О тенденциях пролетарской культуры: (Ответ Гастеву) // Пролетарская культура. 1919. Июнь – июль. № 9/10. С. 46–52. Статья Богданова была перепечатана в книге: Богданов А.А. О пролетарской культуре: Статьи. 1904–1924. М.; Л., 1925.

⁸⁶ Богданов А.А. Организационная наука и хозяйственная планомерность // Труды 1-й Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда и производства, 20–27 января 1921 г. Вып. 1 (Заседания Пленума конференции). М., 1921. С. 8–12; приведена также в Приложении 1 (с. 297–306) к сборнику: Богданов А.А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921.

⁸⁷ Богданов А.А. Между человеком и машиной: О системе Тейлора. СПб., 1913 (2-е перераб. изд.: М., 1918; 3-е: Харьков, 1919).

Чахотин также не принял никакого участия в дискуссиях, разгоревшихся между сторонниками Гастева и Платона Михайловича Керженцева (1881–1940) в период между Первой (январь 1921 г.) и Второй (март 1924 г.) Всероссийскими конференциями по НОТ по поводу целей и задач движения⁸⁸. Он включил по одной работе каждого из этих специалистов в свою библиографию по НОТ, но в своей статье в газете «Накануне» от 12 декабря 1923 г. он назвал конкуренцию между представителями различных течений «прискорбной» и призвал Рабкрин вмешаться и «принять меры для объединения этих течений и обеспечить их органичным руководством»⁸⁹. Это в конце концов и произошло к тому времени, когда Чахотин встретился с Гастевым в торговой миссии в Берлине в 1925 г. К этому моменту сферы влияния этих конкурирующих групп были разграничены Валерианом Владимировичем Куйбышевым, председателем ЦКК РКП(б). При этом Центральный институт труда под руководством Гастева стал прежде всего значительным научным центром, а в подготовке новых кадров был признан приоритет Рабкрина⁹⁰.

ЧАХОТИН В СОВЕТСКОМ ТОРГОВОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ В БЕРЛИНЕ (1924–1926)⁹¹

Как мы уже видели, редакция газеты «Накануне» и советское полпредство в Берлине поддерживали постоянную связь друг с другом. В 1921 г. Дюшен, не покидая редакционной коллегии, работал в советской торговой миссии до самого своего возвращения в Москву в 1926 г.⁹² В октябре 1923 г. Кирдецов вышел из редакционной коллегии газеты, чтобы возглавить отдел печати советского полпредства. Во время Генуэзской конференции 1922 г. Красин попросил Чахотина приехать в Берлин и дать свои рекомендации по рациональной организации торговой миссии, и это приглашение, наряду с новой ролью соучредителя и редактора газеты «Накануне», несомненно, повлияло на решение Чахотина о переезде в 1922 г. из Генуи в Берлин⁹³. В начале

⁸⁸ В феврале и марте 1924 г. две статьи Чахотина были напечатаны в журнале «Время» — печатном издании Лиги «Время» Керженцева. Его имя («Профессор Чахотин (Берлин)») стояло в перечне авторов журнала «Время» начиная с выпуска № 3 за 1924 г. по апрель 1925 г. включительно.

⁸⁹ См.: Организация, не импровизация // Накануне. 1923. 12 дек. Чахотин включил в свою библиографию 1924 г. книги обоих авторов: *Гастев А.К.* Наши задачи. М., 1921; *Керженцев П.М.* Принципы организации. Пг., 1922.

⁹⁰ Перед Второй конференцией по НОТ эти две группы изложили свои взгляды в документах «Платформы 17-ти» Керженцева и «Группы 4-х» Гастева. В.В. Куйбышев руководил работой конференции, пытаясь выбрать верный курс, который объединил бы обе платформы. См. раздел «Rabkrin and the “Scientific Organization of Labour”» в кн.: *Rees E.A.* State Control in Soviet Russia. P. 85–87; а также: *Beissinger M.R.* Scientific Management. P. 55–58; *Корицкий Э.Б.* Первые страницы НОТ.

⁹¹ В тех странах, где Советская Республика была признана де-юре, были открыты торговые представительства (торговые миссии) при посольствах, при этом торгпредства сами тоже имели определенные дипломатические привилегии. См.: *O'Connor T.E.* The Engineer of Revolution. P. 197. Создание торговых представительств проводилось на основании Постановления ВЦИК от 16 октября 1922 г. «О внешней торговле». Официальное название этого органа: Торговое представительство СССР в Германии.

⁹² См.: *Hardeman H.* Coming to Terms with the Soviet Régime. P. 160; биографии Кирдецова и Дюшена в кн.: *Квакин А.В.* Между белыми и красными.

⁹³ См.: *Tchakhotine S.* Un Phare me guidait. P. 67.

1924 г. Василий Васильевич Фомин (1884–1938), глава комиссии Совнаркома, во время своего визита в Берлин пригласил Чахотина принять участие в проверке работы торговой миссии⁹⁴. После завершения этой проверки, летом 1924 г., Чахотин принял участие в работе Первой Международной конференции по научной организации труда в Праге, где, не являясь официально членом советской делегации, он, как сообщалось, выступал «от ее имени»⁹⁵.

Работа Чахотина для торговой миссии в конце концов привела к тому, что вскоре после закрытия газеты «Накануне», осенью 1924 г., когда главой миссии был Борис Спиридонович Стомоняков, Чахотин стал полноправным ее сотрудником в качестве главы «организационного отдела»⁹⁶. Он читал лекции по научной организации труда, пытался рационализировать работу торгпредства и отвечал на запросы советских учреждений о предоставлении информации в этой сфере. В мемуарах он так рассказывал о своей работе в то время: «Я был уверен, что успех советского эксперимента зависит от роста производительности во всех сферах, и поэтому я поставил перед своим отделом следующие задачи: собирать информацию о последних достижениях в области научной организации труда в Германии и других зарубежных странах; позаботиться об обучении персонала торговой миссии в вопросах организации труда, чтобы они могли удовлетворить запросы различных учреждений советской России и снабдить их конторским оборудованием, соответствующим новым нормам рациональной организации. В рамках этой деятельности я организовал в своем отделе постоянную выставку конторского оборудования и методов конторской работы, рекламных материалов с информацией о психологии такой работы, — в общем, обо всем, что имеет отношение к научной организации труда. В то время я особо интересовался психотехникой, так что процедуры профессионального тестирования были широко представлены в материалах выставки. Эта постоянная выставка, единственная в своем роде в Берлине, вызвала большой интерес среди специалистов в сфере организации труда, и ее часто посещали члены немецкого Союза по организации (G f. O), в котором я тоже состоял, — они приходили познакомиться с новинками в этой области. Приезжие представители различных советских учреждений тоже заглядывали на нашу выставку, что помогало им сделать выбор для своих конторских нужд среди различных приспособлений, представленных там»⁹⁷. Среди других к нам приезжал и Гастев, очень известный в России директор Института научной организации труда. Мой отдел организовал подобные

---

⁹⁴ Летом 1925 г. Чахотина пригласили принять участие еще в одной проверке работы торговой миссии, на этот раз комиссию Совнаркома возглавлял Б.А. Ройзенман из РККИ (в тексте вспоминающий Чахотина «Ройзман»). См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait*. P. 70–71.

⁹⁵ См.: Report of the Proceedings of the First International Management Congress in Prague (PIMCO) July 20–24 / Publ. by The Institute for the Technical Management of Industry, Masaryk Academy of Work. Prague, 1925; *Корицкий Э.Б.* Первые страницы НОТ. С. 4. См. описание этой конференции Чахотиным: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait*. P. 70.

⁹⁶ См.: *Tchakhotine S. Un Phare me guidait*. P. 70. Борис Спиридонович Стомоняков (1882–1941) был торговым представителем в Берлине в 1920–1925 гг., а в 1934–1938 гг. — заместителем наркома иностранных дел СССР.

⁹⁷ Отчет Чахотина об этой выставке: *Чахотин С.С.* Выставка по поднятию производительности труда при берлинском торгпредстве // НОТ и хозяйство. 1925. № 12. С. 92–93.

выставки и на территории России, в Москве, на Волге и в Сибири, и мы их снабжали отдельными экспонатами, целыми комплектами оборудования и всеми необходимыми инструкциями. Я анализировал наши рабочие процессы в торговой миссии и давал свои рекомендации Госторгу⁹⁸ и прочим независимым организациям»⁹⁹.

«ИСЧЕЗНОВЕНИЕ» ЧАХОТИНА

Притом что Чахотин еще в 1922 г. получил советское гражданство, в 1924–1926 гг. работал в советской торговой миссии, его книги печатали Госиздат и Рабкрин, а его статьи выходили в журналах Рабкрина, можно только удивляться, почему его роль в истории движения НОТ в России совсем не признана и почему его имя вообще не упоминается в работах по истории развития социальной мысли в России. Ко 2 марта 1923 г., когда Ленин написал статью «Лучше меньше, да лучше» и призвал в ней к изданию «двух или больше учебников по организации труда вообще и специально труда управленческого», «Организация» Чахотина была только что опубликована в Берлине¹⁰⁰. Ленин назвал книгу Ерманского, обзор которой он сделал незадолго до этого, в качестве возможной основы для такого учебника наряду с «последней книгой Керженцева»¹⁰¹. Однако в отношении Ерманского Ленин сделал оговорку: «...хотя он, в скобках будь сказано, и отличается явным сочувствием меньшевизму и непригоден для составления учебника, подходящего для Советской власти»¹⁰². Если уж Ерманский был неподходящим автором для официально одобренного учебника, то Чахотин, с его крайне «пестрым» политическим прошлым, скорее всего, был бы признан еще менее пригодным для этой роли, и этот фактор стал решающим для тех, кто сменил Ленина во главе страны¹⁰³. Несомненно, и его длительное пребывание за рубежом тоже сыграло свою роль. И

⁹⁸ Госторг (Государственная экспортно-импортная контора) — подразделение Наркомата внешней торговли (НКВТ), отвечавшее за организацию экспортно-импортных операций на региональном уровне.

⁹⁹ *Tchakhotine S. Un Phare me guidait. P. 70–72.* В одной из автобиографий Чахотин описал свою работу в торговой миссии как деятельность, включавшую «обучение персонала торгпредства вопросам НОТ» и «ведение дел в организационном отделе торгпредства». В отчете, который он написал об этой выставке, он особо подчеркивал, что основным девизом выставки было ленинское «Лучше меньше, да лучше». См.: Чахотин С.С. Выставка по поднятию производительности труда при берлинском торгпредстве. С. 92–93.

¹⁰⁰ В предисловии Чахотина к изданию «Организации» 1923 г. указаны дата и место написания: «Берлин, февраль 1923». Второе издание было опубликовано в России только в 1925 г.

¹⁰¹ Возможно: Керженцев П.М. Принципы организации.

¹⁰² Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Правда. 1923. 4 марта (опубл.: Полн. собр. соч. Т. 45. С. 389–406).

¹⁰³ О.А. Ерманский (наст. фам. Коган; 1866–1941) в 1917 г. был меньшевиком-интернационалистом и членом редакционной коллегии журнала «Летопись» (декабрь 1917 — декабрь 1918). В 1918 г. он стал членом ЦК меньшевиков, но в 1921 г. вышел из партии меньшевиков и посвятил себя научной работе в Москве. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 632. Среди ранних работ Ерманского: «Система Тейлора» (М., 1918), а также книга, на которую Ленин написал свой отзыв: «Научная организация труда и система Тейлора» (М., 1922; четыре издания). Чахотин включил в свою библиографию 1924 г. эту работу и книгу Ерманского «Проблема ритма в работе».

кроме того, в конце 1920-х научная организация труда и управления «отторгается административной системой, уступая место волюнтаристскому произволу»¹⁰⁴.

В 1926 г. сокращение персонала стало серьезно влиять на работу Чахотина. Кроме того, он был измучен постоянными конфликтами внутри советской торговой миссии, что привело к серьезной болезни, и в конце концов Чахотин уволился из торговой миссии и переехал вместе с семьей в Штутгарт¹⁰⁵. Покинув торговую миссию, он лишился удобной платформы для передачи своих идей в Советский Союз (хотя и продолжал печататься в журнале «НОТ и хозяйство» до 1928 г.). В Германии в 1930–1932 гг. Чахотин опубликовал несколько статей о рациональной организации научной работы, а в своей кампании против фашизма в Германии, Дании и Франции в 1930-х гг. продолжал продвигать и активно использовать методы и принципы Павлова и Тейлора. Но только после своего возвращения в советскую Россию в 1958 г. (где он работал в Академии наук СССР) он смог возобновить свою деятельность по популяризации в России принципов научного менеджмента¹⁰⁶. 24 октября 1962 г., после публикации в газете «Правда» статьи академика Акселя Ивановича Берга «В.И. Ленин и научная организация труда», дисциплина «научный менеджмент» была окончательно реабилитирована, и Чахотин смог возобновить свою неустанную работу по продвижению НОТ, на этот раз — на советских промышленных предприятиях и в учебных заведениях¹⁰⁷. В 1960–70-х гг. журналист Александр Самуилович Харьковский в своих статьях привлек внимание общественности к достижениям Чахотина как биолога и к размаху его интересов в области социальной мысли¹⁰⁸. Понятно, почему в годы застоя Чахотину не удавалось найти издателя для своих трудов. Но сейчас, когда с начала перестройки прошло уже более 20 лет, давно настало время переиздать его ключевые работы по теории пропаганды и теории научного менеджмента¹⁰⁹.

Перевод с англ. А.А. Науменко

¹⁰⁴ См.: *Корицкий Э.Б.* Первые страницы НОТ. С. 15; *Beissinger M.R.* Scientific Management. Ch. 3, 4.

¹⁰⁵ См.: *Tchakhotine S.* Un Phare me guidait. P. 71–72.

¹⁰⁶ Об обстоятельствах возвращения Чахотина в СССР см.: *Сорокина М.Ю.* «В Каноссу!», или Как Сергей Чахотин вернулся на родину; *Она же.* «Невозвращенцы», или Как Сергей Чахотин вернулся в СССР.

¹⁰⁷ См.: *Берг А.И.* В.И. Ленин и научная организация труда // *Правда.* 1962. 24 окт. См. также: *Beissinger M.R.* Scientific Management. Ch. 5: The Rebirth of Managerialism.

¹⁰⁸ *Харьковский А.С.* Чахотинская одиссея // *Литературная газета.* 1965. 4 дек. № 44 (3913). С. 1–2; *Он же.* Пока лекарство не выпито // *Неделя.* 1968. 17 нояб. № 47; *Он же.* На семи ветрах // *Социалистическая индустрия.* 1971. 5 сент.; *Он же.* Чахотинская одиссея // *Огонек.* 1974. № 8. С. 6–7.

¹⁰⁹ Особенно своевременной была бы публикация русского перевода книги «Le viol des foules par la propaganda politique» (Р., 1939; 2-е изд.: Р., 1952), в английском переводе — «The Rape of the Masses».

М.Г. Литаврина

«...В БЕРЛИНЕ БЫЛИ В РОЛИ ГИДОВ...»:
В.Г. ГАЙДАРОВ О БЕРЛИНСКОМ КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ 1920-х гг.

Очей незримые ирисы
Благоуханно-хороши,
Ах, нет утонченной актрисы
И артистичнее души!
Нередко, невзирая на ночь,
Засиживались впятером.
— Читайте, милый «Северяныч»,
И мы Вам с радостью прочтем, —
Твердила ласково и мягко,
Она, прищурясь и куря.
И пенил душу я в честь Вакха,
Живя, сверкая и горя!
Красив, как римлянин, Гайдаров,
Встает и всех лазорит он:
Нам звоном бархатных ударов
Виолончелит баритон.
Ольга Владимировна сценки
Разыгрывает про детей,
Как мальчик плакал из-за пенки,
Иль эпизод из жизни швей...
С ней, несмотря на тьму и на ночь,
Нам было ярко и светло,
И был целован «Северяныч»,
Как мать дитя, в чело...

Игорь Северянин.
«У Гзовской» (1923)¹

Осенью 1921 г. афиши русского Берлина объявляли о постановке уайльдовской «Саломей»². Было провозглашено о создании Русского художественного передвижного театра, в репертуаре которого обещались еще и Тургенев, и Гольдони, и Леонид Андреев, и Федор Сологуб. С обложки берлинского художественного журнала «Жар-птица»³ вскоре смотрела на читателя — в экзотическом головном уборе и смелом наряде — бывшая московская театральная

---

¹ Машинописную копию стихотворения, фрагмент которого выбран в качестве эпиграфа, Н.В. Гайдарова прислала автору настоящей работы в 1998 г.

² См.: ОР РНБ. Ф. 1342 (Гайдаровы В.Г. и Н.В., Гзовская О.В.). Оп. 1. № 1101. С. 1–2.

³ Жар-птица. 1921. № 2.

звезда Ольга Гзовская⁴. Она уже играла эту роль в недавно амнистированной пьесе в Москве, и премьера спектакля Малого театра тогда почти совпала с началом революции. О дуэли двух Саломей взбаламученной Москвы — А. Коонен⁵ и О. Гзовской — не писал разве что ленивый. Обратил внимание на эти постановки и поэт Георгий Иванов. И хотя считалось, что старомодный Малый проиграл в этом состязании эстету и модернисту Таирову, Гзовскую — Саломею молодежь обожала. Гзовская же решила взять реванш в Берлине, и в основе ее замысла, не лишённого художественных заимствований, лежала одна из популярных идей Серебряного века — двоемирие. Характерной особенностью театральной стилистики этой постановки и отличием от показанного большинством уже заявивших о себе русских трупп в Берлине была ее явная связь с эстетикой модерна и символизма. Дать Саломею не как обычное воплощение чувственной извращенности, а «как своеобразный переход от гибнущего в разврате язычества к христианству, к предшественнику Христа — Иоканаану»⁶, — таков был современный пафос замысла Гзовской. Его всячески поддерживали декорационными и костюмными решениями художники Н. Исцеленов и М. Лагорио⁷, искусно стилизуя античные одежды и вписывая в современные сценические каре оцетинившееся копьями войско Ирода. Но главное, у Гзовской был союзник и молодой партнер — бывший мхатовец Владимир Гайдаров, исполнитель роли того самого Иоканаана-Христа. Он тогда сразу обратил на себя внимание публики: «Одинокий Иоканаан... с обнаженной головой и рыжими, длинными, взлохмаченными волосами»⁸. При всем несовершенстве и эклектичности постановщики прежде всего сделали очевидную ставку на зрелищность — и не ошиблись. И хотя русско-берлинская критика назвала спектакль «мозаикой стилей»⁹, да и современный исследователь этой нетрадиционной для эмигрантского театра постановки склонен считать ее «неудачной» и «отрицательно отразившейся на дальнейших планах труппы»¹⁰, сам исполнитель роли Иоканаана пишет в своих мемуарах обратное: именно благодаря «Саломее» и помещенному «Жар-птицей» эффектному снимку их и заметили в Берлине 21-го года, и началась в полном смысле этого слова карьера этой пары русских актеров в Германии.

⁴ Гзовская Ольга Владимировна (1883–1962) — артистка московских Малого (1905–1908, 1909–1910, с перерывами; 1917–1919) и Художественного (1910–1917, 1919–1920, с перерывами) театров. Снималась в немом кино. В описываемое Гайдаровым время артисткой постоянной труппы МХТ уже не была. В 1919 г. также преподавала в Шаляпинской студии в Москве, выступала на сцене Малого театра в роли Саломеи. Брак Гзовской с В.Г. Гайдаровым был зарегистрирован уже в зарубежье (1926), что подтверждается архивными материалами. В Берлин в 1921 г. Гзовская прибыла с мужем — В.А. Нелидовым и партнером по сценическому тандему — В.Г. Гайдаровым.

⁵ Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) — артистка Московского камерного театра (1914–1949), выдающаяся трагическая актриса.

⁶ Г.Р. К постановке «Саломеи» // Жар-птица. 1921. № 2. С. 3.

⁷ См. о них: Лейкинд О., Северюхин Д. Художники русской эмиграции: 1917–1941: Биографический словарь. СПб., 1994. С. 224 и др.

⁸ Бемиг М. Берлин начала 20-х гг.: столица русского или эмигрантского театра? // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: В 2 кн. 1994. Кн. 2. С. 351. См. также: Bohmig M. Das Russische Theater in Berlin. 1919–1931. München, 1990.

⁹ Офросимов Ю. Театр: Фельетоны. Берлин, 1928. С. 143.

¹⁰ Бемиг М. Берлин начала 20-х гг. ... С. 351.

Подчеркнем: изначально Гайдаров и Гзовская в Германии — не эмигранты, а *художественные мигранты*, которые составляли тогда значительную часть артистических беженцев из СССР. В эпоху ранних двадцатых, когда еще многим казалось рано определяться и хотелось длить и длить свое бытие в междуцарствии, в междувременье, — о чем писал Г. Струве¹¹ — такое не было редкостью. О Берлине как русской чрезмерно разросшейся «ярмарке талантов» говорит и журналист Ю. Офросимов в своей книге очерков об актерской жизни русских берлинцев¹² (об этом главном критике русского Берлина не всегда по-доброму вспоминает и Гайдаров) — куда спешить, раз все *для них* складывалось как нельзя лучше. О причинах выезда из СССР Гайдаров говорит скупно, немного проясняют картину его интервью немецкой прессе: стало работать невозможно... не было условий для творчества. В интервью изданию «Кинонеделя» («Filmwoche») он позже говорил: «...работа в кино и в театре России столкнулась с большими затруднениями, нервы устали...»¹³ Вот и поехали в Прибалтику, а потом в Берлин — «работать». Получилось — на долгих 12 лет.

Ранее не публиковавшиеся мемуары Владимира Георгиевича Гайдарова о русском Берлине «Русские на чужбине»¹⁴ — это «записки постороннего», записки человека с советским паспортом — об эмиграции, написанные через 35 лет после возвращения в СССР, в брежневские 60-е. Написанные лауреатом Сталинской премии за роль фельдмаршала Паулюса в советском фильме «Сталинградская битва» со всеми вытекающими отсюда особенностями и выводами. (Вероятно, найдутся читатели, которые не простят Гайдарову его идеологическую ангажированность: некоторые театроведы даже в середине 1980-х гг. решительно отговаривали его последнюю супругу, Наталью Васильевну Гайдарову, опубликовать эти воспоминания.) Написанные в то же время редким русским актером-удачником в Германии двадцатых: потому, может быть и вполне искренне, все другие ему кажутся неудачниками. И в том, что «эмиграция есть драма», он хочет убедить своих издателей и читателей в СССР и хочет, как это было тогда принято, «извлечь уроки» и предупредить об опасностях, поджидающих на чужбине. Очевидно, однако, что при всей идеологической экипировке и сопровождавших предисловиях и послесловиях советские издатели побаивались рукопись опубликовать — раз было создано три варианта мемуаров о годах, проведенных в Берлине, и, несмотря на все авторские правки, ритуальные словосочетания и дежурные обороты, остались эти страницы неизданными. Гайдаров же, прочитав недавно выпущенные книги реэмигрантов Л. Любимова¹⁵ и Д. Мейснера¹⁶, посчитал, что теперь — можно

---

¹¹ См.: Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984.

¹² Имеется в виду книга: Офросимов Ю. Театр: Фельетоны.

¹³ Интервью В. Гайдарова берлинскому изданию «Filmwoche» (1924. № 25) // ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 275. Отклики прессы. С. 2–3.

¹⁴ Фрагменты мемуаров В.Г. Гайдарова публикуются в приложении к настоящей статье.

¹⁵ Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976) — писатель, публицист, бывший эмигрант, сотрудник газет «Возрождение» и «Советский патриот» (в 1947 г. выслан из Франции), автор мемуаров «На чужбине» (М., 1963). Влияние воспоминаний Любимова, возможно, сказалось на выборе Гайдаровым названия для своей работы.

¹⁶ Мейснер Д. Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966.

снова обратиться к подобной теме. (Автобиографическая книга же Гайдарова «В театре и в кино» — где он достаточно подробно рассказал о немецком кино 1920-х гг., своих знаменитых партнерах и коллегах Асте Нильсен, Лиа де Путти, Алессандро Моисси, Эмиле Яннингсе, Мие Май, — вышла, как теперь ясно, с большими купюрами. Об этом свидетельствует и записка Н.В. Гайдаровой, приложенная к рукописям¹⁷.) Под последним вариантом сочинения «Русские на чужбине» стоит подпись и дата: Комарово, год 1968-й... Зловещий 68-й, которому он пытается даже найти оправдание, — лишь бы только издали текст. Ведь текст его не о «политических», не о белых эмигрантах, а о людях творческих профессий, зачастую вообще далеких от какого-либо сознательного идейного выбора, о страданиях тех, кто вообще оказался за границей случайно, по прихоти судьбы. Этот гуманитарный акцент записок В.Г. Гайдарова помогает при чтении преодолеть идеологическую фальшь их в ту пору обязательной экипировки.

Но для огромного количества зрителей и особенно зрительниц в Берлине двадцатых существовал совсем другой Владимир Гайдаров (Wladimir Gaidaroff) — иного они не знали и, вероятно, узнать совсем бы не захотели. Герой-любовник, персонаж красивых мелодрам и костюмных киноэпосов двадцатых «Человек с железной маской» (роль Э. Дантеса) и «Манон Леско» (роль кавалера Де Грие)... А потом будут «Горящая земля», вошедшая в историю мирового кино, «Трагедия любви», «Жулик против воли», «Белая рабыня», «Альпийская трагедия»... Десять лет почти непрерывных съемок и гастрольных поездок по Европе, редкая востребованность для русского в зарубежном кино, гладкий переход в павильон звукового фильма... Эта операция перехода в «тонфильм» прошла у него, к тому времени овладевшего немецкой речью в совершенстве, в отличие от абсолютного большинства русских актеров, практически безболезненно. Словом, он вписался в европейскую жизнь и искусство, как и Ольга Чехова¹⁸, в которую он нигде не бросит камень и напишет с уважением, отдавая должное ее скромному таланту и гигантскому труду. Он признает гениальность и право на поиск эмигранта Михаила Чехова¹⁹, виртуозное мастерство Владимира Соколова²⁰. Однако к такой упорной работе над собой в эмиграции оказались способны немногие русские. Как и О. Чехова, к концу двадцатых он чувствовал себя здесь отнюдь не в гостях. Они с Гзовской быстро стали, что называется, lokal и становились добровольны-

¹⁷ См.: Пояснительная записка Н.В. Гайдаровой [1994] // ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 1. № 127.

¹⁸ Чехова Ольга Константиновна (1897–1980) — племянница О.Л. Книппер-Чеховой, бывшая супруга М.А. Чехова. С начала 1920-х гг. актриса немецкого театра и кино. Автор мемуаров, русский перевод: «Мои часы идут иначе» (М., 1997).

¹⁹ Чехов Михаил Александрович (1891–1955) — русский актер театра и кино, бывший артист МХТ, художественный руководитель МХАТ Второго (1924–1928), племянник А.П. Чехова. В 1928 г. эмигрировал, работал в театрах Европы, снимался в Голливуде, преподавал, создал собственные актерские студии. Соч.: «Путь актера» (М., 1928); «О технике актера», «Жизнь и встречи» (Литературное наследие: В 2 т. М., 1995), «On the Technique of Acting» (L.; NY, 1953) и др.

²⁰ Соколов Владимир Александрович (1889–1962) — русский актер, педагог, артист Московского камерного театра. В результате полученной во время гастролей МКТ в Германии травмы остался за границей, работал у М. Рейнхардта, Ш. Дюллена, преподавал. После войны снимался в Голливуде, выступал с известными мастерами на сценах Лондона и Нью-Йорка, ставил спектакли как режиссер.

ми проводниками по авантюрному, опасному, загадочному и даже мистическому берлинскому пространству для прибывающих сюда представителей российской артистической богемы. Эту их новую роль сразу заметил и обратил себе на пользу приехавший сюда Северянин, обыграв в стихах: «Гайдаров, Гзовская, Нелидов / в Берлине были в роли гидов...» И вероятно, Гайдаров со временем мог бы стать тут, так же как О. Чехова, «государственным актером». Его жизненное и сценическое пространство было значительно шире «русского Берлина». Да, судя по мемуарам, многое кажется ему на чужбине чудным, непривычным, даже неприятным, оскорбляет порой его советскую нравственность и полтавское целомудрие — откровенность инстинктов, вынесенная на потребу, бытовая распущенность местной богемы, скабрзность театрального репертуара, голая Марлен Дитрих с папирозой в зубах в коридорах киностудии. (Впрочем, о последней он напишет потом в изданной в 1966 г. книге восторженно, добавив новые впечатления и скорректировав этот поначалу шокировавший его образ — когда она, уже легенда, придет в Ленинград с концертами и он будет встречать ее на вокзале²¹.) Но что все это — мелкие колючки, бытовой мусор — по сравнению с той радостью большой работы, участия в историческом европейском кино двадцатых, которая ему выпадает, — играть и просто быть на площадке у Мурнау, Любича, Вине. Хотя порой его записки не лишены сарказма и язвительных замечаний: о том, как сразу выучил главные слова в немецком киноязыке: не только «съемка», «свет», «грим», но и «столовая», «двойной коньяк», «черт возьми» — «эти слова относятся к необходимым реквизитам режиссера и произносятся фортиссимо с вытаращенными глазами. Иногда для усиления их воздействия ломается стул или падает тяжелый предмет»²². Впрочем, и описания ранних российских киноателе в его книге рисуют картину, далекую от идеала. Достается на орехи и бывшим соотечественникам, подвизавшимся в кино Германии, — чего стоит портрет Д. Буховецкого.

«Удачником», баловнем судьбы чернобровый красавец Гайдаров в Германии был настолько, что возникает мысль: как вообще решился вернуться в 1932 г., с какой стати? Особенно когда рассматриваешь архивные фотографии его роскошной берлинской квартиры — собрания антикварных редкостей. Эксклюзивная мебель, стеклянные изыски ар-деко, скрипка, ковры, портреты его и Ольги Гзовской в рост — на стенах. Никаких унылых русских пансионеров, портретированных Набоковым и Шкловским, а их артистические презентации нисколько не напоминают дешевый каботинаж размалеванных статистов из «Машеньки» и «Дара»... Кто еще из русских в Берлине двадцатых жил так, как они? Вот он играет в теннис с эмигрантом, бывшим солистом Большого Баклановым на корте в Берлине (ракеткой Владимир Георгиевич владел мастерски, еще в 1912 г. выиграл турнир в Москве). А вот Гайдаров за рулем модного авто, вот бороздит на лыжах склоны Альп, а вот, демонстрируя атлетическое сложение «римлянина», — идет под парусом в Средиземноморье... Страницы киножурналов обманчиво рисуют совершенно гламурный, как сказали бы сегодня, имидж заезжего героя-любовни-

²¹ О певичке кабаре и кинозвезде Марлен Дитрих, встречах с ней в Германии и России см.: *Гайдаров В.Г. В театре и в кино.* М.; Л., 1966. С. 135–137.

²² ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 275. Отклики прессы. С. 3.

ка. Перелистывая немецкие журналы и перебирая фотографии конца двадцатых, ловишь себя на мысли: «Богат, хорош собою...» — кажется, здесь у него есть все! Есть популярность — да еще такая, что порой приходится скрываться от досужих фройляйн, караулящих его не только у служебного входа театра, но и в тамбурах гастрольных поездов, заваливающих редакцию «Кинонедели» душеспитательными признаниями, нетерпеливо выведывающих его вкусы и пристрастия под видом журналисток. Абсолютно позабыто, что Гайдаров — из СССР, что он постоянно и недвусмысленно подчеркивает, что здесь всего лишь «на работе», что непременно когда-нибудь вернется домой. Да и какая разница, из какой он страны, этот «бог любви», этот Парис из кино-Трои?!²³ Он давно уже — полноправный патриций мировой космополитической киноимперии. А главное, удастся много путешествовать по миру, в основном благодаря гастролям и киноэкспедициям, увидеть и пустыни Африки, и «адриатические волны». Он гостит у Горького на Капри и проводит пасхальную ночь в знаменитом центре антропософии среди учеников Жак-Далькроза в Хеллерау. Его повсюду сопровождает супруга, актриса Ольга Гзовская, когда-то кокетливая Мирандолина и дерзкая Саломея московских предреволюционных сезонов, — которая уже не может угнаться за ритмом жизни мужа. Мужа, который моложе ее на 10 лет и ради которого она рассталась с опытным антрепренером и театральным деятелем Владимиром Нелидовым²⁴ — собственно, и привезшим их с Гайдаровым в Берлин! Она — партнерша Станиславского на сцене Художественного, она, звезда раннего немого российского кино, она, сама давно уже театральная педагог, имевшая собственную студию не только в Москве, но и в Берлине, она, покорившая Прагу еще в 1910-е гг. и вдохновлявшая чешских скульпторов и графиков идеальными пропорциями полуобнаженного тела в своих смелых сценических этюдах, — вынуждена теперь отступить на второй план. Увы, женский актерский век — всегда короче, и здесь Гзовская все чаще оказывается просто «фрау Гайдарофф».

Однако вернемся в начало, чтобы обрисовать более точный портрет автора «Русских на чужбине». Владимир Георгиевич Гайдаров родился в 1893 г., детство провел на Полтавщине. Впоследствии поступил в Московский университет, на философское отделение историко-филологического факультета. Данные для научной работы, вероятно, у юноши были неплохие: к концу обучения на него обратил внимание Г.Г. Шпет, у которого он занимался в семинаре по немецкой классической философии. Незадолго до Первой мировой войны и Октябрьского переворота Владимир начал усердно осваивать язык Фихте и Гегеля. Однако дальше судьба делает пируэт: юноша увлекся не только другим популярным в ту пору у российского студенчества немецкоязычным автором — Карлом Марксом, — но и театральным искусством, благо Художественный и Малый театры были совсем

²³ В фильме Манфреда Ноа «Падение Трои» (1924) В.Г. Гайдаров снялся в роли Париса.

²⁴ *Нелидов Владимир Алексеевич* (1869–1926) — деятель театра, заведующий труппой Малого театра в 1907–1909 гг., антрепренер, мемуарист, критик (соч.: Театральная Москва. М., 2002). Муж О.В. Гзовской до середины 1920-х гг. Активно участвовал в организации выступлений Гайдарова и Гзовской в Германии, писал анонсы и статьи в русской и немецкой прессе. После расставания с О.В. Гзовской уехал в США, где вскоре умер.

рядом и недаром назывались вторыми университетами. Скоро первый университет остался позади, а впереди был уже теперь МХАТ²⁵. Со временем для начала артистической карьеры Гайдарову и повезло, и не повезло: повезло выходить на сцену с самим Станиславским, стать свидетелем исторических событий не только на сцене России, но и в лучшем театре страны, быстро привлечь к себе внимание отечественного немого кино — «дитя модерна»... А не повезло — сполна хлебнуть театральной и общей разрухи Москвы 1919 г. В архиве артиста — карточка сотрудника МХАТ и удостоверение на 1919/20 г. Точное время поступления на работу в Художественный театр варьируется в разных документах: то 1913-й, то 1914-й — в справке²⁶, выданной впоследствии ему театром в послевоенные годы, то вообще 1915-й — в аппаратах некоторых изданий по истории МХТ²⁷. Известно, однако, что Гайдаров планировался на роль Алискана в блоковской пьесе «Роза и крест»²⁸, почти триста репетиций которой в театре, однако, не увенчались премьерой. Показателен один эпизод. Гайдаров — участник знаменитого «Каина»²⁹ — спектакля К.С. Станиславского по мистерии Джорджа Гордона Байрона, где режиссеру хотелось аллегорически отобразить братоубийственную гражданскую войну в России. Конечно, Гайдаров, исполнитель роли Авеля, огорчал создателя театра своей совершенно не подходящей к роли революционной настроенностью, но Станиславский в него, еще только начинающего актера с блестящими внешними данными, некоторой слабостью артистической воли и неидеальной дикцией, поверил. Поверил, несмотря на долгие препирательства новичка с постановщиком, в которые пускался по привычке экс-философ на репетициях. А дальше, когда несчастливой судьбы спектакль (состоялось только восемь представлений) был наконец поставлен, — произошел эпизод, в конце концов заставивший Гайдара «переменить судьбу». Гайдаров — убиенный Авель лежал на сцене и по всем законам правдивого мхатовского существования в образе изображал мертвое тело. И вдруг откуда-то с колосников (вероятно, крыша театра была повреждена в ходе интенсивных перестрелок осени 1917 г.) свалились на лицо Авеля, который легко мог стать жертвой повторно, пучки грязной соломы... Но вскоре произошло худшее. Уже назначенный в основной состав исполнителей в спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» и репетировавший роль Глумова, Гайдаров услышал за кулисами, случайно подойдя к одной из гримерных, слова Константина Сергеевича, сказанные актеру Ершову: «Срочно готовьте роль Глумова, я уве-

²⁵ Гайдаров все-таки окончит МГУ в 1920 г., защитив дипломную работу о Б. Спинозе.

²⁶ Справка от 1950 г. См.: ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 1. № 250. В личной карточке сотрудника МХТ указана дата поступления — 1 сентября 1915 г., как и в трудах по истории Художественного театра, а выбытия — 9 ноября 1920 г. В архивной справке указан год поступления в МХТ — 1914-й. Сам Гайдаров писал, что в 1913 г. официально участником студии МХТ он не был.

²⁷ См., напр.: *Немирович-Данченко Вл.И. Избранные письма*: В 2 т. М., 1979. Т. 2. С. 695.

²⁸ Противоречия и трудности постановки спектакля «Роза и крест» в МХТ отражены в «Дневнике» А.А. Блока (*Блок А. Дневник*. М., 1988. С. 200–204 и др.). (Первая читка пьесы Станиславскому состоялась в апреле 1913 г., работа растянулась на три года.)

²⁹ Премьера мистерии «Каин» в МХТ состоялась в апреле 1920 г. Л.М. Леонидов — Каин, В.Г. Гайдаров — Авель, В.Л. Ершов — Люцифер. Художник спектакля — Н.А. Андреев. В.Г. Гайдаров вел стенограммы репетиций спектакля. В.И. Немирович-Данченко был против его назначения на роль Авеля, предлагая заменить другим исполнителем.

рен, что Гайдаров уйдет за границу...» Он не поверил своим ушам: ведь он уже готовил роль, никаких намерений «уйти за границу» Станиславскому не высказывал... Он не стал выяснять отношения. На другой день Гайдаров принял приглашение эстонского импресарио стать партнером Ольги Гзовской на гастролях в Прибалтике³⁰. Для Станиславского это было равнозначно побегу... Да он и действительно бежал, обидевшись и ограничившись невнятной запиской, — словом, смалодушничал. Сколько ни объяснял потом Гайдаров Константину Сергеевичу свой поступок, сколько ни извинялся перед мэтром — ничего не помогало. Он на практике узнал, что такое категорический императив Художественного театра. Так началась их дорога «на Берлин».

Русский художественный передвижной театр, о создании которого они с Гзовской громко заявили премьерой «Саломеи», просуществовал, как было сказано, недолго. Но они уже вдохнули нового воздуха — странной атмосферы этого особого культурного пространства, настоящего Вавилона искусств, где соотечественники попадались на каждом шагу и было, как писал А.М. Ремизов, вообще непонятно: «Ли ты в Берлине, ли ты в Москве»³¹. Театральный штурм Германии продолжился уже в Мюнхене, где состоятся концерты русских артистов в Резиденц-театре. Там они и удостоились первых по-настоящему хвалебных отзывов: Гзовскую и Гайдарова признали мастерами «европейского класса», их выступление подтвердило, что «театр в России поднялся до таких высот, что, даже не понимая языка, — писал критик Вольф, — полностью подчиняешься их игре»³². «Преступление и наказание» — артисты выступили в сценах Раскольникова и Сони — по-настоящему захватило зрителя: «Одно лишь богатство их мимических средств выражения производило сильное впечатление»³³. Попадают в откликах и ожидаемые штампы: о «русской душе, исхлестанной судьбой»³⁴. И даже крайне невыгодное, казалось бы, для артистов сравнение с гастролировавшей в ту пору в Германии таировской труппой Камерного театра из СССР, проведенное критикой, имело позитивный итог: пара Гайдаров — Гзовская «служит слову и произведению автора», а не трюку, не «скачущей акробатике», словом, не сценической форме³⁵. Они — хранители «прекрасного русского наследия»³⁶. Гайдаров в роли Раскольникова, по приговору «Берлинского биржевого курьера»³⁷, тут же получил модное амплу героя-неврастеника, пылкого и нервного. При этом он обладал чувством юмора, что, по мнению европейцев, было у русских редкостью. Это уже были серьезные авансы, но... рецензентами был дан кардинальный совет: немедленно переходить

³⁰ Данный эпизод, объясняющий причины ухода из Художественного театра, приводится со слов самого Гайдарова в его книге: *Гайдаров В.Г. В театре и в кино*. С. 62–63.

³¹ Ремизов А.М. Крашенные рыла. Берлин, 1923.

³² «Утренний концерт в Резиденц-театре». 14.05.1923 // ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 275. Отклики прессы. С. 5.

³³ Там же.

³⁴ *Filmwoche*. 1925. № 27 // ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 275. Отклики прессы. С. 6.

³⁵ Отклики прессы. «Мюнхенские последние новости». 14.05.1923 // ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 275. Отклики прессы.

³⁶ Заметка о спектаклях опубликована в журнале «Жизнь искусства» (1923. № 14).

³⁷ *Berliner Börsen Kurrier*. 1926. 12. Apr. № 168.

на немецкий язык. И еще: категорически отказаться от чтения Маяковского и «Двенадцати» Блока — «избавьте нас...»³⁸. Одним из первых на немецком языке становится их необычный спектакль-диспут о современном русском театре, где каждый из актеров выдвигает свои «про» и «контра». При этом Гзовская, рапортует берлинский критик, «защищала дореволюционный русский театр» и, имея в виду театр Мейерхольда, «энергично отвергала задачу искусства как служанки политики»³⁹, — а Гайдаров, напротив, отстаивал все новое, молодое, доказывая, что «на сегодняшний день театр в России фактически стал народным»⁴⁰. Дальше, при последующих выступлениях, они дополнили свой дуэт современными танцами и пародийными сценками, на кои была большой мастер Ольга Владимировна. Потом они возьмутся за «Живой труп» Толстого и Гайдаров сделает роль Протасова с тщательностью и блеском — и с заслуженным успехом будет гастролировать по Центральной и Восточной Европе⁴¹. Но уже тогда, в 1922-м, казалось, успех совсем рядом. На практике, однако, окажется несколько иначе. Придется кочевать месяцами, уезжать в Прагу, Сплит, Дубровник, много гастролировать и по немецкой провинции. Придется работать без ссылок на былую российскую популярность и Ольге Гзовской. Придется сменить множество площадок, театральных адресов, кинопавильонов, выслушать немало колких слов от немецкой критики. Но для Гайдарова, как говорилось, все это будет с лихвой вознаграждено.

Последний его фильм в зарубежье — «Волны страсти» (1930), где он сам являлся режиссером-постановщиком, — не принес ему большого творческого удовлетворения, были еще планы и заявки, и он упорно ждет обещанных звонков с киностудий. Но почему-то в 1931 г. договоренности все чаще не имеют продолжения, становятся, как он говорит, «воздушными». Как свидетельствует запись в его дневнике от 22 сентября 1931 г.⁴², продюсеры оказываются все более безответственными и рассеянными, а их помощники забывают вовремя позвонить. Молчание представляется знаковым. После случайного посещения одного массового фашистского митинга с участием Гитлера во Дворце спорта в начале 1932 г. ему становится совсем не по себе. Впервые будущее не просто тревожит, но — пугает. Упоминает в книге мемуаров Гайдаров и об обструкции, устроенной нацистами фильму-экранизации Э.-М. Ремарка «На западном фронте без перемен». Он записывает в своем ежедневнике: «Того и гляди, взлетит на воздух весь мир...»⁴³ Гайдаров пытается отвлечься, работать над собой, регулярно берет философские книжки в библиотеке Торгпред-

³⁸ Berliner Börsen Kurrier. 1926. 12. Apr. № 168. Еще более резкий отзыв, считающий выступления актеров политически ангажированными, см.: Bayerische Staatszeitung. 1923. 15. Jan. // ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 275. Отклики прессы.

³⁹ См. статью Юлиуса Харта в переводе Гайдарова: ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 274. Отклики прессы. С. 37.

⁴⁰ Современная русская театральная жизнь. «Германия» (вечерний выпуск), 1926, № 55. 17 декабря // Там же. С. 27.

⁴¹ Об этом в нашей статье: Литаврина М.Г. Прощание славянки: (Актрисы Художественного театра: воспоминания о гастролях в славянских странах) // Славянский мир в глазах России. Slavica et Rossica. М., 2011. С. 236–238.

⁴² Tagebuch 1931. 22 сентября / Записные книжки В.Г. Гайдарова. Зап. кн. 3 // ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 136.

⁴³ Там же, оборот листа ежедневника.

ства СССР, пишет статьи об отличии техники звукового фильма от немого и, соответственно, новых требованиях к актерской игре. Ясно, однако, что интересных творческих предложений — нет. Тогда возникают мысли о перемене мест: о Голливуде, о возвращении в советскую Россию. Он советуется с прежним шефом и нынешним лидером советского театра — Немировичем-Данченко. От Голливуда тот отговаривал Гайдарова еще в конце 1920-х, когда сам прошел американскую школу: «...европейских актеров сильно притесняют»; «...как без визы нельзя ехать, так нельзя и без языка»... Актеров — переизбыток: «Мозжухин, и тот»... Словом, «...не зарыться на Америку»⁴⁴. Логика этих советов мэтра понятна. А вот насчет возвращения в Россию — холод ответа поразил патриотически настроенного Гайдарова. Стало ясно: во МХАТе не ждут, и там им не играть. Причина проста. Дескать, совсем недавно произошла перестройка руководства театром, МХАТ в СССР стал режимным, образцовым театральным флагманом — какие могут быть реэмигранты?!⁴⁵ Единственное (квартиры ни за что не дадут, предупреждал Немирович), чем придется довольствоваться, — провинция... Что Гайдаров был так уж наивен при своем обращении к Владимиру Ивановичу, что совсем не представлял обстановки в СССР — думать не приходится. В том же дневнике находим любопытную запись от 22 сентября 1931 г., сделанную, очевидно, еще до получения ответа на письмо о возможном возвращении: «Позвоню Немировичу-Данченко сегодня в 5. Интересно, что расскажет эта многоопытная и мудрая лиса...»⁴⁶ Все обстоятельства возвращения Гайдаровых в СССР в 1932 г. как тема исследования — дело будущего, и, возможно, неблизкого.

В отличие от тех мрачных картин, что рисовал руководитель МХАТа, они стремятся по возвращении во всем видеть хорошее и сохранять оптимизм — вероятно, но их, вернувшихся только что из Германии, даже приглашают сниматься в советском фильме из колхозной жизни!⁴⁷ И, несмотря на месяцы и годы мытарств, найдут наконец пристанище в Ленинграде, в Театре имени А.С. Пушкина, — т. е. бывшем императорском, Александринском, первом театре прошлой России! — куда звал их еще в конце 1920-х гг. народный артист Ю.М. Юрьев⁴⁸.

⁴⁴ Копия письма, датированного 23 февраля (год на подлиннике не указан; вероятно — 1927-й), прислана в 1996 г. автору настоящей статьи Н.В. Гайдаровой. Те же оценки Америки содержатся в опубликованном письме Вл.И. Немировича-Данченко А.В. Луначарскому (февраль 1927 г.). См.: *Немирович-Данченко Вл.И.* Избранные письма. Т. 2. С. 350–352.

⁴⁵ В.И. Немирович-Данченко — В.Г. Гайдарову [1931] // Архив автора (маш. копия, фрагмент). О ситуации, которая по возвращении ждала В. Гайдарова и О. Гзовскую, Немирович писал Л.Д. Леонидову в середине 1930-х: «...до сих пор Гайдарову и Гзовской не удалось устроиться ни в один театр» (подчеркнуто автором. — М.Л.) (Письмо Вл.И. Немировича-Данченко Л.Д. Леонидову от 12 июля 1935 г. // ПЦТМ им. А.А. Бахрушина. Ф. 585. № 5). Гайдаров стал актером Ленинградского академического театра драмы им. А.С. Пушкина в 1938 г.

⁴⁶ Tagebuch 1931. 22 сентября / Записные книжки В.Г. Гайдарова. Зап. кн. 3 // ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 2. № 136.

⁴⁷ Имеется в виду фильм «Степные песни» (Киевская киностудия, 1933).

⁴⁸ Юрьев Юрий Михайлович (1872–1948) — народный артист СССР; артист Александринского театра (позже Ленинградского академического театра драмы имени А.С. Пушкина) с 1893 г. В 1922–1928 гг. возглавлял этот театр. Гайдаров встречался с Юрьевым во время гастролей театра в Берлине (1928).

Гайдаров там сыграет 36 ролей, еще застанет Мейерхольда и получит роль в новой редакции «Маскарада» — Казарина⁴⁹. Но с Мейерхольдом в это время уже развернулся другой, необратимый, трагический спектакль. Дальше Гайдаров, с его пластической живописностью, европейским лоском и хорошим берлинским произношением, будет играть немецких генералов в советских пьесах и фильмах о войне. И еще — выступать в костюмных ролях исторических личностей предшествующих эпох: героика прошлого входила в государственную моду. Но ясно, что общее положение в современном советском театре, переживавшем не лучшие дни, не удовлетворяло. Решение и особенно актерское исполнение бывшими коллегами нашумевшей «Анны Карениной» во МХАТе имени М. Горького — отвращало и вызывало на полемику.

После войны Гайдаров и Гзовская много занимались подготовкой концертных программ, работали с творческой молодежью в различных клубах. Гайдаров продолжал серьезно увлекаться теорией актерского творчества, общался с учеными, как бы продолжая свой диспут со Станиславским, которого теперь оценил совершенно по-иному. Ольге Гзовской, легенде Художественного и Малого, пришлось и теперь хуже, чем мужу. Она, совершенно невостребованная и неоцененная советским театром, уйдет из жизни в 1962-м. Гайдаров издаст автобиографическую книгу, а уже после смерти О.В. Гзовской выйдут, во многом стараниями Гайдарова, и ее мемуары⁵⁰. (Но, добавим, архив Гайдаровых — Гзовской в ОР РНБ так и сохранит, усилиями Н.В. Гайдаровой⁵¹ — правнучки известного отечественного историка и литератора С.П. Шевырева (1806–1864), — множество ценных и пока еще никем не исследованных и не опубликованных документов.)

В.Г. Гайдаров будет дольше в советском искусстве держаться на плаву, но все большее место в его жизни будут занимать не театр и кино, а — почти по Куприну — северная природа, рыбалка и конечно мемуары, вечера воспоминаний, письма друзьям, в том числе за границу⁵², и — подведение «предварительных итогов».

---

⁴⁹ См. об этом: *Альтишуллер А.Я.* В.Г. Гайдаров о себе, театре и кино // Гайдаров В.Г. В театре и в кино. С. 227–233.

⁵⁰ *Гзовская О.В.* Пути-перепутья. М., 1976.

⁵¹ *Гайдарова* Наталия Васильевна (урожд. Зиновьева; 1925–2006), жена В.Г. Гайдарова с 1967 г. Сотрудник литературной части Ленинградского государственного театра имени А.С. Пушкина, хранитель архива В.Г. Гайдарова, его литературный помощник.

⁵² Большой интерес представляет переписка В.Г. Гайдарова с другом юности, проживавшим в Югославии П.А. Митропаном. См.: ОР РНБ. Ф. 1342. Оп. 1. № 1312.

Приложение

В.Г. Гайдаров

РУССКИЕ НА ЧУЖБИНЕ

Публикация, подготовка текста и комментарии М.Г. Литавриной

Предлагаемые читателю фрагменты рукописи В.Г. Гайдарова (1893–1976) «Русские на чужбине» приводятся по тексту, хранящемуся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге (Ф. 1342. Оп. 1. № 127. 239 л.). Рукопись, имеющая двойную нумерацию страниц, включает три машинописных экземпляра одного и того же текста с обширной авторской правкой (чернилами), рукописными вставками, а также содержит примечания рукой Н.В. Гайдаровой и сопровождается ее пояснительной короткой запиской. Последняя страница рукописи датирована автором (личная подпись, автограф) — 1968 г.

Преимущественно здесь приводятся отрывки из третьего варианта текста, в ряде случаев (см., например, литературный портрет В. Сирина (В.В. Набокова)) фрагмент первого варианта рукописи дополнен цитатой из третьего варианта. Фрагменты рукописи отбирались в соответствии с задачей освещения берлинского культурного пространства, и главное внимание уделялось персонажам литературно-художественного мира Берлина 1920-х гг., который В.Г. Гайдаров знал лучше всего.

В конце 1920 г. вместе с моей женой, артисткой МХТ Ольгой Гзовской, получив соответствующие документы, мы выехали за границу¹. Возобновляя визу на паспортах в советском посольстве в Берлине и оставаясь советскими подданными, мы имели возможность в течение нескольких лет² наблюдать эмигрантское бытие, так сказать, со стороны. Лично мне много и часто пришлось за границей участвовать в качестве актера в съемках фильмов немецкого и французского производств. Во время работы я не раз сталкивался с эмигрантами. Их умение носить фраки и вечерние костюмы заставляло немецко-французских режиссеров приглашать их для участия в массовых сценах. Иногда, как, например, в фильме «Ночная колонна», в качестве моей партнерши выступала известная киноартистка-эмигрантка Ольга Чехова. Наконец, кое с кем из моих бывших соотечественников сама жизнь сталкивала меня, помимо моих намерений. К числу последних относится, например, Гессен Иосиф Владимирович³, редактор эмигрантской газеты «Руль», или, как ее чаще называли, «Вруль» — за печатание неверных сведений и сообщений.

<...>

В моем рассказе встречаются, однако, и такие эмигранты, которые оказались ими либо по недоразумению или по слабости своего характера, либо попали в эмиграцию еще до революции 1917 года. Вся эта группа почти не принимала активного участия в политической суете той эмиграции, которая была выброшена революционной силой за пределы родины <...> и о которой главным образом и писали Л.Д. Любимов и Д.И. Мейснер. Нейтральная политическая группа эмигрантов упо-

минается мною с определенной целью: я хочу показать, что пребывание вне родины, на чужбине накладывает и на нее свое определенное клеймо какой-то неприкаянности, неумения найти свое место в жизни и какой-то обреченности. Люди этой категории не обсуждали политических ситуаций, не спорили о принципах будущего устройства России, не мечтали о возвращении на родину на белом коне — нет! Они существовали на чужбине, цепляясь за каждую возможность сохранить жизнь любыми средствами. Отсюда и их труд не по прямой специальности, как, например, у моего мюнхенского секретаря, и невозможность пристроить себя к какой-то определенной работе, несмотря на то что данные для этого как будто и были налицо. Это, например, племянник председателя 1-й Государственной думы С.А. Муромцева⁴. Это, наконец, устремление ко всякого рода авантюрам, как, например, это было с графом Адлербергом⁵ или с художником И.Г. Мясоедовым⁶.

Были среди этой категории и такие, которые оказывались на разных полюсах: либо они возвращались на родину (например, инженер А.И. Лукин⁷), либо они окончательно забывали о ней и натурализовались на чужбине как граждане этой чужбины (например, кинорежиссер и спекулянт Д. Буховецкий⁸).

Так или иначе, но русским на чужбине приходилось самим определять свой путь в тех тяжелых условиях, в которые их бросила судьба. Однако можно с определенностью утверждать, что для лучшей части эмиграции голос родины всегда и несомненно звучал... <...> Этот голос зазвучал ярко и определенно в дни тяжелых испытаний Отечественной войны 1941–45 гг., многие эмигранты боролись за новую родину, не считаясь с опасностями, грозившими их жизни. <...>

<...> Значительно позднее, думая об эмиграции и об их житье-бытье <...> мне казалось, что жизнь большого числа эмигрантов проходила как-то «кверху ногами» и что существовать в таком ненормальном положении было, несомненно, и трудно, и крайне неудобно. <...> И вторая мысль, являющаяся вслед за первой, это о какой-то призрачности эмигрантского существования. Полагаю, что и сами эмигранты, по крайней мере наиболее разумные, испытывали нередко чувство нереальности своего существования.

Приступая к описанию берлинской русской эмиграции, я скажу хотя бы несколько слов о моих секретарях. Фамилия одного из них Репенак, другого — Вагапов. Первый проработал у меня недолго. Мы, как говорится, крепко разошлись во мнениях. Репенак представлял собой как раз ту озлобленно-мстительную эмиграцию, которой только что крепко дали по рукам. По какому-то поводу он высказал свое мнение, которое меня абсолютно не устраивало. Я понял, что он — мой заклятый враг, и предложил ему забыть, на какой улице я живу. <...> Что касается Вагапова, то он помогал мне сравнительно долгое время. <...> В политической жизни эмиграции Вагапов участия не принимал, и почему продолжал оставаться за границей, мне точно не известно. Это был очень скромный и тихий человек. <...> Он прекрасно владел немецким языком и был в то время мне очень полезен. О прошлой его жизни я не расспрашивал, но по некоторым произнесенным им фразам я мог догадаться, что он является типичной жертвой того очень сложного

времени, когда человек, сам не зная почему, попадал в такие условия, которые лишали его возможности возвращения на родину... <...> Что с ним случилось после моего отъезда на родину в 1932 году — я не знаю.

Часто попадались мне в Берлине афиши с именами балерин А. Павловой⁹, Каралли¹⁰, Карсавиной¹¹, Балашовой¹². Особенно первой. Но даже и ей в эмиграции приходилось не очень легко. Правда, у А. Павловой была в Англии своя школа и ученицы, с которыми она проводила свои гастроли. Однако ученицы очень уступали в талантливости своей гениальной учительнице, во-первых, а во-вторых, представляли собой не сплоченный коллектив, не балетную труппу, а довольно жиденький, наскоро сколоченный ансамбль, и вся тяжесть гастролей ложилась в конечном счете на плечи Павловой. По циркулировавшим в публике слухам, муж знаменитой балерины Дандре питал страсть к азартным карточным играм, не приносившим ему удач за зеленым столом. Это влекло еще большую нагрузку для Павловой. Вскоре ее надломленный постоянной напряженностью и постоянной работой организм не выдержал элементарного гриппа, и во время гастролей в Голландии А. Павлова скончалась. Ее товарки, например Балашова, Карсавина и некоторые другие, кажется, лучше сумели обеспечить себя удачным браком.

Мне вспоминается, между прочим, одно представление, поставленное в Немецком театре М. Рейнгардтом в Берлине. Это была опера «Паяцы», переведенная русским режиссером-эмигрантом И.Ф. Шмидтом¹³ на язык пантомимы. Несмотря на то что в главных ролях выступал известный немецкий актер Вернер Краусс¹⁴ и известная русская балерина Вера Каралли, спектакль пользовался средним успехом...¹⁵ <...> Вообще, органическое внедрение русских актеров в немецкую среду удавалось очень редко. Мне известны только двое русских, снискавших себе на немецкой сцене некоторый успех, — это Мих. Чехов и Вл. Соколов. Что касается третьего — Григория Хмары¹⁶, — то его внедрение в немецкий театр было очень поверхностным и неорганичным. К тому же это было незадолго до прихода Гитлера к власти¹⁷, и почти одновременно с этим Хмара переселился во Францию.

Мне думается, что сама немецкая актерская среда не очень охотно ассимилировала «чужаков». Интерес к ним был временным, а слава актеров-иностранцев была преходяща....

Кое-кто из театральных деятелей продержался значительно большее время на сценическом небосклоне. Это были талантливые Никита Федорович Балиев¹⁸ и Яков Давыдович Юж<ный>¹⁹. Обоих следовало причислить не к актерам, а к предпринимателям, директорам, режиссерам, и воспринимались они только в содружестве с коллективом, который они возглавляли, который они ставили целиком в зависимость от себя, на который они вместе с тем опирались и в котором таилась их сила. В этом, пожалуй, и был секрет их долговечности. Кроме того, они, как конферансье, пользовались не только своим родным, русским²⁰ языком, но и воляпюком, который вырабатывался у них в той стране, где им приходилось выступать, — они говорили плохо на языке любой страны, но их неправильный язык, на чем они к тому же играли, и смешил зрителей!.. <...>

<...> Что было интересно — это то, что Я.Д. Южный, ну, как бы это сказать, многое позаимствовал из репертуара «Летучей мыши» Н. Балиева и довольно спокойно и безнаказанно включил в репертуар своего кабаре. Пока <Яков> Южный сидел со своей «Синей птицей» в Берлине и не сталкивался с «Летучей мышью» <...> все шло сравнительно хорошо. Но Берлин посмотрел новинку — кабаре «Синяя птица», — посмотрел, а потом вновь обратился к своим немецким театрам. Русская эмиграция тоже поистратилась и перестала ходить к Южному. Посещаемость падала, и последнему пришлось улететь с «Синей птицей» на «отхожие промыслы», а как только он столкнулся с «Летучей мышью»... так все и рухнуло!

[То там, то тут встречалось имя молодого поэта Вл. Сирина²¹ — сына редактора-издателя в Петербурге «Речи», а в Берлине — «Руля» — В.Д. Набокова, убитого в начале 20-х годов во время какого-то заседания оголтелым монархистом²². <...> Надо сказать, что в те годы Вл. Сирин был лирический и скромный начинающий поэт. Его стихи не блистали особыми перлами, но написаны были грамотно и находились, как говорится, «на уровне». Правда, особенной славы они ему не принесли, и он, по-видимому, переквалифицировался на прозаика. Я очень хорошо помню этого образованного, говорящего на различных европейских языках, идеально настроенного юношу! Как время меняет людей! В молодости — скромный романтик-поэт и «популярный» автор порнографического романа «Лолита», столь нашумевшего в последнее время в Америке, — на склоне лет!]

Он часто навещал Ольгу Владимировну Гзовскую и читал ей свои стихи. У них были общие интересы: тот и другая любили поэзию и могли проводить часы, читая и разбирая свойства и достоинства того или другого поэта. Я сам не однажды присутствовал на их встречах, когда и Ольга Владимировна, и Сирин наперебой читали Блока и упивались его стихами. Маяковского Сирин не принимал никак и вопреки Ольге Владимировне, хвалившей поэта, ожесточенно его ругал. Да и что удивительного! Ведь и он был так же англазирован и так же, как говорят французы, *tiré à quatre épingles*²³, — чопорен и подтянут, как и его отец. Он и воспитывался не то в Кембридже, не то в Оксфорде и усвоил все привычки и повадки этих привилегированных английских учебных заведений²⁴. <...> Сирин исчез из моих глаз уже к концу 1922 года, когда мы с Ольгой Владимировной уехали в Прагу на гастроли²⁵. Значительной славы себе как поэт он не приобрел, но литературным даром несомненно обладал. Его роман «Защита Лужина» вызвал в эмигрантских кругах большой интерес и кривотолки.

Пришлось мне встретить и другого поэта эмиграции — Игоря Северянина. Этот, правда, родился как поэт еще в предреволюционные годы, эмигрировал в Эстонию, где женился на эстонской поэтессе, фамилию которой я забыл²⁶. Жил он в эстонской деревне, на хуторе у родителей жены, на реке форелевой, как он сам писал, в северной губернии. Он значительно изменил свои взгляды и на жизнь, и на поэзию. Его перестали привлекать всякие «ландолеты и шпалетки», «ананасы в шампанском», по-видимому, надоели ему «каретки куртизанки» [нрзб] и скуч-

ны ему стали «тринадцатипятиэтажные дворцы» — не находил он в них больше покоя и уюта. Уже в 1925 году, помнится мне, читал он Ольге Владимировне Гзовской и мне свою незаконченную тогда еще поэму, названия которой я не помню, и некоторые свои стихи. Правда, и там отражалось какое-то спутанно-мистическое воззрение Северянина на мир, людей и события, и там часто поминал он Христа, но там уже, по крайней мере, отсутствовало дешевое кокетничанье своей оригинальностью и «оскар-уайльдизмом» и начинали проглядывать ростки серьезного и более умудренного отношения к тому, что происходило вокруг «гения Игоря Северянина», который к тому времени уже не был «упоен своей победой», как и не был «повсеградно обэкранен». Жизнь предъявляла свои суровые требования, и на них надо было отвечать с полной серьезностью и ответственностью. Уже тогда его, по видимому, стало тянуть на родину, о чем он во время наших берлинских разговоров не раз и вскользь, и довольно подробно упоминал. Но во всех его упоминаниях скользила какая-то неуверенность, пустят ли его в Россию, нужно ли ему возвращаться уже сейчас? И только почти в самом конце жизни решился Игорь Северянин окончательно, и просил Родину простить своего блудного сына и разрешить ему вернуться к себе домой. С другой стороны, можно определенно утверждать, что и Северянину чужбина оказалась, как и многим другим его сверстникам-писателям, злой мачехой. Так ли, этак ли, но потребность творить у него осталась. А вот аудитории не было — его почти не печатали ни в Эстонии, ни в других странах. Такое положение не только морально было тяжело, но и материально не обеспечивало существования столь популярного когда-то и модного поэта. <...> Видно, не судьба была Северянину прожить еще годы на родной земле, вскоре после его возвращения началась Отечественная война 1941–45 гг., а там пришла к нему смерть в 1942 году. У меня сохранились две фотографии: на одной из них — он со своей женой в то время, когда в 1925 году они посетили нас в Берлине.

Говоря о берлинской эмиграции, можно утверждать, что она была разночинной эмиграцией. Почти никаких признаков знатности и великосветскости в ней не наблюдалось.

Попадались на моем пути и эмигранты «первого призыва» — те, кто в самом начале империалистической войны 1914–1918 гг. были интернированы в Германию и остались там и после ее окончания. Так, во время съемок двухсерийного фильма по «Илиаде» Гомера — «Прекрасная Елена» и «Падение Трои» — работа столкнула меня с художником этих фильмов Львом Пазетти.

В то время я еще не очень хорошо владел немецким языком. Обсуждая с Пазетти свой костюм и вообще весь свой внешний вид, я стал излагать ему свои пожелания. Прослушав несколько сказанных мной не без затруднения фраз, Пазетти вдруг сказал мне на прекрасном русском языке: «Да ведь вы говорите по-русски!» И его фамилия, и беглый немецкий язык, на котором он легко разговаривал, не давали мне ни малейшего повода думать, что Пазетти — русский. Оказалось, что он сын придворного петербургского фотографа Пазетти²⁷. Война 1914–1918 гг. застала его в Германии, в Мюнхене, куда он был командирован за год до ее начала. <...> Война

еще продолжалась, мир заключен не был, но революционные события уже разразились в России. Интернированный в начале войны, Пазетти продолжал жить в Мюнхене. Через некоторое время война все-таки пришла к концу, и Германия заключила с советским правительством мирный договор в 1918 г. Однако в самой Германии события развивались стремительно, масса германских солдат, в основном рабочих и крестьян, революционизировалась... <...> И вот в это время, приблизительно в 1920 году, Пазетти получил известие о смерти родителей. Оставшись одиноким, он накрепко осел в Германии, а в конце концов стал главным художником в Мюнхенском национальном оперном театре. Для дополнительного заработка он работал в кинопроизводстве, при его участии был поставлен фильм «Натан Мудрый» (по Лессингу). Ставил его Манфред Ноа²⁸, который оказался также постановщиком двухсерийного фильма по «Илиаде» и опять пригласил Пазетти в качестве сотрудника. Работа над фильмом продолжалась около 8 месяцев. Все это время мы часто встречались с Пазетти, и, когда я спрашивал его, собирается ли он вернуться на родину, он отвечал: «А где же моя родина? Здесь, где у меня семья, где я уже врос в жизнь, или там, где я не был так долго и где у меня нет ничего и никого — ни родителей, ни дома, ни близких? Да и сам я — какой же я теперь русский? Нет, нет! Я уж лучше останусь здесь», — говорил он с горечью.

Надо сказать, что падение нравов в Германии в 1923 году дошло до предела. И по радио, и в кинотеатрах дети могли слышать и видеть такое, что и взрослого человека приводило иногда в смущение.

Хочу рассказать, до какой степени в эту пору в Германии был популярен гомосексуализм. Там издавались три журнала, трактующие, как пишет Эренбург²⁹, «теорию и практику гомосексуализма» (т. 8, с. 406), а в Берлине на главных улицах западной его части существовало два прекрасных ресторана, где собирались поклонники и адепты этой противоестественной «веры». Надо сказать, что и женщины не уступали в этом отношении мужчинам. Насколько популярно было это течение среди женщин, можно судить хотя бы по тому, что в театре М. Рейнхарда³⁰ на Курфюрстендамм долгое время шла пьеса, в которой открыто и увлеченно обсуждались вопросы специально женской любви. Существовали также пьесы по вопросам мужской любви, благо в рейхстаге депутату Гиршфельду, также гомосексуалисту, удалось провести закон, дающий официальное право на такую любовь.

Дело доходило иногда до трагедий. Так, берлинский солидный, почтенный адвокат покушался на убийство изменившего ему молодого человека, а себя застрелил насмерть. Или вот еще случай. Режиссер Мурнау³¹ уехал в Стокгольм сдавать поставленный им фильм «Фауст». В это время дома у него оставался его камердинер русского происхождения, эмигрант. Однажды соседи заметили, что слишком накопилось бутылок из-под молока у входной двери виллы — их никто не убирал. К этому обстоятельству привлекли внимание полицейских. В ответ на звонки и стуки в дверь виллы раздался выстрел, была вызвана специальная команда. Ее тоже встретили выстрелы. Взломали дверь. Перестрелка продолжалась. Наконец выстрелы из помещений виллы прекратились: стрелявший оттуда был

найден убитым, это и был эмигрант русского происхождения. Когда обследовали дом, то в комнате камердинера на его кровати лежал труп женщины. После того как вскрыли стол камердинера, обнаружили в нем серию писем Мурнау своему камердинеру архизеротического характера. В берлинской прессе появились о происшествии огромные скандальные для Мурнау статьи. Узнав о происходящем, последний быстро вернулся из Стокгольма, и... через 1–2 дня шум в газетах о происшествии на вилле Мурнау в Берлине заглох.

Впоследствии в кинематографических кругах рассказывали, что Мурнау это укрощение газетного шума стоило несколько тысяч марок, и тут же добавляли разного рода подробности из жизни двух обитателей виллы в Грюневальде³². Не от хорошей жизни пошел на эту авантюру русский эмигрант. Жилось ему у Мурнау неплохо, хотя приходилось удовлетворять противоестественные стремления хозяина, но его тяготение к другому полу не было в нем убито окончательно. Во время отсутствия хозяина его стремление вырвалось стихийно наружу, он потерял над собой власть и совершил преступление, заплатив за него жизнью...

Основную массу эмиграции составляли люди в возрасте 20–40 лет. Это была наиболее здоровая и жизнеспособная ее часть. Но работы для нее на чужбине находилось мало. И вот молодые люди и молодые девушки обильно вступают в среду «Эйнтанцеров» (Eintänzern) — собственно, «втанцовывающих», т. е. тех, кто, так сказать, открывал танцы. Не всякая пара посетителей, пришедших в ресторан или кабачок, решалась танцевать на площадке. Чтобы побороть эту робость, директора ресторанов и кабачков и нанимали Eintänzer'ов, начинающих танцы... Это была служба! За это платились деньги! В некоторых случаях и сами посетители и посетительницы ресторана выплачивали в виде награды или своеобразных «чаевых» понравившемуся Eintänzer'у или Eintänzer'ин. <...> Весь ужас в том, что обязанности этих молодых людей не всегда заканчивались здесь, в ресторане: иногда они переносились в другие помещения и не ограничивались только танцами!.. Это отсутствие ограничения ресторанным помещением сказывалось особенно на девушках. Большинству из них приходилось ступать на скользкую дорожку и на ней же заканчивать свой тяжелый жизненный путь.

<...>

Вот вам история молодых людей XX века, точнее 20-х гг. XX века. В свое время у нас печатались «истории молодого человека XIX века». Рассказанные мною истории чрезвычайно характерны для русской эмиграции. Эти «молодые люди XX века» были представителями подрастающего поколения эмиграции. Их отцы мечтали о «спасении России от большевистского ига» <...> а дети в это время посвоему понимали свои «задачи на чужбине» и торопились устроить свою жизнь каждый на свой лад... Разве эта молодежь представляет подлинную, исконную Россию, русский народ?

Остался еще один примечательный «деятель» — некий режиссер Дмитрий Буховецкий. В дореволюционное время он был маленьким актером, служил в театре Корша³³ в Москве и играл небольшие роли и эпизоды в кино. <...> Он не был ли-

шен некоторой внешней, я не могу сказать — красоты, это слово к нему не подходит, точнее будет сказать, внешней смазливости. Его округлое сытое лицо [нрзб] производило неприятное впечатление на окружающих своим пышущим самодовольством. Впервые я встретился с ним во время съемок фильма «Горничная Дженни» под режиссурой Я.А. Протазанова³⁴, с О.В. Гзовской в заглавной роли. По ходу действия за наглое поведение О.В. Гзовская отвечивала ему хорошую оплеуху, что, по ее словам, делала особенно охотно. С тех пор прошло много лет, и вот во время съемок фильма «Горящая земля» в постановке талантливого режиссера Мурнау в Стаакен-ателье под Берлином, где снимался фильм, я встречаю «знаменитого Буховецкого». Но в какой роли? В роли режиссера-постановщика фильма «Отелло» с Яннингсом³⁵ и Вернером Крауссом в двух главных ролях — Отелло и Яго. Я был поражен! Как? Неужели передо мной тот самый маленький и наглый Буховецкий? Да, это был действительно он! В его зубах дымилась толстенная сигара, а в его руках была еще более толстенная суковатая палка, в его фигуре — та же наглость, нахальство и потрясающая самоуверенность. Он «управлял» игрой гениального Эмиля Яннинга, как будто это был какой-то неопытный, третьестепенный актер провинциального плохого театратора. Не менее бесцеремонно обращался он и с Крауссом, актером в силу Ивана Михайловича Москвина³⁶ и с не менее значительным положением в театре, так обращался, как будто имел дело с учеником театральной школы, а не со знатным актером немецкой сцены.

Я стоял, безмолвный, и наблюдал. Однако скоро я стал замечать, что актеры, в сущности, и не слушают режиссера, а играют по-своему, но внешне поведение Буховецкого производило впечатление, будто замечательный мастер-режиссер руководит съемкой. Буховецкий только ловкостью своего поведения мог «напустить туману», и ему удалось поставить еще один фильм³⁷, «Петр Великий», и опять же с Яннингсом в заглавной роли. Не могу сказать, что оба эти фильма пользовались большим успехом, но и провала у них не было.

Вместе с тем, так сказать параллельно, Буховецкий имел другую профессию — он спекулировал на бирже, и, по-видимому, вполне удачно, так как вскоре забросил фильмовую режиссуру, сколотил миллионное состояние, переехал в Америку и превратился окончательно в крупного специалиста-спекулянта, каких в Америке достаточно.

Такие люди, как Дмитрий Буховецкий, в силу существа своей натуры никогда не будут переживать тягостно разрыва с родиной, для них даже не «ubi bene, ibi patria»³⁸, нет, хуже, для них, где можно «to take money, ibi patria»³⁹ — родина там, где можно делать деньги.

Что касается артистов кино, особенно немного, то тут и Ксения Десни⁴⁰, и Потехина⁴¹, и Гр. Хмара, и Мих. Чехов, и Колин⁴², и Соколов, и Мозжухин⁴³, и Ольга Чехова долгое время удерживались на первом положении и смогли в полной мере обеспечить свою жизнь. Однако им всем было свойственно, особенно в откровенные минуты, признаваться в своей тоске по родному дому. Но вот наступил роковой 1929 год. Пришла эра звукового кино. Для русских актеров-эмигрантов последнее оказалось гибельным. Микрофон предательски подчеркивал неправильный

иностранный акцент актера, а это была катастрофа актерской карьеры. Огромное большинство русских актеров далеко не совершенно владело иностранной речью — французской, немецкой, английской. Со своим акцентом они могли играть в звуковых фильмах только роли иностранцев. Таких ролей было не так уж много!

---

¹ Официально, как сказано выше, О. Гзовская стала женой Гайдарова в Германии в 1926 г. Во второй половине 1920-х гг. пара поселилась в берлинском районе Халензее, по адресу: Joachim-Friedrichstrasse, 53.

² «несколько лет» — вынужденный эвфемизм Гайдарова, на самом деле актерская пара Гайдаров — Гзовская провела в зарубежье 12 полных лет.

³ *Гессен* Иосиф Владимирович (1866–1943) — один из лидеров партии кадетов, адвокат, публицист, редактор русской берлинской газеты «Руль». Редактор исторического сборника «Архив русской революции» (Т. 1–22; 1921–1937).

⁴ *Муромцев* Сергей Андреевич (1850–1910) — юрист, публицист, один из лидеров кадетов, профессор Московского университета. Председатель 1-й Государственной думы.

⁵ *Адлерберги* — знатный русский дворянский род, у истоков которого стоял министр императорского двора, генерал от инфантерии граф Владимир Федорович Адлерберг (1791–1884).

⁶ *Мясоедов* Иван Григорьевич (1881–1953) — художник, эмигрант. Сын известного русского художника-передвижника, автора знаменитой картины «Земство обедает» Григория Григорьевича Мясоедова (1834–1911). Автор зарисовок к панораме Ф.А. Рубо «Бородинская битва». К началу 1920-х гг. поселился в Берлине. В берлинских мемуарах Гайдарова Мясоедов-сын выступает как авантюрная, экстравагантная личность, не нашедшая применения своему таланту.

⁷ *Лукин* Александр Иванович — талантливый инженер-изобретатель, один из берлинских знакомых Гайдарова. Позже вернулся в СССР и, как вынужден признать Гайдаров, не нашел в советском народном хозяйстве применения своим талантам.

⁸ *Буховецкий* Дмитрий Савельевич (1885–1932) — кинопредприниматель, режиссер, эмигрант. В Германии до 1925 г., затем работал в США. На студии «МГМ» снял фильм-экранизацию «Анны Карениной» (фильм не закончен). В 1927 г. вернулся в Европу; снимал фильмы во Франции. Гайдаров несколько занижает достижения и популярность Буховецкого в зарубежье.

⁹ *Павлова* Анна Павловна (1881–1931) — легендарная русская балерина, участница Русских сезонов С.П. Дягилева в Париже, в 1910 г. создала собственную балетную труппу и школу, с триумфом гастролировала по всему миру. Сыграла важнейшую роль в хореографических реформах М.М. Фокина, оказала большое влияние на развитие мирового балета в XX в.

¹⁰ *Каралли* Вера Алексеевна (1889–1972) — русская балерина, участница Русского балета С.П. Дягилева. Снималась в кино. С 1941 г. до конца жизни проживала в Австрии.

¹¹ *Карсавина* Тамара Платоновна (1885–1978) — русская балерина, участница Русских сезонов С.П. Дягилева в Париже и Лондоне, широко прославилась, гастролируя с его труппой, преподавала. Автор мемуаров «Театральная улица» (русский перевод: М., 1995). В 1930–1955 гг. вице-президент Королевской академии танца (Лондон). Заслуги Карсавиной, в отличие от того, что пишет Гайдаров, никак нельзя объяснить удачным браком.

¹² *Балашова* Александра Михайловна (1887–1979) — классическая танцовщица, артистка Большого театра. С 1921 г. жила в Париже, вела педагогическую работу.

¹³ *Шмидт* (Шмит) Иван Федорович (1871–1939) — режиссер, муж известной актрисы Елены Полевицкой. Бывший режиссер Московского драматического театра. Ставил в Германии 1920-х гг. пьесы Л. Андреева, У. Шекспира, современную русскую драму, стремился поспевать за художественной модой. Умер в Эстонии в 1939 г. в результате несчастного случая.

¹⁴ *Краусс* (Крауф) Вернер (1894–1959) — выдающийся немецкий актер театра и кино, участвовал в совместных кинопроектах студии «Межрабпом-Русь».

¹⁵ Гайдаров многократно правит фразу о «неуспехе» или «среднем успехе» спектаклей Шмидта, что можно толковать как тенденциозность оценки.

¹⁶ *Хмара* Григорий Михайлович (1887–1970) — бывший артист Первой студии Художественного театра, эмигрант. Много снимался в немом кино начала 1920-х гг., сыграл в фильмах Роберта Вине «INRI» (Иисус Христос) и «Раскольников» (Раскольников). Впоследствии переехал в Париж, где выступал на эстраде, русскоязычной сцене, преподавал, работал на радио, снимался в кино, открыл собственную театр-студию на Монпарнасе.

¹⁷ Гитлер пришел к власти в начале 1933 г.

¹⁸ *Балиев* Никита Федорович (наст. имя и фам. Мкртич Баян; 1877–1936) — бывший актер Московского Художественного театра, создатель артистического кабаре «Летучая мышь». Эмигрировал в 1920 г., открыл смешанный русско-французский театр миниатюр с тем же названием в Париже, много гастролировал (в основном в США), переселился за океан в разгар Великой депрессии, потерял свои капиталы, умер в Америке в 1936 г. Кавалер ордена Почетного легиона.

¹⁹ *Южный* Яков Давыдович (1883–1938) — конферансье, режиссер, предприниматель, создатель берлинского русского кабаре «Синяя птица» (1921). Гайдаров часто путает его фамилию, которую дает время от времени как «Южин», что является опиской автора.

²⁰ Балиев утверждал, что его неправильно называют за границей «русским» — его родным языком был армянский.

²¹ *В. Сирин* — литературный псевдоним писателя Владимира Владимировича Набокова (1899–1977).

²² Эти известные ныне обстоятельства Гайдаров пересказывает в трех вариантах рукописи по-разному, подчеркивая, что в 1922 г. пуля террористов-монархистов предназначалась на самом деле не В.Д. Набокову, а П.Н. Милюкову. Здесь в квадратных скобках восстановлен текст авторского вычерка из машинописного текста.

²³ Застегнут на все пуговицы (*фр.*).

²⁴ Набоков учился в Кембридже, окончил Тринити-колледж.

²⁵ На самом деле В.В. Набоков проживал в Германии вплоть до 1938 г., когда из тюрьмы досрочно был выпущен и занял одно из мест в рейхсканцелярии С. Таборицкий — убийца его отца. Личные обстоятельства, возможно, преломились в сюжете пьесы Набокова «Событие» (1938).

²⁶ Фамилия жены Игоря Северянина, эстонской поэтессы, с которой он прибыл в Берлин, — Фелисса Крут (Круут) (1902–1957).

²⁷ *Пазетти* Лев Александрович — художник кино, кинорежиссер, сын известного фотографа А. Пазетти. Фирма «Пазетти» являлась поставщиком двора его императорского величества.

²⁸ *Ноа* (Noa) Манфред (1893–1930) — немецкий кинорежиссер. См. подробнее о работе с ним в опубликованной книге мемуаров Гайдарова «В театре и в кино» (с. 121–125).

²⁹ *Эренбург* Илья Григорьевич (1891–1967) — русский советский писатель и журналист, общественный деятель. Долгое время проживал в Европе, впоследствии вице-прези-

дент Всемирного совета мира, лауреат Международной Ленинской премии. Гайдаров дает сноски на его собрание сочинений (1962–1967). Имеется в виду мемуарная проза Эренбурга «Люди, годы, жизнь».

³⁰ *Рейнхардт* (Reinhardt) Макс (1873–1943) — немецкий режиссер, актер, реформатор театра. Был тесно связан с русскими деятелями искусства (К.С. Станиславским, М. Горьким). В своих театрах в Берлине и Вене экспериментировал с театральной формой. После 1933 г. эмигрировал в США.

³¹ *Мурнау* (Murnau) Фридрих Вильгельм (1889–1931) — немецкий кинорежиссер, создатель знаменитого фильма «Носферату. Симфония ужаса» (1922). Погиб в США в результате несчастного случая.

³² *Грюневальд* (Grünewald) — ближайший пригород западного Берлина, район богатых вилл и небольших озер, где, в том числе, располагалась и вилла Ф.В. Мурнау.

³³ *Корш* Федор Адамович (1852–1923) — предприниматель, антрепренер, драматург; основатель Русского драматического театра в Москве (существовал в 1882–1933). После Октябрьской революции театр был экспроприрован, а сам Корш выехал (по другим сведениям — выслан) за пределы столицы.

³⁴ *Протазанов* Яков Александрович (1881–1945) — русский кинорежиссер, один из пионеров русского немого кино.

³⁵ *Яннингс* (Jannings) Эмиль (1884–1950) — немецкий актер театра и кино. Партнер М. Дитрих по фильму «Голубой ангел» (1930), участник фильма «Фауст» (1926). Работал с Рейнхардтом, Мурнау и другими режиссерами немецкого театра и кино.

³⁶ *Москвин* Иван Михайлович (1874–1846) — народный артист СССР. Актер Московского Художественного театра со дня основания коллектива и до конца жизни. Легендарный исполнитель царя Федора в первом спектакле МХТ «Царь Федор Иоаннович» (1898).

³⁷ Ср. информацию о Д. Буховецком: *Анненков Ю. Русские в мировой кинематографии // Возрождение: Литературно-политические тетради* (Париж). 1968. № 200. С. 123. Анненков также включил статью о Гайдарове в свой кинословарь эмиграции. См.: Там же. № 201. С. 116–117.

³⁸ Где хорошо, там и родина (*лат.*).

³⁹ Вероятно, все же Гайдаров имеет в виду не «to take money...» («брать деньги»), а «to make money...», раз переводит «делать деньги».

⁴⁰ *Десни* Ксения (наст. фам. Десницкая; 1894–1945) — русская актриса, активно снималась в немецком кино.

⁴¹ *Потехина* Лидия Анатольевна (1883–1934) — бывшая артистка театра «Соловцов» в Киеве, выступала в составе русских эмигрантских трупп, театра-кабаре «Голубой сарафан» М. Максина в Берлине. Снималась в кино Германии.

⁴² *Колин* Николай Федорович (1878–1954) — артист, участник Первой студии МХТ, яркий характерный актер. Эмигрировал в 1920 г. В зарубежье выступал на русскоязычной театральной сцене, много снимался на киностудии «Альбатрос», выступая часто в качестве партнера Мозжухина.

⁴³ *Мозжухин* Иван Ильич (1887–1939) — звезда русского немого кино, эмигрант. Происходил из крестьян. Снимался в знаменитых фильмах А. Волкова «Казанова» (1926), «Белый дьявол» (1929). «Лев Моголов» (1924). Режиссер фильма «Костер пылающий». Переехал из Европы в Голливуд, но не добился успеха. Умер во Франции в нищете. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

С.Н. Ковальчук

«ДОЛГ – ЭТО ВЫСШИЙ ЗАКОН»:
МУЛЬТИЯЗЫЧНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИКА
НЕЗАВИСИМОЙ ЛАТВИИ
(1920–1940)

Бытует мнение, что по существующему в стране правовому регулированию можно определить уровень развития государства и его характер. Но формальные нормы проявляют порой бессилие перед социальной реальностью, если не наполнены ясными целями, пониманием и возможной критикой объекта регулирования. Посему доктрина, помогающая как профессионалам-юристам, так и неюристам понять нормы или характер и содержание правового порядка во всей целокупности, и есть один из принятых источников права в законоведении. Независимо от формы юридическая доктрина помогает развивать и совершенствовать правовой порядок.

В этом демократическому правопорядку Латвии повезло уже в самом начале 1920-х гг. Латвия, переняв российское законодательство, постепенно накладывала на него инструкции, дополнения. Параллельно шла интенсивная интеллектуальная работа по выработке национальной правовой системы — административного, уголовного, гражданского и других кодексов. Во всяком случае, до переворота Карлиса Улманиса, состоявшегося в ночь с 15 на 16 мая 1934 г., многочисленное и многонациональное общество юристов в достаточной степени научно-критически и творчески относилось к юридической доктрине. Специалисты, оказавшиеся по воле бурных исторических событий в Латвии в 1919-м — начале 1920-х гг., бежавшие из России в годы Гражданской войны, нашедшие возможность выехать за пределы Страны Советов, возвратившиеся на родину, — желали планомерно и неуклонно участвовать в работе на благо молодого демократического государства. Возможно, соучастие в творческо-правовой работе стало причиной создания в Латвии по меньшей мере восьми профессиональных юридических обществ и издания четырех юридических журналов. Так, вскоре после рождения латвийского государства стал выходить «Вестник Министерства юстиции» («Tieslietu Ministrijas Vēstnesis»; 1920–1940), который долгие годы возглавлял профессор, декан факультета народного хозяйства и правоведения Латвийского университета профессор Карлис Дишлерс (Dišlers; 1878–1954)¹. Было создано Еврейское

---

¹ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, в Петербурге работал в качестве журналиста в латышских газетах. С 1917 г. доцент Омского политехнического института (по другим сведениям, Томского политехнического института) по государственному праву. Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. и отправлен в ссылку под Красноярск. В 1947 г. самовольно возвратился в Латвию, но в 1950 г. властями повторно отправлен в Сибирь.

юридическое общество², которое возглавлял профессор Латвийского университета Пауль Минц (Mincs; 1868–1941)³, а его заместителем был еще в недавнем прошлом петербургский адвокат Марк Розовский (Rozovskis; 1864–1941)⁴. Рижским юридическим обществом руководил нотариус Янис Пургалис (Jānis Purgalis; 1869–1940?). Карлис Дуцманис (Ducmanis; 1881–1943)⁵ возглавил объединенное Латвийское общество юристов. Работали также Латвийское общество частных адвокатов и Латвийское общество судей.

Наряду с официальным министерским вестником только три юридических общества позволили себе иметь печатное издание. Так, Немецкое юридическое общество с 1926 по 1939 г. издавало «Рижский юридический журнал» («Rigasche Zeitschrift für Rechtswissenschaft»). Общество «Справедливость» («Aequitas») было создано специально для издания журнала на латышском языке «Юрист» («Jurists»; 1928–1940). Основателем общества и издателем журнала стал профессор Латвийского университета Василий Иванович Синайский. С мая 1929 по август 1938 г. Русское юридическое общество издавало в Риге журнал «Закон и суд».

I

Издание «Рижского юридического журнала» представляется вполне закономерным событием. Немецкий язык с созданием 18 ноября 1918 г. латвийского государства оставался языком межгосударственного, межнационального общения наряду с русским языком. В те годы в самой только Латвийской Республике проживало около 62 тыс. прибалтийских немцев, многие из которых имели высокий уровень образования и сумели найти свое профессиональное применение в молодом государстве. Юристы из среды немецкого меньшинства уважительно относились к законотворческому процессу и в стенах латвийского парламента, и в профессиональной среде. Поэтому общественно, политически и интеллектуально активная элита прибалтийских немцев уже к началу 1926 г. предложила широкому кругу читателей журнал на немецком языке по вопросам права.

На страницах «Рижского юридического журнала» обсуждались вопросы римского права, церковное, торговое, семейное право, валютное законодательство,

² Латвийский государственный исторический архив (ЛГИА). Ф. 3724. Оп. 1. Д. 3767. Дело Еврейского юридического общества.

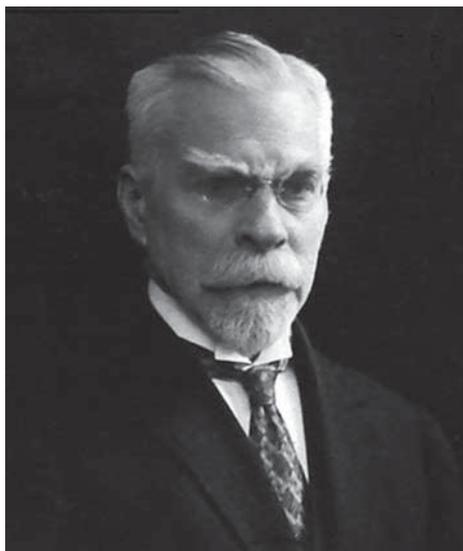
³ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, присяжный адвокат в Риге с 1904 г., специалист по уголовному праву. Профессор Латвийского университета с 1921 по 1939 г. Общественно-политический деятель, подвижник еврейского образования, директор гимназии «Ezra». Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. Скончался в лагере в Красноярске 28 декабря 1941 г. См. более подробно: Выдающиеся евреи Латвии / Автор текста г. Смирин. Рига, 2003. С. 18; Mincs Pauls // Latvijas advokātūra: Zvērināti advokāti un zvērīnātu advokātu palīgi biogrāfijās. 1919.–1945. / Sastādītāji Ē. Jēkabsons, V. Šcerbinskis. Rīga, 2007. 358.–359. lpp.

⁴ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, в Риге входил в коллегию присяжных адвокатов, издатель сионистской газеты. Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. Скончался в лагере в Соликамске.

⁵ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, дипломат, сенатор Сената Верховного суда Латвийской Республики. Переводчик Л.И. Петражицкого на латышский язык. Репрессирован советской властью 14 июня 1941 г. Погиб в тюрьме в Кирове.

проблемы постоянных международных судов. Читателям предлагались тщательные интерпретации законопроектов, новых законодательных актов Латвии и Эстонии, осмысливались реформы гражданского процесса в Германии, торговые кодексы в Венгрии и Италии и т. д. Помимо самих редакторов в издании публиковались известные латвийские юристы и коллеги из Эстонии и Литвы, Германии, Швеции, Венгрии⁶. В разные годы журнал редактировали Бернхард Иоган Теодор фон Берент (von Berent; 1892–1946)⁷ и Вильгельм Мюллер (Müller; 1895–1945)⁸.

На мой взгляд, самым колоритным, многоопытным редактором издания был Рудольф Карл Вильгельм фон Фрейман (von Freymann; 1860–1934)⁹. Он родился в Нарве в семье полковника, до 1879 г. проживал с родителями в Варшаве, где был расквартирован полк отца. В Варшаве он окончил гимназию, впереди его ожидало обучение на юридическом факультете в Дерптском (Юрьевском) университете. После успешного завершения обучения в стенах старейшего уни-

*Р. Фрейман. Начало 1920-х гг.
ЛГИА. Ф. 2996. Оп. 6. Д. 10312*

⁶ Профессор Латвийского университета Владимир Иосифович Буковский, профессор Пауль Минц, сенатор Август Лебер (Loeber), сотрудник Министерства юстиции Латвии Петр Николаевич Якоби, профессор и директор Судебно-медицинского института Латвии Фердинанд Нейрейтер (Neureiter), доцент Рижского института имени Гердера Л. фон Витте (von Witte), присяжные адвокаты Паул Энгелман (Engelmann), Александр Константинович Лаврентьев и Виктор Григорьевич Костенич, судья Рижского окружного суда Бурхард фон Клот (von Klot), профессор Аксель Фрайхерр фон Фрейтаг-Лорингхоувен (Freiherr von Freytag-Loringhoven) из Бреслау, адвокат Герт Кох (Koch) из Эстонии, профессор Пауль Эрнест фон Соколовский (von Sokolowski) из Литвы, Оскар фон Бюхлер (von Büchler) из Литвы, профессор Эдмунд Кунц (Kuncz) из Венгрии, Э. фон Нотбек (von Nottbeck) из Эстонии, доктор права и адвокат Ханс Ланг (Lang) из Вюрцбурга (Бавария), член шведского рейхстага профессор Биргер Эккеберг (Ekeberg), доктор права и приват-доцент Э. Волхауптер (Wolfhaupter) из Мюнхена, доктор права Вилли Шумахер (Schuhmacher) из Бонна, профессор Хенрих Герланд (Gerland) из Йенского университета, доктор медицины Макс Грюневальд (Grünewald) из Дортмунда.

⁷ Родился в Риге, изучал право в Тартуском и Мюнхенском университетах, адвокат, первый редактор «Рижского юридического журнала». В 1929 г. был министром внутренних дел Латвии. В декабре 1939 г. уехал в Германию. Погиб в советском лагере военнопленных.

⁸ Родился в Риге, изучал право в Тартуском и Латвийском университетах, адвокат, редактор «Рижского юридического журнала» с августа 1934 г. В декабре 1939 г. уехал в Германию. Пропал без вести.

⁹ См. о нем: ЛГИА. Ф. 7454. Оп. 1. Д. 201. Б. Берент; Памяти сенатора Р.В. фон Фреймана: Некролог // Закон и суд. 1934. № 46. [Т. 4. С. 950]. (Здесь и далее цитируется по факсимильному изданию: Закон и суд: Вестник Русского юридического общества (Рига, 1929–1938): Факсимильное издание: В 8 т. / Сост. А. Шмите, А. Пориете; отв. ред. Л. Круминя / Общество юристов Латвии; Фонд сенатора Августа Лебера. Рига, 2000. = Likums un tiesa: Krievu Juridiskās biedrības vēstnesis, 1929–1938. Rīga, 2000.)

верситета Российской империи началась карьера в высшем органе суда и надзора — Сенате, представлявшем собой в то время 12 департаментов и других учреждений под началом генерал-прокурора. Фрейман служил в III и IV департаментах, а с 1888 г. становится коллежским советником и ответственным сотрудником Министерства юстиции. Принимал непосредственное участие в создании законодательных актов. С 1902 г. — помощник начальника канцелярии по приему прошений царю. В 1911 г. Рудольф Фрейман получил придворный чин шталмейстера и стал руководителем канцелярии. С 1914 до Октябрьского переворота 1917 г. — сенатор департамента юстиции российского Сената, назначенный на эту должность царем пожизненно. Будучи человеком верующим, Фрейман на протяжении многих лет был связан с Петербургской евангелически-лютеранской консисторией и с 1890 до 1914 г. был ее светским ассессором, слыл признанным специалистом в области религиозного права. Не раз был награжден орденами Российской империи — Св. Владимира, Св. Анны, Св. Станислава. Бурные перемены в России принесли в семью Фреймана трагедию — от голода скончалась любимая супруга Анна Элеонора (урожд. фон Лантинг), а еще недавний сенатор не брезговал работать простым рабочим на железной дороге, учителем рисования, больничным рабочим. В 1919–1921 гг. работал в Москве в советских учреждениях в должности старшего контролера. Но судьба приготовила еще один вираж — с июля 1922 г. до середины мая 1925 г. Фрейман трудился в посольстве Латвии в России. Поселившись в Риге, он начал вести активную адвокатскую практику, был юридическим консультантом посольства Италии в Латвии, активным членом Немецкого юридического общества и редактором «Рижского юридического журнала». С созданием Русского юридического общества в Риге стал его членом правления и автором статей журнала «Закон и суд». Смерть внезапно настигла Рудольфа Фреймана в поезде летом 1934 г., когда он направлялся по адвокатским делам в городок Крустпилс.

Журнал Немецкого юридического общества прекратил существование ввиду массового отъезда осенью 1939 — весной 1940 г. немецко-русского и немецко-латышского населения в Германию. Отъезд продолжился и после установления советской власти — со второй половины января 1941 г. Согласно договору между СССР и Германией о переселении лиц немецкой национальности из Латвийской ССР¹⁰ старались уехать те, кто за первое полугодие нового политического порядка не попал в поле зрения новой власти. Те, кто оценил по исчезавшим знакомым мощь катка ее репрессий, кому категорически была чужда ее идеология¹¹. В Латвии по разным причинам предпочли остаться незначительное число прибалтийских немцев.

Факсимильное издание «Рижского юридического журнала» осуществил в 2002–2003 гг. меценат на поприще науки и культуры профессор Дитрих Андрей Лебер (Loeber; 1923–2004). Соучаствовали Фонд имени сенатора Августа Лебера

¹⁰ Советская власть была установлена в Латвии 17 июня 1940 г.

¹¹ См.: Гроссен Г. Жизнь в Риге: Воспоминания // Даугава (Рига). 1994. № 4. С. 173–192. URL: http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/ziznj-v-rige/05_zv_chetvertaja_chastj.html (дата обращения 26 декабря 2012 г.).

и Латвийское юридическое общество¹². В переиздании приняли участие сотрудники Латвийской академической библиотеки Анна Шмите и Лига Круминя, взявшие на себя труд по редактированию и составлению 10-томного издания. Статьи некоторых авторов из Германии, да и из Латвии, напечатанные после 1932 г., по причине их одиозности опущены в факсимильном издании. По сей день, увы, не проведено целостного научного исследования печатного издания, выявления судеб широкого круга его авторов.

II

Общество «Справедливость» («Aequitas») было создано специально для издания журнала на латышском языке «Юрист» («Jurists»). Издателем журнала стал Василий Иванович Синайский (1876–1949) — профессор, заведующий кафедрой гражданского права Латвийского университета, специалист по римскому праву, исследователь различных аспектов античной, русской, латышской культуры¹³. Кредо журнала и его главного редактора было сформулировано коротко: «Без права нет культуры, без культуры нет истинной жизни». Эта емкая фраза, бывшая эпиграфом к каждому номеру издания, характеризовала научные интересы Синайского-редактора как ведущего специалиста в области гражданского права, знатока римского права, пытливого исследователя, который ради глубокого, всеобъемлющего осмысления, понимания функционирования правовой системы в социуме обращался к разным отраслям человеческого знания — истории, истории культуры, философии, фольклору, лингвистике, психологии, антропологии.

Общительный и толерантный, Синайский привлекал на страницы своего журнала разнообразный круг авторов, который единил не столько формальный журнальный объем, работа в Латвийском университете, в Сенате Верховного суда или в адвокатских фирмах. Объединяло образование, полученное в стенах Дерптского, Петербургского, Московского, Киевского, Казанского, Варшавского университетов и других высших школ бывшей Российской империи.

Круг авторов журнала был очень широк, их высокий профессиональный опыт позволял не только обсуждать разнообразные специальные юридические вопросы, но и углубляться в тонкости политических, социальных, философских проблем. Активно сотрудничали с изданием профессора факультета народного хо-

¹² См.: Rigasche Zeitschrift für Rechtswissenschaft: [Rīgas Tiesību Zinātņu Žurnāls]: 1926–1939. Rīga: Latvijas Akadēmiskā bibliotēka, 2002–2003. Faksimilizdevums. 1.–10. sējums.

¹³ Библиография трудов профессора В.И. Синайского составлена его ассистентом Александром Паварсом: *Pavārs A. Professoris atque juris doctoris Basilii Sinaiski Opera (1907–1938)* // Latvijas universitātes akadēmiskās sabiedrisko zinātņu biedrības rakstu krājums. Rīga, 1939. II. sējums. Дополнительную литературу о Синайском можно найти: *Абызов Ю. Русское печатное слово в Латвии. 1917–1944 гг.: Био-библиографический справочник.* Stanford, 1990. Vol. 3; *Синайская Н.В. Круг жизни профессора Василия Ивановича Синайского.* Рига, 1998; *Ковальчук С. 22 года из жизни ученого: Цивилист Василий Синайский в Латвии* // *Seminarium Hortus Humanitatis: Альм.* (Рига). 2010. № XXI. С. 61–72. Синайский в Латвии также вступил в адвокатское сословие. См. подробнее: *Sinaiškis Vasilijis* // *Latvija advokātūra. Zvērināti advokāti un zvērīnātu advokātu palīgi biogrāfijas. 1919–1945. Biogrāfiskā vārdnīca / Sastādītāji Ē. Jēkabsons, V. Šcerbinskis.* Rīga, 2007. 445.–446. lpp.

*В.И. Синайский. 1930-е гг.
Из личного архива С.Н. Ковальчук
(Рига)*

зайства и права Латвийского университета Александр Николаевич Круглевский (1886–1964), Владимир Иосифович Буковский (1867–1937) и Пауль Минц, Август Лебер (Loeber; 1865–1948), Арвед Швабе (Švābe; 1888–1959) и Александр Буманис (Būmanis; 1881–1937)¹⁴. Публиковался также Анатолий Александрович Угрюмов (1872–1929) — еще в недавнем прошлом генерал-майор и военный прокурор царской армии, ставший в начале 1920-х гг. приват-доцентом Латвийского университета. Через журнальные публикации можно было ознакомиться с широким кругом латвийского адвокатского корпуса. Среди авторов издания был министр юстиции периода правления диктатора К. Улманиса Херманис Аpsītis (Apsītis; 1893–1942), сенаторы Верховного суда Латвии Петерис Лейтанс (Leitans), Янис Калацс (Kalacs), декан факультета народного хозяйства и права Латвийского университета Карлис Дишлерс.

Коллеги — редакторы дружественных изданий поддерживали начинание Синайского: на страницах «Юриста» публиковались Р. Фрейман и П.Н. Якоби. Петр Николаевич Якоби (1876–1941)¹⁵ — известный юрист, консультант Министерства юстиции, деятельный участник Русского юридического общества в Латвии, редактор журнала «Закон и суд» — стал активным автором журнала. Якоби по количеству публикаций в издании «Юрист» уступал только профессору Синайскому. Петр Николаевич был участником разработки Уголовного закона 1933 г. и в своих статьях подробно информировал читателей о ходе развития обсуждения закона, его нововведениях, комментировал и разъяснял волю законодателей. Прояснял также и вопросы дисциплинарной ответственности, анализировал различные стороны уголовного процесса (правовое урегулирование вопроса о процессуальных дей-

¹⁴ Бывшая студентка В.И. Синайского профессор Лина Бирзиня (1910–2007) приложила немало сил для написания многочисленных книг о профессуре юридического факультета университета 1920–1930-х гг. См. более подробно: *Birziņa L. Latvijas universitātes tiesībsabiedrība: Tiesiska doma Latvijā XX gadsimtā*. Rīga, 1999.

¹⁵ См. о нем: *Абызов Ю., Фейгман Т. Неправый суд над правоведом П.Н. Якоби // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике*. Рига, 1999. Т. 4. С. 104–139. Перу П.Н. Якоби принадлежали не только труды по юриспруденции (как, например, «Практическое руководство к составлению обвинительных актов и заключений» (Рига, 1937)), но и сочинения совсем в другом роде. Так, Якоби был автором сборника стихов «Золотые струны» (Рига, 1929), составленного из ранее опубликованных в авторских книжках в Петербурге и Витебске. Арестован советскими властями в августе 1940 г., скончался через год в заключении под Котласом.

ствиях с вещественными доказательствами, о проблемах исполнения приговора). К тому же Якоби в 1935 г. в журналах «Вестник Министерства юстиции» и «Юрист» обнародовал критический анализ уголовного законодательства Германии, принятого в угоду национал-социалистическим идеям, но в ущерб правам и достоинству индивида.

Тема соотношения права, морали и религии увлекала Синайского. На протяжении всего времени существования журнала несколько авторов обращались к ней. Первым откликнулся Марк Данилович Вайнтроб (1895–1942) — юрист по образованию, философ, общественный деятель, приват-доцент «Русских университетских знаний»¹⁶. Были опубликованы его статьи о Фихте¹⁷, Спинозе¹⁸ и их понимании государства и права. Третья статья Вайнтроба называлась «Этическое понимание права» («Tiesību etiskā izpratne»). В ней философ писал: «Воспитательная роль права — это только изгородь, ограждающая чисто этическое воспитание. В этом и заключается непреходящая роль права для человека». Право порождает равновесие в обществе, научает самоконтролю. «На языке этики о ценности человеческой жизни можно говорить с моральным самосознанием человека». Язык права понимает уже и чувственная сфера человека, стремящаяся избежать страданий. Человек, как утверждал Вайнтроб, способен изменить поведение под угрозой наказания, «которое назначено в инобытии»¹⁹.

Как истинный педагог, В.И. Синайский формировал научную смену не только в стенах Латвийского университета. Редакционная атмосфера журнала способствовала тому, что молодые юристы становились единомышленниками, помощниками главного редактора. В разные годы ему помогали недавние студенты Латвийского университета, делавшие самостоятельные шаги в стенах alma mater, в адвокатских фирмах, на судебном поприще — Константин Чаксте (Čakste; 1901–1945), Николай Винзарайс (Vinzarais; 1905–1978), Александр Паварс (1893–1971), Лотар Шульц (Šulcs; 1904–1994), Карлис Викманис (Vikmaņis; 1898–1935). Страницы журнала были открыты для многих молодых юристов. Среди прочих назову имя младшего научного сотрудника кафедры философии права Латвийского университета Романа Зиле (Zīle; 1900–1971)²⁰, который опубликовал в 1936–1937 гг. в нескольких номерах издания статью «Проблема целостности и философия права» («Veseluma problēma un tiesību filozofija»)²¹.

¹⁶ См. о нем: Ковальчук С. Еврейская философия в Латвии в 20–30 годах: М. Шац-Анин, М. Лазерсон, М. Вайнтроб // Евреи в меняющемся мире. Рига, 1996. Т. 1. С. 92–98; Она же. Романтическая душа Марка Вайнтроба // Там же. 1998. Т. 2. С. 113–121.

¹⁷ Vaintrobs M. Tiesības un valsts jēdziens Fiches filozofijā // Jurists. 1928. № 6. 171.–180. lpp.

¹⁸ Idem. Spinozas principi mācībā par tiesībām un valsti // Ibid. 1929. № 15. 231.–236. lpp.; 1929. № 16. 275.–280. lpp.

¹⁹ Idem. Tiesību ētiskā izpratne // Ibid. 1928. № 3. 73.–78. lpp.

²⁰ Сын ректора Латвийского университета Мартына Зиле, юрист по образованию, адвокат, убежденный монархист, душеприказчик известного русского религиозного философа И.А. Ильина. См. более подробно: И.Н. Заволоко и Р.М. Зиле // Балтийско-русский сборник: Материалы по истории русской жизни в Риге и Каунасе: Из Архива Гуверовского института / Изд. подгот. Л. Флейшман, Б. Равдин. Stanford, 2007. Т. 2. С. 168–201.

²¹ Zīle R. Veseluma problēma un tiesību filozofija // Jurists. 1936. № 7/8. 155.–160. lpp.; 1937. № 1/2. 31.–38. lpp.; № 3/4. 61.–64. lpp.

Затяжной кризис парламентской демократии в Латвии был прекращен событиями 15–16 мая 1934 г. — политическим переворотом Карлиса Улманиса. Журнал «Юрист» спокойно отреагировал на это событие. Редакция издания в лице профессора Синайского фактически поддерживала актуальную для того времени интерпретацию политической деятельности Улманиса как человека, способного бескорыстно и всецело взять на себя политическую, гражданскую ответственность за сложное положение в государстве. Однозначно ответить на вопрос, почему Синайский принял и даже оправдывал переворот, нельзя. Было ли это проявлением конформизма? Возможно. В известной мере он был несвободен, поскольку преподавал в Латвийском университете. Это во-первых. Во-вторых, нельзя сбрасывать со счета личностные, профессиональные качества: редактор журнала «Юрист» был рыцарем права, служивший верно идее права *per se*. Но даже по истечении нескольких лет после переворота мая 1934 г. профессор не видел или, скорее, не желал замечать гримасы авторитаризма: планомерное наступление на демократические завоевания, введение цензуры, усиление националистической пропаганды и т. д.

Забегая несколько вперед, подчеркну, что коллеги-юристы из рижского русского юридического журнала «Закон и суд» сдержанно отнеслись к событиям 15–16 мая 1934 г. На страницах журнала они безбоязненно размышляли о превратной судьбе молодых европейских демократий: избавление от деспотии монархов через краткий период демократических преобразований оборачивалось возвращением к деспотии, диктатуре, к идее государственного блага и его приоритета над благом индивидуума.

В 1937 г. журнал начал испытывать материальные трудности, эти проблемы были «услышаны» властью. Журналу был преподнесен на 10-летний юбилей подарок — 500 латов. В 1937 г. в сдвоенном номере 7/8 журнал «Юрист» поместил небольшую статью Улманиса под названием «Долг — это высший закон». Накануне 20-летия латвийской государственности, 13 ноября 1938 г., в газете «Защитник Латвии» («*Latvijas kareivis*») профессор Синайский опубликовал статью «Гражданин — солдат» («*Pilsonis — karavīrs*»), в которой славил мудрость власти.

В конце 1937 г. Синайский передал бразды правления в редакции журнала «*Jurists*» своему любимому ассистенту. С 1938 года, с номера 1/2 главным редактором журнала стал Константин Чаксте. Но редакция, несмотря на поддержку и заинтересованность Улманиса, с трудом находила средства для издания: с начала 1939 г. до мая 1940 г. удалось выпустить 11 номеров журнала.

III

С мая 1929 г. по август 1938 г. рижское Русское юридическое общество начало издавать русскоязычный «Закон и суд. Вестник Русского юридического общества», ставший своего рода энциклопедией русской правовой мысли в изгнании²². Этому изданию удалось в отрыве от исторической родины продолжить лучшие традиции широко известного в дореволюционной России санкт-

²² См.: Ковальчук С.Н. Судьба журнала «Закон и суд» (1929–1938) // Балтийский архив. С. 88–103.

петербургского журнала «Русское право». Но более того, «Закон и суд» стал единственным периодическим изданием русских (российских) юристов, обосновавшихся в Западной Европе после российской трагедии 1917 г.²³

Инициативная группа, состоявшая из 16 человек, еще в феврале 1929 г. обратилась к проживавшим в Латвии и за рубежом русским юристам с воззванием продолжить на латвийской земле традиции Санкт-Петербургского журнала «Право», который «должен служить парламентом юридической мысли русских юристов»²⁴. Авторы воззвания призывали к единению и дружному сотрудничеству коллег.

Основателями Русского юридического общества в Латвии весной 1929 г. согласно архивным документам²⁵ стали: присяжный адвокат Иосиф Людвигович Балинский (1869–1942)²⁶, Владимир Владимирович Галкин (1877–?)²⁷, главный редактор газеты «Сегодня» Максим Ипполитович Ганфман (1873–

Обложка журнала «Закон и суд».
Из личного архива С.Н. Ковальчук (Рига)

²³ Общественных объединений русских юристов было создано в те годы немало: в Париже в 1920 г. был создан Союз русских адвокатов за границей, в том же году в Берлине — Союз русских адвокатов, в 1926 г. — Объединение русских адвокатов во Франции, в 1928 г. — Объединение русских юристов в Праге, в 1929 г. — Общество русских юристов в Загребе. В Югославии многим русским юристам удалось устроиться на преподавательскую работу. См. более подробно: Чубинский М. Русские юристы в Югославии // Закон и суд. 1929. № 6. [Т. 1. С. 133–134]; Маклецов А. Русские юристы в Югославии // Там же. 1933. № 40. [Т. 3 С. 798–800]. А в Чехословакии для многочисленного профессорско-преподавательского состава и русского студенчества ситуация сложилась столь благоприятно, что в Праге в мае 1922 г. даже был открыт Русский юридический факультет, во главе которого стал профессор П.И. Новгородцев. См. более подробно: Голан А. Письма из Чехословакии // Закон и суд. 1929. № 2. [Т. 1. С. 32–33].

²⁴ История создания общества и его печатного органа подробно была изложена в последнем номере издания: Закрытие журнала «Закон и суд» // Закон и суд. 1938. № 88/90. [Т. 8. С. 1952–1954].

²⁵ ЛГИА. Ф. 3724. Оп. 1. Д. 5055. Л. 37.

²⁶ См. о нем: Balinskis Jāzeps // Latvijas advokātūra. 96. lpp.

²⁷ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. С 1907 по 1913 г. служил товарищем прокурора Рижского окружного суда. В 1922 г. возвратился в Латвию. Активно участвовал в работе Русского национального объединения, был председателем Русского клуба в Риге, членом церковно-приходского совета рижского Христорождественского кафедрального собора.

1934)²⁸, Генрих Иванович Гроссен (1881–1974)²⁹, петербургский адвокат Оскар Осипович Грузенберг (1866–1941)³⁰, Максим Ильич Коссовский (1874–?)³¹, присяжный адвокат Виктор Григорьевич Костенич (1881–1959)³², профессор Латвийского университета Паул Минц, присяжный адвокат Итало Александрович Форгач (Forgatsch; 1885–1978)³³, криминалист, адвокат Иосиф Сигизмундович Шабловский (1873–1934)³⁴, Петр Николаевич Якоби³⁵.

В сухих архивных свидетельствах опущены многие славные имена инициаторов издания журнала «Закон и суд». Многих единила судьба изгнанников, общие воспоминания о службе в Петербурге и учебе на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, человеческая приязнь. Общество было зарегистрировано в Рижском окружном суде 27 марта 1929 г. В мае в Рижскую префектуру был сдан Устав общества, в котором целью общества было определено теоретическое и практическое исследования проблем права. Председателем общества единодушно избрали О.О. Грузенберга, его заместителями (товарищами председателя) стали П.Н. Якоби и И.С. Шабловский³⁶. Почетным членом был единогласно избран известный петербургский правовед профессор Л.И. Петражицкий (1867–1931)³⁷.

²⁸ См. о нем: Памяти М.И. Ганфмана: (Некролог) // Закон и суд. 1934. № 10. [Т. 4. С. 1022]; Гессен И. Памяти М.И. Ганфмана: (Из письма к А.И. Каминка) // Там же. [Т. 4. С. 1022–1024]; Ковальчук С. Ганфман М.И. // Покровское кладбище: Слава и забвение / Сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, 2004. С. 178–181.

²⁹ Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, помощник обер-секретаря Сената, редактор военного журнала «Вестник Северо-Западной армии» в Нарве в 1919 г., по приезде в Ригу работал в целом ряде газет, более 10 лет был учителем в рижских школах. См. о нем: Абызов Ю. О Генрихе Гроссене и его «Записках» // Даугава (Рига). 1994. № 1. URL: <http://www.russkije.lv/ru/journalism/read/ziznj-v-rige> (дата обращения 26 декабря 2012 г.).

³⁰ См. о нем: Грузенберг Оскар // Краткая еврейская энциклопедия: В 11 т. Иерусалим, 1982. Т. 2. С. 234–235; Грузенберг Оскар Осипович // Российская еврейская энциклопедия. М., 1994. (URL: http://rujen.ru/index.php/ГРУЗЕНБЕРГ_Оскар_Осипович (дата обращения 26 декабря 2012 г.)); Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б. Русская печать в Риге: Из истории газеты *Сегодня* 1930-х годов: В 5 кн. Stanford, 1997. Кн. 5. С. 60–85; Ковальчук С. Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // Евреи в меняющемся мире. Рига, 2000. Т. 3. С. 486–494; Kovaļčuka S. Oskars Gruzenbergs: žurnālā “Likums un tiesa” (1929–1938) galvenais redaktors // Kultūras identitātes dimensijas. Rīga, 2011. 81.–95. lpp.

³¹ Выпускник Демидовского юридического лицея. В начале 1930-х гг. преподавал в Риге в Русском институте университетских знаний, читал курс по гражданскому процессу. См.: ЛГИА. Ф. 5901. Оп. 1. Д. 48. Л. 32.

³² См. о нем: Kosteničs Viktors // Latvijas advokatūra. 287. lpp.

³³ См. о нем: Forgačs Italo // Latvijas advokatūra. 186.–187. lpp.

³⁴ См. о нем: Памяти И.С. Шабловского // Закон и суд. 1934. № 50. [Т. 4. С. 1021].

³⁵ См. о нем: Абызов Ю., Фейгман Т. Неправый суд над правоведем П.Н. Якоби.

³⁶ ЛГИА. Ф. 3724. О. 1. Д. 5054. Дело Русского юридического общества в Латвии.

³⁷ Л.И. Петражицкий вскоре после событий октября 1917 г. выехал в Польшу, где преподавал в Варшавском университете. Петражицкого связывала с Ригой не только многолетняя дружба с Грузенбергом, но и их сотрудничество в журнале «Русское право». См. подробнее: Грузенберг О. Из дневника юриста // Закон и суд. 1929. № 1. [Т. 1. С. 8–9]; Круглевский А. Петражицкий Л.И.: Некролог // Там же. 1931. № 20. [Т. 2. С. 393–396]. В 1920–1930-х гг. в Латвии успешно научно работали несколько бывших студентов профессора Петражицкого: М.Я. Лазерсон, А.Н. Круглевский, К. Дишлерс, К. Дуцманис. См. подробнее: Лазерсон М. О наследии русской философии права // Закон и суд. 1929. № 1. [Т. 1. С. 8–9]; Круглевский А. Петражицкий Л.И.: Некролог // Там же. 1931. № 20. [Т. 2. С. 400]; Kруглевскis A. L. Petražickis: Nekrologs // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis. 1931. № 5. 199.–201. lpp.; Kруглевскis A. Ducmanis K. Leo Petražicka tiesību un valsts teorija sakarā ar mācību par morāli // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis. 1931. № 6/7. 282.–284. lpp.

Итак, 7 мая в Риге в присутствии высших членов судебного ведомства и общественных деятелей произошло торжественное открытие Русского юридического общества в Латвии. Председателем общества Оскаром Осиповичем Грузенбергом и гостем из Тарту профессором Игорем Матвеевичем Тютрюмовым (1855–1943)³⁸ были прочитаны доклады. В этот день Грузенберг представил собравшимся первый номер журнала. На первой его странице были напечатаны вдохновенные слова о том, что «со щепотками земли с родных могил» русская интеллигенция унесла из России дух родины, дух ее благородной культуры, в котором нет властолюбия, а только «тихий свет всепоглощающей мудрости». «Русская интеллигенция — это братство, рыцарский орден. Куда бы исторические судьбы ни закинули его членов, они должны выполнять свое провиденциальное назначение: отдавать свои знания и опыт, выявлять свой талант, — словом, подобрать оборванную нить родной культуры, чтобы передать ее не только младшим поколениям, лишенным неумной войною и безумной революцией родных университетских стен, но и тем народам, среди которых они осели, — одни осели как граждане, другие как гости — увы! — засидевшиеся гости»³⁹.

Для сохранения русского академического права, единства русской интеллигенции, для деятельного включения юристов в жизнь молодых независимых государств и был задуман этот журнал. Тем более что правовая система балтийских государств унаследовала российские уголовные и гражданские законы, которые неспешно заменялись местными уложениями⁴⁰.

За годы существования издания удалось выпустить 90 номеров, в их подготовке участвовало 75 авторов (среди которых было 18 профессоров). Общее количество статей равняется 395, не считая обширных заметок в отделах законодательной летописи, хроники событий, консультации подписчиков⁴¹. Назову всего

О.О. Грузенберг. Начало 1920-х гг.
ЛГИА. Ф. 2996. Оп. 7. Д. 37337

³⁸ См.: Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. С.Г. Исакова. Тарту; СПб, 2001; Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: М-лы для библиогр. словаря: Юридические науки: XIX — первая половина XX в. М., 2011. Вып. 4. С. 178.

³⁹ Грузенберг О. Из юридического дневника // Закон и суд. 1929. № 1. [Т. 1. С. 3].

⁴⁰ См.: Тютрюмов И. Рецепция русского права в Эстонии и Латвии // Там же. [С. 26–28].

⁴¹ В последнем номере издания в статье без указания имени автора «Закрытие журнала “Закон и суд”» были подведены итоги десятилетней деятельности. См.: Закрытие журнала «Закон и суд» // Закон и суд. 1938. № 8/10. [Т. 8. С. 1952–1954].

лишь небольшое число авторов из-за рубежа, принимавших участие в работе журнала; о некоторых сохранились довольно подробные сведения, о ком-то почти ничего: профессор Игорь Матвеевич Тютрюмов (Тарту), профессор Николай Сергеевич Тимашев (1886–1970; Париж)⁴², Алексей Александрович Гольденвейзер (1890–1978; Берлин), профессор Сергей Владиславович Завадский (1871–1935; Прага)⁴³, приват-доцент Александр Иванович Голан (1896–1936; Прага), профессор Петр Леонас (Leonas; 1864–1938; Каунас), профессор Карл Саарман (Saarman; 1893–1948; Таллин), профессор Сергей Константинович Гогель (1860–1933; Берлин), профессор Александр Васильевич Маклецов (1884–1948; Любляна)⁴⁴, А. Паткин (Мельбурн), Д.М. Каушанский (Кишинев), Тамара Гаухман-Черняк. Из рижских авторов можно назвать нескольких: профессор В.И. Синайский, сенатор А. Лебер, профессор В.И. Буковский, профессор П.М. Минц, профессор М.Я. Лазерсон, сенатор Р. Фрейман. Но одно имя хочется выделить особо. Практически ни один номер не обошелся без статей, заметок, ответов читателям, написанных рукой П.Н. Якоби.

После отъезда из Риги Грузенберга осенью 1931 г. весь груз обязанностей по руководству юридическим обществом взял на себя П.Н. Якоби. С 1934 г. редакцией журнала стал руководить профессор Август Исаакович Каминка (1865–1941), затем И.А. Форгач. Председательское кресло в обществе занял на короткое время профессор Синайский, далее председательствовали И.С. Шабловский, с декабря 1934 г. П.Н. Якоби; членами правления были А.И. Каминка, Э.В. Завадский. Уже в феврале 1935 г. встал вопрос о создании объединенного Латвийского юридического общества. Якоби категорически возражал против слияния со всеми продолжавшими к этому времени существовать юридическими обществами. 5 октября 1935 г. он сложил с себя обязанности председателя правления общества, вышел из его состава. Сдержанное отношение правления к объединению в итоге дало повод властям поставить вопрос о ликвидации Русского юридического общества. Место П. Якоби занял бывший депутат латвийского сейма, адвокат Александр Семенович Бочагов (1885–1952). Ему и было суждено руководить обществом вплоть до его окончательного закрытия в мае 1940 г.

Темы издания «Закон и суд» отличались завидной разносторонностью. Подробно рассматривались различные аспекты гражданского кодекса, которые касались семьи и брака, прав женщин и незаконнорожденных детей, имущественного наследства, квартирного вопроса и т. д. На страницах издания обсуждалось, критически комментировалось латвийское уголовное уложение, принятое сеймом в 1930 г. Не остались без внимания проблемы суда и прокуратуры, судебной экспертизы и состояния мест заключения, торговое право и последние постаново-

⁴² О нем см.: На темы русские и общие // Сб. ст. и мат-лов в честь Н.С. Тимашева / Под ред. Н.П. Полторацкого. Нью-Йорк: Общество друзей русской культуры, 1965.

⁴³ См. о нем: Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / Сост. Н.М. Зернов. Boston, 1973.

⁴⁴ О нем см.: Магуза А.О. Забытый ученый-эмигрант А.В. Маклецов и его криминалистические воззрения: К 125-летию со дня рождения // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 356–358.

ления правительства по акционерным обществам. Публиковались статьи об изменениях в законоуложениях Германии, Италии, Чехословакии, Франции, но особо пристальное внимание уделялось Эстонии и Литве. Состояние правовой системы советской России во все годы существования журнала было одной из центральных тем. Начиная с первых номеров в издании «Закон и суд» был широко представлен раздел международного права. Могу только предположить, что тон этого раздела изначально задал специалист по международному законодательству, неустанный поборник прав национальных меньшинств в Латвии профессор М.Я. Лазерсон⁴⁵. В этом разделе появлялись статьи о заключении и пересмотре международных договоров, но главное — о международной защите национальных меньшинств, о документах, которые вырабатывала Лига Наций по данному вопросу. Авторами статей были М.И. Вишняк и единственная дама среди авторов Тамара Гаухман-Черняк, публиковавшая статьи в журнале по проблеме беженцев вплоть до 1938 г.

*А.С. Бочагов. Начало 1920-х гг.
Из личного архива Т.Д. Фейгмане
(Рига)*

Интересная особенность первых 23 номеров журнала состояла в том, что их неизменно открывал юридический дневник О.О. Грузенберга. Имя Грузенберга вошло во многие справочные издания как блистательного адвоката и общественного деятеля. До революции он стал особо известен после так называемых еврейских процессов. Zenитом его профессионального успеха стало в 1913 г. дело М. Бейлиса, которое Грузенберг уподобил судебным расправам времен инквизиции. В 1917 г. он был избран по единому еврейскому национальному списку в депутаты Всероссийского учредительного собрания. В 1920 г. Грузенберг покинул Россию, которую любил: «Когда любишь, то любишь с в о ю любовь. <...> За что мы любим Россию, — попытаюсь, впрочем, объяснить. За то, что там солнце светит и греет п о - и н о м у; и н а ч е плывут на небе облака, журчит река, хрустит под ногами песок»⁴⁶. (Разрядка Грузенберга. — С.К.)

Поиски достойного для жизни и работы места привели Грузенберга и его семью в Германию, затем во Францию, а с 1926 до конца 1931 г. он жил в Лат-

⁴⁵ См.: Лазерсон М. Трансформация мирового публичного права // Закон и суд. 1932. № 7. [Т. 2. С. 534–535].

⁴⁶ Грузенберг О. Из дневника юриста // Там же. 1933. № 33. [Т. 3. С. 657].

вии. Но такова уж кочевая судьба эмигранта — Грузенберг не задержался в Риге, уехал вновь во Францию. В 1944 г. профессор Макс Лазерсон писал: «Можно без преувеличения сказать, что за все эмигрантские годы О.О. <Грузенберга> латвийская эпоха была наибольшим приближением к его бывшей российской деятельности и славе. Хотя он — в качестве иностранца — и не был зачислен в латвийское сословие адвокатов, он все же по молчаливому уговору судов и адвокатуры получил неписанные права экстерриториального и притом авторитетнейшего адвоката»⁴⁷.

Какой настрой, какая тема была доминирующей в дневниках Грузенберга? Внешне, при беглом чтении его вводных статей, казалось, только идеализм, бескорыстность, возвышенность чувств, любовь к России, пиетет перед российской правовой системой владели их автором. От читателя была тщательно скрыта противоречивость, страстность, чувствительность натуры автора, сложность его переживания бытия эмигранта, отношений в эмигрантской среде вообще. Надо признать, что Грузенберг был более откровенен не в журнальном дневнике юриста, а в частной переписке и в воспоминаниях. Будучи человеком преклонного возраста, он был погружен в прошлое. Он жил этим прошлым. Поэтому не удивительно, что его дневник был так насыщен воспоминаниями, историческими экскурсами, дававшими определенную настрой публикациям номера⁴⁸. Он писал дневник, мысленно устремляясь на родину его духа — в Россию. Но при всем погружении в былое время в дневнике были критические комментарии латвийских законов, о которых автор дневников старался говорить «не вороватым фальцетом угодливого, а грудным голосом уважения к истине»⁴⁹.

Излюбленными темами Грузенберга были защита независимости адвокатов и суда присяжных заседателей, который никак не прививался в молодом государстве. В одной из статей он писал: «Русскому адвокатскому сословию, за которым больше заслуг, чем за каким-либо другим свободным сословием, есть что вспомнить, есть чем гордиться. <...> У русской адвокатуры свой неразменный фонд, накопленный 50 годами *общественного* служения и неугашения духа во времена самых тяжелых для страны испытаний. Она создала совершенно неведомый западной адвокатуре институт *бесплатных* консультационных бюро, *бесплатных* защит неимущих даже на выездных сессиях». Адвокат — бесстрашный и стойкий солдат, который, будучи честным и знающим свое дело, не склонит голову перед властью. «Для него лишь существуют: в небе — Бог, а на земле — закон и ответственная, взыскательная совесть. Все остальное — от лукавого»⁵⁰.

⁴⁷ Цит. по: Русская печать в Риге: Из истории газеты *Сегодня* 1930-х годов. Кн. 5. С. 81. См. также: *Грузенберг О.О.* Вчера. Париж, 1938.

⁴⁸ Часто фрагменты из дневника Грузенберга предвляли публикацию статей бывшего товарища обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената Александра Николаевича Лазаренко (1876–1937). Как писал Грузенберг, Лазаренко «умудрился каким-то чудом спасти большую часть протоколов по судоустройству и уголовному судопроизводству комиссий незабвенного 1917 г.» (*Грузенберг О.* Из дневника юриста // *Закон и суд.* 1930. № 7. [Т. 1. С. 151–153]). Александр Николаевич опубликовал в журнале «Закон и суд» большую серию статей о проектах Временного правительства, о суде присяжных, судебной службе, о независимости прокуратуры и др.

⁴⁹ *Грузенберг О.* Из юридического дневника // *Закон и суд.* 1929. № 1. [Т. 1. С. 2].

⁵⁰ *Он же.* Из дневника юриста // Там же. 1930. № 10. [Т. 1. С. 219].

Грузенберг не единожды размышлял на страницах дневника юриста о суде присяжных заседателей в царской России, подчеркивая, что суд этот был честным и праведным. Первая мировая война, революционная буря смели прежнее устройство во многих государствах Европы, разрушили монаршие престолы, на смену деспотиям пришла демократия, породив надежды на светлое будущее, участие широких масс в управлении обществом. Но уже в первое десятилетие своего существования демократические общества «заболели». «Заболели» серьезно. Старый адвокат был убежден, что главная беда демократии была заключена не столько в ее врагах, сколько в ней самой: «Много говорят и пишут о кризисе демократии, об ее сильных врагах — фашистах справа и слева. Однако главная беда демократии не столько в ее врагах, сколько в ней самой: неверие, колебания и — что хуже всего — усталость прокрались в ее собственные ряды, захватили многих ее вождей»⁵¹. В конце 1920-х гг. ему было явно видно, что так называемые вожди-демократы (эти некоронованные короли) прониклись необыкновенной любовью к риторике, которая скрывала их неверие и колебания, но главной потерей стало устранение общественного элемента в отправлении правосудия — суда присяжных⁵².

Еще проживая в Риге, Грузенберг напечатал главы из дневника последний раз, в 1931 г., в сентябрьском номере «Закона и суда», затем его общение с читателями прервалось на несколько номеров. Уже в 1932 г. он прислал из Ниццы небольшую главу из дневника юриста. Он вновь не упустил случая излить свои добрые чувства к России, в которую невозможно было вернуться. «С тех пор, как покинул мою родину, — я, непокорный, покорился этому страшному слову: нельзя! Да и не все ли равно, где доживать свои дни, если приходится жить вне родины и без родины. Конечно, все равно. Не надо было покидать родины, тем более что я не вправе ссылаться даже на то, что мне грозила какая либо опасность»⁵³.

В 1934 г., в 42-м номере журнала «Закон и суд» появилась статья В. Фридштейна «Из области нового германского права», своеобразно предвосхитившая события государственного переворота 15–16 мая 1934 г., когда к власти в Латвии пришел диктатор Карлис Улманис. Фридштейн, в частности, писал: «Национал-социалисты имеют в виду между прочим создать или воссоздать новое право, соответствующее духу немецкого народа»⁵⁴. Вывод этой статьи был неутешителен: «Политика “захватила” гражданское право»⁵⁵. Вскоре и в Латвии был осуществлен подобный «захват» гражданского права, узурпирована свобода личности, национальных меньшинств, печатного слова, партий, общественных организаций. Хотя еще совсем еще недавно из уст первого президента Латвии Яниса Чаксте (Čakste; 1859–1927) (кстати, юриста по образованию) звучали высокие слова о демокра-

⁵¹ Там же. 1929. № 3. [Т. 1. С. 51].

⁵² См.: Там же. [Т. 1. С. 51–53].

⁵³ Там же. 1932. № 27. [Т. 2. С. 523].

⁵⁴ Фридштейн В. Из области нового германского гражданского права // Там же. 1934. № 42. [Т. 4. С. 847].

⁵⁵ Там же. [Т. 4. С. 849].

тии, которые его последователи подменили речами о необходимости диктатуры, усиления пропаганды национальной идеи.

Журнал не закрыли, но его положение стало весьма сложным. Уже в майском номере (№ 44) редакторы сочли необходимым опубликовать список распоряжений правительства Улманиса. Этот номер открывала статья, под которой не было подписи. Она называлась «Задачи журнала». Пусть в не прямой, иносказательной форме, но все же редакция выразила свое отрицательное отношение к государственному перевороту. В ней писалось не о последних бурных переменах в Латвии, а о печальном опыте демократических преобразований в России и национальной трагедии 1917 г. В статье говорилось и о том, что революционный дух отрицания расшатал идеи права, которые еще недавно казались «бесспорными, незыблемыми основами для культурного человеческого существования. <...> На авансцену истории, шумно и воинственно, выступили новые люди, обездоленные чужими ошибками и преступлениями, поэтому крайне враждебные к прошлому. <...> Они властно зовут к новому будущему, жадно требуя себе всю полноту власти, обещая в обмен всю полноту благополучия под условием полного разрыва с настоящим, уничтожения всех его достижений». Новые представители демократических начал в пылу радикальных преобразований забыли мудрое римское правило, гласящее, что право рассчитано на пользование, а не на злоупотребление им. «Злоупотребления, правда, доказывают не только недостатки людей, но и несовершенства институтов, но еще не доказывают их непригодности»⁵⁶. Но бесконечные реформы, как видно на примере России, дискредитируют правопорядок, ведут к опасному процессу — к гибели связи между государственной организацией и идеей личности. Таким образом, идея права, идея правопорядка способна расшатываться от частых трансформаций с двух сторон, отравляя последний источник права — народное правосознание. Журнал в новых условиях выдвинул для себя задачу следить за развитием права во всех его проявлениях, с тем чтобы адекватно отразить на страницах журнала правовую работу в стране, главным образом разрабатывать практические, а не теоретические вопросы, внимательно изучать опыт Эстонии и Литвы.

Внешне редакция старалась выполнить свои обещания — в журнале стали преобладать публикации по специальным юридическим вопросам. Из номера в номер в разделе «Законодательная летопись» печатались новые законы, законопроекты, постановления, дополнения к статьям Устава гражданского судопроизводства, изменения в Уставе уголовного судопроизводства и т. д. правительства Улманиса. Подробно комментировались правовые проблемы так называемой Балтийской Антанты, связанные с заключением союза Латвии, Литвы и Эстонии. Профессор А.И. Каминка, некто Senior, Вячеслав Новиков, М.Н. Фейтельберг подробно писали о конституционных изменениях, фашистских партиях, трудовом законодательстве в Италии, Австрии, Германии, Франции, т. е. авторы журнала взяли на вооружение критику тоталитарных режимов далеко за пределами Латвии. Но уже в 1936 г. журнал отказался публиковать статьи об авторитарных режимах.

⁵⁶ Задачи журнала // Закон и суд. 1934. № 44. [Т. 4. С. 880].

Как можно было юристам, преданным идее правового государства, стабильности форм государственного бытия, соблюдения прав и достоинства индивидуума, оставить без внимания процесс глубоких конституционных изменений в европейских государствах в 1930-х гг.? Каковы причины победы фашистской идеологии, торжество ее над большевизмом? Неужели причина в экономическом кризисе? Авторы журнала «Закон и суд» настоятельно искали ответы на поставленные вопросы. Искали потому, что хотели точно определить для себя степень зависимости самого юриста, отстаивающего высокие идеи справедливости, от политической конъюнктуры, от идеологии. Одним из ответов был следующий: идеология, политика правят бал в сфере права, знаменуя тем самым не только глубокий кризис правосознания, но и кризис самой идеи демократии, равенства и братства. Оказалось, что демократия политическая, еще совсем недавно воодушевлявшая миллионы в Старом Свете, оказалась практически неспособной перейти в демократию социальную, сбиваясь на утверждение олигархии, сотворение идола в виде религии вождя, прославление идеи превосходства нации.

В начале 1937 г. журнал позволил себе отойти от практического направления, опубликовав подробный отчет мероприятий в Русском юридическом обществе, посвященных 100-летней годовщине гибели А.С. Пушкина. В Риге в тот год о Пушкине, русской культуре говорили и писали много. «Закон и суд» поместил на своих страницах содержательные публикации В.И. Синайского «Пушкин о праве»⁵⁷, П.Н. Якоби «Ход дела о дуэли Пушкина с Дантесом-Геккереном»⁵⁸, В.А. Мякотина «Пушкин и декабристы»⁵⁹.

В 1938 г. вышло всего лишь восемь номеров журнала. В последнем номере члены редакционной коллегии писали, что 29 июля 1938 г. письмом за № 29577 Департамент печати и обществ Министерства общественных дел уведомил Русское юридическое общество об отклонении его прошения на издание журнала «Закон и суд». Да, единственный печатный орган юридической мысли в русском зарубежье закрывался. Редакция выразила надежду, что их усилия на протяжении девяти лет не канут в Лету. «При смене действующего в СССР бесправного режима, с переходом к принципам правового государства русский законодатель найдет цен-

П.Н. Якоби. Начало 1920-х гг.
ЛГИА. Ф. 2996. Оп. 9. Д. 514

⁵⁷ Там же. 1937. № 72. [Т. 7. С. 1507–1510].

⁵⁸ Там же. [Т. 7. С. 1510–1517].

⁵⁹ Там же. № 73. [Т. 7. С. 1527–1530].

ный материал в этом единственном за рубежом хранилище русской юридической традиции, где собирались труды по разработке русского права в новообразовавшихся соседних с Россией государствах. В этом, в перспективе истории, значение нашего журнала, ныне прекратившего, по не зависившим от издательства причинам, свое существование»⁶⁰.

Достоинство и сдержанность были в этих итоговых строках редакционной коллегии. Журнал никогда не позволял себе резких выпадов против власти, надеясь, что научный журнал не затронет диктаторский режим Улманиса. Петр Николаевич Якоби 30 сентября 1938 г. отправил из редакции журнала письмо в Югославию А.В. Маклецову. Писал в то самое время, когда готовился завершающий номер журнала Русского юридического общества. Вот строки из этого письма, копия которого любезно была предоставлена мне профессором А. Лебером из личной коллекции архивных документов⁶¹:

К нашему горю, увь, далеко не все благополучно! Если Вы просматривали последние номера нашего журнала, то Вы могли заметить, что с опубликованием последних новостей, помещенных в №№ 82–87 <...> над нами повис дамоклов меч. Все же мы не могли предполагать, что шовинистическая власть посягнет на научную мысль, между тем это случилось. Нас закрывают. Казалось бы, если им не нужен наш журнал, то зачем же закрывать возможность следить за развитием русской юридической мысли тем, кто интересуется нашим журналом. А вот видите же, мегаломания и шовинистический обскурантизм пресек нашу деятельность. Словом, нам предоставлена возможность выпустить заключительный последний номер. Мы уже готовы; в нем пришлось поместить весь оставшийся от прежнего номера готовый набор, который превышает размеры обычного номера.

<...> Некоторые авторы (Фридриштейн, Кацнельсон), следуя предложению правления Русского юридического общества, взяли на себя расходы по припечатыванию их статей в последнем номере. Если Вы хотите последовать их примеру и оказать такую же финансовую помощь нашему злополучному детищу, то уведомите меня и пришлите свою лепту в редакцию по моему адресу. На всякий случай прилагаю расчет типографии по припечатке Вашей заметки. Я же придержу выпуск номера до Вашего ответа. Мне очень совестно писать обо всем этом, но Вы, надеюсь, не осудите мою такую откровенность. <...>

Когда последний номер будет разослан, я позволю себе послать Вам уже готовую статью, где сопоставлены госуд<арственные> устройства в трех балтийских странах, и Вы увидите, в какой кошмарной обстановке приходилось мне работать. Эту статью, быть может, Вы найдете возможным поместить в мест-

⁶⁰ Закрытие журнала «Закон и суд» // Закон и суд. 1938. № 88/90. [Т. 8. С. 1954].

⁶¹ Позже письмо П.Н. Якоби профессор А. Лебер издал скромным тиражом в: «Zakon I Sud»: Eine russischsprachige juristische Zeitschrift in Riga 1929–1938: Materialien über die Schliessung der Zeitschrift im Jahre 1938 auf Anordnung der Behörden Lettlands / Zsgest. von Dietrich A. Loeber. Hamburg, 1989. S. 1–11. В 2000 г. письмо вновь было опубликовано профессором Лебером в предисловии к факсимильному изданию журнала «Закон и суд».

ной прессе или во вновь народившемся журнале “Право”, который я приветствую от всего сердца и желаю ему более радостного и удачного успеха.

Во всяком случае, буду просить Вас по получении последнего номера дать где-нибудь надлежащую отповедь для истории: да ведают потомки православные.

Спешу заключить свою эпистулу, чтобы она скорее до Вас дошла.

Какие различные чувства мною овладели при получении Вашего письма: радость получения от Вас весточки, признательность за интересную заметку и скорбь за наше детище.

Искренне преданный Вам

П. Якоби

В июне 1940 г. осуществилась инкорпорация прибалтийских государств, через год началась страшная война и трехлетняя немецкая оккупация, летом — в сентябре 1944 г. — последовал очередной исход населения, и последующее почти 50-летнее пребывание в составе СССР оказалось неминуемо. Все эти события размыли память о русской (российской) эмиграции в Латвии, в странах Балтии. К началу 1990-х гг. многое было безвозвратно утрачено, прервана естественная связь поколений, да и жернова политических режимов перетерли многие человеческие судьбы в пыль. Энергия забвения оказалась сильнее памяти.

С.Р. Федякин

БЕРЛИНСКАЯ «КУКХА» И ПАРИЖСКАЯ «ВЗВИХРЁННАЯ РУСЬ»:
СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ
А.М. РЕМИЗОВА с В.В. РОЗАНЫМ

О берлинском периоде Ремизова часто говорят как о весьма продуктивном: за короткий срок он успел опубликовать 23 книги. Но количество это обманчиво. Многие из книг были тонкие, иногда и вовсе брошюры. К тому же значительная их часть — переиздания. Из дописанного и доработанного — роман «В поле блакитном», первый из серии биографических романов о жене, и роман «Плачужная канава» (другое название — «Ров львиный»), над которым он работал несколько лет. Обе эти книги еще вписывались в те литературные формы, которые писатель нашел в России. Жанр других берлинских сочинений определить трудно.

«Россия в письменах», «Ахру. Повесть петербургская», «Кукха. Розановы письма». Первое произведение — отрывки из старинных русских писаний пополам с ремизовским плетением словес, второе — воспоминания-заплатки и раздумья о недавнем прошлом — о Блоке, русских литераторах, «Обезьяньей великой и вольной палате». Третья — «Кукха» — произведение особенное. В центре этих заметок-воспоминаний — Василий Васильевич Розанов. О том, что это ремизовское сочинение в чем-то подобно «Уединенному» (1912) и «Опавшим листьям» (1913–1915) — произведениям главного героя повествования, — уже говорилось в самом обстоятельном исследовании этой книги на сегодняшний день — статье Е.Р. Обатниной¹. И все же какой-то основной черты в этом подобии ей разглядеть все-таки не удалось. Да и о глубинном жанровом сходстве «Уединенного» и «Кукхи» сказано не так много. Ремизов назван и последователем Розанова, и его «лучшим учеником». Характеристика книги — краткая и емкая — говорит о многом: «Именно с “Кукхи” начинается создание особого ремизовского автомифологического пространства. Повествование складывается из беспорядочного каскада анекдотических сюжетов. Фрагментарность, резкие временные и пространственные скачки — таковы принципиальные особенности художественного нарратива. Фрагменты создают впечатление спорадических вспышек памяти, возникающих по ассоциативной связи с реальностью. Рассказ построен по аналогии со сновидениями, сюжет которых не мотивирован очевидными причинно-следственными

---

¹ См.: Обатнина Е. Вариации памяти: (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове) // Ремизов А. Кукха. Розановы письма / Сост., подгот. текста, ст., коммент., указ. имен, подбор ил. Е.Р. Обатнина. СПб., 2011. С. 240. На близость языка «Кукхи» языку розановских книг указывал еще Георгий Адамович. См.: Адамович Г.В. Собр. соч.: Литературные беседы: В 2 кн. / Вступ. ст., сост. и примеч. О.А. Коростелева. Кн. 2 («Звено»: 1926–1928). СПб., 1998. С. 56.

связями. Документальный материал является лишь внешним толчком, провоцирующим воспоминания. Многочисленные сюжеты содержат контаминацию реального и вымышленного, документального и художественного»².

Но если говорить о глубинной связи «Кукхи» с «Уединенным», то определяется она не анекдотичностью рассказанных эпизодов, не фрагментарностью, не временными и пространственными «скачками», не смесью реальности, вымысла и сновидения. Есть более глубинный признак, который не обязательно должен проявиться в каждом отрывке ремизовского (как и розановского) сочинения. Но именно его присутствие делает эту литературу «нелитературной». И у каждого писателя был свой путь к этой «нелитературности».

В «Кукхе» Ремизов цитирует письма своего старшего товарища, пишет ему свои послания, — уже на «тот свет». Каждое розановское письмецо — повод для воспоминаний, набросанных «скорописью», пунктиром. И в этом отрывочном повествовании — образ живого Розанова, с его страстным интересом к «мистике пола» и неиссякаемым любопытством, как эта «мистика» воплощается в том или ином человеке. Иной эпизод может действительно граничить с анекдотом, но все повествование в целом пронизано чувством подлинной любви.

За планом «житейским», как «изнанка» этой прозы, проступает и образ Розанова-писателя. Его первый труд «О понимании» (1886) — в 1905 г., в бытность Алексея Михайловича секретарем «Вопросов жизни» — лежал на складе журнала. В ту пору глаза Ремизова так и не добрались до этого большого философского сочинения, хотя сам он частенько бывал в гостях у его автора.

После Второй мировой войны, уже старый, больной Ремизов услышит, что его знакомая отыскала в одной протестантской библиотеке эту редчайшую (и в России — редчайшую, а уж в эмиграции — тем более) книгу. Но когда ему начнут ее читать, он попросту заснет. А потом заметит, что Розанов в ту пору еще не нашел своего языка³.

Розановское «О понимании» — сочинение по-своему замечательное. Здесь была ясность мысли, оригинальность в постановке вопросов. Но все-таки — не было своего языка. Путь Розанова от этого увесистого фолианта к Розанову времен знакомства с Ремизовым — это путь ко все большей краткости: он уже не пишет тома, но составляет их из статей. Его аналитический ум все менее нуждается в логических подпорках, все более доверяет внезапным озарениям. Оживает и его язык.

В.В. Розанов не был ни «доктринером», ни нудным морализатором. Больные вопросы, которые мучали писателя всю жизнь, — Россия и революция, пол и религия, иудаизм и христианство — не позволяли давать простые, однозначные ответы. Он любил «полемическое многоголосие», оно подчеркивало «неясность» и «нерешенность» затронутых вопросов, сложность самого их решения, что придавало основному «сюжету» редкий драматический накал. В консервативной печати

---

² Там же. С. 244–245.

³ История, рассказанная Аврил Пайман. См.: Пайман А. Алексей Михайлович Ремизов: По воспоминаниям 1948–1957 гг. // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. G. Slobin. Columbus (Ohio), 1987. P. 101–112.

Розанов мог публиковать одно, в либеральной — противоположное. На обвинения в непоследовательности отвечал, что живому человеку свойственно сегодня думать одно, завтра — иное и писать и о том и о другом со страстью⁴.

Мыслитель, писавший в одно и то же время противоположные вещи, — мыслитель вопрошающий. Вопрос всегда живее и мощнее любого ответа, на один вопрос ответов можно дать бесчисленное множество. Вопрос — это живая, беспокойная мысль; ответ — это успокоение, «уложение во гроб». И эта глубинная вопросительность розановских статей и книг не могла не породить нескончаемых попыток ответить ему — рецензией, статьей или частным письмом.

Слово Розанова оживает не только в его статьях, но и в самом составе книг, в их композиции. К началу века они собираются все более причудливо. Розанов мог «склеить» несколько беглых, почти случайных газетных заметок в яркую статью; ценил *чужое* слово, даже резко ему враждебное; и часто вводил в книги, — особенно те, где говорилось больше о «неясном» и «нерешенном», — статьи и письма своих приверженцев и оппонентов (и сам признавался в одном из примечаний к чужому письму: «...я собираю здесь с величайшей любовью взгляды pro и contra»⁵). И часто эти чужие голоса продолжали раздаваться уже после выхода его сочинения, а он их «подбирал», полемизировал, мог и снова ввести в книги (стоит только сравнить первое и второе издания «В мире неясного и нерешенного», — 1901 и 1904 гг., — где своего он добавил страниц двадцать, зато чужих голосов — чуть ли не восемьдесят). Обожал Розанов и читательские письма (и в поддержку его идей, и в осуждение), перепечатывал их, опутывая тончайшей паутиной комментариев и замечаний «по поводу», способных оживить самую тусклую речь самого скучного корреспондента⁶.

В большей мере, чем какой-либо другой мыслитель, Розанов порождал то, что М.М. Бахтин назовет потом «диалогическим отношением». Он так заражал своими темами рецензентов, что они свои отклики превращали в собственные маленькие трактаты или исповеди (с мотивом «в чем моя вера»). И конечно, философия Розанова — это не только то, что он написал, но что и другие о нем написали; наибольшую силу она набирает именно в этом гудящем, напряженном поле умственного противостояния огромного множества людей: он сталкивал голоса мыслителей и учителей, богословов и домохозяек.

«Конфликты» и «коллизии», которые вызывали сочинения Розанова, обрели черты подлинной «драмы мысли» — и потому, что для многих его сторонников и противников вопросы этого возмутителя спокойствия стали «внутренним расколом» души, и потому, что странная, почти навязчивая его склонность использовать в своих книгах читательские письма дополнялась множеством мелочей, превращавших спорящие стороны в своего рода персонажей единой драмы. (Как сам он — вскользь — отметил: «У меня знойная привязанность не

⁴ См.: Розанов В.В. Литературные и политические афоризмы: (Ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве) // Собр. соч.: Загадки русской провокации: (Статьи и очерки 1910 г.). М., 2005. С. 412–423.

⁵ Он же. Собр. соч.: В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. М., 1995. С. 188.

⁶ См. об этом: Адамович Г.В. Собр. соч.: Литературные беседы: В 2 кн. / Вступ. ст., сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 1998. Кн. 1 («Звено»: 1923–1926). С. 413.

к одному делу, а и к поэзии вкруг дела, не к кафедре, а к дому; и неубранные завесы домашней жизни просто я не в силах отделить от строк, иногда немногих, важных для темы»⁷.)

Сказать: Розанов думал то-то и то-то — это всегда «испортить» его мысль, «спрямить», «оглупить». Почти на любую тему он думал и «так-то» и «этак-то». Он перевел философию в иное измерение: важно не только *что* сказать, но и *как* это сказать. Потому он и превратился из автора трактата «О понимании» в автора своего рода анти-трактатов, которые для себя будет называть иногда «Листвой»⁸.

«Уединенное», «Смертное», «Опавшие листья», «Опавшие листья. Короб второй» — цепочка тех диковинных книг, которые не могли читаться с равнодушием. Один рецензент бросит: «Гнилая душа»; другой «определит»: «Обнаженный нововременец»; третий разгневается: «Позорная глубина»⁹, а «Сатирикон» (известный журнал «с картинками») посоветует автору «Опавших листьев» прикрыть наготу «опавшим (фиговым) листком»¹⁰. Но в частных письмах — восторг, печаль и преклонение. Как у Горького: «...схватил, прочитал раз и два, насытила меня Ваша книга, Василий Васильевич, глубочайшей тоскою и болью за русского человека, и расплакался я, — не стыжусь признаться, горчайше расплакался»¹¹. Или как у композитора Мясковского (в письме к другу): «Почитайте “Уединение” и “Опавшие листья” В. Розанова. Есть гениальные мысли и прямо изнутри». И — словно не отойдя от изумления: «Мысли порой небывалые!»¹²

Знакомое явление: литератор готовит статью, или прозаик думает над будущей книгой, или писатель «просто живет», но попутно — мысли приходят в голову. И вдруг — на полях рукописи, на обложке читаемой книги, на подвернувшейся под руку бумажке — несколько фраз, запечатлевших (как придется, «не обрабатывая») мимолетную идею или промелькнувшее в голове «побочное соображение». И часто пишется настолько «для себя», что эта спешная запись заставляет вспомнить о странном литературном явлении с почти школьным названием «черновик».

«Страдания и вопросы — Сяся. Эпизоды. Вдова Капет. Христос, баррикада. Мы недоделанное племя. Последние конвульсии. Признание»¹³. — Это из рукописей Достоевского. По первому впечатлению — набор слов. Обрывки мыслей, в самую суть которых доступа постороннему нет. Сколько раз надо перечитывать все написанное Достоевским, а заодно и написанное о нем, чтобы уловить хоть малую часть смысла, заключенного в этих двух строчках? Лишь зная, что это записи из черновиков к «Преступлению и наказанию», можно предположить, что

⁷ Там же. С. 181.

⁸ См. об этом: Федякин С.Р. Миропонимание В.В. Розанова // История русской философии: Учеб. для вузов. М., 2001. С. 393–399.

⁹ См.: *Фортунатов Л.* [И.М. Василевский]. Гнилая душа // Журнал журналов. 1915. № 15; *Мокиевский П.* Обнаженный нововременец: (Об «Уединенном» и «Опавших листьях») // Русские записки. 1915. № 9; *Ашешов Н.П.* «Позорная глубина» // Речь. 1915. 16 авг.

¹⁰ [Б. п.] Репейник // Сатирикон. 1913. № 20. С. 5.

¹¹ Горький М. Полн. собр. соч.: В 24 т. М., 2003. Т. 10. С. 9.

¹² Цит. по: Ламм О.П. Страницы творческой биографии Мясковского. М., 1989. С. 82.

¹³ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 7. С. 77.

здесь бегло «запечатлены» мысли Раскольникова и его возможные разговоры с другими персонажами незадолго до его признания в убийстве.

Черновик — особая рукопись. Рождение идеи запечатлевается наскоро (схватить то, что приходит в голову отдельными словами, а то и «кусками слов», только бы успеть за мыслью). И лишь там, где зреет уже набросок будущего произведения, писатель начинает обращать внимание не только на мелькнувшую мысль, но и на ее выражение.

Часто, говоря о жанре книги «Уединенное», указывают на фрагментарность. Но в этом нет новизны, достаточно вспомнить намеренную фрагментарность многих произведений немецких романтиков или еще более ранние произведения, хотя бы «Мысли» Блеза Паскаля, писателя и мыслителя, о котором Розанов писал еще в самом начале своей литературной деятельности¹⁴. Если же говорить о «клочковатости» розановских отрывков, то с неизбежностью придется говорить об одной из важнейших особенностях черновика — его языке. Психологи давно описали разные виды речи¹⁵. Письменная речь — самая подробная. Здесь многое надо объяснять (чужому сознанию нужно воссоздать контекст выказывания). Устная речь — более краткая: многое договаривают жесты и сама ситуация. Самая сжатая речь — внутренняя. Это речь, обращенная «на себя», речь, в которой рождается человеческая мысль: «Во внутренней речи нам никогда нет надобности произносить слова до конца. Мы понимаем уже по самому намерению, какое слово мы должны произнести», и потому здесь «синтаксис и фонетика сводятся до минимума», «сгущаются»¹⁶. Но в этот ряд можно вписать и речь черновика¹⁷. Здесь автор тоже говорит «в себя» и «для себя». И потому — опускает то, что ему заведомо понятно. Здесь словно бы запечатлевается — в письменной форме — внутренняя речь. Она становится более распространенной, нежели речь, внутри которой рождается мысль. Но и в записи она столь же «непроницаемая» для постороннего, как и внутренняя речь.

Ранее, еще в 1919–1920-х гг., в лекциях для молодых литераторов в Петрограде Евгений Замятин говорил о той же внутренней речи, только назвал ее «мысленным языком»: «Тенденция к сокращению, особенно пропуски ассоциаций, заметны уже в разговорном языке; в мысленном же языке эти сокращения и пропуски являются почти правилом: здесь от силлогизма остается обрывок одной из посылок и вывод, конечно, в наикратчайшем виде; ассоциации нормаль-

¹⁴ См. переиздание его статьи «Паскаль» в кн.: *Розанов В.В. Сочинения*: [Т. 2:] Красота в природе и ее смысл и другие статьи: 1882–1890. М., 2009. С. 285–315.

¹⁵ См. классическую работу Л.С. Выготского «Мышление и речь»: *Выготский Л.С. Собр. соч.*: В 6 т. М., 1982. Т. 2.

¹⁶ Там же. С. 346.

¹⁷ См. об этом подробнее в работах автора настоящей статьи: *Федякин С.Р. Превращение черновика. На бумажных клочках // Независимая газета. 1993. 6 авг.; Он же. Розанов и до... // Там же. 19 авг.; Он же. Розанов и после... // Там же. 28 авг.; Он же. Преображение черновика // Лепта. 1994. № 19. С. 183–184; Он же. «Уединенное» и «Опавшие листья»: особенности жанра // Литература: Прил. к газ. «Первое сентября». 1996. № 33; Он же. Черновик // Там же. № 38; Он же. Уединенное (Опавшие листья) // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001. Стб. 1111–1112; Он же. Черновик // Там же. Стб. 1198–1199; Он же. Преображение черновика // Альманах литературной студии «Кипарисовый ларец». М., 2012. С. 217–237.*

но пропускаются»¹⁸. Ему казалось, что в прозе изобразить «мысленный язык» почти невозможно, что здесь поневоле придется переходить на что-то более понятное, на какое-то подобие устной речи. Розанов — тот писатель, который сумел этот «мысленный язык» изобразить, пусть и не «в чистом виде». Та речь, которая присуща черновику, в набросках или записных книжках становится более подробной. Автор пишет не просто «для себя», но уже подразумевает то будущее произведение, которое адресуется читателю. Здесь — сливаются воедино два адресата (автор и предполагаемый читатель еще не написанного произведения). Отсюда и особенности речи. Она подробней, нежели в процитированной записи Достоевского. Но сохраняет основные признаки внутренней речи, или «мысленного языка».

«Ах, как все это мне надоело и опротивело»¹⁹. — Розановское «Смертное». Фраза будто выхвачена из записной книжки. Автор что-то имел в виду, и разом из него «выплеснулось». И если бы не пояснение (курсивом, в скобочках, внизу страницы) — про бумажный и словесный хлам «с улицы» («...сторонние письма, просьбы о “рецензиях”, еще просьбы почему-то об “устройстве на должность” и о прочтении “их рукописей”»²⁰), — нельзя было бы понять, что же стоит за намеком «все это».

«Листья» Розанова несут на себе печать черновика, со всей его недоговоренностью. Это не только «больные вопросы» и «нерешенные проблемы». Это и художественная проза — литература «почти на праве рукописи» (известный подзаголовок к «Уединенному»), когда все выговаривается до невозможности откровенно и в то же время — мимолетно, «непостоянно», сиюминутно. Это проза, написанная даже не на разговорном, а — как обозначил в 1920-х гг. Евгений Замятин — на «мысленном языке», с его «динамичностью и краткостью», откровенностью и открытостью. Любой кусочек книги — это не «как я думаю», но «как сейчас мне подумалось»: произведение нельзя читать как «трактат», как «выводы», но только — как «настроения мысли». И за такими фразочками («...как все это мне надоело...»), за их смысловым зиянием — жест автора. Читатель, «недопоняв», о чем же это все-таки сказано, — тут же начинает ощущать выражение лица или жест самого писателя. «Мысленный язык» у каждого — свой, особенный, столь же неповторимый, как отпечатки пальцев. Автор говорит то, что сам понимает с полуслова (хотя человек со стороны может не уловить ничего). Отсюда — так много эллипсов («сглатываний» слов), скобок, всякого рода подчеркиваний и других выделений.

Ранее автор мог позволить себе любопытный ход — взять и вставить себя самого в собственное же произведение. Но в романе, повести или рассказе он тут же терял свое особое отношение к произведению. Он становился одним из героев. Розанов — через «черновиковость», через недомолвки, недоговоренности — запечатлевается в своем произведении именно как его автор. Схватывая мысль в

---

¹⁸ Замятин Е. Техника художественной прозы // Литературная учеба. 1988. № 6. С. 87.

¹⁹ Розанов В.В. Собр. соч.: Листва. М.; СПб., 2010. С. 379.

²⁰ Там же.

момент ее появления на свет, еще «недородившуюся», он и читателя втягивает в этот магический круг рождающихся мыслей.

В начале своей литературной карьеры — после книги «О понимании» — он мечтал о другом, большом философском труде: хотел проявить через цепь рассуждений мир «потенций», т. е. тех возможностей, которыми и живет наш мир, воплощая, правда, лишь малую их толику.

Мыслитель Розанов ушел с пути длинных рассуждений, т. е. с пути «философии как таковой». Он влился в русскую литературу и — все время всматриваясь в лик живых «потенций», возможностей — научился запечатлеть не самую мысль, но именно ее «потенцию». «Полумысли» и «получувства» — так сам он «определит» в «Уединенном» свои клочковатые записи²¹. И объяснит в письме к знакомому, А.С. Глинке: «Это (“листки”) есть в сущности всеобщая и вечная литература “всех нас”. Но никому не приходит на ум печатать. Собственно — новизна в напечатании»²².

Самый момент рождения мысли — это интимное начало в прозе. Раньше писатели предпочитали свои черновики держать в тайне. Розанов — открылся, «обнажился». И дал миру совершенно новую прозу, новый ее жанр — «Уединенное». И через это — ввел личностное начало и в философию. Он нарушал все нормы логики, противореча себе чуть ли не ежедневно. Но, давая множество ответов на один и тот же вопрос (противоположных друг другу или же сопряженных), — заставлял саму проблему ощутить острее. «Я — бездарен; да тема-то моя талантливая»²³, — бросит вскользь, — быть может, не очень-то веря в свою бездарность. Но тема становится гениальной именно в тот миг, когда энергия вопроса, в ней затрепетавшего, не может окончательно разрешиться в каком-либо из ответов, когда вопрос становится «детским», а в сущности — вечным. Христианство, иудаизм, язычество, космичность пола, вообще «природа и история» — это лишь внешняя «поверхность» розановской мысли. Глубинная — в чем их смысл (христианства, иудаизма, египетской религии, пола, семьи и брака, природы, истории, жизни человека и жизни человечества). Вечность вопроса и мимолетность всякого ответа — вот скрытая тема Розанова, о чем бы он ни писал.

И вместе с тем, начиная с «Уединенного», его мысль наполнилась пестрым окружающим миром. Из мыслителя и публициста он превратился в одного из самых живых и зажигающих художников слова. Низвел философию с Олимпа — до кухни, купальни, случайного вагона, окурков в пепельнице. Но и сама кухня, или вагон, или окурки превращались у него в метафизические величины.

Посмертная тень Розанова ляжет на все русское зарубежье. Марина Цветаева, когда-то в молодом порыве написавшая Розанову восторженное письмо («Я ничего не читала из Ваших книг, кроме “Уединенного”, но смело скажу, что Вы — гениальны»²⁴), в эмиграции начнет печатать дневниковую прозу с характерной

²¹ Розанов В.В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 36.

²² Он же. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 640.

²³ Он же. Во дворе язычников. М., 1999. С. 141.

²⁴ Цветаева М.И. Об искусстве. М., 1991. С. 450.

«рваной» речью в духе «черновика». Те же «сглатывания слов» проявятся и в ее стихах. Зинаида Гиппиус опубликует дневниковую прозу времен Гражданской войны, где появляются и страницы с теми же признаками «мысленного языка»²⁵. Те же розановские недомолвки заметны и в эссеистике Георгия Адамовича. Последний хоть и стремился всячески уйти от магии розановского стиля, но при творческом устремлении к литературному аскетизму, к «ничего лишнего» поневоле впадал в те же недомолвки и умолчания. Проступает «уединенность» и «мимолетность» и у Георгия Иванова, и не только в «Распаде атома». Не случайно Роман Гуль однажды назовет его «Васькой Розановым в стихах»²⁶.

И все же среди всех этих имен — совсем особо стоит Ремизов. Не только близкая Розанову «магия слова», но и близкая Розанову душа. Алексей Михайлович вчитывается в Василия Васильевича. Вдумывается в его стиль. Вспоминает...

«Кукха» — книга более чем своеобразная. И всего точнее это своеобразие описал современник Ремизова Борис Шлёцер: «Тут и розановские письма, скорее записочки, и отрывочные воспоминания Ремизова об авторе “Уединенного”, и заметки о жизни в Петербурге и Берлине, описание снов, размышления, анекдоты. Нет порядка, нет плана как будто, и все свалено в одну кучу, серьезное и шутовское, умиленное и легкомысленное, значительное и нелепое...»²⁷

И для «Кукхи», как и для последующих книг — «Взвихрённая Русь», «Учитель музыки», «Мышкина дудочка» и т. д., — в самую пору придется характеристика В.Н. Ильина (с очень характерным выстраиванием имен): «Ремизов, так же как Лесков и Розанов, анатомирует быт, даже “атомизирует” его, распыляет и потом уже воссоздает в своих композициях, которые ео ipso совсем не изображения чего-то, но начала новых творимых миров. Отсюда необычайная религиозность Ремизова, так же как Розанова и Лескова. Но это совершенно особая религиозность. Она тесно связана с творчеством, и можно сказать, что эти авторы, “отложивши житейское попечение”, “только поют”»²⁸.

В «Кукхе» Ремизов не стремился изобразить рваный розановский стиль. Книга написана вполне по-ремизовски: речь его близка к разговорной. Но текст дробится иногда на совсем крошечные фрагменты. И временами появляется не просто «орнаментальная проза», уже знакомая по более ранним сочинениям Ремизова, но и более «плотная» скороговорка записных книжек. Записи — начиная с 1905 г. — не только «реалистические» (вроде: был у того-то, потом — у того-то, познакомился с таким-то). Есть и диковинные — не то сны, не то фантазии:

---

²⁵ Особенно близким к розановскому становится язык Гиппиус в разделе «Серый блокнот». См. характерную запись: «При свете ночника. (Розановская ремарка, поясняющая текст, но данная не в конце фрагмента, как в «Уединенном» и «Опавших листьях», но в начале его. — С.Ф.) Странно, такая слабость, что почти ничего не понимаю. Надо стряхнуть.

Последние дрова. Последний керосин (в ночниках). Есть еще дрова, большие чурки, но некому их распилить и расколоть. Да и пилы нету» (*Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В., Злобин В.А.* Царство антихриста. Мюнхен, 1922. С. 138).

²⁶ Георгий Иванов — Ирина Одоевцева — Роман Гуль: Тройственный союз. Переписка 1953–1958 годов / Публ., сост., коммент. А.Ю. Арьева и С. Гуаньели. СПб., 2010. С. 24.

²⁷ Там же. С. 154.

²⁸ *Ильин В.Н.* Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 170.

«18.9. узнаем вдруг, что наш дом стоит на кладбище.

Вышли посмотреть; а у самой двери могила вырыта. Мы бежать: кресты — памятники — кресты. И опять в дом вернулись. Заглянули в окно — а напротив огромный крест кипарисовый.

19.9. чуть брезжит. лягушка квакает. Из соседней комнаты? Откуда?

ква-ква — —

20.9. едем лесом. Вязко. Мой возок провалился в трясины. И я по шейку в воде. Карабкаюсь»²⁹.

Обилие эллипсов, речь, направленная «внутри» своего сознания. И если в записях от 18 или 20 сентября еще можно различить «сюжетные черты» сновидений, то две строчки, которые пришлось на 19-е число, — стоят на границе «сюжетной зауми». Случай, совершенно подобный записям в черновиках Достоевского или в «Уединенном» и «Опавших листьях» Розанова. Перед читателем — целая вереница неясностей. Не то — сновидение. Не то — игра воображения. Картинки сменяют одна другую: раннее-раннее утро. Голос лягушки. Образ самого Ремизова, который пытается понять, откуда идет этот неожиданный в городской квартире звук. То мерещится, что из соседней комнаты. То — непонятно откуда. И — следом — отчетливое лягушачье «слово». Все это с явным дурачеством. Но в контексте записей от 18 и 20 сентября, с изображением хоть и несколько шутейных, но и довольно мрачноватых сновидений, это кваканье тоже содержит в себе какую-то «тревогу неопределенности». В целом у записей из блокнота есть отчетливый «адресат», это пишется для самого себя. И если наибольшая часть записей все-таки еще прочитывается довольно точно, то некоторые сюжеты — совершенно непонятны для иного, неавторского сознания: «...лавка Комарова и доктор Доминик Доминикович Кучковский (из воспоминаний В.В.)»³⁰. Какие-то неизвестные читателю (и малоизвестные самому автору) имена, в скобочках — отсылка к какому-то устному рассказу В.В. Розанова. Ощущение почти случайной записи, за которой все-таки «трепещет» и атмосфера общения с «В.В.». Но вот еще один «блокнотный» перечень имен и «профессий» (запись от 27 октября 1905 г.):

«Квасовар Корытов.

Купец Лобов.

Экспроприатор Мишка Дутый»³¹.

Здесь уже не упомянут и «В.В.». И даже контекст, который создают записи предыдущих дней, где «гудит» история (первая русская революция, слухи о погромах) не проясняют смысла. Фамилии прозвучавшие? вычитанные из газет? выдуманные? Имена и род занятий будущих персонажей?

Ни одно из этих «действующих лиц» более в книге не покажется. Нарушаются все законы построения сюжета. Но появляется образ автора. В этих трех коротеньких предложениях ощутимо пристрастие автора к звукописи. В этих трех именах слышатся не только аллитерации и стихотворные размеры (хорей,

²⁹ Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма. С. 15.

³⁰ Там же. С. 18.

³¹ Там же. С. 27.

дольник, ямб, — важно и «перетекание» хорей в ямб). Но в именах и самом их звучании явлено что-то «размашистое», нелепо-страшноватое, грубое и даже «тупое».

Возможно, сами эти имена когда-то имели «житейский» смысл. Теперь автор словно вглядывается в листочек старенького блокнота и заново вслушивается. Трудно сказать, помнит ли он теперь, ради чего записал имена этих «героев». Но Ремизов всегда был чуток к звучанию слов, имен, прозвищ. И образ автора, который и поражен, и — быть может — напуган, и в то же время восхищен этим сочетанием смысла и звука, отчетливо прорисовывается в этой коротенькой записи.

Вместе с тем возникает и образ блокнота с такого рода записями. Отчетливо чувствуется, что в него попало много случайного. Но сами эти «случайности» — примета тревожного времени, когда все было неустойчиво и шатко, когда страна пребывала в революционной смуте. И этот образ блокнота бросает еще один лучик света на образ автора.

Как Розанов был чуток к черновикам, к чужим письмам и признавался в «Уединенном», что не может рвать старые письма и тетради³², так и Ремизов бережет свой блокнот и воспроизводит его с особым вниманием даже к самым вроде бы ненужным записям. В другой книге берлинского периода, «Россия в письменах», воспроизводится множество древних текстов, которые переплетаются с авторскими заметками. В самом их подборе чувствуется особая роль случая: попалась на глаза рукопись — вставлена в книгу. Но если там Ремизов — как и много ранее — с таким пристальным вниманием вглядывается в древние рукописи, то здесь на место «священной древности» становится старенький блокнот. Он, некогда бывший сиюминутной необходимостью в его писательском деле, стал теперь документом — и его личной жизни, и целой эпохи. И такое бережное отношение к документу — до необходимости воспроизвести нечто непонятное читателю — это еще один штрих в том образе автора, который встает со страниц книги: архивист, для которого каждая рукопись — нечто живое и неповторимое, предмет со своей особой судьбой.

Язык «Кукхи» по большей части близок к разговорному. «Мысленный язык» прорывается с тех страниц, где появляются записи из блокнотов. Они датированы 1905–1908 гг. Даже если предположить, что Ремизов не подвергал их особой правке, т. е. они в таком виде существовали уже в середине 1900-х, то все же эти «записи для себя», данные протокольным стилем с довольно частым сглатыванием местоимения «я» (первый признак проявления «мысленного языка»), опубликовать «заставил» образ покойного Розанова. Похоже, этот образ заставил и отзывы на книгу прозвучать почти в унисон с давними отзывами на книги «Уе-

---

³² «Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушились “в печати”, потеряли лицо, характер. Мое “я” только в рукописях, да “я” и всякого писателя. Должно быть, по этой причине я питаю суеверный страх рвать письма, тетради (даже детские), рукописи — и ничего не рву; сохранил, до единого, все письма товарищей-гимназистов; с жалостью, за величиной вороха, рву только свое, — с болью и лишь иногда» (Розанов В.В. Собр. соч.: Листва. С. 9).

диненное» и «Опавшие листья». Айхенвальд готов отдать должное Ремизову-стилисту. Но смущает выход «за пределы всякого приличия и пристойности»³³. Роман Гуль пожимает плечами: «Все — с вывертом»³⁴. Да и для Саши Черного это — «передоновщина». Напротив, Д.А. Лутохин, знакомый Розанова, заметил, что с этими откровенностями — «узнаете Василия Васильевича, да еще в самое нутро его заглянете»³⁵. Но только Борис Шлёцер нашел точные слова — и о странной форме этой книги, и о необычайном «вживании» Ремизова в образ покойного Розанова: «Какими-то тончайшими щупальцами он проникает в ту смутную область, где физиология сливается с психологией, в самую живую, теплую сердцевину личности, “по ту сторону” всяких оценок и рассуждений: здесь область таинственных притяжений и отталкиваний, иррациональных симпатий, любви»³⁶.

И о самой «душе» этой книги: «...в этой эротике столько наивности, теплоты и какого-то уюта, так просто все сказано домашними словами, столько игры здесь, вместе с тем и живого трепета, что чувствуешь — хорошо это и нужно»³⁷.

* * *

Стилистическим продолжением «Кукки» стала «Взвихрённая Русь», вещь уже парижская. Она выйдет в 1927 г. в издательстве «Таир»³⁸ и станет одной из самых знаковых книг Ремизова. Определить ее жанр почти невозможно. Можно сказать: это — «роман-коллаж»³⁹. Но стоит добавить: составные части этого «коллажа» оказываются необыкновенно разнообразными. До выхода отдельной книгой значительная часть ремизовского произведения публиковалась под заглавием «Временник». Первоисточник такого наименования — «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, который писался между 1616 и 1619 гг. и отразил историю России в эпоху Смуты⁴⁰. В новое смутное время Ремизов пишет свой «Временник». В его основе — дневники 1917–1921 гг. На закате жизни, в 1948 г., появится пояснение к этому дневнику: «Откуда пошла “Взвих. Русь” мой дневник 1917 г. с 1 марта и до августа 1921». Эта фраза с очевидностью отсылает уже к «Повести временных лет», древнейшей русской летописи, к самому ее началу («...откуда есть пошла

³³ Каменецкий Б. [Ю. Айхенвальд]. Литературные заметки // Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма. С. 148.

³⁴ Эрг. [Р. Гуль]. Алексей Ремизов. Розановы письма // Там же. С. 150.

³⁵ Лутохин Д. А. Ремизов. Розановы письма // Там же. С. 153.

³⁶ Шлёцер Б. Алексей Ремизов. Розановы письма // Там же. С. 156–157.

³⁷ Там же. С. 157.

³⁸ Издательство было организовано С.В. Рахманиновым и названо по начальным слогам имен дочерей (Татьяна, Ирина). Поначалу главной задачей композитор видел публикацию сочинений русских композиторов и книг по музыке. Но в издательстве были также опубликованы и книги И.С. Шмелева и А.М. Ремизова.

³⁹ См.: Лавров А. «Взвихрённая Русь» Алексея Ремизова: символистский роман-коллаж // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 544–557. Статья содержит много ценных и важных наблюдений и выводов, которые позволяют расширить контекст восприятия этого произведения.

⁴⁰ См.: Там же. С. 546.

Русская земля...»)⁴¹. Розанов после «Уединенного» все более стремился располагать отрывки своей «листвы» в хронологическом порядке, даже датируя их⁴². Ремизов приходит тоже к «хронометрированию». В сущности, дневник 1917–1921 гг. Ремизов переработал в своеобразную *личную* летопись⁴³, на которую странным образом наложилось и некое «житие Алексея Ремизова, написанное им самим»⁴⁴. «Легендарная сторона» книги (предания — старые и новые — стали важнейшей ее частью) тоже имеет немало параллелей в древнерусской книжности, а сны, которые перемежаются с реальными событиями, сближают отдельные страницы книги с жанром «видения».

«Андрей Белый в сером мышино, как мышь, молча, только глазами поблескивая, водит меня по комнатам — а комнаты такие узкие, сырые — показывает. И вывел в яблоневый сад. На деревьях яблоки и наливные и золотые и серебряные и маленькие китайские, я сорвал одно яблоко — а это не яблоко, а селедочный хвостик, я за другое — и опять хвостик. И очутился на лугу. А луг весь-то в продовольственных карточках самых разных цветов, как в цветах, и в удостоверениях с печатями. Но какого-то самого главного удостоверения у меня нет. И я все искал, схватывался, искал — нет!»⁴⁵

Лишь по первому впечатлению — это забавная бессмыслица. В невероятной истории с яблоневым садом схвачены живые характеры. И сам Ремизов, с его вечной житейской неустроенностью: никогда не умел сорвать ни одного «золотого яблока», чтобы не превратилось в «селедочный хвостик». И Андрей Белый, который любил гиперболы, любую незначительную вещь («селедочный хвостик») способен был раздуть до космических величин, так что любая чепуха могла показаться «золотым яблоком». Фантастический конец сна (луг в продовольственных карточках и удостоверениях с печатями) возвращает к ощущению нового «смутного времени», которое обрушилось на Россию.

Такая «многомерность» сновидений и заставляла Ремизова среди ночи записывать их причудливые сюжеты. Для него сон — это возможность соприкоснуться с миром иным, где разом проясняются сокровенные черты человека и времени.

Но главная особенность «Взвихрённой Руси» — не разноречивость частей, из которых изготовлен этот «коллаж», но интонационная и смысловая разница между частью и целым.

⁴¹ Очень важное замечание Лаврова. См.: Там же. С. 548.

⁴² Даты он начинает вписывать начиная с книги «Сахарна». В «Мимолетном» 1914 и 1915 гг. такая «дневниковость» становится для него нормой.

⁴³ Есть работа Горюновой (см.: *Горюнова Р.М.* «Взвихрённая Русь»: (О жанровом новаторстве Алексея Ремизова) // Вопросы русской литературы: Межвузов. науч. сб. Вып. 1 (58). Симферополь, 1993. С. 58–70), в которой автор пытается определить жанр «Взвихрённой Руси» как новой эпопеи, рождающейся из личной жизни автора. «Личная летопись» все-таки несколько точнее, поскольку летопись — это своеобразный отчет о человеческих делах перед лицом Всевышнего и — как памятка тем, кто придет в этот мир после. Ремизов, в сущности, тоже стремится оставить свидетельство. Если же вспомнить его «Слово о погибели Русской земли» в конце книги, то установка на писание летописи, на древнерусскую словесность окажется совершенно естественной.

⁴⁴ «Житие протопопа Аввакума, написанное им самим» было одной из любимейших книг Ремизова, так что подобная трактовка «Взвихрённой Руси» не должна казаться произвольной.

⁴⁵ *Ремизов А.М.* Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 252.

Отдельные эпизоды полны чудачеств, особенно — в снах (то знакомая дама скачет: одна нога куриная, другая — утиная, то «подошел к Авксентьеву да пальцем его в живот, — а из него пакля»⁴⁶). Но весь ералаш вдруг прерывается затейливой жутью: «Утром. Слышу, стучат. “Надо, думаю, посмотреть!” И иду через комнату, а на полу кровь. Я вытирать — не стирается: большой сгусток — как вермишель»⁴⁷.

Мир дробится на эпизоды. Житейские удачи и беды вдруг «размыкаются» в чувство живой истории:

«Я проходил по Набережной — Нева идет! И все смотрю — не я один: стоят на мосту, смотрят —

— Нева идет!

И отчего это глядишь, не оторвешься, когда “пошла река”?

“А когда у нас все установится и настанет тишь да гладь — ‘быт’ — ведь, пожалуй, скучно будет!”⁴⁸

Но широкое невское пространство тут же сменяется «видениями»: «Я спешу, точно скрываюсь от кого. От полиции? Не знаю. Я один иду. Сумерки. Захожу в какой-то садик, как у Казанского собора, и вижу: гроб несут. Я в сторону: а и тут несут другой. И куда я ни метнусь — несут покойников: черный гроб, а носильщики — сестры в белых косынках»⁴⁹. А следом — встает обратная сторона современной истории: «По пути домой встретил много странных людей — безногих, безруких, одноглазых: выползли на свет Божий, на солнышко. И я вспомнил, как в феврале перед революцией тоже вдруг появились. Или это обида выходит на улицу?»⁵⁰

В эпизодах — то бестолковый быт, то тихий ужас, то окоlesiца и юродство. В целом — одна из самых страшных книг, написанных о революции. И не только потому, что и мучительных эпизодов в книге предостаточно. Но ощущение жуткой галиматши, которая охватила весь мир и тычет людей в кровь «как вермишель», ощущение чудовищности происходящего возникает именно благодаря постоянным вкраплениям «забавных» и в то же время до дикости несообразных эпизодов.

В этой книге сошлись важнейшие черты ремизовского творчества. Даже в его наиболее традиционных произведениях — дореволюционных лет — чувствуется, насколько ослаблен у него сюжет, насколько важны в его прозе побочные «веточки» действия. Во «Взвихрённой Руси» композиция самая причудливая: то дневники, которые перемежаются записями снов, то маленькие невыдуманные рассказы, то «современные легенды», то воспоминания. И вместе с тем почти каждый из этих жанров внутри книги не выглядит чем-то отдельным, все соединяет в себе образ автора. Сама рыхлость композиции становится уже до очевидности сознательной. И дело не в том, что в основе книги лежал ранее написанный дневник.

⁴⁶ Ремизов А.М. Взвихрённая Русь. С. 178.

⁴⁷ Там же. С. 194.

⁴⁸ Там же. С. 230.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 231.

Но сама установка на другую, древнюю литературу заставляла уходить от сюжетности к свидетельству (т. е. стать подобием летописи, жития или, в ином случае, древнерусской повести, как правило, в основе своей — поучительной, с сюжетом, подчиненным этой назидательной задаче). И здесь — уже со всей очевидностью — ощутимы отголоски все того же «клочковатого» розановского стиля, помноженного на словесные завихрения Гоголя.

«Взвирённая Русь», несомненно, вышла из «Шинели» и «Уединенного». «...Чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат...» — повествование у Гоголя проступает сквозь речевой поток. Эйхенбаум в статье «Как сделана “Шинель” Гоголя» это «плетение словес» отнес к особому виду сказа⁵¹. У него гоголевский сказ «имеет тенденцию не просто повествовать, не просто говорить, но мимически и артикуляционно воспроизводить — слова и предложения выбираются и сцепляются не по принципу только логической речи, а больше по принципу речи выразительной, в которой особенная роль принадлежит артикуляции, мимике, звуковым жестам и т. д. Отсюда — явление звуковой семантики в его языке: звуковая оболочка слова, его акустическая характеристика становится в речи Гоголя значимой независимо от логического или вещественного значения»⁵². Более того, из той же статьи можно увидеть, что звуковая сторона может совершенно оттеснить «логическую речь» на задний план: «Вся фраза имеет вид законченного целого — какой-то системы звуковых жестов, для осуществления которой подобраны слова. Поэтому слова эти как логические единицы, как значки понятий почти не ощущаются — они разложены и собраны заново по принципу звукоречи»⁵³.

Но сказ — это все-таки хоть и весьма своеобразная литературная форма, но предполагающая за речью, которой ведется повествование, образ героя. У Гоголя образ «сказителя» стоит несколько в стороне от его героев. Когда же Набоков описывает общее впечатление именно от манеры повествования в «Шинели» — «боромотание, бормотание, лирический всплеск...» и т. д.⁵⁴, — то он этим подчеркивает: ради «красного словца» Гоголь не просто может впадать в заушь (о чем писали многие), но он именно этой «заклинательной» стороной своего творчества добивается того «магического» впечатления от своей прозы, о которой особенно много говорили писатели рубежа веков и литераторы русского зарубежья⁵⁵.

---

⁵¹ Для такого рода литературы часто применяется понятие «орнаментальная проза», т. е. проза, где особую роль играют частности, где как рассказывается существование того, что рассказывается и т. д. Но «речевой поток» — понятие более широкое, потому что способно охватить и стихотворную речь, к тому же «речевой поток» — это не обязательно обилие подробностей и деталей, иногда писатель воздействует самим речевым «напором».

⁵² Эйхенбаум Б.М. О прозе. Л., 1969. С. 309.

⁵³ Там же. С. 315.

⁵⁴ Набоков В.В. Николай Гоголь // Набоков В.В. Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 130.

⁵⁵ См. подборку критических высказываний о Гоголе, составленную автором настоящего исследования в книгах: *Гоголь Н.В. Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями.* М., 2004; *Он же. Повести. «Ревизор».* М., 2004.

Сказом такую манеру можно назвать весьма условно. Это именно литература «речевого потока», которую можно обнаружить не только у Гоголя, но и у Достоевского (например, его «Двойник» или повесть «Кроткая», ставшая, наверное, и одним из первых образцов литературы потока сознания). В XX в. речевой стихии как таковой отдавались в полной мере Андрей Белый, Велимир Хлебников, Константин Вагинов и др. В русском зарубежье наиболее очевидными представителями литературы «речевого потока» стали А.М. Ремизов, М. Цветаева, И. Шмелев. В их литературной речи обнаруживается та же самая речь «наброска», что и у Розанова.

Во «Взвихрённой Руси» — и в описании снов, и в описании действительности, своей аномальностью так похожей на сон, — где устная речь тоже оказывается слишком подробной, чересчур связной и внятной для передачи бессвязной невнятицы сновидений и происходящих событий — временами всплывает тот «мысленный язык», который в сознании читателя иной раз граничит с заумью:

«Захлестнулось — теперь никуда! — иду, как на аркане, и странно, как по воздуху, вот настолечко от земли! — фонарь — в фонаре свистит, ишь, запутался в трамвайной проволоке, ну! —

забегает — забегает — — нет, не поддается!..»⁵⁶

К языку этой книги в полной мере относится характеристика К. Мочульского: «Из фразы выброшены все “вспомогательные средства” (для Ремизова характерно опущение союзов, местоимений, эпитетов и систематическое введение эллипсов); она сжата и наполнена. Почти все предложения — главные; логические отношения не показаны, а только отмечены знаками препинания (двоеточие, тире); периоды строятся не по правилам риторики, а по законам разговорной речи. Изобилуют интонационные знаки (... !), слова-жесты (вот, тут, это). Создается иллюзия живого голоса — то заглушенного, интимно-шепчущего, то взволнованно-громкого, то спокойно-замедленного, то торопливо-прерывающегося. Из интонаций вырастает перед нами образ самого рассказчика: ты видишь его жесты, тики, ужимочки; его улыбку и хитрый взгляд. В искусстве выразить себя до конца — он неподражаем. Каждое его выражение — личное, неповторимое и единственное. Язык Ремизова — одно из самых замечательных явлений современной нашей литературы. Разрыв с “письменной” традицией, начатой Ломоносовым и обоснованной Карамзиным, — возвращение к народным жанрам (сказка, песня, скороговорка, духовный стих) и к писателям не-канонизированным (Аввакум, Лесков, Розанов) — придают его творчеству громадную историко-литературную значительность»⁵⁷.

Нечто подобное заметит и П.М. Бицилли: «Для синтаксиса Ремизова характерна частота приема нанизывания разнородных, всего чаще эллиптических, речевых отрезков, широкого употребления инфинитивных форм и т. под., т. е. всего того, что опять-таки свойственно преимущественно бытовой простонародной речи»⁵⁸.

⁵⁶ Ремизов А.М. Собр. соч. Т. 5: Взвихрённая Русь. С. 210.

⁵⁷ Мочульский К.В. Кризис воображения: Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 289.

⁵⁸ Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М., 1996. С. 308.

К этим наблюдениям можно лишь добавить, что «эллиптические отрезки речи» (как и обилие знаков препинания, благодаря которым можно «сглатывать» лишние слова) в еще большей степени являются признаком того, что психологи назвали «внутренней речью», а писатель Евгений Замятин «мысленным языком». Речевой поток, ранее бывший своеобразным развитием «гоголевской линии» русской литературной традиции, теперь тоже обретает черты повествования «ни для кому» (как сказано в «Уединенном» Розанова).

Не случайно В.Н. Ильин называет автора «Уединенного» — «удивительным учителем»⁵⁹ Ремизова, а современный исследователь называет автора «Кукхи» «лучшим учеником» Розанова⁶⁰. И если вспомнить, что писание «без читателя» у Розанова было связано не только с «писанием для самого себя», но и с «Главизной мира», которая все знает о тебе, смотрит как на младенца⁶¹, — то и ремизовским адресатом становится не только он сам, но и то Высшее Начало, которое взирает со своих высот на дела человеческие. Оно во «Взвхрѣнной Руси» (при всем своеобразии ее письма) делает еще более осязаемым летописное начало. Возникает за этими рваными предложениями, этими эллипсами, этими тире и тот «внутренний автор», который словно живет в книге, который словно бы создает ее — строчка за строчкой, главка за главкой — на наших глазах.

---

⁵⁹ Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 172.

⁶⁰ Обатнина Е. Вариации памяти: (Творческая история «Кукхи» и других мемуарных свидетельств Ремизова о Розанове). С. 244.

⁶¹ См.: Розанов В.В. Собр. соч.: Листва. С. 364.

Н.С. Плотников

СМЫСЛ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ:
О ПРОЕКТЕ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭТИКИ
ДМИТРИЯ ЧИЖЕВСКОГО¹

Имя гейдельбергского слависта и историка мысли Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977) редко упоминается в контексте феноменологических дискуссий. Конечно, его многочисленные исследования по истории русской и европейской мысли, сыгравшие значительную роль в изучении немецко-русских идейных связей, получили заслуженное признание и за пределами сообщества специалистов. А его многолетнее участие в деятельности исследовательской группы «Поэтика и герменевтика» обеспечило ему известность в среде философов и других представителей гуманитарных наук. Однако ранние опыты Чижевского по феноменологической этике, которые он по завершении обучения философии у Эдмунда Гуссерля (1922–1924) собирался развить в работе «К критике формализма в этике», остались почти неизвестными.

Чижевский, изучавший математику, философию и славянскую филологию в университетах Санкт-Петербурга и Киева и начавший преподавать в Высшем институте народного образования Киева, вынужден был, спасаясь от преследований большевистского правительства, эмигрировать в 1921 г. в Германию. Свое изучение философии он продолжил в Гейдельберге и Фрейбурге. Четыре семестра учился во Фрейбурге у Эдмунда Гуссерля, Мартина Хайдеггера, Юлиуса Эббингауза и Рихарда Кронера. В 1924 г. получил место преподавателя философии в Украинском высшем педагогическом институте в Праге, а затем — преподавателя славистики в университете Галле, где он защитил в 1935 г. диссертацию «Гегель в России». После Второй мировой войны Чижевский работал приглашенным профессором в Марбурге, Гарварде и, наконец, с 1956 г. в Гейдельберге, где в статусе приглашенного профессора был назначен директором Института славистики и избран председателем западногерманского Союза славистов (1962)².

Контакты с Гуссерлем продолжились и после отъезда Чижевского из Фрейбурга — посредством переписки и посылки публикаций, которые Гуссерль не

---

¹ Авторизованный перевод с немецкого В.В. Янцена, которому автор выражает благодарность за уточнения и критические замечания к тексту. Первоначальную версию статьи см.: *Plotnikov N. Der Sinn der Individualität: Zum Entwurf einer phänomenologischen Ethik bei Dmitrij Tschizhevskij // Zwischen den Lebenswelten: Interkulturelle Profile der Phänomenologie: (Alexander Haardt zum 60. Geburtstag) / Hrsg. von N. Plotnikov, M. Siegfried und J. Bonnemann. Berlin, 2012. S. 147–165.*

² Биографическую информацию (в том числе автобиографии и др. источники) см.: *Чижевский Д.И. Избранное: В 3 т. Т. 1: Материалы к биографии: (1894–1977) / Сост., вступ. ст. В.В. Янцена; коммент. В.В. Янцена и др. М., 2008. С. 45, 60, 69.*

только принимал к сведению, но и настоятельно рекомендовал читать своим коллегам. Помимо этого он своими рекомендательными письмами помог Чижевскому устроиться на работу в Праге и Галле³. Наряду с Гуссерлем Чижевский поддерживал дружеские связи также и с учеником Гуссерля Людвигом Ландгребе, с которым он общался сначала во Фрейбурге, а затем и в Праге, где Ландгребе получил должность профессора Немецкого университета и где оба они сотрудничали в Пражском лингвистическом кружке⁴.

Работа о формализме в этике, которую в 1926 г. Чижевский планировал защитить в качестве магистерской диссертации в Русском научном институте в Берлине под руководством С.Л. Франка, осталась незавершенной из-за внешних обстоятельств⁵. Приблизительно до 1928 г. Чижевский работал над диссертацией. Потом он надеялся завершить по крайней мере книгу под названием «Формализм в этике». Но и этот план реализовать не удалось⁶, поскольку Чижевскому пришлось основное время посвятить исследованию «Гегель в России», которое он и защитил в качестве диссертации в Галле. Лишь в ряде статей, опубликованных в конце 1920-х гг. в различных местах по-русски и по-немецки, Чижевский смог фрагментарно реализовать свой замысел критического исследования этического формализма.

Несмотря на это, уже в межвоенное время эти статьи попали в поле зрения философов русской эмиграции, так что уже в 1938 г. Б.В. Яковенко в своей опубликованной на чешском языке «Истории русской философии» с похвалой отзывается о развитой в них феноменологической критике формалистической этики⁷. Упоминаются они и в более поздних изложениях истории русской философской мысли Н.О. Лосским и В.В. Зеньковским⁸.

Для понимания представленного в этих статьях замысла Чижевского важно учитывать два комплекса проблем, которые помогают правильно понять истори-

---

³ Гуссерль так писал о Чижевском: «Это основательнейше образованный, самостоятельно мыслящий философ, под влиянием своей славистики увлеченный преимущественно Гегелем, но в то же время находящийся под существенным влиянием феноменологии. Отличается достойной удивления широтой учености, охватывающей различные области культуры. Не болтун! — спокойный, обращенный внутрь себя человек, который не только воспринимает, но и перерабатывает, у которого охотно учишься. Надежный друг Германии и ее науки» (E. Husserl an E. Utitz, 2.IX.1931 // Husserl E. Briefwechsel. Dordrecht u.a., 1994. Bd. 1. S. 187 f.). Ср.: *Чижевский Д.И.* Избранное. Т. 1. С. 679.

⁴ См.: *Landgrebe L.* Philosophische Autobiographie // Philosophie in Selbstdarstellungen / Hrsg. von L.J. Prongratz. Hamburg, 1976. Bd. 2. S. 128–168. Ср.: *Чижевский Д.И.* Избранное. Т. 1. С. 284, 287.

⁵ В частности, потому, что в октябре 1927 г. в Вестфалии во время поездки у Чижевского украли чемодан с рукописями. См.: *Janzen V.* Die unveröffentlichte Magisterdissertation von Dmitrij I. Čiževskij *Zur Kritik des Formalismus in der Ethik* und sein Buch *Über den Formalismus in der Ethik* // Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie / Hrsg. von A. Haardt, N. Plotnikov. Berlin, 2011. S. 127.

⁶ «Т. к. у меня нет возможности в ближайшем будущем напечатать мою книгу о формализме в этике целиком, я позволяю себе дать конспективное изложение отдельных ее глав» (*Чижевский Д.* Этика и логика: К вопросу о преодолении этического формализма // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1931. № 4. С. 221. Примеч. 1).

⁷ *Яковенко Б.В.* История русской философии. М., 2003. С. 413. (Первое издание: *Jakovenko B.* Dějiny ruské filosofie. Prag, 1938.)

⁸ *Лосский Н.О.* История русской философии. М., 1994; *Зеньковский В.В.* История русской философии. Париж: YMCA-Press, 1948. Т. 1; 1950. Т. 2.

ко-философское и теоретическое значение его аргументации. Первый комплекс проблем относится к изменению философской семантики понятия «личность», происходящему в постидеалистической философии XIX в., второй — к интерпретации персональности в феноменологии Гуссерля, которая вращается вокруг проблемы индивидуальности трансцендентального Эго. Эти два комплекса проблем или, вернее, два аспекта одного проблемного поля семантической трансформации понятия «личность/лицо» (Person/Persönlichkeit) в русской и немецкой мысли характеризуют тематические рамки, в которых Чижевский развивает свою идею этики индивидуальности, опирающейся на феноменологию.

1. ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМАНТИКИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ

Чтобы точнее определить центральную проблему философских исследований Чижевского, нужно сделать одно уточнение, позволяющее понять, почему вообще проблема индивидуальности попадает в горизонт его морально-философских размышлений. Оно касается семантических изменений в европейском дискурсе персональности, которые можно наблюдать в первой половине XIX в., т. е. в рамках так называемого седлового времени (Р. Козеллек) и которые отчетливо выражены в трансформации семантики понятия «личность».

Эту трансформацию можно описать как различие между автономией и индивидуальностью. Идея *автономии*, ассоциирующаяся с кантовской философией личности, фиксирует понимание личности как *всеобщего свойства человека* быть разумным субъектом своих поступков. Личность является здесь категорией морального бытия, истоки которой восходят к учениям о естественном праве Нового времени. Причем в этой связи рассматривается не отдельный индивидуум как таковой, но лишь индивидуум, способный в своих поступках реализовывать универсальные практические нормы (ср. формулу Канта «человечество, как в твоём лице, так и в лице всякого другого»). Таким образом, «персональность» (т.е. личностный характер лица) — это способность человеческого индивидуума действовать в качестве «разумного существа». В поступке согласно универсальному нравственному закону эмпирический индивидуум проявляется как «субъект свободы», который в то же время является и субъектом ответственности или способности вменения. Таковы универсальные характеристики персональности, присущие каждому индивидууму. На них основывается и нормативное приписывание индивиду как основных прав, так и достоинства личности.

В семантике же индивидуальности акцент делается на идее *своеобразия* и *неповторимости* индивидуума. Личностью здесь называется тот, кто отличается от других, кто утверждает свое своеобразие и в этом индивидуальном самоопределении достигает подлинного существования. Тем самым «персональность» здесь — не всеобщая характеристика разумной природы человека, присущей всем, и не правовой субъект, а неустранимое отличие одного человека от другого, конституирующее его как личность.

Если рассмотреть дальнейшие спецификации этих двух представлений о персональности, то мы увидим, что в них различаются также и те бинарные оппози-

ции, с помощью которых раскрывается смысл семантики «личности». В рамках концепции *автономии* противоположностью личности является *вещь*, т. е. все виды сущего, которым не свойственен статус субъектности. В случае же *индивидуальности* противоположностью личному является *безличное*, анонимное, т. е. все состояния и виды существования, которым не свойственна неповторимость. Безличному не присуще свойство активности или оригинальности, в связи с чем оно под различными названиями — «другие», «общество», «масса» — рассматривается прямо-таки в качестве чего-то враждебного «индивидуальной личности»⁹.

Как известно, это второе толкование персональности как *индивидуальности* восходит к монадологии Лейбница, обосновавшего понятие личности с помощью понятия индивидуальной монады. Но весьма значительное влияние на современность эта модель толкования оказала благодаря философии немецкого романтизма и особенно Ф. Шлейермахера¹⁰, в рамках которой концепция индивидуальности возникает в качестве реакции на кантовско-локковское понятие автономной личности.

Эта семантическая инновация показывает, что на смену понятию нравственной личности как разумного субъекта приходит другое понятие, центральное значение в котором составляет своеобразие индивидуума, в силу чего заново структурируется весь проблемный контекст персональности. У Ф. Шлегеля мы находим афористическое выражение этой трансформации: «Именно индивидуальность является изначальным и вечным в человеке; от персональности зависит не так уж и много»¹¹. Не всеобщность, а индивидуальное отличие рассматривается здесь в качестве руководящего аспекта понимания личности или, говоря словами того же Шлегеля: «Действительной ценностью, более того — добродетелью человека является его оригинальность»¹².

Распространенной тенденцией это понимание личности становится в пост-идеалистической философии начиная уже с младогегельянцев. Если Гегель еще четко отделяет друг от друга оба аспекта понятия личности — разумную всеобщность и индивидуальность — и определяет в своей «Философии права» личность в смысле кантовского автономного субъекта, а в «Лекциях по эстетике» делает акцент на «прекрасной индивидуальности» (хотя и в смысле критики романтического индивидуализма), то у левых гегельянцев — Макса Штирнера, Бруно Бауэра и Карла Маркса — гегелевское определение этого понятия личности превращается в апологию конкретного индивидуума, приводящую затем у Киркегора к отказу от философии Гегеля. Острее всего противоположность обоих значений лично-

---

⁹ Следует дополнительно заметить, что в модели индивидуальности бинарная оппозиция может выступать и с обратным знаком, т. е. индивидуально-личное, как это имело место в некоторых вариантах «философии любви», начиная с Гердера и Шиллера, может толковаться именно как эгоистический центр, и преимущество может отдаваться «Ты», «Другому» или «Общности», в связи с чем собственная индивидуальность рассматривается как подлежащая преодолению.

¹⁰ См.: Frank M. Die Unhintergebarkeit von Individualität: Reflexionen über Subjekt, Person und Individuum aus Anlaß ihrer «postmodernen» Toterklärung. Frankfurt am Main, 1986.

¹¹ Schlegel F. Ideen // Kritische Friedrich Schlegel Ausgabe / Hrsg. von E. Behler. 1. Abt. Bd. 2. München, Paderborn u.a., 1958. S. 262.

¹² *Idem.* Gespräch über die Poesie // Ibid. S. 320.

сти выступает у Ницше, использующего это понятие в своем философском идеале «одиного лица» (*Solitär-Person*)¹³, который реализуется как раз не во всех разумных существах или индивидуумах, а только в ярко выраженной индивидуальности: «Вообще не следует думать, что многие люди являются “личностями”. Ведь некоторые являются и *многими* личностями, большинство же — *никакими*. Везде, где преобладают средние свойства, от которых зависит продолжение существования некоего типа, бытие личности было бы расточительством, роскошью, и не имело бы вообще никакого смысла выставлять требование о “личности”»¹⁴.

Данную семантическую противоположность ярко выразит затем Георг Зиммель, говоря о двух понятиях *индивидуализма*. Он противопоставляет «количественный» индивидуализм Канта и эпохи Просвещения «качественному» индивидуализму немецкого романтизма и XIX в. В первом случае «основной мотив <...> тот, что во всяком индивидууме имеется ядро, являющееся существенным в нем и одновременно одним и тем же во всех людях, как это однажды выразил Кант: хотя человек и отнюдь не святой, но свято в нем человечество»¹⁵. Здесь мысль о всеобщей разумной природе или сущности человека обосновывает требование свободы каждого индивидуума, равного в этом всем другим. В XIX же веке согласно Зиммелю руководящим становится новый мотив: не равенство, а *различность* формулируется в виде императива, «что каждый должен осуществить как бы идеальный образ самого себя, который не равен никому другому»¹⁶. В основе этого императива лежит представление, что индивидуальность и неповторимость являются не эмпирическими проявлениями человека, за которыми скрыта его универсальная сущность, а основными принципами человеческого существования. Обеим формам индивидуализма соответствуют и особые понятия индивидуума, которые Зиммель выражает в противоположности *отдельности* (т. е. количественной индивидуальности) и *единственности* (т. е. качественной индивидуальности), одновременно давая попытку синтеза обоих понятий в отношении современности.

В позднем творчестве Зиммеля такой синтез связан с этическим поворотом, находящим выражение в его концепции индивидуального долженствования или индивидуального закона¹⁷. Исходным моментом этой концепции является мысль о континууме индивидуальной жизни, в который вплетается каждый отдельный поступок личности, и поэтому только во взаимосвязи целого (а не из общего закона) он получает свое моральное качество. В этом смысле индивидуальное долженствование утверждается не в виде всеобщего нормативного образца дея-

¹³ См.: Müller-Lauter W. Über Stolz und Eitelkeit bei Kant, Schopenhauer und Nietzsche // Denken der Individualität: Festschrift für Josef Simon zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Th.S. Hoffmann u.a. Berlin; N. Y., 1995. S. 253–274.

¹⁴ Nietzsche F. Aus dem Nachlaß der 80er Jahre // Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe. Berlin, 1988. Bd. 3. S. 610 (= *Wille zur Macht*. Aph. 88).

¹⁵ Simmel G. Die beiden Formen des Individualismus // Gesamtausgabe. Frankfurt am Main, 1995. Bd. 7. S. 51. О различии между «количественным» и «формальным» индивидуализмом см.: *Idem*. Goethes Individualismus // *Ibid*. Frankfurt am Main, 2001. Bd. 12. S. 388–416.

¹⁶ *Idem*. Die beiden Formen des Individualismus. S. 53.

¹⁷ См.: *Idem*. Das individuelle Gesetz // *Ibid*. Frankfurt am Main, 1999. Bd. 16. S. 346–425.

тельности, а в идее жизни индивидуума, осуществление которой создает индивидуальное своеобразие (моральную идентичность) личности.

В связи с нашей темой важно упомянуть, что рецепция этого представления об индивидуальности в России с 1830-х гг. становится своего рода учредительным актом дискурса персональности, приобретающего впоследствии доминирующую роль в истолкования семантики «личности»¹⁸. В понятии «личность» в русском языке данное значение с этого времени становится центральным, тогда как вышеупомянутое морально-правовое значение даже в повседневном словоупотреблении играет лишь подчиненную роль (в силу этого понятие правового «лица», например, не получает никакой концептуализации ни в культуре, ни, за редкими исключениями, в философии). Философская концептуализация личности происходит в России в XIX и XX вв., в первую очередь в контексте представления об индивидуальной монаде. И все крупные морально-философские концепции русской философии XIX и XX вв. также развиваются в виде проектов этики индивидуальности, как это имеет место, например, в жизненной этике Льва Толстого, в «философии поступка» Михаила Бахтина или в экзистенциальной этике Николая Бердяева. При всех различиях в аргументации в центр своих рефлексий они ставят личность как неповторимого индивидуума, находящегося в ситуации морального выбора и утверждающего себя в ней как субъекта своей индивидуальной ответственности. И этические исследования Чижевского, направляющие фокус моральной рефлексии не на квалификацию поступков, а на бытие этического субъекта, также движутся в этих семантических рамках.

2. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

Если Зиммель, исходя из анализа семантических изменений, раскрывает проблему индивидуальности личности преимущественно лишь в горизонте теории общества, вырабатывая для ее решения формальные социологические категории, то в феноменологии эта проблема помещается в фундаментально-философскую перспективу. Особенно у Гуссерля индивидуальность трансцендентального Эго становится постоянной темой философской рефлексии.

Понятие индивидуальности обнаруживает у Гуссерля столь же высокую степень терминологической дифференциации, как и понятие «я». Но изложение различий этих отдельных терминов выходит за рамки данной статьи¹⁹. Вместо этого я ограничусь лишь указанием на некоторые моменты исследований Гуссерля, которые стоят в связи с философскими разработками Чижевского по этике индивидуальности. Во всяком случае, нетрудно заметить, что у Гуссерля инди-

---

¹⁸ См.: Diskurse der Personalität: Die Begriffsgeschichte der «Person» aus deutscher und russischer Perspektive / Hrsg. von A. Haardt, N. Plotnikov. München, 2008.

¹⁹ Об этом см.: *Theumissen M. Der Andere: Studien zur Sozialontologie der Gegenwart*. Berlin, 1965. S. 17 ff.; Молчанов В.И. Опыт и фикции: Поток сознания и гипертрофия Я // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге / Под ред. Н.С. Плотникова и А. Хаардта; при участии В.И. Молчанова. М., 2007. С. 41–63.

видуальность существенно связана с результатами активности «я» (хотя иногда он говорит и об «индивидуальности природы»²⁰). Это отличает его от тогдашних трансцендентально-философских позиций неокантианцев, создающих концепцию сознания в его трансцендентальной функции всегда как «сознания вообще»²¹ или как «усредненного сознания», т. е. как всеобщего, исходя из которого индивидуальное сознание рассматривается лишь как эмпирическая случайность. Тем самым они следуют за фихтеанской интерпретацией индивидуума, определяющей его как формальное условие конечности, при котором «я» приходится выступать в эмпирическом мире: «Разумное существо должно стать индивидуумом вообще, а не тем или иным определенным индивидуумом»²².

Для Гуссерля же сознание и после феноменологической редукции в его эйдетической структуре характеризуется все еще как индивидуальное, как «мое трансцендентальное Это»²³. Это означает, что индивидуальность субъекта нельзя более рассматривать просто как эмпирическое воплощение всеобщего, но что ей присущ трансцендентальный статус. Тем самым она становится не только признаком конституированных предметов, но и характеристикой конституирующей субъективности²⁴.

Правда, личность как реальное событие в мире, как реальная человеческая персона получает свою индивидуацию также и благодаря пространственно-временной локализации своего тела, и в этом она равна всем остальным предметам в мире. Но тем самым она понимается не в собственном смысле слова как личность, а как экземпляр определенного вида, в данном случае — экземпляр биологического вида «человек». Такое воззрение исходит из «натуралистической установки», истолковывающей мир как каузальное сплетение вещей природы. Напротив, в «персоналистической установке», о которой говорит Гуссерль в «Идеях II», личность выступает уже не как экземпляр определенного рода, а как индивидуальный субъект со своим собственным окружающим миром, несущий свою индивидуацию в самом себе²⁵. К этому окружающему миру принадлежат другие лица, с которыми субъект вступает в общение, а также весь мир природы, предметы которого образуют «окружение» действующего субъекта и находятся в его распоряжении в качестве объектов потребления или продуктов его деятельности. Гуссерль специально подчеркивает, что такая персоналистская установка сознания по отношению к миру первична по сравнению с натуралистическим истолкованием мира, и характеризует мир природы как абстракцию персонального мира, возникающую в результате «своеобразного самозабвения личного “я”»²⁶.

²⁰ Husserl E. *Husserliana: Gesammelte Werke*. Den Haag, 1952. Bd. IV. S. 298.

²¹ См.: Gethmann C.F. Art. «Bewusstsein überhaupt» // *Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie* / Hrsg. von J. Mittelstraß. Stuttgart, 2005. Bd. 1. S. 455.

²² Fichte J.G. *Das System der Sittenlehre* // *Fichtes sämtliche Werke*. Berlin, 1845/46. Bd. IV. S. 254.

²³ См.: Husserl E. *Husserliana: Gesammelte Werke*. Den Haag, 1973. Bd. I. S. 16.

²⁴ См. «Формальную и трансцендентальную логику» Гуссерля (*Husserl E. Husserliana: Gesammelte Werke*. Bd. XVII), в которой § 95 посвящен вопросу о «необходимости исходить из собственной субъективности».

²⁵ См.: Husserl E. *Husserliana: Gesammelte Werke*. Bd. IV. S. 183, 185 u. ö.

²⁶ Ibid. S. 183 f.

По своему онтологическому статусу все вещи мира могут пониматься как проявления и соотношения проявлений всеобщего («экземпляры всеобщности»²⁷) постольку, поскольку они имеют свой смысл только в связи с конституирующей их субъективностью. Следовательно, им и не может быть приписана никакая индивидуальность в собственном смысле этого слова. «Природа есть X и принципиально не что иное, как X, определяющее себя через общие определения»²⁸. Личность же имеет свою собственную индивидуальную сущность, поскольку она является конкретной разновидностью субъективности, несущей в себе принцип своей индивидуации. «Единственным, что изначально индивидуально, является конкретное сознание со своим “я”»²⁹, а именно как чистое «я», которое, согласно Гуссерлю, является источником всякой индивидуации, имея даже характер абсолютной индивидуальности.

Однако нелегко понять, что означает эта абсолютная индивидуальность чистого «я», которое не имеет никаких качеств, но само является источником всех качеств. Хотя Гуссерль постоянно подчеркивал, что чистое «я» является не «пустым полюсом», а носителем габитуальностей (привычностей) и мотиваций, создающих его конкретность. Именно по этой причине он в своем позднем творчестве прибегнул к использованию термина «монада», чтобы охарактеризовать принадлежность отдельных актов к континууму «я»³⁰. Но возникает вопрос: как возможно описание этого носителя как такового, являющегося источником всякого конституирования, до характеристики его как связанного с габитуальностями. И как тогда следует понимать его индивидуальность? В связи с чистым «я» Гуссерль говорит об «индивидуации однократности»³¹ или об «абсолютной однократности человеческого бытия»³², которая характеризует поток сознания как *мой*. Но по каким основаниям можно говорить в случае этого потока сознания об индивидуации или о *моем* сознании, если высказывание об индивидуальности и о «моем» всегда предполагает отличие от «другого»? Логичнее здесь было бы говорить о «единственности», ибо и субстанция Спинозы в этом смысле тоже «однократна», но мы не можем приписать ей статус индивидуальности, поскольку отсутствует то «другое», от которого она могла бы быть отличена. И в самом деле, Гуссерль отграничивает от этой «индивидуации однократности» «индивидуальное своеобразие»³³ отдельных актов и переживаний, которые именно на фоне своего качественного различия конституируются как индивидуальные, подобно тому как Лейбниц усматривает индивидуальность монад в том, что каждая из них хотя и содержит в себе весь универсум, но отличается от других по степени его сознавания. Это последнее значение индивидуальности как «индивидуального своеобразия» можно и в самом деле применить к личностям в персональных общностях и к их общему окружению, поскольку они также могут

²⁷ Ibid. S. 298.

²⁸ Ibid. S. 302.

²⁹ Ibid. S. 301.

³⁰ О теоретических затруднениях феноменологической монадологии см.: Mertens K. Husserls Auseinandersetzung mit der Monade: Bemerkungen zu Husserls Auseinandersetzung mit Leibniz // Husserl-Studies. (2000). Vol. 17. S. 1–20.

³¹ Husserl E. Husserliana: Gesammelte Werke. Den Haag, 1973. Bd. XIV. S. 23.

³² Ibid. S. 434.

³³ Ibid. S. 23.

проявлять свою индивидуальность лишь на фоне множественности, которая отсутствует в абсолютной единственности чистого «я»³⁴. Но эта индивидуальность конституированных личностей, как это ни странно, остается беспочвенной, ибо оказывается только промежуточным звеном между сущностью и фактом, между экземплярным характером конституированных вещей и анонимной «однократностью» чистого «я». Этот проблематический статус индивидуальности личности в конечном счете вытекает из парадокса самоконституирования, т. е. из отношения конституирующей и конституируемой субъективности, которое Гуссерль не довел до окончательной ясности.

Примечательно, что в своих исследованиях по этике Гуссерль, вопреки столь настойчивому подчеркиванию индивидуальности чистого «я» и личности, редко обращается к тезису об индивидуальном значении персональности. Его основной интерес направлен в этой сфере на анализ сознания, конституирующего ценности и нормы, а также на анализ предметных соответствий этих конституирующих актов. Хотя Гуссерль в своем анализе волевых актов и формулирует несколько критических возражений против кантовского сведения всего спектра волевых мотиваций к сознанию всеобщего закона³⁵, но индивидуальный характер поступка не обладает и для Гуссерля принципиальной этической значимостью, которая соответствовала бы значительности статуса индивидуальности в его теоретических исследованиях о сознании. В исследовательской литературе, посвященной этике Гуссерля, часто указывается на то, что начало его размышлений по поводу индивидуальности в этике и ее ценности³⁶ относится к периоду после Первой мировой войны. Но даже и в этот поздний период обсуждение этической индивидуальности встречается у Гуссерля только с начала 1920-х гг. в статьях «Об обновлении», где он начинает говорить об «обновлении как проблеме индивидуальной этики». Там он пишет: «Каждый человек имеет, таким образом, как собственную индивидуальность, так и собственную индивидуальную этическую идею и метод, собственный индивидуальный и в зависимости от ситуации конкретно определяемый категорический императив»³⁷. Но как точнее следует понимать утверждение, что человек должен искать индивидуальную идею своей «наилучшей из возможных» жизни и придавать ей нормативное оформление, остается у Гуссерля лишь в виде намеков. Религиозной метафорой о «глазе божьем», обращенном к индивидууму, а также примером отношений матери и ребенка эта мысль скорее лишь иллюстрируется, нежели разъясняется.

³⁴ Вероятно, поэтому еще Е. Финк говорил о присутствующей в сознании основе, «имеющейся до всякой индивидуации» (*Fink E. Die Spätphilosophie Husserls in der Freiburger Zeit // Fink E. Nähe und Distanz. Freiburg; München, 1976. S. 221*). Вальденфельс говорит об «анонимной единственности» трансцендентальной субъективности у Гуссерля (*Waldenfels B. Weltliche und soziale Einzigkeit bei Husserl // Zeitschrift für philosophische Forschung. Bd. 25 (1971). S. 163*). Напротив, М. Тойниссен настаивает на «индивидуальности» трансцендентального «я», которая, по его мнению, составляет основу концепции интерсубъективности Гуссерля (*Theunissen M. Der Andere. Studien zur Sozialontologie der Gegenwart. S. 15–155*).

³⁵ См.: *Husserl E. Husserliana: Gesammelte Werke. Dordrecht, 2004. Bd. XXXVII. S. 200–243*.

³⁶ См.: *Cobet Th. Husserl, Kant und die Praktische Philosophie: Analysen zu Moralität und Freiheit. Würzburg, 2003. S. 39 f.*; *Melle U. Husserls personalistische Ethik // Fenomenologia della ragion pratica / Hrsg. von B. Centi, G. Gigliotti. Napoli, 2004. P. 327–355*.

³⁷ *Husserl E. Husserliana: Gesammelte Werke. Dordrecht, 1989. Bd. XXVII. S. 41*.

Между тем проблема индивидуального бытия действующего субъекта была одной из центральных в дискуссии фрейбургского окружения Гуссерля 1920-х гг., так что существуют достаточные основания, чтобы видеть истоки интереса Чижевского к проблеме этической индивидуальности в этой дискуссии. Наряду с новой интерпретацией Аристотеля Хайдеггером, связавшей вопрос об индивидуальном этосе с проблемой фактического существования человеческого бытия³⁸, здесь следовало бы упомянуть и о габилитационной работе Ю. Эббингхауза о молодом Гегеле у Гуссерля, реконструирующей гегелевскую критику в адрес законнической этики Канта в категориях феноменологии индивидуального морального сознания³⁹. С обсуждением этих проблем в окружении Гуссерля Чижевский мог также связать и некоторые аспекты русской дискуссии о значении личности и индивидуальности, с которыми он познакомился в Санкт-Петербурге и в Киеве.

3. ОБЗОР ПРОЕКТА ДИССЕРТАЦИИ ЧИЖЕВСКОГО

Объем источников, в которых доступны фрагменты исследования Чижевского об основах и критике этического формализма, сравнительно невелик. Прямое отношение к теме имеет статья «О формализме в этике. Заметки о современном кризисе этической теории» (1928) и опубликованные тезисы доклада, прочитанного им в Русском народном университете в Праге⁴⁰. Другой частью исследования является статья «Этика и логика. К вопросу о преодолении этического “формализма”» (1931), тезисы которой были опубликованы еще в 1928 г. в сообщениях Философского общества в Праге под названием «Представитель, знак, понятие, символ. Из книги о формальной этике». Наконец, в непосредственной связи с этим исследованием стоит статья «К проблеме двойника. Из книги о формализме в этике», опубликованная по-русски в 1929 г. в Праге и в значительно переработанном виде в 1931 г. по-немецки под названием «О проблеме двойника у Достоевского. Опыт философской интерпретации». В ближайшей связи с книгой о формализме стоят также две статьи о Гегеле, вышедшие на французском языке: «Гегель и Ницше» и «Гегель и Французская революция»⁴¹. Кроме того, по сообщению исследователя творчества Чижевского В. Янцена, в личном архиве Чижевского в университете города Галле хранится еще около шести рукописей, предположительно связанных с запланированной им диссертацией, в том числе статьи на следующие темы: «К проблеме бытия и долженствования», «Современный кризис этической теории», «Вопрос “почему” и связи. Типы причинности»⁴².

³⁸ Конспект курса лекций раннего Хайдеггера «Феноменологическая интерпретация Аристотеля» за зимний семестр 1921/22 г. хранится в личном архиве Чижевского в Галле (см.: *Чижевский Д.И. Избранное*. Т. 1. С. 123).

³⁹ *Ebbinghaus J. Die Grundlagen der Hegelschen Philosophie // Gesammelte Schriften*. Bonn, 1994. Bd. 4: Studien zum Deutschen Idealismus. S. 139–414.

⁴⁰ *Чижевский Д.И. Проблема формальной этики: Тезисы // Философское общество в Праге 1927/28*. Прага, 1928. С. 9–11.

⁴¹ *Tchijewsky D. Hegel et Nietzsche // Revue d'histoire de la philosophie* (Paris). Vol. 3 (1929). P. 321–347; *Idem. Hegel et la révolution française // Ruch filozofský* (Praha). T. 1 (1933). P. 16–21.

⁴² См.: *Janzen V. Die unveröffentlichte Magisterdissertation...*

Вопреки бросающемуся в глаза сходству названия задуманного Чижевским исследования с книгой Макса Шелера «Формализм в этике и материальная этика ценностей» и также несмотря на согласие с Шелером в ориентации на этический персонализм, путеводная нить аргументации Чижевского остается иной. Критику Шелером Канта Чижевский также разделяет лишь с оговорками⁴³. Не анализ этических ценностей и ценностной иерархии находится в центре его внимания (понятие ценности он вообще почти не употребляет), но феноменология этической жизни и морального сознания. При всем признании результатов Шелера, Николая Гартмана и Георгия Гурвича⁴⁴ в анализе формальной этики Чижевский находит их исследования недостаточными в одном отношении⁴⁵, а именно в вопросе об индивидуальной конституции конкретного бытия этического субъекта, который он рассматривает скорее исходя из анализа субъективности у Гуссерля и человеческого бытия у Хайдеггера. При этом Чижевского более занимает развитие и обоснование постановки проблемы как таковой, чем развертывание системы философии морали⁴⁶.

Понятие *формализма* у Чижевского терминологически также весьма мало напоминает соответствующие рассуждения Макса Шелера с их противопоставлением формальной и материальной этики и установлением материально априорных законов морального сознания. Основным принципом формализма, по Чижевскому, является представление, что этическая теория может быть развита по тому же самому образцу, что и любая теория, т. е. задачей этой теории становится установление суждений о «должном», «нормах» и «законах», по отношению к которым отдельные поступки индивидуумов понимаются как частные случаи применения общего правила⁴⁷. Формализм, можно добавить в качестве дополнения, устанавливает всеобщую норму, которая используется как в качестве принципа оценки отдельных поступков (как нравственных или безнравственных), так и в качестве принципа мотивации при совершении поступков.

Именно такая номологическая модель в этической рефлексии, согласно которой структура этического дискурса и конституция поступков определяются в смысле подведения частного случая под всеобщее правило, как раз и ставится под сомнение Чижевским. Причина его сомнений заключается в понимании невозможности обойти индивидуальное существование действующего субъекта, которое исчезает в формализме в силу перенесения интереса с самого субъекта на его поступки в связи с их универсальными критериями. При этом критика формализма вовсе не означает отказа от этической рефлексии, но, наоборот, нацелена на то, чтобы посредством уяснения имманентных различий нравственной жизни как раз впервые и сделать ее доступной для рефлексии, отвлекаемой на ложные пути заимствованными из других областей теоретическими моделями.

---

⁴³ См.: Чижевский Д. О формализме в этике // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 209. Примеч. 61.

⁴⁴ Gurtwitsch G. Fichtes System der konkreten Ethik. Tübingen, 1924.

⁴⁵ См.: Чижевский Д. Проблема формальной этики. Тезисы. С. 9.

⁴⁶ См.: Он же. Этика и логика. К вопросу о преодолении этического формализма. С. 68.

⁴⁷ См.: Он же. О формализме в этике. С. 196. Критику представления о всеобщем долженствовании см.: Simmel G. Das individuelle Gesetz.

4. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ КРИТИКИ ФОРМАЛИЗМА

Чижевский различает в своем исследовании о формализме четыре уровня критической аргументации: онтологический, логический, антропологический и религиозно-философский. Причем в опубликованных им текстах по поводу двух последних уровней аргументации имеются лишь очень краткие замечания и указания. Первый же — *онтологический* — аспект критики формализма он обсуждает подробно в своем эссе о феномене «двойника» у Достоевского. Уже благодаря выбору темы — мотива двойничества, ставшего еще со времен романтизма излюбленным литературным сюжетом и в бесчисленных вариациях вплоть до современной литературы, подчеркивающего аспекты раздвоения сознания, рефлексивного надрыва, разлада и раздвоения идентичности, а также социального аутсайдерства и отчуждения человека⁴⁸ — неустойчивость индивидуального существования становится центром рефлексии. Гуссерль также прибегает к образу двойника для объяснения индивидуального своеобразия монады⁴⁹.

В ранней повести Достоевского «Двойник. Петербургская поэма» (1846), в которой заметно влияния Гоголя и немецкого романтизма (Э.-Т.-А. Гофман), неустойчивое психическое состояние чиновника канцелярии Якова Петровича Голядкина, его нерешительность, его страх и его маниакальное переживание угрозы становятся психологическим фоном для появления его двойника, постепенно вытесняющего его из всех сфер жизни и занимающего его место. Правда, главной темой повести является не психологическое раздвоение сознания, а беспочвенность существования героя. Психическое состояние страха у Голядкина, который, например, при встрече со своим начальником исполняется желанием «не быть», «прикинуться, что — это не я, а кто-то другой, разительно схожий со мною», есть лишь следствие онтологической конституции его существования. Эту конституцию Чижевский характеризует ключевым словом из «Двойника» как «свое место» в бытии⁵⁰. У Голядкина нет никакого «своего места» в жизни, никакой «собственной сферы свободы», как говорит, опираясь на Фихте, Чижевский. Он *заменяем*. Этим объясняется появление его двойника, который наглядно демонстрирует иллюзорность его эмпирического существования.

Именно этот момент интерпретации Достоевского подчеркивает Чижевский: здесь идет речь об «этико-онтологической проблеме»⁵¹ устойчивости индивидуального существования, состоящей в том, что «реальность человеческой личности не обуславливается простым ее «существованием» в эмпирическом плане

---

⁴⁸ См.: Bär G. Das Motiv des Doppelgängers als Spaltungsphantasie in der Literatur und im deutschen Stummfilm. Amsterdam, 2005; специально о русской литературе см.: Lachmann R. «Doppelgängerei» (Gogol, Dostojewskij, Nabokov) // Individualität: (Poetik und Hermeneutik XIII) / Hrsg. von M. Frank, A. Haverkamp. München, 1988, S. 421–439.

⁴⁹ См.: Husserl E. Husserliana: Gesammelte Werke. Den Haag, 1973. Bd. XIV. S. 32 f.

⁵⁰ См. замечание из письма Голядкина: «Идеи мои <...> насчет *своих мест* чисто нравственные» (Достоевский Ф.М. Двойник: Петербургская поэма // Собр. соч.: В 15 т. Ленинград, 1988. Т. 1. С. 237).

⁵¹ Tschizewskij D. Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij: Versuch einer philosophischen Interpretation // Dostojewskij-Studien / Gesam. und hrsg. von D. Tschizewskij. Reichenberg, 1931. S. 26.

бытия, но требует каких-то иных (вне-эмпирических) условий и предпосылок»⁵². Индивидуальность самобытия и является такой вне-эмпирической предпосылкой личного существования. Поэтому отмеченную в «Двойнике» онтологическую неустойчивость личности Голядкина не следует рассматривать лишь в психологическом (например, «слабохарактерность») или в социальном («зависимость», «отчуждение» и т. п.) измерении. В романах Достоевского достаточно героев, которые изображаются как сильные характеры или люди с общественным положением, но тем не менее подверженных этой опасности онтологической нестабильности, превращающей их существование из личного во вечно⁵³.

Объяснение этой «слабости “этического бытия”»⁵⁴ личности, следствием которой является и эмпирический надлом существования, Чижевский находит в том, что изображаемые фигуры существуют лишь «абстрактно», т. е. характеризуются таким способом существования, который неотличим от других. Они и являются не чем иным, как демонстрациями абстрактной мысли или частными случаями общего правила. Так, например, о Ставрогине в «Бесах» говорится, что его «съела идея». Поэтому, несмотря на свое эмпирическое своеобразие, он характеризуется как человек «безликий», окруженный целым рядом двойников. Причем это «абстрактное существование» имеет две стороны: человек смотрит на себя самого как на абстрактное существо, он поступает и живет «абстрактно», но и другие смотрят на него как на «абстракцию», и тем самым он оказывается в положении, когда может относиться к самому себе только как к абстрактному существу⁵⁵.

Этот принцип абстракции Чижевский понимает как интегральную характеристику этического формализма, не связанную специально с определенными морально-философскими системами, но представляющую собой такое своеобразное истолкование человеческого бытия, которое можно найти в совершенно различных морально-философских концепциях — как, например, у Канта и Адама Смита. Это истолкование состоит, цитируя слова Достоевского, в том, чтобы в каждом отдельном человеке видеть только «общечеловека», а с каждым бурлаком на Волге страдать только по «общечеловеку»⁵⁶. Оно становится возможным благодаря тому, что из рассмотрения конкретного поступка исключаются вопросы «кто» и «где» поступает (не в эмпирическом смысле, а в смысле его «собственного места» в горизонте мира, подобно тому как Хайдеггер характеризует «здесь» как модус бытия-в-мире). Для этого воззрения остается важным только вопрос о «как» поступка, ответ на который дается по образцу теоретического или юридического закона, под который подводится частный случай. Но при отвлечении от «где» утрачивается связь общего правила с конкретным местом в мире, так что и самые чистые моральные побуждения могут оказаться неподходящими и ложными, как показывают поступки Дон Кихота. При отвлечении в действии от «кто» конкретный индивидуальный субъект

⁵² *Tschizewskij D.* Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij. S. 26 f.

⁵³ См.: *Tschizewskij D.* Goljadkin — Stavrogin bei Dostojewskij // *Zeitschrift für slavische Philologie* (Heidelberg). 1930. Bd. 7. S. 358–362.

⁵⁴ *Tschizewskij D.* Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij. S. 37.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. 1873 // *Собр. соч.*: В 15 т. СПб., 1994. Т. 12. С. 38.

поступка оказывается взаимозаменяемым, ибо, когда поступок осуществляется из перспективы «незаинтересованного наблюдателя» А. Смита или общих «законов природы» Канта⁵⁷, дело, оказывается, совсем не в нем. И те другие, на кого должен быть направлен поступок, оказываются с точки зрения формализма заменяемыми, поскольку важнейшим признаком поступка, квалифицируемого в качестве нравственного, является именно отвлечение от конкретного определения как цели, так и мотива воли. По своей тенденции эта установка приводит согласно Чижевскому к тому, что «единообразие и однообразие» даже определяются как «основная черта нравственного мира»⁵⁸.

Таким образом, двойник становится реализованной метафорой существования, лишённого индивидуальности и низведенного до некоего частного случая общего правила, подобно вещам или абстрактным числам. Но этический рационализм, предполагающий такую конституцию существования, — это не одно лишь выражение чисто теоретической рефлексии, «теоретического человека», с которым воевал Киркегор, критикуя гегельянство. Это скорее установка сознания по отношению к самому себе и другим, понятийное выражение которой проявляется в аргументации этического формализма.

Что касается критики теоретических дискурсов в этике, то здесь Чижевский видит в философии своего времени признаки изменения и все более явной критики формализма, проявляющейся в «повороте к конкретности» и во все большем превращении темы индивидуальности человеческого бытия в центральную тему для размышлений⁵⁹.

В отношении же феноменологического истолкования идеи «своего места» в текстах Чижевского мы также находим некоторые разъяснения того, какой может быть иная установка по отношению к индивидуальности личности. Она исходит из первичной данности множественности субъектов, каждый из которых имеет свою собственную «сферу свободы». «Именно конкретная индивидуальность “ближнего” должна быть объектом (видимо, подразумевается — целью. — Н.П.) нашего этического действия»⁶⁰. Причем «ближний» не дается нам просто как эмпирический факт: люди превращаются для нас в «ближних» только благодаря тому, что мы принимаем по отношению к ним специфическую установку⁶¹. Эту установку по отношению к другим Чижевский, опять-таки пользуясь словом Достоевского, называет «неосуждением», которое может рассматриваться как основная максима этики индивидуальности. В своем негативном ограничении, или в запрете отношения к другим и к самим себе как к частным случаям общего правила, эта максима открывает «бесконечные возможности живого отношения

---

⁵⁷ В одном отступлении Чижевский анализирует «стыд» как свидетельство внутреннего раздвоения этого подчиненного абстракции человеческого существования, испытывающего чувство неловкости от собственной индивидуальности; см.: *Tschizewskij D. Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij*. S. 44 f.

⁵⁸ Чижевский Д. О формализме в этике. С. 200.

⁵⁹ *Tschizewskij D. Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij*. S. 46 ff.

⁶⁰ Чижевский Д. К проблеме двойника: (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском / Сост. А.Л. Бем. Прага, 1929. С. 34.

⁶¹ См.: *Tschizewskij D. Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij*. S. 42.

к конкретности»⁶², одновременно являясь свободной формой этического самоопределения. Исходя из этой персоналистической установки, в принципе можно увидеть ближнего во всем человечестве, не опасаясь, что оно при этом деградирует до абстрактного понятия. При этом и «собственное место» может располагаться во всем человеческом мире, не утрачивая своего конкретного «где» (что было бы основным мотивом социальной этики, которую можно развить, исходя из этих тезисов Чижевского).

5. ЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРИТИКИ ФОРМАЛИЗМА

Разбор *логических* основ этического формализма Чижевский производит в своих статьях «О формализме в этике» (1928) и «Этика и логика» (1931). В них он рассматривает модель логической субсумации (подведения частного под общее) как парадигму логической аргументации в отношении ее применимости при анализе нравственного сознания. Это исследование Чижевского посвящено прежде всего двум темам: во-первых, доказательству, что модель логической субсумации не дает подходящего описания отношения общего и единичного в практической жизни, и, во-вторых, разбору вопроса, возможны ли и каковы другие виды отношения общего с единичным, которые были бы укоренены в самом нравственном сознании действующего субъекта. В рамках этого второго комплекса тем Чижевский рассматривает становление форм общего в структурах непосредственного практического опыта и выделяет плюрализм таких форм общего в практической жизни, которые не подчинены модели логической субсумации.

При рассмотрении первой темы Чижевский осуществляет критический анализ модели логической субсумации посредством разбора основных аргументов кантовской этики⁶³. Ее отличительная черта состоит в характеристике способности воления

⁶² *Tschizewskij D.* Zum Doppelgängerproblem bei Dostojewskij. S. 42.

⁶³ При оценке значения этой критики следует, однако, учитывать, что у самого Канта этический дискурс построен *именно не* по модели логической субсумации. Скорее уж идея «обобщения» максимы поступка обнаруживает сходство с «рефлектирующей способностью суждения», в которой к данному особенному подыскивается всеобщее. В трудах по практической философии Кант почти не употребляет понятие «субсумация». Чижевский и сам признает, что у Канта есть и другие принципы соединения индивидуального и общего (см.: *Чижевский Д.* О формализме в этике). При этом неизменно подчеркиваемая Кантом аналогия нравственного закона с законами природы, основанная именно на принципе субсумации, может ввести в заблуждение, так как она позволяет думать, что нравственный закон по аналогии с законами природы основан на том же принципе. Как раз эта аналогия привела Чижевского к истолкованию и кантовского нравственного закона в соответствии с моделью субсумации. То же самое сделал и Ю. Эббингхауз в своей неопубликованной фрейбургской габилитационной работе (*Ebbinghaus J.* Die Grundlagen der Hegelschen Philosophie). Однако в своих поздних работах он признал неадекватность такой интерпретации. Поэтому значение критики Чижевским модели логической субсумации следует рассматривать независимо от тесной связи этой критики с этикой Канта. Речь идет скорее о критике этических концепций, в которых отдается предпочтение общему по сравнению с индивидуальным. В целом такая критика относится ко всякому типу этики, ориентированной на определение общих нормативных правил. Об этом см.: *Schwemmer O.* Rationaler Pluralismus: Zur Kritik der Regel- und Prinzipienethik // Schwemmer O. Die Philosophie und die Wissenschaften: Zur Kritik einer Abgrenzung. Frankfurt am Main, 1990. S. 131–153.

как независимой от всех субъективных различий и всех эмпирических объектов воли. Из этой черты развивается идея «чистой воли», определения которой имеют значимость для всякого разумного существа. Конкретные же цели индивидуума обладают лишь субъективной значимостью и должны подводиться под общее понятие, чтобы приобрести нравственное качество. На этих аргументах основывается возможность определения воли по аналогии с теоретическим разумом как подведения конкретной максимы поступка под общий моральный принцип. Для приобретения этического качества максима должна мыслиться как всеобщий закон природы.

Против такого рода кантовского обоснования морали Чижевский выдвигает два аргумента, различные вариации которых, начиная с Шиллера и Гегеля, используются против кантовской этики, до наших дней поставляя материал для морально-философских дискуссий.

Первый аргумент относится к проблеме применения общей нормы к частному случаю: этическая квалификация удаётся только в отношении тех элементов поступков, которые уже заранее истолкованы как общие и сходные с элементами других поступков, так что они могут быть интерпретированы как частные случаи общего правила. Но ведь даже такие поступки или элементы поступков, которые в общем считаются нравственно предосудительными, как, например, ложь или убийство, в конкретных ситуациях действия вполне могут оцениваться как раз не как предосудительные, если, скажем, вспомнить о лжи ради защиты преследуемой жертвы или об убийстве тирана. Эта вариативность в конкретных ситуациях действия вовсе не означает отказа от нравственной квалификации поступков. Её осмысление должно скорее подчеркнуть, что истолкование ситуаций действия согласно модели логической субсумации не представляется адекватным ни самопониманию поступающего, ни непротиворечивой оценке поступков. Вывод Чижевского из этого аргумента таков: «Этическую значимость и смысл понятия поступков получают только в предельной своей — приводящей к конкретной индивидуальности — спецификации»⁶⁴.

Второй аргумент относится к конфликтам при применении норм. К этическому конфликту норм аналогия с законами природы вообще не подходит. Потому что в законах природы не может быть конфликтов, их действие взаимно нейтрализуется в состоянии равновесия. В этической же сфере немислимо никакое равновесие, можно выбрать либо одну, либо другую норму, как в известном примере, описанном Сартром (пойти служить в армию или остаться рядом с больной матерью⁶⁵). Отказ от решения означал бы отрицание себя как этического субъекта. Здесь вывод Чижевского следующий: «...центр тяжести этического действия, как такового, — не в приложении к воле общих принципов, а в самом факте определения воли во всей ее конкретности и индивидуальности»⁶⁶.

Но эти аргументы вовсе не означают, что для Чижевского только децизионизм экзистенциального выбора себя является последней опорой морали. Наоборот, он указывает на необходимость связи общего и индивидуального, при которой только и становится возможной реализация этическим субъектом смысла своего индивидуального самобытия.

---

⁶⁴ Чижевский Д. О формализме в этике. С. 201.

⁶⁵ См.: Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. М., 1953.

⁶⁶ Чижевский Д. О формализме в этике. С. 201.

Возможным путем, на котором может быть развернута этическая рефлексия, альтернативная кантовской модели субсумации, является, как отмечает Чижевский, аристотелевская идея габитуса. Конкретный *Habitus* человека определяет не *общее* правило, а *типичную* форму индивидуального поступка в конкретных ситуациях, которая создает идеальность, а именно: добродетели. Отношение этого идеального типа (не в веберовском значении слова) к конкретному поступку «не есть подведение частного случая под общее правило, но известное приближение к максимальной возможной реализации предстоящего нам идеального этического “облика” во всей неисчерпаемой сложности его содержания и структуры»⁶⁷. На этом пути через Аристотеля Чижевский пытается разработать необходимое для понимания индивидуальности опосредствование «сущности» и «факта», оставшееся неразработанным в анализе проблемы индивидуальности Гуссерлем⁶⁸.

Этими соображениями Чижевский открывает перспективу своей второй темы, а именно признание множественности форм общего в этике. Его размышления, лишь фрагментарно намеченные в статье «Этика и логика», касаются генезиса форм общего в структуре человеческого опыта. Подобно тому как Гуссерль в рамках феноменологического проекта занимается исследованием «генеалогии логики», Чижевский обращается к анализу логических структур, предваряющих общие понятия. Эти логические структуры, или «категории», делают возможным соотносить различными способами общее и индивидуальное в первичном практическом опыте, имеющем значение и для этической жизни. Поэтому соответствие логики и этики образует для Чижевского, при всей его критике в адрес Канта, путеводную нить его интерпретации практической жизни.

До того, как общее осознается в виде понятий или общих суждений, происходит выделение общего с помощью так называемых категорий непосредственности⁶⁹, делающих возможным первичное структурирование данности. Чижевский

⁶⁷ Чижевский Д. О формализме в этике. С. 202–203.

⁶⁸ Данная ссылка на Аристотеля вызывает принципиальные вопросы прежде всего из-за ориентации Чижевского на индивидуальное, поскольку для Аристотеля именно действие «многих» или «лучших» является основой для развития габитуальностей и добродетелей. Переориентация аристотелевской проблематики на осмысление индивидуального поступка происходит лишь в XX в., в особенности у раннего Хайдеггера. О путях рецепции аристотелевской практической философии в XX в. см.: *Gutschker Th. Aristotelische Diskurse: Aristoteles in der politischen Philosophie des 20. Jahrhunderts.* Stuttgart, 2002.

⁶⁹ Чижевский Д. Этика и логика. С. 225–226. Понятие «непосредственности» в текстах Чижевского не разъяснено, поэтому его тезисы вызывают некоторое недоумение. Говоря о «категориях непосредственности» и относя к ним даже понятия, Чижевский слишком расширяет понятие непосредственного, которому в философской традиции соответствует значение единовременного, интуитивного, не артикулированного в понятиях познавательного отношения к действительности (ср., например, обсуждение проблемы «непосредственности» в немецком идеализме). Говоря о «непосредственности», Чижевский, очевидно, имеет в виду «дотеоретический» уровень познания, к которому относится и практическое оперирование с внешним миром. Доказательство того, что уже на этом уровне дотеоретического («жизненного») отношения к миру присутствуют логические структуры, составляет заслугу ранней философии Хайдеггера, лекции которого Чижевский слушал во Фрейбурге. Хайдеггер говорит в лекциях 1921/22 г. «Феноменологическая интерпретация Аристотеля» (*Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles // Gesamtausgabe.* Frankfurt am Main, 1985. Bd. 61. S. 85 ff.) об «основных категориях жизни», раскрывающих отношение к миру в дотеоретическом (практическом) смысле.

различает четыре вида идентификации общих признаков в опыте и возможности познания общего. Сначала это «повторения» событий в осуществлении опыта, «ритм» которых делает очевидными определенные общности. Затем это «группировка» или «стяженность» множества элементов вокруг какого-то одного центра, около одного элемента, отсылающего к группе. В качестве третьего вида образования общего Чижевский различает упорядочивание элементов ряда путем «корреляции», которая демонстрируется на отношении материи и формы, аргументов и функций (ср. «функциональное понятие» Кассирера) и т. д. Наконец, «движение» или «самодвижение» элементов представляет собой динамическую взаимосвязь, в которую они формируются не благодаря внешнему упорядочиванию, а благодаря внутреннему соединению в нечто общее.

Эти четыре вида образования общего в опыте Чижевский обозначает категориями «представитель», «знак», «понятие», «символ»⁷⁰: в представлении общее, присущее группе, репрезентируется отдельным элементом — *представителем*; в соотношении *знаков* один элемент указывает на обозначаемое им множество общих свойств; *понятие* представляет функцию ряда, которая обосновывает его как общее; *символ* же является индивидуальным проявлением общего, т. е. индивидуальным явлением, обладающим одновременно парадигмальным или идеальнотипическим значением⁷¹.

Этим логико-эпистемологическим формам соединения индивидуального и общего соответствуют четыре формы практической жизни, которые Чижевский различает в своей концепции «многообразия форм этической активности»⁷². Представительство означает своего рода подражательную деятельность, опирающуюся на традицию и составляющую почти неприметный фон практической жизни, который поэтому обладает наименьшей этической релевантностью. Но при всей неприметности действия «как другие», «как это было раньше» данная ориентация на «нормальность» обладает вполне гуманизирующим значением, противостоящим многим формам практического радикализма. В этом смысле даже такая разновидность поступков может, как показывает пример Антигоны, давать значительные образцы нравственного действия и выражать в форме сознательной приверженности традиции положительное этическое значение деятельности, опирающейся на традицию.

Определение воли по типу «знакового отношения» формирует целое поле практической жизни сообразно с «конвенциями», «правилами приличия», «профессиональными нормами» и т. п. Эта сфера этической активности, предполагающая регулирование групповой и повседневной морали, по своему значению сходна с поступками, опирающимися на традицию, поскольку ориентирована на

⁷⁰ Чижевский Д. Этика и логика. С. 230–235. Разъяснения Чижевского к этим категориям очень фрагментарны, так что их логическое и познавательное значение можно реконструировать лишь приблизительно.

⁷¹ Толкование символа у Чижевского родственно таковому у Шеллинга. См.: «Синтез их обоих (т. е. схематического и аллегорического представлений. — Н.П.), где ни общее не означает особенного, ни особенное общего, но где оба абсолютно едины, является символическим» (Schelling F.W.J. Philosophie der Kunst. Darmstadt, 1990. S. 407).

⁷² Чижевский Д. Этика и логика. С. 235.

стабилизацию и нормализацию практической жизни в общности, развитие чувства солидарности и подтверждение разделяемых ближними ценностей и норм. Это определение воли представляет собой, как подчеркивает Чижевский с помощью аллюзии на формулу Георга Еллинека, «этический минимум»⁷³ в практической жизни, который следует защищать от романтического презрения к «обыденной морали» и этической «посредственности»⁷⁴. Между тем, особенно в истории русской мысли, переполненной начиная с Герцена морально-публицистической борьбой с «мещанством», «посредственностью», «филистерством» и проч.⁷⁵, доминирует такое романтическое отвращение к «скуке» и «прозе» общей морали, в начале XX в. опиравшееся на суждения Ницше, а ныне — Карла Шмитта⁷⁶.

Сфера «этических понятий» охватывает нормативные правила, обоснованные в моральной рефлексии индивидуума и ориентирующиеся на общие принципы или законы. Это и есть подлинные владения «этического формализма», признающего этическую значимость только за таким видом регулирования поступков. Критикуя «этический формализм» и его онтологическую «неустойчивость», Чижевский признает непреложное значение этого вида моральной рефлексии: «...только в сфере этических понятий возможна постановка вопроса о смысле тех или иных этических актов <...> только на почве этических понятий возможна критика традиции, а следовательно и *новообразования* в сфере этического бытия»⁷⁷.

«Этическая символика» представляет собой самую четко выраженную форму отношения индивидуального и общего в этической жизни. Здесь общий принцип не преподносится воле в качестве обязательного закона (будь то извне, будь то в значении самозаконотворчества), а образует ядро моральной идентичности личности, которая реализуется в конкретных ситуациях решений как ее индивидуальный моральный *Habitus*. Этот *Habitus* индивидуален и всеобщ одновременно. Он индивидуален, поскольку он характеризует «собственную» субъективность индивидуума в его поступках в конкретных ситуациях и по отношению к конкретным адресатам. Но он также и всеобщ, поскольку он реализует идеальную типичность этического характера, которая, подобно добродетелям честности, благодарности, правдивости и т. п., не предписывает никаких общих правил, но вместе с тем представляет собой общезначимую установку действующего индивида.

Свое понимание «этической символики» Чижевский демонстрирует на примере этоса ученого: индивидуальность ученого, оказывающая основополагающее

⁷³ Чижевский Д. Этика и логика. С. 237. Определение Еллинеком права как «этического минимума» получило благодаря Вл. Соловьеву и его тезису о праве как «минимуме нравственности» широкое распространение в русской мысли.

⁷⁴ Ср. сходные размышления в практической философии школы Риттера, где важную роль играет критика «романтики чрезвычайного положения»: Hermann Lübbe im Gespräch. München, 2010. S. 46.

⁷⁵ Чижевский говорит о «барски-романтическом презрении» к «мещанству» и непонимании его в русской философской литературе (Чижевский Д. Этика и логика. С. 236).

⁷⁶ О метафоре «чрезвычайного положения» в понимании личности в истории русской мысли см.: Plotnikov N. Das Individuum und der Staat in der russischen Ideengeschichte // Das normative Menschenbild in der russischen Philosophie / Hrsg. von A. Haardt, N. Plotnikov. Berlin, 2011. S. 223–237.

⁷⁷ Чижевский Д. Этика и логика. С. 238.

влияние на его творчество и неустранимая из научной деятельности, соотносится одновременно с добровольным подчинением идеалу научности, который включает в себя и передает по традиции определенную этическую установку, конкретизируемую и развиваемую дальше в свободной деятельности⁷⁸.

В своем незавершенном проекте этики, который, с одной стороны, включается в дискуссии 1920-х гг. вокруг фрейбургской феноменологии, продолжая также определенные линии аргументации из истории русской мысли, а с другой стороны, предвосхищает обновление этики добродетелей в современной философии⁷⁹, Чижевский делает проблему индивидуальности центральной темой этической рефлексии. Он выясняет, что исходным для феноменологической этики является не обоснование всеобщего нравственного закона, но выявление различных видов отношения общего и индивидуального в практическом опыте, осуществляемом из перспективы действующего в конкретных ситуациях индивида. Этика индивидуальности на феноменологической основе направляет фокус внимания на плюрализм форм этического опыта, который и за пределами противоположности нормативизма и децизионизма продолжает оставаться пробным камнем современных теорий морали.

---

⁷⁸ См.: Чижевский Д. Этика и логика. С. 239.

⁷⁹ Ср. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М., 2000; Tugendethik / Hrsg. von K.P. Rippe und P. Schaber. Stuttgart, 1998.

М.Ю. Сорокина

МЕЖ ДВУХ ДИКТАТУР:
СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ
НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР
В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

2 июля 1946 г. в конференц-зале Президиума Академии наук СССР на Калужском шоссе в Москве состоялось заседание сессии Общего собрания Академии, на котором обсуждались важнейшие вопросы академической жизни — первый послевоенный пятилетний план развития Академии и отчет о ее деятельности в 1945 г. Заключительным третьим пунктом повестки дня стоял вопрос об исключении из состава Академии члена-корреспондента АН СССР, востоковеда Николая Николаевича Поппе (1897–1991), крупнейшего специалиста по языкам и литературе народов северо-восточной Азии¹.

Последний раз аналогичный вопрос обсуждался в Академии незадолго до начала Второй мировой войны, 29 апреля 1938 г., когда президент АН СССР В.Л. Комаров представил Общему собранию список на исключение из состава Академии двадцати одного действительного члена и члена-корреспондента во главе с недавним неперменным секретарем АН СССР, бывшим личным секретарем В.И. Ленина по Совнаркому и самым влиятельным партийным патроном науки в 1920-е гг. Н.П. Горбуновым. Все они были объявлены «врагами народа», «вредителями» и «саботажниками», а подавляющее большинство вскоре уничтожено. После кончины И.В. Сталина, с лета 1953 г. и вплоть до конца 1990-х гг., практически все исключенные в советское время академики и члены-корреспонденты были по-смертно реабилитированы и восстановлены в своих академических званиях.

Между тем эти решения не коснулись судьбы Николая Поппе. Более того, ни он сам, ни его коллеги, включая академика Д.С. Лихачева, не знали точно, был ли Поппе вообще исключен из Академии². В отличие от 1930-х гг., июльское решение Общего собрания 1946 г. не было опубликовано в академической или общегражданской печати. Оно не имело грифа «секретно»³, но было известно лишь в узких академических кругах, преимущественно высших администраторов. За две недели до Общего собрания, 18 июня 1946 г., академик-секретарь Президиума АН СССР Н.Г. Бруевич на заседании Президиума Академии проинформировал его

---

¹ См.: Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 2. Оп. 7. Д. 17. Л. 77.

² Сегодня биография Н.Н. Поппе присутствует на официальном сайте РАН, хотя, по нашим сведениям, ученый не был восстановлен в списках Академии наук. О нем сказано: «Член-корреспондент с 29.03.1932 — Отделение общественных наук (монголоведение), по 02.06.1946» (http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=id-51795.ln-ru.dl-pr-inf.uk-12 (дата обращения 25 октября 2012 г.)).

³ См.: АРАН. Ф. 411. Оп. 4а. Д. 33. Л. 28–30 (выписка из постановления Общего собрания, имеющая печать протокольного отдела; личное дело Н.Н. Поппе).

членов, что получил «важные вполне достоверные сведения, касающиеся деятельности Николая Николаевича Поппе»⁴. Согласно этой информации летом 1942 г. находившийся в командировке с лета 1941 г. в Элисте (Северный Кавказ) Поппе перешел на сторону гитлеровцев в районе Кисловодска, был назначен «официальным сотрудником гестапо и руководителем отдела пропаганды при немецкой коммандатуре». В информации также говорилось, что Поппе «консультировал немецкие комиссии по регистрации коммунистов, комсомольцев и евреев и принимал участие в допросе советских граждан, арестованных оккупантами», более того, «являлся одним из вдохновителей инсценировки так называемых похорон жертв НКВД» в Нальчике. В заключение отмечалось, что при отступлении немецких войск с Северного Кавказа в 1943 г. Поппе «бежал вместе с ними и обосновался в районе Берлина. О дальнейшей судьбе Поппе точных сведений нет»⁵.

Судя по сохранившейся стенограмме, риторика выступления академика Бруевича на заседании Президиума АН СССР была выдержана в очень осторожных тонах. Он продолжал вполне уважительно именовать Поппе по имени-отчеству «Николай Николаевич» и ни разу не назвал его «врагом народа». Переход ученого на сторону гитлеровцев Бруевич квалифицировал как «печальный факт о действиях одного ученого, направленных во вред Советскому Союзу» и только в самом конце речи однозначно определил действия Поппе как «предательство нашей Родины».

Такая сдержанность была не случайной. С одной стороны, сведения о «предательстве» Поппе были весьма расплывчатые. Важнее было иное — Вторая мировая война оказала огромное стимулирующее воздействие на развитие науки во всем мире, и в СССР в частности. Она существенно изменила ее географическую, институциональную, кадровую и проблемную структуру, «растянув» традиционно европоцентричную отечественную науку территориально — на востоке страны была создана система новых филиалов АН СССР, академий наук союзных республик, отделений столичных университетов и институтов. В СССР резко возросло количество естественно-научных и гуманитарных институтов и лабораторий в академической и вузовской науке. Борьба за новые институциональные позиции и укрепление старых открывала дополнительные возможности для реализации широкомасштабных научных планов и карьерного взлета. Научные эксперты и советники Государственного комитета обороны, правительства и наркоматов стали постепенно вытеснять малообразованных партийных идеологов и чиновников, занимавших важные позиции в государственном аппарате с середины 1930-х гг. Более того, целый ряд ученых занял высокие должности в госаппарате, возглавил научные советы в ведомствах, а главное — стратегия развития многих научно-исследовательских проектов и программ, прежде всего оборонного цикла, определялась преимущественно научной элитой по согласованию с кураторами из партийно-государственной номенклатуры. Влияние научного сообщества значительно выросло как во властных структурах, так и в советском обществе в целом. Личная встреча пре-

---

⁴ Там же. Л. 25 (выписка из протокола № 8 заседания Президиума АН СССР).

⁵ Там же. Л. 26–27.

зидента АН СССР В.Л. Комарова и И.В. Сталина 13 ноября 1944 г. — первая на таком уровне за весь послереволюционный период — публично продемонстрировала поддержку первого лица государства Академии наук СССР как «штабу» советской науки и закрепила повышение статуса науки и научных деятелей в советском обществе в целом. Последовавшие после окончания Второй мировой войны новые выборы в состав АН СССР, значительно увеличившие ее персональный состав, организация внеурочного 225-летнего юбилея АН СССР в 1945 г., многочисленные награды и льготы для ученых поднимали престиж научной деятельности в СССР на невиданный ранее уровень⁶.

В этом контексте «случай Поппе» не должен был лечь позорным пятном на Академию, и поэтому свою краткую речь Н.Г. Бруевич начал с перечисления правительственных наград, полученных членами АН СССР и ее сотрудниками за вклад в победу над фашистским агрессором. Главным пунктом речи академика было противопоставление: тысячи награжденных — один предатель. В течение многих десятилетий после окончания Великой Отечественной войны подобные оппозиции («миллионы героев — несколько ренегатов»; «народ-победитель — отдельные пособники») будут составлять одну из риторических и идейных основ официального сталинистского военного нарратива, отвергавшего травматичную память о войне (потери, эвакуация, оккупация, коллаборационизм)⁷.

Этот нарратив, разделяемый значительной частью советского общества и воплощенный в многочисленных произведениях изобразительного искусства, публицистике, художественной и научной литературе, презентовал войну как борьбу «советских героев» с «фашистами и их пособниками» на протяжении многих десятилетий. Он почти полностью игнорировал очень сложную судьбу почти половины советского довоенного населения, не по своей воле оказавшейся на оккупированных территориях (по разным оценкам, от 60 до 80 млн. советских граждан), и одним этим фактом попавшей под подозрение и немецкой оккупационной администрации, и советских властей.

Основу юридической базы для преследования и наказания граждан СССР, сотрудничавших с оккупантами, составил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. с характерной для своего времени патетикой в названии — «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийстве и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Документ из пяти пунктов, подписанный М.И. Калининым и

---

⁶ Подробнее см.: *Кременцов Н.Л.* Советская наука и война // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 783–817; *Колчинский Э.И.* Академия наук СССР и Вторая мировая война // На переломе: Отечественная наука в конце XIX–XX в. СПб., 2005. Вып. 3. С. 313–328; *Козлов Б.И.* Академия наук СССР: особенности отношений с властью в условиях войны 1941–1945 гг. // Институционализация отношений государства и науки в истории России (XVIII–XX вв.): Сб. ст. М., 2007. Вып. 1. С. 162–182.

⁷ Подробнее см.: *Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война* / Отв. ред. С.В. Карпенко. М., 2004; *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: Несостоявшийся альянс. М., 2004; *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа.* М., 2005; *Вторая мировая: Иной взгляд: Историческая публицистика журнала «Посев».* М., 2008 и др.

А.Ф. Горкиным, никогда не публиковался в годы войны⁸ и не содержал юридических дефиниций и тем более процедур для определения, кого относить к категориям «изменников Родины» и «пособников». Зато он предусматривал чрезвычайные меры наказания для них: смерть через повешение для «изменников» и ссылку на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет — для «пособников». Реализация Указа возлагалась на вновь создаваемые военно-полевые суды, причем исполнение приговора должно было проводиться немедленно и публично, а тела повешенных оставаться на виселице в течение нескольких дней⁹. Нельзя не согласиться с известным историком Н.В. Петровым, что карательной интенцией Указ был направлен не только и не столько против вражеских армий, сколько против советских граждан, обвинявшихся в сотрудничестве с оккупантами¹⁰. Политика устрашения своих граждан была продолжена и первым в СССР публичным судебным процессом над военными преступниками в июле 1943 г., когда обвинялись не немецкие военные, а именно соотечественники — пособники гитлеровцев¹¹. Символично и неслучайно и то, что он состоялся в Краснодаре — столице кубанского казачества, значительная часть которого активно сотрудничала с германскими войсками¹².

⁸ Первая реконструкция Указа была сделана Е. Беккером (*Becker E. Das Rätsel des Ukas 43 und eine Erkundung des Archipel Gulag. Hamburg, 1991*), первая публикация текста Указа — Г. Вагенленером (*Wagenlehner G. Die Willkurjustiz der Stalin-Ära-der Ukas 43 // Heimkehrer (Bonn). 1992. 15. Mai*). Первый российский публикатор — начальник Института военной истории В.А. Золотарев (*Военная безопасность Отечества: (Историко-правовое исследование). М., 1996. С. 196–198*).

⁹ В комплексе с Указом о пособниках 14 апреля 1943 г. было принято постановление Государственного комитета обороны о создании Смерша, а 22 апреля 1943 г. последовал Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания изменникам Родины и предателям, о введении для этих лиц как меры наказания каторжных работ», введивший в лагерях НКВД каторжные отделения с установлением особо строгого режима для «пособников»: полная изоляция от остального лагерного контингента в отдельных зонах, использование каторжан только на тяжелых работах в угольных шахтах.

¹⁰ См.: *Петров Н.В. Внесудебные репрессии против немецких военнопленных в 1941–1946 гг. // Проблемы военного плена: история и современность: М-лы междунаrodn. науч.-практ. конф. 23–25 окт. 1997 г. в г. Вологде: В 2 ч. Вологда, 1997. Ч. 2. С. 92.*

¹¹ Перед судом предстали тринадцать советских граждан, которые служили во вспомогательных частях зондеркоманды 10а, в основном — на обслуживании газвагенов. Все роли на процессе были расписаны в докладной записке В.М. Молотова и А.Я. Вышинского И.В. Сталину от 10 июля 1943 г. под грифом «Совершенно секретно» (Архив внешней политики РФ МИД РФ. Ф. 6 (Секретариат В.М. Молотова). Оп. 4. Д. 74. Папка 8. Л. 13). Освещение процесса в средствах массовой информации курировали А.Я. Вышинский и Г.Ф. Александров. Для подготовки пропагандистского сопровождения в Краснодар были направлены писательские бригады, и в частности член ЧК писатель Алексей Толстой. Он получил «Обвинительное заключение по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков и их пособников на территории Краснодара и Краснодарского края», подписанное следователем по важнейшим делам Л.Г. Мальцевым и утвержденное прокурором СССР В.М. Бочковым (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 269. Оп. 1. Д. 28), однако краснодарский процесс остался единственным, о котором А.Н. Толстой ничего не написал. Приговор был приведен в исполнение 18 июля на городской площади Краснодара в присутствии почти 50 тыс. человек. Нацистские военные преступники были впервые осуждены только в декабре 1943 г. в Харькове.

¹² См.: *Донсков П.Н. Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. М., 1994; Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997; Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939–1945: Восточные легионы и казачьи части вермахта. М., 1999; Thorwald J. The Illusion: Soviet Soldiers in Hitler's Armies. N. Y.; L., 1975; Newland S.-J. Cossacks in the German Army. 1941–1945. L., 1991 и др.*

Несмотря на то что после 1955 г. многие вольные и невольные пособники фашистских оккупантов были амнистированы в СССР, советское государственное руководство и его спецслужбы и в последующие годы проводили необъявленную политику тотального недоверия и скрытой фильтрации населения. В течение многих лет после окончания войны граждане СССР при поступлении на работу были обязаны отвечать на вопрос анкеты: «Находились ли вы или ваши родственники на оккупированных территориях?» Положительный ответ автоматически переводил анкетированного в категорию «ненадежных» и незримо сопровождал человека на всем его служебном пути.

В советской исторической литературе бытование различных национальных, социальных и профессиональных групп населения на оккупированных территориях также трактовалось преимущественно в черной-белой гамме: либо как история массового героического сопротивления врагу, либо, напротив, как тема пособничества презираемых одиночек. Многие годы изучение «коллаборационизма» в СССР было табуировано для научного анализа как опасное для политической стабильности советского режима: даже самые приблизительные подсчеты свидетельствовали, что число советских граждан, в различных формах сотрудничавших с оккупантами¹³, вполне сопоставимо с количеством участников партизанского движения, и тем самым обнажали неприятие сталинского режима значительной частью советского общества.

Только в последние десятилетия в России появились исследования о природе, мотивации и практиках «советского коллаборационизма», опирающиеся на вновь открытые архивные фонды, в том числе структур государственной безопасности¹⁴. Интересно, что эта новая литература охотнее использует французский термин «коллаборационизм», нежели советский «пособник» (или еще реже — «изменник», «предатель»), подчеркивая внациональный характер этого явления и внося многозначность в его понимание. Кроме того, некоторые авторы прямо связывают воедино практики «коллаборационизма» и «сопротивления» сталинскому режиму, однако их фокус сосредоточен преимущественно на вооруженном сопротивлении — на Русской освободительной армии генерала А.А. Власова, ка-

---

¹³ См.: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 782; *Лысенко А.Е.* Вклад народа Украины в победу над гитлеровской Германией // *Война 1941–1945 годов: современные подходы* / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2005; *Мальшева Е.М.* Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 312–313.

¹⁴ См., напр.: *Кудряшов С.П.* Предатели, освободители или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // *Свободная мысль*. 1993. № 14; *Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий*: В 2 кн. Краснодар, 2000. Кн. 1; *Семиряга М.И.* Коллаборационизм; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. Великий Новгород, 2001; *Соколов Б.В.* Оккупация: Правда и мифы. М., 2002; *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма // *Война и общество. 1941–1945*: В 2 кн. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004. Кн. 2. С. 293–305; *Равдин Б.Н.* На подмостках войны: Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944). Stanford, 2005; *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина: Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010; *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge (Mass), 2004 и др.

зачестве и национальных движениях, прежде всего народов Северного Кавказа и Прибалтики¹⁵.

Несмотря на то что книга В.М. Алпатова о Н.Н. Поппе была издана еще в 1996 г.¹⁶, а в последующие годы появился еще ряд публикаций о судьбе отдельных ученых на оккупированных территориях СССР¹⁷, научное сообщество как субъект проблематики гражданского коллаборационизма до сих пор минимально присутствует в отечественной историографии. Проблема «война и советское научное сообщество» в целом рассматривается в российской историографии в основном как тема вклада ученых в победу над фашизмом. Даже последние, либеральные для историков в новой России, двадцать лет не совершили прорыва в этой области. Проблематика негативного опыта, выстраданного научным сообществом в годы Второй мировой войны (потери, эвакуация, оккупация, коллаборационизм, предательство и др.), до сих пор не получила широкого освещения и анализа и продолжает отторгаться историческим сознанием, пребывая на периферии исследовательского интереса.

За пределами накопленного историографического потенциала остаются такие важные для понимания особенностей до- и послевоенного развития науки в СССР / России проблемы, как эволюция образов «войны», «врага» и «союзника» в восприятии отдельных ученых и дисциплинарных сообществ в целом, формы их конкретного участия и влияния на формирование новых внешне- и внутриполитических установок советского руководства. Мало исследован круг вопросов, связанных с оценкой того, как и в какой мере непосредственные, ожившие после вынужденной изоляции второй половины 1930-х гг. контакты советских ученых с «союзниками» и германскими коллегами повлияли на изменение научной программы и институциональной структуры отечественной науки в послевоенный период. Убедительно продемонстрированная в последние годы на большом архивном материале связь между кардинальным изменением положения различных дисциплинарных сообществ советской науки в годы войны и многочисленными послевоенными идеологическими кампаниями в СССР, а также практикой холодной войны в целом¹⁸ остается все-таки не до конца сба-

¹⁵ См., напр.: Александров К.М. Русские солдаты Вермахта: Герои или предатели. М., 2005; *Он же*. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006; Хоффманн Й. Власов против Сталина: Трагедия Русской освободительной армии. М., 2006; *Andreyev C.* Vlasov and the Russian Liberation Movement: Soviet Reality and Emigré Theories. Cambridge, 1989; *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. Freiburg, 1986; *Idem.* Die Ostlegionen 1941–1943: Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutschen Heer. Freiburg, 1986; *Idem.* Kaukasien 1942/43: Das deutsche Heer und die Orient-Völker der Sowjetunion. Freiburg, 1991 и др.

¹⁶ Алпатов В.М. Николай-Николас Поппе. М., 1996.

¹⁷ См.: Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русский Свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Международный исторический журнал. 1999. № 5; Сантуш П.М., дуи, Мацура О.Т. Русского астронома помнят в далекой Бразилии: К 100-летию со дня рождения Александра Ивановича Постоева // Природа. 2000. № 10. С. 79–87; Дмитриев А.Л. Два мира Ивана Алексеевича Кошкина // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 136–143 и др.

¹⁸ См.: Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские «суды чести»: «Дело “КР”». М., 2005; Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 4. С. 26–58; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского. СПб., 2002. С. 359–490; Сонин А.С. «Физический идеализм»: История одной идеологической кампании. М., 1994; *Krementssov N.* Stalinist Science. Princeton, 1997 и др.

лансированной, более акцентируя послевоенные следствия, нежели анализируя породившие их причины.

Такое состояние историографии вполне объективно, ибо до сих пор минимально введены в научный оборот документальные материалы, свидетельствующие о том, что реально происходило с научными коллективами (вузами, институтами, лабораториями, музеями и т. п.) в эвакуации, и тем более с теми из них, кто не успел (или не захотел) эвакуироваться и остался на оккупированных территориях. В отличие от зарубежных историков науки, которые провели изучение влияния оккупационных практик на ряд национальных профессиональных сообществ, в том числе научное¹⁹, мы по-прежнему очень мало знаем о том, как попавшие в оккупационный режим советские научные специалисты воспринимали его — приветствовали, игнорировали, отвергали, адаптировали и интегрировали для своих институциональных и личных целей и т. п. Был ли этот режим одинаков для разных дисциплинарных сообществ, отдельных ученых и институтов, и если нет, то чем отличался. Насколько массовыми или единичными были случаи сотрудничества с оккупантами, какими мотивами руководствовались ученые, формально или сознательно попавшие в категорию «пособников»; что конкретно представляло из себя «пособничество», инкриминировавшееся некоторым советским ученым НКВД и НКГБ в послевоенные годы, — сотрудничество по идейным, идеологическим и / или материальным соображениям, продолжение работы исходя из представления о науке как «надсоциальной» силе и / или поддержку сил противостояния / сопротивления советской власти. И наконец, остаются совершенно невыясненными количественные параметры — сколько научных специалистов было арестовано и погибло в застенках НКВД / НКГБ во время войны и после нее по обвинению в «измене», «шпионаже», «вредительстве» или «пособничестве»²⁰, сколько и по каким причинам оказалось на постоянной или временной работе в Германии (вывезены в принудительном порядке или выехали добровольно), сколько и с какой мотивацией перешло к союзникам, сформировав так называемую послевоенную волну эмиграции. Этот поток советского беженства, в котором значительное место занимали научные специалисты, минимально, особенно в сравнении с постреволюционной волной эмиграции, изучен на просопографическом и микросоциологическом уровнях²¹. Между тем значение его деятельности огромно, ибо именно эти беженцы в период холодной войны во многом формировали представления западного общества, его руководителей и спецслужб о СССР и советском обществе.

На протяжении многих десятилетий необходимые для достоверного исторического анализа исходные данные о состоянии советского научного сообщества

¹⁹ См., напр.: *Lagrou P. The Legacy of Nazi-occupation: Patriotic Memory and National Recovery in Western Europe, 1945–1965.* Cambridge, 2000; *Science and Survival in the Pacific, 1939–1945 / Ed. by Roy M. MacLeod.* Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2000.

²⁰ В настоящей работе используется постановка этой проблемы, данная в статье: *Сорокина М.Ю.* Наука и Третий рейх: борьба за ресурсы // *Природа.* 2003. № 8. С. 73–80.

²¹ Первые шаги в этом направлении были сделаны еще самими учеными-беженцами; см. также: *Ульянкина Т.И.* «Дикая историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010.

отсутствовали в открытой печати СССР и России. Даже имевшая привилегированное по сравнению с другими научными институтами положение Академия наук СССР смогла опубликовать первые два тома своего «Персонального состава» только в 1984 г. Разумеется, по обстоятельствам времени они не содержали имен исключенных, репрессированных и эмигрировавших членов АН. Неудивительно, что Российская академия наук и по сей день не имеет ни полного мартиролога кадровых потерь в годы Второй мировой войны, ни более-менее точного списка сотрудников, репрессированных в годы сталинизма, ни реальных количественных данных об эмигрировавших специалистах. Долгие годы «научные ресурсы»²² вообще не осознавались ни властью, ни советским обществом как часть национального культурного достояния и само понятие было редуцировано до формулы «люди, здания, библиотеки». Если первые тома официального свода утраченных в годы Второй мировой войны отечественных культурных ценностей с опозданием в пятьдесят лет, но все-таки опубликованы в России к исходу XX в.²³, то охватывают они преимущественно художественные ценности — произведения живописи, архитектуры, декоративно-прикладного искусства, а также библиотеки и архивы. Достоверного и полного списка потерь научных ресурсов в годы сталинизма и Второй мировой войны нет и, видимо, уже никогда не будет создано.

В то же время отсутствие надежных базовых сведений по «трудным» вопросам истории российской науки зависит не только от традиционной советской секретности, окружавшей многие области научных исследований, но и от того, что само научное сообщество не очень стремится переосмысливать негативный опыт прошлого. Историки немало знают о фашистских докторях, биологах, историках²⁴, о взаимоотношениях выдающегося немецкого философа Мартина Хайдеггера (1889–1976) или не менее выдающегося франко-американского медика, лауреата Нобелевской премии Алексиса Карреля (1873–1944) с режимами Гитлера и Виши²⁵. Однако

²² Под этим термином мы понимаем совокупность интеллектуальных (продукты мыслительной деятельности — идеи, программы, гипотезы, концепции и т. п.), человеческих (непосредственно институции и их кадры) и материальных (археологические коллекции, архивы, библиотеки, собрания карт, штаммов вакцин и сывороток (музеи живых культур), «стеклянных библиотек» (снимки неба), генного растительного и животного материала, коллекций почв, геологических и минералогических образцов и т. д., а также здания, помещения и др. материально-хозяйственные объекты) ценностей.

²³ См.: Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны: В 11 т. М., 1999–2002.

²⁴ См., напр.: *Burleigh M.* Germany Turns Eastwards: A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988; *Camphausen G.* Die wissenschaftliche historische Russlandforschung im Dritten Reich 1933–1945. Frankfurt am Main; Bern; N. Y.; P., 1990; *Deichmann U.* Biologen unter Hitler. Frankfurt am Main; N. Y., 1992; *Kater M.H.* Doctors Under Hitler. Chapel Hill; L., 1989; *Rössler M.* «Wissenschaft und Lebensraum»: Geographische Ostforschung im Nationalsozialismus: Ein Beitrag zur Disziplingeschichte der Geographie. Berlin; Hamburg, 1990; *Rössler M., Schleiernmacher S.* Der «Generalplan Ost»: Hauptlinien der national-sozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. Berlin, 1993; *Schulze W., Oexle O.G.* Deutsche Historiker im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1999 и мн. др.

²⁵ См.: *Farias V.* Heidegger and Nazism. Philadelphia (Penn.): Temple Univ. Press, 1989; *Drouard A.* Une Inconnue des Sciences Sociales: La Fondation Alexis Carrel, 1941–1945. P., 1992; *Reggiani A.H.* Alexis Carrel, the Unknown: Eugenics and Population Research under Vichy // French Historical Studies. 2002. Vol. 25. № 2.

до сих пор трудно представить, что в России могут появиться научные исследования таких тем, как, например, «Вернадский / Курчатов / Бурденко (и проч.) и сталинизм». Режим корпоративной закрытости влияет на то, что и сегодня сведения о работе научных учреждений на оккупированных в годы Второй мировой войны территориях СССР почти совершенно исключены из их официальной истории.

Стоит отметить также, что круг доступных в России архивных источников по проблематике оккупации остается весьма ограниченным. В силу понятных причин на протяжении почти всей второй половины XX в. «голоса» тех, кто так или иначе оказался связан с немецким оккупационным режимом, или молчали, или звучали в НКВД / НКГБ или уже за рубежом. Тем не менее они встречаются в ряде недавно открытых архивных фондов советских учреждений, например Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Материалы ЧГК, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ), представляют особенный интерес, так как в рамках первичных расследований этой комиссии был накоплен значительный объем «показаний» научных специалистов о положении высшей школы и научной жизни во время оккупации. Аналогичные материалы собирались и различными, в том числе академическими, комиссиями по истории Великой Отечественной войны. Большой комплекс интервью с бывшими советскими гражданами — перемещенными лицами был проведен в послевоенные годы по специальным программам в университетах США и Европы и ныне доступен для изучения²⁶.

Личные архивные фонды и семейные архивы ученых сохранили также немало свидетельств об их жизни и деятельности в годы фашистской оккупации²⁷. Немало воспоминаний «ди-пи», написанных уже после войны, было опубликовано в различных эмигрантских изданиях; в последние десятилетия некоторые из них изданы и в России²⁸. Однако в отличие, например, от Украины архивно-следственные дела «пособников», сосредоточенные в архивах Федеральной службы безопасности России, остаются минимально доступными. Между тем без их детального и объективного анализа невозможно дать ответ на вопрос, было ли сотрудничество ряда советских специалистов с немецким оккупационным режимом («научный коллаборационизм») отдельными, локальными случаями или за ним стоит некий целостный феномен, требующий отдельного изучения.

Данная статья, обзорная по своему характеру, рассматривает различные модели поведения части научных специалистов, по различным причинам оказавшихся

²⁶ См.: *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М., 2003; *Hanffman E., Beier H.* Six Russian Men: Lives in Turmoil. North Quincy (Mass.), 1976.

²⁷ См., напр., личный архивный фонд члена-корреспондента АН СССР М.Д. Залесского в Архиве РАН; его материалы частично отражены в статье: *Сорокина М.Ю.* Наука и Третий рейх.

²⁸ См.: *Нератова Р.* В дни войны: Семейная хроника. СПб., 1996; *Пирожкова В.А.* Мои три жизни: Автобиографические очерки. СПб., 2002; *Иванов-Разумник Р.В.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000; «Свершилось. Пришли немцы!»: Идеинный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны М., 2012 и др.

на оккупированных территориях СССР в годы Второй мировой войны и в тех или иных формах сотрудничавших с германскими и румынскими оккупационными властями. Она фокусирует внимание на судьбах тех специалистов, которые, не разделяя нацистской идеологии, приняли сознательное решение о взаимодействии с местными оккупационными властями, исходя из своей внутренней и профессиональной мотивации, основанной на определенном социальном опыте, общественных идеалах и научных приоритетах. Предлагается интерпретировать некоторые случаи «профессорского коллаборационизма» как одну из форм проявления «внутренней эмиграции», неприятия и сопротивления сталинскому режиму.

ПО ЭТУ ЛИНИЮ ФРОНТА...

Великая Отечественная война стимулировала гражданские и научные инициативы советского научного сообщества, а также способствовала интенсивному возобновлению его утерянных в предвоенные годы международных научных связей. На протяжении 1930-х гг. многие научные институты были задействованы в различных программах советского военно-промышленного комплекса²⁹. Однако только накануне Второй мировой войны ведущая роль науки в приближавшемся военном конфликте получила концептуальное осмысление в работах сотрудника Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, доктора экономических наук Сергея Михайловича Вишнева (1889–1987)³⁰. В отличие от политических и военных руководителей СССР, рассматривавших войну как сугубо идеологическое и военно-техническое противостояние, Вишнев сформулировал концепцию мировой войны как противоборства / столкновения / борьбы научно-технических идей, интеллекта и науки участвующих сторон³¹. Публично эта

²⁹ См.: Козлов Б.И. Академия наук СССР и индустриализация России. М., 2003. С. 59–139.

³⁰ В течение двенадцати лет (1922–1934) С.М. Вишнев, получивший образование в Петроградском политехническом институте и на математическом отделении физико-математического факультета Петроградского университета, служил в Разведывательном управлении Штаба РККА, параллельно работая экспертом в различных наркоматах. В 1934 г. откомандирован в Институт мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии для научной работы и проработал здесь до 1955 г. В декабре 1938 г., будучи кандидатом экономических наук, выдвигался в члены-корреспонденты АН СССР, однако ни в 1939 г., ни позднее избран не был. Доктор экономических наук с 1939 г. Накануне войны в монографии «Экономические ресурсы Германии. Экономическая база Германии в новой европейской войне» (М., 1940) продемонстрировал экономическую способность гитлеровского режима вести длительную войну. В 1944–1945 гг. эксперт Межсоюзной репарационной комиссии; в 1946 г. командирован в распоряжение уполномоченного Особого комитета по Германии при Совете министров СССР для подготовки аналитического обзора экономики Германии, вскоре возглавил сектор сырья и промышленности вновь созданного Института экономики АН СССР. В 1950-е гг. член коллегии Госплана СССР. С начала 1960-х гг. старший научный сотрудник созданной академиком В.С. Немчиновым Лаборатории экономико-математических методов АН СССР — Центрального экономико-математического института АН СССР. См.: АРАН. Ф. 411. Оп. 13. Д. 71 (личное дело).

³¹ 24 апреля 1941 г. в Отделении экономики и права АН СССР состоялось обсуждение доклада С.М. Вишнева «Вторая империалистическая война моторов и производственных резервов» (АРАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 21а. Л. 26 об.–32 об.).

концепция впервые прозвучала в марте 1939 г. в выступлении на XVIII Всесоюзной партконференции заместителя председателя СНК СССР Н.А. Вознесенского, который предрекал, что в будущей войне основную роль будут играть «моторы» (научно-технические разработки) и «резервы» (научные идеи и кадры). Между тем такое характерное для своего времени понимание внутренних механизмов надвигавшегося военного конфликта не получило широкого распространения в советской партийно-государственной элите и осталось уделом внимания ее отдельных представителей.

С началом войны концепция Вишнева получила развитие и практическое наполнение в предложениях другого академического экономиста — сотрудника Совета по обследованию производительных сил АН СССР, доктора экономических наук Александра Михайловича Волкова (1891–1954)³². Проведя широкий компаративный анализ исторической практики использования научного потенциала различными капиталистическими странами и Россией в период и после Первой мировой войны, в июне 1941 г. он составил программное письмо «О мобилизации научных исследований в целях обороны», в котором предложил учредить Комитет по мобилизации науки с широкими полномочиями³³. Инициатива Волкова была поддержана его патроном — директором Института металлургии, академиком И.П. Бардиным, который немедленно переправил текст Волкова вице-президенту АН СССР О.Ю. Шмидту со своим отзывом: «Это записка, по моему мнению, совершенно правильно ставит вопрос о возможной помощи со стороны науки и научных лабораторий. Она требует сокращения, но действовать надо без промедлений. Война — отечественная по духу, а по стратегии она должна быть войной XX века, т. е. все решать быстро, скоро и новым методом. Переработанный этот документ, по моему мнению, должен быть представлен от имени АН СССР правительству»³⁴.

³² А.М. Волков окончил Киевский коммерческий институт и руководил в Киеве городской, а после 1917 г. и губернской статистикой. На протяжении ряда лет возглавлял Центральное статистическое управление (ЦСУ) Украины, в 1924–1925 гг. — промышленную и кредитно-денежную секцию Госплана УССР. С 1926 г. жил в Москве, член коллегии ЦСУ СССР и профессор экономической географии в Институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В 1927 г. отправлен уполномоченным ЦСУ СССР в Среднюю Азию (Ташкент), заведовал здесь кафедрой мирового хозяйства Среднеазиатского государственного университета. С 1928 г. главный редактор изданий ЦСУ СССР, профессор экономгеографии во 2-м МГУ. С 1929 г., видимо по политическим причинам, карьера Волкова пошла резко на спад: научный сотрудник Государственного института социальной гигиены (1929–1930), профессор статистики Московского института инженеров молочной промышленности (1930–1931), научный сотрудник Института каучука и гуттаперчи (1931–1935). В 1935–1936 гг. он работал в Карело-Мурманской экономической бригаде комплексной Кольской экспедиции Совета по производственным силам (СОПС) АН СССР; в 1936–1937 гг. экономист юго-западной партии Камчатской экспедиции СОПС и после возвращения в Москву в 1938 до 1945 г. работал в СОПС АН СССР. В апреле 1939 г. защитил диссертацию и стал доктором экономических наук. В годы войны руководил работой бригады академика И.П. Бардина по перспективам развития металлургии на Северном Урале, член комиссии по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири, Казахстана на нужды обороны. С 1945 г. старший научный сотрудник Института геологических наук АН СССР; с 1949 г. — Транспортной секции АН СССР. См.: АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 313 (личное дело).

³³ См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 1а (1941). Д. 221. Л. 1–7.

³⁴ Там же. Л. 8–8 об.

В целях активизации международных связей союзников в сентябре 1941 г. АН СССР совместно со Всесоюзным обществом культурных связей с границей разрабатывала проект издания сборника статей «Ученые и Отечественная война» для научных кругов США и Англии³⁵. Предполагалось, что авторами книги станут советские специалисты, хорошо известные западному научному миру, каждый из которых напишет раздел по своей специальности в общем антифашистском контексте. Вступительная статья за подписью президента или вице-президента АН должна была дать иностранным читателям представление о том, что деятельность советских ученых в условиях войны прежде всего направлена на борьбу с общим врагом всего прогрессивного человечества.

Линию на укрепление международного сотрудничества и антифашистских связей должно было поддержать и подписанное в конце декабря 1941 г. вице-президентом АН СССР, академиком О.Ю. Шмидтом обращение Президиума Академии к правительству СССР о необходимости создания специального комитета для учета ущерба, причиненного фашистскими оккупантами культурному наследию советского народа³⁶. Ученые предлагали, чтобы Комитет широко информировал мировую общественность о масштабах гитлеровского вандализма в области культуры, а кроме того, взял бы под свою защиту памятники культуры и искусства на территориях, освобождаемых от фашистов, до передачи их органам советской власти. АН СССР также инициировала широкую публикацию в мировой прессе «Обращения по поводу надругательства немецко-фашистских разбойников над памятниками русской культуры» с призывом теснее сплотиться вокруг лидеров Антигитлеровской коалиции — СССР, США, Великобритании³⁷.

Эти документы, по разным причинам не дошедшие до адресата³⁸, как, впрочем, и множество других инициатив академического сообщества, остались без реализации. Невостребованность предложений ученых явилась отражением общей неготовности страны к войне и в полной мере сказалась на характере использования науки и научных работников на начальном этапе военных действий. Несмотря на то что к 1941 г. АН СССР представляла собой мощную научную силу³⁹, и власти, и сама Академия весьма посредственно подготовились к предстоящему использованию научного потенциала в военных условиях. Многие научные сотрудники АН СССР, разделяя патриотический подъем советских людей, с началом войны сразу направились на призывные пункты. За годы войны около 2000 сотрудников Академии, т. е. чуть меньше половины всего научно-технического со-

³⁵ См.: Там же. Д. 237. Л. 2.

³⁶ См.: Там же. Д. 227. Л. 19.

³⁷ Там же. Д. 226. Л. 35–38.

³⁸ На копии документа, оставшейся в архивном деле «Личная переписка вице-президента О.Ю. Шмидта», стоит помета: «Не послано. А. Деборин». Известный философ от марксизма, действительный член АН СССР Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963) в это время являлся академиком-секретарем Отделения истории и философии АН СССР.

³⁹ АН СССР объединяла 47 исследовательских институтов, 76 самостоятельных лабораторий, станций, советов, обществ, обсерваторий и т. д.; 123 действительных члена, 182 члена-корреспондента и 4700 научных и научно-технических сотрудников, в том числе 1673 докторов и кандидатов наук, что составляло 11% от научных учреждений СССР, 10% от НИИ, 5% научных кадров страны.

става, оказались на фронте, где погиб целый ряд известных ученых⁴⁰. Академические учреждения Москвы и Ленинграда не имели четких эвакуационных планов, и их отправка на восток привела к рассредоточению институтов по 45 пунктам страны, причем нередко руководители института оказывались в одном городе, а его сотрудники — совсем в другом. Таким образом, вместо концентрации различных видов научных ресурсов, предлагавшейся учеными, произошло их распыление и даже физическое уничтожение⁴¹.

Между тем с началом войны роль советской академической элиты как одного из важнейших инструментов и проводников сталинской внешнеполитической пропаганды была подтверждена сначала созданием Антифашистского комитета советских ученых в рамках Совинформбюро, а затем выдвижением ряда академиков в состав Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников (ЧГК). Под грифом и от лица ЧГК на русском и английском языках в 1943–1945 гг. публиковались «Сообщения» о фашистских военных преступлениях на территории СССР и Польши, ставшие впоследствии основой советской части обвинения на Нюрнбергском

---

⁴⁰ См.: *Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К.* Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 383.

⁴¹ См., напр., драматическую историю эвакуации Московского университета в Туркмению: *Галкин И.С.* Записки ректора Московского университета. М., 2004, а также: «Сидим голодные и без новостей»: Академия наук СССР в эвакуации. 1941–1943 гг. / Публ. Н. Сидорова // *Источник: Документы русской истории.* 1999. № 2. С. 59–69; *Кольцов А.В.* «Пережитого за истекший месяц я не забуду»: Записка академика С.А. Жебелева о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда [вступ. ст. к публ.]: *Жебелев С.А.* Моя «эвакуация» / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В. Кольцова // *Деятели русской науки XIX–XX веков.* СПб., 2000. Вып. 2. С. 349–370; *Сорокина М.Ю.* О записке Е.Л. Кринова [вступ. ст. к публ.]: *Кринов Е.Л.* Октябрь 1941-го в Москве // *Природа.* 2005. № 5. С. 10–15 и др. Неэффективность использования научного потенциала в условиях военного времени жестко критиковалась в начале марта 1943 г. в докладной записке «О централизации руководства научно-исследовательской работой в стране», подписанной начальником Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в скором будущем (1946) академиком АН СССР Г.Ф. Александровым и направленной секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову, а также секретарям ЦК А.А. Жданову, А.А. Андрееву, Г.К. Маленкову и В.М. Молотову (см.: *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 125. Д. 203. Л. 45–49). Александров негативно оценивал результаты деятельности научных коллективов за прошедшие годы войны. По его мнению, «научный аппарат» страны на ¼ работал вхолостую, советская научно-техническая мысль серьезно отставала в разработке новых видов вооружений, а реализация законченных работ научно-исследовательских институтов проходила крайне медленно. Панацеей главный пропагандист считал централизацию управления и предлагал создать Научно-технический комитет при СНК СССР. Конечно, записка Александра была прежде всего инструментом в борьбе различных группировок советской партийно-государственной элиты за властный контроль над сферой своей деятельности и в этом качестве сгущала краски. В то же время она показывает, что и в высшей партийной среде существовала реалистичная оценка существовавшего положения. Любопытно, что в это же время сами академические ученые — группа влиятельных академиков и членов-корреспондентов АН СССР во главе с Н.Г. Бруевичем (А.И. Абрикосов, А.Н. Фрумкин и др.) — также предлагали реорганизовать систему государственного управления научной деятельностью и предлагали весьма похожий проект создания Комитета ученых при Всесоюзном комитете по делам высшей школы (ВКВШ) (см.: *РГАСПИ.* Ф. 17. Оп. 125. Д. 203. Л. 8–9 об.). Записка академиков была поддержана уполномоченным ГКО и председателем ВКВШ С.М. Кафтановым. Встретив сопротивление влиятельных научных администраторов, проект Александра остался без последствий. Непубличные дебаты закончились победой научной элиты, однако и ее предложения в свою очередь были отвергнуты верховной властью.

процессе (1945–1946)⁴². Из десяти титульных членов ЧГК шесть были действительными членами Академии наук СССР.

Сами члены Комиссии прекрасно понимали, что ее «академический» состав неслучаен. Историк академик Е.В. Тарле точно сформулировал смысл социального заказа: «От комиссии требуется не только собирать, критически анализировать и систематизировать материалы, но и научно-историческое осмысление этих материалов»⁴³. В конце сентября 1943 г. академики — члены ЧГК выступили с докладами о своей работе по расследованию фашистских преступлений и на первом после начала войны Общем собрании АН СССР, проходившем в Москве и получившем широкое освещение в советских и зарубежных средствах массовой информации. Доклады имели максимальную академическую аудиторию — они состоялись в последний день Общего собрания, когда в зале уже сидели не только вернувшиеся из эвакуации коллеги, но и вновь избранные тридцать шесть академиков и пятьдесят восемь членов-корреспондентов, многие из которых были тесно связаны с набиравшим силу советским «Атомным проектом» и существенно влияли на положение Академии и научных работников во властном сообществе.

С другой стороны, выступление каждого из академиков — членов ЧГК имело смысловую доминанту, адресованную не только коллегам по научному цеху, но обращенную прежде всего «urbi et orbi». Так, академик Б.Е. Веденеев (1884/85–1946), возглавлявший отдел ЧГК по учету ущерба промышленности, транспорту, связи и коммунальному хозяйству, заявил, что материальный ущерб, нанесенный фашистской агрессией СССР, будет насчитывать сотни миллиардов рублей и что «германскому народу придется много и усиленно работать для компенсации материального ущерба»⁴⁴. Медик Н.Н. Бурденко (1876–1946), в недалеком будущем председатель специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров, именно на Общем собрании АН СССР впервые публично объявил о существовании особого «немецкого метода расстрела советских граждан», на основании которого в дальнейшем будет вынесен фальсифицированный вердикт о Катынских расстрелах⁴⁵. Историк Е.В. Тарле (1874–1955) выступил с резким осуждением позиции немецких эмигрантов в Англии, США и др. странах, недостаточно, по

---

⁴² О ЧГК см.: Епифанов А.Е. Ответственность гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. Волгоград, 1997; Безыменский Л. Информация по-советски // Знамя. 1998. № 5. С. 191–199; Сорокина М.Ю. Где свои, а где чужие?: К истории расследования нацистских преступлений в СССР // Природа. 2005. №. 10. С. 57–64; Она же. Операция «Умелые руки», или Что увидел академик Бурденко в Орле // In Memoriam: Сборник памяти Владимира Аллоя. СПб.; Париж, 2005. С. 361–389; Sorokina M. People and Procedure: Toward the History of the Soviet Investigations of the Nazi War Crimes // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2005. Vol. 6. № 4. P. 797–831; Eadem. Between Power and Professionals: Soviet Doctors Examine Katyn' // Soviet Medicine: Culture, Practice, and Science / Eds. F.L. Bernstein, Ch. Burton, D. Healey. Chicago, 2010. P. 155–173.

⁴³ АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 39. Л. 184.

⁴⁴ Там же. Л. 292–293.

⁴⁵ Там же. Л. 213–214.

его мнению, критиковавших «соотечественников»⁴⁶. Директор Института права АН СССР академик И.П. Трайнин (1886/87–1949), говоривший об «исторических корнях гитлеровских злодеяний и ответственности гитлеровцев за преступления», сделал особый акцент на преступной деятельности немецких «профессоров в офицерском мундире» («Professoren in Ofizerrock»)»⁴⁷. Он остановился также на положении советских военнопленных, в том числе на судьбе исследователя Тунгусского метеорита астрофизика Леонида Кулика (1883–1942), погибшего в тифозном лазарете Спасо-Деменского лагеря военнопленных⁴⁸. Однако о том, что происходило с коллегами-учеными на оккупированных территориях, И.П. Трайнин не сказал ни слова.

Этой проблематике как теме «гибели интеллигенции» было посвящено выступление писателя-академика А.Н. Толстого (1882/83–1945), рассказавшего о недавней поездке в Харьков, где, по его словам, зимой 1941–1942 гг. погибло около 100 тыс. советских граждан, преимущественно интеллигенция⁴⁹. Именно поэтому сюда была направлена специальная комиссия Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) с участием А.Н. Толстого, который 5 сентября встретился с представителями интеллигенции Харькова в местном горкоме КП(б)У⁵⁰. «Вы жили совершенно в таком мире, о котором мир остальной ничего не знает, — сказал писатель и продолжил: — Мне просто хотелось бы узнать от Вас правду о том, что было, что Вы пережили, Вы именно как украинская интеллигенция»⁵¹.

ПО ДРУГУЮ ЛИНИЮ ФРОНТА

Наряду с «мобилизацией» всех социальных слоев и профессиональных групп советского общества военный кризис открыл и возможности для публичной демонстрации многообразных отношений этого общества к сталинскому политическому режиму — от общественного протеста, военно-политической оппозиции, мировоззренческого оппонирования и создания потаенных текстов до противостояния и сопротивления ему, эмиграции и различных форм «сотрудничества» с оккупантами.

⁴⁶ См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 39. Л. 189.

⁴⁷ Там же. Л. 147–148. Интересно, что накануне Общего собрания, 17 сентября, директор Архива АН СССР Г.А. Князев направил И.П. Трайнину справку об обстоятельствах исключения «неприятельских подданных» из состава Академии в годы Первой мировой войны (АРАН. Ф. 586. Оп. 4. Д. 8. Л. 1), что дает основания предполагать планирование акции по исключению германских ученых из состава АН СССР. Интересно, что в годы войны это так и не было сделано, зато после ее окончания, 10 января 1949 г., из состава Академии наук решением Общего собрания были исключены почетный член АН СССР, президент Лондонского королевского общества физиолог Г. Дейл и иностранные члены-корреспонденты — американский генетик, лауреат Нобелевской премии Г. Меллер и норвежский филолог О. Брок, протестовавшие против гонений на генетику в СССР и еще осенью 1948 г. сами обратившиеся в АН СССР с письмами о выходе из нее.

⁴⁸ См.: АРАН. Ф. 2. Оп. 4. Д. 39. Л. 149–150.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 195–196.

⁵⁰ См.: Стенограмма: РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 21.

⁵¹ Там же. Л. 1.

Поставленная в военные годы в условия жесточайшего выбора между сталинизмом и гитлеризмом, часть советской научной интеллигенции, по разным причинам оказавшаяся на оккупированных территориях, отчетливо проявила себя носителем вируса сопротивления сталинскому режиму, публично (и это стоит подчеркнуть) выступив против него в различных формах гражданской и профессиональной активности. Так, взяв на себя привычную еще с XIX в. «земскую» роль выразителя интересов всего населения, научные специалисты участвовали в местных органах самоуправления на оккупированных территориях; некоторые из них выступали в качестве экспертов в расследованиях репрессивных практик НКВД; значительная группа сотрудников академических и вузовских учреждений просто продолжала научные исследования и преподавание в период оккупации, иные — добровольно уезжали на работу в Германию, проложив дорогу как в немецкие научные учреждения, так и в исследовательские структуры союзников после окончания войны. Точное число таких специалистов неизвестно, но ясно, что оно достаточно велико — речь идет, по-видимому, о тысячах ученых.

Наиболее дальновидные советские партработники постоянно отмечали в своих донесениях в вышестоящие партийные органы, что советская пропаганда явно «не дорабатывает» по отношению к интеллигенции и тем самым «отталкивает интеллигенцию в болото обывательщины или, еще вернее, в лапы немецких оккупантов»⁵². Такой вывод сделал в своем обзоре «О положении советской интеллигенции в оккупированных районах преимущественно Ленинградской области» начальник отдела политуправления Северо-Западного фронта по работе среди партизан и населения оккупированных районов (10-й отдел), старший батальонный комиссар Беспрозванный, направивший этот документ Г.Ф. Александрову в начале мая 1942 г. Комиссар отметил, что вопрос о работе с беспартийной интеллигенцией, оставшейся в тылу врага, встречает мало сочувствия и практической поддержки среди партработников. Большинство из них, по его мнению, рассуждали близоруко: интеллигенция не дети, если до сих пор не разобрались, с кем идти, то и бог с ними. Беспрозванный, немало времени проведенный в тылу немцев, предлагал больше и предметнее заниматься с беспартийной интеллигенцией, находившейся в оккупации. Но его предложения остались гласом вопиющего в пустыне.

В отличие от советской немецкая пропаганда приносила весомые плоды на оккупированных территориях СССР: здесь создавалась многочисленная полиция из местного населения, формировались военные части из советских граждан, особенно из молодежи, работали некоторые промышленные, сельскохозяйственные, научные и культурные учреждения. Однако своим успехом эта пропаганда была обязана прежде всего тому, что советские граждане отлично помнили предвоенные «кампании», «чистки», аресты, расстрелы, лагеря, голод и т. п. и были готовы принять едва ли не любую власть, которая защитила бы

---

⁵² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 92. Л. 47–49.

их от психологического и физического террора сталинизма. Научное сообщество не было исключением в этом отношении. В совокупности с членами семей процессы деструктивной сталинизации российского общества затронули (и нарушили) жизнь и профессиональную деятельность многих тысяч научных специалистов, вызвав тем самым накопление огромного потенциала глухого недовольства внутри режима, немедленно обнаружившегося при соответствующих условиях.

Неудивительно, что приехавший в августе 1943 г. в Орел для расследования фашистских преступлений член ЧГК академик Н.Н. Бурденко был потрясен не столько разрушениями в городе, сколько реакцией соотечественников, побывавших в плену и в оккупации, на появление высокого советского чиновника. «Картины, которые пришлось видеть, — писал он председателю ЧГК Н.М. Швернику, — не только поражали воображение, но они совершенно парализовали мысль и ввергали в оцепенение. Раненые в первый раз видели меня — русского врача и видели сопровождающих меня врачей и могли судить обо мне как начальнике, но я ни на одном лице не видел чувства, не говорю о радости, удовольствия. На приветствие “Здравствуйте, товарищи” — было угрюмое молчание и на лицах — утомление, равнодушие. Эта ошеломляющая картина заставила меня задуматься — в чем тут дело? Очевидно, эмоция страха и отчаяния пережитых месяцев поставила знак равенства между жизнью и смертью, между волей к свободной жизни и рабством. Я наблюдал три дня людей, перевязывал их, эвакуировал — психологический ступор не менялся. Нечто подобное в первые дни лежало и на лицах врачей и прочих групп орловской интеллигенции»⁵³.

Невдомек было академику, что довоенный Орел сочетал в себе место ссылки московских и ленинградских ученых, тюремного заключения подлинных и мнимых участников сталинской партийной «оппозиции» и крупного религиозно-сектантского центра⁵⁴. Всю вторую половину 1930-х гг. Орловщину сотрясали массовые политические репрессии; только в 1937–1938 гг. на территории области были арестованы и осуждены более 17 тыс. человек. Здесь в Орловском центре сидела большая группа осужденных по «контрреволюционной» 58-й статье коминтерновцев и военных, большинство из которых было расстреляно НКВД при приближении немцев 11 сентября 1941 г. в Медведевском лесу. Память об этих событиях была свежа у жителей, передавалась изустно, в том числе среди советских военнопленных, и появление очередного «сталинского сокола» предсказуемо вызывало реакцию испуга и отторжения.

⁵³ Цит. по: *Сорокина М.Ю.* Операция «Умелые руки», или Что увидел академик Бурденко в Орле. С. 377.

⁵⁴ Так, в частности, город издавна был одним из центров «имяславия» — религиозного движения, утверждавшего мистическое присутствие Бога в самом имени Божиим, учения, в то время отвергнутого Православной церковью (и называвшегося оппонентами «имябожеской ересью»). Здесь во второй половине 1930-х гг. находились в ссылке известные ленинградские востоковеды: иранист-филолог К.Д. Ильина и ее супруг, исследователь и переводчик арабской и персидской поэзии В.А. Эберман, китаевед М.П. Лаврова и др.

Репрессированные в советское время научные специалисты стали одной из, хотя и весьма непрочных, опор оккупационной немецкой власти на местах, особенно в областных и республиканских центрах. Так, наряду с Орлом, Новгород был также одним из тех городов, где концентрировалась научная и художественная интеллигенция, осужденная по 58-й статье и после освобождения не имевшая права вернуться в родной город. Неудивительно, что в первый состав его городского управления в начале оккупации вошли пережившие аресты в 1930-е гг. археолог и историк Владимир Сергеевич Пономарев (1907–1978)⁵⁵, филолог Борис Андреевич Филистинский (1905–1991)⁵⁶, геофизик и писатель Александр Николаевич Егунов (1905–1980)⁵⁷. В Киеве председателем городской управы с 21 сентября 1941 г. стал первый доктор исторических наук на Украине, сотрудник Всеукраинской академии наук Александр Петрович Оглоблин (1899–1992)⁵⁸, арестованный и затем освобожденный в конце 1930 г. Другой представитель «киевского научного коллаборационизма», заведующий отделом народного образования в город-

⁵⁵ Арестованный в 1932 г. по «Новгородскому музейному делу», после отбытия пятилетнего срока заключения в Коми Пономарев с 1937 г. служил в Новгородском государственном музее-заповеднике. Возглавлял Новгородскую городскую управу два месяца, а затем вернулся к своей профессиональной деятельности хранителя фондов музея-заповедника. Сегодня признано, что благодаря усилиям Пономарева сохранилась и была в конечном итоге возвращена в Великий Новгород наиболее ценная часть музейных коллекций, сначала вывезенная гитлеровцами, а в конце Второй мировой войны попавшая к союзникам. Однако сам В.С. Пономарев уже никогда не вернулся в СССР и преподавал в Марбургском университете в Германии.

⁵⁶ Арестован в 1927 г. за участие в религиозно-философском кружке С. Аскольдова во время учебы в Ленинградском восточном институте. В 1936 г. повторно арестован, осужден на пять лет, которые провел в лагерях Коми и по освобождении поселился в 1941 г. в Новгороде. По утверждению Б.Н. Ковалева, в отличие от В.С. Пономарева, активно сотрудничал с оккупантами (см.: *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. С. 340–344). В конце 1944 г. переехал сначала в Латвию, затем в Германию. В послевоенные годы переехал в США и под именем Борис Филиппов стал известным литературоведом; его научное наследие насчитывает более 30 книг.

⁵⁷ Писал под псевдонимом Александр Котлин. Арестован в 1936 г., пятилетний срок отбывал в Ухтижемлаге, в 1941 г. вернулся в Новгород. В конце войны оказался в английской оккупационной зоне, откуда был депортирован в СССР, получил новый срок, который отбывал в Сибири. После освобождения в 1956 г. вернулся в Ухту, где около 10 лет работал в сейсморазведочных партиях. С 1956 г. жил в Ленинграде.

⁵⁸ О нем см.: *Верба І.В.* Олександр Оглоблин: Життя та праця в Україні. Київ, 1999. Считается основателем так называемой новой революционной школы в истории, которая противопоставлялась школе академика М.С. Грушевского. В конце 1930 г. арестован, но вскоре освобожден. Позднее преподавал в Киевском и Одесском университетах. По оценке современных украинских историков, в политику оккупационных властей не вмешивался, занимаясь прежде всего хозяйственной деятельностью (восстановление движения трамвая, подача электричества) и максимально поощряя деятельность украинских национальных организаций, издание литературы на украинском языке. Именно за излишний, по их мнению, «украинский национализм» Оглоблин всего через месяц после назначения, 25 октября 1941 г., был уволен с должности бургомистра, но оставался профессором Киевского университета, а с 1942 г. работал директором Музея-архива переходного периода, собирал данные о разрушении большевиками исторических памятников в 1930-е гг. В 1943 г. бежал во Львов. С 1944 г. жил в Праге, преподавал в Украинском свободном университете. В 1945 г. уехал с университетом в Мюнхен; в 1951 г. переехал в США. В 1968–1970 гг. приглашенный профессор истории в Гарвардском университете. Издал в США ряд монографий по украинской истории.

ской управе при А.П. Оглоблине Константин Феодосьевич Штеппа (1896–1958) был известным историком-византинистом, репрессированным в 1938 г.⁵⁹

Но даже те из специалистов, которые лично не испытали ужасов репрессивной политики, несомненно, имели свой счет к сталинскому режиму. Начальник городского управления Смоленска адвокат Борис Григорьевич Меньшагин (1902–1984)⁶⁰ еще в довоенные годы защищал крестьян в период коллективизации, «врагов народа» — в период массовых арестов и добился пересмотра ряда смертных приговоров, дойдя до самого прокурора СССР А.Я. Вышинского. Вряд ли можно сомневаться в том, что и в соратники по городской администрации Меньшагин подбирали людей, разделявших его взгляды: его помощником стал профессор астрономии и геодезии Смоленского университета Борис Васильевич Базилевский (1885–1955)⁶¹; физик, профессор В.Е. Ефимов возглавил отдел просвещения, доцент К.Е. Ефимов — отдел городского врача, а профессор В.А. Меланьев — жилищный отдел.

Даже из этого краткого перечня видно, что на первом этапе войны колониальная политика немецких оккупационных властей, как и в Европе, направленная на создание опоры среди местного населения и поэтому официально нацеленная на использование местных ученых и преподавателей по специальности или на административных должностях, нередко находила отклик и понимание в научной среде.

Городские управы на оккупированных территориях повсеместно возглавлялись представителями советской научной интеллигенции: бургомистром Нальчика стал профессор Леонид Дайнеко, преподаватель Нальчикского педагогического института, Минска — историк Витовт Тумаш и др.

Немцы тонко учитывали психологическую предрасположенность интеллигенции к реализации себя и своего гражданского и научного потенциала и повсеместно в начале оккупации предлагали образованным местным кадрам участвовать в организации городского управления. Уже через неделю после захвата Харькова, 30 октября 1941 г., оккупационные власти собрали около сорока чело-

---

⁵⁹ Зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Киевского университета, позднее — декан исторического факультета здесь же, председатель Комиссии по истории Византии АН УССР (1931), депутат Киевского горсовета. В феврале 1938 г. арестован НКВД и без предъявления обвинения содержался в тюрьме до 1939 г. (см.: *Верба І.В.* Кость Штеппа // *Український історичний журнал*. 1999. Вып. 3; XX век — История одной семьи / Под ред. А.В. Попова. М., 2003). Во время оккупации назначен ректором Киевского университета, возглавлял газету «Новое украинское слово»; в дальнейшем покинул СССР и жил в Берлине. В 1944 г. его семья получила немецкое гражданство, а сам он редактировал журнал для оstarбайтеров и власовцев «На досуге». В 1950 г. один из учредителей и сотрудник Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР. С 1952 г. жил в США, где написал ряд исторических исследований.

⁶⁰ В конце войны оказался в Чехословакии, где сдался советским войскам, ошибочно считая, что его семья оказалась в руках спецслужб СССР. Приговорен к 25 годам лишения свободы, которые отбывал во Владимирской тюрьме (вместе с бывшим депутатом Государственной думы В.В. Шульгиным). В 1970 г. освобожден, остаток дней провел в доме для престарелых.

⁶¹ Выступил на Нюрнбергском процессе свидетелем с советской стороны по Катюни, обвинив немцев в расстреле польских военнопленных. В дальнейшем преподавал в Новосибирске, автор научных работ.

век из числа городской интеллигенции, преимущественно тех, кто был связан с Технологическим институтом, и предложили им выдвинуть кандидатов на должности бургомистра и членов управы. В результате первым бургомистром стал профессор Харьковского технологического института Александр Иванович Крамаренко (1882–1943), проработавший на этом посту до апреля 1942 г.⁶² Его преемником был назначен адвокат Александр Платонович Семененко (1898–1978)⁶³, а в последний период оккупации (15 марта — 30 апреля 1943) эту должность занимал профессор физической химии Павел Павлович Козакевич (1898 — после 1974), в 1930-е гг. руководивший физико-химической лабораторией Научно-исследовательского института химии при Харьковском университете⁶⁴.

Никто из этих научных специалистов не был идейным сторонником нацизма. Их участие в оккупационных администрациях было мотивировано совсем другими факторами, прежде всего — негативным отношением к большевистской практике социалистического строительства и желанием построить новый, более справедливый порядок. Кроме того, действовал инерционный механизм «исторической памяти» — научное сообщество имело самые тесные связи с Германией из всех профессиональных сообществ; многие научные специалисты учились и стажировались в университетах Германии, постоянно сотрудничали с немецкими коллегами, даже в предвоенные годы, сохраняя глубокое уважение к достижениям немецкой научной мысли. Более того, многие помнили, что в годы Гражданской войны, а прошло всего двадцать лет после ее окончания, в череде сменявших друг друга «красных», «белых», «зеленых» властей, одинаково беспощадно грабивших и унижавших местное население, немецкие войска выделялись дисциплиной и не были так «грубы, черствы, жестоки», как иные местные властители⁶⁵. В то же время харьковские профессора на встрече с А.Н. Толстым в сентябре 1943 г. рассказывали о всеобщем испуге горожан при занятии Харькова Красной армией в феврале того же года, когда в город вошли не доблестные части-освободители, а полупартизанский отряд — «красноармейцы на коровах и лошадях»⁶⁶.

Наконец, в деятельности многих ученых, принимавших участие в городском управлении на оккупированных территориях Украины, была отчетливо выражена мотивация к созданию нового строя жизни на основе идеи национального возрождения и формирования самостоятельного украинского государства. Профессор Харьковского механико-машиностроительного института Александр Васильевич Терещенко (1883–1946), исполнявший некоторое время при немцах обязанности директора Харьковского технологического института, рассказы-

⁶² В январе 1943 г. арестован и казнен гитлеровцами. См.: *Скоробогатов А.В.* Харків у часи німецької окупації (1941–1943). Харків, 2004.

⁶³ После войны жил в Бразилии и США, работал юристом. См. его воспоминания: *Kharkiv, Kharkiv. [München]*, 1976.

⁶⁴ После войны жил во Франции. В журнале «*Revue Métallurgie*» и др. опубликовано около четырех десятков его научных работ по исследованию поверхностных и объемных свойств расплавов металлов и оксидов металлов.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 21. Л. 22–23.

⁶⁶ См.: Там же. Л. 14, 30.

вал А.Н. Толстому, что «украинцы надеялись, что немцы создадут украинскую державу вплоть до границ Кавказа»⁶⁷. Эти надежды оказались иллюзорными и через некоторое время рассеялись. Однако вопреки утверждениям советской пропаганды о том, что все высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, музеи и библиотеки в Харькове были закрыты оккупантами, а многие известные специалисты (академик архитектуры А.Н. Бекетов, профессора А.С. Федоров, С.М. Стахорский и др.) расстреляны в 1941 г., культурная и научная жизнь города на начальном этапе оккупации была довольно интенсивной, а активность интеллигенции — высокой. Известный психиатр Е.С. Катков свидетельствовал, что в Харькове немцы приглашали научных специалистов на высокие посты в различные сферы городского управления, особенно химиков⁶⁸. Уже упомянутый А.В. Терещенко подтверждал, что немцы не хотели портить отношений с интеллигенцией. Так, например, на двери квартиры действительного члена Всеукраинской академии наук, заведующего кафедрой технологии пирогенных процессов Харьковского технологического института Мефодия Ивановича Кузнецова (1879–1950), в дальнейшем уехавшего в Германию, была повешена табличка-приказ, запрещающая даже немцам входить в этот дом. Немецкие оккупационные власти оказывали помощь в наведении порядка в исследовательских лабораториях и даже занимались «заигрыванием» с городской интеллигенцией, повысив зарплаты работников Центральной библиотеки им. В.Г. Короленко в три раза⁶⁹.

Несомненно, возможность сохранения и поддержания драгоценных для специалистов научных ресурсов, а также открытие новых привлекали ученых к взаимодействию с немецкими властями, также заинтересованными в абсорбции лояльных местных научных кадров и ресурсов. В оккупированном Киеве немецкая администрация организовала и открыла Музей древней истории, базой которого стали археологические коллекции Исторического музея, практически целиком оставшиеся в городе. Директором музея был назначен известный немецкий археолог-медиевист Пауль Гримм (Grimm; 1907–1993), в то время военный служащий, сразу принявший на работу местных археологов разных поколений. В организованном немцами Институте сельскохозяйственной ботаники в том же Киеве работали специалисты из Житомира, Харькова, Винницы, Аскании-Нова и др. Среди них, в частности, были член-корреспондент АН УССР Евгений Иванович Бордзиловский (1885–1948), профессора А.М. Бурачинский, Ю.Д. Клеопов и др. Институт возглавлялся дуумвиратом: немецким директором стал профессор геоботаники Генрих Вальтер (1898–1989)⁷⁰, украинским — Юрий Дмитриевич Клеопов (1902–1943)⁷¹.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 21. Л. 24.

⁶⁸ См.: Там же. Л. 9.

⁶⁹ См.: Там же. Л. 24–29.

⁷⁰ Родился в Одессе. Во время оккупации Крыма директор Никитского ботанического сада. По материалам, собранным в Крыму, издал в 1943 г. книгу «Крым. Климат, растительность и сельскохозяйственное освоение». Профессор Высшей школы мировой торговли в Вене (Австрия) после войны.

⁷¹ См.: Ю.Д. Клеопов (1902–1943): до 100-річчя від дня народження. Київ, 2002.

В Ставрополе директором краеведческого музея при немцах был назначен известный палеонтолог, доцент Ставропольского педагогического института Борис Федорович Каспиев (1886–1964)⁷².

Не менее интенсивное сотрудничество оккупационных властей и местной научной интеллигенции наблюдалось в ряде центров высшего образования. Так, в Одессе при румынских оккупационных властях почти сразу была восстановлена деятельность университета, ректором которого стал известный хирург, профессор Павел Георгиевич Часовников (1878–1954)⁷³. Напомним, что в годы Гражданской войны университеты юга России (в Одессе, Киеве, Харькове, Симферополе) были в центре Белого движения и дали наибольший процент ученых-беженцев, эвакуированных с белыми войсками из России. После победы большевиков эти университеты были закрыты, превратившись в «институты народного образования» и т. п., а вновь открыты в своем прежнем статусе только в 1933 г. Но, как и в прежние десятилетия, на свобододлюбивый юг постоянно стекались многие недовольные новой властью и / или опальные «на севере» профессора, преподаватели и научные работники, образуя самодостаточное и относительно независимое интеллектуальное пространство. Характерна в этом отношении судьба астронома Константина Дормидонтовича Покровского (1868–1945). Профессор по кафедре астрономии и директор обсерватории Юрьевского университета, Покровский после эвакуации части университета в 1916 г. в Пермь некоторое время возглавлял местный университет, а затем, при наступлении большевистских войск, вместе с группой преподавателей и студентов уходил все дальше на восток и в 1919 г. оказался в Томске. После возвращения в Петроград Покровский служил в главной российской обсерватории в Пулковке, в том числе заместителем директора, и в 1927 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР⁷⁴. С восстановлением университета в Одессе он предпочел оставить Пулковку и с сентября 1934 г. возглавил Одесскую астрономическую обсерваторию. Внешне советский администратор от науки — депутат горсовета и председатель месткома университета, Покровский, однако, был известен в городе и тем, что брал на работу репрессированных. Когда с началом войны в 1941 г. Одесский университет начали постепенно эвакуировать, многие ученые старшего поколения, с дореволюционным стажем и опытом преподавания, в том числе К.Д. Покровский, известные профессора — антиковед Борис Васильевич Варнеке (1874–1944), литературовед Владимир Федорович Лазурский (1869–1947) и др. — остались в городе. После оккупации Одессы румынскими войсками в октябре 1941 г. они договорились с заместителем городского головы Г. Пынтя-Видрашку о возобновлении работы высших учебных заведений города, где на протяжении всего периода оккупации занималось около 2 тыс. студентов.

⁷² См.: Беликов Г. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь, 1998. С. 133. В дальнейшем Б.Ф. Каспиев жил и работал в Австралии.

⁷³ См.: Смирнов В.А. Осужденный ректор университета: По материалам УСБУ о хирурге П.Г. Часовникове // Вестник региона (Одесса). 1999. 31 дек. № 51 (270). С. 6.

⁷⁴ См.: Смирнов В.А., Чуприна Р.И. Последние дни профессора К.Д. Покровского // Природа. 1994. № 11. С. 126–128; Смирнов В.А. Астрономия в Одессе в предвоенные и военные годы. Роль в ее развитии и трагическая судьба К.Д. Покровского // Астрономия на крутых поворотах XX века. Дубна, 1997. С. 238–247; Зосимович И., Савчук В. Звездные перекрестки астрономов Тарту и Украины // Тартуский университет и Украина / Под ред. В. Оноприенко, Х. Танклера. Киев, 2004. С. 29–37.

Подобных примеров коллективного делового сотрудничества местной научной интеллигенции с оккупационными властями на почве научно-культурно-образовательного взаимодействия, сохранения культурных и научных ресурсов, негативного отношения к советской власти было немало, особенно на начальном этапе войны в 1941–1942 гг. С изменением положения на фронте, усилением сопротивления в тылу войскам гитлеровской коалиции и соответствующим ему резким ужесточением репрессивных практик оккупационного режима это сотрудничество становилось все менее и менее интенсивным и добровольным. Однако весьма симптоматично, что с уходом оккупационных войск большая часть харьковской и одесской профессуры, принимавшей активное участие в поддержке научных и образовательных систем своих городов в период оккупации, не покинула родных мест, несмотря на активно распространявшиеся сведения о будущих преследованиях со стороны возвращавшихся советских властей. Значительная часть научной интеллигенции продолжала верить в свою историческую миссию носителя и хранителя культуры, научного знания и преемственности, независимых от политических режимов, и считала себя обязанной разделять жизнь своего народа.

Между тем после прихода советских войск судьба этих весьма наивных в своей вере «коллаборантов», как правило, была ужасна. Выдающийся хирург, 70-летний профессор П.Г. Часовников, организовавший большой клинический госпиталь еще в период обороны Одессы, где оперировал практически возле линии фронта и тем самым спас сотни людей, 7 марта 1947 г. был осужден на 10 лет заключения. В тюрьме Донецка, где он отбывал свой срок, его, невзирая на «предательство», постоянно заставляли оперировать крупных советских начальников. 76-летний член-корреспондент АН СССР К.Д. Покровский был арестован 10 мая 1944 г., обвинен в измене родине по ст. 58-1а Уголовного кодекса СССР («деятельное участие в созданном румынскими захватчиками профашистском органе, так называемом Антикоммунистическом институте») и вскоре скончался в тюрьме № 1 Управления НКВД по Киевской области. Одновременно с ним был арестован 70-летний профессор Б.В. Варнеке. Обвиненный по той же статье, профессор после этапирования в Киев скончался 31 июля 1944 г., находясь в больнице при той же тюрьме. Арестованный вместе с ними и также отправленный в Киев профессор В.Ф. Лазурский был возвращен в Одессу только после вмешательства двоюродного брата его жены, президента Академии наук Украины академика А.А. Богомольца, но вскоре, в 1947 г., скончался⁷⁵.

Обвинение в измене родине в виде сотрудничества с фашистскими оккупационными властями, которое предьявлялось этим и другим научным специалистам вскоре после восстановления советской власти, базировалось преимущественно на показаниях самих специалистов, явно не осознававших своей

---

⁷⁵ См.: *Смирнов В.* Арест профессора Владимира Лазурского // *Смирнов В.* Реквием XX века: В 5 ч. Одесса, 2001. Ч. 1. С. 189–198; *Музичко О.* Одеська інтелігенція на зламі епох: професори Іван Линниченко та Володимир Лазурський в історії Одеси // *Південний Захід.* Одесика: Історико-краєзнавчий науковий альманах. 2009. Вип. 7. С. 55–85.

«вины»⁷⁶, и нередко — на показаниях подставных и / или заинтересованных «свидетелей». Объективное и детальное расследование конкретных фактов «пособничества», его мотивации и последствий фактически не проводилось, но клеймо «предателя», «изменника», «пособника», поставленное по горячим следам, или физически убивало человека в тюрьме или лагере, или уничтожало его морально, сопровождая затем всю жизнь и вызывая презрение общества. Достаточно вспомнить трагическую судьбу оболганных подлинных руководителей знаменитой краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия» или драматическую историю украинского археолога, этнографа и языковеда, до войны директора Института украинского фольклора АН УССР Виктора Платоновича Петрова (1894–1969)⁷⁷, который под видом коллаборанта выполнял спецзадание советской разведки на оккупированной гитлеровцами территории (в Харькове, Киеве и других городах) и затем в Германии, а после возвращения в СССР в 1949 г. так и оставался для окружающих, в том числе для коллег по науке, человеком с подозрительным и опасным прошлым «пособника» и «эмигранта».

КТО ВЫ, ДОКТОР МАЛИНИН?

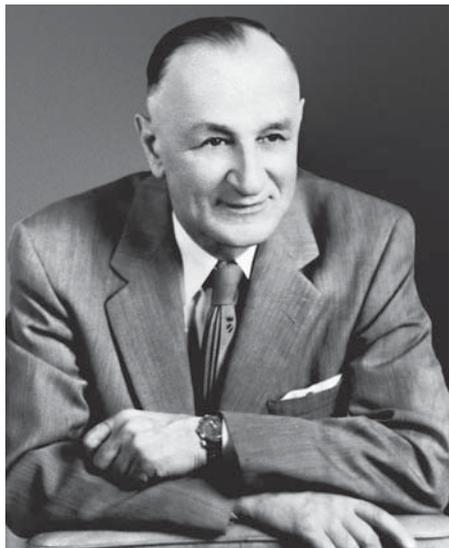
Еще более сложной оказалась судьба тех немногочисленных научных специалистов, которые в условиях войны и оккупации сделали свой гражданский выбор и выступили с публичными разоблачениями репрессивных акций НКВД и сталинского режима в довоенные годы, продемонстрировав примеры личного и профессионального «профессорского сопротивления» сталинизму. Хотя традиционно термин «сопротивление» в историографии ассоциируется с идеей скорее группового поведения, чем индивидуальной позицией, история советской научной интеллигенции дает выдающиеся примеры именно персонального профессионального противостояния господствовавшему режиму.

Имя профессора-медика Ивана Михайловича Малинина (1892–1970) впервые появилось в немецких средствах массовой информации в начале августа 1943 г. в связи с публикацией сообщений о деятельности спецкомиссии Управления криминальной полиции рейха, занимавшейся обследованием массовых захоронений в г. Винница (ныне Украина) и признавшей их могилами жертв НКВД довоенного

---

⁷⁶ См., напр., в Одессе: ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 69. Д. 343, 434.

⁷⁷ Орган ЦК ВКП(б) газета «Правда» сообщила, что он «переметнулся» на сторону врага и сотрудничал с оккупантами в г. Харькове, издавая литературно-художественный журнал «Український засів». Ситуация усугублялась еще и тем, что «предатель» приходился двоюродным братом советскому дипломату Александре Коллонтай. Лишь в 1965 г. стало известно, что В.П. Петров работал на советскую разведку и ему вручили орден Отечественной войны I степени. О нем см.: Петров (Домонтович) Віктор Платонович (1894–1969) // *Alma mater: Університет Св. Володимира напередодні та в добу Української революції 1917–1920 років*. Київ, 2000. Кн. 1. С. 115–130; Агеєва В. Поетика парадокса: Інтелектуальна проза Віктора Петрова-Домонтовича. Київ, 2007; Українська біографістика / *Biographistica Ukrainica: Збірник наукових праць*. Вип. 4. Київ, 2008. С. 306–464.

И.М. Малинин. 1960-е гг. Семейный архив Малининых (США)

периода⁷⁸. 9 августа на эти материалы откликнулась советская контрпропаганда информацией ТАСС «Протокол “профессоров” о раскопках в Виннице» и сообщением Совинформбюро «Очередная провокация фашистских людоедов»⁷⁹.

На протяжении многих лет исследователи, изучавшие историю винницких репрессий и захоронений, не могли сказать, кто этот врач с такой распространенной русской фамилией, как он оказался в Виннице и какую роль сыграл в расследовании довоенных преступлений НКВД. Даже новейший том документов «Жизнь в оккупации: Винницкая область. 1941–1944» (М., 2010), подготовленный украинскими и немецкими историками и архивистами, не содержит его имени. Возможно, неслучайно, ибо роль профессора Ивана Малинина в истории разоблачения преступлений

НКВД в Виннице была исключительной — именно он в апреле – мае 1943 г. стал одним из инициаторов раскопок, руководил ими и лично провел более двухсот первых аутопсий — без участия немцев в этом деле и без их разрешения.

Как известно, серию сообщений германского командования об обнаружении на оккупированных территориях СССР мест массовых расстрелов советских граждан, проведенных НКВД, открывала Катынь. Подобные страшные некрополи гитлеровцы регулярно обнаруживали в различных занятых регионах (Куропаты, Пятигорск и др.). Однако масштаб расстрелов в Виннице был столь велик, что на протяжении июня – октября 1943 г. в городе работали три немецких и одна международная комиссии судебно-медицинских экспертов, был снят документальный фильм и в 1944 г. в Берлине опубликованы материалы расследования⁸⁰. Особый международный резонанс винницким раскопкам придавали утверждения фашистской пропаганды об определенном этническом характере расстрелов,

⁷⁸ Подробнее см.: *Абаринов В.* Катынский лабиринт. М., 1991. С. 202, а также две важнейшие монографии по теме: *Weiner A.* Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. Princeton (N.J.), 2001; *Berkhoff K.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 2008. Лишь 20 мая 1970 г. нью-йоркская эмигрантская газета «Новое русское слово» опубликовала заметку о его кончине (14 мая). Первые сведения об И.М. Малинине см.: *Sorokina M.* Within Two Tyrannies: The Soviet Academic Refugees of the Second World War // In Defence of Learning: The Plight, Persecution, and Placement of Academic Refugees, 1933–1980s. / Ed. by Sh. Marks, P. Weindling, L. Wintour. L., 2011. P. 225–237. Его краткую биографию по-русски см. на сайте «Некрополь российского научного зарубежья» (http://www.russiangrave.ru/?id=21&prs_id=128 (дата обращения 4 февраля 2013 г.)).

⁷⁹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 170. Л. 88–89, 90–93, 102.

⁸⁰ Amtliches Material zum Massenmord von Winniza. Berlin, 1944.

о том, что это захоронения «украинского населения», уничтоженного «советскими комиссарами» в предвоенные годы⁸¹. Этот тезис в дальнейшем в течение десятилетий холодной войны активно поддерживался украинской националистической эмиграцией и не снят с повестки дня украинской историографии и сейчас.

Однако еще в ходе первых раскопок было установлено, что винницкие захоронения содержат останки представителей всех этносов, живших в Виннице, — украинцев, евреев, поляков и русских. Более того, циркулировавшие в городе слухи о тайных захоронениях решился проверить только русский глава городской управы, профессор Винницкого медицинского института Александр Александрович Савостьянов (1871–1947(?))⁸², инициировавший создание специальной городской комиссии⁸³ и при поддержке которого И.М. Малинин начал раскопки и экспертизу. «В данном случае, — писал Малинин в одном из писем, — <...> я руководился и руководюсь исключительно интересами выполнения своих гражданских обязанностей перед своей родиной и перед населением, с которым вместе два раза в своей жизни испытал жесточайшую мстительность ЧК и НКВД»⁸⁴. Публикуемый в приложении текст его статьи-воспоминания, написанной около 1950 г., рассказывает о винницких раскопках мая 1943 г. — одной из первых (если не первой!) профессиональных судебно-медицинских экспертиз сталинского терора, осуществленной русским врачом в условиях гитлеровской оккупации.

И.М. Малинин принадлежал к тому поколению россиян, которые испытали и пережили все превратности распада и краха Российской империи и утверждения новой советской власти, но не покинули страну. Основные вехи его биографии весьма типичны для людей его образовательного и профессионального круга и в то же время очень индивидуальны. Они выпукло представляют ту траекторию социального и профессионального опыта, тех культурных и общественных смыс-

---

⁸¹ О сложной истории атрибуции винницких захоронений и — шире — об использовании фактов сталинских и нацистских военных преступлений в культуре памяти постсоветского времени см.: *Paperno I. Exhuming the Bodies of Soviet Terror // Representations* (Univ. Calif. Press.). Vol. 75. № 1. Summer. 2001. P. 89–118 (здесь приводится литература вопроса). См. также: *The Tragedy of Vinnytsia: Materials on Stalin's Policy of Extermination in Ukraine (1936–1938) / Ed. by I. Kamenetsky*. Toronto; N. Y., 1989.

⁸² В литературе написание и его фамилии, и инициалов приводится в двух вариантах: Савостьянов — Севастьянов и Александрович — Андреевич. Полагаем, что речь идет об одном лице — Александре Александровиче Савостьянове (1871–1947), гайсинском уездном предводителе дворянства Подольской губ. на 1913 г., в 1917 г. — председателе земской управы Гайсина. В 1928 г. преподаватель Винницкого сельскохозяйственного техникума, затем профессор Винницкого медицинского института. По-видимому, доверие немцев к нему было вызвано и тем, что его жена Алла Степановна (1881–1974) была из фольксдойче (ур. Гофф). После Второй мировой войны жил в Париже, похоронен на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Ср. отзыв о нем деятеля ОУН(б) в Винницкой области в 1941–1943 гг. Е. Алетияно-Попивского: «...больше всего вредил москаль, профессор из царских камергеров, бывший помещик-дворянин Севастьянов, который с приходом немцев стал бургомистром» (Жизнь в оккупации: Винницкая область. 1941–1944. М., 2010. С. 397).

⁸³ В комиссию вошли: А.А. Савостьянов, доцент Д. Дорошенко, бывший зав. кафедрой судебной медицины Винницкого медицинского института, доктор О. Клунк, начальник уголовного розыска города (?), Аполлон Трембачевский, главный редактор местной газеты, М. Сибирский, Мамонтов и два священника.

⁸⁴ Обстоятельства становятся известными из письма самого И.М. Малинина М.М. Карповичу от 27 декабря 1951 г., сохранившегося в архиве последнего в Бахметевском архиве (Колумбийский университет, США) и предоставленного нам А. Зейде, которой выражаем искреннюю признательность.

*Могила И.М. Малинина на кладбище Рок-Крик (Вашингтон, округ Колумбия, США).
Фото М.Ю. Сорокиной*

лов и приоритетов, которые привели доктора к открытому профессиональному сопротивлению сталинскому режиму.

Он родился 28 мая (ст. ст.) 1892 г. в многодетной семье потомственных военных медиков в г. Старая Русса Новгородской губ., в 1910 г. окончил 1-й кадетский корпус в Петербурге и в дальнейшем учился в ведущих российских медицинских образовательных учреждениях своего времени — Военно-медицинской академии в Петербурге⁸⁵ и на медицинском факультете Юрьевского университета. Разделяя патриотическое убеждение абсолютного большинства российских врачей, что главная цель жизни — беззаветное служение России, в годы Первой мировой войны Малинин в составе подразделений Красного Креста находился на Северо-Западном фронте. В 1921 г., на исходе Гражданской войны, когда волна антибольшевистских восстаний достигла Кронштадта, морской столицы России, он был захвачен ВЧК как заложник за начальника артиллерии Кронштадта, генерала А.Н. Козловского. По этому же делу была арестована сестра И.М. Малинина Надежда и ее муж Б.Н. Дорошевский, а затем все они заключены в петроградскую тюрьму «Кресты», приговорены к году принудительных работ и отправлены в лагерь в г. Холмогоры (Архангельская губ.), прямой предшественник Соловков, где Надежда Малинина вскоре скончалась от сыпного тифа⁸⁶.

Судьба братьев и сестер Ивана Малинина также весьма показательна для людей их поколения, профессионального и социального статусов. Примерно половина из них осталась в России / СССР и почти вся погибла: кроме Надежды, братья Михаил и Василий Малинины погибли от голода в блокаду Ленинграда в годы Второй мировой войны. Лишь известный филолог-германист и латинист Андрей Малинин (1884 — не ранее 1953) многие годы жил и преподавал в Минске⁸⁷. Другая половина семьи Малининых испытала горечь изгнания, беженства и эмиграции, но сумела адаптироваться к новой жизни и выстоять в ней. В эмиграцию ушли военный офицер, полковник Федор Малинин (жил во Франции, ум. 1985) и военный инженер Сергей Малинин (Финляндия, ум. 1952). Марианна Малинина (1891–1971) покинула СССР во время Второй мировой войны, жила в США. Другая сестра доктора — Екатерина, певица, преподавала и скончалась в Риге (Латвия).

После освобождения из Холмогорского лагеря в 1922 г. Иван Малинин уехал в Крым, где жил до 1926 г., работая в Симферополе на кафедре патологической анатомии Крымского медицинского института, которую возглавлял Г.С. Кулеша. Здесь он женился на Ольге Александровне Сеницкой (1903–1962), а затем вместе с профессором Кулешей перебрался на Кубань, в Краснодар, где последний возглавлял кафедру патологической анатомии Кубанского медицинского института.

⁸⁵ См.: Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 316. Оп. 68. Д. 2101.

⁸⁶ См.: Кронштадт 1921: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. / Сост., введ. и примеч. В.П. Наумова, А.А. Косаковского. М., 1997. С. 96, 111–112.

⁸⁷ Его сын Георгий (1910–1997) сделал блестящую советскую карьеру: генерал-лейтенант, один из создателей системы гражданской обороны РСФСР (1940), начальник местной противовоздушной обороны РСФСР (1941–1971). В течение года (1962–1963) заместитель председателя Совета министров РСФСР. Председатель Федерации тенниса РСФСР в 1959–1968 гг.

Этот институт, выросший из расформированного после Гражданской войны Кубанского университета, стал приютом для многих высококвалифицированных профессоров с дореволюционным стажем, разделявших идеалы и сотрудничавших с Белым движением: здесь работали С.В. Коршун, Д.П. Косоротов и др. Несомненно, внутренняя атмосфера института подпитывалась и антисоветскими настроениями «улицы» — раскулачиваемого кубанского казачества и преследуемого православного духовенства. Краснодар, как и Кубань в целом, продолжал оставаться латентным очагом неповиновения центральной большевистской власти. Побывавший много лет спустя, летом 1944 г., в освобожденном от немцев Краснодаре археолог Георгий Федоров отмечал, что «уютные, богатые станицы, с прекрасными приусадебными садами, с чистыми — ослепительно-белыми, зелеными и голубыми — хатами, нас встречали с нескрываемой враждебностью»⁸⁸.

После кончины Г.С. Кулеши в 1930 г. И.М. Малинин принял кафедру патологической анатомии и возглавлял ее до начала Великой Отечественной войны. В эти годы он активно занимался научной работой, изучая эпидемиологию проказы и зоба, одних из наиболее распространенных и опасных заболеваний в регионе⁸⁹. Безусловно, профессор Малинин не питал симпатий к советской власти, но и не конфликтовал с ней. В то же время участие «по должности», как судебно-медицинского эксперта, в расследовании уголовных дел, некоторые из которых были прямо связаны с местным НКВД и репрессиями, делало жизнь медика в Краснодаре исключительно сложной и непредсказуемой. Многочисленные сфабрикованные «национальные дела» — поляков, немцев, греков, эстонцев, северокавказского филиала Российской национальной партии, непонятные смерти духовенства и др. постоянно сотрясали и без того напряженный мир небольшого Краснодара. На собственном опыте доктор Малинин узнал скрытые стороны деятельности советских карательных органов и, вероятно, был носителем некоторых из их секретов. Начало Великой Отечественной войны стало тем спусковым механизмом, который трансформировал его неприятие советского режима в открытое противостояние ему.

В начале войны И.М. Малинин оставался с семьей, в которой было к тому времени уже двое сыновей, в Краснодаре. Незадолго до сдачи города немцам, 18 июля 1942 г., он был арестован НКВД по сфабрикованному обвинению в подготовке вооруженного восстания и отправлен тюремным этапом в другой город, однако случайно спасся, когда в его вагон попала бомба. После возвращения в оккупированный немцами город профессор Малинин в течение недели возглавлял отдел образования городской управы Краснодара, но, быстро убедившись в неже-

⁸⁸ Федоров Г.Б. Брусчатка: Документальные повести и рассказы. М., 1997. С. 120.

⁸⁹ См.: Малинин И.М. Опыт обследования распространения проказы в Кубанском округе. М., 1928. С. 21–54; Он же. Материалы по изучению лепры на Кубани. Ростов н/Д, 1929 (совм. с Г.С. Кулешей); Он же. Изоагглютинационные свойства крови у прокаженных. Харьков, [1930] (совм. с С.Н. Струковым); Он же. Материалы по экспериментальному изучению влияния различных компонентов табака и табачного дыма на сердечно-сосудистую систему и надпочечники // Труды Кубанского государственного медицинского института им. Красной армии. Краснодар, 1937. Вып. 6. С. 7–125 (совм. с П.И. Будариным); Он же. О двусторонней внутриглазной лейкосаркоме сосудистой оболочки // Там же. Краснодар, 1941. Вып. 13. С. 39–51.

лании немцев поддерживать обучение детей славян-«недочеловеков», отказался от должности⁹⁰.

В конце января — феврале 1943 г. в самое суровое зимнее время, семья Малининых ушла в Ростов и к весне оказалась в оккупированной Виннице, где когда-то служил врачом отец Ивана Михайловича. Одновременно с ними более 300 тыс. советских беженцев, включая стариков, женщин и детей, эвакуировались с немцами с Кубани и Северного Кавказа через Таманский полуостров и Крым на Украину. Среди тех, кто бежал тогда от наступавшей Красной армии, были и сотни представителей научной интеллигенции с оккупированных территорий — исполняющий должность директора Ленинградского финансово-экономического института профессор И.А. Кошкин, доктор медицинских наук Ф.П. Богатырчук, профессор геологии А.Ф. Лебедев, зав. кафедрой подъемных машин Киевского политехнического института профессор Е.И. Радзимовский и многие другие известные и не очень специалисты⁹¹. Все они знали, от кого и почему бегут, но никто не мог представить, какие испытания ждут их в будущем. Семья Малининых в полной мере разделила судьбу этих вынужденных беженцев, большинство из которых прошло через много лет скитаний и страданий. В Виннице они пробыли несколько месяцев, до 6 октября 1943 г., когда в связи с участием И.М. Малинина в раскопках захоронений жертв НКВД покинули город, а затем и СССР.

К ноябрю 1943 г. Малинины оказались в Праге (Чехословакия), где Иван Малинин познакомился и более полугодом сотрудничал с русскими учеными-эмигрантами первой волны, выступая на семинарах в Русской ученой академии с докладами о положении в СССР⁹². 11 апреля 1945 г. семья Малининых покинула Прагу, пешком добралась до Гёттингена и Касселя, а затем провела несколько лет в лагерях для перемещенных лиц близ Франкфурта и Штутгарта в американской зоне оккупации. В 1949 г. Малининым удалось уехать в США; некоторое время они жили в Нью-Хейвене (штат Коннектикут), где их вновь поддержали осевшие здесь русские эмигранты постреволюционной волны — А.Л. Толстая, философ Н.О. Лосский, графиня С.В. Панина, историк Г.В. Вернадский, зоолог А.И. Петрункевич и др. Незавидное, казалось бы, для специалиста с профессорским статусом место патолога в одном из госпиталей в Бэкли (штат Западная Виргиния), тем не менее, давало некоторую стабильность беженской жизни — двое сыновей И.М. Малинина получили высшее образование и сделали прекрасную профессию

⁹⁰ Здесь и далее приводятся сведения, сообщенные сыном И.М. Малинина профессором Георгием Ивановичем Малининым автору статьи.

⁹¹ См.: Александров К. Кровавая репатриация: Судьба «точивших нож на Сталина» была решена еще до капитуляции Германии // Новое время. 2006. 12 февр. № 6.

⁹² Темы докладов: «Питание и жилищные условия в советской России», «Социально-бытовые условия жизни в СССР», «Организация высшего образования в СССР и жизнь в вузах», «Винница и полицейские мероприятия советской власти» (см.: АРАН. Ф. 1609 (А.В. Флоровский). Оп. 1. Д. 262. Л. 44, 45, 48, 52). В январе – феврале 1944 г. И.М. Малинин выступал с докладами в Брно, Пльзене, Клатовы (см.: Там же. Л. 49, 54, 56; Аксенова Е.П., Досталь М.Ю. Русский Свободный университет (Русская ученая академия) в годы Второй мировой войны // Международный исторический журнал. 1999. № 5). С последним докладом «Из истории высшей школы в СССР (по личным наблюдениям)» И.М. Малинин выступил в Праге 28 февраля 1944 г. на семинаре по организации государства и народного хозяйства (Там же. Л. 58).

ональную карьеру в физике и медицине. В годы американской эмиграции Иван Михайлович опубликовал несколько научных статей, а после выхода в отставку переехал в Александрию (штат Виргиния), где продолжал вести научную работу в Джорджтаунском университете до своей кончины в 1974 г. О нем никто не писал и не вспоминал. Лишь однажды, в 1951 г., Малинин сделал попытку опубликовать мемуарную статью о винницких раскопках в самом авторитетном русском эмигрантском литературно-художественном журнале того времени — «Новом журнале», возглавлявшемся профессором Гарвардского университета Михаилом Карповичем, но после отказа оставил ее в своем архиве. В 1959 г. И.М. Малинина вызвали для дачи свидетельских показаний о событиях в Виннице на слушаниях в палате представителей конгресса США, посвященных роли Н.С. Хрущева в антиукраинской деятельности в годы войны, и это его выступление стало последней публичной попыткой медика рассказать свою правду о преступлениях сталинского режима⁹³.

МИСТЕР НИКОЛАС ПОППЕ

Николай Николаевич Поппе, чья профессиональная карьера и военная эпопея одновременно параллельны и прямо противоположны судьбе И.М. Малинина, вторую половину жизни также провел в США. Он преподавал неподалеку от Вашингтона — в университете Сиэтла (штат Вашингтон), где никто не напоминал ему ни о его прошлом в стране победившего сталинизма, ни об эпизодах сотрудничества с гитлеровцами, и, таким образом, стремление ученого посвятить жизнь исключительно научным исследованиям было реализовано.

Энергичный и прекрасно образованный специалист, крупнейший монголист своего времени не только СССР, но и мировой науки, Н.Н. Поппе начинал свою профессиональную карьеру в тот момент, когда академическая генерация выдающихся русских востоковедов (В.В. Бартольд, Б.Я. Владимирцов, С.Ф. Ольденбург и др.) очевидно иссякала, но востоковедение, прежде всего как прикладная научная дисциплина, было востребовано новым обществом и поддерживалось новой советской властью. В момент избрания в состав АН СССР в 1927 г. Поппе стал самым молодым членом-корреспондентом Академии и в дальнейшем только успешно развивал свою быструю и выдающуюся научную карьеру, возглавив все основные центры монголистики в стране — от Ленинградского университета и до Азиатского музея / Института востоковедения АН СССР.

Однако в стране победившего пролетариата он всегда чувствовал значительный психологический дискомфорт из-за своего отнюдь не рабоче-крестьянского происхождения. В известных нам автобиографических документах Поппе никогда не упоминал о том, что он родился в немецкой семье, глава которой был российским консулом в Китае, но всегда указывал, что его дед был портным. Будучи

---

⁹³ См.: U.S. House of Representatives, Congressional Hearings, Washington, D.C., September 9–11, 1959. P. 1–3; 17–20; 3–32.

совершенно аполитичным и не разделяя коммунистическую идеологию, ученый, тем не менее, точно следовал неписаным советским ритуалам: после 1917 г. Поппе только однажды побывал за границей (1929 г., Монголия), предпочитал не публиковать свои научные работы за рубежом и даже отказывался от избрания в зарубежные научные общества. Зато профессор всегда публично поддерживал советскую власть, критиковал «буржуазные» идеи и теории, а при необходимости консультировал советских военных. За годы жизни при советской власти он накопил огромный практический опыт взаимодействия с ее представителями и прекрасно знал, что любое сотрудничество более продуктивно для его научной работы и жизни, чем конфронтация. Многолетнее напряженное психологическое состояние «внутреннего эмигранта», вероятно, и предопределило превращение члена-корреспондента АН СССР Н.Н. Поппе в «коллораборанта» и, позднее, в эмигранта.

С лета 1942 г. Н.Н. Поппе примерно полгода провел на оккупированных фашистами территориях в Пятигорске, Кисловодске, Теберде, Нальчике (до января 1943 г.), работая переводчиком и / или консультируя немцев по вопросам истории, языков и культуры коренных народов Кавказа. В мемуарах он настаивал на позитивности своей роли медиатора между местным населением и оккупантами и, в частности, на том, что именно благодаря его контактам и профессиональным знаниям этнологии Кавказа удалось спасти в 1943 г. в Нальчике от уничтожения горских евреев, убедив немецкое командование, что они являются кавказской народностью (таты) иранского происхождения⁹⁴. Сегодня мемуары Поппе в этой части подтверждаются, так же как и то, что его уникальная профессиональная подготовка стала основой для направления ученого в Институт Ванзее — аналитический разведывательный центр СС, содержащий богатейшую в Германии коллекцию материалов по России на оригинальных языках⁹⁵.

В отличие от И.М. Малинина Н.Н. Поппе нашел в современной России сразу двух биографов — В.М. Алпатов и А.М. Решетова, которые подробно описали его научную карьеру в СССР и пытались изучать его сотрудничество с оккупантами во время Второй мировой войны. Эти авторы предлагают и два разных подхода к изучению проблемы «профессорского коллаборационизма».

Владимир Михайлович Алпатов, специалист по японской филологии, член-корреспондент АН СССР и зам. директора Института востоковедения РАН, был первым, кто написал в России о Н.Н. Поппе в открытой печати. В 1996 г. он опубликовал небольшую книгу, целиком посвященную монголисту, в предисловии к которой подчеркнул, что не мог писать о научном вкладе ученого без обсуждения моральных проблем, касающихся его сотрудничества с нацистами⁹⁶. При этом

---

⁹⁴ *Poppe N. Reminiscences*. Bellingham, 1983. Аналогичная история произошла в Литве с караимами после того, как по инициативе востоковеда и духовного главы караимов (гахамы) С.М. Шашшала (1873–1961) нацистское руководство признало, что они являются народом нееврейского происхождения. Тем самым караимы избежали геноцида европейского еврейства.

⁹⁵ Интересные американские документы о деятельности Н.Н. Поппе в 1944–1945 гг. приводятся в переводе И. Петровым; см.: <http://labas.livejournal.com/936689.html> (дата обращения 11 января 2013 г.).

⁹⁶ См.: Алпатов В.М. Николай-Николаас Поппе. С. 4.

В.М. Алпатов отметил, что у него нет никаких документов, касающихся этого сотрудничества, за исключением воспоминаний самого ученого⁹⁷, что не помешало сделать вывод о том, что человеческая репутация Поппе является плохой⁹⁸. Все же книга В.М. Алпатова маркирует очень важный сдвиг в историографии — готовность изучать историю коллаборационизма на персональном уровне советской элиты.

Другой биограф Н.Н. Поппе — Александр Михайловича Решетов (1932–2009), также известный этнограф и историк востоковедения из Петербурга, представляет иное видение «случая Поппе»⁹⁹. В отличие от В.М. Алпатова, считающего, что в СССР никто не мог забыть сотрудничества Н.Н. Поппе с фашистами, он рассказывает совершенно обратную историю — о недоверии академических интеллектуалов советским властным и разведывательным органам и об их желании общаться с бежавшим коллегой, невзирая на темную историю его коллаборационизма. Солидарность недовольных режимом профессионалов, несомненно, была одной из важных составляющих массового коллаборационизма советских людей в военные годы.

Но даже в мирное время и за рубежом, в западном мире, профессиональный потенциал Н.Н. Поппе безусловно перевешивал его коллаборационистские грехи. Он был избран членом-корреспондентом ряда академий наук, в том числе Британской. В университете Сиэтла до сих пор ежегодно проводится симпозиум его памяти и учреждена премия его имени.

Истории Николая Поппе и Ивана Малинина иллюстрируют опыт ученых своего поколения, а также демонстрируют личные драмы тех, кто жил в мертвом пространстве между двумя тираниями — Сталина и Гитлера. Не только отдельные ученые, но и целые научные отделы, лаборатории, станции насильно вывозились фашистами или добровольно уезжали — фактически бежали от сталинизма — в Германию, а после поражения нацизма часто оказывались и далее — за океаном. В СССР все они, без разбора, получали клеймо «врага народа», однако сегодня многое из того, что раньше просто и однозначно трактовалось как «измена родине» или коллаборационизм, может быть интерпретировано иначе — как стремление «жертв двух диктатур» (П. Полян) сохранить человеческое достоинство, право личности на свой выбор или даже как гражданское и профессиональное сопротивление сталинскому режиму.

---

⁹⁷ См.: *Poppe N. Reminiscences.*

⁹⁸ См.: *Там же.* С. 117.

⁹⁹ *Решетов А.М.* Н.Н. Поппе (1897–1991): две части одной жизни // Немцы в России: Три века научного сотрудничества. СПб., 2003. С. 482–498.

Приложение

И.М. Малинин

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА НКВД (ВИННИЦА)

Публикация, подготовка текста и комментарии

М.Ю. Сорокиной

Публикуемый мемуарный текст И.М. Малинина хранится в архиве семьи Малининых (США) и предоставлен для публикации его сыновьями Георгием Ивановичем и Федором Ивановичем Малиниными, которым приносим нашу самую глубокую благодарность. Рукопись представляет собой авторизованную машинопись; она не имеет даты, но, как ясно из содержания, была подготовлена И.М. Малининым после приезда в США, около 1950 г. Как уже отмечалось выше, текст намечался для публикации в «Новом журнале», был передан в журнал в ноябре 1951 г., но отвергнут его главным редактором и остался неопубликованным.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время, находясь вдали от моей родины и вспоминая о многом, что происходило там, мне думается, что в связи с наступившими за последнее время тревожными событиями в мире с моей стороны было бы своевременно сообщить об одном чрезвычайном деле, в котором я был не только свидетелем, но и участником.

Во время моих вынужденных передвижений по занятой немцами территории Советского Союза мне пришлось в 1943 году прожить некоторое время в г. Виннице, где я по собственному желанию, со стороны городской управы, непосредственно участвовал в раскрытии вопиющего преступления НКВД по массовому уничтожению местного населения.

Имеющиеся у меня как медицинского эксперта факты и материалы по этому необычному для демократического мира делу могут послужить хорошей демонстрацией к нередко происходящим дебатам на тему, что ждет свободных людей при коммунизме.

Здесь представлены бесспорные, точные факты, не подлежащие сомнению в том, что они перед войной действительно имели место в 1937–1940 гг. на моей родине. Это происходило в период борьбы Сталина со всеми своими явными и воображаемыми противниками по окончательному укреплению своей власти в единственной тогда стране социализма и коммунизма.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ, БЕЗ СУДА РАССТРЕЛЯННЫЕ

Оглавление

- А. Вступление.
- Б. Часть фактического материала.
  - 1. Винница и братские могилы.
  - 2. Обследование могил.
  - 3. Судебно-медицинские данные.
  - 4. Население и раскрытое преступление.
  - 5. За что расстреляны?
  - 6. Метод массового террора.
- В. Краткое заключение.

ВСТУПЛЕНИЕ

Приступая к изложению данных по Винницкому делу не только желательно, но и необходимо предварительно остановиться на бывшем Нюрнбергском процессе¹ и на той общей политической ситуации, при которой произошло раскрытие преступления НКВД.

Как известно, в итоге этого процесса Международный суд, по заслугам осудивший ответственных нацистов за их преступления, вынес приговор с перечнем их доказанных преступных деяний, совершенных или непосредственно ими, или по их заданиям и распоряжениям.

Но самое интересное для представляемой здесь темы то, что Нюрнбергский суд в этот приговор не внес пункта о Катынском преступлении². Последнее выразилось в массовом расстреле под Смоленском военнопленных польских офицеров в количестве более четырех с половиной тысяч человек.

Представитель советского обвинения полковник Покровский³, приписав это преступление немцам, не мог доказать суду причастность их к Катынскому расстрелу, чего так добивались в своем обвинении Советы.

Нюрнбергский суд во главе с председателем Джексоном⁴ оказался в этом щекотливом для тогдашних союзников вопросе на высоте беспристрастия и не утвердил в своем приговоре пункт советского обвинения по этому преступлению.

Спрашивается, кто же его совершил?

На этот вопрос отвечает своими исследованиями известный польский генерал Андерс, к поучительной книге которого я и отсылаю интересующихся⁵.

Этот же вопрос также обстоятельно, с полным фактическим материалом, изложил мне лично, а позже в выпущенной им в Лондоне книге о Катыни бывший на Нюрнбергском процессе польский журналист Лясковский⁶, специально исследовавший этот вопрос на месте совершенного преступления.

Оба эти представителя польской общественности, как и все польское общество и народ, невзирая на свое более чем резко отрицательное отношение к нем-

цам за их издевательства и зверства в Польше, сняли это выдающееся преступление с ответственности немцев и целиком возложили его на советскую власть в лице всемогущего в Советах НКВД (ныне МГБ⁷).

Нацистское правительство сделало первое свое сообщение по радио о находке братских могил польских офицеров в с. Катынь вблизи г. Смоленска 13 апреля 1943 г.⁸ Немцы немедленно, в том же месяце, для установления акта своей непричастности к этому преступлению организовали и пригласили в Катынь международную комиссию из медицинских экспертов оккупированных и союзных в то время им стран, из нейтральных Швейцарии и Швеции⁹.

Означенная комиссия оставила по своему расследованию документальный след в виде специального медицинского акта за подписями всех своих членов¹⁰. В нем точно описан примененный в Катыни способ расстрела погибших офицеров. По этим исследованиям он оказался таким, каким пользуется в своей практике НКВД при расправе со своими жертвами, т. е. расстрелом в затылок с помощью пистолета.

На занятой немцами русской территории это была первая весть о доказанных экспертизой массовых расстрелах НКВД без вины виноватых, без суда расстрелянных.

За этим раскрытым и обнародованным преступлением вскоре, в мае месяце этого же года, последовало новое раскрытие другого преступления НКВД в г. Виннице, еще большего по количеству жертв¹¹.

Как стало известно теперь, раскрытию этих преступлений способствовало одно важное обстоятельство. Как раз в то время, о чем мир узнал только после войны, произошел полный срыв ведшихся в Стокгольме между Гитлером и Советами тайных переговоров о сепаратном мире¹². Сорвавшиеся переговоры из-за высоких, неприемлемых, по утверждению немцев, для нацистской Германии советских требований — кардинально изменили политическую линию поведения Гитлера в отношении Советов. Именно с этого времени нацисты, не имея больше надежд на такие попытки в дальнейшем, вынужденно стали на путь разоблачения Кремля.

Только изменившейся, неблагоприятной для немцев, внешнеполитической конъюнктурой можно понять и объяснить повод и основание, почему Гитлер и Гиммлер вместе со своим гестапо пошли на разрешение местному населению раскрывать преступления своего старшего собрата — НКВД, учреждения столь близкого им по духу и делам. До этой поры они не были склонны официально участвовать в таких разоблачениях НКВД, с которым до войны были связаны нитями кое-каких взаимных услуг. Такие несвоевременные разоблачения могли бы попортить отношения с Кремлем, вызвав лишние раздражения Советов, в намеченных ими будущих тайных переговорах с Москвой.

Иллюстрацией этому может служить тот факт, что разоблачения Винницкого преступления (о Катыни по этой части я не имею сведений) не только не последовало тотчас после захвата немцами Украины (июль 1941 г.), но и в более поздние сроки, вплоть до июня 1943 г., несмотря на то что до сведения немецких властей были доведены настойчивые желания населения произвести рас-

копки если не в масштабе всех могил, то хоть части их в порядке обследования тревожащего всех вопроса. И даже более того, все ходатайства, официального и частного порядка, бургомистра города проф<ессора> С.¹³ по этому же вопросу не раз отклонялись под различными предложениями гебитскомиссаром города Маргенфельдом и крейслейтером из Житомира¹⁴. Мотивом отказа служило отсутствие разрешения из Ровно от рейхскомиссара Украины Коха¹⁵, правой руки рейхсминистра Розенберга по Управлению восточных областей¹⁶, как уничиительно назвали Гитлер и Розенберг захваченную во время войны громадную часть России. Иначе говоря, в течение почти двух лет Берлин уклонялся от официальных разоблачений НКВД, по-видимому рассчитывая на кое-что в этом направлении в своей тактике по отношению восточного врага, пока эти надежды окончательно не оборвались весной 1943 г. Последнее подтверждается еще и тем, что и в других местах занятой ими части России были такие же основательные данные по раскрытию массовых убийств НКВД, но, невзирая на это, официальных документальных разоблачений этих преступлений со стороны Берлина ни разу до этого времени не было сделано.

Издавались антикоммунистические газеты, пропагандные листовки, отдельные книги, в числе которых были распространены несколько книг Альбрехта¹⁷, бывшего коммуниста, с разоблачением системы НКВД, его работы и своих злоключений в тюрьмах ГПУ (название, предшествующее названию НКВД). Но и только, до официальных признаний преступлений НКВД дело не доходило.

Эти внутренние, скрытые, побудительные тенденции нацистов сказались в отношении Винницкого дела, решение по которому было вынесено в Берлине после длительного раздумья, с опозданием, после начала раскопок, более чем на месяц, в противоположность тому, что было с Катынью. Такая медлительность Берлина в решении вопроса о Виннице вызвала у местных немецких оккупационных властей все возрастающее беспокойство: не допустили ли они ошибку, неофициально дозволив городскому управлению производство этих раскопок.

В той политической обстановке, в которой тогда жил руководящий Берлин, ему было нелегко быстро реализовать вопрос о Виннице. В отличие от Катыни энкаведистская расправа с местным населением в Виннице оценивалась им как внутреннее дело Советов, в разоблачении которого принимать официально участие было не совсем удобно для Берлина, даже при безмерно бесцеремонной его тактике быстро менять свои внешнеполитические направления. Здесь было в чем сомневаться и от чего колебаться, как лучше использовать в свою пользу создавшееся положение и не попасть в какую-нибудь неловкость. Имея в своей системе не менее страшное гестапо и применяя такие же методы устрашения населения, в которых к тому времени наци были уже полностью уличены, Берлин, не имея еще полных данных о размерах этого преступления, полагал ограничить и сузить это дело в пределах только местного происшествия, без большого своего участия в нем. Но так как к этому времени винницкие раскопки приобрели не только в округе, но и по всей оккупационной зоне широкую огласку с раскрытием все большего и большего количества жертв, значительно превышавшего бывшее в Катыни, то Берлину отступать или ограничивать его в пределах местного инте-

реса дальше было невозможно из-за той внутренней сложившейся обстановки на месте преступления, о которой будет сказано несколько ниже.

С Катынью у немцев обстояло дело иначе. Там преступление сразу было ими определено как преступление, касающееся международных отношений, могущее чувствительно отозваться на взаимоотношениях союзников, особенно поляков, к Советам. Они рассчитывали, что Катынь вобьет осинный клин между советским и польским правительствами, что впоследствии и подтвердил генерал Сикорский¹⁸, указавший, что Катынь была первая серьезная трещина в их взаимоотношениях. Гитлер и Риббентроп оценивали Катынь как свой хороший козырь в политической игре и на востоке, и на западе и надеялись с помощью его получить реванш за проигранный Стокгольм. И на самом деле их расчеты во многом оправдались. Катынь вызвала негодование у всех без исключения поляков, создала первое отталкивание у союзников от их симпатий к Советам и очистила сознание многих от увлечения советской действительностью. Сами же немцы, как показала история войны, от этого дела ничего не выиграли. Выиграла только неожиданно для всех исходящая от них правда, которую так старательно и глубоко Советы хотели схоронить в смоленской земле, скрыв в ней от всего мира свою немилосердную расправу с польскими офицерами.

С Винницей у немцев было иное положение. После того как нацистское правительство опубликовало материалы о Катыни, вызвавшие со стороны Советов голословное, совершенно необидительное опровержение, надо было сказать и о Виннице, что Берлин сделал со значительным сроком опоздания¹⁹.

По сути дела этих двух вопиющих преступлений, вся механика раскрытия их перед миром сводилась к тому, что один террорист, в силу сложившихся обстоятельств и своих собственных дел, был вынужден выступить против другого с явными вещественными, неопровержимыми доказательствами его виновности.

В таком положении очутились друг перед другом Берлин и Москва в Катыни и Виннице перед русскими, украинцами и поляками, свидетельствующими своими показаниями в пользу непричастности одного и точными уликами непосредственной виновности в этих убийствах другого.

Характерно как для Москвы, так и для Берлина то, что совершивший эти преступления красный Кремль всеми ему доступными средствами хотел их скрыть от взора людей и возложить их на своего противника, что ему не удалось, а другой — нацистский Берлин, вынужденный официально принять участие в раскрытии винницкого преступления, хотел представить это дело в определенном направлении, что ему также не удалось сделать.

Розенберг, Гиммлер и Геббельс, с одной стороны, возложив ответственность за это преступление на НКВД, что соответствовало действительности, обрисовали его в газетах, по радио, а потом и в своих материалах в должном для себя виде. Во-первых, они были заинтересованы оправдаться в глазах своих нацистов и немцев по поводу своего выступления в защиту тех людей, которых они определили как «унтерменшей»²⁰ и которых в течение всей войны унижали и непрерывно уничтожали. Такое противоречие в их действиях надо было чем-нибудь объяснить, и они нашли выход в том, что представили винницкий расстрел как

дело рук энкаведистов, преимущественно еврейского происхождения. У нацистов и немцев эта пропаганда, может быть, и имела успех — не знаю, но у местного населения — абсолютно никакого. В своей пропаганде они базировались на составленном их агентами списке, на месте преступления, главных руководителей винницкого НКВД. Оказалось по этому списку, что на 22 ответственных энкаведиста якобы было 15 евреев. Как известно, в числе работников НКВД представлены все без исключения национальности. НКВД — учреждение с явным интернациональным характером своих работников. Поэтому такая нарочитая интерпретация имела своей целью использовать это преступление в интересах специфической нацистской пропаганды. Во-вторых, им хотелось подобным освещением этого вопиющего преступления обелить себя за жесточайшую расправу с евреями, произведенную ими повсеместно, также и в Виннице в 1941 г., которых расстреливали на краю вырытых ими могил из автоматов и пулеметов. Они рассчитывали, что многие будут рассматривать эту расправу как следствие, как некое возмездие за мнимое засилье евреев в местном НКВД. И этот расчет немцев не оправдался. Ни один человек не связывал и не оправдывал одно преступление другим. Более того, известны факты участия местных людей в спасении от расстрела евреев, как и спасение 9 еврейских детей от гестапо в детском доме, где их укрывали и сохраняли в течение всей оккупации немцев при содействии бургомистра города и некоторых работников городской управы. Здесь же будет уместным указать еще на один факт, подтверждающий нацистский подход к вопросу трактовки о характере винницкого расстрела. При детальном обследовании расстрелянных трупов нашей комиссии удалось распознать среди них три трупа с произведенной операцией «обрезания», на что и было обращено внимание немцев. Но они этот факт не зафиксировали в своих протоколах как противоречащий официальной нацистской точке зрения, что среди жертв НКВД не могло быть евреев. В-третьих, в соответствии со своей политикой на Украине Розенберг и Кох в публиковавшихся материалах представили это преступление как исключительно направленное против украинцев, согласно своим упрощенным формулам: «все русские — большевики» и что «русский большевистский империализм» жестоко расправлялся с украинцами. При наличии проводимой ими на Украине борьбы со всем русским, когда они запретили русские газеты и книги, запрещали русским самые невинные культурные начинания, закрыли не только средние, но даже низшие школы для значительного количества русских детей и отклоняли все ходатайства об их открытии, т. е. проводили насильственную и полную украинизацию, надо было доказать в интересах нацистской и немецкой идеи отделения во что бы то ни стало Украины от России и искусственного возбуждения против нее ненависти, что этот самый «русский империализм», прикрытый большевизмом, исключительно был направлен против Украины. С этой целью обработанный в министерстве «освобожденных восточных областей» список по установленным фамилиям расстрелянных оказался почти что из одних украинцев; национальный термин «русский» в нем отсутствовал, термин «поляк» сохранился, был введен термин «фольксдейтш»²¹. На самом деле даже по этому списку из 679 установленных по фамилиям расстрелянных более 200 фамилий не относились к украинцам, а к

другим национальностям, в том числе и русским. По этому списку в числе расстрелянных украинцев оказались расстрелянные с чисто русскими фамилиями, с польскими и католическими именами и даже немецкими. Никто такой трактовке не придавал никакого значения.

Население ответило исключительным пониманием всей бывшей обстановки в Советском Союзе и оценило это преступление не как направленное только против украинцев, а как повсеместный террор во всей стране со стороны сталинской диктатуры, среди которой также немалую роль играли и играют коммунисты-украинцы, как и коммунисты других национальностей.

В этой части своей пропаганды о винницком расстреле они ничего не выиграли, как и не выиграли в натравливании одной национальности на другую, ибо вокруг этого преступления люди всех национальностей трогательно объединились в своем общем трагическом несчастье.

Таким образом, Гитлер со своим окружением руководился в своем решении о винницком деле и при его проведении не мотивом возмущения террором НКВД, не мотивом вдруг проснувшегося человеколюбия к населению исстрадавшейся страны, тем более не во имя раскрытия правды, чем руководилось все население города и округа в своем требовании по выполнению этих раскопок, а исключительно соображениями и интересами своей собственной политики, а также той обстановкой, которая к этому времени создавалась вокруг этого дела на месте совершенного преступления.

Население, встревоженное задержкой разрешения на производство раскопок братских могил, начало воспринимать с некоторым сочувствием распускаемые советскими агентами слухи о виновности в этом преступлении немцев; эти слухи невыгодно отзывались на их положении. Тем более они должны были считаться с этим еще и потому, что на расстоянии всего двух километров от этих братских могил, расположенных за городом, находились в лесу другие братские могилы — могилы расстрелянных немцами евреев, куда не рекомендовалось ходить из-за могущих быть последствий от гестапо. К этому же времени значительно усилилось партизанское движение, которое могло еще больше расшириться под влиянием этих слухов, чего опасались немцы. Все это требовало быстрого разрешения вопроса; вот почему затянувшаяся задержка ответа из Ровно заставила местную немецкую власть, не дожидаясь официального разрешения, пойти навстречу требованиям населения и допустить городскую управу к производству раскопок.

Здесь нельзя обойти молчанием высокое гражданское мужество многих сотен людей из общего числа всего населения округа и города, пошедших на раскрытие этого преступления и впоследствии за это поплатившихся. Своим участием в этом деле они показали и свою человеческую доблесть, о чем и надлежит именно теперь сказать, когда в печати за последнее время нередко поднимается вопрос о моральных качествах людей нашей страны.

Геббельс использовал данные по раскопкам в Виннице в интересах не только своей внутренней, но и внешней политической игры. В своей пропаганде он решил представить нацизм стражем и оплотом Европы перед наступающим с востока коммунизмом. Но он не рассчитал одного, что из-за общей дискредитации

немцев в Европе и ненависти к ним эти попытки не смогут увенчаться реальным успехом.

Положительных результатов они достигли в отношении только тех, кто сам воочию, побывавши на раскопках, убедился в массовых расстрелах и видел сам картину тысячи трупов с пулевыми отверстиями в затылках. Только эти лица, при тогдашнем состоянии умов в Европе, могли лично убедиться в истинной правде массовой расправы НКВД со своим населением.

Все же остальное население Европы, получавшее из рук немцев сведения о ходе раскопок, относилось к ним скептически. В тот период времени никто настоящего русского голоса не слышал. Слушали о русской действительности из рупора Геббельса, которому никто не доверял, или из уст Сов<информ>бюро — Лозовского и Эренбурга²² и других представителей красного Кремля, выдававших свой голос за голос всего народа, и по этим советским голосам судили, как некоторые и теперь судят, о якобы «великом благополучии» всех народов советского Союза.

Порабощенные в то время немцами европейские и другие боровшиеся с ними народы мира, зачарованные русскими победами, ничего другого не хотели слышать, кроме как о своем освобождении от немецкого ига и своем будущем торжестве. Все расценивали победы на востоке как победы русского оружия и, конечно, сведения Геббельса о тяжелой судьбе народов под советским режимом рассматривали как агитационный маневр в пользу немцев, почему и не придавали им значения. Но вместе с тем, кроме геббельской пропаганды, были и другие, точные и верные, сведения и голоса о жизни народов в Советском Союзе. Мимо них, к сожалению, прошли и своевременно не оценили по существу их реальной стоимости многие политики Запада, загипнотизированные успехами и ловкой пропагандой Советов.

Но для русского народа и других народов СССР как в пределах в то время занятых немцами областей, так и вне их — раскрытие захороненных в земле преступных тайн НКВД имело, как и сейчас имеет и будет иметь, исключительное значение по полному, раскрытому, документальному подтверждению советской действительности.

Вот этой-то документальной и свидетельской правды многих тысяч людей Кремль больше всего опасается. Опасаясь перед всеми народами Советского Союза правды о Виннице, Москва замалчивает и нигде о ней не говорит. И в силу именно этой настоящей и опасной для него правды Кремль не позволил своим представителям по обвинению на Нюрнбергском процессе не только выдвинуть преступление в Виннице в качестве обвинения немцам, но решил молча пройти мимо бывшего и нашумевшего события в Европе. Молчать — значит забыть, предать забвению — значит схоронить! От кого? От внимательных глаз всех народов Советского Союза. Так думает Москва. Это молчание пора прервать громким словом правды о Виннице. Кто молчит о ней, тот покрывает преступление, преступление против человека и свободы; такое поведение только на руку Кремлю. Он не хочет видеть в Виннице своего собственного лица. Наступило время перед всем светом показать его не только ему, но и всем народам.

ЧАСТЬ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Город Винница и братские могилы*

Большой кабинет бургомистра г. Винницы проф. А.А.С. Почтенного вида, с седой бородой, в очках, профессор внимательно смотрит на беседующих с ним. Ни один проситель, ни один посетитель не уходит без доброго напутствия и дельного совета в сложной обстановке немецкой оккупации и военных событий. Спокойный, уравновешенный голос, выдержанные манеры и полная корректность со всеми людьми разных социальных рангов, служебных положений и состояний дают возможность быть спокойным каждому из них после беседы с человеком, нравственный авторитет которого среди потрясенного военными событиями населения абсолютно непоколебим²³. Завоевать такой авторитет может только тот, у кого честь и совесть вне всяких влияний, вне всяких событий. В таких людях виден человек долга перед своим населением, в чем жители города убедились вскоре после немецкой оккупации.

В 1941 году, после захвата немцами города, профессору С. как главе городского управления было предложено составить список заложников. После его отказа выполнить этот приказ ему пригрозили суровым наказанием в гестапо; тогда в ответ он предложил себя одного в заложники, от чего немцы «любезно» отказались. В городском управлении, с возмущением передав этот категорический приказ, он предложил составить добровольный список из членов городского управления и опять вновь поставил на первое место свое имя. Немецкое командование, убедившись в непреклонности профессора С., отказалось принять этот список. И с этого времени больше не предъявляло таких требований городскому управлению. О поступке своего главы вскоре узнало все население города и округа.

С ним два собеседника, третьим оказался я, вошедши по служебному делу в тот момент, когда услышал твердое заявление профессора С.: «Да, пора оформить требование населения о раскрытии этого вопиющего преступления НКВД. Мы должны теперь же, не дожидаясь немецкого разрешения, приступить к раскрытию могил». Собеседники (секретарь Ш. и зав. городским здравоохранением проф. Г.²⁴), молча наклоняя головы в знак согласия, подтверждают назревшую необходимость такого действия.

«Поэтому, если вы согласны, надо назначить в первую очередь медицинскую экспертизу по установлению факта убийства этих людей НКВД. Кого просить войти в эту нашу, городского управления, экспертную комиссию?» После некоторого молчания профессор С. указывает на необходимость ввести судебного медика от областного врачебного управления, а затем просить участия в этой комиссии специалистов-профессоров, после чего добавляет: «Она должна быть,

---

* Винница — окружной город с населением до войны около 120 тысяч человек — расположен на р. Южный Буг. Старая граница с Польшей до 1919 г. в ста милях от Винницы, после договора Сталина с Гитлером <1939 г.> она отодвинулась приблизительно на 300 миль. Винница находится от Киева на юго-запад от него, на расстоянии 130 миль, от Одессы к северо-западу на 210 миль. Через г. Литин идет от Винницы шоссе на Львов. — *Примеч. И.М. Малинина.*

безусловно, авторитетной не только в наших глазах, но и в глазах всего населения и округа».

Обсуждение кандидатур заняло короткое время, т. к. названные фамилии профессоров местного медицинского института отпали сами собой из-за нежелания их участвовать в этой работе перед ожидавшимся возвращением советской власти и НКВД. И когда профессор С. после этого задал тяжелый для него, недоуменный вопрос: «Тогда кого же?» — я выступил, перед этим не принимая участия в разговоре, с предложением своих добровольных услуг городскому управлению в ответственной работе по раскрытию этого преступления НКВД.

* * *

Винница — город прошлых событий еще Первой мировой войны, город военных штабов, одно время штаба генерала Брусилова и множества военных и общественных госпиталей того времени²⁵; город больших испытаний во время Гражданской войны, трагических событий в период коллективизации с массовой смертностью от голода крестьян и городских жителей; город — пострадавший и в период «ежовского» террора; город — быстрого военного захвата немцами и устройства вблизи него, в с. Калиновке, ставки фюрера Гитлера с бетонными укреплениями в подземных убежищах, — в котором лейтеры²⁶ и розенберговские устроители будущих своих планов на Украине усмиряли мятущиеся души местного населения систематическим организованным голодом и недоеданием; город, куда я велением своей судьбы в феврале месяце 1943 г. прибыл на полуголодное существование со своей семьей и где мне пришлось испытать много мытарств, пока я не был избран проректором местного Медицинского института в единственно еще сохранившийся медицинский институт на территории оккупации и функционирующий до сентября 1943 г. благодаря хлопотам профессора С., моральный облик которого покорил даже бывших в это время жестоких победителей.

* * *

В прошлом Винница — уютный, утопающий в цветущих и фруктовых садах, богатый уездный город, благоустроенный, хорошо освещенный электричеством, с трамваем, парными экипажами, автомобилями и широкими проспектами, с постоянным театром, парком и хорошо поставленными учебными заведениями; в советское время — окружной город, разросшийся в период коллективизации и индустриализации за счет нахлынувших из окружающих сел людей, стремившихся спастись в городе от организованного Советами голода на селе; город — потерявший во время Советов свою уютную провинциальную красоту. Несколько десятков новых, советской конструкции, фабричных зданий и многоэтажных домов диссонансом врезались в стройные ряды уютных домиков с фруктовыми садами как на периферии города, так и в самом центре. В советское время увеличилось количество средних школ, открылся медицинский институт и высший индустриальный техникум.

Во время моего пребывания пульс города бился неровным темпом умирающего существа: трамваи не ходили, кроме пешего хождения, полное отсутствие

средств передвижения по городу, скромная торговля продуктами по карточкам голодного немецкого рациона и расцветшая интенсивная продажа и купля вещей и разных оставшихся у населения ценностей в размножившихся комиссионных магазинах. И только один базар — оживленное место скопления местного и окружного населения — отражал насущную потребность в существовании города и скопившихся здесь беженцев; он одновременно являлся наиболее чувствительным барометром на различные изменения на недалеком уже от города фронте, положение на котором той или иной стороны определялось количеством продуктов и цен на них. Так, в момент моего прибытия этот барометр городского состояния пал ниже нуля — он пустовал, и краюху хлеба продавали за баснословную цену: фронт необычайно быстро приближался к Полтаве, Днепропетровску и грозил немедленно перелиться через Днепр с явной тенденцией докатиться до самой Винницы. Население затихло и с трепетом ждало решения своих судеб от артиллерийской канонады на Днестре.

* * *

И вот в такое время, несмотря на ожидание прихода своих, население было полно слухами и рассказами о найденных в городе массовых могилах, в которых НКВД хотел схоронить свою тайну. Слухи росли, увеличивались как несущийся ком снега с горы.

* * *

По Литинскому шоссе, окаймленному липами еще со времен Екатерины I, как раз на расстоянии полутора километров от города был расположен углубленный от дороги участок с насаженными в нем деревьями и окруженный по шоссе земляным валом. До прихода немцев высокий дощатый забор скрывал от посторонних и любопытных глаз внутренность этого загородного сада, куда вход кому бы то ни было через крепко запертые ворота был запрещен.

Жившие до войны жители в разбросанных здесь по различным участкам домах знали какую-то связанную с этим садом тайну. Они говорили шепотом, поведывая ее только верным для себя людям. Против него, по другую сторону шоссе, в небольшом кирпичном здании во времена Советов располагался постоянный дежурный пост милиции с часто менявшимся составом милиционеров. Они зорко следили за всеми, кто появлялся вблизи, и сердитым окриком отгоняли редких охотников, пытавшихся разузнать тайну, скрывавшуюся за высоким забором.

Интерес к таинственности этого сада заглушался страхом местных жителей перед вездесущим оком НКВД и наличием постоянно находящихся здесь милиционеров. Никто не распространял эти сведения по городу, боясь быть источником неблагоприятных для советской власти слухов. Официально был пущен слух, что этот загородный сад предназначен для служащих НКВД; там был устроен для них тир. Оттуда, действительно, изредка днем или вечером раздавались одиночные выстрелы. Но наряду с такими дневными выстрелами жители не раз в глубую ночь слышали звуки моторов, нараставший шум голосов, окрики, потом

выстрелы, распространявшие тревогу и настороженность у людей, притаившихся в своих постелях и прислушивавшихся к совершаемому вокруг.

Все эти сведения, рассказы начали распространяться по городу уже после прихода немцев, когда развязались языки о бывших ужасах НКВД. Многие десятки колхозников, рабочих, их жен, жителей этой местности приходили в городскую управу и рассказывали о бывшем.

2. Обследование могил

Первое же обследование совместно с профессором А.А.С. этого загородного участка показало небывалую картину большого количества братских могил. При общем подсчете их оказалось 46. Они были покрыты дерном с заросшей травой и несколько углублены от поверхности. К «саду» от шоссе шла проселочная проезжая дорожка, упирающаяся в бывшие здесь ворота на месте ранее бывшего забора, разрушенного жителями после прихода немцев. Это последнее обстоятельство дало возможность жителям подтвердить свои догадки об имеющихся здесь братских могилах с жертвами НКВД. Передним своим фасом, к шоссе, где были расположены ворота, этот участок окружался большим валом с глубоким рвом. Остальные стороны почти правильного прямоугольника этого сада были с небольшой канавкой, на границе которой деревянный забор окружал это место ужасной гибельной расправы с людьми, без вины виноватыми, без суда расстрелянными.

В загородном «саду смерти» по его краям — деревья, даже фруктовые, а в центре и конце его — две большие клумбы, из которых одна в виде пятиконечной звезды. Это бывшие цветники. По правой стороне сада, непосредственно от входа в него, откуда начинаются в виде русской буквы «П» правильно расположенные одна за другой братские могилы, симметрично и заранее обдуманно распланированные, виднеется из ворот возвышающееся земляное укрепление с идущим к нему небольшим рвом в полроста человека. Это тир, маскирующий, как и цветники, от постороннего глаза, если паче чаяния такой мог бы заглянуть через какую-либо щелочку или дырочку деревянного забора, характер и назначение этого загородного места увеселения служащих НКВД. По ту сторону сада и за концом его высился молодой лес с кустарником и разросшейся молодой порослью.

Со стороны края, где расположен был тир и первый ряд могил, шла проезжая дорога к расположенному напротив правого угла небольшому кладбищу. В мое время многие могилы были со старыми поврежденными крестами и памятниками, а ограды разрушены. Интересно и поучительно для многих не верящих в исконную религию большевиков о мировой революции именно то, что на этом кладбище был выделен совершенно новый коммунистический участок, на котором, конечно, не было надгробных крестов, а исключительно пятиконечные звезды или простыеobelisks. Среди них оказался один, наиболее старый, с откровенной заповедью большевистской веры: «Старой большевичке Зинаиде ... 1932 год, марта ... Спи спокойно: Мировой Октябрь — будет тебе памятником».

Мы возвращались назад опять по городу, где в пределах уже городской черты располагался городской сад, официально по-советски называвшийся парком культуры и отдыха. Против него большое городское кладбище. Мы остановились, и я услышал голос своего спутника: «Жители утверждают, что и здесь, в городском саду, и здесь, на городском кладбище, есть такие же братские могилы времен Ежова».

* * *

В городском саду были обнаружены 14 больших могил. Сад упирался во двор рядом расположенного здания НКВД, специально построенного для этого учреждения советами. На это строительство у советской власти всегда находились средства. Многие города украсились таким «блестящим» строительством, начиная с Ленинграда, где на месте сгоревшего в 1917 г. Окружного суда было выстроено 10-этажное здание НКВД с характерным видом гранитной крепости²⁷, с небольшими окнами и модерными входами, откуда выход попавшим туда был более чем затруднителен, почти невозможен.

Для Винницы здание НКВД соответственно значению и размерам этого города было значительно меньше, трехэтажное, но с подсобными строениями оно заняло весь квартал и упиралось, как сказано, своим двором в деревянный забор этого городского сада. В описываемое время этот забор существовал и так же отделял соприкасающийся с садом двор уже не НКВД, а гестапо, которое разместилось в том же здании, вполне подготовленном к деятельности этого учреждения: учитель временно передал своему беззастенчивому ученику и такому же жестокому, как он сам, свое наследие.

Братские могилы были раскинута без определенного плана, без симметрии, скоплены на одной открытой, заросшей травой площадке, на которой для маскировки этих злодеяний стояли качели для детей и где детские голоса и беготня их по росистой траве не давали основания никому из посетителей парка думать о наличии здесь погребенных после расстрела в подвалах рядом стоящего здания НКВД. По близкому соседству было легко вывозить трупы расстрелянных в рядом расположенный сад, в тот период временно закрытый под видом реконструкции его для «парка культуры и отдыха».

В то время, да и теперь, возможно, НКВД не достигло той совершенной техники уничтожения людей в печах, какой достигло в своей жуткой деятельности гестапо, использовавшее современные достижения техники, и в чем оно успело не только догнать, но и перегнать своего учителя. Поистине можно сказать, что каждое из этих террористических государственных учреждений однопартийной системы могло поучиться друг у друга!

В противоположность гестапо, зверски уничтожавшему русских военнопленных, евреев, цыган, караимов и других, НКВД в своей практике массового уничтожения своего же народа использовало старую технику массового захоронения и... на этом просчиталось, оставив дискредитирующие следы своих массовых преступлений раньше в Катюни, а потом в Виннице. В дальнейшем они оказались и в Риге, и в Сталино, и в Киеве, но только в Виннице успели раскрыть преступную практику НКВД.

* * *

Городское кладбище. Главная аллея со старыми ветвистыми липами, прорезывая от главных ворот все кладбище до самого его конца, упиралась в открытое поле, понемногу при Советах застраиваемое. Там располагался старый анатомический корпус местного медицинского института. Кладбищенская церковь стоит при въезде, и в ней при немцах совершались богослужения и отпевания умерших. При Советах она была закрыта и использована для городских целей, под какой-то склад. Слева по аллее, в глубине кладбища, недалеко от бывшего анатомического здания, по указаниям жителей было раскрыто множество небольших могил с захороненными там трупами расстрелянных. Они были скоплены на одном этом участке примерно по три в ряд и тянулись одна за другой. Песчано-суглинистая почва осела на них, и эти углубленные места были легкими опознавательными признаками для их раскопок. Общее их количество было 42; среди них высились четыре могилы с покосившимися деревянными крестами когда-то похороненных на этом участке людей, который до завладения им НКВД считался запасным для расширения общекладбищенской площади.

3. Судебно-медицинские данные

Анатомо-судебно-медицинские исследования начали проводиться²⁸ нашей комиссией еще задолго до приезда немецкой судебно-медицинской экспертной комиссии во главе с профессором Шрадером²⁹ и задолго еще до официального разрешения немецких властей на проведение этих раскопок. За этот месячный период, с начала мая (10.5.43 г.), я провел со своим коллегой, судебным медиком, 228 вскрытий и исследований трупов с протоколированием каждого в отдельности случая. Как показали эти первые исследования, умерщвление арестованных производилось путем расстрела в затылок, единственным излюбленным способом НКВД со времен еще Чека. Состояние трупов (мумификация, мацерация, жировоск) и распад их дали возможность установить факт длительного пребывания захороненных трупов в могилах. По состоянию их я исчислил давность захоронения, для огромного большинства трупов — в пределах 5–6 лет, а некоторое количество из них в несколько меньший срок, что впоследствии подтвердилось найденными документами, обнаруженными в одной могиле и в карманах захороненной одежды.

И вот в этот-то период, т. е. в 1937–8 гг., в период массовой ликвидации потенциальных врагов сталинской диктатуры, НКВД не был в состоянии планомерно и полностью скрыть следы своих преступлений. По заданию Сталина и по распоряжению Ежова³⁰, в то время деспотически властвовавшего над страной, перед НКВД стояла небывалая в истории мира задача поголовного террора и массовой ликвидации воображаемых врагов среди своего собственного трудового населения, что по разумным основаниям не позволяли себе ни самые жестокие из жестоких персидские деспоты, ни Тамерлан, ни Тимур. Так как в это время, без всякого преувеличения, можно было исчислить потенциальных врагов власти Сталина в

90 процентов всех жителей, исключая, конечно, окружение самого Сталина и его верных энкаведистов во главе с Ежовым, то для этих целей против всего населения России была пущена в ход вся террористическая машина НКВД. Массовые аресты, без всякого исключения, кончались массовой ликвидацией арестованных то в виде ссылки на десятилетний срок без права переписки в ужасающие условия сталинской каторги, то в виде немедленного физического уничтожения. Ликвидируемых было столько и в такой короткий срок, что не хватало времени для этих палачей подготавливать могилы в более скрытых и отдаленных местностях. Тем более что для выполнения этого требовалась длительная транспортировка людей на расстрел или длительная транспортировка трупов расстрелянных, что было нежелательно для НКВД по многим основаниям и соображениям. Такие отдаленные, хотя бы даже и хорошо скрытые, могилы надо было бы некоторое время охранять от возможного раскрытия их местным населением. Поэтому захоронение расстрелянных вблизи НКВД при такой спешной «работе» обеспечивало этому учреждению большую возможность утаить и скрыть тайну от излишнего любопытства жителей. И действительность эти расчеты оправдала: запуганное массовым террором и соседством НКВД население города и его окрестностей не шелохнулось и не пыталось разгадать эту тайну до прихода немцев. В целях полной маскировки этих могил НКВД использовал свой загородный, закрытый сад с тиром для стрельбы, участок городского кладбища вблизи бывшего анатомического театра, откуда после студенческих работ по анатомии выносились трупы для захоронения на том же кладбище, городской сад — «парк культуры и отдыха» — с устроенными, на месте могил убиенных, детскими качелями и другими развлечениями для посетителей парка вблизи этой площадки.

* * *

Раскопки производились в присутствии представителей городского управления, особенно часто в присутствии профессора А.А.С., местных и городских жителей и многих приехавших лиц из других отдаленных мест. Могилы вскрывались и очищались от трупов командой из арестованных по различным мелким преступлениям и из некоторого количества военнопленных.

Первые раскопки начались со стороны левого угла, где в первой же могиле была обнаружена сваленная одежда расстрелянных. Эта находка сразу же вскрыла важную особенность этой драматической «работы» НКВД. Найденная одежда состояла из различного ассортимента верхнего платья рабочих и украинских крестьян — домотканых свит, бараньих кожухов, сорочек и полотенец с украинской ручной вышивкой, пиджаков, брюк и пальто из дешевого материала, кепок и бараньих шапок. Этим открытием определилось социальное и политическое значение этих раскопок. В дальнейшем эти выводы полностью получили подтверждение в найденных документах, сброшенных и закопанных в отдельной, рядом расположенной, яме. В третьей яме была найдена сваленная туда сношенная и стоптанная крестьянская и рабочая обувь расстрелянных.

Из 679 трупов, с установленными по документам фамилиями и профессиями, найденными в этой яме и при трупах и опознанных родственниками, только 183

относились к интеллигентным профессиям, среди которых значительный процент составляли мелкие конторские служащие.

Этим самым был установлен факт уничтожения Сталиным людей не из социально-враждебных в прошлом слоев населения, не из высших и средних представителей советской бюрократии, так называемых «вредителей», как об этом постоянно твердит их пропаганда за границей, — нет, — «рабоче-крестьянская власть» расстреливала рабочих и крестьян. По Сталину, «врагом народа» оказался сам народ. Такова логика мышления коммунистических диктаторов — во имя сохранения своей диктатуры идти по пути безграничной и безжалостной лжи и расправы.

Впоследствии, после получения из Берлина разрешения на продолжение раскопок и после прибытия немецкой медицинско-экспертной комиссии (15 июня 1943 г.), в течение всего лета, вплоть до начала сентября, было вскрыто все перечисленное количество могил с общим числом обнаруженных в них 9432 трупов. Из них было 169 женских трупов.

В загородном «саду смерти», как местные жители называли это место, было обнаружено 5644 трупа, из них женщин — 53, на городском кладбище 2405, <из них женщин> — 85, в городском парке 1383, <из них женщин> — 31.

По опознанным родственниками трупам, по обнаруженным документам состав расстрелянных преимущественно относился к пригородному и сельскому и, частично, городскому населению. Это была великая сталинская «чистка» в Винницкой области в период ежовщины, проводимая в то время по всей необъятной нашей родине. Если нам удалось установить только в одном небольшом городе такое количество трупов, то спрашивается — сколько же было расстреляно в те годы по всей стране? В одной только Виннице содержалось в тюрьмах около 18 000 заключенных, из которых кто не был расстрелян, многие тысячи были высланы в концлагеря.

* * *

Разрытие могил и выемка трупов требовали больших физических усилий. Плотная осевшая земля с проросшей травой и дерном еще и потому создавала трудности при работе, что под этим пластом лежал слой уплотненной хлористой извести; последний приходилось разбивать ломом и мотыгами, и только тогда раскрывалась страшная картина набросанных послойно трупов. Одни из них лежали на спине, другие на боку, со свороченными к затылку головами, третьи на животе, вниз лицом, с вывернутыми ногами и руками. Все в нижнем белье — рубашках, кальсонах; верхнее платье на большинстве трупов отсутствовало. Все они лежали рядами, плотно прилегая друг к другу. Между слоями этих трупов была также насыпана земля. В непосредственной связи с такой плотной укладкой соприкасающихся друг с другом трупов и в связи с малым доступом воздуха в могилы процессы загнивания и разложения их были более или менее замедлены. Условия эти создавали своеобразные изменения сложных процессов гниения и распада белковых тел. Вот почему мы находили, в зависимости от различных условий этих процессов, в различных слоях, в поверхностных или более глубоких,

трупы с разной степенью сохранности их, с разной степенью разложения и распада, вплоть до отделения отдельных частей скелета: головы, кистей рук и т. д.

Размер могил был разный. Наиболее крупные, глубиной в 3,7 метра, длиной 2,8 × 5 метров, шириной 2,5 × 3 метра, были сосредоточены на северной стороне загородного сада и частью в городском парке. В каждой из таких могил помещалось около или более 200 трупов. Наибольшее число оказалось в девяти крупных могилах, в которых было более 250 трупов в каждой, даже 282 и 284. Меньшие могилы были на кладбище. Там количество трупов в каждой из них не превышало сотни. Были найдены могилы с четырьмя, шестью, десятью трупами. Трупы извлекались на поверхность земли, раскладывались рядами и подвергались первоначальному внешнему осмотру; обращалось внимание на отметки, на литеры и особенности нижнего белья. Такие отличительные признаки давали возможность опознавать родственникам своих погибших близких. Самая тяжелая была работа в глубине могил из-за душливого там воздуха. Оттуда трупы извлекались с помощью веревок. Приторно-тошнотный, едкий и потому невыносимый запах от разложившихся трупов отравлял воздух: было тяжело дышать. Присутствующие плотно зажимали платком нос и рот; для обоняния он был нестерпим. У долго пребывающих на раскопках платье пропитывалось, особенно волосы длительно сохраняли этот запах.

По мере большего и большего раскрытия могил и большего накопления извлеченных трупов этот запах становился слышен уже за один километр. Когда же поднимался хотя бы легкий ветерок, запах разносился по значительной окружности. Обонять его было чрезвычайно неприятно среди ликующей и просыпающейся природы. Как-то тяжело было видеть разгул зла среди расцветших яблонь, жужжания пчел, летающих белоснежных бабочек, возбужденно летающих птиц и расцветающей травы. Среди этого благоухания и весеннего солнца рядом лежали сотни трупов с зияющими нередко глазными впадинами отделившихся от трупов черепов.

* * *

Все без исключения трупы были с крепко связанными бечевкой руками, загнутыми назад, за спину. Развязывать, распутывать их не было возможности, все они были завязаны «мертвой» петлей, принятой в практике НКВД при транспортировке арестованных. Значительное количество было со связанными ногами. На расстрел вели людей, как на бойню скот, сопротивление у которых, при таких условиях, совершенно исключалось.

* * *

По состоянию трупов определялся срок захоронения, потом тщательно устанавливался способ умерщвления. Без исключения в каждом трупе находились входные пулевые отверстия на затылке. Выходные имели свое место в различных местах лицевой части черепа и нередко в теменной и лобной областях, в зависимости от оси приложения револьвера к затылку (сопротивление расстреливаемого, боязливый наклон головы и т. д.). Пулевой канал последовательно исследовался после вскрытия черепа.

При таком исследовании в значительном проценте всех случаев были обнаружены пульки 5 и 6 мм толщины и 22 мм длины, нередко сплюснутые, свинцовые. Мною была собрана небольшая коллекция из них, к сожалению, погибшая во время моих странствований. В начале своего исследования мною были установлены одиночные входные отверстия с «классическим» примером привычного к такого рода выстрелу выстрела энкаведистского палача; по мере увеличения числа исследования трупов таких одиночных смертоносных выстрелов насчиталось 2992. Огромное большинство — с двумя входными отверстиями — (6360), что уже указывало на неверность руки палача при массовых расстрелах, на его усталость, и он должен был приканчивать расстреливаемых вторым выстрелом; 78 случаев имели три отверстия, что следует объяснить поспешным выстрелом палача, без прицела на коротком расстоянии. Падавшую, еще живую, свою жертву он доканчивал на земле последующими выстрелами. Два трупа были даже с четырьмя выстрелами. Все эти данные указывают, что, возможно, палачей было несколько и одни из них были более опытные, другие — менее. При такой поспешности расправы на месте, как это было в «саду смерти», где было обнаружено больше дуплетных выстрелов, видимо, «специалистов» не хватало и выступали на сцену действия расправы охотники из разных чинов НКВД. У многих трупов было обнаружено отсутствие зубов, а у некоторых они находились во рту с нарушенными зубными ячеекми. Это явное доказательство, что они были выбиты при расправе с ними. В полости рта и гортани у некоторых трупов извлекалась земля, что указывало на заглатывание умирающими людьми земли, когда их засыпали еще живыми в могилах.

* * *

Мы начали свою работу без официального разрешения немецких властей, нас только допустили к этой работе, и мы вели ее на свой страх, риск и ответственность, не зная в точности, каково будет отношение к нашим действиям и раскопкам со стороны нацистского правительства. Нас обнадеживало то, что мы сможем довести начатое дело до конца, что в это время для расследования катынского злодеяния немецкое правительство уже послало международную экспертную комиссию. О Катыни мы знали из опубликованного немцами по радио сообщения еще в середине апреля. Мы надеялись в связи с этим, что на второе преступление советской власти обратит внимание если не само немецкое правительство, то международное общественное мнение. Наши надежды частично оправдались по части полученного разрешения от немецкого правительства. 15 июня в Винницу прилетела экспертная немецкая комиссия во главе с профессором Шрадером и его ассистентом. С этого времени ускорились работы по раскопкам. Но, невзирая на это, работы было так много, что она затянулась до начала сентября, когда нависла реальная возможность приближения советских войск к Виннице, что создавало опасение прекращения начатых работ. Но оказалось, что затянувшиеся военные действия благоприятствовали нам в этом деле, и мы успели окончить раскопки и собрать все данные. В июле месяце приезжала немецкая комиссия из профессоров, судебных медиков, а в августе — международная экспертная комиссия, подтвердившая наши исследования и выводы. В международную комиссию входили

эксперты из Бельгии, Болгарии, Финляндии, Швеции, Италии, Голландии, Румынии, Венгрии, Кroatии, Словакии, составившие и подписавшие подробный акт по своему судебно-медицинскому исследованию.

4. Население и раскрытое преступление

С момента начала раскопок все три места их явились местами паломничества городского и окружного населения. Развешанные на веревках платья, белье привлекали к себе колоссальное внимание проходящих, которые разыскивали по меткам на белье, вышивкам и прочим приметам своих расстрелянных братьев, сыновей и мужей. Каждый день то здесь, то около какого-либо трупа разыгрывались раздирающие душу сцены. По тем или иным документам, небольшим карманным предметам (табакерки, кисеты от табака и т. д.), выставленным для обозрения и опознавания на главной улице города, приходили родственники расстрелянных и находили трупы своих родных. Все эти случаи протоколировались, проверялись перекрестными вопросами, при каких обстоятельствах и когда был арестован их родственник. Толпы людей приезжали из далеких селений, деревень, местечек и городов. Среди предметов, найденных в могилах, были обнаружены нательные кресты православных священников, нательные иконки ксендзов и печати католических костелов. Это указывало, что среди жертв находились православные и католические священнослужители и, по-видимому, многие открыто исповедующие веру, т. к., по показаниям жителей, в то время было арестовано 30 священников, потом исчезнувших! С ними вместе арестовывались и прихожане.

* * *

Родственники и родные, распознавшие своих близких среди трупов расстрелянных, свидетельствовали, что на их вопросы в НКВД о судьбе арестованных давался ответ, что «они высланы в табор», т. е. в лагерь принудительных работ «без права переписки» — кто на 8, кто на 10 лет. Такие ответы, характерные для НКВД, своей заведомой ложью никому не внушали и не внушают доверия; но в то время при широких массовых арестах близкие рассчитывали, что НКВД не рискнет и не посмеет расстреливать в таком количестве ни в чем не повинных, даже с точки зрения Советов, людей. Поэтому к этим ответам относились более доверчиво, чем обычно, лелея надежду на встречу когда-нибудь со своими родными. Но жестокий, небывалый террор НКВД окончательно разбил их надежды, в чем так трагически они убедились на раскопках в Виннице — все они были уничтожены здесь же, на месте, без вывоза их куда-либо на сталинскую каторгу.

* * *

Сообщения, делавшиеся с разрешения немцев по радио о найденных братских могилах в г. Виннице, всколыхнули отдаленные города, и оттуда в течение всего лета приезжали полномочные представители различных городских управ, церковных общин и наглядно убеждались во всем виденном и слышанном. Население всей

оккупированной местности было в высшей степени взбудоражено, и, несмотря на скоро ожидаемый приход Красной армии, возмущение было полное. Все данные публиковались в местной украинской прессе. Немцы же в интересах своей пропаганды сообщали об этих раскопках в немецких газетах (с фотоснимками) и в газетах оккупированных стран. В результате таких публикаций из различных частей Европы, занятой немецкими войсками, приезжали комиссии журналистов, врачей, священнослужителей и т. д. Все они осматривали раскопки и трупы, делали множество фотоснимков, как и сами немцы — военные и гражданские служащие, нередко с этой целью приезжавшие на раскопки. Особенно много прибывало православных священников из разных окружных сел и городов. Все они участвовали на общих грандиозных панихидах по убиенным, устраиваемых во время нового захоронения этих трупов, на рядом расположенных участках. Торжественные панихиды по погибшим привлекали тысячи людей. Люди окружали братские могилы сплошной толпой, рыдали, забрасывая землей своих покойников. Печальное надгробное пение церковных хоров, дрожащие в вышине умирающего дня возгласы дьякона при торжественном служении архиереев создавали незабываемую картину для всех. Все молящиеся склонялись на колени при пении «вечная память» и тихо, бесшумно после панихид расходились с поникшими головами и со слезами на глазах; у всех был один и тот же негодующий вопрос «за что?»

5. За что расстреляны?

Ни один документ, обнаруженный в могилах и в одежде расстрелянных, не дал указаний на предъявленные им обвинения. Среди них находились квитанции по приему вещей в тюрьме, бывшие паспорта еще царского времени, различные удостоверения и справки советских учреждений, выданные еще до 1938 г., протоколы обысков за 37–38 гг. с изъятием официальных документов в виде военных билетов, удостоверений личности и т. д. Примером таких обысков служат два протокола: у одного расстрелянного были изъяты во время его ареста «две английские книги и две французские» без указания заглавия их, у другого — охотничье ружье (не эти ли невинные предметы являлись вещественными доказательствами их преступлений?!); в карманах двух одежд были найдены ответы от прокуратуры СССР из Москвы и прокуратуры г. Винницы на запросы жен двух расстрелянных в бытность, когда они были живы, о судьбе их мужей с просьбой нового рассмотрения их дел. В обоих случаях ответ сурово гласил об оставлении их ходатайств без последствий, а в одной из них (из Москвы) было указано, что такой-то «осужден на длительный срок со строгой изоляцией» без обвинения в каком-либо политическом преступлении и без определения срока наказания и места отбытия его. Оба эти документа помечены 1940 г. (сентябром и ноябром), что дает основание утверждать, что могилами в загородном саду НКВД пользовались и в 1939, и 1940 гг., пополняя их новыми жертвами после огромной «чистки социалистической родины от врагов», произведенной еще Ежовым, как он определял эту жестокую расправу с народом. Среди различных документов, офици-

альных бумаг и предметов личного употребления (табакерок, кисетов, носовых платков, куда можно было бы спрятать хоть клочок бумажки) характерно полное отсутствие писем и записок или хотя бы клочка бумажки от своих родственников. Такое отсутствие их на тысячи расстрелянных говорит за строжайший режим, проводившийся в отношении их в тюрьме НКВД. Они были строго изолированы от всего света не только тюремной решеткой, но и лишением свидания с близкими и разного рода передач, при которых все же можно передавать записки с перечнем передаваемых продуктов. И даже этих сопроводительных записок не удалось найти, значит, действительно они были лишены и передач.

Таким образом, анализ найденных документов, значительно истлевших и попорченных от почвенной влажности, установил полное отсутствие каких-либо выставленных им пунктов обвинения по Уголовному кодексу СССР, по которому арестованным предъявляются те или другие обвинения (по знаменитой 58 ст. Уголовного кодекса³¹).

* * *

Произведенный широкий опрос родственников, нашедших в количестве 679 случаев своих близких среди трупов расстрелянных, показал, что все они были арестованы неожиданно, то ночью на дому, то на работе, то с вызовом их в НКВД и, конечно, без объяснения причин их ареста. В последующем родственники их также не могли добиться разъяснения поводов их ареста. Если эти аресты были вызваны конкретными политическими обвинениями, то спрашивается: в состоянии ли были в те времена простые колхозники и рабочие, задавленные ежедневной заботой о хлебе насущном для своей семьи, проявить что-либо активное против советской власти? Зная те времена, это трудно объяснить. Все население в полном смысле этого слова затихло, наблюдая, как коммунисты в лице Ежова и НКВД уничтожают своих товарищей, и с тайной радостью наблюдало расправу с бывшими вождями, объявленными Сталиным и Ежовым врагами народа. Не за них же, так долго и зверски господствующих над всей страной, рабочие и крестьяне должны были выступать? Никто этого не хотел и не допускал. Население было только зрителем этой расправы и далеко было от мысли им сочувствовать, видя в гибели крупных коммунистов то, что наблюдается в банке с пауками, где более сильные и ловкие из них поедают других.

Не за подрывную же работу или вредительство могли арестовать и уничтожить 9432 человека? И какое же должно было быть широкое вредительство с такой массой людей! Оно должно было бы распространиться на все виды фабрик, на колхозы, советские и кооперативные учреждения, одним словом — на все формы жизни этой области. И, несмотря на такую невероятность, обвинения были выдвинуты по саботажу, вредительству, что подтвердили некоторые родственники расстрелянных.

Считаясь с невероятностью такого обвинения по отношению столь большого количества расстрелянных и не установив ни в одном случае политического пункта обвинения действительного, а не ложного, что постоянно делает НКВД и МГБ, следует признать, что арест и расстрел такой массы людей был произведен

исключительно по мотивам общего в то время острого политического положения в Кремле и политической линии Сталина, в личных целях которого Ежов провел метод устрашения населения беспощадным массовым террором.

6. Метод массового террора

В период ликвидации в 1937–38 гг. всей верхушки коммунистической партии и различных «заговоров» Тухачевского и других красных маршалов и генералов Сталиным овладел страх не только перед явными, но и потенциальными врагами. К последним НКВД относил и во времена Ежова, и до него, как относит теперь и МГБ, всякого, кто посмел где-либо, хотя бы намеком, высказать свое недовольство каким-нибудь советским распорядком жизни, позволил себе рассказать самый невинный советский анекдот, который мог бы быть оценен как антисоветский, позволил себе высказать хоть малое сомнение в правильности политической линии. Одним словом, лишнее где-либо сказанное слово: на заводе, в мастерской, в колхозе, в учреждении, в магазине или на улице в очереди, которое можно было истолковать как проявление некоторой свободы мысли и недовольства существующим порядком, давало повод к занесению в списки как подозрительного и в дальнейшем к изъятию этого человека из жизни на долгий срок. Такова была и есть советско-коммунистическая практика и действительность.

* * *

Все, что таит в себе, по мнению Сталина и его Политбюро, опасность превращения из скрытого, потенциального врага в не только в возможно-активного, но даже предполагаемого врага, должно быть усмирено самым жестоким образом, и если по внутренней политической обстановке надо, то в корне уничтожено.

Предупредительный террор проявлялся еще задолго до господства НКВД Ежова, при котором этот беспощадный метод достиг широкого распространения на всю страну и на все слои населения. Иначе говоря, массовый террор присущ советской системе на всем протяжении ее существования. Тому примером могут служить: во-первых, жестокие массовые расправы в период так называемого «военного коммунизма» в 1918–1922 гг. с крестьянами во время и после восстания в Тамбовской, Смоленской, Рязанской и других областях и с кронштадтскими матросами, рабочими и другими жителями Петрограда и его окрестностей после подавления в Кронштадте восстания (март, апрель 1921 г.); во-вторых, массовое уничтожение крестьян в 1930–1933 гг. при их преимущественно только пассивном сопротивлении коллективизации; уничтожение коснулось не только их и их жен, но и их детей, невзирая на возраст, вплоть даже до грудных ребят. На Украине, Дону, Северном Кавказе погибло от специально вызванного искусственного голода, в результате насильственного отнятия вооруженными отрядами от крестьян хлеба и всех имеющихся у них продуктов более 10 миллионов человек; в-третьих, грандиозная высылка из Ленинграда после убийства в декабре 1934 г. Кирова всех подозрительных, по мнению НКВД, лиц в количестве более 50 ты-

сяч жителей этого города. В эту «чистку», как определяли советские органы эту расправу, попали различные социальные группы населения, начиная от рабочих и кончая студентами и профессорами; эта беспощадная массовая высылка столь большого количества людей в отдаленные места (Сибирь, Туркестан, Дальний Восток) продолжалась в течение нескольких месяцев в 1935 г.

То же самое повторилось с военнопленными, возвращенными в 1940 г. Финляндией после окончания советско-финской войны, и с военнопленными, и с так называемыми «остарбайтарами» после этой последней с Германией войны, которых не только расстреливали по обвинению «за измену родине», но и уничтожали немислимым режимом в принудительных лагерях.

Проводился этот метод в 1939 г. в занятых Прибалтике и Польше, проводится и в настоящее время в отношении всех социальных групп, опасных, по мнению Сталина, при водворении коммунизма в присоединенных к Советскому Союзу странах. Очищаются этим же методом целые территории от различных небольших народностей в лице крымских татар, кабардинцев и других, обвиненных якобы в сочувствии к немцам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Метод массового устрашения населения, проводимый в целях беспрекословного подчинения всей генеральной линии Политбюро, может быть определен как основной рычаг насильственного внедрения и укрепления коммунизма в одной стране.

И при нарастающей опасности для демократического мира насильственного внедрения коммунизма — не служат ли винницкие и другие гекатомбы предупреждением свободолобивому человечеству!

Коммунизм уже шагает не в качестве какого-то отдаленного призрака по Европе, о чем писал сто лет тому назад Карл Маркс в своем «Коммунистическом манифесте», а в качестве реальной силы вооруженных до зубов коммунистов не только по Балканам и другой части Европы, но и по Китаю, а теперь и по Корее!³² И после их победы в тех или других частях мира, особенно если восторжествует, к несчастью человечества, пропагандируемый ими «мировой октябрь», с тревогой и душевным трепетом за людей можно сказать, что последуют в интересах того же укрепления коммунизма еще более грандиозные гекатомбы, чем те, какие установлены в г. Виннице.

---

¹ Судебный процесс над 23 главными военными преступниками проходил в Нюрнберге (Германия) в Международном военном трибунале (МВТ) с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Стенограммы заседаний и сопутствовавшие им документы изданы Секретариатом Трибунала в 42 томах на многих языках. В СССР / России материалы опубликованы: Нюрнбергский процесс: Сб. м-лов: В 8 т. / Науч. ред. Н.С. Лебедева. М., 1987–1999. См. также новейшее издание архивных документов: СССР и Нюрнбергский процесс: Неизвестные и малоизвестные страницы истории / Сост. Н.С. Лебедева. М., 2012.

² 13 февраля 1946 г. заместитель главного советского обвинителя полковник Ю.В. Покровский предъявил МВТ подробное обвинение по Катынскому делу, основанное на материалах Специальной комиссии во главе с Н.Н. Бурденко и возлагавшее вину за организацию расстрелов на немецкую сторону. Однако Трибунал не поддержал советское обвинение, и в приговоре МВТ катынский эпизод отсутствует. Корпус важнейших советских документов по Катынскому делу см.: Катынь: Пленники необъявленной войны: Докты и м-лы / Сост. Н.С. Лебедева, Н.А. Петросова, Б. Вошинский, В. Матерский. М., 1997; Катынь. Март 1940 г. — сентябрь 2000 г.: Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни: Докты / Отв. сост. Н.С. Лебедева. М., 2001; см. также: *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001. О подготовке советского расследования катынских расстрелов в январе 1944 г. см.: *Сорокина М.Ю.* Операция «Умелые руки», или Что увидел академик Бурденко в Орле // In *Memoriam*: Сб. памяти Владимира Аллоя. СПб.; Париж, 2005. С. 361–389.

³ *Покровский Юрий Владимирович* (1902–1953) — военный юрист, полковник юстиции. В 1945–1946 гг. заместитель главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе.

⁴ Судья Верховного суда США Роберт Джексон (1892–1954) был Главным обвинителем от США на Нюрнбергском процессе.

⁵ Дивизионный генерал польской армии Владислав Андерс (Anders; 1892–1970) командовал польскими формированиями во время Второй мировой войны. После войны выпустил книгу «An Army in Exile: The Story of the Second Polish Corps» (L., 1949) и в том же году совместно со Здиславом Шталем (Stahl) — книгу «Katyn» (P., [1949]).

⁶ См.: *Laskowski J.* Sprawa kатыńska w Norymberdze // *Niepodległość*. 1948. Т. 1. Р. 219–233.

⁷ Наркомат (с 1946 г. Министерство) государственной безопасности СССР существовал в феврале – июле 1941 г. и в 1943–1953 гг.

⁸ Захоронения в Катыни были обнаружены немецкой полевой полицией в феврале 1943 г.; 29 марта началась эксгумация, а 13 апреля было официально объявлено о находке захоронений расстрелянных польских офицеров.

⁹ См.: *Debons D., Fleury A., Pitteloud J.-F.* Katyn et la Suisse: Experts et expertises médicales dans les crises humanitaires, 1920–2007, actes du colloque international, tenu à Genève, 18–21 avril 2007. Genève, 2009.

¹⁰ Материалы немецкого расследования см.: *Amtliches Material zum Massenmord von Katyn. Im Auftrage des Auswärtiges Amtes auf Grund urkundlichen Beweismaterials zusammengestellt, bearbeitet und herausgegeben von der Deutschen Informationsstelle.* Berlin, 1943. (Факсимильно переизданы в 1999.)

¹¹ В оккупированной Виннице до октября 1943 г. было эксгумировано 9439 трупов.

¹² Эта версия до сих пор остается спорной.

¹³ Здесь и далее А.А.С. — бургомистр Винницы профессор Александр Александрович Савостьянов (о нем см. примеч. 82 в нашей статье).

¹⁴ Гебитскомиссариат «Винница», возглавлявшийся гебитскомиссаром Фрицем Маргенфельдом, входил в генеральный округ «Житомир». Крейслейтер — окружной партийный руководитель; подчинялся в партийной иерархии гаулейтеру, но назначался лично фюрером.

¹⁵ *Кох Эрих* (Koch; 1896–1986) возглавлял рейхкомиссариат Украины с 1 сентября 1941 по 10 ноября 1944 г. Признан военным преступником; приговорен к смертной казни, замененной пожизненным тюремным заключением.

¹⁶ Рейхсминистр Альфред *Розенберг* (Rosenberg; 1893–1946) возглавлял Имперское министерство оккупированных восточных территорий.

¹⁷ *Альбрехт* Карл Иванович (наст. имя и фам. Карл Маттхойз Лёв; 1897–1969) — немецкий коммунист; по образованию лесной инженер. В 1924 г. приехал в СССР; член Рабоче-крестьянской инспекции СССР и руководитель секции лесного хозяйства и деревообрабатывающей промышленности при РКИ. В 1933 г. арестован по обвинению в шпионаже в пользу Германии и приговорен к расстрелу, но затем помилован и в апреле 1934 г. выслан в Германию, где также попал в концлагерь. Автор известной книги «Преданный социализм» (*Der verratene Sozialismus: Zehn Jahre als hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion*. Berlin; Leipzig, 1938). Упомянутые брошюры являлись переработанными фрагментами этой книги и активно использовались для пропаганды в годы Второй мировой войны.

¹⁸ *Сикорский* Владислав (Sikorski; 1881–1943) — польский военачальник и политик, генерал брони (генерал-полковник), глава правительства Польши в изгнании.

¹⁹ Материалы расследования были опубликованы: *Amtliches Material zum Massenmord von Winniza*; Berlin, 1944.

²⁰ *Унтерменши*, недочеловек (*нем. Untermensch*) — расистско-евгенический термин из идеологии национал-социалистов.

²¹ *Фольксдейтши*, правильно — фольксдойче (*нем. Volksdeutsche*) — обозначение этнических немцев, живших за пределами Германии.

²² *Лозовский* Соломон Абрамович (1878–1952) — зам. наркома иностранных дел (1939–1946), одновременно зам. (с 1941), начальник Совинформбюро (1945–1948). По его инициативе в апреле 1942 г. создан Еврейский антифашистский комитет, по делу которого Лозовский арестован в 1949 г. и расстрелян. *Эренбург* Илья Григорьевич (1891–1967) — писатель.

²³ Существует немало свидетельств, подтверждающих эту оценку деятельности профессора А.А. Савостьянова в оккупации. Так, в частности, он сыграл важную роль в жизни известного биохимика Владимира Павловича Скипского (1913–1984), мобилизованного в Красную армию и затем попавшего в немецкий плен. Благодаря помощи Савостьянова он был освобожден в Виннице и в дальнейшем уехал в США, где специализировался по раковым опухолям.

²⁴ Секретарем Винницкой городской управы был П.М. Шереметьев. Заведующим медико-санитарным отделом управы — профессор кафедры гигиены и эпидемиологии, заведующий учебной частью Винницкого медицинского института, доктор медицинских наук Георгий Станиславович Ган. После войны возглавлял санитарно-бактериологическую лабораторию Луганской областной санэпидстанции.

²⁵ Дом Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926), генерала от кавалерии, командира 12-го армейского корпуса, штаб которого стоял в Виннице в 1913–1914 г., сохранился в городе до сих пор. Здесь также находится усадьба «Вишня» выдающегося русского хирурга Николая Ивановича Пирогова (1810–1881) и его усыпальница, где хранится забальзамированное тело медика.

²⁶ Руководители (*нем. Leiter*).

²⁷ Так называемый Большой дом (Литейный пр., д. 4).

²⁸ Вычеркнуто автором: «мною при участии судебного врача доктора Д.». Речь идет о доценте Винницкого медицинского института Архипе Семеновиче Дорошенко.

²⁹ *Шрадер* Герхард (Schrader; 1900–1949) — профессор, директор Института судебной и социальной медицины университета Галле-Виттенберг.

³⁰ *Ежов* Николай Иванович (1895–1940) — народный комиссар внутренних дел СССР в 1936–1938 гг.

³¹ Т. е. по статье, предусматривавшей наказания по различным видам контрреволюционной деятельности.

³² Имеется в виду Корейская война 1950–1953 гг.

Н.А. Егорова

ЧЕТВЕРТАЯ ВОЛНА,
или РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В ГЕРМАНИИ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

ВСТУПЛЕНИЕ

«Русская Германия» сегодня — это явление, напоминающее двадцатые годы прошлого века. Русский литературный процесс в Германии в первой половине XX в. достаточно серьезно изучен. Этому вопросу посвящен ряд научных исследований, опубликованных самостоятельной главой в книге «Русская эмиграция в Германии с 1918 по 1941 г.» («Russische Emigration in Deutschland, 1918 bis 1941»)¹, в сборнике материалов научной конференции, состоявшейся в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына². Отдельное исследование посвящено литературной критике³. В круг важнейших тем культуры русской эмиграции в Берлине вводит сборник «Русский Берлин»⁴, в котором представлены фрагменты воспоминаний о жизни русских в столице Германии, свидетельства современников и биографов о русских издательствах, о деятельности русских писателей.

Российская историография пока не располагает ни одной монографией, анализирующей явление «русской Германии» сегодня как самостоятельный феномен. Данная статья представляет собой попытку взглянуть на литературный облик современной «русской Германии». Автор не претендует на глубокий литературоведческий, критический анализ и полноту картины, а лишь обозначает основные аспекты развития русского литературного процесса в Германии за последние 20 лет. Исследование велось с привлечением большого количества интернет-ресурсов, так как печатных источников по этой теме крайне мало. В связи с этим интернет-источники активно использованы в ссылках.

Взаимный интерес русского и немецкого народов к культурным достижениям друг друга существовал на протяжении столетий. Давние и традиционно прочные российско-германские связи укрепились в начале XX в. В этот период особенно интенсивными стали литературные контакты. Русские писатели, такие как Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, стремились издать свои произведения в

---

¹ In der Gutenberg-Galaxis: Russische Verlage und Zeitungen in Berlin // Russische Emigration in Deutschland, 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg / Hrsg. von K. Schlögel. Berlin, 1995. S. 399–484.

² Русский Берлин, 1920–1945: Междунар. науч. конф. / Науч. ред. Л.С. Флейшман; сост. М.А. Васильева, Л.С. Флейшман. М., 2006.

³ Сорокина В.В. Формирование литературной критики русского зарубежья: Берлинский период. Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.

⁴ Русский Берлин / Сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. М., 2003.

Германии. В 1910-е гг. многие русские поэты и писатели посещали Германию, выступали там.

Новый приток русской творческой интеллигенции произошел после Октябрьской революции в России. Германия пережила три волны русской эмиграции: после революции 1917 г., после Второй мировой войны, в 1970-е — первой половине 1980-х гг. (диссидентское движение в СССР).

ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ

Первая волна эмиграции была самая многочисленная. В 1923 г. в Германии насчитывалось около 600 тыс. русских эмигрантов. Мощный культурный центр, вокруг которого объединились русские, рассеянные по всей Германии, сложился в Берлине. Здесь была сосредоточена значительная часть наиболее известных в России ученых, общественных деятелей, издателей, писателей, журналистов, музыкантов, артистов и художников.

В истории русского зарубежья 1920–1924 гг. получили названия «берлинский период русской культуры XX в.», «русский Берлин»⁵. К этим двум понятиям присоединилось и понятие «русский литературный Берлин»⁶, дополняющее картину особой литературной ситуации начала 1920-х гг. Большую часть эмиграции составляла эмиграция литературная, и Берлин стал признанным центром русской литературы. Здесь работали Союз журналистов и литераторов, Дом искусств, Писательский клуб, Кружок поэтов, Комитет помощи русским литераторам и ученым, Литературный кружок имени профессора Ю.И. Айхенвальда, Общество ревнителей русской книги.

В 1920-е гг. в Германии жили писатели и поэты Ю.И. Айхенвальд, А. Белый, Р.Н. Блох, О.В. Гзовская, М.Г. Горлин, Р.Б. Гуль, Б.К. Зайцев, П.Н. Краснов, И.С. Лукаш, В.В. Набоков, А.С. Присманова, А.М. Ремизов, И.Е. Сабурова, Ю. Фельзен, В.Ф. Ходасевич, М.И. Цветаева, И.В. Чиннов. В Берлине происходило оживленное общение литераторов из эмиграции и из России. В столицу Германии приезжали С.А. Есенин, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, Б.А. Пильняк, К.А. Федин, В.Б. Шкловский.

В Берлине действовало несколько крупных русских издательств (по данным Союза русских издателей в Германии, в 1924 г. их было 87⁷), которые выпускали в основном книги гуманитарного характера, альманахи, журналы и газеты. Современный немецкий исследователь Г. Кратц опубликовал список, включающий более 200 русских издательств в Берлине⁸. Самыми крупными были издательства

---

⁵ Базанов П.Н., Шомракова И.А. Книга русского зарубежья: Из истории книжной культуры XX века: Учеб. пособие. СПб., 2001. С. 21.

⁶ Русский Берлин, 1921–1923: По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюза, О. Раевской-Хьюз. Paris: YMCA-Press, 1983. С. 2.

⁷ См.: *Ионцев В.А. [и др.]*. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 56.

⁸ См.: *Kratz G. Russische Verlage und Druckereien in Berlin 1918–1941 // Chronik russischen Lebens in Deutschland, 1918–1941. Berlin, 1999. S. 501–569.*

«Слово», «Геликон», «Скифы», «Петрополис», «Медный всадник», «Мысль», «Знание».

На страницах толстых эмигрантских берлинских журналов «Жар-птица», «Златоцвет», «На чужой стороне», «Русский колокол», «Эпопея» и других печатались произведения русских писателей, поэтов, философов, литературных критиков. Самая крупная ежедневная газета «Руль» (1920–1931) на протяжении всей своей деятельности постоянно имела не только полосу литературы и литературной хроники, но и литературно-критический отдел, редактируемый до 1928 г. Ю.А. Айхенвальдом. Особое место в русском Берлине принадлежало воскресному «Литературному приложению» к газете «Накануне», которым руководил А.Н. Толстой. На страницах приложения печатались М.А. Булгаков, М. Горький, Вс.Н. Иванов, В.П. Катаев, В.Г. Лидин, М.Л. Слонимский, И.С. Соколов-Микитов, К.А. Федин.

Вторая волна русской эмиграции в Германию началась после Второй мировой войны, став ее порождением. Эту волну составили люди, оказавшиеся во время войны за пределами СССР и оставшиеся там.

И снова Германия стала центром русской эмиграции. Основная масса эмигрантов осела в Мюнхене. В литературном отношении по сравнению с первой это была менее продуктивная волна. Можно выделить имена писателей Р.В. Иванова-Разумника, Л.Д. Ржевского, Б.А. Филиппова, Б.Н. Ширяева, В.И. Юрасова; поэтов О.Н. Анстей, И.В. Елагина, Д.И. Кленовского, Н.Н. Моршена; литературоведов и критиков Г.А. Андреева, В.К. Завалишина, М.М. Корякова, В.Д. Самарина, Л.А. Фостер.

Большинство писателей второй волны эмиграции печатались в «Новом журнале» (Нью-Йорк) и в журнале литературы, искусства и общественной мысли «Грани», который начал выходить в Германии в 1946 г. В Мюнхене издавались литературно-художественный и общественно-политический альманах «Мосты» (1958–1970) и журнал литературы и критики «Литературный современник» (1951–1954). В 1958 г. вышел сборник-антология «Литературное зарубежье»⁹ с произведениями практически всех, кто потом определял развитие литературы второй волны. В 1959 г. на страницах «Граней» (№ 44) была опубликована антология поэтов обеих волн, позднее вышедшая отдельной книгой «Муза диаспоры»¹⁰.

В произведениях писателей-эмигрантов второй волны можно выделить четыре ведущие темы: 1) коллективизация, репрессии 1930-х гг., лагеря ГУЛАГа; 2) Великая Отечественная война; 3) плен и немецкие концлагеря; 4) первые годы жизни в эмиграции.

Границы третьей волны литературной эмиграции обычно отмечаются выездом в 1972 г. поэта И.А. Бродского и началом перестройки. В начале 1970-х гг. СССР начинают покидать деятели культуры и науки, в том числе писатели, поэты, драматурги и художественные переводчики, литературные критики и искусствоведы.

⁹ Литературное зарубежье: Сб.-антол. Мюнхен: Изд-во ЦОПЭ, 1958.

¹⁰ Муза диаспоры: Избр. стихи зарубежных поэтов: 1920–1960 / Под ред., сост. Ю. Терапиано. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960.

В Германию эмигрировали писатели Г.Н. Владимов, В.Н. Войнович, позже переехавший в США, Ф.Н. Горенштейн, В.В. Кунин. Социолог, писатель А.А. Зиновьев, высланный с семьей из СССР, с 1978 по июнь 1999 г. жил в Мюнхене, занимаясь научным и литературным трудом. Писатель, филолог Л.З. Копелев и его супруга Р.Д. Орлова были лишены советского гражданства в канун истечения оговоренного срока пребывания в Германии. С 1980 г. они жили в эмиграции в Кельне.

Приток русских писателей в Германию вызвал оживление литературного и газетного дела; приостановилось падение русского книгоиздания, начавшееся в послевоенные годы. Писатели-эмигранты третьей волны, как правило, принадлежали к поколению шестидесятников. Немаловажную роль для этого поколения сыграл факт его формирования в военное и послевоенное время.

«Русским писателям новой эмиграции было о чем рассказать зарубежному читателю хотя бы уже потому, что они являлись полномочными представителями советской цивилизации, носителями советского опыта жизни (причем в его концентрированном виде), незнакомого первым двум “волнам”... В 70-е, начале 80-х годов наступило острое ощущение завершенности русского эмигрантского литературного цикла: Россия перестала быть СССР и вошла в свое новое время, а эмигрантская литература сделала свое дело — осмысление богатейшего пласта русской жизни, формировавшегося, развивавшегося и — постепенно исчерпавшего себя. Естественно, это не означает, что наступила смерть литературы русского зарубежья. Это говорит о том, что мы стоим на пороге ее нового развития»¹¹.

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ 1990–2000-х гг.

Развитие началось в 1990-е гг. с очередным потоком выезжающих из бывшего СССР. Одни авторы (К. Егорова)¹² относят этот поток к третьей волне, другие к четвертой: «Четвертая волна» эмиграции в Германию, начавшаяся в начале 90-х годов прошлого века, заметно отличается от предыдущих волн»¹³.

Отличия начинаются уже с количества эмигрантов. Русскоязычная община сегодня — одна из самых больших в Германии, но точных сведений о том, сколько русских проживает в стране, нет. В среднем считается, что около 3 млн. человек¹⁴.

В современной Германии существуют две основных категории русскоязычных жителей — поздние переселенцы из республик бывшего СССР и еврейские беженцы.

---

¹¹ Прищепина В.П., Прищепина В.А. «Третья волна» русской литературной эмиграции // Литература русского зарубежья: Учеб. пособие. Абакан, 1994. С. 23.

¹² См.: Егорова К. Наши снова взяли Берлин // Русские новости [Электронный ресурс]. 2009. 27 янв. URL: <http://www.russiannews.ru/freetime/21120> (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

¹³ Кудряц Е.В. «Наша» пресса в Германии // Lib.ru [Электронный ресурс]: журнал «Самиздат». URL: http://samlib.ru/k/kudrjac_e_w/pressa.shtml (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

¹⁴ См.: Баумгартен Л.Н. Русские художники в Дрездене // Женщина в Европе [Электронный ресурс]. URL: http://www.womanineurope.com/magazin/s_lada_art.php (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

Внешние приметы русского присутствия остались те же, что и в начале XX в. Практически в каждом городе есть русские магазины, рестораны. Во всех больших немецких городах можно найти русскоязычные адвокатские конторы, русских врачей и страховщиков, русскоязычные общества, русские бюро путешествий и школы выходного дня. В больших городах действуют русские православные храмы. Русскоязычные газеты и журналы, сайты и порталы — давно не новинки в Германии.

«Русская Германия» сегодня, безусловно, существует. «И наверное, это единственная страна в Европе, где данное явление можно рассматривать более-менее цельно. В отличие от других европейских стран, где это скорее выглядит фрагментарно и разобщено. Например, в Англии или во Франции. Где так называемые русские — это представители только определенных социальных слоев и групп или достатка. В Германии же есть все, и помногу»¹⁵.

Несмотря на столь явное присутствие русских, поэт, эссеист, организатор и литературный редактор литературного портала «Русский автобан» и литературного конкурса «Согласование времен» Елена Рышкова, проживающая в Германии с 1999 г., отмечает: «В Германии нет русской диаспоры. Официальные власти словно не замечают эти сотни тысяч людей, говорящих по-русски. Не видят в упор русские газеты, журналы, библиотеки, телевизионные каналы, праздники авторской песни, литературные конкурсы и театры. Но практически в каждом городе в городской библиотеке уже имеется стеллаж с книгами на русском языке»¹⁶.

В 1990-е гг. в Германии оказалось много авторов, пишущих на русском языке. В литературном процессе участвуют как представители так называемой четвертой волны, так и те, кто прибыл с третьей волной эмиграции. «Иные работают в меру сил и возможностей, вживаются в новую среду обитания. Есть и такие, что живут то в Америке, то в Израиле, то в Германии. Появились и совсем неизвестные у нас имена»¹⁷.

По мнению филолога-русиста, критика Е.В. Тихомировой, русских писателей в Германии более 100, только в Берлине проживают около 25 авторов, активно пишущих и печатающихся (данные на 1998 г.)¹⁸. Среди известных в России писателей, «имеющих имя» и на новом месте, критик и переводчик Е.А. Кацева называет В.В. Вебера, Г.Н. Владимова, А.А. Зиновьева, Ф.Н. Горенштейна, Б. Хазанова, С.С. Юрьенена¹⁹.

21 февраля 2012 г. на творческом вечере в Москве, в Доме русского зарубежья филолог, писатель и литературовед Г.Э. Ионкис (Кёльн) представила свою новую

¹⁵ *Баумгартен Л.Н.* Русские художники в Дрездене.

¹⁶ *Рышкова Е.* Русская литература в Германии // Lib.ru [Электронный ресурс]: журнал «Самиздат». URL: http://samilib.ru/s/suhowa_e_a/10a-88.shtml (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

¹⁷ *Кацева Е.А.* Что имеем, не храним // Знамя. 1999. № 9. С. 229. Рец. на кн.: *Russische zeitgenössische Schriftsteller in Deutschland: Ein Nachschlagewerk* / Hrsg. von E.V. Tichomirova; unter Mitwirkung von U. Scholz. München, 1998. (Slavistische Beiträge. 367).

¹⁸ См.: *Tichomirova E.V.* Vorwort // *Russische zeitgenössische Schriftsteller in Deutschland*. S. 6.

¹⁹ См.: *Кацева Е.А.* Что имеем, не храним. С. 229.

книгу «Золото Рейна»²⁰ о немецкой культуре. На вопрос о современной русскоязычной литературной ситуации в Германии Ионкис выделила имена трех писателей, эмигрировавших в Германию в 1980-е и 1990-е гг.: Ф.Н. Горенштейн, В.И. Порудоминский и Б. Хазанов. В ряду заметных фигур писателей-эмигрантов Ионкис назвала издателя журнала «Крещатик» Б.Н. Марковского, прозаика, эссеиста М.И. Полянскую, киноведа М.И. Туровскую.

Автор романов «Искушение», «Псалом», «Место», сценариев фильмов «Солярис», «Раба любви» Ф.Н. Горенштейн эмигрировал в 1980 г. и прожил в Германии более 20 лет, до самой смерти в 2002 г. На родине в советские годы Горенштейн практически не издавался. Сам писатель называл свое творчество мстью тоталитарной системе. За рубежом его произведения печатались в эмигрантских журналах «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Зеркало загадок» (Берлин), «Континент» (Мюнхен), «Синтаксис» (Париж). В период эмиграции книги Горенштейна начали выходить по-французски и по-немецки. Нью-йоркское издательство «Слово-Word» выпустило на русском языке трехтомник писателя, книги «На крестцах. Хроника времен Ивана IV Грозного» (2002), «Летит себе аэроплан» (2000) (о Марке Шагале).

Известный литературовед В.И. Порудоминский в эмиграции с 1994 г., живет в Кёльне. Он прославился написанием научно-популярных биографий о деятелях русской культуры для серии ЖЗЛ. В эмиграции Порудоминский продолжает развивать литературно-биографический жанр, много публикуется в русской зарубежной и в российской периодике. В Германии на русском и немецком языках издана его книга «Планк, сын Планка» (2001).

Б. Хазанов эмигрировал в Германию в 1982 г., живет в Мюнхене. Он был одним из соучредителей и издателей русского журнала «Страна и мир» (Мюнхен, 1984–1992), опубликовал семь книг прозы и эссеистики в США, Германии и Израиле. Произведения Б. Хазанова переведены на ряд европейских языков, он лауреат нескольких литературных премий, в частности премии немецкого города Гейдельберга «Литература в изгнании» (1998).

Среди русских литераторов, живущих в Германии, есть и такие, которые не только пишут свои собственные произведения, но и знакомят русских читателей с творчеством немецких поэтов и прозаиков. Филолог, прозаик, переводчик Р.Н. Шиллигат эмигрировала в Германию в 1995 г., живет в Оберхаузене. Печатались в русскоязычных периодических изданиях Германии, Дании и Австрии.

В 2011 г. издана книга переводов Р.Н. Шиллигат «Мотивы любви и смерти»²¹, в которую вошли произведения немецких поэтов и писателей первой половины XX в. Появление в своем творчестве переводов Шиллигат объясняет желанием создать для русскоязычного читателя образ немецкой литературы на русском языке.

В Германии работает целый ряд поэтов: В.И. Барский, И.Н. Бурихин, В.В. Вебер, Н.М. Генина, М.И. Гершенович, А. Гринвальд, С.И. Гурарий, А. Дельфинов,

---

²⁰ Ионкис Г.Е. Золото Рейна: Сокровища немецкой культуры: Очерки и эссе. СПб., 2011.

²¹ Мотивы любви и смерти: Антол. произведений немецкоязычных писателей первой половины XX века / Пер. с нем. Р.Н. Шиллигат. М., 2011.

О. Денисова, Д.Г. Драгилёв, Т.А. Жирмунская, Е.А. Иноземцева, Г. Киршбаум, И.В. Китуп, В.В. Ковда, А.В. Лайко, М. Майер, Б.Н. Марковский, О.Б. Мартынова, Ры Никонова, В.Г. Перельмутер, И. Рашковская, С.В. Сигей, Е.А. Сухарев, С. Тенятников, В.И. Фадин, Д.С. Фаншель, А. Филюта, Д.С. Чкония, Б.И. Шапиро, Л. Щиголь, О.А. Юрьев.

Филолог, поэт и переводчик С.Е. Бирюков (Галле, Германия) считает, что сегодняшнее присутствие русских поэтов в Германии можно сравнить с 1920-ми гг. Фактически здесь представлен весь спектр современной российской поэзии. Это и традиционалисты, и экспериментаторы, представители авторской песни и поэтического слэма. Поэты живут в разных городах, пересекаются лично на фестивалях или заочно на журнальных и интернет-страницах. Сборники стихов русских поэтов выходят на немецком языке. Среди переводных изданий можно назвать книги А.А. Альчук²², А.М. Парщикова²³, В. Шерстяного²⁴.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Почва для существования литературы — это журналы, издательства. За сравнительно небольшой исторический отрезок на рынке прессы Германии появилось не меньше сотни периодических изданий на русском языке. Но если в 1920-х гг. эмигранты издавали толстые литературные журналы и печатали в них классиков отечественной литературы, то нынешние издатели предпочитают толстым журналам тонкие газеты бульварного содержания, рассчитанные на широкую публику.

По содержанию «все, что издается в Германии на русском языке, можно сгруппировать в три направления: газетенки а-ля “Из рук в руки” с объявлениями о починке примусов и знакомствах (издаются регионально и в большом количестве), более-менее качественная пресса о политике, культуре, обществе (издается централизованно в Берлине и немногочисленно) и литературно-художественные газеты и журналы»²⁵.

В Германии русские литераторы инициировали несколько литературных изданий, одни из которых уже прекратили существование, другие продолжают выходить. Двуязычие — характерная особенность ряда литературных журналов, выходящих в Берлине («Студия», «Новая студия») — позволяет найти точки соприкосновения и соответствует замыслу редакторов издавать журналы равно интересные и немцам, и русским.

По мнению Е.В. Тихомировой, русская литература восстанавливает былое единство, эмиграция и метрополия все более становятся «общающимися со-

²² *Altschuk A.A.* Schwebe zu stand: Gedichte / Mit einem Nachwort von M. Ryklin. Berlin, 2010.

²³ *Parschtschikov A.M.* Erdöl: Gedichte: Russisch-Deutsch / Aus dem russ. von H. Jackson. Berlin, 2011. (Kookbooks-Reihe Lyrik / Hrsg. von D. Seel; Bd. 19.)

²⁴ *Scherstjanoi V.* Mein Futurismus / Mit einem Nachwort von M. Lentz. Berlin, 2011.

²⁵ *Жаворонкова Т.Н.* Настоящая ситуация с русскоязычной прессой Германии // Media-Day.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://media-day.ru/topnews/7329> (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

судами». Альманахи, выходящие в Германии, предпочитают называться «интернациональными» и печатать авторов вне зависимости от их местопребывания²⁶.

На сегодняшний день в Германии, во Франкфурте-на-Майне выходит два толстых литературных журнала — «Литературный европеец» и «Мосты». Главный редактор и издатель — В.С. Батшев, писатель, поэт, председатель Союза русских писателей в Германии, участник легендарного независимого литературного общества «СМОГ», диссидент, эмигрировавший в Германию в 1995 г.

«Литературный европеец» — орган Союза русских писателей в Германии, издается ежемесячно с апреля 1998 г. Журнал имеет своих корреспондентов во всех европейских странах и в США. Основные рубрики — «Проза», «Поэзия», «Литературный календарь», «Мы и литература», «Глазами современника», «Переводы», «Дайджест».

Авторы журнала — русские писатели из Германии, Франции, Чехии, США, Великобритании. Среди постоянных авторов — В.И. Амурский, И. Ахметсафин, Э.О. Бернгард, Н.К. Боков, Л.Б. Борич, И.А. Гергенрёдер, Л.В. Доттай, Н.Е. Дронников, А.Б. Зимин, Т.С. Ивлева, Л.И. Ицелев, С. Ицкович, Г.Л. Кац, В.В. Кузнецов, А.Л. Кучаев, Б.М. Майнаев, В.И. Порудоминский, В.А. Раздольский, Т.А. Розина, Г.А. Турьянский, В.Я. Фет, Б.Г. Фраш, Н.Э. Ципис, И.Г. Шестков, Г.Л. Шмеркин, В. Штеле.

Печататься в «Литературном европейце» могут только его подписчики, при этом факт подписки не дает гарантии на публикацию. Проза «Литературного европейца» разнообразна. По определению критика журнала «Знамя» Г.Г. Ермошиной, — это «традиционные, добротные, тщательно и крепко сделанные произведения в лучших традициях провинциального самиздата»²⁷.

Журнал принципиально не печатает авторов, живущих в России, других странах СНГ и Прибалтики, авторов, ностальгирующих по прежней жизни. «По уверению редактора В. Батшева, “моего читателя ТАМ нет” (“ТАМ” — это в России)»²⁸.

Г.Г. Ермошина считает, что «Литературный европеец» замкнут не территориально, а идеологически: «Многие авторы “Литературного европейца” остаются прежними, не реагируя на то, что окружение сменилось. <...> Стилистика повестей и стихов остается точно такой же, как и в советской литературе, только оценки сменили положительный знак на отрицательный»²⁹.

У журнала есть свой сайт (<http://www.le-online.org>), на котором читателю доступны содержания номеров и одна-две публикации в номере.

«Мосты: журнал русской зарубежной литературы, искусства, науки и общественно-политической мысли» выходит ежеквартально с января 2004 г. Журнал объединяет на своих страницах русских писателей-эмигрантов и выполняет в

---

²⁶ См.: Tichomirova E. V. Vorwort // Russische zeitgenössische Schriftsteller in Deutschland. S. 8.

²⁷ Ермошина Г.Г. Европеец советского образца // Знамя. 2004. № 9. С. 233. Рец. на: Литературный европеец: Ежемесячный журн. Союза русских писателей в Германии (Франкфурт-на-Майне). 2003. № 62, 63, 65, 66.

²⁸ Там же. С. 232.

²⁹ Там же. С. 233.

русском зарубежье те же общественно-политические и литературные задачи, которые в свое время выполняли русские зарубежные журналы «Современные записки», «Грани» и «Континент». Авторы — И. Басова, В.П. Бетаки, И.И. Емельянова, И.М. Ефимов, В.А. Загреба, О.Е. Исаева, Б.А. Кушнер, М.А. Ландбург, А.С. Либерман, А.П. Люсий, В.Р. Марамзин, В.А. Рудинский, Е.С. Терновский, Р.М. Фурман, Е.Л. Цейтлин, Б. Хазанов. Познакомиться с содержанием номеров и отдельными статьями можно на сайте «Литературного европейца».

С 1995 г. в Берлине издается «*Студия*: независимый русско-немецкий литературный журнал», в котором печатаются произведения русских и немецких авторов в оригиналах и переводах. Его организовал поэт-шестидесятник А.В. Лайко, переехавший в Берлин из Москвы в 1990 г. По финансовым причинам журнал выходит с большими перерывами.

Журнал задуман для русских литераторов, которым трудно печататься в России, и как круглый стол писателей, живущих в России и в Европе, Америке, Израиле, Австралии. Основной критерий отбора произведений — профессионализм. В журнале появлялись произведения Г.А. Балла, М.А. Вишневецкой, В.Н. Курицына, В.С. Нарбиковой, А.И. Слаповского и других раньше, чем на родине.

«Студия» отличается от всей русскоязычной журнальной продукции Германии. Журнал стремится знакомить русских читателей с немецкой классической и современной литературой, а немецких читателей — с русской литературой, есть постоянные рубрики: «Новые переводы из немецкой поэзии» и «Новые переводы из русской поэзии». Печатается в журнале и графика. У колыбели журнала стоял Л. Копелев, который приветил появление «Студии» и дал большое интервью в третьем номере. Журнал представлен в электронном виде в «Журнальном зале» (<http://magazines.russ.ru/studio>).

В Вуппертале с 2007 г. выходит литературно-художественный альманах «*Семейка*». Издатель и главный редактор — В. Авцен. «Семейка» объединяет под своей обложкой произведения, адресованные и взрослым, и детям, и предоставляет свои страницы для детского творчества. Авторы альманаха — В. Авцен, А. Акатова, К. Бахмутская, О.Ю. Бешенковская, И. Борисов, Л. Будько, Б.И. Вайнблат, А. Василенко, А. Викторов, М.И. Гершенович, В.М. Гефтер, В.А. Долина, А. Завьялова, Р.З. Заславский, Т.С. Ивлева, В. Искин, М.В. Каменкович, Ю.Г. Каплан, Г.Л. Кац, С. Коган, В. Ланцберг, В.М. Левин, А. Меламед, В. Орлов, Н. Осадчук, В. Турьянский, С. Фельде, Д.С. Чкония, Р.Н. Шиллимат, Г.Л. Шмеркин, Л. Щиголь. Сайт журнала: <http://www.semejka.de>.

В 1994 г. в Берлине начал выходить литературно-художественный альманах «*Остров*». Его выпускали Вяч.В. Сусоев (главный редактор, художник), Л. Сысоева и Е.А. Попов (редакторы-составители). Вышло всего семь номеров. «Остров», по словам Л. Сысоевой, — прежде всего «классная компания»: «...нет в Берлине никакой эмигрантской изолированности, наоборот, ощущение, что ты, во-первых, в центре европейской культуры, во-вторых, ближе к друзьям — из Питера или Израиля сюда приезжают чаще, чем в Москву»³⁰.

³⁰ Цит. по: *Вольтская Т.* Берлин: попытка пейзажа // *Знамя*. 2001. № 1. С. 174.

На страницах альманаха публиковались авторы из Москвы, Владимира, Запорожья, Берлина, Ганновера, Франкфурта-на-Майне, Нью-Йорка. Авторы — В.П. Аксенов, Б.А. Ахмадулина, Л.М. Гиршович, И.М. Губерман, А.А. Дольский, Вик.Вл. Ерофеев, Е.А. Попов, Д.А. Пригов, А.И. Приставкин, В.А. Пьецух, Л.С. Рубинштейн, В.А. Соснора, Л.Е. Улицкая, Т.Г. Щербина.

Еще один толстый журнал — «Зарубежные записки» — выходил в Дортмунде в 2005–2009 гг. Этот ежеквартальный журнал выпускался издательством «Партнер». Главные редакторы — Д.С. Чкония, Л. Шиголь. Журнал не замыкался на авторах, живущих в Германии, а использовал весь русскоязычный потенциал мира и пытался привлечь внимание читающей публики не только в эмиграции, но и на всем постсоветском пространстве. Журнал декларировал стремление к высокому художественному уровню. Это был «взгляд на Россию, на Европу, на мир из самой Европы, независимо от того, где живет автор публикуемого произведения»³¹. Архив номеров можно найти на сайте: <http://www.zapiski.de>.

С 1998 по 2000 г. в Ганновере выходил литературно-художественный журнал «Родная речь: журнал русских писателей Германии». Его организовала О.Ю. Бешенковская. Главный редактор — В.А. Марьин. В № 1 редакторы выразили надежду, что журнал заполнит нишу, занимаемую прежде журналом «Грани» и литературными программами радио «Свобода» до переезда редакций из Германии. Журнал «Грани», так же как и журнал «Континент», издававшиеся сначала в Германии, в настоящее время выходит в России.

Площадкой для публикации литературного произведения являются не только журналы, но и газеты. По мнению руководителя издательских проектов, старшего преподавателя Московского государственного университета печати Т.Н. Жаворонковой, качественная русскоязычная пресса представлена в Германии газетой «Русская Германия» и проектами издательского дома «Вернер Медиа» («Werner Media Group») (например, газета «Европа-экспресс»)³².

На сегодняшний день одной из самых авторитетных и компетентных русскоязычных СМИ в Германии является большая (28–30 полос) еженедельная русская газета «Русская Германия» (Берлин). Главный редактор — Б. Фельдман. В 1996 г. появилась газета «Русский Берлин», а через год она стала выходить под названием «Русская Германия». Газета рассчитана на широкую аудиторию. Она имеет несколько приложений и выходит в четырех версиях, в зависимости от региона распространения: «Русская Германия — Бавария», «Рейнская газета» (в Северном Рейне — Вестфалии), «Русский Берлин» и собственно «Русская Германия» для остальных регионов страны.

Литературной страницы как таковой не существует, но регулярно, из номера в номер, печатаются художественные тексты. По словам Т. Вольтской «поток рукописей — чудовищный, такой, наверное, знали только редакции “толстых” журналов в

---

³¹ Чкония Д.С. К читателю // Зарубежные записки: Журнал русской литературы (Дортмунд). 2005. Кн. 1. С. 2.

³² См.: Жаворонкова Т.Н. Настоящая ситуация с русскоязычной прессой Германии // Media-Day.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://media-day.ru/topnews/7329> (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

советские времена»³³. Вышло уже немало эмигрантских книг, тексты которых сначала прошли через газету. Иногда газета и сама поощряет литературное творчество. Например, был проведен конкурс репортажей «Как я...». Сайт газеты: www.rg-rb.de.

Литературные материалы регулярно печатались в еженедельной газете «Европа-Экспресс» (Берлин, с 1992 по август 2001 г. выходила под названием «Европа-центр»). Создатели газеты Ю. Зарубин и С. Березницкая старались поддерживать лучшие традиции русской прессы. На первом этапе с газетой тесно сотрудничали А.Г. Битов, В.Н. Войнович. Сайт газеты: <http://www.euexpress.de>.

Около 50 газет и журналов, издаваемых в Германии на русском языке, предлагаются для чтения, подписки и размещения рекламы на сайте «PressaRU.DE» (<http://www.pressaru.de>). Многие из газет можно найти в Интернете по адресу: <http://www.ruslink.de/media.html>.

Некоторые издания существуют только в интернет-пространстве, как, например, литературная газета Дюссельдорфа «Зарубежные задворки». Редактор — Е. Жмурко. Это международное сетевое литературно-культурологическое издание. Выходит с 2008 г. еженедельно, публикует авторов из 26 стран мира. На сайте газеты (<http://www.za-za.net/index.php?menu=main>) можно бесплатно скачать электронные книги авторов «Зарубежных задворок».

Электронный журнал «Добродея» является информационным изданием альянса русскоязычных женщин «Добродея» (Штутгарт). Главная цель альянса — объединение и информационное обеспечение женщин, которые желают поддерживать контакты с соотечественниками, строить планы и реализовывать всевозможные проекты. Руководитель проекта — Л.Н. Баумгартен. В журнале есть рубрика «Литературная гостиная», куда приглашают интересных русскоязычных авторов из разных стран представить свое творчество читателям. Среди авторов — поэты из Германии (Н. Вист, Т. Кайзер, О. Лидке), России (Н. Малинина, О.В. Татарникова, Е. Янге) и других стран. Сайт журнала: <http://dobrodeya.ucoz.de/index/0-2>.

ИЗДАТЕЛЬСТВА

В Германии существует несколько издательств, выпускающих книги на русском языке, преимущественно за счет авторов. Во Франкфурте-на-Майне работает издательство В.С. Батшева «Литературный европеец», ежегодно выпускающее 10–20 книг тиражом от 100 до 2000 экземпляров. Среди изданных книг: «Проза-2003: Произведения русских писателей в Германии»³⁴, «Русские зарубежные писатели начала XXI века. Автобиографии»³⁵, «Русские писатели в Германии: архивно-литературные исследования»³⁶.

³³ Вольтская Т. Берлин: попытка пейзажа. С. 176.

³⁴ Проза-2003: Произведения русских писателей в Германии / Сост. В.С. Батшев. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2003.

³⁵ Русские зарубежные писатели начала XXI века: Автобиографии / Сост. В.С. Батшев. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2004.

³⁶ Миллер С.О. Русские писатели в Германии: Архивно-литературные исследования. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2004.

Литературное объединение «*Эдита Гельзен*» («*Edita Gelsen*») (г. Гельзенкирхен) под руководством А. Барсукова выросло в известную издательскую группу. «*Эдита Гельзен*» публикует поэзию и прозу, издает журналы «*Эдита*» («*Edita*»), «*Портфолио*» («*Portfolio*»), литературный альманах «*Век XXI*». А. Барсуков выпустил книгу «*Издательская деятельность в Германии. Пособие для авторов и издателей*». Сайт объединения: <http://www.editagelsen.de>.

Германо-бельгийское издательство «*stella.ru*» (г. Зиндельфинген) — компания молодая, но уже зарекомендовавшая себя на европейском рынке. Название издательства (*stella*) составлено из первых букв имен его организаторов: Штеффен Баумгартен (*st*), Елена Яхненко (*el*), Лада Баумгартен (*la*). Главный редактор — Л. Яхненко. Издательство ежегодно участвует в выпуске альманахов по итогам литературных конкурсов, проводимых в Германии, и является спонсором и информационным партнером европейских культурных акций, для которых готовит печатные информационные материалы. Сайт издательства: <http://stella-verlag.com>.

В последние годы в Германии выходит довольно много книг, переведенных с русского языка. Переиздается классика, появилось несколько новых переводов Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. К юбилею А.П. Чехова в Мюнхене вышли сочинения писателя в пяти томах³⁷ и сборник рассказов³⁸.

Произведения русской классики традиционно, но небольшим тиражом, преимущественно в учебных целях, выпускает издательство Дрезденского технического университета «*Телем*» («*Thelem*»). Они выходят в серии «*Маленькая славянская библиотека*» («*Kleine slavische Bibliothek*») и рассчитаны в первую очередь на студентов, изучающих славистику. Издания двуязычные: на языке оригинала и на немецком.

Переводятся и издаются стихи русских поэтов. *Лейпцигское литературное издательство* (*Leipziger Literaturverlag*) выпустило сборники Н. Хабиас³⁹, представительницы русского авангарда начала XX столетия; Л.Л. Аронсона⁴⁰, ленинградского поэта, в котором некоторые видели соперника И.А. Бродского; одного из лидеров советского авангардного искусства 1960–1970-х гг. Г.Н. Айги⁴¹.

Из современных российских авторов, чьи книги попали за последние годы на прилавки немецких магазинов, можно назвать имена Вик.Вл. Ерофеева, Н.А. Ефремова, А.А. Кабакова, В.Г. Куприянова, В.О. Пелевина, А.Н. Рыбакова, В.Г. Сорокина, Т.Н. Толстой, Л.Е. Улицкой. Из молодого поколения писателей переведены на немецкий произведения И.А. Абузярова, Д.А. Глуховского, Н.Л. Ключаревой,

---

³⁷ *Tscheckow A.P. Werke: Erzählungen und Dramen: 2 Bd. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009. (Bd. 1–4: 104 Erzähltexte; Bd. 5: Dramen.)*

³⁸ *Idem. Ariadna: Erzählungen, 1892–1895. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009.*

³⁹ *Chabias N. Guttapercha des gänsehütigen Gehänges: Gedichte / Aus dem Russ. übers. und komment. von H. Schmidt; mit einem Vorwort von S. Birjukov; Ill. von D. Djumabaeva. Leipzig: Leipziger Literaturverlag, 2008.*

⁴⁰ *Aronson L.L. Innenfläche der Hand: Gedichte / Aus dem russ. von G. Schulte und M. Bordne. Leipzig: Leipziger Literaturverlag, 2009.*

⁴¹ *Ajgi G.N. Immer anderes auf die Erde: Gedichte / Ausgew. und übertr. von W. Thümler. Leipzig: Leipziger Literaturverlag, 2009.*

С.С. Минаева, Р.В. Сенчина. Выходят и романы российских представительниц криминального жанра: Д. Донцовой, Т.В. Устиновой.

Переводчики А. Третнер и Г. Леопольд считают, что немецкому читателю близок образ русского человека в русской классике. Они отмечают большой интерес читателя к той литературе, которая основана на реальных воспоминаниях, например «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова⁴².

По словам писательницы И.Г. Иохвидович (Штутгарт), в Германии по настоящему нет читательской аудитории. Есть «люди газеты», а «людей книги» не так уж много⁴³. Писатель К. Шифнер считает, что молодые немцы даже своей отечественной литературой мало интересуются. А вот люди, пережившие, как и люди старшего поколения в России, трудности войны, с большим интересом читают произведения русско-немецких писателей, относятся к ним особо уважительно⁴⁴.

Книги, переведенные с русского языка, представляются на международных книжных ярмарках во Франкфурте-на-Майне и Лейпциге. Существуют два книжных каталога русской книги, «Аврора» и «Янцен» («Janzen»), где можно заказать новинки русской литературы. До недавнего времени книжная ярмарка русской литературы от каталога «Янцен» ездила по всей Германии. Самый большой немецкий интернет-магазин книг «Amazon.de» предлагает не только русские книги в переводе на немецкий, но и на русском языке⁴⁵.

Книги российских авторов издаются в Германии, получают там престижные литературные премии, а в Россию возвращаются имена писателей, покинувших страну с третьей волной эмиграции.

В 1990 г. Л.З. Копелеву было возвращено советское гражданство. Его книги вернулись в библиотеки и на полки книжных магазинов. В России, в Липецке проходят Копелевские чтения «Россия и Германия: диалог культур», а в Кёльне с 1999 г. и по сей день активно действует «Форум имени Льва Копелева».

В 1991–1992 гг. в России вышел трехтомник произведений Ф.Н. Горенштейна. В 2011–2012 гг. в издательстве «Азбука» (Санкт-Петербург) изданы книги Ф.Н. Горенштейна «Место», «Искупление», «Псалом», «Перевоплощения».

В серии «Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы» санкт-петербургского издательства «Алетейя» в 2000-е гг. вышли книги таких русских авторов из Германии, как М.В. Каменкович, А.Л. Кучаев, Б.М. Майнаев, Б.Н. Марковский, М.И. Полянская, В.И. Порудоминский, Л. Щиголь и др. «Алетейя» выпустила восьми-

---

⁴² См.: *Schatte J.* Отчет о выступлениях российских авторов на Лейпцигской книжной ярмарке 2010 г. / Пер. с нем. Е. Рышковой // Литсовет [Электронный ресурс]. 2009. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=292442 (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

⁴³ См.: Инна Иохвидович: «Этот перевернутый мир...» / Беседу вела Р. Шиллимаат // Литературные известия. 2010. Дек. № 37 (67). С. 12.

⁴⁴ См.: *Шифнер К.* В Германии я стопроцентно русский / Беседу вела И. Гречаник // Хронос: Всемирная история в Интернете [Электронный ресурс]: Парус: журнал любителей русской словесности. 2011. 11 июля. URL: <http://www.hrono.ru/proekty/parus/shifner0711.php> (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

⁴⁵ См.: *Рышкова Е.* Русская литература в Германии // Lib.ru [Электронный ресурс]: журнал «Самиздат». URL: http://samlib.ru/s/suhowa_e_a/10a-88.shtml (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

томник Б. Хазанова, три сборника стихотворений русских поэтов из Германии⁴⁶. Творчеству русских поэтов, живущих в Германии, посвящен 4-й номер журнала «Дети Ра» (М., 2004).

В год немецкой культуры в России (2005) появилась двуязычная антология «Диапазон»⁴⁷, в которой представлены и немецкие, и русские современные авторы в оригиналах и в переводах.

СОЮЗЫ, ОРГАНИЗАЦИИ, ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В Германии действует несколько крупных литературных союзов и организаций. *Союз русских писателей в Германии* (Verband russischer Schriftsteller in Deutschland) (Франкфурт-на-Майне) основан в 1998 г. В.С. Батшевым и объединяет профессионально пишущих литераторов из бывших стран СНГ. В 2005 г. насчитывалось около 70 членов союза⁴⁸, который имеет свой печатный орган — журнал «Литературный европеец» и одноименное издательство.

Международная федерация русских писателей (Die Internationale Föderation der russischen Schriftsteller) (Мюнхен), основанная в 2008 г., объединяет литераторов разных стран, которые пишут на русском языке, переводят русскую литературу на иностранные языки или иностранную на русский, стремятся интегрироваться в культурную и общественную жизнь страны проживания. Федерация состоит из региональных организаций, функционирующих в других городах Германии и в других странах. В Германии проживают 18 членов федерации, в России — 41, остальные в разных городах мира. Германию представляют Л. Агеева, Ю. Бобров, Е. Вербицкий, Т.А. Жирмунская, А. Левина, А. Мерлин, И. Смирнов-Охтин и др.

Одна из задач федерации — создание информационной структуры, войдя в которую, можно было бы узнать о намечающихся литературно-культурных акциях, подать заявку на участие в мероприятиях, обозреть существующие в мире русскоязычные литературные журналы, сборники, почитать рассеянную в Интернете литературную критику, завязать литературные знакомства, обменяться мнениями. Сайт федерации: <http://mfgrp.ucoz.ru>.

Международная гильдия писателей (МГП; Internationale Schriftstellergilde) (Штутгарт) — это объединение творческих людей, независимо от их возраста, места проживания, национальности и вероисповедания. Основные цели МГП — оказание помощи начинающим писателям; реализация программ в области образования, культуры и духовного развития; учреждение средств массовой информации и осуществление издательской деятельности.

---

⁴⁶ «Гул былого...»: Русские поэты в Германии / Благотворит. фонд Сергея Параджанова; сост. Б.Н. Марковский. СПб., 2004; Голоса: Русские поэты в Германии / Сост. Б.Н. Марковский. СПб., 2006; Четвертое измерение: Русские поэты в Германии: Антол. / Сост. Б.Н. Марковский. СПб., 2008.

⁴⁷ Диапазон: Антол. современной немецкой и русской поэзии / Редакция: Е. Пахомова, С. Бирюков, Х. Джексон, Б. Замес, К. Кедров. М., 2005.

⁴⁸ См.: Чупринин С.И. Русская литература сегодня: Зарубежье. М., 2008. С. 122.

МГП осуществляет ряд проектов: выпускает журнал «Новый ренессанс»; ведет русскоязычный портал, посвященный лучшей современной поэзии «Я ПОЭТ. NET» (<http://yapoet.net>); издает альманах «Созвучье муз». В 2012 г. МГП по заказу немецкой книжной палаты выпустило альбом-визитку «Творчество без границ» о деятельности гильдии с представлением всех действующих членов. У МГП есть две секции: молодых авторов и детской литературы.

Активно работает московское представительство МГП под председательством А.А. Королькова. В книжном магазине «Библио-Глобус» ежемесячно проходят заседания литературного клуба «Связующая нить». 4 августа 2012 г. в Москве состоялся Первый российский съезд МГП.

Почетными членами МГП являются писательница и публицист М.И. Арбатова, тележурналист и актер А.В. Мягченков, академик Международной академии телевидения и радио М.Г. Меркулова. Сайт МГП: <http://schriftstellergilde.org/index.php>.

Возможность продемонстрировать свое искусство в Германии предоставляет российским литераторам, музыкантам и художникам общество дружбы *форум «Русская культура» (Forum Russische Kultur)* (г. Гютерсло), основанное в 1991 г. Председатель — Ф. Кизель. Деятельность форума направлена на укрепление и расширение российско-немецких культурных связей. Членами общества являются более 200 человек.

По утверждению Е. Рышковой, в Германии существует много литературных объединений русскоязычных авторов. «Крупных и маленьких, известных и не очень. В основном это клубы литераторов-любителей. Они издают свои маленькие журналы и сами же их читают»⁴⁹. «Какой-нибудь кружок или литературное общество есть чуть ли не в каждом городе», — подтверждает Р.Н. Шиллигат⁵⁰. В некоторых городах ситуативно сложились своеобразные русские поэтические сцены (Берлин, Мюнхен, Лейпциг, Франкфурт-на-Майне).

Конечно, самая бурная литературная жизнь проходит в крупных городах. Более 10 лет существует в Берлине литературный салон ПЕН-клуба, который организовал поэт и прозаик В.И. Фадин, приехавший в Германию из Москвы в 1996 г. Салон является площадкой для поэтических и прозаических чтений, дискуссий, местом, где происходят встречи русских и немецких авторов. Здесь выступают как литераторы, живущие в Германии, так и приезжающие из России и других стран. Это — центр, собравший вокруг себя не только профессиональных писателей, но и других деятелей культуры: художников, журналистов.

В Берлине с 1988 г. работает клуб «Диалог», руководитель — Т. Форнер. Основная задача клуба — поддерживать и развивать диалог между представителями русской и немецкой культур и популяризировать русскую культуру в Германии. В «Диалоге» выступали А.Г. Битов, В.В. Быков, Г.Н. Владимов, Ю.В. Мамлеев, В.С. Нарбикова, Г.В. Сапгир. При клубе открыта литературная студия, которую ведет А.В. Лайко. Сайт клуба: <http://www.club-dialog.de>.

⁴⁹ Рышкова Е. Русская литература в Германии // Lib.ru [Электронный ресурс]: журнал «Самиздат». URL: http://samilib.ru/s/suhowa_e_a/10a-88.shtml (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

⁵⁰ Шиллигат Р.Н. Альманах «Глаголь» № 3, 2011: Парижский остров // Футурум АРТ (Москва). 2012. № 1 (30). С. 80. Рец. на: Глаголь: Альм. 2001. № 3.

Пушкин всегда был объединяющим именем для эмиграции. И сегодня продолжают вечера, посвященные поэту. Берлинский «Русский дом» регулярно устраивает пушкинские праздники. Учащиеся и педагоги Детской академии искусств при Центре русской культуры «MIR» (Мюнхен) традиционно проводят пушкинские вечера. В Людвигсбурге ежегодно проходят Цветаевские костры.

В Штутгарте действует литературный салон. Его руководитель В.И. Старшенко организует встречи русскоязычных литераторов, которые проходят в районной библиотеке Нойгеройта (район Штутгарта). Там же проходят заседания *Русско-немецкой литературной мастерской* (Deutsch-Russische Schreibwerkstatt Stuttgart). Программы включают в себя встречи с литераторами, поэтические чтения и презентации издательств.

В Вуппертале работает литературное кафе, где регулярно проходят творческие встречи, проводятся консультации для участников литкафе, пишущих стихи и прозу. С января по апрель 2012 г. в кафе прошли встречи, на которых шла речь о творчестве поэтов Б.А. Чичибабина, Д.С. Самойлова, А.А. Галича. Одна из задач литературного кафе — межкультурная коммуникация с помощью знакомства с немецкой и русской литературой и переводами с языка на язык. В творческий совет литкафе входят поэт, журналист В. Авцен, бард М. Белоцерковская, поэт Т.С. Ивлева, прозаик, журналист С. Фельде и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ, КОНКУРСЫ И ФЕСТИВАЛИ

Каждый литературный процесс нуждается в инструментах, определяющих место писателя и дающих ориентиры читателю. Без этого не обходится ни одна литература мира. Современный литературный процесс невозможно представить без различных премий, конкурсов, фестивалей. В Германии проводится много конкурсов для русских писателей, живущих не только в Германии, но и в других странах мира, в том числе и в России.

И хотя «литературные отцы» ругают литературные конкурсы и фестивали, для критики и литературной культуры они имеют большое значение. Как участник международных конкурсов, писательница И. Иохвидович считает, что для рассказа, новеллы, очерка, для того, что нынче называется малой прозой, «эти конкурсы явились жизненной необходимостью, своеобразным “реанимационным отделением”, спасением жанра»⁵¹.

В 2010 г. к 140-летию со дня рождения писателя И.А. Бунина литературное объединение писателей, поэтов и переводчиков «Свиток» (г. Леверкузен) и редколлегия одноименного интернет-журнала провели литературный конкурс «*Легкое дыхание*». Координатор конкурса — С. Фельде, редактор литературно-публицистического альманаха «Пилигрим» (Кёльн — Кассель). Заключительный фестиваль конкурса прошел в городской библиотеке г. Гютерсло. Произведения победителей, членов жюри и авторов, набравших большое количество баллов, вошли в книгу.

---

⁵¹ Инна Иохвидович: «Этот перевернутый мир...» С. 12.

В Штутгарте с 2006 г. проводится *открытый поэтический турнир земли Баден-Вюртемберг «Ибукус»*⁵². Его основная задача — сохранение русского языка в русскоязычной диаспоре, налаживание контактов с поэтическими обществами и любителями поэзии различных городов и стран. Председатель Совета турнира — В.И. Старшенко. Каждый турнир посвящается одному из выдающихся поэтов планеты. Конкурсная строка без искажений обязательно должна содержаться в конкурсном произведении. Участником может быть житель любой страны, пишущий стихи на русском языке.

Дополнительно проводятся турнир бардов и блицтурнир по Интернету. После подведения итогов все произведения участников помещаются на сайте турнира при библиотеке Мошкова (<http://world.lib.ru>) на сервере «Заграница» в разделе «Авторы».

С 2009 г. во Франкфурте-на-Майне проводится международный литературный конкурс «Согласование времен». Руководитель и литературный редактор конкурса — Е. Рышкова. Номинации — поэзия, проза. Литературными партнерами конкурса являются российские вузы (в том числе Литературный институт имени А.М. Горького), литературные альманахи, журналы, газеты, интернет-порталы.

Цель конкурса — выявление талантливых современных русскоязычных поэтов и писателей, представление их произведений на суд читающей русскоязычной публики и критиков, знакомство русистов в университетах Германии и заинтересованных немецких издателей с неизвестной и новой для них русской литературой. Тем авторам, которые вызывают интерес у издательств Германии, оказывается помощь в продвижении их книг в эти издательства.

Из работ победителей формируются итоговые сборники: «Поэзия», «Проза», антология «Поэзия третьего тысячелетия», которые печатаются в издательстве «epubli» и продаются на международной торговой площадке <http://www.epubli.de/shop>, а также в магазинах Германии.

Организаторы представляют авторов не только в своих изданиях, но и в журналах, являющихся литературными партнерами конкурса, а также на одном из самых значительных литературных фестивалей зарубежья — «Киевские лавры». Отчет о конкурсе рассылается в редакции дружественных журналов⁵³.

Конкурс «Согласование времен» является частью международного литературного проекта «Русский Автобан» («Russische Autobahn»). Автор проекта и его литературный редактор — Е. Рышкова. Одна из задач проекта — подготовка и / или осуществление издания книг русскоязычных авторов в Германии. «Мы решили построить свой Автобан, настоящую связующую дорогу между людьми, разнесенными жизнью во времени и пространстве, живущими в разных странах, говорящими уже на двух языках, но думающими все-таки по-русски. В то же вре-

⁵² Ивик (Ibykus; VI в. до н. э.) — греческий лирик.

⁵³ См.: Рышкова Е. Литературный конкурс «Согласование времен 2011» завершен. Немного статистики и планы на будущее // Литсовет [Электронный ресурс]. URL: http://www.litsovet.ru/index.php/material.read?material_id=373999 (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

мя Автобан задумывался как прорыв русской литературы, я имею в виду неизвестной русской литературы, на неосвоенные просторы европейского книжного рынка»⁵⁴. Сайт проекта «Русский Автобан»: <http://rus-autobahn.ru>.

С 2009 г. в Берлине проводится международный литературный конкурс «Лучшая книга года». Руководитель проекта — Л. Пельхен, председатель жюри конкурса — одна из самых известных журналисток и писательниц Германии Т. Окоменюк. Цели конкурса — поиск талантливых русскоязычных авторов, содействие повышению интереса к творчеству русскоязычных авторов и русской литературе, представление культурному сообществу наиболее значимых, интересных и ярких произведений. В конкурсе принимают участие книги, написанные только на русском языке, независимо от даты издания.

Организатор конкурса — Библиотека современной русской литературы (Берлин). Библиотека была создана по инициативе практикующего педагога, филолога Л. Пельхен на базе берлинского частного образовательного института по изучению русского языка и литературы «Учебная студия Лариоль» («Lariol Lernstudio GbR»). Библиотечный фонд — более 1000 единиц хранения на девяти языках. Владельцы частных коллекций безвозмездно передали в фонд печатные издания, выходившие в периоды всех волн русской эмиграции. В фонде библиотеки около 300 единиц медианосителей, в том числе с записями авторских телепередач «Русские в Берлине» и радиопрограмм «Литературная кухня» на «Открытом берлинском канале» («Offener Kanal Berlin»).

При библиотеке создан методический кабинет с целью популяризации творчества состоявшихся литераторов, оказания методической помощи начинающим авторам, систематизации и обобщения литературного опыта авторов русского зарубежья.

В библиотеке ведется электронная картотека литераторов, проживающих не только в Германии, но и в других странах. Библиотека занимается популяризацией творчества своих авторов всеми доступными средствами: от организации книжных базаров до показа документальных фильмов на местном телевидении. С 2004 г. на радио «Открытый берлинский канал» и берлинском канале «ALEX» выходят литературно-познавательные программы, цель которых — познакомить берлинцев и посетителей Интернета с творчеством представителей творческой интеллигенции, популяризировать творчество уже известных поэтов и прозаиков.

С 2007 г. в Германии проводится ежегодный международный литературный фестиваль-конкурс, который в первый год назывался «Дрезден 2007», а с 2008 г. — «Русский Stil». Организатор — Л.Н. Баумгартен. Фестиваль пользуется большой популярностью в Германии и России. Организаторы считают, что «именно такие мероприятия более всего будоражат общественное мнение, создают прецедент литературного общения и приучают немецкое общество к мысли, что русская

---

⁵⁴ Она же. Хорошее дело, или Где начало Русскому Автобану // Русский Автобан / Russische Autobahn [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-autobahn.ru/page.php?id=29> (дата обращения 14 апреля 2012 г.).

литература существует в реальности <...> и ей стоит уделить самое пристальное внимание»⁵⁵.

Организаторы фестиваля надеются, что на фестиваль «Русский Stil» обратит внимание не только немецкая, но и русская общественность, потому что фестиваль работает на будущее — в развитие их взаимоотношений⁵⁶. Основные задачи фестиваля — представление современной русской литературы международной литературной общественности; поиск значимых литературных произведений на русском языке, выявление новых талантливых авторов в России и за рубежом, создание им условий для публикаций в средствах массовой информации и издательствах Европы.

В литературном конкурсе «Русский Stil» могут участвовать авторы литературных произведений вне зависимости от возраста и места проживания. Победителей приглашают на церемонию награждения в Германию. В программе фестиваля предлагаются встречи, мастер-классы, конференции, поэтри-слэмы, экскурсии по знаменитым литературным местам юга Германии. Победители публикуются в альманахе лучших русскоязычных поэтов и прозаиков России, Германии, ближнего и дальнего зарубежья, который издает фестиваль.

На фестивале присуждается специальный приз «За талант и женственность в поэзии» имени Марины Мануйловой. Приз учрежден Альянсом русскоязычных женщин «Добрододея» и родственниками в память о талантливой поэтессе из Торонто М. Мануйловой, ушедшей из жизни в 2009 г. Телевизионная программа «Разговор с Александром Мягченковым» в 2011 г. начала серию передач «Герои фестиваля “Русский Stil”». Сайт фестиваля-конкурса «Русский Stil»: <http://russkij-stil.de>.

С 2007 г. в Берлине проводится *Германо-российский фестиваль*. По традиции он проходит на столичном ипподроме «Карлсхорст». В рамках фестиваля в литературном шатре организуются чтения и презентации новых книг.

Одной из возможностей, при помощи которой литературная критика пытается достичь широкой аудитории, пробудить интерес к литературе, является учреждение литературных премий. В России с 1991 г. было учреждено больше 100 премий. Немецкий литературный призовой ландшафт не сильно отличается от российского. Справочник о премиях в области культуры и искусства насчитывает более 1060 страниц⁵⁷.

Самая престижная в Германии литературная награда — «Немецкая литературная премия» («Deutscher Buchpreis»). За пять лет своего существования она превратилась в основную книжную премию Германии. Среди номинантов на «Немецкую литературную премию» в 2010 г. были и русские авторы из постсоветского пространства — поэт О. Мартынова из Санкт-Петербурга, написавшая свой первый роман на немецком; А. Бронски, уроженка Екатеринбургa, с книгой, рассказывающей о судьбе советско-татарской семьи, пере-

⁵⁵ Рышкова Е. Русская литература в Германии: [Очерк] // Контр@банда. 2010. № 6. С. 30. То же: URL: <http://zhurnal.lito.ru/PDF/6-2008.pdf> (дата обращения 6 декабря 2012 г.).

⁵⁶ См.: Там же.

⁵⁷ Wiesand A.J. Handbuch der Kunst- und Kulturpreiseinder Bundesrepublik. Bonn, 1994.

ехавшей в Германию; Н. Харатишвили из Грузии, пишущая пьесы на немецком и родном грузинском.

В 2011 г. лауреатом премии «Deutscher Buchpreis» за роман о восточногерманской семье «В сумеречные времена» («In Zeiten des abnehmenden Lichts») стал О. Руге — немецкий писатель, режиссер и переводчик с русского языка, родившийся на Урале и выросший в ГДР.

Российский писатель М.П. Шишкин, проживающий в Швейцарии, в 2010 г. стал лауреатом Международной литературной премии берлинского Дома культуры народов мира за роман «Венерин волос». Это первая из книг автора, переведенная на немецкий язык.

Премии для молодых драматургов имени Г. фон Клейста («Kleist-Preis») в 2012 г. удостоена переселенка из России М. Зальцман за пьесу «Родинки окна сини» («Muttermale Fenster blau»).

В 2010 г. Международная гильдия писателей утвердила *Литературную премию имени Ольги Бешенковской*. Ольга Юрьевна Бешенковская (1947, Ленинград — 2006, Штутгарт) — поэт, прозаик, журналист и публицист. С 1992 г. жила в Германии. С 1998 по 2001 г. издавался задуманный ею толстый литературный журнал «Родная речь», в двенадцати номерах которого публиковались маститые авторы, а также делали свои первые творческие шаги в трудных условиях эмиграции многие авторы начинающие.

В 2008 г. произведения О.Ю. Бешенковской были оценены дипломом международной премии «Филантроп» — единственной в мире наградой, присуждаемой людям с ограниченными возможностями за высокие успехи в искусстве и литературном творчестве.

На соискание премии имени Ольги Бешенковской могут быть выдвинуты поэзия и литературная критика. Место жительства, возраст, профессия соискателя значения не имеют. Главным призом премии становится издание книги автора, отмеченного учредителем премии, и продвижение книги на книжный рынок. Финалисты получают право опубликовать свои конкурсные работы в журнале «Новый Ренессанс» (г. Зиндельфинген).

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

По русской литературе за рубежом не так уж много справочников, тем более по отдельно взятой стране. А вот по Германии есть даже два. Долгое время единственным справочным пособием по русской литературе за рубежом современного периода оставался «Лексикон русской литературы XX века»⁵⁸ В. Казака.

В 1998 г. на немецком языке вышел справочник «Русские современные писатели в Германии»⁵⁹. В нем опубликованы статьи о 89 писателях, живущих в Германии (или недавно ушедших). Почти все статьи снабжены фотографиями и содержат

---

⁵⁸ Казак В. Лексикон русской литературы XX века. М., 1996.

⁵⁹ Russische zeitgenossische Schriftsteller in Deutschland.

биографические данные, краткий обзор творчества, список основных публикаций автора и литературы о нем, перечень премий и наград (если имеются), литературные замыслы. Многие статьи завершаются публикацией на русском языке авторского кредо (в конце книги приводится перевод). В предисловии составитель Е.В. Тихомирова предупреждает, что на полноту эта маленькая литературная энциклопедия не претендует, и называет ряд имен, которые займут свое место в последующих изданиях⁶⁰. Среди авторов, статьи о которых включены в справочник: В.С. Батшев, В.А. Бейлис, В.Б. Брайнин-Пассек, Г.Н. Владимов, В.Н. Войнович, М.М. Генин, Ф.Н. Горенштейн, А.А. Зиновьев, Л.З. Копелев, Ф.Е. Незнанский, А.М. Парщиков, Б.М. Рацер, А.В. Суслов, В.В. Сысоев, Б. Хазанов и др.

Большинство материалов получено составителем на основе анкетирования. Сведения из данного справочника отражают состояние дел на лето 1998 г. Фрагменты справочника на русском языке представлены в Интернете: <http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/az/lit/ency/tihogerm/cont.htm>.

Второй справочник, уже на русском языке, «Писатели русской эмиграции: Германия, 1921–2008»⁶¹, выпустило издательство «Литературный европеец». Автор — В.С. Батшев. Справочник охватывает все волны эмиграции в Германию и включает 261 персону. Критерий включения для современных писателей — наличие изданных книг, поэтому часть активно работающих в литературе авторов, не имеющих собственных книг, в сборник не вошла. Статьи содержат краткий обзор жизни и творчества, список основных публикаций автора и литературы о нем. Большинство статей снабжены фотографиями.

В словаре-справочнике литературного критика С.И. Чуприна «Русская литература сегодня: зарубежье»⁶² есть раздел «Германия», содержащий подразделы — «Союзы», «Периодика», «Интернет-ресурсы», «Писатели Германии».

Материалы о литераторах, волей судьбы оказавшихся в Германии, собирает М.И. Полянская. Она автор книг о жизни в Берлине М.И. Цветаевой («Брак мой тайный...»⁶³ и «Флорентийские ночи в Берлине»⁶⁴), об А. Белом («Foxtrot белого рыцаря»⁶⁵), о судьбе и творчестве Ф.Н. Горенштейна («Я — писатель незаконный...»⁶⁶, «Плацкарты и контрамарки»⁶⁷), о литературной среде Берлина («Музы города»⁶⁸). Среди героев очерков книги «Музы города» — И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, В.В. Набоков, Ф.Н. Горенштейн. Книга ориентирована на читателей двух стран, и потому многие очерки публикуются на русском и немецком.

⁶⁰ См.: Кацева Е.А. Что имеем, не храним. С. 229.

⁶¹ Батшев В.С. Писатели русской эмиграции: Германия, 1921–2008: Мат-лы к биобиблиогр. словарю. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2008.

⁶² Чупринин С.И. Русская литература сегодня: Зарубежье. М., 2008.

⁶³ Полянская М.И. «Брак мой тайный...»: Марина Цветаева в Берлине. М., 2001.

⁶⁴ Она же. Флорентийские ночи в Берлине: Цветаева, лето 1922. М.; Берлин, 2009

⁶⁵ Она же. Foxtrot белого рыцаря: Андрей Белый в Берлине. СПб., 2009.

⁶⁶ Она же. «Я — писатель незаконный»: Записки и размышления о судьбе и творчестве Фридриха Горенштейна. Нью-Йорк: Слово–Word, 2003.

⁶⁷ Она же. Плацкарты и контрамарки: Записки о Фридрихе Горенштейне. СПб., 2006.

⁶⁸ Она же. Музы города. Берлин, 2000.

Современным русским писателям, живущим и работающим на немецкой земле, посвящены отдельные страницы брошюры популярного характера «Русский Берлин» («Das russische Berlin») ⁶⁹, краткая заметка С.С. Юрьенена о литературной жизни в Мюнхене в журнале «Знамя» ⁷⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

21–23 октября 2011 г. в Берлине, в Российском доме науки и культуры состоялась конференция «Современная русская литература в немецкоязычной Европе» и фестиваль русской поэзии, организованные берлинским литературным салоном ПЕН-клуба и Содружеством русскоязычных литераторов Германии при финансовой и организационной поддержке фонда «Русский мир», газеты «Русская Германия» и Российского дома науки и культуры в Берлине.

Конференция посвящалась 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова и проводилась для ознакомления критиков, литературоведов и читающей немецкой публики с именами, достижениями и направлениями в творчестве русских писателей, работающих в немецкоязычной Европе.

В работе конференции приняли участие литературовед, критик Е.В. Тихомирова (Берлин); теоретик поэзии, поэт, переводчик С.Е. Бирюков; преподаватель русского языка и литературы в университете Пассау Г. Киршбаум; известный немецкий поэт и переводчик Х. Джексон; писатель, лауреат многочисленных литературных премий М.П. Шишкин, который представил отрывки из своих произведений.

В докладах были затронуты проблемы русской литературы в немецкоязычной среде, перевода русской литературы на немецкий язык и состояние современной переводной литературы.

Подводя итоги мероприятия, С.Е. Бирюков отметил, что «это хорошее начинание и, для первого опыта, достаточно удачное. <...> Нам удалось посмотреть на русскоязычную литературную ситуацию, которая складывается в Германии уже в течение 20 лет. Если считать с 1991 г., то можно сказать, что мы отмечаем маленький юбилей активного присутствия русских литературных сил в Германии. Конференция дала возможность пунктирно проследить основные направления, которые существуют в поэзии, прозе и даже смежных искусствах. В 20-е гг. прошлого века русский литературный процесс был сконцентрирован в Берлине и активно длился 2 года. Что же касается нашего времени, то такой концентрации не получается, так как поэты и писатели рассеяны по всей Германии. Это 20-летие может быть сопоставимо с 2-летием тогдашнего русского Берлина» ⁷¹.

Проанализировав вышеизложенные факты, можно констатировать, что русскоязычная литературная среда в Германии живет по своим традиционным зако-

---

⁶⁹ Burchard A. Das russische Berlin. Berlin, 1994.

⁷⁰ Юрьенен С.С. Мюнхен как форма выживания русской литературы // Знамя. 1994. № 7. С. 216–218.

⁷¹ Цит по: Лихтенфельд Н. Конференция «Современная русская литература в немецкоязычной Европе» в Берлине // Поэтоград (Москва). 2011. № 8 (14). С. 2.

нам — издаются книги, выходят журналы и альманахи, устраиваются фестивали, чтения, конференции.

Основной целью деятельности союзов и издателей является привлечение общественного внимания во всем мире к русской литературе, содействие ее развитию и поддержание диалога между представителями русской и немецкой культур.

Конкурсы устраиваются с целью выявления талантливых русскоязычных авторов, содействия повышению интереса к их творчеству и в конечном итоге — представления культурному сообществу наиболее значимых и ярких произведений через публикации в СМИ и издания книг.

Литературная деятельность способствует интеграции русской литературы в немецкое общество, сохранению русского языка и российской культуры в среде соотечественников, проживающих в Германии.

Приложение

АНКЕТА ДЛЯ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ В ГЕРМАНИИ (ФЕВРАЛЬ 2012 г.)

Трудно судить о развитии литературного процесса из-за рубежа. Поэтому интересно предоставить слово тем, кто видит ситуацию изнутри, и сам участвует в процессе. Автором настоящей статьи была разработана анкета, в которой нашим бывшим соотечественникам, живущим в Германии и занимающимся там литературной и издательской деятельностью, были предложены следующие вопросы:

1. Профессия.
2. Род занятий.
3. С какого года в Германии?
4. Почему выбрали для проживания Германию?
5. Как сейчас себя чувствуете в Германии?
6. Литературные предпочтения (в русской классике, русской литературе XX и XXI вв.).
7. Ваш взгляд на русскоязычную литературную ситуацию, которая складывается в Германии в течение двадцати последних лет.
8. Существует ли русская литература четвертой волны в Германии и находится ли она в принципиально другом положении, чем предыдущие волны? Что изменилось в русском литературном процессе в Германии со времен первой и второй волн?
9. Где сконцентрирован русский литературный процесс в Германии?
10. На Ваш взгляд, русские писатели в Германии живут обособленно, общаются с себе подобными или влились в общий процесс? Существует ли русское одиночество в Германии? Страдает ли русская литература в Германии местечковостью?

11. Кого бы Вы отнесли к ядру русских писателей в Германии?
12. Какие книги русских писателей, живущих в Германии, вышедшие в последние несколько лет, Вы считаете наиболее интересными, значимыми?
13. Как Вы оцениваете ситуацию в русскоязычной поэзии в Германии?
14. Можете ли Вы выделить основные течения (направления) в русскоязычной литературе в Германии?
15. Кто в Германии и в России является читателем русскоязычных авторов, живущих в Германии? Можно ли сказать о русских писателях в Германии, что у них другой мир, другая жизнь и поэтому они не так интересны западной публике?
16. Насколько трудно русским писателям в Германии печататься? Какие издательства в Германии и в России издают их книги? Каков средний тираж русской книги в Германии?
17. Какое вы предвидите будущее для русского книгоиздания в Германии?

I

Борис Ильич Вайнблат (Дортмунд),
заместитель главного редактора журнала «Партнер»

1. Первая профессия: инженер-электромеханик, вторая профессия: специалист по базам данных вычислительных систем.
2. В Германии — журналист, редактор, литератор.
3. 1995 г.
4. Изначально я хотел вместе со всей семьей эмигрировать в Израиль, но так как мой сын участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, то выезд в страну с повышенной солнечной радиацией (Израиль) был ему противопоказан. В США я ехать не хотел: не лежала душа, а Германия подходила по многим причинам: по близости культуры, климату, уважению национальных качеств немцев и т. д.
5. Превосходно! Я словно попал в родную стихию, с гордостью получил немецкое гражданство, сын и его семья хорошо устроены, внук заканчивает мастерат в университете, я полностью удовлетворен моей новой работой, написал и издал свою первую книгу, объездил всю Европу. И вместе с тем у меня в России, Украине и Узбекистане остались друзья, судьбы которых мне безразличны. Именно поэтому журнал «Партнер» уделяет много внимания событиям на постсоветском пространстве. Нашу редакционную и мою личную политику можно охарактеризовать словами: Советский Союз — наша колыбель, а в колыбель не плюют.
6. Русская и зарубежная классическая литература (мне удалось привезти в Германию хорошую библиотеку и многое приобрести уже здесь); современная русская литература, в какой стране ни жили бы авторы.
7. В настоящее время в Германии проживает немало российских писателей. Одни из них приехали уже сложившимися литераторами, другие (мой личный пример) начали писать уже в иммиграции. Меня радует, что появляются и молодые авторы, приехавшие сюда детьми или даже здесь родившиеся. К сожалению, многие из молодых пишут по-немецки, так как, увы, потеряли русский язык. Сегодня в Германии существуют или периодически возникают русские жур-

налы (характерный пример — пять лет издаваемый издательством «Партнер» журнал «Зарубежные записки», высоко оцененный писательской общественностью Германии и России). Недавно ушедший от нас известный немецкий писатель, переводчик с русского языка Фридрих Хитцер в беседе со мной утверждал, что в Германии последние десятилетия XX века — начало века XXI прошли под влиянием русской литературы и русского искусства вообще.

8. Отличия существуют, так же как существуют и отличия между волнами эмиграции, породившими эти срезы русской литературы. Наша волна литературы не столь политизирована, в современной иммигрантской литературе меньше ностальгических нот. И вместе с тем молодежь четвертой волны быстрее, чем молодежь ранних волн эмиграции, потеряет русский язык. Молодые люди в большей степени граждане мира, они более космополитичны, чем молодые люди прежних волн эмиграции; они меньше связаны с Россией духовно.
9. Думаю, что в больших культурных центрах: Мюнхене, Берлине, Дюссельдорфе, Кёльне, Гамбурге, Ганновере, хотя живут российские писатели и в малых городах, но Интернет и прекрасная связь с провинцией не позволяют им чувствовать себя оторванными от своих коллег, живущих в метрополиях.
10. Условно всех русских писателей можно разбить на две группы: тех, кто вышел из среды поздних немецких переселенцев, и тех, кто вышел из среды еврейских иммигрантов. Я мало знаю о контактах этих групп между собой. Думаю, что эти контакты достаточно редки. О русском одиночестве мне трудно судить: ни я, ни мои знакомые таким одиночеством не страдают. Причина этому в возможности посетить родину, прекрасная и недорогая телефонная связь, наличие у большинства Интернета и Скайпа. И еще: доступность российских газет и журналов, наличие множества разнопрофильных русскоязычных изданий в самой Германии, постоянные «чесы» российских гастролеров, возможность просмотра всех российских, украинских и прочих ТВ-каналов. Вопросы о местечковости писателей я не понимаю. Шолом-Алейхем был местечковым писателем, а Чингиз Айтматов — аульным? По-моему, такого понятия здесь не существует, тем более что мы друг от друга не зависим.
11. Назову лишь имена тех русских писателей, которые мне кажутся наиболее интересными и за творчеством которых я слежу: В. Порудоминский, А. Жирмунская, А. Кучаев, М. Туровская, О. Бешенковская, Ю. Малецкий, Л. Агеева, Б. Хазанов, М. Гаголошвили, В. Серебряный, Г. Шмеркин, Е. Кочанов, С. Фельде, Л. Гершкович, Д. Чкония, Л. Щиголь и некоторые другие. К сожалению, некоторых уже нет среди нас.
12. Есть несколько прекрасных русскоязычных поэтов, живущих в Германии (я люблю, например, Ларису Щиголь и Даниила Чконию), но такого понятия, как современная русская поэзия, в Германии, по-моему, нет.
13. Нет, не могу, просто не занимался этим вопросом.
14. Мне кажется, что немцы раньше советских людей (россиян) перестали так массово интересоваться литературой. Причин тому много: литература на Западе уже давно не столь политизирована, как это было в советские времена; поэт в нынешней Германии — только поэт; Германия не знала (или почти не знала)

- такого явления, как толстые литературные журналы. Это и многое другое не позволяет сравнивать литературные процессы, проходящие в наших странах.
15. Читателями русских изданий являются русские иммигранты, привыкшие читать у себя на родине, а также студенты и преподаватели факультетов славистики немецких университетов. И еще, немцы нас знают очень мало, а потому на немецкий язык нас почти не переводят.
  16. Очень трудно! Россия практически не помогает русскоязычным издательствам. Сужу по нашему издательству: о наших перипетиях можно написать роман: мы обращались в самые различные российские фонды, представляли наш журнал «Зарубежные записки» в разных организациях и на разных уровнях. Нас хвалили, но кончалось все ничем. Пишу об этом с глубокой печалью, но не писать не могу. О тиражах русских книг: в большинстве случаев — крохотные, несколько сотен экземпляров — для близких друзей. Выручает Интернет.
  17. Пока у нас — издателей — есть энтузиазм, мы будем и без помощи России издавать произведения русских писателей, живущих в Германии. Но следует сказать откровенно: если Россия не поможет русским издательствам, то в ближайшие пять лет они исчезнут или превратятся в издательства немецкие. Например, журнал «Зарубежные записки» мы прекратили издавать из-за элементарной нехватки средств. То же самое произошло и с нашим детским журналом для русских детей Германии и Европы «Остров Там-и-Тут». А жаль!
- <18>. Теперь мой вопрос самому себе: что планирует Ваше издательство осуществить в ближайшее время? Мы планируем в ближайшее время создать сайт воспоминаний наших соотечественников, живущих в Германии. Мы знакомы со многими такими воспоминаниями. Впечатление — огромное! Как быстро мы это осуществим и каковы будут его возможности, — зависит от финансирования, которое мы сумеем обеспечить.

II

Елена Владимировна Тихомирова / Елена Мадден (Берлин),
филолог-русист, публицист, журналист, переводчик

1. Филолог-русист.
2. Фрилансер — автор книг, публицист, журналист, переводчик (лауреат 1-го Праздника литературных переводов в Гамбурге); редактор и «контролер качества» «Немецкой волны» (телевидение); консультант по детскому многоязычию, педагог-методист, разрабатывающий собственные программы работы с многоязычными детьми (в 2011 г. на форуме международной ассоциации «Евролог» награждена как лучший учитель зарубежья); организатор и участник видео- и анимационных проектов, руководитель детской студии.
3. 2004 г.
4. По семейным обстоятельствам.
5. —
6. В XX в. — Серебряный век (постсимволизм, авангард).

7. Как и в России в последние годы, жизнь здесь не литературоцентрична. И это хорошо: литература более не профессия, но lifestyle, форма жизнедеятельности, организация жизненного пространства и коммуникации. Не удивительно (опять-таки и в России можно увидеть подобный «тренд»), что литература постепенно покидает собственные территории — рождаются разнообразные формы устного бытования литературы, явления на границе литературы, музыки, перформанса, видео и т. д.; то новое, что рождается на границе (и за границей) — всего интереснее широкой публике. Подробнее об этом — сошлюсь лишь на последний текст — в моем докладе на конференции «Russische Gegenwartsliteratur im deutschsprachigen Raum Europas» (октябрь 2011, сборник готовится к публикации).
8. На этот вопрос (среди прочих) я пыталась ответить книгой «Проза русского зарубежья и России в ситуации постмодерна» (В 2 ч. М., 2000).
9. Пожалуй, Берлин и Мюнхен: здесь проживает наибольшее число пишущих.
10. В самом широком спектре — от ассимиляции и интеграции до осознанного и намеренного одиночества. И об этом я писала — анализировала ответы писателей на вопросы моей анкеты, статья опубликована в сборнике «Потаенная литература» (Тихомирова Е.В. Мотивы немоты, косноязычия и безымянности в книге М. Безродного «Конец цитаты» // Потаенная литература: Исслед. и м-лы. Иваново, 2000. Вып. 2. С. 238–247) и, в сокращенном виде, в вышеупомянутом двухтомнике. О «местечковости» в любом случае речи быть не может — напротив: русскоязычные авторы Германии чаще всего существуют в более многослойном контексте, чем российские: это не только русская литература, но и, скажем, немецкая (которую многие здесь читают — в оригинале, переводят, в которой — переходя на немецкий язык — участвуют). Запросы — участвовать в мировой литературе.
11. Здесь нет «центра» и иерархии — есть отдельные писатели, есть группы, со своим представлением о литературе и своей публикой, все очень разные и — несравнимые: есть те, кто верен литературе в традиционном понимании, есть и те, кто целенаправленно утверждает то, что «литературой» не все согласятся назвать — например: «высокая кул(!)тура». Мне интересны и те и другие.
12. Тексты Б. Хазанова, Л. Гиршовича, М. Безродного, Б. Шапира и И. Рашковской. Продукция А. Дельфинова мне тоже интересна и кажется значимой (хотя она и не собрана в книги и, похоже, так и останется в «фейсбучном» варианте). Интересны и значимы и перформансы В. Шерстяного.
13. Поэзия мобильнее — поэтому расцветает.
14. От тривиальной, мемуарной литературы до интермедиальной / театра, перформансов и прочее — как и в России (разве здесь, пожалуй, больше игры и шире ее контексты; связи с русской реальностью литература не теряет) + чтения, фестивали в огромном количестве.
15. Кроме русскоязычных читателей и славистов — и западная публика. Если опубликовано по-немецки — ей интересно. (Каминер, пишущий по-немецки, — культовый автор; дошло и до экранизаций...)
16. Русские писатели стараются печататься в России (где их активно издают «ОГИ», «НЛО», «Алетейя»). Если не удастся, — публикуются в местных из-

дательствах (например, «Эдита Гельзен»), журналах («Крещатик», «Студия», «Литературный европеец» и др.), антологиях и прочих. Литераторы молодые публикуются онлайн.

17. Интернет, формы «электронного самиздата», коллекционные книги (в содружестве с художниками — как во времена футуризма).

III

Галина Корнеевна Чистякова (Франкфурт-на-Майне),
директор издательства «Литературный европеец», редактор

1. —
2. Редактор двух журналов, директор издательства «Литературный европеец» (Франкфурт-на-Майне).
3. 1995 г.
4. Европа, знание немецкого языка.
5. Прекрасно, сожалею, что не уехала на 20 лет раньше.
6. Русская зарубежная литература XX века.
7. Мне хочется обратить Ваше внимание, что нет такого определения, как русскоязычная литература. В русском зарубежье, и в частности в Германии, была, есть и будет русская зарубежная литература. А употребляемое слово «русскоязычная» придуманное, не имеющее отношения к русской литературе. Литературная ситуация в целом — как и во всем мире. Благоприятная — для литераторов, живущих в Германии.
8. Существует. По сравнению с предыдущими волнами, которые имели возможность с определенной поддержкой издавать журналы, использовать радио и т. д., такая возможность сегодня у нас отсутствует. Что касается литературного процесса, то он протекает так же, как и в России. Желание работать в свободном мире, без запретных тем, открыть для себя и коллег, живущих в других странах, тот неоценимый клад, который оставило нам предыдущее поколение писателей.
9. Вопрос не совсем верный. Почему должен быть сконцентрирован? В Германии нет таких центров, как Москва, в прошлом — Санкт-Петербург. Литературный процесс идет там, где живет и работает пишущий человек. Благодаря русскому писателю Владимиру Батшеву, имеющему издательский опыт и высокий профессионализм, и поддерживающим его профессиональным писателям, живущим не только в Германии, но и в других странах (США, Франции, Австрии и др.), — этот процесс заметен и успешно идет в издаваемых в Германии журналах «Литературный европеец» и «Мосты». Только эти два журнала на сегодняшний день отражают литературный процесс за рубежом.
10. Что означает «общий процесс»? Какой процесс вы имеете в виду? Если общий литературный процесс в мире, то очень редко. И как правило, это профессиональное общение. Общение между профессиональными писателями, входящими в организованный тем же В.С. Батшевым Союз русских писателей, происходят регулярно. Местечковостью страдают отдельные люди, но, как прави-

ло, это не профессиональные писатели, каких легион и в России. Литература не может ею страдать, тем более что мы живем в Германии, а не в Израиле.

11. Владимир Батшев, Игорь Шестков, Борис Рохлин, Владимир Порудоминский, Леонид Борич, Виталий Раздольский, Борис Майнаев, Игорь Гергенрёдер, которые в большинстве своем являлись членами профессиональных писательских организаций. Заметны и начинающие писатели, например Берта Фраш, Светлана Кабанова, Владимир Штеле. Названные писатели плодотворно работают. Все они издали книги.
12. «Александр Галич и его жестокое время» В. Батшева и его же «Мой французский дядюшка», «Алконост» и «Аляска» И. Шесткова, «У стен Малапаги» Б. Рохлина, «Дурнина» В. Штеле, энциклопедический справочник в пяти томах «Русские зарубежные экономисты первой волны» Э. Корицкого, Щербаковского и Нинциевой, «Встречи на рю Денкерк» Е. Терновского и А. Лебедева, пьесы и книга «Планета циклопов» В. Раздольского... Выходит не только художественная литература, но и мемуары, научные исследования, публицистика, исторические работы... Но эти книги — слава богу! — вышли в Германии, а не в России, где их отказались публиковать ПО ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ соображением (кроме книги Рохлина, изданной за его же деньги в Питере).
13. Как и в других странах — сложная ситуация. Для взлета поэзии необходимы социальные взрывы, а их нет.
14. Реализм, авангардная литература, лирическая поэзия.
15. Вы путаете разные понятия и ставите два разных вопроса в одном абзаце. Отвечаю на первый. Нам не нужен читатель в России — у него есть свои писатели. Кроме того, заметна такая тенденция со стороны России, как умолчание о вышедших книгах в Германии, вызывающих определенный интерес читателей в России. Это отмечают эксперты нашего издательства по тому, сколько заказов на изданные нами книги поступает от них. До сих пор идут заказы на изданные у нас <книги> «Власов», «Александр Галич...» и другие. Из книжного киоска вашего фонда-библиотеки обращались к нам с просьбой прислать наши издания. Наш читатель живет на Западе. Здесь более пяти миллионов читающих русскую литературу. Второй вопрос относится не к русскому писателю в Германии, а к российскому писателю, живущему в России.
16. Не трудно. В Германии «Литературный европеец» издал за последние 10 лет 80 книг современных русских зарубежных писателей, 167 номеров ежемесячного журнала «Литературный европеец» и 33 номера ежеквартального журнала «Мосты». Все это — без единой копейки (цента, шиллинга, пфеннига) со стороны — только за счет своих подписчиков, энтузиастов, любителей литературы. В России издают книги только угодных Москве эмигрантов или за деньги авторов.
17. Такое же, как и сейчас. Кроме того, этот вопрос затрагивает многие стороны книгоиздания, начиная от перевода и кончая транспортировкой, рассылкой. И многие другие. Его рассмотрение требует более подробного обсуждения.

Прот. АЛЕКСАНДР ШМЕМАН:
НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ТИХОН ТРОЯНОВ:
«МНЕ БЫЛО ИНТЕРЕСНО РЯДОМ С НИМИ»

Беседа с М.А. Васильевой и Е.Ю. Дорман 12 ноября 2012 г.

О своей работе на «Радио Свобода», об отце Александре Шмемане, Владимире Варшавском и других известных сотрудниках радиостанции вспоминает потомок эмигрантов первой волны, известный адвокат, доктор юридических наук, бывший сотрудник «Радио Свобода» Тихон Игоревич Троянов (Женева).

Тихон Игоревич родился в 1932 г. в Белграде, куда эмигрировали его родители. В конце войны семья, оказавшаяся на тот момент в Австрии, чтобы избежать встречи с органами госбезопасности страны-победительницы, самостоятельно перейдя Альпы, переехала в Швейцарию. Здесь Тихон Троянов окончил среднюю школу, затем юридический факультет Лозаннского университета и начал внештатно сотрудничать как письменный переводчик с международными организациями — ООН, ЮНЕСКО, МАГАТЭ. Позже защитил в Лозанне докторскую диссертацию и открыл в Женеве юридическую фирму. В 1992-м открыл филиал своей фирмы в Москве. Как юрист участвовал в организации Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

М.А. Васильева

— *Тихон Игоревич, Вы работали на «Радио Свобода» с весны 1957 года до конца 1962-го. Очень интересное время с точки зрения политики, истории, становления радиостанции. Расскажите о Ваших впечатлениях тех лет.*

— Первые три с половиной года я работал в Мюнхене редактором новостей, а потом в Нью-Йорке корреспондентом при ООН. В частности, я был в Совете безопасности во время Карибского кризиса. И мне было крайне все интересно. Я был совсем молодым. В 24 года меня сразу взяли редактором новостей. Конечно, было трудно, приходилось составлять бюллетени по несколько раз в день, и утром, и вечером, иногда по воскресеньям. Но, видимо, я справлялся. «Радио Свобода» вплотную меня столкнуло с жизнью в России. На радиостанции были хорошие специалисты, был очень хороший исследовательский отдел, который поставлял каждый день информацию, иногда очень интересную. Помню, как мы впервые прочли «Доктора Живаго». Он вышел тогда в эмигрантском польском журнале «Культура». На страницах именно этого журнала были впервые опубликованы польские переводы романа. И естественно, дирекция радиостанции хотела, что-

бы мы узнали о романе как можно больше и знали сам роман, поскольку Борис Пастернак, «Доктор Живаго», Нобелевская премия были в самом центре событий. «Свобода» отреагировала мгновенно. Редакцией тут же был организован русский перевод для своих сотрудников. У меня вообще положение было интересное, первую часть «Доктора Живаго» я прочитал в обратном переводе с польского, вторую — по-французски, а третью часть я прочел уже в оригинале, на русском. Тем было интереснее. Я мог сравнивать переводы, — насколько они удачны, насколько переданы слово и стиль Пастернака. В общем, привожу пример того, как велась работа. Очень оперативно. Я помню, как впервые прочел «Поэму без героя» Ахматовой. Она тоже появилась у нас довольно быстро в наших ежедневных бюллетенях. На радиостанции была отличная библиотека, были редакции других советских республик, и мы сотрудничали с ними. Во многом благодаря работе на радиостанции я смог написать диссертацию на довольно сложную тему: «К вопросу о правовой природе коллективного договора в Советском Союзе». Потом я ее закончил в Колумбийском университете, где тоже была прекрасная библиотека. В частности, там были микрофильмы «Правды» и «Известий» с первых номеров. Конечно, это было ценно, так я мог найти первые законодательные акты советского правительства, в частности в области трудового законодательства. В общем, я с удовольствием вспоминаю это время.

Надо сказать, что редакция и руководство радиостанции требовали объективности. Это не была черная антисоветская пропаганда. В новостях добивались равновесия. Они считали, и, видимо, правильно считали, что будет гораздо убедительнее, если позиция радиостанции будет взвешенной и максимально объективной. Старались не заполнять эфир отрицательными, и только отрицательными, новостями.

Конечно, на «Радио Свобода» было непросто и даже опасно работать. Случались и похищения, и разные провокации. Но мы знали, на что шли. Случались и курьезы. Был такой забавный инцидент: как-то, просматривая бюллетень, я обнаружил новость, которая мне показалась довольно странной: какую-то даму наградили Орденом флорентийского соловья. Я попросил английский вариант текста. Речь шла о Флоренс Найнтингейл, знаменитой сестре милосердия в Великобритании, орденом ее имени награждали выдающихся сестер милосердия. Ошибку исправили. Но это такие мелкие анекдоты, которые отмечали нашу жизнь.

— *Кто в это время из известных людей работал вместе с Вами на радиостанции? Расскажите о нью-йоркском бюро «Радио Свобода».*

— Радиостанция приглашала к себе корифеев. В Мюнхене я видел Георгия Адамовича. Часто бывал Владимир Вейдле, он вел на «Радио Свобода» рубрику, иногда меня приглашали на обед вместе с ним, я был мальчишкой, и мне, конечно, было интересно. Вейдле был приятный человек, «обтекаемый». Я знал Гайто Газданова. Маленького роста, некрасивый, едкий. У него был непростой характер, нередко возникали трения с сотрудниками. Может, все это сыграло свою роль —

его не очень ценили на радиостанции, так мне казалось. А современный читатель, свободный от этого непосредственного общения, заметил другое, — его прозу. Безусловным авторитетом на радиостанции пользовался Роман Гуль.

В Мюнхене нашим редактором был Виктор Ризер, наполовину поляк, наполовину русский, возглавлял отдел новостей американец Фрэнсис Рональдс. С нами работал Валерий Александрович Оболенский, ставший потом главой отдела в Нью-Йорке. Нью-йоркская редакция была меньше, чем в Мюнхене. И работа там была спокойнее, в Мюнхене я был редактором новостей, а это непросто. Надо всегда спешить за новостями, в последнюю минуту что-то дополнять, подгонять под хронометраж, потому что не хватает каких-нибудь тридцати секунд, и из студии кричат, что надо найти новость немедленно, — здесь и теперь. В США работалось легче. И вот в Нью-Йорке как раз находились очень интересные люди. Именно там я познакомился с Романом Гулем, Михаилом Коряковым, Юрием Денике, Владимиром Варшавским. С Варшавским мы очень дружили.

*Тихон Троянов.
Москва, Дом русского зарубежья
имени Александра Солженицына.
11 ноября 2012*

— Как Вы познакомились с отцом Александром Шмеманом? Каким он был в общении? Как вел свои передачи?

— Со Шмеманом я сблизился в Нью-Йорке. Он вообще человек был очень общительный, веселый, светлый, и он всегда приходил как-то весело, всегда было впечатление, что он вносит веселье в эту редакцию, где не всегда было весело и не все были веселые, прямо скажем. Там встречались и довольно мрачные типы. Некоторые люди были довольно пессимистически настроены в силу своей непростой жизни, своей биографии. То и дело возникали споры в абсолютно классическом русском духе, — русские часто считают, что они во всем правы, а все остальные в лучшем случае не понимают, о чем они говорят. А Шмеман, нет, он всегда приходил с положительным зарядом, энергичный, жизнерадостный. Он начитывал свой скрипт, на что уходило не так уж много времени, потому что у него был большой опыт. И после этого мы с ним нередко обедали, часто с Варшавским, с которым он был особенно дружен. Отец Александр очень ценил Варшавского.

И мне, конечно, было интересно рядом с ними, присутствовать при их общении, это были серьезные и в то же время такие непринужденные разговоры... Не спор и уж тем более не острая полемика.

— *О чем Вы говорили?*

— О чем угодно. Это был очень живой разговор. Потому что Шмеман и Варшавский были близки по своим позициям. Они оба очень увлекались французским философом Тейяром де Шарденом, и вокруг него было много разговоров. Но они оба были его сторонниками, поэтому не спорили, а скорее ругали тех, кто не разделял их воззрений. В этом споре я занимал, прямо скажем, независимую позицию, потому что Тейяра де Шардена не читал.

Конечно, в силу обстоятельств они говорили и о России, и о богословии, поскольку это была для Шмемана основная тема. Он очень хорошо знал три культуры — русскую, французскую и американскую, причем ценил эти три культуры, в частности американскую, хотя русские в Америке смотрели нередко на нее свысока, видимо считая, что такой культуры вообще нет и с ней не стоит возиться. А он, наоборот, считал ее бесконечно интересной. Отец Александр очень много читал на разных языках и следил за современной русской литературой, хорошо знал классическую русскую литературу и французскую. И когда он приезжал начитывать скрипты, то обычно, я знаю, заезжал в Рокфеллер-центр, где тогда был книжный магазин и где можно было купить французские газеты и журналы, — он всегда покупал там французскую прессу, за которой очень следил. Так что с ним увлекательно было говорить не только на богословские темы, но и на современные культурные темы, на политические.

С отцом Александром было интересно, потому что он в силу обстоятельств жил универсальной жизнью. Как вы знаете, он преподавал не только во Владимирской духовной семинарии, но и в некоторых высших учебных заведениях Америки. И так случилось, что он жил вне эмигрантского гетто. Эмиграция, несмотря на все свои достойные качества, которые я никак не отрицаю, в какой-то степени жила замкнуто — будь то во Франции, или в Америке, или в другой стране — в своей мифологии, в своей проблематике, в своих спорах и дразгах. И все это ограничивало кругозор людей. А он жил как-то абсолютно вне эмигрантской мифологии, вне этого «фольклора». Мало того, он даже с ними не боролся, видимо, считая, что и спорить не стоит, потому что на споры уходило очень много сил у эмиграции. А Шмеман редко занимался полемикой, был как бы над ней, она его не интересовала. У него бывали, конечно, полемики. В частности, с Солженицыным. Но это была дискуссия на высоком уровне.

Отец Александр много занимался, как вы знаете, в силу обстоятельств церковными делами. Когда готовилось предоставление автокефалии русско-американской церкви, он сыграл в этом историческом событии большую роль. Потом постепенно церковь переходила на английский язык, на новый стиль, что тоже было непросто. Все это болезненные вопросы для эмиграции. Я лично хорошо знаю эту проблематику, потому что в Швейцарии занимаюсь франкоязычным

православным приходом в женевском предместье Шамбези, который мы сами создали лет 40 тому назад под юрисдикцией Константинополя. И я знаю, насколько бывают в православной среде болезненные реакции на эти перемены. Здесь нужно работать конкретно и практически, не вдаваясь в бессмысленные споры. Впрочем, этот вопрос стоит очень актуально, с моей точки зрения, и в России, хотя о нем здесь боятся говорить. Но я заметил, что люди в России в массе своей не понимают церковнославянский язык. Хотя думают, что понимают. Я считаю, что если люди не понимают язык, то здесь кроется большая опасность, — прихожане, особенно молодежь, со временем начнут отходить от церкви.

— *Это вопрос сохранения православия за границей?*

— Безусловно. В Америке была большая церковь, и надо было работу организовать. Кажется, что все это относительно просто. Но проблема перевода крайне непроста, речь идет о сложной терминологии, нередко ошибочной уже на уровне славянского перевода.

— *Каков был взгляд Шмемана на Россию? В том числе и на современную Россию? По материалам, находящимся в фонде Владимира Варшавского в Доме русского зарубежья, видно, что Шмеман в радиосикле «Основы русской культуры» намеревался сделать широкий обзор русской истории и культуры — от Древней Руси до XX века, в том числе затронуть и проблемы современности. Что он замечал в современной ему России? На что надеялся? В чем видел перспективы или, напротив — ошибки и язвы?*

— Прежде всего хочу сказать, что он видел Россию довольно объективно, чем отличался от многих эмигрантов, которые либо говорили о ней крайне негативно, либо идеализировали. Я думаю, в этом плане интересно обратиться к полемике Шмемана с Солженицыным по поводу старообрядцев. В этой полемике раскрывается его видение России. Не только старообрядчества, а вообще России, — что ему представлялось косным и что, наоборот, положительным. Он боялся старообрядчества в широком смысле этого слова, не только как направления в христианстве, но вообще как стиля мышления и мировидения — закоснения. Шмеман видел в этом опасность, ее мы видим и сейчас. Русскую церковь очень трудно сдвинуть с консерватизма. Если взглянуть на переписку отца Александра с Солженицыным, дискуссию вокруг старообрядцев, то в ней раскрывается абсолютно взгляд Шмемана на Россию. Он боялся глубинного застоя. Но при этом не был пессимистом, — нет, он видел, что в России много живого, много положительного, что она меняется. Он относился к России как к живому организму, который он явно любил. Тогда еще рано было говорить о падении советского режима, и отец Александр не хотел приезжать в Россию, чтобы не ставить себя в двусмысленное положение. Этим тоже во многом объясняется его позиция. Но его жена, Ульяна Сергеевна, бывала в России, когда их сын Сергей работал корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Москве, и, я знаю, ходила по церквям, очень интересовалась.

— *С семьей Шмеманов Вас связывают родственные отношения. Расскажите, пожалуйста, о Ваших семейных связях с отцом Александром и его матушкой.*

— Моя мать, Ольга Тихоновна Троянова, урожденная Шишкова. Из старинного дворянского рода, из этого же рода адмирал Александр Шишков, которого упоминает Пушкин в «Евгении Онегине». Семья жила в Ставрополе-на-Волге, теперь город называется Тольятти. У Шишковых там было свое имение. Мать отца Александра, Анна Тихоновна, — родная сестра моей мамы, вышла замуж за офицера Семеновского полка Дмитрия Шмемана. В конце войны семья Шмеманов оказалась в Эстонии, и моей матери вместе с родителями удалось переехать к сестре в Эстонию в 1924 году. Потом мама уехала в Белград, где встретила с моим отцом. В 18 лет он поступил к Врангелю, был на черноморском флоте, эвакуировался в Югославию. Они поженились, и в Белграде родились я и потом моя сестра. Так что я в какой-то степени продукт революции, мой отец из Киева, мальчиком жил в Одессе, и мои родители при других обстоятельствах никогда бы не встретились. В Белграде мой отец окончил богословский факультет, но священником не стал. Потом, когда мы, уходя от наступления советских войск, оказались в 1945 году в Швейцарии, ему предложили основать приход в Лозанне, и отец там был настоятелем больше 30 лет. С тетей, Анной Тихоновной, мы часто общались, она нередко навещала нас, приезжала в Швейцарию из Парижа. Там отец Александр сперва учился в Свято-Сергиевском православном богословском институте, потом преподавал историю церкви, жил под Парижем, служил помощником настоятеля отца Киприана (Керна) в приходе Свв. Константина и Елены. Но я тогда был еще молодым и мало с ним общался, по крайней мере на серьезные темы. Настоящее сближение произошло в Нью-Йорке. Отец Александр всегда притягивал меня своим жизнелюбием, глубоким умом. Он был остроумным человеком, мог быть иногда едким, но не злым. У него была, конечно, непростая жизнь. Вся проблематика американской церкви отразилась на его судьбе, многие в эмиграции его критиковали за переход на английский язык и новый стиль, за то, что Православная Церковь в Америке помирилась с Московским патриархатом и получила автокефалию. Все это критиковалось. И по правде говоря, эта полемика свела его в могилу. Так я думаю. Против него воздвигались серьезные и в то же время необоснованные обвинения.

— *Вы не думаете, что он будет когда-нибудь канонизирован как отец церкви?*

— Он, конечно, сыграл большую роль в истории Православной Церкви. Мне недавно один известный греческий богослов сказал: «Вы знаете, это был самый крупный православный богослов XX века». Для греческого богослова эти слова имеют особое значение. Посмотрим. Во всяком случае, отец Александр очень многое открыл для современного православного человека.

Прот. Александр Шмеман

ОСНОВЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
<Беседы на «Радио Свобода»>

Публикация М.А. Васильевой и Е.Ю. Дорман; предисловие М.А. Васильевой

В архиве Дома русского зарубежья, в фонде писателя Владимира Сергеевича Варшавского (Ф. 54) находится собрание статей протопресвитера Александра Шмемана (1921–1983). Это копии тринадцати авторизованных машинописных текстов (или скриптов, как их принято называть в среде массмедиа) с общим названием «Основы русской культуры», имеющие непосредственное отношение к работе прот. Александра Шмемана на «Радио Свобода». Фундаментальная просветительская деятельность отца Александра на «Радио Свобода» представлена в двухтомном издании, подготовленном Свято-Тихоновским православным гуманитарным университетом¹. Однако цикл «Основы русской культуры» не вошел в него. По свидетельству Сергея Александровича Шмемана, сына отца Александра, этих текстов нет в семейном архиве. Не удалось их обнаружить и в архиве «Радио Свобода»². Таким образом, тринадцать бесед, отложившихся в фонде писателя Варшавского, являются на сегодняшний день единственным «избранным» этого культурологического радиоцикла выдающегося богослова и литургиста ушедшего столетия. Возможно, со временем будут найдены все скрипты или аудиозаписи цикла передач «Основы русской культуры». Мы же по небольшому «сколку», находящемуся в архиве ДРЗ, можем до некоторой степени реконструировать контекст работы отца Александра над этой темой. Судя по дате, поставленной на двух скриптах, Шмеман ввел новый цикл в сентябре 1970 г. и продолжил над ним работу в следующем году. Каждую среду он записывал передачи в нью-йоркском отделении радиостанции на Манхэттене, а через неделю в 13.30 они выходили в эфир. В фонде В.С. Варшавского числятся скрипты № 2–12 (1970 г.), а также № 29 и 30 (1971 г.). Несмотря на разрозненность дошедшего до нас фрагмента этого значительного труда, целостность и плотность мысли отца Александра, высокая культура подачи материала в формате радиобесед с неизменными «флешбэками» к предыдущим эфирам и четким выстраиванием тематической перспективы последующих передач помогают читателю получить довольно ясное представление об общем идейном замысле. Хронологически

---

¹ Шмеман А.Д., прот. Беседы на Радио «Свобода»: В 2 т. М., 2009.

² За предоставленную информацию благодарим сотрудника «Радио Свобода» И.Н. Толстого. В письме к автору этих строк Иван Толстой, в частности, заметил: «Увы, у нас нет такого цикла. Нет даже названия, под которым он мог бы скрывать. Более того, нет его записей 1970–<19>71 годов! За одним исключением — серии программ о Солженицыне. Но они идут под другой рубрикой (“С другого берега”)».

«Основы...» охватывают большое историческое пространство — от первых дней введения христианства в Киевской Руси до XX в., культурологическая концепция Шмемана простирается от осмысления наследия древнерусской литературы до творчества Пастернака и Солженицына. Даже по небольшому числу дошедших до нас бесед становится очевидно, что радицикл в своем культурфилософском анализе включал целые пласты русской мысли — это идеи П.Я. Чаадаева и А.С. Пушкина, А.И. Герцена и В.Г. Белинского, А.С. Хомякова и К.Н. Леонтьева, Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова и В.В. Зеньковского... Этот список можно продолжить именами, оказавшимися за пределами тринадцати бесед, резонантное пространство «Основ русской культуры» куда шире, они в той или иной мере откликаются на «Опавшие листья» В.В. Розанова, «Эстетические фрагменты» Г.Г. Шпета, «Пути русского богословия» прот. Георгия Флоровского, «Духовный путь Гоголя» К.В. Мочульского.

Мысли отца Александра о судьбе русской культуры, о ее величии и трагедии, обращенные к слушателю начала 1970-х гг., и сегодня не потеряли своей актуальности, напротив, его слово, доносившееся через эфир, именно в наши дни кажется еще более востребованным и актуальным.

Тексты прот. Александра Шмемана публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации. Разрядка и подчеркивания заменены курсивом. Перечеркнутые фрагменты восстановлены и помещены в квадратные скобки, вставки и конъектуры публикаторов — в угловые. Из 13 скриптов, находящихся в архиве Дома русского зарубежья, вниманию читателей предложены 10 бесед, связанных единой тематикой.

Беседа 3

«КУЛЬТУРА» В РУССКОМ САМОСОЗНАНИИ

В первой нашей беседе мы уже говорили, что для русского самосознания почти на каждом этапе его развития свойственно своеобразное противопоставление «политики» — «культуре». И любую попытку разобраться в современном споре о культуре и об отношении этого спора к политической трагедии, в которой мы живем, следует начинать именно с этого очень своеобразного и очень русского явления. Все, конечно, помнят знаменитое утверждение одного из вождей русской революционной интеллигенции XIX века: «Сапоги выше Шекспира»¹. Все помнят и страстное, исступленное развенчание и отрицание культуры величайшим нашим писателем Львом Толстым в его статье «Что такое искусство?». Однако то же самое говорил, хотя и несколько по-другому, министр Николая Первого граф Бенкендорф по поводу Пушкина: «Писать стихи, — говорил он, — еще не значит предаваться полезному занятию»².

Гоголь сжег рукопись «Мертвых душ»; Достоевский, в «Дневнике писателя», хотел стать политиком и идеологом больше, чем писателем. Тургенев мечтал о том,

что интеллигенция простит ему его «искусство для искусства», если он напишет «злословный» роман. А мужичок на завалинке даже и не слышал эти имена: Пушкин, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой. И он, пожалуй, согласился бы со Смердяковым, что стихи и вообще писательство — дело несерьезное и никчемное³.

Судьба русской культуры всегда была трагичной. За сто пятьдесят, сто семьдесят лет своего поразительного цветения она так и не успела стать *своей* для народа, который ее создал. Когда великий французский поэт Поль Валери говорил о русской литературе XIX столетия как о восьмом чуде света⁴, эта литература была известна не более чем десяти процентам русского народа. Такова трагедия, таков парадокс русской культуры, и он, конечно, многое объясняет и в политических, и в духовных судьбах русского народа.

Говоря о русской культуре, нужно прежде всего определить объем и содержание этого понятия. И здесь надо сказать, что вряд ли можно говорить о русской культуре как о какой-то органической величине. На деле в России существовала и в какой-то мере продолжает существовать не одна, а, по существу, *три* культуры, три культурных традиции. Связь между ними, конечно, есть, но она глубоко отлична от преемственности, связывающей, например, средневекового английского поэта Чосера⁵ с современными английскими писателями или поэтов французской «Плеяды» XVI века — Ронсара, Дю Белле, Маро⁶ — с поэтами романтического периода. Объясняется это, очевидно, тем, что развитие русской культуры приходится считать не «органическим», а скорее «революционным». Первую культурную революцию произвел Петр Великий. Он резко отделил древнюю русскую культуру — московскую и киевскую — от новой, воспринятой с Запада и почти насильно пересаженной на русскую почву.

Таким образом, мы имеем уже две культуры. Одну, которую принято называть древнерусской, и вторую, которая с таким единственным блеском и неповторимой глубиной выросла из петровских «ассамблей» и всего через несколько десятилетий дала Державина, Пушкина и все то, что было дано нам после Пушкина.

Но у нас есть еще и третья «культура», тоже идущая от петровской революции, которую, однако, не следует смешивать с державинско-пушкинско-гоголевской культурой. Эту третью культуру можно назвать культурой технической или прагматической. Сам Петр Великий был по своему духовному складу именно техником и прагматиком. Он всей душой любил техников, механиков, специалистов [, которыми увлекся еще в детские годы в подмосковной Немецкой слободе, и эту любовь к техно-прагматической культуре пронес через всю жизнь]. И эта любовь Петра привела к тому, что Россия, отсталая земледельческая страна, оказалась, так сказать, «психологически» включенной в настроения, интересы и искания, родившиеся на Западе из начинавшейся в Европе индустриальной революции.

Крайне важно отметить, однако, вот что: эти три «культуры», родившиеся из разных источников и отделенные одна от другой, казалось бы, почти непроницаемыми психологическими и бытовыми барьерами, в России практически *сосуществовали* рядом одна с другой. Они не следовали и не вытекали одна из другой в порядке хотя бы и революционного, но все же преемства, исторической после-

довательности, а продолжали жить, создавая разные пласты, разные «сознания», можно почти сказать — «разные миры» уже в самом народном теле.

Прежде всего, вне петровской «культурной революции» — а это значит, и вне державинско-пушкинской, а также и прагматически-технической культуры — оказалась, как известно, почти вся крестьянская Россия, около 80 процентов всего населения страны. Но осталась ли вся эта масса без культуры вообще? Нет, потому что ее культурой осталась именно первая, древняя культура, почти целиком определенная христианством и церковностью. Если бы это было не так, если бы непричастное петровскому «просвещению» русское крестьянство (или, как его потом назвала просвещенная Россия, *народ*) оказалось просто первобытными и грубыми дикарями, как можно было бы объяснить таинственное, непрекращавшееся притяжение к этому «народу» России просвещенной, искание у народа мудрости, таинственной правды, исцеления, языковой чистоты и так далее? Если Пушкин учился русскому языку у московских просвирен⁷, то Достоевский народу, да еще темному народу тюрьмы и ссылки, приписывал свое прозрение, а Толстой со свойственной ему прямолинейностью заставлял себя этому народу подражать, чтобы самому стать таким же, как он. [Никто, никогда и нигде, кроме как в России, не «ходил в народ», и это не может не быть фактом огромного культурного значения.]

О содержании, о смысле, о судьбах этой «народной культуры» в развитии русского культурного самосознания мы еще будем говорить в дальнейшем. Сейчас же перейдем к третьему — технически-прагматическому — типу культуры. К этому культурному типу в петербургско-петровском периоде нашей истории относился очень значительный процент уже «просвещенной», не «народной» России. Здесь культура понималась прежде всего именно как «просвещение», как приобретение определенного количества официальных и полезных «знаний». Уже с петровских времен в России появился тип человека, одержимого «пользой», человека, духовно родившегося на Западе в эпоху «просвещения», с ее неограниченной верой в энциклопедии и схемы и с отождествлением культуры и знания, вернее — отождествлением ее с точными знаниями. Именно у этого типа людей постепенно произошло семантическое перерождение слова «наука», его сужение до пределов одной «естественной» науки. Это культура, как уже говорилось, техническая и прагматическая.

Знание и польза — знание, чтобы оно приносило немедленную, непосредственную пользу. Но к этому типу людей относилась не одна постепенно нарождавшаяся в России интеллигенция, а и, как это ни странно, весь огромный бюрократически-чиновный и военный аппарат империи. Чиновники и офицеры — а их было великое множество — жили, в сущности, сознанием абсолютной несомненности приносимой ими отечеству «пользы». Отсюда и все их понимание культуры, знания, подготовки к своей профессии или к своему званию было насквозь пронизано этой идеей пользы и сводилось почти исключительно к ней. Никакого дальнейшего «искания» или «утончения» культуры у этого большого слоя людей не было.

Отдельные группы внутри технически-прагматической культуры могли смертельно враждовать одна с другой. Например, военное сословие и интеллигенция

презирали друг друга, но, тем не менее, обе эти группы принадлежали к одному «культурному» типу. Они и «пользу» могли понимать совершенно по-разному, но обе жили все-таки одним и тем же представлением о пользе. И самое важное, конечно, то, что психологическая ограниченность их духовного кругозора вот этой прагматической «пользой» делала их часто почти непроницаемыми к восприятию и к пониманию *второй* нашей культуры, той, которую уместнее всего соединить в первую очередь с именами великих русских писателей, но, конечно, не их одних.

Волею судеб и по только что упомянутым причинам эта вторая культура оказалась у нас культурой меньшинства, можно почти сказать — незначительного меньшинства. Непонятная «народу», она оказалась чуждой и людям технико-прагматической культуры. А между тем все эти три культуры так или иначе были одержимы Россией, ее судьбой, ее миссией, все они в этом смысле были «национальными» и все они — на глубине — отвечали какой-то подлинной и насущной нужде. Не только из русской истории, но и из русской «культуры» не выкинешь ни Пушкина, ни Суворова, ни Чернышевского, ни Серафима Саровского. Но если нельзя выкинуть, то не так-то легко их и «соединить», увидеть их всех в какой-то общей перспективе, претворить в каком-то едином «синтезе».

Поэтому, когда мы, русские, говорим о культуре, мы обычно в действительности и чаще всего даже подсознательно *выбираем* себе нашу культуру — ту, с которой чувствуем себя духовно связанными. Но современный спор о культуре тем в особенности и важен, что, может быть, в первый раз нужно будет, необходимо будет поставить вопрос не о выборе, а именно о *синтезе*. Ибо та трагедия, в которой мы уже столько лет живем, трагедия прежде всего политическая, — не уходит ли она своими корнями как раз в это культурное «распутье», в отсутствие целостности в русском культурном самосознании? И преодолеть, исцелить эту трагедию — не значит ли это, прежде всего, восстановить когда-то давно утраченное единство?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны глубже взглянуть в подлинную сущность трех наших культурных типов, постараться понять их внутреннюю динамику, чем мы и займемся в следующих беседах.

---

¹ Выражение ошибочно приписывалось Д.И. Писареву. Восходит к пародийной цитате в статье Ф.М. Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах. Статья 2-я» (1864), написанной в ответ на статью М.Е. Салтыкова-Щедрина «Литературные мелочи» (1864). Полемика в целом была направлена против утилитарной позиции сотрудников журнала «Русское слово» (в том числе Д.И. Писарева) в оценке искусства и значения Пушкина в русской культуре. «Сапоги во всяком случае лучше Пушкина. Пушкин — роскошь и вздор. <...> Вздор и роскошь даже сам Шекспир» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. (далее — ПСС): В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 20. С. 109). В тетради Достоевского 1864–1865 гг. в записи об авторах прокламации «Молодая Россия» также находим выражение «Сапоги лучше Шекспира» (см. об этом: *Достоевский Ф.М.* ПСС. Т. 12. С. 312). Нечто похожее встречаем у сотрудника Писарева по журналу «Русское слово» В.А. Зайцева: «...нет такого полотера, нет такого золотаря, который бы не был полезнее Шекспира в бесконечное множество раз» (*Русское слово*. 1864. № 3. Цит. по: *Достоевский Ф.М.* ПСС. Т. 12. С. 284, 312). Подобные рассуждения находим у П.А. Кропоткина: «Нигилисту были противны беско-

нечные толки о красоте, об идеале, искусстве для искусства, эстетике и тому подобном, тогда как и всякий предмет искусства покупался на деньги, выколоченные у голодающих крестьян или у обираемых работников. Он знал, что так называемое поклонение прекрасному часто было лишь маской, прикрывавшей пошлый разврат. Нигилист тогда еще отлил беспощадную критику искусства в одну формулу: “Пара сапог важнее всех ваших мадонн и всех утонченных разговоров про Шекспира” (*Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1988. С. 284).

² Реакция цензуры на некрологи, посвященные Пушкину, в частности на знаменитые слова В.Ф. Одоевского «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!» из некролога в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» (1837. № 5), подробно описана в дневнике писателя, журналиста и цензора А.В. Никитенко: «Греч получил от Бенкендорфа выговор за слова, напечатанные в “Северной пчеле”: “Россия обязана Пушкину благодарностью за 22-летние заслуги его на поприще словесности” (№ 24). Краевский, редактор “Литературных прибавлений к *Русскому инвалиду*”, тоже имел неприятности за несколько строк, напечатанных в похвалу поэта. Я получил приказание вымарать совсем несколько таких же строк, назначавшихся для “Библиотеки для чтения”» (*Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. М., 1955. Т. 1. С. 196–197). А.А. Краевский (редактор «Литературных прибавлений к “Русскому инвалиду”») был вызван к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа М.А. Дондукову-Корсакову, который передал «крайнее неудовольствие» министра народного просвещения, председателя Главного управления цензуры С.С. Уварова: «Что за выражения! “Солнце поэзии!!” Помилуйте, за что такая честь? <...> Какое это такое поприще? <...> Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! <...> Писать стишки не значит еще... проходить великое поприще!» (*Русская старина.* 1880. № 7. С. 536–537; цит. по: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 1987. С. 615).

³ Имеется в виду реплика Смердякова («Братья Карамазовы». Ч. 2. Кн. 5. Гл. 2): «Это чтобы стих-с, то это существенный вздор-с. Рассудите сами: кто же на свете в рифму говорит? И если бы мы стали все в рифму говорить, хотя бы даже по приказанию начальства, то много ли бы мы насказали-с? Стихи не дело...» (*Достоевский Ф.М.* ПСС. Т. 14. С. 204).

⁴ Фраза, будучи популярной в литературных кругах русского зарубежья, в разных вариациях была использована в статье Н.А. Оцуца «Серебряный век русской поэзии»: «Поль Валери назвал русскую литературу XIX века одним из трех величайших чудес человеческой культуры» (Числа. Кн. 7/8. Париж, 1933. С. 174); к ней обращался Г.В. Иванов в письме к М.М. Карповичу от 19 апреля 1951 г.: «Мы — последние последыши того, что Поль Валери определил в своем дневнике: “Три чуда мировой истории: Эллада, итальянский Ренессанс и Россия XIX века”» (цит. по: *Арьев А.* Жизнь Георгия Иванова: Документальное повествование. СПб., 2009. С. 78). К цитате прибегал и Г.В. Адамович, как следует из его переписки с Ю.П. Иваском. Начав в конце 1950-х гг. работу над проектом по изучению акмеизма, Иваск запишет: «Поль Валери сказал: “Я знаю три чуда, trois miracles de monde: Афины, итальянский ренессанс и русская литература 19-го века”» и обратится в связи с этим к Г.В. Адамовичу за уточнением источника цитаты. На его вопрос “Где приблизит<ельно> Валери сказал о трех чудесах мира: Греция, Ренессанс и русская лит<ерату>ра 19-го века...” — Адамович отвечал: “Не помню и не могу найти. Но сказал, наверно, в каких-то заметках. С моей “легкой руки” это потом не раз цитировалось”» (цит. по: Проект «Акмеизм» / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомоллова // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 149, 175).

⁵ *Чосер Джеффри* (Chaucer; ок. 1343–1400) — английский поэт, «отец английской поэзии», первым начал писать свои сочинения не на латыни, а на родном языке. Автор зна-

менитых «Кентерберийских рассказов» («*Canterbury Tales*»; ок. 1380–1390), «Легенды о славных женщинах» («*Legend of Good Women*»; 1388) и др.

⁶ «Плеяда» (первоначально «Бригада») — кружок французских поэтов-гуманистов, образованный в 1556 г. «Плеяда» (семизвездие), переняв название у кружка древнегреческих поэтов, руководимого Феокритом, указывала названием на постоянное число (семь) своих участников. Самыми яркими из них были Пьер де Ронсар (*Ronsard*; 1524–1585) и Жоашен Дю Белле (*Du Bellay*; 1522–1560). В эпоху французского Ренессанса в лице «Плеяды» французская гуманистическая поэзия достигла наибольшего расцвета. Ориентируясь на отказ от традиционных национальных поэтических форм, «Плеяда» полемизировала с поэтом раннего французского Возрождения Клеманом Маро (*Marot*; 1496–1544), автором знаменитого сборника «Отрочество Клемана» («*L'Adolescence clémentine*», 1526).

⁷ В статье «Опровержение на критики» (1830) Пушкин замечал: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава Богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком» (*Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. (далее — ПСС): В 10 т. М., 1957–1958. Т. 7. С. 175).

Беседа 4

ПАРАДОКСЫ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: МАКСИМАЛИЗМ

Культура связана с чувством меры, с ощущением границы. Уже древние греки, создатели одной из величайших мировых культур, в каком-то смысле матери нашей современной всемирной культуры, в центр понимания культуры поставили понятие *μετρός* — прилагательное, означающее как раз меру, гармонию, а следовательно, и естественную *ограниченность* любого совершенства. Мера предполагает порядок, строй, структуру, форму, соответствие формы содержанию, законченность, завершенность. Творцы этой культурной традиции, очевидно, понимали, что самое трудное в творчестве — это как раз самоограничение, признание границы и своего рода смирение перед нею.

Один из парадоксов русской культуры между тем заключается в том, что важнейшей ее составной чертой с самого начала оказалось как раз своеобразное отрицание вот этого «метрос», своеобразный пафос максимализма, стремящегося к устранению и меры, и границы. Парадоксальность этой черты состоит в том, что пафос максимализма присущ именно самой русской культуре. И раньше, и вне России максимализм, фанатизм, отрицание культуры во имя каких-либо других ценностей очень часто приводили к уничтожению культурных ценностей — но это явно было проявлением внекультурным или антикультурным. У нас — в этом и заключается парадокс — ощущение это, порыв этот был присущ самим носителям культуры, ее творцам. И это вносило и вносит особую поляризацию внутри самой культуры, делает ее хрупкой и часто спорной, даже словно бы призрачной.

Истоки этого максимализма надо искать в принятии Древней Русью византийского христианства. О смысле и значении этого основоположного факта русской истории написаны сотни книг, так или иначе он всегда стоял в центре русских споров и исканий. Особое значение его для судеб русской культуры заставляет вновь и вновь обращаться к нему.

Остановимся только на одной стороне этого явления, которая поможет нам объяснить постоянное в русском культурном самосознании напряжение, постоянную его отнесенность к некоему поистине взрывчатому максимализму. Многие русские историки отмечают факт сравнительно легкого принятия Русью христианства в его византийском облике. Но гораздо реже обращалось внимание на то, что в процессе этого принятия было усвоено далеко не все, что входит в понятие христианского византизма.

Коренная разница <между византийским и русским вариантами христианства> заключалась в том, что христианская Византия была наследницей богатейшей и глубочайшей греческой культуры, в то время как Киевская Русь такого культурного наследия не имела. Для византийца христианство было увенчанием длинной, сложной и бесконечно богатой истории, «оцерковлением» целого мира красоты, мысли и культуры. Такой культурной памяти и такого чувства «увенчания» и завершения Древняя Русь иметь не могла. Но в таком случае естественно, что Византия, с одной стороны, и Русь, с другой, по-разному воспринимали пришедший христианству «максимализм».

Что христианство максималистично, об этом не приходится спорить. Все Евангелие построено на максималистическом призыве «Ищите прежде всего Царствия Божьего», на предложении бросить все, от всего отречься, всем пожертвовать — во имя прихода в конце времени Царства Божия. И нельзя сказать, что христианская Византия как-либо «минимализировала» этот призыв, смягчила его категоричность. Но в разработанной Византией сложной системе христианской догмы ее максимализм был представлен в некоей «иерархии ценностей», в которой нашли себе место и тем самым так или иначе были оправданы и ценности «мира сего» — и в первую очередь ценности культуры. Весь мир был как бы покрыт величественным куполом Святой Софии, Божьей Премудрости, изливающей свой свет и свое благословение на всю жизнь и на всю культуру человека. Но куполу *киевской* Святой Софии, построенной по византийскому образцу и вдохновению, покрывать и благословлять было, собственно, нечего: у древней, почти только что появившейся на свет Киевской Руси не было никакой «иерархии ценностей», которую нужно было бы согласовывать с максимализмом Евангелия. Для того соотношения, сложного, но стройного, между культурой и христианским максимализмом, которое составляет сущность христианской Византии, на Руси, собственно, не было ни места, ни данных, ибо не было одной из составных частей этого соотношения, а именно старой, богатой и глубокой культуры.

Древней Руси не пришлось переживать долгого, сложного и часто очень мучительного процесса согласования культуры и христианства, христианизации эллинизма и эллинизации христианства, — процесса, которым отмечены пять-

шесть веков византийской истории. У нее еще почти не было истории. Но это значит, что византийское христианство было воспринято Русью одновременно и как вера, и как культура и что, таким образом, присущий христианской вере *максимализм* оказался практически и одной из главных основ новой культуры.

Принимая византийское христианство, Русь не заинтересовалась ни Платоном, ни Аристотелем, ни всей традицией эллинизма, которые и для христианской Византии оставались живой и жизненной реальностью. Византийской «культуре» Древняя Русь не отдала ни частицы своей души, внимания, интереса. Историки подчеркивают, что, несмотря на обилие церковных и политических связей с Константинополем, Русь всей душой потянулась не к нему, а к Иерусалиму и Афону. К Иерусалиму — как к месту реальной истории Христа, Его уничижения и страдания, и к Афону, монашеской горе, как к месту реального христианского подвига. Больше чем все тонкости византийской догмы и все величие византийского церковно-культурного мира самосознание Руси пронзил образ евангельского, распятого и уничиженного Христа, а также образ героя-монаха, подвижника. Русское христианство удивительным образом началось без школы и без школьной традиции, а русская культура как-то сразу оказалась сосредоточенной в храме и богослужении.

Конечно, начала создаваться и русская христианская культура. Но одно дело, когда храм строится в центре древнего, отягощенного культурой греческого города, в котором одной из задач храма оказывается соединение культуры с христианством, «христианизация» ее, и совсем другое, когда этот же храм оказывается *всем* — и верой, и культурой. А именно так случилось на Руси. Ее культура, подлинная культура, оказалась сосредоточенной в храме, в котором ее сутью стало, так сказать, «самообличение», призыв к максимализму, требующему отказа от «мира». Все подлинное, прекрасное и великое в древнерусской культуре есть одновременно и призыв *уйти*, отказаться, *отрешиться*. Если же не уйти, то отдать свои силы построению некоего последнего, совершенного, всецело устремленного к небу и небом живущего «царства», в котором все без остатка подчинено «единому на потребу».

Так максимализм стал судьбой русской культуры и русского культурного самосознания. Культура как «мера», культура как «граница» и «форма» меньше всего вдохновляла его и в прошлом, и в последующее время, когда непосредственная связь между христианством и культурой оказалась оборванной. В каком-то смысле можно даже сказать, что у нас в России не возникло, не образовалось самого понятия культуры как совокупности знаний, ценностей, памятников, идей, совокупности, передаваемой из поколения в поколение для сохранения и приумножения, а одновременно и как мерил творчества. Потому что христианская культура, нашедшая свое выражение в храме, в богослужении и в быте, по самой своей природе оказалась чуждой идее развития и творчества, стала сакральной и статической, исключавшей сомнения и искания; никакой же другой культуры у нас больше не было.

И поэтому всякое творчество, всякое искание, всякая перемена ощущались как бунт, как почти кощунство и анархия, и, таким образом, сути культуры как

творческого преемства не создалось. [Всякий творец оказывался тем самым и революционером: творить, создавать принципиально новое он мог только на развалинах не допускающего никакого развития и пересмотра здания.]

Таковы истоки максимализма в смысле отрицания меры и границы, которые так часто приходится встречать в сложной диалектике русского культурного самосознания. И этот максимализм не удалось выкорчевать даже петровской культурной реформе, так резко приобщившей Россию к западной культурной традиции. Тут тоже можно говорить о знаменательном парадоксе: одно из производных этого приобщения к западной культуре, великая русская литература XIX века, явилась для Запада тем, что изнутри взрывает именно «меру» и «ограничения» западной культуры, вводит в нее взрывчатое вещество такого искания, таких прозрений, такого напряжения, которые подтачивают ее стройное, размеренное здание.

Знаменитые слова о русском мальчишке, который, получив карту звездного неба, через полчаса возвращает ее исправленной¹, не лишены глубокой правды. Русские после Петра оказались изумительными учениками. Вся техника западной культуры была усвоена Россией меньше чем в сто лет. Но ученики, научившись, естественно и почти бессознательно вернулись к тому, что в них было заложено с самого начала, а именно к тому максимализму, который на Западе был почти целиком «обезврежен» веками умственной и социальной дисциплины.

И это касается, хотя и по-разному, всех трех слоев русской культуры, трех культурных групп, о которых мы говорили в прошлой беседе. И в культуре народной, и в культуре, которую мы назвали технически-прагматической, и, наконец, в культуре державинско-пушкинско-гоголевской, — всюду видно постепенное накопление взрывчатого максимализма, как и ощущение невозможности удовлетвориться *только* культурой, может быть из-за отсутствия в ней навыков, методов, позволяющих решать возникающие перед человеком вопросы. А это, в свою очередь, подводит нас ко второму парадоксу русского культурного самосознания: к заложенному в нем *минимализму*, противостоящему тому максимализму, о котором мы говорили сегодня.

---

¹ Имеются в виду слова Алеши Карамазова («Братья Карамазовы». Ч. 4. Кн. 10. Гл. 6): «...я недавно прочел один отзыв одного заграничного немца, жившего в России, об нашей теперешней учащейся молодежи: “Покажите вы, — он пишет, — русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же возвратит вам эту карту исправленную”. Никаких знаний и беззаветное самомнение — вот что хотел сказать немец про русского школьника» (*Достоевский Ф.М.* ПСС. Т. 14. С. 502).

Беседа 5

ПАРАДОКСЫ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: МИНИМАЛИЗМ

В прошлой беседе об основах русской культуры мы говорили о максимализме как одном из характерных свойств или даже парадоксов русского культурного развития. Максимализм этот мы связываем с византийско-христианскими истоками русской культуры, которые придали ей устремление к достижению нравственно-религиозного совершенства, оставляющего в тени, где-то на второстепенном плане, сознание о необходимости будничной, планомерной и всегда неизбежно ограниченной культурной «работы». Но, как хорошо известно, максимализм почти всегда довольно легко уживается с минимализмом. Если кто-либо хочет слишком многого, *всего, несбыточного*, он сравнительно легко, при невозможности достижения этого «всего», примиряется с «ничем». «Немного», «кое-что» кажутся ему ненужными, половинчатыми, не заслуживающими интереса и усилия. [Так, в известной мере, случилось и в русском культурном развитии, и на черту эту в нашем национальном облике — «все или ничего» — часто указывают историки и критики русской культуры; она, эта черта, часто служила одной из тем художественной литературы.]

Стопроцентность в утверждениях приводит к стопроцентности и в отрицаниях; поляризацию эту можно проследить у нас во всем развитии национального самосознания. Так, например, истории государственного и культурного созидания Московской Руси соответствует и противостоит история постоянного «размывания» ее изнутри отрицанием, уходом, отвержением. Когда во второй половине XV века сформировалось московское государственно-национальное самосознание, оно сразу же облеклось в предельно максималистическую идеологию Третьего Рима, единственного, последнего, чистого православного Царства, после которого — «четвертому не бывать»¹.

Но этому максималистическому самоутверждению и самопревозношению примерно в то же время сопутствовал и своеобразный культурный нигилизм. С этой точки зрения очень характерной была так называемая ересь жидовствующих², завладевшая тогда, в сущности, почти всей верхушкой московского общества того времени. Поразительна была в этом увлечении легкость отрыва от родного предания, какое-то настойчивое, почти страстное желание порвать со всеми привычными критериями веры, мысли, культуры и перевоплотиться в нечто совершенно противоположное. Новгородские и московские протопопы, цвет и оплот тогдашнего образованного слоя, тайно меняли свои русские имена на еврейско-библейские, этим как бы отрекаясь от самой своей личности. Это было, в сущности, беспрецедентное, загадочное явление, но оно сравнительно легко объясняется особенностью русской культуры: в ней есть повторяющееся стремление выйти из истории, из «деятельности» или, во всяком случае, свести свою деятельность к минимуму ради некоего потустороннего идеала, который в истории, в нашей земной жизни, в нашей «деятельности» все равно неосуше-

ством. Минимализм в русском культурном развитии проявляется больше всего в упорном сопротивлении каким бы то ни было переменам, самой идее реформы, улучшения, развития. Есть своеобразный привкус анархизма, антиисторизма и квиетизма в писаниях Нила Сорского, главы движения «нестяжателей» — движения, протестовавшего не только против «стяжательства» церкви, монастырей, духовенства, но и против самой идеи какой бы то ни было исторической ответственности, какого-либо «дела» в истории³.

В том же шестнадцатом веке поразительной и показательной была трагическая судьба Максима Грека, приехавшего на Русь по официальному приглашению для творческой критики московской культуры. В Москве он встретил со стороны духовенства почти стихийное сопротивление и вражду, и фактически вся его жизнь там прошла в духовном заключении⁴. Отмечена в истории и пассивность огромной части населения в критические годы Смутного времени, словно «самоустранение» этой части <народа> от ответственности за национальную судьбу.

«Народ безмолвствует». Это заключительное замечание в пушкинском «Борисе Годунове» относится не только к факту невозможности для народа в те годы нарушить свое безмолвие, но и к нежеланию его нарушить⁵. Судьба России и ее культуры почти всегда решалась на верхах, кучкой убежденных вождей и активистов, усилия которых часто наталкивались не столько даже на вражду, сколько на равнодушие низов. Причем симпатии массы часто оказывались на стороне не созидателей и реформистов, а отрицателей, скептиков и своеобразных исторических и культурных минималистов. Так, например, вожди раскола XVII века во главе с протопопом Аввакумом были не темные, невежественные люди: они принадлежали к цвету московского общества, к носителям его самосознания. Их сопротивление, тем не менее, было направлено не на эксцессы никоновской реформы: они отвергали саму эту реформу. «Положено до нас, лежи оно во веки» — эта фраза была не выражением традиционализма и консерватизма, а отрицанием истории и исторической деятельности⁶.

Религиозный максимализм часто оборачивается историческим и культурным минимализмом. И необходимо признать, что носительница русской культуры, церковь, в допетровском обществе была и главным фактором культурного минимализма, но он не исчез и после петровской революции, которая почти насильно навязала России культурную традицию и культурные навыки Западной Европы. Правда, нечеловеческими усилиями Петра Великого в России был создан культурный слой, в очень короткий срок в свою очередь создавший великую и блестящую культуру. Но уже начиная с Пушкина каждый, кто задумывался над судьбой этой культуры, не мог не признать парадоксальности ее существования как бы вопреки той среде, тому обществу и стране, для которых она создавалась.

Своеобразным культурным минимализмом в России была заражена не только государственная власть, но само общество, постепенно все больше и больше противопоставлявшее себя этой власти. Пушкин заметил: «В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа. У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя»⁷.

Характерно, что в длительных и страстных раздумьях и спорах о своей стране, о смысле в истории, о целях ее существования — в спорах, которыми отмечена вся интеллектуальная жизнь России, — каким-то образом почти никто не отождествлял Россию с уже созданной, уже существующей русской культурой. Начавший этот спор в XIX веке Чаадаев, например, назвал Россию «белым листом бумаги», на котором ничего не написано⁸, — но эти свои «Философические письма» он писал тогда, когда было написано уже большинство произведений Пушкина, Баратынского, Жуковского, а до них — Державина. Чаадаев этого как бы не заметил, и для него Россия оставалась лишь чем-то чаемым, будущим — «возможным» в будущем.

Хомяков и славянофилы сущность России видели либо в прошлом, либо в народе, непричастном культуре. И даже Достоевский, в своей знаменитой Пушкинской речи сказав, что Пушкин — «наше всё»⁹, хвалил его не столько за подвиг создания культуры, сколько за некий таинственный дар «всемирной отзывчивости»¹⁰ и представлял его главным образом как пророка некоей будущей мессианской, осуществленной Россией эры.

Чем другим, как не странным равнодушием к культуре как таковой, к ее традиции, к ее качеству можно объяснить тот факт, что *после* Пушкина, *после* Лермонтова и Тютчева целое поколение могло восхищаться поэзией Надсона? Тот же Пушкин, размышляя о равнодушии русской публики к драматическому искусству, очень метко писал: «Значительная часть нашего общества слишком занята судьбой Европы и отечества... слишком глубокомысленна, слишком важна... чтобы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства, к тому же русского...»¹¹ Он мог написать: «искусства вообще».

Повторяем, эти явления проистекали отнюдь не от необразованности или некультурности, а от странного максимализма надежд и ожиданий, мешавшего связывать эти надежды с существующим культурным трудом и всемерно помогать ему. Но конечно, своего наивысшего предела и выражения этот культурный максимализм достиг после окончательного оформления русской интеллигенции в своего рода освободительный революционный «орден», — с параллельным ему оформлением противоположных ему «охранительных сил». И здесь и там подлинная культура оказалась как бы просто выброшенной из иерархии ценностей. «Буревестнику» Горького в кругах интеллигенции противостояла поэзия К.Р. — великого князя Константина Константиновича, разучивавшаяся в кадетских корпусах¹². Польза, просвещение и освобождение — с одной стороны, слава отечества, с другой, в равной степени исключали культуру как составную часть и основу и просвещения, и славы.

Все это подсказывает выводы, важные для понимания и сегодняшних споров и исканий. В русском культурном самосознании понятия «Россия» и «русская культура», в сущности, никогда не получили общепринятого, бесспорного, не подлежащего пересмотру содержания. Синтез осуществлен не был — поэтому, с одной стороны, и шел вечно продолжающийся спор об этих понятиях. А с другой стороны, обращает на себя внимание страстность этого спора, характерная для него на всех его этапах, поляризация, крайности. Для одних из понятий

«Россия» и «русская культура» все еще выпадают Герцен, Белинский, Чаадаев, а для других, в равной степени, — Хомяков, Соловьев и Леонтьев. Славянофилы, во все новых и новых их воплощениях, громят западников; западники все еще не способны услышать и понять славянофилов. И это потому, что «максимализм», еще неотъемлемый от русского самосознания, все еще как догму принимает примат «политики» над культурой и оказывается, по существу, не способным к культуре, то есть не способным к тому, чтобы в совокупности исканий и достижений, в духовном мире, созидаемом каждой нацией, увидеть единственный возможный критерий, а также и содержание «политики».

Если бы русской культуры не было как давно осуществленного и реального мира, обо всем этом можно было бы не говорить. Но она есть, и именно она составляет сердцевину, лучшую и неуничтожаемую сущность России. Вот почему, не преодолев своего культурного и максимализма, и минимализма, по существу, дальше ей двигаться невозможно.

---

¹ Речь идет об идеологеме «Москва — Третий Рим», предложенной старцем Псковского Елизарова монастыря Филофеем (ок. 1465–1542) и оформленной в виде посланий великому князю московскому Василию Ивановичу и царскому дьяку М.Г. Мунехину. «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать» (Послание старца Филофея к великому князю Василию // Памятники литературы Древней Руси. Кн. 6: Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984. С. 441).

² Ересь жидовствующих — религиозное движение, возникшее во второй половине XV в. среди русского духовенства и высшего общества в наиболее культурных центрах Руси: Новгороде, Пскове, Киеве и Москве. Ересь представляла собой смесь иудаизма с христианством, отрицала догматы о Троице, Божестве Иисуса Христа и искуплении, предпочитала Ветхий Завет Новому, отвергала писания свв. отцов, почитание мощей и икон и т. п. Следует заметить, что вопрос о сущности этой ереси принадлежит к наиболее темным проблемам истории русского сектанства, потому что характеризовать ее приходится со слов ее обличителей, пристрастно относившихся к ней и не имевших точного понятия о сущности того учения, которое им приходилось обличать.

³ Нил Сорский (в миру Николай Майков; 1433–1508) — основатель и глава нестяжательства в России, противник церковного землевладения на соборе 1503 г. в Москве и сторонник реформы монастырей на началах скитской жизни и личного труда монашествующих. Развивал идеи «умного» делания — особого вида молитвенного созерцания, или исихазма. Общее направление мыслей Нила Сорского — строго аскетическое, взывающее прежде всего к аскетизму внутреннему, духовному, что отличалось от понимания аскетизма большинством тогдашнего русского монашества.

⁴ Максим Грек (в миру Михаил Триволис; около 1475–1556) — публицист, писатель, переводчик. Около 10 лет жил на Афоне, откуда по приглашению великого князя Василия III Ивановича в 1518 г. прибыл в Москву для перевода духовных книг. Принял деятельное участие в спорах между иосифлянами и нестяжателями, встав на сторону Нила Сорского и его старцев. Собрал вокруг себя кружок, в котором, помимо церковно-теоретических вопросов, обсуждались вопросы, связанные с внешней и внутренней политикой великого князя. Будучи аскетом по убеждениям, как и другие нестяжатели, выступил против монастырского землевладения и обогащения церкви. На соборе 1525 г. был обвинен в ереси,

отлучен от причастия и приговорен к ссылке в Иосифо-Волоколамский монастырь. После вторичного осуждения на соборе 1531 г. сослан в Тверской Отрочь Успенский монастырь. В 1551 г. был переведен на покой в Троице-Сергиев монастырь. Прославлен в лике преподобных на Поместном соборе 1988 г.

⁵ О заключительной ремарке трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» (1831) см.: *Зенгер Т.* Николай I — редактор Пушкина // *Литературное наследство.* М., 1934. Т. 16–18. С. 513–536; *Благой Д.* Социология творчества Пушкина: Этюды. М., 1931; *Лаврецкая В.* Произведения А.С. Пушкина на темы русской истории. М., 1962; *Алексеев М.П.* Ремарка Пушкина «Народ безмолвствует» // *Русская литература.* 1967. № 2. С. 36–58 и др.

⁶ Знаменитая формула из сочинения «Житие протопopa Аввакума, им самим написанное» (1672–1673): «Бог благословит: мучься за сложение перст, не рассуждай много! А я с тобою за сие о Христе умрети готов. Аще я и не смыслен гораздо, неuka человек, да и то знаю, что вся в церкви, от святых отцов преданная, свята и непорочна суть. Держу до смерти, яко же приях; не прелагаю предел вечных, до нас положено: лежи оно так во веки веков!» (Аввакум (протопоп). *Житие протопopa Аввакума // Житие протопopa Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Авт. коммент. Н.К. Гудзий и др.; вступ. ст. Г.М. Прохорова.* Архангельск, 1990. С. 62–63).

⁷ *Пушкин А.С.* Критикою у нас большею частию... // *ПСС.* Т. 7. С. 515.

⁸ Похожую мысль находим в статье П.Я. Чаадаева «Апология сумасшедшего» (1837): «...позволила ли бы страна, чтобы у нее отняли ее прошлое и, так сказать, навязали ей прошлое Европы? Но ничего этого не было. Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова Европа и Запад; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу» (*Чаадаев П.Я.* Апология сумасшедшего // *Соч.* М., 1989. С. 143).

⁹ Прот. А. Шмеман допускает неточность. Это слова из статьи «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859) писателя, литературного и театрального критика Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864). «Лучшее, что было сказано о Пушкине в последнее время, сказалось в статьях Дружинина, но и Дружинин взглянул на Пушкина только как на нашего эстетического воспитателя. А Пушкин — наше всё: Пушкин представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что останется нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужими, с другими мирами» (*Григорьев А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // *Соч.:* В 2 т. М., 1990. Т. 2: Статьи, письма. С. 56–57).

¹⁰ Одна из центральных мыслей Пушкинской речи Ф.М. Достоевского (1880): «...укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин. И эту-то способность, главнейшую способность нашей национальности, он именно разделяет с народом нашим, и тем, главнейше, он и народный поэт» (*Достоевский Ф.М.* Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // *ПСС.* Т. 26. С. 130–131).

¹¹ Неточная цитата из статьи А.С. Пушкина «Мои замечания об русском театре» (1820). Ср.: «Значительная часть нашего партера (то есть кресел) слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского)» (*Пушкин А.С.* *ПСС.* Т. 7. С. 8).

¹² *К.Р.*, великий князь Константин Константинович Романов (1858–1915), член российского императорского дома, генерал-адъютант (1901), генерал от инфантерии (1907), генерал-инспектор военно-учебных заведений, президент Императорской Санкт-

Петербургской академии наук (1889), поэт, переводчик, драматург. Продолжатель классических традиций в поэзии, автор нескольких поэтических сборников: «Стихотворения <1879–1885>» (1886), «Новые стихотворения К. Р.» (1900), «Третий сборник стихотворений К. Р.» (1900), «Стихотворения К. Р.» (1901). Многие стихотворения были положены на музыку, самыми известным стали романсы на музыку П.И. Чайковского «Растворил я окно...», «Я сначала тебя не любила...», «Вот миновала разлука...» и др.

Беседа 6

ПАРАДОКСЫ РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ: УТОПИЗМ

В предыдущих наших беседах, посвященных основам русской культуры, мы говорили о двух парадоксах нашего культурного развития: о противоречивом и парадоксальном проявлении в нем своеобразного максимализма и своеобразного минимализма. Византийско-христианские корни и вдохновение русской культуры требовали от нее сразу, без подготовки, без длительного усвоения и приспособления, некоего полного воплощения в жизнь христианского идеала, и эти же корни, возводя все к религии, к евангельскому совершенству, странным образом способствовали развитию в русском сознании минимализма, равнодушия к прозаическим повседневным земным делам. Сегодня к этим двум парадоксальным факторам русского культурного развития мы прибавим еще третий, а именно — фактор утопизма.

Русское сознание много и часто грешило утопизмом, причем не в одном каком-то периоде своего развития, своей истории, а почти постоянно. Само это развитие в каком-то смысле можно представить как постоянную борьбу реализма с утопизмом, учета реальной обстановки, реальной действительности с неким постоянным развоплощением ума и воображения. Утопизм — это установка разума, обратная эмпиризму. Эмпирик исходит из трезвого учета и анализа фактов и вытекающих из них возможностей, для утописта же характерно, напротив, равнодушие, если не презрение, к учету фактов, реальной обстановки. Утопист стремится подчинить действительность идеалу, и главное для него — убеждение, что это можно осуществить.

Источником утопизма в русской истории, в развитии русской культуры приходится признать все то же византийское вдохновение, ставшее для Руси единственной основой ее культуры. Элементы утопизма были уже у самого князя Владимира, первого строителя киево-христианской государственности. Известен летописный рассказ о том, что греческим епископам приходилось уговаривать Владимира применять, в случаях необходимости, смертную казнь, которую он, став христианином, считал несовместимой со своей новой верой¹. И это очень характерный факт, особенно при сопоставлении его с некоторыми общими тенденциями раннего русского сознания.

Профессор Федотов, например, убедительно доказывал, что поразительная популярность двух первых канонизированных, то есть причисленных к лику святых, русских, а именно сыновей Владимира, князей Бориса и Глеба, объясняется почитанием народом их подвига непротивления злу². Борис и Глеб до-

бровольно приняли страдания и смерть, видя в этой пассивности высшую меру подражания самому Христу. Они могли бы защищаться или спастись бегством, но они этого не хотели, они предпочли уступить и пожертвовать своей жизнью. И здесь важно именно то, что народное сознание в почитании этих святых приняло их подвиг как нормативный, так же как до этого народное сознание приняло и запомнило особое мягкосердечие Владимира, граничащее, казалось бы, с безрассудством.

Элемент утопизма, веры в идеальную «братскую любовь» можно усмотреть и в учреждении Ярославом Мудрым удельной системы, оказавшейся для государства такой губельной³. Возвышение Москвы и ее конечное политическое торжество было связано с отказом от утопизма; в этом, напротив, проявился трезвый реализм, подчас граничивший даже с цинизмом, но и в это время в русском самосознании утопические тенденции до конца не исчезли. Они, например, проявились в попытке утверждения идеологии Москвы — Третьего Рима, особенно в ее истоках, в монашеско-религиозном происхождении. Государственной эта идеология не стала, но она, густо окрашенная в утопические тона, пронизанная утопизмом, влияла на умы того времени. Эта идеология провозглашала Московское царство призванным к осуществлению некоей последней, высшей правды на земле, так сказать, под занавес исторического процесса.

Для утопического образа мышления очень характерно, что провозглашаемый им идеал, как правило, не связывается с конкретной программой его осуществления, проведения в жизнь. Знаменитое тютчевское «В Россию можно только верить»⁴ означает с этой точки зрения своеобразную самодостаточность идеала и веры в него, словно они и не предполагают, и не требуют никакого труда, напряжения в их практическом осуществлении.

В утопизме всегда есть элемент самолюбования, гордости, опять-таки конкретно ни на чем не основанных. Вера в «простой народ» и якобы хранимые этим народом последние, мудрейшие ответы на все вопросы жизни, готовность всю сложность жизни сводить к простым и абсолютным теориям, привычка очертя голову бросаться всем существом в любой, даже плохо продуманный абсолют, только бы он казался «абсолютом», — все это плоды утопизма, слишком часто приводящего к прекрасодушию, к параличу воли, к самоутешению возвышенными, но предельно оторванными от жизни идеями и идеологиями.

Несомненным утопизмом была окрашена борьба в XVI веке между религиозно-политическими новаторами вроде патриарха Никона и религиозно-политическими консерваторами типа протопопа Аввакума и других вождей старообрядчества. При этом важно подчеркнуть, что утопизм был характерен для обоих лагерей. Если неистовство патриарха Никона и его последователей основывалось на вере в какое-то утопически совершенное греческое православие, то неистовство Аввакума и его единомышленников вызывалось верой в никогда не существовавшую в действительности утопически-идеальную «святую Русь».

Так постепенно создавалась привычка действовать, оценивать, мыслить в отрыве от действительности и иногда вовсе не считаться с нею, не считаться с реальностью.

Утопизм в русском сознании особенно усилился после петровской революции. В каком-то смысле она поделила Россию на лагерь «реалистический» и лагерь «утопический», и чем дальше шло время, тем пропасть между двумя этими установками сознания делалась все очевиднее и глубже. При этом неверно отождествлять, как это часто делают, «реализм» с государственно-бюрократическим аппаратом, а утопизм — с интеллигенцией, которую государственный аппарат якобы отделял от «реальности». В том-то, возможно, и трагедия русской культуры, русского сознания, что «утопизм» оказался присущим в значительной мере почти всем без исключения слоям сложного и многообразного русского общества.

Так, утопистом по-своему был Павел Первый, в устройении России по прусскому образцу видевший идеал государства; утопистом был и Александр Первый, стремившийся подчинить внешнюю политику России утопии Священного союза, почти открыто противоречившей реальным интересам русского государства⁵. Утопические тенденции нередко были присущи как раз самой власти тогда, когда она исходила не из реального учета интересов и возможностей страны, а из априорных утопических идеологических установок.

С особой силой сказался утопизм в диалектике русской культуры. В ней многое — об этом мы будем говорить в дальнейших беседах — определяется как бы утопическим взрывом против прозрачного «реализма» Пушкина, взрывом, укорененным в социальном, политическом, религиозном утопизме. Это и обусловило своеобразную настойчивость русской культуры, подверженность ее как поразительным взлетам, так и столь же поразительным падениям. Она словно всегда открыта для полной и безоговорочной переоценки всех ценностей под влиянием очередной утопии, очередной «абсолютной» идеологии. Утопизм восстает именно против преемственности, против традиции: он хочет всегда всего или ничего и во имя своей истины готов без остатка сжечь все прошлое. Он противоречит «форме», самому принципу «формы», ибо абсолют никогда в нее не укладывается, изнутри требует ее преодоления и разрушения. В этом смысле утопизм как фактор культуры — явление всегда антикультурное, даже когда носителями его оказываются самые высшие носители культуры. Так, Лев Толстой был одновременно и вершиной русской культуры, и заложенным внутри этой культуры взрывчатым веществом.

Утопизм характерен и для общественной русской мысли, и для русского политического сознания. Бердяев заметил в своей книге о русском коммунизме, что русскому сознанию свойственно либо искать идеальную форму общества, либо предаваться открытому цинизму⁶. Вся история русской общественной мысли насквозь пронизана этим уклоном в утопизм, возвышенными спорами в полном отрыве от действительности. Так, на протяжении всего XIX века никто не имел, пожалуй, такого «резонанса», никто не был окружен таким культом, как Чернышевский. Вместе с тем Чернышевский был одним из самых ярких представителей почти полной слепоты в отношении действительности, почти патологического непонимания «возможностей» и «невозможностей».

Таким образом, утопизм в той или иной мере содержится почти во всех проявлениях русской культуры и русского общественного сознания, выражаясь в

тяге к крайностям, в нежелании принять «середину», согласиться на необходимый компромисс. Это часто — даже брезгливое отталкивание от действительной жизни во имя несуществующей, идеальной.

В тяге к утопии сказывается, конечно, нравственный максимализм, глубина, возвышенность, верность тем «звукам небес», которых в незабываемом лермонтовском стихотворении не могли заменить «скучные песни земли»⁷, но в ней же скрывается и страшная опасность. Эта опасность — в игнорировании реальности, в своего рода слепоте в оценке и понимании жизни, что, в свою очередь, часто ведет к неумению наладить, организовать повседневную жизнь и влечет за собой неисчислимые и ненужные страдания и жертвы. Все это нужно помнить, стараясь понять основы русской культуры и сложный путь ее диалектического развития.

Западная культура началась с «азов», с трудного усилия усвоения латинской грамматики, а вместе с нею искусства связывать идеи с жизнью, проверять их действительностью. Русская культура началась с некоего духовного взлета. И если во всем лучшем и великом, созданном ею, она осталась взлету этому верной, то вместе с тем ей пришлось немало страдать от отсутствия прозаического, но твердого фундамента. Поразительное Слово о полку Игореве каким-то непостижимым образом создано без какой-либо предварительной подготовки — и не имело больше продолжения во всей допетровской русской культуре. Так и величественное здание русской культуры XIX века часто, кажется, «ни к чему не обязывает» и не отражается в сознании, лишенном какой-то необходимой дисциплины. Это, очевидно, и есть плод утопизма в культуре, об основах которой мы продолжим разговор в следующих наших беседах.

---

¹ Событие относится к 996 г. и описывается в летописном своде XII в. Повесть временных лет. «В год 6504. <...> Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями — с Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. <...> И сильно умножились разбой, и сказали епископы Владимиру: “Вот умножились разбойники; почему не казнишь их?” Он же ответил: “Боюсь греха”. Они же сказали ему: “Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав”. Владимир же отверг виру и начал казнить разбойников, и сказали епископы и старцы: “Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней”. И сказал Владимир: “Пусть так”. И жил Владимир по заветам отца и деда» (Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996. С. 193–194).

² Прот. А. Шмеман имеет в виду первую главу «Борис и Глеб — святые страстотерпцы» из книги Г.П. Федотова «Святые Древней Руси» (Париж, 1931). «Подвиг непротivления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа. <...> Святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный, чин “страстотерпцев” — самый парадоксальный чин русских святых. В большинстве случаев представляется невозможным говорить о вольной смерти: можно говорить лишь о непротivлении смерти. Непротivление это, по-видимому, сообщает характер вольного заклания насильственной кончине и очищает закланную жертву там,

где младенчество не дает естественных условий чистоты» (*Федотов Г.П. Святые Древней Руси*. Paris: YMCA-Press, 1931. С. 31–32).

³ Речь идет о решении Ярослава Мудрого (ок. 978–1054) разделить свои владения между многочисленными сыновьями, чтобы предупредить возможную борьбу за власть между ними. Однако после смерти Ярослава 14-летний мир между сыновьями сменил период княжеских междоусобиц, который длился 45 лет (1068–1113). Во время междоусобных войн на киевском престоле перебивало много князей, нередко прибегавших к помощи половцев для борьбы со своими соперниками.

⁴ Заключительная строка из четверостишия Ф.И. Тютчева «Умом Россию не понять...» (1866).

⁵ *Священный союз* — объединение европейских монархов (русского императора Александра I, австрийского императора Франца I и прусского короля Фридриха Вильгельма III) после падения империи Наполеона. «Акт Священного союза» был подписан 26 сентября 1815 г. в Париже. 19 ноября 1815 г. к Священному союзу присоединился французский король Людовик XVIII. В дальнейшем к нему примкнул ряд других европейских государств. В задачи Священного союза входило: поддерживать в неприкосновенности европейские границы, установленные в 1815 г. Венским конгрессом; вести борьбу с инакомыслием. На периодически созывавшихся конгрессах Священного союза (Ахенский конгресс 1818 г., Троппауский 1820 г., Лайбахский 1821 г., Веронский 1822 г.) ведущую роль играли Меттерних и Александр I. 19 января 1820 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол, провозглашавший право на их вооруженное вмешательство во внутренние дела других государств в целях борьбы с революцией. Однако с 1826 г. на почве греческого вопроса отношения между Россией и Австрией стали портиться. К 1830 г. Союз фактически распался.

⁶ См. об этом книгу Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» (Paris: YMCA-Press, 1955), особенно гл. «Русский социализм и нигилизм». «В русском интеллигентском слое до появления нигилистов 60-х годов преобладал человеческий тип, который получил у нас наименование “идеалистов 40-х годов”. Он был продолжением типа конца XVIII и начала XIX в., связанного с мистическим масонством. Он явился результатом переработки русской душой влияния немецкого романтизма и идеализма. Он вырос на почве культурного русского барства. Этому человеческому типу, очень благородному, свойственны были высокие стремления, любовь к “высокому и прекрасному”, как потом любил иронизировать Достоевский, в нем было много мечтательности и слабая способность к действию, к реализации, в нем было немало русской лени, порожденной барством. Из этого типа вышли “лишние люди”. Тип “мыслящего реалиста”, проповедываемый Писаревым, несет с собой совершенно другие черты, часто вырабатываемые по реакции против типа “идеалиста”. “Мыслящий реалист” чужд всякой мечтательности и романтизма, он враг всяких возвышенных идей, не имеющих никакого отношения к действительности и не реализуемых, он склонен к цинизму, когда речь идет об изобличении иллюзий религиозных, метафизических и эстетических, у него культ дела и труда, он признает лишь естественные науки и презирает науки гуманитарные, он проповедует мораль разумного эгоизма не потому, что он был эгоистичнее “идеалистического” типа, — наоборот эгоистичнее был “идеалистический” тип, — а потому, что он хотел беспощадного разоблачения обманных возвышенных идей, которыми пользовались для самых низменных интересов» (*Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма*. С. 45).

⁷ Слова из заключительной строки стихотворения М.Ю. Лермонтов «Ангел» (1831).

Беседа 7

«ВЗРЫВ» РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ В XIX ВЕКЕ (1)

Знаменитый французский писатель Поль Валери назвал русскую культуру XIX века восьмым чудом света. И действительно, со многих точек зрения она представляется чудом. Прежде всего, конечно, поразителен и почти необъясним ее расцвет всего через сто лет после глубочайшей революции, произведенной Петром Великим. Нельзя забывать, что, когда в Англии творил Шекспир, в России царствовал Иван Грозный; что золотой век французской классики — Корнель, Расин — совпадает по времени с царствованием у нас Алексея Михайловича и церковным расколом. Нельзя забывать и о том, что Франции и Англии для создания вершин их национальных культур понадобились долгие века, тогда как Россия обошла одним веком. Таким образом, первое, что поражает в развитии русской культуры, — это почти немедленное ее вступление в свой собственный «золотой век», характер ее созревания как своеобразного «взрыва».

Второе отличительное и тоже чудесное свойство этой культуры — это то, что она создалась в итоге именно глубочайшей «культурной революции»: иначе трудно назвать тот перевод России со старых на новые пути, которые так круто осуществил Петр Великий. В Англии, например, прямая линия развития и преемства соединяет Шекспира с одним из основоположников английской литературы Чосером; французские классики XVII века немыслимы без знаменитой поэтической «Плеяды» XVI века и всего предшествующего медленного созревания литературной традиции. А в России это развитие произошло чуть ли не молниеносно, сразу, и притом без подготовки, без предварительного развития привело к качественно новому явлению. Достаточно сравнить русский язык приказов Петра Великого с совершеннейшими в русской поэзии строфами «Медного всадника», чтобы увидеть разделяющую их почти пропасть...

И наконец, третье чудо — это тот знаменитый дар «всемирной отзывчивости», о котором говорил в своей Пушкинской речи Достоевский и которым, действительно, с самого начала отмечена русская культура на ее вершине, достигнутой в XIX веке. Страна, которая несколько веков была оторвана от других культур, от «великого семейства» рода человеческого, по выражению Чаадаева¹, не только легко вступила в это семейство, не только в своей собственной культуре сумела отразить культурные ценности других народов, но еще и «смогла» произвести внутри себя как бы творческий синтез этих культур.

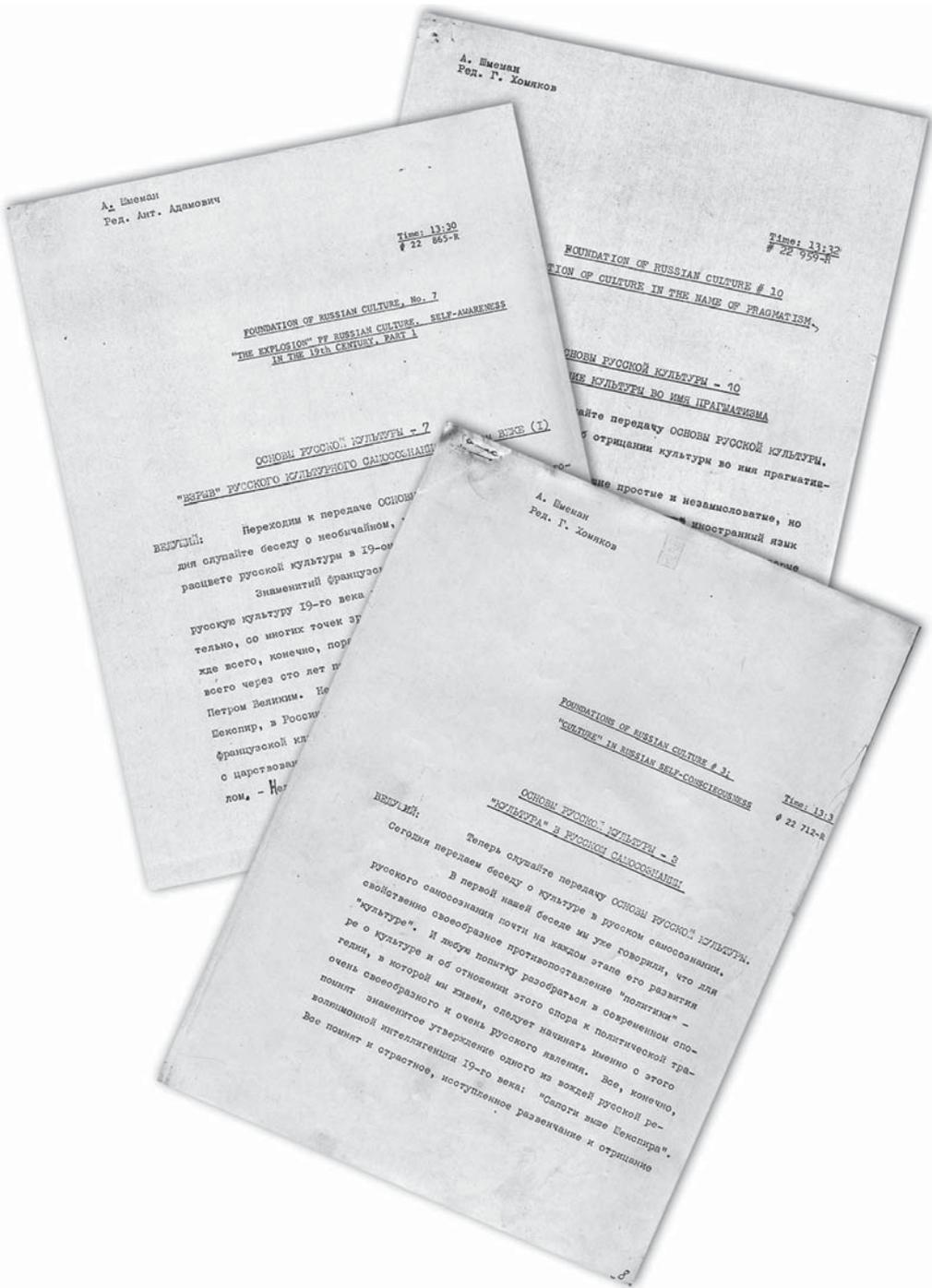
Все это нужно помнить, говоря об основах русской культуры и стараясь понять ее сложную и подчас трагическую «диалектику» развития. Поэтому остановимся немного на каждом из аспектов русского культурного «чуда». Ибо чудо — это, конечно, выражение риторическое, как бы условное. В таком масштабе и такой глубины «чудес» не бывает, сколько бы ни казалось чудесным возникновение, например, отдельных гениев. Гениальному человеку требуется прежде всего материал и среда, чтобы его гений мог воплотиться. Появление Данте было бы

невозможно, если бы у Италии в то время не было опыта созидания многовековой великой средневековой культуры и того «мироощущения» — понимания, видения, переживания мира, которые навсегда просияли в «Божественной комедии». Таким образом, первое «чудо» русской культуры — ее почти молниеносное созревание — требует объяснения, которое должно помочь и пониманию ее основ.

По сравнению с петровской и послепетровской Россией Древняя Русь поражает своим «молчанием». Но, как писал один историк Древней Руси, за века молчания многое было передумано, пережито и перечувствовано. Иначе говоря, та удивительная культура, которая так быстро зародилась в еще неотстроенном, почти только намеченном еще Петербурге и начала из него свое распространение по всей необъятной стране, не возникла «из ничего», на пустом месте: такого чуда не бывает. И не прав, тысячу раз не прав был Чаадаев, когда он говорил о русской истории как о белом листе бумаги, на котором ничего не написано. Да и сам Чаадаев это знал и сказал об этом в последних своих «Философических письмах». В том-то и все дело, что если в Древней Руси не было культуры «словесной» (хотя в известной степени была и она), то был *опыт*, без которого нечего было бы и выражать. Опыт этот не был создан, да и не мог быть создан, Петром Великим. Петровская реформа дала русской культуре, прежде всего, технику *выражения*, тот инструмент, без которого опыт остался бы опытом и не мог бы стать основой поразительной по своей глубине, по своему охвату культуры.

Это переводит нас к тому, что мы назвали вторым аспектом русского культурного чуда. Внешне может показаться, что петровский «инструмент» был инороден по отношению к опыту. Действительно, Петр резко насаждал в России в первую очередь секулярную культуру западного образца, оторванную от ненавистной Петру теократической базы, основы Древней Руси. Остриженные и бритые бояре, танцующие на ассамблеях западные менуэты, могли казаться — и казались — символом безнадежного отрыва России от своего первоначального опыта, от своей изначальной традиции. [Этой традиции, казалось, суждено было скрыться в апокалипсическом испуге в дремучие леса, быть обреченной на умирание.] Искалеченный иностранными словами язык, наряженное иноземному обществу, перестроенное по-западному государство — все это, казалось, означало перебой, обрыв, внутреннее самоотречение. Но вот один из парадоксов русской культуры: на деле это оказалось не так. В конечном итоге будто бы навязанный Петром России чужой *инструмент* не только смог выразить ее сокровенный опыт, но сам стал неотрывной частью этого опыта, а тем самым стал своим, родным, не чужим.

Это, в свою очередь, объясняет третье чудо русской культуры: ее дар «всемирной отзывчивости». Если культура эта смогла оказаться *синтезом* того, что принято называть Западом и Востоком, то это только потому, что на последней глубине *опыт* Древней Руси был частью общеевропейского, общехристианского опыта. Опыта, который в силу исторических причин на время оказался оторванным от западного, но по самой своей природе был опытом *универсальным*.

Титульные листы скриптов радиосериала «Основы русской культуры» прот. Александра Шмемана. 1970. ДРЗ. Ф. 54

В том лучшем, что было в ней, в своей мечте, в своем видении мира Древняя Русь жила вселенским, всемирным, а не провинциальным замыслом. Этот замысел она восприняла от Византии, и он стал ее плотью и кровью. Даже отъединяясь от Запада, уходя в свою скорлупу, Древняя Русь не забывала этого всемирного вдохновения своей веры и не отрекалась от него. А это означает, что отъединение ее было неестественным, ненормальным и, главное, калечащим русское сознание. Все перебои и кризисы московского периода нашей истории — от искусственности и ненормальности того занавеса, которым Москва — от испуга, от комплекса неполноценности и по другим причинам — пыталась отрезать себя от внешнего мира.

Тем самым получается, что, прорубая пресловутое «окно в Европу», Петр Великий не разрушал, а восстанавливал, хотя бы грубо и насильно, ту взаимную связь и зависимость, вне которых России духовно грозили удушье и склероз. Только связь с миром могла дать древнерусскому опыту, древнерусской мечте ее подлинный «контекст», возможность выражения и воплощения.

Поэтому в русской культуре Польша Валери и узнал *свою* культуру, а не чужеземную и загадочную экзотику. Так объясняется то, что Польша Валери назвал «чудом». Первый аспект этого чуда — необычайная быстрота созревания — означает, что опыт, воплотившийся в чуде русской культуры, не только был, существовал до ее развития, но и что он уже достиг той глубины, той внутренней зрелости, которой нужен был только толчок, свет, чтобы он мог найти свое воплощение. Уже державинские оды были написаны, так сказать, на языке *всемирном*, и вместе с тем они были воплощением торжественности и радости, присущих всему тому, чем на последней глубине со дня своего крещения жила Древняя Русь.

Своего высшего выражения это воплощение достигло, конечно, в творчестве Пушкина. Он — об этом мы еще будем говорить — первый в новой петровской культуре до конца осознал и почувствовал тот *опыт*, которому суждено было, при всем своем западном обличье, стать питательным источником русского творчества.

Подражатель Шенье и Байрона, Пушкин стал и первой вечной любовью России, примирителем ее с ее собственной сложной судьбой. Тут, у Пушкина, есть полное объяснение второго аспекта русского культурного чуда: западный культурный «ключ», «инструмент» открыл давно и плотно закрытую дверь. И язык петровских «реляций», преображенный Пушкиным, стал языком национальным, единственным, на котором стало можно выражать *все*: и мистическую глубину древнерусского опыта, и его природу; этот язык стал орудием именно *синтеза*, гармонии, воссоединения давно разделенного христианского человечества.

Все это не значит, что русская культура XIX века есть одна беспримерная *удача*. Напротив, в следующей же беседе нам придется говорить о ее *взрыве* уже в другом, по существу трагическом, смысле. Но не будь этой *удачи*, не свети над ней солнце Пушкина, то и о трагедии ее нельзя было бы говорить. В том-то и парадокс русской культуры, что она навсегда осталась отмеченной, с одной сто-

роны, несомненной своей удачей, а с другой — вечным сомнением в самой природе или «нужности» этой удачи. Оправдав до конца культурную революцию Петра, явив всему миру свое призвание, свое «чудо», Россия почти сразу как бы задумалась над тем, нужна ли была эта удача, стоила ли игра свеч. [И из этого вопрошания, из этого сомнения и произошел этот второй «взрыв», наполнивший русскую культуру своеобразным взрывчатым веществом. На это тоже намекал Польш Валери, называя русскую культуру чудом.] Об этом мы будем говорить в следующих наших беседах *об основах русской культуры*.

---

¹ «...Мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, не имеем преданий ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось» (Чаадаев П.Я. Философические письма // Соч. М., 1989. С. 18).

Беседа 8

«ВЗРЫВ» РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ В XIX ВЕКЕ (2)

В истории европейской культуры классицизм принято противопоставлять романтизму и другим, следовавшим за романтизмом и возникшим из него, школам и направлениям. В отношении русской культуры делать такое противопоставление было бы более сложно, так как развитие ее, как мы уже говорили, происходило иначе и другими темпами, чем развитие западноевропейской культуры.

В слово «классицизм» можно вкладывать различное содержание. Одно из них — его мы и примем для этой нашей беседы — состоит в восприятии определенного периода по отношению к другим периодам как нормативного, как меры, которым можно мерить и оценивать разнообразные проявления данной культуры. И нужно ли доказывать, что таким мерилом, такой классической нормой в отношении русской культуры был и остается Пушкин? Ему и приходится противопоставлять, мерить им другие явления этой культуры.

«Пушкин — это наше всё» — мы привыкли к такого рода формулам, и Пушкин для нас так очевидно — вершина русской классики, что мы даже редко задумываемся, что же это за «всё», выражением и воплощением чего является Пушкин. Пушкина одинаково признали своим «правые» и «левые» задолго до революции, консерваторы и либералы, а после революции — и сторонники ее, и ее противники. Все ссылаются на Пушкина, все считают его выразителем своего мироощущения, всем он, очевидно, в равной мере близок, понятен и дорог, и с этой точки зрения ни один другой русский писатель равняться с ним не может. Это делает Пушкина действительно *основой и мерилом* русской культуры. Но это же требует и усилия понять: *что* же это за явление, почему Пушкин возвышается над всеми

русскими привычными делениями и страстями? Потому ли, что консерватор находит в его творчестве элементы консерватизма, защиту царского самодержавия, воспевание славы и величия империи? Потому ли, что либерал, а потом и революционер находит у него славословие свободы и осуждение тирании? С некоторых пор делаются даже попытки включить Пушкина в искания и <в> весь мир русской религиозной мысли [— по-видимому, нет конца этому «присваиванию» Пушкина].

Но если бы это было только так, если бы каждый в Пушкине любил только свое, то, что отвечает данному вкусу и данной идеологии, этого определенно не было бы достаточно, чтобы сделать Пушкина именно основой, символом, мерилом, классическим сердцем русской культуры. «Тайну» Пушкина, о которой говорил Достоевский и разгадывать которую он призывал русских людей, приходится искать глубже¹. И именно эта «тайна» стоит в центре всей сложной диалектики русского культурного самосознания, одинаково и его «взрывов», и достижений.

О гармоническом, моцартовском гении Пушкина говорилось много. Но что, собственно, подразумевается под этим? Если это относится к литературному гению Пушкина, к внутренней уравновешенности его творчества, к отсутствию в нем крайностей, преувеличений, то такое определение примерно с тем же успехом приложимо и к другим русским писателям, если судить о них именно как о *писателях*. Первые главы «Мертвых душ» с точки зрения экономии средств, выдержанности и умения этими средствами пользоваться — тоже классика, тоже гармония. С другой стороны, есть у Пушкина и некий «ночной» лик — сумасшествие Евгения в «Медном всаднике», есть — до Гоголя, до Достоевского — страшный образ Петербурга, есть как бы в зародыше все то, из чего позднее появился призрачный и страшный мир тех же Гоголя и Достоевского, а за ними — русских символистов и декадентов. Таким образом, ни пушкинское мироощущение само по себе, ни его эклектическая идеология, ни его литературный талант, как бы огромен он ни был, не являются еще разгадкой «тайны» Пушкина, его исключительно-го, единственного места в русской культуре. Разгадку эту, вероятно, надо искать в чем-то другом. В чем же именно?

Упрощенно на этот вопрос можно ответить так: Пушкин был, может быть, единственным великим русским писателем, который не усомнился в «нужности» культуры и не искал ни оправданий ее, ни обвинений. Он не был подвержен тому развешивающему, глубинному *сомнению*, которое вошло в нашу культуру сразу же после его смерти. Попробуем разъяснить и уточнить это определение.

Конечно, и до Пушкина, и после Пушкина в России были писатели, которые не сомневались ни в себе и ни в чем другом и добросовестно писали стихи, романы и другие литературные произведения. Например, давно забытый Боборыкин, говорят, однажды сказал Толстому, посетовавшему, что ему не пишется: «А я, наоборот, пишу много и хорошо»². Но разница между Боборыкиным и Пушкиным — само это сопоставление уже смешно — не только в том, что Пушкин был гений, а Боборыкин — посредственность, а еще и в том, что Пушкин отлично знал и сознавал границы культуры, о которых Боборыкин не имел понятия. Иначе говоря, принятие Пушкиным культуры и творчество в ней до конца и всерьез

было плодом не святого неведения, как у Боборыкина, а сознательного и зрячего знания и понимания. И классицизм с этой точки зрения можно определить как прежде всего знание искусством, творчеством, культурой своих границ и даже своей ограниченности. Классицизм, так сказать, по самой своей природе *скромен*, так как творцы его знают, что искусство не может заменить ни религию, ни политику, ни другие области и что оно есть сфера человеческой деятельности, сфера, исполняющая свою функцию как раз в ту меру, в какую она не претендует ни заменять другие сферы, ни пытаться сливать их с собой.

Пушкин никогда не мог бы сказать так, как сказал Брюсов, что — «быть может, все в жизни лишь средство для ярко певучих стихов»³. С другой стороны, вряд ли он понял бы и одобрил то, что Гоголь во имя религии сжег часть рукописи «Мертвых душ». Вместе с тем у Пушкина было очень высокое представление о поэте: «Ты царь, живи один...», «Ты сам свой высший суд...», «Глаголом жги сердца людей»⁴. Пушкин сознавал и пророческое, и религиозное, и политическое «служение» искусства, он был далек от какой бы то ни было теории «искусства для искусства» или же ухода поэта в башню из слоновой кости; но он всегда твердо знал, что исполнить все эти «служения» искусство может, только будучи и оставаясь самим собой. А это значит — подчиняясь своим собственным и непреложным законам, не претендуя ни на какое «самозванство» в областях, к нему не относящихся. Всей своей жизнью, всем своим творчеством Пушкин словно предложил русской культуре быть, прежде всего и превыше всего, *самой собой*, но тем самым и исполнять свое служение России. Но понятие «быть самой собой» для Пушкина включало в себя не только техническое совершенство, не только писание «много и хорошо», по-боборыкински, а конечно, и воплощение того *опыта* России, о котором мы говорили в предыдущей беседе. Можно сказать даже больше: воплощение самой России. Ибо функция культуры и есть прежде всего функция *воплощения* того, что иначе осталось бы невоплощенным или недоовоплощенным.

Может быть, никто так остро, так ясно, как именно Пушкин, не осознал *невоплощенность* России, ее опыта, ее «самосознания», а также и задачи русской культуры как прежде всего их «воплощения». В набросках Пушкина, в его записях, дневниках можно проследить как бы целую программу создания национальной культуры, и творчество его является, вне всякого сомнения, первым целостным «воплощением» России — не частичным, а именно целостным. Он первый словно увидел ее *всю*, тогда как до него и после него ее видели, любили, утверждали и отрицали «по частям», следуя частным, отдельным идеологиям и увлечениям. И Пушкин не только увидел и почувствовал *всю* Россию; он увидел и указал в этом «всём» и соотношение отдельных частей, их внутреннюю иерархию, их место.

Пушкин — наше «всё», потому что в известном смысле он «создал» Россию, которая, конечно, существовала и до него, но которую он воплотил в своем творчестве и тем самым как бы оформил и нам *явил*, показал. Пушкин видел и хрупкость этого «целого», подверженность его действию стихий, некоей соприродной России *метели*; чувствовал он ее и как бы вздернутой на дыбы над бездной — и твердо знал, что эту бездну необходимо заполнить культурой, которая только и может сохранить «целое» от распада и растворения в стихии. В его «целой» России

оказалось место и Древней Руси, и петровской империи, и Западу, и Востоку, и Татьяне Лариной, и Савельичу из «Капитанской дочки», и государству, и свободе, и соборности усилия, и правам личности, и прошлому, и настоящему, и будущему, и вертикальному религиозному измерению, и горизонтальному — культурно-историческому. И важно понять и почувствовать, что такой «целой» и «целостной» России не было ни до него, ни после него. Пушкин один во всей истории русской культуры целиком принимал и утверждал ее, в нем ничего нет от отрицания и отвержения культуры, чем часто старается определять себя русский человек.

Поэтому Пушкин, его творчество, и есть «воплощение» основ русской культуры, поэтому и измеряется она изнутри Пушкиным, хотя у нас были писатели и творцы даже «глубже» его, были пророки и вещатели, обитатели как неба, так и преисподней. Трагедия же русской культуры, трагедия в греческом, изначальном смысле этого слова — в том, что она в этой «целостности» за Пушкиным не последовала. И не последовала прежде всего как раз в его «классицизме». Пушкин хотел строить культуру, веря и зная, что в ней воплощается Россия. Русская культура после Пушкина захотела строить саму жизнь, спасение души и мира, обновление общества... В этом, повторяем, и ее величие, и ее трагедия. К этому величию, к этой трагедии мы перейдем в дальнейших наших беседах об основах русской культуры.

---

¹ Заключительные строки Пушкинской речи Ф.М. Достоевского: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» (*Достоевский Ф.М. Пушкин // ПСС. Т. 26. С. 149*).

² *Боборыкин* Петр Дмитриевич (1836–1921) — русский писатель, драматург, журналист.

Этот эпизод в истории русской литературы связан скорее с именем М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так, со слов А.Н. Пыпина, его дочь, В.А. Ляцкая, записала разговор, состоявшийся между Салтыковым и Боборыкиным: «Заходит к нему <Салтыкову> Боборыкин, жизнерадостный и самодовольный.

— Ну, как работаете, Михаил Евграфович? — спрашивает он, потирая руки.

— Да что, как-то скучно, мало и скверно.

— А я как раз наоборот — бодро, много и хорошо!» (*Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1965–1977. Т. 19. Кн. 2. С. 36*). Сам Салтыков-Щедрин в письме к М.М. Стасюлевичу от 7(19) сентября 1881 г. писал также: «В том же отеле, где я, — Боборыкин. Но сколько он пишет — это даже сказать невозможно! И прямо сам говорит: пишу быстро и хорошо» (Там же. С. 35)

У Г.В. Адамовича находим похожий сюжет, связанный, правда, с именем И.С. Тургенева. «Если писатель, как бы вдохновенен он ни казался, ни разу не остановился над своей рукописью и, неожиданно смущенный мыслями о суетности своего дела и об искажении первоначального видения, ни разу не спросил себя: “зачем я пишу?”, “какой смысл в том, что я пишу?”, если он ни разу не был этими вопросами взволнован и озадачен, то едва ли это писатель подлинный, пришедший с чем-то своим, до него не сказанным. Пожалуй, плох именно тот писатель, который “творит” с неизменным удовлетворением, как, бодро хлопнув себя по ляжкам, в разговоре с уже больным, отступавшим перед всяческим “зачем?” Тургеневым сказал Боборыкин (“А я, знаете, наоборот, пишу много и хорошо!” Слы-

шал удивительный этот рассказ от Мережковского)» (Адамович Г.В. Комментарии // Собр. соч.: «Комментарии» / Сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб., 2000. С. 116). И.А. Бунин так отреагировал на этот пассаж в письме Г.В. Адамовичу 16 ноября 1947 г.: «Как это Мережковский мог быть у Тургенева в присутствии Боборыкина? Когда? Где? Сколько лет было тогда Мережковскому? Все это Мережковский соврал» (Письма И.А. Бунина к Г.В. Адамовичу / Публ. проф. А. Зверс // Новый журнал. 1973. № 110. С. 168).

³ Строки из стихотворения В.Я. Брюсова «Поэту» (1907).

⁴ Строки из сонета А.С. Пушкина «Поэту» (1830) и стихотворения «Пророк» (1826).

Беседа 9

«ВЗРЫВ» РУССКОГО КУЛЬТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ В XIX ВЕКЕ (3)

Сегодня у нас беседа о послепушкинском отходе русского культурного самосознания — от Пушкина, от его ясности и цельности.

В предыдущей беседе мы говорили о Пушкине как носителе *классической* нормы нашей культуры и тем самым выразителе, так сказать, в чистом виде ее *основы*. «Нормативность» пушкинского творчества, говорили мы, заключается прежде всего в ясном осознании Пушкиным границ и назначения культуры, а отсюда и в ясном понимании им национального призвания культуры. Мы закончили нашу беседу указанием на трагедию русской культуры, состоявшую в постепенном отказе ее от этого пушкинского понимания цели и сущности культуры. Попробуем теперь развить и обосновать это утверждение более подробно.

Тридцатые годы прошлого века ознаменовались в России, как известно, бурным пробуждением *мысли*. Непосредственная встреча с Западной Европой во время Наполеоновских войн, наплыв восторженных русских студентов в западные университеты, безостановочный приток в Россию западных книг и представителей всевозможных философских, религиозных, общественных и политических движений — все это привело к некоему умственному взрыву и, прежде всего, к усиленной рефлексии, анализируя самих себя, судьбы России в мировой истории, ее прошлого, настоящего и будущего. В условиях политической реакции, наступившей после восстания декабристов и воцарения Николая Первого, суждено было этой рефлексии, так сказать, вариться в собственном соку, проявляться больше в горячих спорах, а не в реальной деятельности. А в таких условиях, без возможности применить свои взгляды на практике, проводить их в жизнь, критика естественно развивается за счет возможного развития положительных, конструктивных идей. И вот, можно сказать, что если Пушкин был *строителем*, в глубоком смысле этого слова, строителем прежде всего культуры, то следующее поколение оказалось поколением преимущественно *критическим*.

Едва успев сложиться, наше культурное самосознание сразу же стало объектом разъедающего анализа и самокритики, по выражению Тургенева, было «заедено рефлексией»¹. Пушкин ясно видел и сознавал нужды России, и в первую оче-

редь потребность в культурном строительстве, но после Пушкина стали видеть не нужды России, а *проблему* России, так что культура ее тоже оказалась *проблемой*, стала проблематичной. Пушкин, потому что он думал о нуждах России, исходил из реальности, а не из отвлеченных идеологий, он видел Россию как целое, обнимал своей мыслью и сознанием все разнообразие ее жизни. Поколение же критиков, критиковавшее обычно с отвлеченных позиций, да еще большей частью продиктованных западными идеологиями, сводило Россию к той или иной части, одному аспекту ее жизни и заменяло ими целое. О Пушкине нельзя сказать, что он писал или творил с какой-то особой «точки зрения»; его творчество, если воспользоваться избитой формулой, постольку же *отражает* действительность, поскольку и *преображает* ее. После Пушкина в русском культурном самосознании воцарилась *точка зрения* как условие и предпосылка мысли и творчества.

Прочтя всего Пушкина, можно получить некое целостное представление о России, о светлых и темных сторонах ее жизни, о соотношении в ней различных элементов, можно увидеть ее именно как целое. Но этого, в сущности, уже нельзя сказать ни об одном другом русском писателе, исключая, пожалуй, только Толстого, о котором надо говорить особо. Все другие писатели так или иначе писали о России; пожалуй, они были даже более сознательно обращены к ней, чем Пушкин, но у Пушкина Россия запечатлена живая и целая, а у других писателей всегда только какая-то одна ее часть, одно измерение, по которым целое восстановить не так-то легко. И это произошло, конечно, не от оскудения талантов — Россия не оскудевает ими, а от распада той целостности, того «классицизма», которые были даны нам в творчестве Пушкина.

Объектом рефлексии и критики начиная с 1830-х годов в равной мере были и Россия и Европа, и Россия и Запад. Русская культурная мысль как бы осознала, с одной стороны, пронизанность русской культуры не только западными влияниями, но и самим Западом, его духовным строем и духом, а с другой стороны, она отдавала себе отчет в глубоком отличии России от Запада, в какой-то коренной самобытности ее и несводимости только к Западу. Эта тема была остро поставлена уже Чаадаевым в его знаменитых «Философических письмах», и с тех пор она стала как бы судьбой русского сознания, темой, поляризующей русскую культуру изнутри.

Знаменитое столкновение между славянофилами и западниками было только одним из проявлений этой поляризации, одним ее разрезом. Распад — не русской культуры, конечно, а культурного «сознания» — совершался гораздо глубже, в каких-то последних пластах, потому что глубинный вопрос, который поставило с тех пор перед собой русское культурное сознание, это был вопрос о том, что такое вообще культура и *во имя чего* она существует. На Западе этот вопрос был поставлен немецкой идеалистической философией, но там он возник в результате многовекового и сложного культурного развития, как вопрос, завершающий данный отрезок этого развития и, так сказать, как вопрос синтезирующий. Это был вопрос о смысле истории и накопленных в ней духовных ценностей. В то же время русское культурное самосознание в момент появления у него этого вопроса стояло, по существу, перед совсем другого рода задачей, которую указал ему Пуш-

кин: усвоить и воплотить при помощи западной культурной «техники» все многообразие, всю сложность, все противоречия русского опыта или, еще проще, самой России. Пушкин ни минуты не сомневался в принадлежности России к «великому семейству рода человеческого», но не сомневался он и в самобытности России, в необходимости и возможности построить в ней национальную культуру, которая была бы тем более национальной, чем меньше она будет обособлена от духовного и культурного единства Европы. Пушкин не сомневался в этом прежде всего потому, что для него не существовало никакой «проблемы культуры», никакой проблемы ее осмысления и оправдания: перед ним был только вопрос о наилучшем, наиболее подходящем для России способе создания культуры.

И вот от этой пушкинской «простоты» постановки вопроса русское культурное самосознание после Пушкина отказалось под влиянием воспринятой им западной проблематики культуры и истории. Оно заболело «мировой скорбью», которая была Пушкину полностью чужда, и стало искать разрешения мировых проблем — и этому своему исканию оно подчинило и само понятие культуры.

Безоговорочное принятие западных идеологий, с одной стороны, а с другой — какое-то неистовое преклонение перед «народом» в равной мере свидетельствовали о болезненном надрыве, об утере русским культурным самосознанием трезвости и перспективы. Пушкин, например, знал, что он многим обязан своей няне Арине Родионовне, но он вряд ли решился бы возвести няню в символ какой-то метафизической тайны и мудрости; он вряд ли понял бы увлечение славянофилов армяками и лаптями. А это увлечение, между прочим, привело умнейшего Хомякова к длинной переписке о том, как героически явился он на какой-то петербургский прием в русской народной одежде, а не во фраке.

Пушкин знал необходимость для России усвоения западной культуры, но во всем его творчестве нет ни одного намека на какое-либо раболепство перед нею. Напротив, он первый с усмешкой указал на «восторженную речь» Ленского и его бесчисленных потомков. Когда Чаадаев писал свои «Философ<иче>ские письма», в которых заявил, что Россия — это белый лист, на котором ничего не написано, уже были созданы лучшие произведения Пушкина, Баратынского, Дельвига, Одоевского. Откуда же тогда взялся «белый лист»? Там, где Пушкин видел возможность бесконечной деятельности и созидания, там Чаадаев, напившийся из источника западных вод, не видел *ничего*. Почему? Очевидно, потому, что видеть ему мешали надетые раз и навсегда западные очки, нарушившие в его сознании целостность видения.

Таким образом, боготворение Пушкина, признание его безоговорочной основой русской культуры парадоксально совпало у нас с внутренним от Пушкина же отречением. Отречение это выразилось в том, что над русской культурой надолго воцарились «идеологии», множество идеологий, борющихся одна с другой, каждая из которых провозглашает свою единственность и абсолютность. Жизненной драмой Пушкина были только внешние помехи его творчеству: придирчивость цензуры, бессмысленность светской жизни, оскорбление его человеческого достоинства. В отношении собственно творчества никаких драм у Пушкина не возникало. Но после него можно говорить о творческой драме почти у каждого рус-

ского писателя, начиная с Гоголя и кончая Толстым, Блоком и многими другими. Но драма эта уже не внешняя: она возникала и разрасталась в самом творческом сознании писателя.

Русская литература, а за ней и вся русская культура после Пушкина стала историей небывалых удач, но вместе с ними и трагических крушений, и противоречий. Она жила как бы взрывами, взлетами больше, чем преемственностью, и отказов и разрывов оказывается в ней больше, чем круговой поруки и связанности общим делом. И конечно, самым поразительным явлением внутри этой культуры следует признать парадоксальное наличие и повторение в ней — отречения от самой культуры, отрицание культуры во имя других, признаваемых абсолютными ценностей. Гоголь сжег вторую часть «Мертвых душ» во имя религии, Писарев и Добролюбов отрицали культуру во имя абсолютного переустройства мира, Толстой — во имя нравственности; по существу, все это было отрицанием во имя той или иной утопии. Проследить эти отречения необходимо, так как в них выявляется своеобразная диалектика русского самосознания вплоть до наших дней.

---

¹ Имеются в виду слова героя рассказа «Гамлет Щигровского уезда» (1849) из цикла «Записки охотника»: «Я тоже заеден рефлексией, и непосредственного нет во мне ничего» (Тургенев И.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1961. Т. 1. С. 220).

Беседа 10

ОТРИЦАНИЕ КУЛЬТУРЫ ВО ИМЯ ПРАГМАТИЗМА

Есть слова, внешне простые и незамысловатые, но их трудно перевести на какой-либо иностранный язык так, чтобы они сохранили то свое значение и смысл, которые они имеют в русском языке. К таким словам принадлежит и слово «польза», такое распространенное в русском языке. И можно сказать, что мало о чем говорили так много и с таким воодушевлением среди русских интеллигентов второй половины прошлого века, как о *пользе*.

В той диалектике русского культурного самосознания, о которой мы говорили в предыдущих беседах, в середине прошлого века наступил момент, когда слово «польза» было, в сущности, отождествлено с понятием культуры. Культуру стали измерять степенью приносимой ею пользы или, еще проще, как бы подчинили ее соображениям необходимости извлечения из нее пользы. Но что же предусматривалось под «пользой» и почему так крепко воцарилась она в русском сознании, приобрела почти религиозный ореол? Главное, почему во имя этой «пользы» готовы были пожертвовать доброй половиной, и притом высшей половиной, подлинной культуры? Во имя «пользы», например, скинули со счетов культуры Пушкина, а «сапоги» поставили «выше Шекспира».

Все эти вопросы совсем не простые, с ними связаны очень глубокие травмы в русском сознании. В предпочтении культуре «пользы» странным образом со-

шлись и прагматический пафос Чернышевского, и разрушительный задор Писарева и Добролюбова, и народничество, и презрение к «стишкам» Смердякова, и опрошенство Толстого, и, наконец, мечта о какой-то специфической «пролетарской культуре». Тут обнаружилась какая-то неудержимая тяга к снижению, которая в разное время окрашивается в цвета той или иной идеологии, но на деле всегда остается в сущности одинаковой. Все помнят, наверное, Базарова из тургеневских «Отцов и детей» и его литературно неубедительную возню с лягушками. Неубедительную потому (и это очень важно), что лягушками, то есть зоологией или анатомией, а шире — вообще наукой, Базаров, в сущности, не интересовался. Его волновала, захватывала судьба «народа», а дальше — судьба всего человечества, его счастье; на меньшее Базаровы не соглашались. Путь же к счастью всего человечества Базаровы видели в служении именно «пользе», которая совпадала у них в то время с естественными науками.

Для следующего поколения «пользой» стало «хождение в народ», с тем чтобы просвещать его, нести ему непосредственную пользу и слиться с ним. Спустя еще немного времени мы видим другие формы, другие воплощения этой «пользы». В «Жизни Арсеньева» Бунина молодой герой этой автобиографической книги, то есть сам Бунин, на короткое время становится толстовцем, поселяется у какого-то ремесленника на юге России и начинает учиться делать бочки. Поколения за поколениями русских людей, при этом из самых разнообразных сословий, жадно бросались на любую «пользу», которая казалась им своеобразным абсолютом, всепоглощающим божеством. И во имя этой «пользы» они готовы были отказаться от всего, и прежде всего от культуры в том пушкинском смысле, о котором мы говорили в прежних беседах.

Вопрос, таким образом, в его первой форме надо ставить так: каким образом отъединились одна от другой сферы «культуры» и «пользы», как и почему подлинная культура стала казаться «бесполезной» и почему «культурой» стали считать самый упрощенный и часто поверхностный прагматизм? Для Пушкина этого раздвоения не существовало. Он видел в культуре, в подлинной культуре, величайшую из всех возможных польз, и он не мерил культуру, творчество, искусство никакими посторонними им мерилками «пользы». Но вот Гоголя уже мучила эта проблема «пользы»: он посчитал недостаточным, бесполезным то, что он написал «Ревизора» и «Мертвые души», решил, что он призван учить и проповедовать, приносить «пользу», для чего и разразился своими «Выбранными местами из переписки с друзьями» — книгой, которая никогда не перестанет удивлять. Тургенев тоже все мучился, что молодежь видит в его романах недостаточно «пользы». О других не стоит и говорить: они все подчиняли, все старались растворить в этой «пользе».

Можно привести два источника этого раздвоения, разрыва между культурой и прагматизмом. С одной стороны, это внутренняя пронизанность русского сознания после Пушкина западными идеологиями восемнадцатого и девятнадцатого веков, прежде всего идеологией просвещенства и вытекающими из нее философскими рационалистическими системами. Пушкин воспринимал и впитывал в себя западную культуру, его преемники начали впитывать в себя западные

рассуждения о культуре, причем рассуждения, в которых рассудочность уже преобладала над непосредственной интуицией, в которых, иначе говоря, уже была трещина между целостным восприятием жизни и ее рациональным объяснением.

Русское сознание особенно увлекалось *социально* окрашенными западными идеологиями, теми мечтами о справедливости, социальном равенстве и грядущем земном рае, которыми была окрашена интеллектуальная жизнь Западной Европы после Французской революции. В России это увлечение не могло не преломиться с самого же начала скорбной заботой о темном русском крестьянстве, оставшемся, в своей крепостной зависимости, не затронутым современной культурой. И получалось так, что само понятие «культура» стало синонимом тонкого слоя благоденствующих людей. Отсюда и возникло то чувство *вины* перед народом, которое с течением времени постепенно стало доминирующим чувством и которое заставляло видеть в культуре как таковой роскошь, пир на глазах у бедствующих и нуждающихся. Поэтому стало складываться и убеждение, что культура, чтобы стать приемлемой, должна быть *полезной* страждущему народу, она должна измеряться по отношению к народу, к его нуждам. А под влиянием этого убеждения начался процесс принципиального упрощения культуры, отказа от ее утонченности и трудной доступности. Пушкин, если бы ему пришлось в его время участвовать в спорах о задачах и смысле культуры, наверное сказал бы, что цель состоит в том, чтобы поднять народ до культуры, то есть, попросту говоря, сделать его культурным народом. Но измученные чувством вины преемники Пушкина решили, что нужно, напротив, *культуру* снизить до уровня народа.

Кажется, нигде, кроме как в России, не строили сознательно и самоотверженно своеобразную «культуру для народа». Постепенно начали сочинять и издавать поток «книжек для народа», выросла некая «полукультура», создался особый «полукультурный» язык, кажушийся по сравнению с языком «Капитанской дочки» и «Героя нашего времени» страшным падением. Все это означало, что внутри самой культуры произошло раздвоение. Одна часть ее принципиально обратилась в сторону народной пользы и во имя этой пользы отреклась, аскетически отказалась от культурной «роскоши», то есть от утонченной подлинной культуры, составившей другую ее часть. И вот надо сказать, что до народа специально обращенная к нему культура практически не дошла; вместе с тем само это раздвоение трагически снизило общий культурный уровень в стране. Через несколько десятилетий после Пушкина, Лермонтова и Тютчева чуть не вся Россия зачитывалась Надсоном и плакала над его стихами.

Необходимо указать и еще один, более сокровенный источник всеобщего служения интеллигенции упрощенно понимаемой «пользе». Западный прагматизм и радикализм пал в России на подготовленную почву. «Какая польза человеку, если он весь мир приобретет, а душе своей повредит?»¹ — эти евангельские слова, если они и не вспоминались как таковые, определили собой, почти с самого начала петровской России, отношение к пользе огромной части русского общества. В подсознании народа, включая и интеллигенцию, в послепетровской России осталась таинственная память о совсем другом подходе к жизни, к государству, к нации, к творчеству — о подходе, вскормленном веками византийско-христианского ми-

роощущения. В этом мироощущении не было и нет места какой-то автономной «культуре», как нет места и самодостаточному, своими интересами, своей славой и величиим определенному государству. Все подчинено последней, высшей пользе, которая выходит за пределы мира и истории, и поэтому все в мире упирается в этот последний вопрос: «Какая польза...»

Какая польза, в последнем счете, от «Евгения Онегина», от четырехстопного ямба, от заботы Пушкина о развитии русского театра? Отрекшись от Византии, а часто и от христианства, русское послепетровское сознание, даже и в своей новой, обмирщенной, секуляризованной форме, словно сохранило предельную *серьезность*, продиктованную сознанием «суеты сует» этого мира, и эта серьезность разьедала изнутри то, что людям казалось легковесной забавой культуры.

Для них остались две возможности: либо насытить культуру до последнего предела этой «серьезностью», сделать ее не только прагматической, но высшей и всеобъемлющей *пользой*, либо вообще отказаться от нее ради «единого на потребу», как бы это «единое на потребу» ни понималось в то или иное время. И вот дотлевают в камине страницы «Мертвых душ», в ноябрьскую стужу выходит из Ясной Поляны Лев Толстой, задыхается Блок. «Есть в напевах твоих сокровенных роковая о гибели весть...»² Все это, так или иначе, — о «пользе», все это — о требовании, предъявляемом культуре: быть не просто культурой, а спасти, преобразить, создать новую землю и новое небо. Русская культура как бы мечется между двумя этими крайностями и пределами. Она навсегда озарена ясным солнцем Пушкина — и она навсегда как бы отравлена мечтой, страстью, жадной «пользы». В этом и ее глубина, и ее трагедия. В этом ее богатство — и ее падение.

Отречение от культуры во имя прагматизма приводит нас, таким образом, естественно, к теме отречения от нее во имя религии.

---

¹ «Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Мк. 8: 36).

² Первая строка из стихотворения А.А. Блока «К Музе» (1912).

Беседа 11

ОТРИЦАНИЕ КУЛЬТУРЫ ВО ИМЯ РЕЛИГИИ

И русские, и иностранные авторы часто говорили о религиозной глубине, о религиозном вдохновении русской культуры. Действительно, начиная с определенного времени каждый большой русский писатель так или иначе отражал в своем творчестве свои религиозные искания или свой религиозный опыт, от Гоголя до Пастернака и Солженицына, не исключая и таких официально нерелигиозных, неверующих писателей, как Тургенев или Чехов. Русская литература, а за ней и вся русская культура, несомненно, пронизаны религиозной темой или хотя бы некоей религиозной тональностью. Вместе с тем в разговорах о религиозности

русской культуры мало когда замечают, что в действительности для самой русской культуры гораздо чаще речь шла о *выборе между культурой и религией*, а не о религиозности самой культуры.

Упорные и настойчивые религиозные искания, сомнения, вдохновения, придававшие русской культуре такое высокое значение, в то же самое время как бы разлагали изнутри русское культурное сознание, так что ни о каком синтезе религии и культуры говорить в этом случае не приходится. Наоборот, мы имеем здесь дело с разновидностью того общего положения, о котором мы уже говорили в связи с темой об отрицании в России культуры во имя «прагматизма»: так же как подвергали культуру сомнению во имя *пользы* [будь то польза государства, народа, революции и так далее], так же ставили ее под вопрос и во имя религии. Можно сказать, что, достигая определенной степени религиозности, писатель, творец как бы ставил перед собой вопрос: для чего я пишу, во имя чего, во имя какого высшего идеала? И начинался распад, разлад, часто трагический и болезненный, между его творческим сознанием и его религиозной верой или исканиями, распад, разлад, наносивший урон в первую очередь хрупкому зданию русской культуры.

Разлад этот начался не сразу, и для понимания его причин и следствий для нашей культуры уместно опять начать с Пушкина, к которому так или иначе сходятся все творческие нити, все пути. Примечательно, что у Пушкина не было и намека на это раздвоение, на этот разлад. Между тем нет никакого сомнения, что Пушкин был верующим человеком. И не только верующим, но и носителем вполне определенного христианского мироощущения. Так, тонкий знаток и критик русской литературы профессор Георгий Петрович Федотов назвал «Капитанскую дочку» самым христианским произведением русской литературы¹. И может быть, именно эта оценка Федотова и позволит нам разобраться в сложном вопросе взаимоотношений внутри русского творческого сознания между религией и культурой.

В «Капитанской дочке», как и в подавляющем большинстве пушкинских произведений, нет открыто религиозной темы, нет в ней, тем более, и никаких специфически религиозных исканий или размышлений. Следовательно, Федотов имел в виду что-то другое, называя «Капитанскую дочку» «самым христианским» произведением в русской литературе, несмотря на отсутствие в ней религиозного пафоса Гоголя, Достоевского и Толстого. Что же именно подразумевал Федотов? Конечно, то, что в своем подходе к людям и событиям, в своей оценке их, во всем, так сказать, освещении своего творчества Пушкин оставался верен той общей концепции мира, жизни, нравственности, которую можно и нужно назвать христианской. [Добро и зло, красота и уродство, гнев и жалость, а за всем этим нечто еще более глубокое и невыразимое — какой-то почти непередаваемый свет, который льется в пушкинском творчестве, — все это укоренено в некоем абсолюте, и абсолют этот — христианский, евангельский.] Пушкин, если так можно выразиться, не пересматривал христианства и, судя по всему, не очень вдумывался в его метафизические и философские глубины. Но он принимал мир таким, каким он его принял от многовековой, христианством созданной традиции. В этом мире

есть небо и есть земля, есть очевидная и непроходимая грань между добром и злом, есть критерии красоты и уродства. Есть и то, что, может быть, важнее всего: как нужно относиться к людям, не идеализируя их, с одной стороны, а с другой — естественно видя в них объект и любования, и сострадания, и жалости, и уважения. В этот простой и ясный свет погружены, в нем живут и действуют и Гринев, и Савельич, и Мироновы, и, наконец, сам Пугачев.

Пушкин — верующий, но про него нельзя сказать, что он религиозен в том смысле этого слова, который оно получило позднее, когда религиозными стали называть людей, нарочито, страстно, исключительно обращенных к религии. Мы знаем, что Пушкин отдал дань скепсису XVIII века, в молодости он даже богохульствовал, написал, например, «Гаври<и>лиаду». Но все это было поверхностным и не могло нарушать целостности пушкинского мироощущения, которое осталось, как уже сказано, в своей основе несомненно христианским.

Но именно потому (и это необходимо подчеркнуть), что Пушкин обладал еще целостным христианским мироощущением и не задумываясь принимал его, в нем не было разлада между его сознанием и его творчеством. Как мы уже говорили в одной из предыдущих бесед, для Пушкина было характерно постоянное сознание границ культуры. Он знал, что вера, религия — несомненно *над* культурой, выше их, но культура не противостоит им, ибо все в мире — и большое, и малое — так или иначе укоренено в создавшем их Боге. [Отражая красоту, воплощая в меру сил неизъяснимое и несказанное,] Культура делает угодное Богу дело, и чем лучше она его делает, тем строже подчиняется своим собственным законам. Так если и не рассуждал, то чувствовал Пушкин, и именно распад целостности этого чувства, ощущения после Пушкина и поставил совсем по-новому вопрос об отношении культуры к религии.

Распад этот совершился под влиянием тех же двух «открытий», сделанных русским культурным обществом в тридцатые и сороковые годы прошлого века: под влиянием западной мысли, с одной стороны, и мира русского религиозного опыта и традиции — с другой. Один историк западноевропейской мысли восемнадцатого века назвал эту мысль — «*процессом христианства*»². Сначала рационализм эпохи Просвещения, потом Французская революция и, наконец, критический анализ немецкой философии мало-помалу разрушили то целостное христианское мировоззрение и мироощущение, которым еще могли жить люди XVIII века и которым жил Пушкин. В результате западная культура, западное сознание раскололись — за Бога, против Бога. Религия, перестав быть самоочевидной и часто бессознательной *основой* культуры, стала одним из объектов культуры, всего лишь одной из ее тем. И в эту страстную борьбу, еще не подошедшую к своему концу, начиная с Гоголя, включилась и русская культура.

Однако, став только «темой» культуры, страстное, взбудораженное, израненное историческими неудачами религиозное сознание неизбежно обернулось в каком-то смысле и *против* культуры. Культура постепенно стала приобретать для религиозного сознания характер восстания против Бога, отрицания Его всеобъемлющих и абсолютных прав. Поэтому религиозное сознание постепенно стало соглашаться признавать культуру только в ту меру, в какую она становится «слу-

жанкой религии», — в сущности, так, как философия в Средние века должна была включаться в борьбу за Бога и за Его права.

Но тут сказался и второй источник раздвоения и распада, а именно — соприкосновение русского культурного сознания с таинственным для него и притягивающим миром народной веры с ее видимой целостностью, непричастностью к разьедающему анализу и скепсису, с миром, в сущности, другой культуры, другой традиции, всецело, радостно и непоколебимо сосредоточенной на «небесной красоте». Зачем вообще культура, если эта простая вера создает такую нравственную красоту, как у Лукерьи из «Живых мощей» Тургенева или в Платоне Каратаеве? Отец Матвей Константиновский в жизни Гоголя, оптинские старцы, к которым потянулись люди культуры в поисках утраченной цельности, мужики, знающие, как жить «по Богу» и у которых так хотел учиться Левин в «Анне Карениной», — все это словно призывало оставить призрачный мир земного творчества во имя духовного «делания», во имя единого на потребу.

И вот поразительно: рассыпавшееся христианское мироощущение, благодаря которому мир, несмотря на все зло и всю тьму в нем, у Пушкина остался, в сущности, миром светлым, этот мир у писателей «религиозного сознания» стал миром темным, непросветленным, религия стала отождествляться с одной только возможностью: с уходом, отказом, отречением. Светит и сияет только «народный мир», мир веры. Все остальное — а это значит, мир культуры — отражается «рожами», погружается в безысходную тьму «шинели», в кошмарную галерею «Мертвых душ». Так после Пушкина русская культура как бы повисает над пропастью. Ее удачи в некотором смысле парадоксальны, так как удачи эти были не следствием планомерного развития культурной традиции, культурного строительства, а удачами только личными, нередко оборачивающимися — как у Гоголя и Толстого — страшной личной трагедией.

Один западный критик заметил, что у русских есть великие писатели, но нет литературы в западном понимании этого слова, как преемства традиции, как общей круговой поруки творчества. Действительно, только в короткую пушкинскую эпоху был некий писательский круг, был литературный мир, у которого и на верхах, и на низах было что-то общее, общая тональность. После пушкинской эпохи писатели оказались в одиночестве: в одиночестве Достоевский, в одиночестве Толстой, в одиночестве Чехов. Создалось творческое, не обязательно житейское, одиночество. Словно каждый русский писатель был приговорен к тому, чтобы в муках совести и сомнений создавать свой творческий мир и в одиночестве спрашивать себя: для чего это создание, мое творчество? И часто бросать его, отказываться от него ради опять-таки «единого на потребу».

В основу русской культуры неизгояемо вошло это религиозное сознание. Сомнение не в религии, а в религиозной оправданности творчества, это сомнение, повторяем, приводило к потрясающим личным удачам. Но одновременно оно лишало русскую культуру того незыблемого, самоочевидного фундамента, без которого бесперебойный рост ее невозможен. Удачи и срывы — такой оказалась судьба русской культуры.

¹ Мысль о том, что в центре этической концепции «Капитанской дочери» лежит идея христианского милосердия, — «общий знаменатель русской этики», Г.П. Федотов высказывал неоднократно. См., напр.: *Федотов Г.П. Певец империи и свободы // Современные записки. Париж, 1937. № 36. С. 178–197; Он же. О гуманизме Пушкина // Новый град: Сб. ст. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 268–273; Fedotov G.P. The Russian Religious Mind: Kievan Christianity. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1946.*

² Имеется в виду французский католический историк и литературовед Поль Азар (Hazard; 1878–1944). В его трехтомном труде «Европейская мысль XVIII века: от Монтескье до Лессинга» (1946) первый том так и называется: «Процесс христианства».

Беседа 12

ОТРИЦАНИЕ КУЛЬТУРЫ ВО ИМЯ СОЦИАЛЬНОЙ УТОПИИ

«Социальность, социальность или смерть!» — это восторженное восклицание Белинского, когда он только что обратился в социалистическую веру, часто цитировали¹. И его действительно можно было бы поставить эпиграфом к истории русского сознания, русской мысли, русской мечты начиная с 40-х годов прошлого столетия. Социальный вопрос или, точнее, социальная утопия именно с тех пор для большей части русской интеллигенции стала какой-то всеобъемлющей, всепоглощающей страстью. Упрощая, можно сказать так: если в XVIII веке строили культуру, то в XIX веке интерес к культуре оказался чуть ли не целиком подчиненным интересу социальному. И это, конечно, глубоко отразилось на судьбах русской культуры. Впрочем, не только русской: надо заметить, что одержимость «социальностью» в девятнадцатом веке была общей для всей Европы, и Россия не составляла тут исключения. XIX век в Европе был веком Прудона, Маркса, Энгельса, Бакунина, веком революций, Парижской коммуны, начала рабочего движения и развития социологии и экономики как научных дисциплин.

Но в отличие от России эта социальная страсть на Западе не стала всепоглощающей страстью, и она не остановила, не подавила собой продолжения культурной традиции и строительства. Так, например, историю французской или английской литературы XIX века можно изучать совершенно отдельно от общественного и революционного движения, развивавшегося в те бурные десятилетия. Можно говорить о жизненной или литературной драме Флобера, Бодлера, Рембо, не сводя ее к социальной проблематике. И это потому, что культурная традиция на западе Европы была слишком сильной и прочной, чтобы ее могла размыть и поглотить новая социальная страсть. Что же касается России, то тут нужно признать, что страстное увлечение «социальностью» привело у нас к понижению культурного уровня, стало источником глубоких и значительных «перебоев» в русском культурном сознании.

Сведение всего к «социальности», безоговорочное подчинение ей культуры стало знаменем и, так сказать, питательной средой нового явления русской жизни, а именно знаменитой, многострадальной, замечательной, но и во многом для

прошлой России опасной *интеллигенции*, появившейся как раз в XIX веке. Если нашей отправной точкой и мерилom взять опять Пушкина, то надо сказать, что у него не было еще ни одной отличительной черты «интеллигента», не было, прежде всего, внутреннего подчинения культуры социальному вопросу. Это совсем не значит, что Пушкин был чужд социальным интересам, не переживал трагически отсутствие политической свободы, порабощение крепостных, социальное неравенство и так далее. В своем «Памятнике» он по совести мог сказать о себе, что в свой «жестокий век восславил он свободу и милость к падшим призывал». Его интерес к пугачевскому бунту и глубина его исторических анализов говорят о несомненном понимании им социальной проблемы России в широком смысле этого слова. Скажем просто: не меньше, чем будущие русские интеллигенты, Пушкин был за свободу, справедливость, человеческое достоинство, элементарное равенство.

Но Пушкин чужд основной черте интеллигенции — *утопизму*. Поэтому 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге, когда произошло историческое рождение интеллигентского сознания и жизненной установки, Пушкин отсутствовал не только физически, но и, так сказать, духовно. Восстание декабристов было вступлением утопии на историческую сцену России. Пушкин мог сочувствовать личному подвигу и героизму декабристов, но он не мог разделять их утопической страсти. Не мог прежде всего потому, что в его иерархии ценностей культура стояла на первом, а не на втором месте и от нее, от ее создания и укоренения в России зависело улучшение социального положения, а не наоборот. Вот эта иерархия ценностей и оказалась в интеллигентском сознании перевернутой: на первое место был поставлен социальный вопрос, а культура подчинена ему.

Русская интеллигенция не как особый слой населения, а как *тип* создалась в русском обществе в итоге двойного процесса: сравнительно быстрого распространения просвещения за пределы высшего дворянского сословия и одновременно почти трагической невозможности творчески и созидательно применить это просвещение на практике, в жизни. Рождение интеллигенции как массового явления совпало у нас с годами реакции после восстания декабристов, с постепенным превращением империи при Николае Первом в чиновничье-военное государство, в колоссальную неповоротливую бюрократию. Тогда перед сравнительно образованным русским человеком впервые встал выбор: или превратиться в подобие того чеховского чиновника, который в старости вдруг открыл, что в миллионах написанных им казенных бумаг ему никогда не пришлось поставить ни одного восклицательного знака, выражающего, как он только что узнал, восторг, гнев, вообще сильное чувство²; или ему придется уйти в призрачный мир мечты о чем-то несбыточном, то есть уйти именно в *утопию*. И вот утопия стала своего рода второй натурой этого образованного человека, в нее уходил жар его души, все его воображение, вся энергия.

Утопия пришла в готовом виде — из западных источников, из наспех препарированных и упрощенных всемирных и всеобъемлющих схем Гегеля и его последователей, из учебников физики и химии, из бурлящего всевозможными идеями Запада. Восторг, пережитый молодыми Герценом и Огаревым на Воробьевых

горах, был явлением не единичным, а почти коллективным. В кружках, в салонах, а потом и на конспиративных квартирах постепенно зародилась и разрасталась та нескончаемая, восторженная и возвышенная беседа, состоявшая почти из одних восклицательных знаков, которая длилась потом для этой части интеллигенции почти до самого конца Российской империи.

И вот что важно отметить: чем дальше шло время, тем очевиднее снижался культурный уровень беседующих и восклицающих. Если в московских салонах сороковых годов — у Хомякова и Чаадаева, у Елагиных и Грановского — беседа эта еще была насыщена подлинной, глубокой и тонкой культурой, на которой еще лежал отсвет Пушкина, то в 60-е годы — в поколении Писарева и Добролюбова — этой культуры уже не было, она выветрилась, куда-то исчезла, сменившись какой-то серой полукulturой, изучать которую можно по знаменитым «толстым журналам» второй половины XIX века. Тут как будто действовал какой-то странный закон: чем шире, чем, так сказать, «всемирнее» была утопия, тем уже и суше становился ее культурный коэффициент. Надо было действительно забыть «Капитанскую дочку» и «Героя нашего времени», эти высоты русского языка, чтобы увлечься романом Чернышевского «Что делать?» и плакать над стихами Надсона.

Культуру в это время в интеллигентских кругах стали понимать исключительно прагматически: как минимум необходимых, обязательно практических, обязательно «полезных» сведений для «народа», просвещение сводилось лишь к всеобщей «грамотности», без какой-либо заботы о национальной культуре. Над русской культурой воцарился интеллигент, «идеалистический и беспочвенный», по выражению Федотова, аскет, презиравший не только материальные блага жизни³, но и всякую, по его мнению, ненужную «изысканность», фанатически одержимый одной, только одной мечтой, в которой, однако, культуре фактически места не было.

Трагический парадокс русской культуры состоял в том, что начиная с определенного времени она оказалась на собственной своей родине как бы «чужестранкой». Она перестала быть нужной бюрократически-военному аппарату империи, больше того — этим аппаратом она была поставлена под подозрение. Но она перестала быть нужной и тоже поставлена под подозрение и интеллигенцией, поклонявшейся революции. Утопия имперская и утопия революционная как бы заключили между собой негласный союз — против высшего «реализма» Пушкина, против той правды о России, которую он чувствовал и к которой русскую культуру призывал.

И можно только удивляться, что, несмотря на этот двойной гнет — со стороны все дальше отходившей от культуры империи и со стороны отрицательно настроенной к ней интеллигенции — русская культура все-таки продолжала существовать, питаемая незаметными источниками русского творчества. Больше того, можно даже сказать, что это двухстороннее давление давало ей новую глубину, новое творческое измерение, так как культура эта волей и неволей оказалась вынужденной дать *ответ* на двойное, направленное против нее отрицание, изнутри преодолеть его. Не преувеличивая, можно сказать, что от Достоевского и Толсто-

го началось *освобождение* русской культуры от внутренней, психологической ее порабощенности военно-бюрократической и революционно-интеллигентской частями России, на которые она распалась после смерти Пушкина.

Прагматическое отрицание культуры, отрицание религиозное, наконец, отрицание культуры социально-утопическое — вот те три измерения, то чистилище, через которое пришлось пройти русской культуре после ослепительного ее воплощения в Пушкине. Через это чистилище она прошла. Означало ли это возврат к Пушкину, к начертанной им программе и как отразилось прохождение это на самой ткани русского культурного сознания? Какой высоты, какой глубины достигло оно? [С какими новыми трагедиями пришлось ей встретиться?] Вот дальнейшие вопросы, ответ на которые нужно искать прежде всего у двух гигантов, на двух мировых вершинах русской культуры — у Достоевского и Толстого.

---

¹ Из письма В.Г. Белинского В.П. Боткину от 8 сентября 1841 г. «Социальность, социальность — или смерть! Вот девиз мой. Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи? Что мне в том, что я понимаю идею, что мне открыт мир идеи в искусстве, в религии, в истории, когда я не могу этим делиться со всеми, кто должен быть моими братьями по человечеству, моими ближними во Христе, но кто — мне чужие и враги по своему невежеству?» (*Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 12: Письма 1841–1848. С. 69).

² Имеется в виду рассказ А.П. Чехова «Восклицательный знак» (1885). См.: *Чехов А.П.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1984. Т. 4. С. 266–270.

³ Похожее определение встречаем в статье Г.П. Федотова «Трагедия интеллигенции» (1927): «Говоря простым языком, русская интеллигенция “идейна” и “беспочвенна”. Это ее исчерпывающие определения. Они не вымышлены, а взяты из языка жизни: первое, положительное, подслушано у друзей, второе, отрицательное, — у врагов (Страхов)» (*Федотов Г.П.* Трагедия интеллигенции // Новый град: Сб. ст. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. С. 15). Впервые: Версты (Париж). 1927. № 2. С. 145–184.

М.А. Васильева

«И НАСЛАДИМСЯ ОБЩЕНИЕМ, ВЕЧНОСТЬЮ,
ВСЕМ, ЧТО НЕ УМИРАЕТ...»:
МАТЕРИАЛЫ ПРОТ. АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА
В АРХИВЕ ВЛАДИМИРА ВАРШАВСКОГО

Собрание скриптов «Основы русской культуры» протопресвитера Александра Шмемана, их присутствие в архиве В.С. Варшавского (ДРЗ. Ф. 54) проливают свет на отдельный сюжет в истории русской эмиграции, — дружбу священника отца Александра и писателя Владимира Варшавского. Выбранный Шмеманом жанр «беседы» на «Радио Свобода» — не статичный монолог, а диалог с гипотетическим *собеседником* — во многом объясняет и присутствие скриптов в архиве Варшавского, и ответный интерес писателя к радиоциклу друга, и характер их отношений. По воспоминаниям близких и друзей — Игоря Тихоновича Троянова и вдовы писателя Татьяны Георгиевны, — Шмеман и Варшавский были *собеседниками* в глубинном, философском понимании этого слова. Безусловно, скрипты оказались в руках писателя не случайно, он специально сделал для себя фотокопии, ему принадлежат и маргиналии на полях, размашистые подчеркивания наиболее важных для него фрагментов шмемановских бесед. Это мысли о максимализме русской культуры, о губительности утилитарного подхода к культуре с позиции «пользы», об организующей силе русской культуры даже в самые беспросветные времена. В 1972 г. Варшавский начинает вести дневник, а вскоре приступает к работе над новой, расширенной редакцией «Незамеченного поколения», — книги, вышедшей в Нью-Йорке еще в 1956 г. и получившей большой общественный резонанс¹. Идеи Шмемана, прозвучавшие в цикле «Основы русской культуры», постоянно каким-то краем пересекаются и с дневниковыми записями Варшавского, и с дополнениями, сделанными в новой редакции «Незамеченного поколения». В свою очередь, Шмеман в историко-культурологическом радиоцикле во многом совпадает с положениями книги «Незамеченное поколение» 56-го года, — это размышления о войне «славянофильства» и «западничества», об особом значении Пушкина для России, о таком явлении в самосознании XIX–XX вв., как «русские мальчики» Достоевского и т. д. Очевидно, что точек пересечения мыслей, интересов, исканий, взглядов на русскую историю и культуру у Шмемана и Варшавского было множество.

На полях беседы «Парадоксы русского культурного развития: Минимализм» Варшавский подчеркивает: «Славянофилы, во все новых и новых их воплощениях,

---

¹ О полемике вокруг книги В.С. Варшавского см.: *Варшавский В.С. Незамеченное поколение* / Предисл. О.А. Коростелева; сост., коммент. О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста Т.Г. Варшавской, О.А. Коростелева, М.А. Васильевой; подгот. текста прилож., послесл. М.А. Васильевой. М., 2010. Особенно см. с. 315–404.

громят западников; западники все еще неспособны услышать и понять славянофилов. И это потому, что “максимализм”, еще неотъемлемый от русского самосознания, все еще, как догму, принимает примат “политики” над культурой, — и оказывается по существу неспособным к культуре, то есть неспособным к тому, чтобы в совокупности исканий и достижений, в духовном мире, созидаемом каждой нацией, увидеть единственный возможный критерий, а также и содержание “политики”. Если бы русской культуры не было, как давно осуществленного и реального мира, обо всем этом можно было бы не говорить. Но она есть, и именно она составляет сердцевину, лучшую и неуничтожаемую сущность России. Вот почему, не преодолев своего культурного и максимализма, и минимализма, по существу дальше двигаться невозможно». И снова перекрестье мыслей Варшавского и Шмемана, и снова перед нами глубинный диалог, принявший форму помет на полях текста близкого друга и выдающегося собеседника. Этот *диалог-дружба* имеет долгую предысторию, на которой хотелось бы остановиться отдельно.

История отношений двух представителей младшего поколения эмиграции первой волны Владимира Сергеевича Варшавского (1906–1978) и протопресвитера Александра Шмемана (1921–1983) берет начало в 1951 г. Судя по одному из писем отца Александра, первое их знакомство произошло в Кламаре, где Шмеман в 1946–1951 гг. был помощником настоятеля храма Святых равноапостольных Константина и Елены². Однако настоящая дружба началась уже в Америке. В силу обстоятельств духовное сближение двух русских парижан произошло в Нью-Йорке. В 1930-е гг. парижская встреча не могла состояться из-за большой разницы в возрасте. В военные годы, когда Шмеман был студентом Свято-Сергиевского православного богословского института (1940–1945), Варшавский покинул Париж для участия в «странной войне» на стороне французской армии. В 1940-м он попал в немецкий плен, где находился до конца войны. Вернувшись из плена, Варшавский сильно нуждался, возможность реализовать себя как писателя в послевоенном Париже была сведена почти к нулю: исчезли прежние периодические эмигрантские издания и литературные объединения, навсегда исчезла атмосфера русского Монпарнаса. Предчувствие холодной войны и возможного «советского плена»³ окончательно повлияли на его решение уехать в США. 12 марта 1951 г. он прибыл в Нью-Йорк и вскоре устроился на работу курьером в ООН.

Отъезд отца Александра также падает на 1951 г. Во многом это было продиктовано переездом в США прот. Георгия Флоровского, под началом которого Шмеман начал преподавать в Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке, где сперва был доцентом по кафедре церковной истории и литургике, а с 1960 г. — про-

² См.: Прот. Александр Шмеман — Т.Г. Варшавской, 17 марта 1978 (датируется по штемпелю отправителя) // ДРЗ. Ф. 54.

³ Решающую роль здесь сыграла трагическая судьба отца, известного юриста Сергея Ивановича Варшавского (1879–1945?); в мае 1945 г. он был арестован в Праге Смершем и депортирован в СССР; точных документальных свидетельств о дальнейшей судьбе С.И. Варшавского в Центральном архиве ФСБ России обнаружить не удалось. О причинах, вынудивших Владимира Варшавского уехать в Америку, см. также: *Хазан В.* «Семь лет»: История создания [вступ. ст. к публ.: Переписка Варшавского с Гринбергом] // Новый журнал. 2010. № 258. С. 177–190.

фессором по кафедре литургического богословия. Идейное сближение Варшавского и Шмемана совпало с их работой на радиостанции «Освобождение» (позже — «Радио Свобода»), начавшей свое вещание в 1953 г. Владимир Варшавский и прот. Александр Шмеман дополнили ряды ее первых внештатных сотрудников, во многом определивших лицо радиостанции, отец Александр начал вести передачи уже с марта 1953 г.⁴, Варшавский пришел на «Освобождение» в качестве «консультанта и скриптрайтера» в апреле 1954-го⁵. Как многолетний сотрудник, Варшавский вел многочисленные циклы

*Владимир Варшавский и прот. Александр Шмеман
у Женевского озера. Август 1973.*

*Личный архив Т.Г. Варшавской (Ферней-Вольтер, Франция).
Публикуется впервые*

радиопередач под псевдонимом Норов⁶ («Современная мысль», «Новые вехи», «Годы шестидесятые», «Культура и свобода», «Книжная полка», «Заметки читателя» и др.). Эта часть его творческого наследия представляет немалый интерес для современного исследователя и читателя и конечно со временем будет опубликована. Большую роль в формировании интеллектуального облика «Радио Свобода» и — шире — в осмыслении христианской культуры и православия сыграл своими радиобеседами Александр Шмеман. Сергей Александрович Шмеман так писал об отце: «Его передачи никогда не были, да и не могли быть “пропагандой”. То были в буквальном смысле беседы с русским человеком, изголодавшимся по духовной пище, и одновременно беседами с самим собой. Он говорил о вечных вопросах и великих истинах, о литературе и культуре, о надежде, но прежде всего, конечно же, о красоте и истинности православной веры. Говорил словами, понятными всем, ибо верил в то, что говорит»⁷.

⁴ За предоставленную информацию выражаю признательность Сергею Александровичу Шмеману.

⁵ Эта информация содержится, в частности, в черновике заявления В.С. Варшавского о подаче прошения о натурализации в Министерство юстиции Соединенных Штатов от 5 мая 1956 г. См.: Alien registration: Vladimir Varsavsky, № A7976352. Application to file petition for naturalization. United States Department of Justice. // ДРЗ. Ф. 54.

⁶ Владимир Варшавский использовал фамилию своей матери Ольги Петровны Норовой (1875–1961).

⁷ Шмеман С.А. О беседах о. Александра Шмемана на Радио «Свобода» // Шмеман А.Д., прот. Беседы на Радио «Свобода»: В 2 т. М., 2009. Т. 1. С. VI.

В американский период отношения Шмемана и Варшавского, конечно, не исчерпывались совместной работой на «Радио Свобода». Их объединяло сотрудничество в наиболее заметных эмигрантских периодических изданиях в США («Новое русское слово», «Новый журнал», «Опыты»), участие в литературных встречах русской эмиграции, в том числе в литературных собраниях у Романа Николаевича Гринберга, редактора журнала «Опыты» и альманаха «Воздушные пути»⁸. Во время обсуждения книги «Незамеченное поколение», организованного в 1956 г. обществом взаимопомощи «Надежда», отец Александр — один из основных выступающих⁹ — в своей речи говорит «об участии в историческом “делании”, о христианском происхождении и сущности тех ценностей, что защищались и провозглашались как бы наперекор историческому христианству. Это — свобода и ценность личности и общество, построенное на таком понимании личности»¹⁰. Его выступление, посвященное книге Варшавского, снова отсылает нас к «Основам русской культуры».

По воспоминаниям Татьяны Георгиевны, вдовы писателя, к концу 1950-х гг. отец Александр — близкий друг и частый гость их дома. Свято-Владимирская духовная семинария, где преподавал и проживал Шмеман (West 123 Street), находилась не так далеко от дома Варшавских, проживавших также на Манхэттене (153 East 54 Street), в одном из зданий под снос, настолько ветхом, что Шмеман в шутку сравнивал его с декорациями к фильму «Преступление и наказание». В начале 1960-х Шмеман принял горячее участие в судьбе Роланда Томлина, мальчика из неблагополучной семьи, которого спасла чета Варшавских, взяв на воспитание. В 1967-м Варшавские уехали в Мюнхен, где Владимир Сергеевич проработал как постоянный сотрудник русской службы «Радио Свобода» до 1972 г. Отец Александр Шмеман, оставшись в США, продолжил работу в нью-йоркском бюро радиостанции. В 1962 г. он принял пост декана Свято-Владимирской семинарии, который занимал вплоть до 1983 г.

С отъездом Варшавского диалог не прерывается, выливаясь в форму переписки и долгожданных, хотя и редких встреч во время приезда отца Александра в Европу. Собираясь в Париж, Шмеман пишет Варшавским: «Прежде всего хочу сообщить Вам, что мы с женой¹¹ приезжаем в Париж на Западное Рождество. Будем в Париже, если все будет благополучно, 20 дек<абря> и останемся до 2 января. Конечно, возникла мечта о свидании с Вами. Не выберетесь ли Вы в Париж for a couple of days¹² — на хороший ужин с Физом¹³ и Адамовичем? А? Как было бы хорошо.

⁸ Об одном из таких выступлений читаем в письме Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому от 5 марта 1955 г.: «Получил письмо от Иваска, пишет, что Вы на собрании “Опытов” произнесли замечательную речь (а также о. Шмеман)» («Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / Предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М., 2010. С. 288.

⁹ Симпозиум, посвященный книге В.С. Варшавского «Незамеченное поколение», состоялся в помещении нью-йоркского «Клуб Хауз» (New York, 150 West 85 Street) 9 марта 1956 г. (см. об этом: *Троицкий И.М.* «Незамеченное поколение» // Новое русское слово. 1956. 16 марта. № 15602. С. 7).

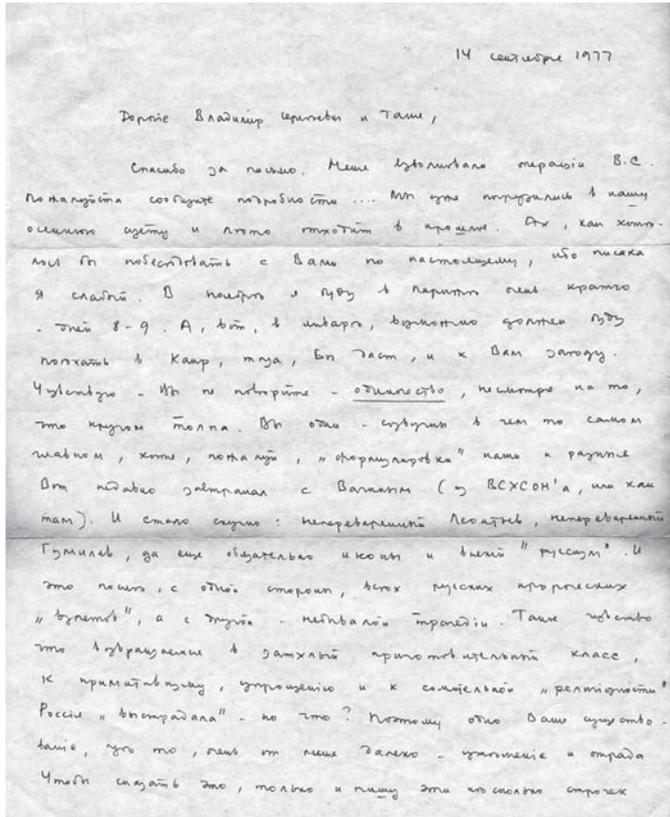
¹⁰ Там же.

¹¹ Ульяна Сергеевна Шмеман, урожденная Осоргина (р. 1923).

¹² в течение нескольких дней (англ.).

¹³ Физ Борис Юльевич (1904–1978) — инженер, редактор «УМСА-Press», член РСХД, коллекционер работ постимпрессионистов. В 1972–1974 гг. Варшавские жили у Физа в Париже перед тем, как обосноваться в Швейцарии.

Жизнь такая короткая, друзей так мало, и ими нужно так дорожить... Подумайте и сделайте усилие». И снова, в том же письме: «Дорогие друзья, чем читать мои послания, приезжайте-ка в милый декабрьский Париж. <...> И насладимся общением, вечностью, всем, что не умирает, ибо есть жизнь»¹⁴. В его же дневниках находим запись от 22 апреля 1975 г.: «В четверг 17-го — breakfast с Варшавскими и, как всегда, радость от встречи с В.С.»¹⁵ Письма Шмемана к Варшавскому проникнуты душевной установкой на абсолютное взаимопонимание при возможных спорах и несогласиях, на беседу высокого уровня, которая уже давно состоялась, и каждое письмо — ее логическое продолжение. Это был разговор, который вела некогда молодая эмиграция, — о самом главном, в духе исчезнувшего межвоенного русского Парижа. Шмеман точно «считывал» философское усилие русского Монпарнаса, идейные и эстетические искания «парижской ноты» Георгия Адамовича, феномен «незамеченного поколения». «...Париж 30-х годов — меня всегда

Письмо прот. Александра Шмемана Владимиру Варшавскому. 14 сентября 1977. ДРЗ. Ф. 54.

¹⁴ Прот. Александр Шмеман — В.С. и Т.Г. Варшавским, 10 декабря 1970 // ДРЗ. Ф. 54.

¹⁵ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983 / Сост., подгот. текста У.С. Шмеман, Н.А. Струве, Е.Ю. Дорман; предисл. С.А. Шмемана; примеч. Е.Ю. Дорман. М., 2005. С. 178.

интересует», — заметит он в «Дневниках»¹⁶. Его письма к Варшавскому свидетельствуют, что несостоявшаяся когда-то «монпарнасская встреча» с писателем состоялась при других обстоятельствах места и времени. Так, в продолжение спора о «самом главном», о назначении демократии и ее возможных метаморфозах, отец Александр пишет Варшавскому: «Да, конечно, демократия (“поиздержавшись в дороге”) требует внутреннего очищения и обновления (солженицынский “нравственный этаж”¹⁷). Поэтому, одновременно с защитой и проповедью демократии, нужно выяснить тот замысел о человеке, который демократией предполагается и без которого и она сама может стать — и, увы, становится “спекуляцией на понижение”. Согласны? Напишите обязательно. Ибо вы — лучший мой друг и общение с Вами, пускай, увы, и редкое — для меня необходимо»¹⁸.

Писем Шмемана к Варшавскому, переданных в Дом русского зарубежья вдовой писателя, немного. В общем счете фонд содержит всего семь писем, из них четыре адресованы чете Варшавских и три — «посмертных», написанных к вдове Татьяне Георгиевне. Вполне возможно, их было больше и часть писем не сохранилась. Однако сам Шмеман после смерти Варшавского с горечью писал в дневнике: «Вот и видались мы с ним, после его отъезда в Европу, раз в два года и почти не переписывались, а смерть его я ощущаю как действительную утрату» (запись от 27 февраля 1978 г.)¹⁹. Между тем при небольшом объеме этого эпистолярия необычайная доверительность интонации и содержательная насыщенность делают его бесценным документом, запечатлевшим развитие или зарождение мыслей Шмемана, продолжение его дружбы с Варшавским и ряд ярких свидетельств о жизни русской эмиграции. В письмах к Варшавскому отец Александр рассуждает об Андрее Синявском и Владимире Максимове, о Романе Якобсоне и Владимире Набокове, об Игоре Чиннове и Нине Берберовой, о Романе Гуле и Александре Солженицыне, о периодике русской эмиграции и самиздате в Советском Союзе. В этом контексте слова, написанные в адрес самого Владимира Варшавского, кажутся весьма символическими, как и горячее желание Шмемана посодействовать изданию романа «Ожидание»²⁰. В связи с этим отец Александр пишет другу: «Ужасно нужно, чтобы книга вышла. После этого, по-моему, эмиграция может сматывать свои удочки. Вы — Пруст этого канувшего в вечность мира — это я вам еще в 1952 году говорил. Ваша книга — “онтологический эпилог”. По своей положительной части она уже обращена не к эмиграции, за отсутствием последней, а к России, где какие-то новые “мальчишки” могут ее услышать. Я жду ее выхода, чтобы все это написать о ней и по ее поводу. Она должна выйти, т<ак> ск<азать>, мистически, ибо она есть и плод, и итог, и “претворение”...»²¹ Когда «Ожидание» вышло в свет, отец Александр в силу крайней занятости не нашел времени для обстоятельной рецензии. На фоне несостоявшейся рецензии Шмемана в «Новом журнале» вышел довольно поверхностный отзыв

¹⁶ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. С. 214.

¹⁷ В дневниках Шмеман заметит (запись от 22 мая 1974 г.): «И опять, мне кажется, прав Солженицын: свобода без нравственного этажа — сама себя разлагает» (Там же. С. 97).

¹⁸ Прот. Александр Шмеман — В.С. и Т.Г. Варшавским, 13 августа 1974 // ДРЗ. Ф. 54.

¹⁹ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. С. 419.

²⁰ Варшавский В. Ожидание. Париж: YMCA-Press, 1972.

²¹ Прот. Александр Шмеман — В.С. и Т.Г. Варшавским, 10 декабря 1970 // ДРЗ. Ф. 54.

Юрия Иваска²². Владимир Варшавский, всегда писавший трудно и тяжело, всегда сомневающийся в своем писательском мастерстве, отметит в дневнике: «Как<ое> же я имею право тосковать оттого, что у меня нет таланта, и оттого, что я не получил признания, оттого, что *И.* написал плохую рецензию, а *А.* не написал совсем, хотя все обещает» (запись от 6 февраля 1973 г.)²³.

О романе «Ожидание» Шмеман напишет после смерти друга, в некрологе с символическим названием «Ожидание: Памяти Владимира Сергеевича Варшавского», который, по сути, станет одной из самых глубоких аналитических статей, посвященных творчеству писателя. Работая над ней, он заметит в письме к вдове: «Все эти недели, прошедшие со смерти В.С. (все звучит у меня в голове последняя моя с ним беседа — перед госпиталем) — медленно, с любовью перелистывал его книги, вслушиваясь, вдумываясь, вживаясь в них в свете его смерти, его ухода от нас... Вы знаете — я плохой писака писем, мы так мало переписывались, ни на что никогда — в моей жизни — не было и нет времени. Но вот всегда я чувствовал В.С. как друга, настоящего друга, м. б. даже единственного, если не считать двух, трех людей, с которыми связано детство. Со дня нашей первой встречи — в 51–52–? — году в Клараре так ясно стало, что он вошел в мою жизнь, и так мне всегда было с ним радостно, легко, светло, я скажу не преувеличивая — празднично. И праздник этот был от его души, совсем особенной по исходившему от нее сиянию: доверия, веры в добро (это звучит наивно, но он действительно верил в добро!), готовности радоваться этому добру, откуда бы оно ни приходило. Я пишу — но не газетную, а, по возможности, настоящую статью о нем, пишу неизбежно медленно, но это для меня и радость, ибо как бы живу с ним. <...>. Я уверен, и об этом то, что я пишу, — что В<ладимиру> С<ергееви>чу предстоит прорасти в русском сознании, в котором сейчас все заглушено криком, вульгарностью и болтовней»²⁴.

В дневнике в эти же дни Шмеман запишет: «...у меня, в сущности, очень мало друзей, а В.С. был, несомненно, другом, то есть кем-то, кто действительно стал частью моей жизни. <...> Перечитывал “Ожидание”, думал: это удивительно хорошая книга с “лица необщим выраженьем”, но как это показать и доказать?»²⁵ Дневники фиксируют этапы работы над статьей, очерчивают ее задание. Замысел статьи о Варшавском поражает глубиной постановки вопроса. «Если литература — как бы говорит Варшавский своим *ожиданием*, да, в сущности, всем своим творчеством — только “слог и воображение”, только “действие и развязка”, или, иначе, только “блеск”, тогда, да, записи эти (работа Варшавского над романом «Ожидание». — М.В.) — не литература и их, действительно, “не выдать за литературное произведение”. Но что, если она прежде всего и превыше всего — мучительный, сизифов подвиг воплощения до конца никогда не воплотимой, всегда ускользающей, всегда неуловимой и, однако же, как воздух, как хлеб, необходимой правды, которую, потому что она не об “идеях”, а о самой жизни, сама жизнь,

---

²² Иваск Ю. [Рец. на «Ожидание»] // Новый журнал. 1972. № 109. С. 300–302.

²³ Варшавский В. Ионафан: Дневник // ДРЗ. Ф. 54.

²⁴ Прот. Александр Шмеман — Т.Г. Варшавской, 17 марта 1978 // ДРЗ. Ф. 54.

²⁵ Шмеман А., прот. Дневники. 1973–1983. С. 419. (Запись от 27 февраля 1978 г.)

проявить дано и заповедано только искусству? Что, если она — все тот же рыцарский подвиг верности, в котором искание слов неотделимо от усилия совести, в котором писатель верностью своей жизни отвечает за верность слов? Вопросами этими все главное о “стиле Варшавского”, в сущности, сказано²⁶. Отсюда у Шмемана сравнение Варшавского с Толстым («нравственная забота о “правдивости”») и Прустом («острое чувство времени, поиски его “воскресения”»²⁷). Отсюда же противопоставление Варшавского Владимиру Набокову²⁸.

Вопросы, поставленные Шмеманом, — о тайне «искания слов», неотделимой в литературе от «замысла о человеке», — часть масштабного спора, который вела философия XX в. о назначении культуры и творчества, о соотношении умозрительной игры и усмотрения смысла, о сущности сознания и опыта. Некролог ясно дает понять — что объединяло Шмемана и Варшавского: отторжение от агрессивных рациональных конструкций (будь то философия, религия или творчество), включенность в жизненный мир, глубоко связанная с обращением к «открытию евангельского утверждения об абсолютной ценности человеческой личности»²⁹. Статья, написанная в память о друге, снова обращает нас к беседе о «самом главном», которая объединила в начале 1950-х Варшавского и Шмемана.

Запись в дневниках отца Александра: «Звонок на днях от Иваска. “Может быть, это нехорошо — так говорить, но мне кажется, что Варшавский жил только для Вашего некролога...” — “Однако, — говорю я ему, — и некролога ведь не было бы, не живи Варшавский и не будь тем, чем он был...”»³⁰

---

²⁶ Шмеман А., *прот.* Ожидание: Памяти Владимира Сергеевича Варшавского // Континент. 1978. № 18. С. 269.

²⁷ *Он же.* Дневники. 1973–1983. С. 425. (Запись от 12 апреля 1978 г.)

²⁸ В контексте суждений Шмемана о творчестве Набокова представляется интересным следующий пассаж из его письма к Варшавским: «Умер Набоков! Явление, в сущности, трагическое и символическое в русской культуре. Я его чувствую как человека, почти *сознательно* (от “самости”, от гордыни) избравшего *другое*, не то, на что дан был ему его изумительный талант. Как в раю. С Адамом. Бог подарил ему мир, сделал его царем, а ему показалось интереснее то, что ему предложил дьявол. В сущности, “похихикать” над Богом... Конечно, остается грусть об “ином”, пронизывающая это хихиканье» (Прот. Александр Шмеман — В.С. и Т.Г. Варшавским, 17 августа 1977 // ДРЗ. Ф. 54).

²⁹ *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. С. 188.

Варшавский проводит в «Незамеченном поколении» это утверждение не раз, обращаясь также и к работам о. Александра Шмемана (с. 141): «Понадобились столетия, чтобы то новое понимание личности, которое всеми своими корнями вырастает из Евангелия, проросло постепенно и в новое понимание государства, ограничило его неотъемлемыми правами этой личности. Мы знаем теперь, сколь мучительным оказался этот процесс, знаем, увы, и то, что сами христиане далеко не всегда были в нем носителями именно христианской, евангельской истины. Не состоит ли трагедия новой истории прежде всего в том, что самая христианская из всех идей нашего мира, идея абсолютной ценности человеческой личности, исторически оказалась выдвинутой и защищаемой против церковного общества, роковым символом борьбы против Церкви? А случилось это как раз потому, что с самого начала сознание христиан заворожено было обращением Константина: оно-то и помешало Церкви пересмотреть в евангельском свете теократический абсолютизм античной государственности, а, напротив, его самого слишком надолго сделало неотъемлемой частью христианского восприятия мира» (цит. по: Шмеман А., *прот.* Исторический путь православия. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1954. С. 104–105).

³⁰ Шмеман А., *прот.* Дневники. 1973–1983. С. 475. (Запись от 28 сентября 1979 г.)

СТАТЬИ
И ПУБЛИКАЦИИ

Н.В. Ликвинцева

МЕТАФИЗИКА ЖЕРТВЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

В философских или ставящих метафизические вопросы художественных текстах середины — второй половины XX в. не могла не возникнуть тема жертвы как философская проблема. Количество невинных жертв, погибших во время правления двух тоталитарных режимов: нацистского и советского, масштабность массовых убийств, сам факт функционирования и широкой распространенности концентрационных лагерей, своеобразной машины по уничтожению человека, — не могли не стать вызовом для человеческой культуры, проблемой, требующей продумывания и осмысления. Тему «миллионов убитых задешево»¹ сразу подхватила поэзия: О. Мандельштама, А. Ахматовой, Б. Пастернака, П. Целана, Н. Закс и др. Сразу стали появляться мемуары и художественная проза людей, выживших в гитлеровских и сталинских лагерях смерти: П. Леви, Э. Визеля, В. Шаламова, Е. Гинзбург и др. Философский анализ особенностей тоталитаризма, заведшего человечество в подобный тупик, делает Ханна Арендт в книгах «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла»². Катастрофа такого масштаба не могла не сказаться в сфере этики и антропологии, недаром Примо Леви озаглавил свою книгу об опыте нацистского лагеря «Человек ли это?»³. Этот вопрос и саму возможность свидетельства и этики после такого свидетельства поднимает итальянский философ Джорджо Агамбен в своей книге «Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель»⁴. Важным вкладом в метафизику жертвы стала мысль Симоны Вейль: еще в конце 1930-х — начале 1940-х гг. она размышляла о смысле невинной жертвы и искупительного страдания⁵: с ее мыслями смыкаются и предсмертные, в тюрьме перед расстрелом написанные тексты немецкого пастора Дитриха Бонхёффера⁶ и писателя русского зарубежья Бориса Вильде⁷. В наше время над тем, что для нас сегодня значит

---

¹ Из стихотворения Осипа Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» (1937).

² Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996; Она же. Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме. М., 2008.

³ Леви П. Человек ли это? М., 2001.

⁴ Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М., 2012.

⁵ См., напр., главы «Зло», «Несчастье», «Насилие», «Крест», «Весы и рычаг» в книге: Вейль С. Тяжесть и благодать. М., 2008. С. 100–126.

⁶ См.: Бонхёффер Д. Соппротивление и покорность. М., 1994.

⁷ Вильде Б. Дневник и письма из тюрьмы. 1841–1942. М., 2005.

этот опыт массовых жертв, размышляют В.В. Бибихин⁸, А.И. Шмаина-Великанова⁹.

Особое место в ряду тех, кто внес свой вклад в осмысление проблематики жертвы в XX в., занимает Александр Исаевич Солженицын. Его книгу «Архипелаг ГУЛАГ» можно считать своеобразным введением в такую метафизику: в ней не только слышны голоса всех убитых, расстрелянных, замученных, не только дан богатый исторический материал о главной катастрофе XX в., ее причинах и истоках. Книга Солженицына гораздо глубже просто исторического или мемуарного повествования, она сама оказывается еще одной загадкой, тайной метафизического уровня. Потому что, закрыв эту книгу, повествующую о жесточайшей трагедии в истории новейшего времени, читатель остается в конце с удивительным чувством надежды и внутреннего света. Чтобы попытаться если и не найти загадку этого парадокса, то хотя бы подступиться к его раскрытию, мы постараемся рассмотреть здесь ключевую для всего солженицынского творчества тему жертвы, проследить, с какими философскими и богословскими интуициями, раскрывающими особенности авторского мировоззрения, сопряжено понятие жертвы в творчестве писателя.

Три модуса раскрывающейся при таком подходе метафизики жертвы (тема, к которой данное исследование является лишь пролегоменами) рассмотрены здесь на материале трех отдельных художественных произведений: тема мира и его связи с жертвой на примере романа «В круге первом», тема светонности жертвы на примере повести «Раковый корпус» и тема жертвы как теозиса (обожения) на примере эпопеи «Красное Колесо».

ЖЕРТВА И МИР («В круге первом», 1968¹⁰)

Финальным аккордом романа «В круге первом», его итогом является обретение мира, согласия с самими собой ээками, угоняемыми на этап. Для главного героя произведения Глеба Нержина, глазами которого показана эта сцена, как и для близкого ему по духу Герасимовича, предпочтение несомненного неблагополучия

⁸ Бибихин В. Власть России // Наше положение: Образ настоящего: Сб. М., 2000. С. 57–79. См. также: Он же. Другое начало. СПб., 2003.

⁹ Шмаина-Великанова А.И. О новых мучениках // Наше положение: Образ настоящего. С. 218–225; Она же. Исчезнувшая личность как проблема для церковного сознания // Личность в церкви и обществе: М-лы междунар. науч.-богосл. конф. Москва, 17–19 сент. 2001 г. М., 2003. С. 60–66; Она же. Мать Мария (Скобцова), Дитрих Бонхеффер и Симона Вейль: апостольство в безрелигиозном мире // Христианос (Рига). 2000. № 9. С. 108–120.

¹⁰ Первый вариант романа, состоящий из 96 глав (так называемый «Круг-96»), был написан еще в 1955–1958 гг. «в стол». В 1964 г., когда появилась слабая надежда на публикацию, автор создал новую версию романа (так называемый «Круг-87» из 87 глав), смягчив наиболее острые места и изменив сюжет. В СССР роман так тогда и не вышел, но именно в такой редакции и был опубликован в 1968 г. на Западе, в «тамиздате». Тем же летом 1968-го, после выхода романа, автор работает над восстановлением изначальной, более полной (и еще доработанной) версии романа «Круг-96».

лагеря сравнительному благополучию шарашки — это сознательный выбор, результат взвешенного и принятого решения. Следствием такого шага и оказывается обретение мира. Вот как это описывает А.И. Солженицын:

«Прислушиваясь к ходу машины, зэки смолкли.

Да, их ожидала тайга и тундра, полюс холода Оймякон и медные копи Джебказгана. Их ожидала опять кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть. Их ожидало только худшее.

Но в душах их был мир с самими собой.

Ими владело бесстрашие людей, утерявших всё до конца, — бесстрашие, достигающееся трудно, но прочно»¹¹.

Слово «мир» оказывается ключевым не только в этом фрагменте: термин «мир», с его общекультурными, философскими и литургическими коннотациями, принципиально важен для понимания авторского замысла, особенностей сюжета и композиционного построения всего романа. Столь чуткий к языку художник, как А.И. Солженицын, не мог не чувствовать всего шлейфа значений, которые тянутся за этим словом. Обыгрывание его многозначности бросается в глаза уже в процитированном выше отрывке: мир как пространство разворачивается здесь на наших глазах, словно выплескиваясь из точечной замкнутости московской тюрьмы в пространственно-географическую протяженность (тайга и тундра, Оймякон и Джебказган). Мир как внутренняя гармония души, как согласие человека с собой здесь не только прямо называется («в душах их был мир с самими собой»), но и приводится его основная этико-психологическая составляющая: бесстрашие. Именно такое пересечение двух планов — внешнего и внутреннего — и характерно в первую очередь для метафизической «наполненности» термина. В истории западноевропейской философии проблема «мира» дана главным образом как проблема познания, мировосприятия: каким образом человек, сам являющийся частью мира (универсума), может познавать, воспринимать мир как превосходящее его целое, как саму целостность?¹²

В солженицынском словаре не могло не отразиться и то особенное положение, которое занимает слово «мир» в русском языке; оно связано с омонимичностью слов, значения которых отсылают нас как раз к упомянутым двум разным планам: внешнего и внутреннего. В старой орфографии это различалось и на письме: это мир (космос, вселенная) и мир (покой, примирение). Смысловые переключки двух этих слов активно использовал Лев Толстой в романе «Война и мир». Солженицынское слово несет в себе не только следы толстовского словоупотребления (а переключки с Л. Толстым то и дело встречаются в текстах Александра Исаевича), но и те оттенки значений, которые приобрели слова «мир» и «мир» своей включенностью в церковнославянский, а затем и русский текст Божественной литургии. «Мир всем», — этот возглас предстоятель литургического собрания

---

¹¹ Солженицын А.И. В круге первом. М.: Дрофа: Вече, 2003. С. 752. Все дальнейшие цитаты из романа даны по этому изданию, с указанием в скобках номера страницы.

¹² Краткий очерк истории понятия «мир» в западноевропейской философии от Античности до М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна см., напр., в книге: Библихин В.В. Мир. СПб., 2007. С. 136–147.

возвещает евхаристической общине в каждой части литургии; все члены общины дают друг другу «целование мира», сама церковная молитва может совершаться только «в мире», только из такого мирного состояния («Миром Господу помолимся», великая ектения). Из этой мирности, в центре которой Сам Христос, рождается единство, участники евхаристии становятся Телом Христовым, отдаваемым в жертву за весь мир (уже во втором значении этого слова, мир как вселенная, мир): «И великолепна слава Твоя, / Столь возлюбившего мир Твой, / Что отдал Сына Твоего едиnorodного... / <...> В ночь, в которую Он был предан, / Вернее же, Сам Себя отдал за жизнь мира...» — тем самым весь мир приобщая к единству с Богом, к жизни вечной: молитва приносится «о всех и за вся»¹³.

Современник Александра Солженицына русский философ Владимир Бибихин весной 1989 г. прочитал на философском факультете МГУ курс, так и озаглавленный: «Мир»; это, может быть, одна из самых глубоких попыток философски продумать не историю термина, но само понятие. Говоря об особенностях русского словоупотребления, Бибихин ссылается не только на Л. Толстого, но и на те оттенки значений, которые приобрело слово «мир» в понятии крестьянского мира, сельской общины. Мысль В. Бибихина неожиданно смыкается здесь с художественными прозрениями А. Солженицына: у обоих авторов два слова — «мир» и «согласие» — оказываются неразрывно связанными, самым языком скрепленными друг с другом. В книге В. Бибихина «Мир» (в которую вошел упомянутый курс лекций) мы читаем, что «наше слово “мир” <...> заставляет и помогает думать о связи, которая имеет место сама по себе: о связи между единым целым мира и опытом согласия, настроением мира»¹⁴.

Вернемся теперь к процитированному отрывку из романа «В круге первом» об обретении эсками мира, согласия с самими собой. В нем дан финальный аккорд, кульминация, итог того долгого и трудного процесса, описанию которого посвящен роман: процессу рождения, обретения мира-согласия, нахождения человеком той внутренней гармонии, которая позволяет жить в ладу с самим собой. Внутреннее и внешнее, как мы уже заметили, неразрывно связаны и взаимообусловлены. Эта с трудом дающаяся и равновесная прочность совпадения с собой позволяет обрести наконец свое место в мире, суровом и грозящем, открытом наступающим невзгодам, но и избавляющим от страха. Мир как широта и целостность, как выход к открытости и свободе и мир как внутренний лад и мирность даруются одновременно, невозможны один без другого. Такой мир в романе в полной мере обретают два героя. Это Глеб Нержин, образ которого полон автобиографических черт, и дипломат Иннокентий Володин. Оба приносят себя в жертву (в этом смысле красноречиво имя Иннокентий — «невинный»), делают шаг навстречу гибели и тем самым обретают мир. На судьбе этих двух разных, но схожим путем идущих героев можно проследить, как шаг за шагом происходит

¹³ Русский текст молитв из Литургии Иоанна Златоуста цитируется по изданию: Шмеман А., прот. Евхаристия. Таинство царства. М., 1992. С. 235. См. также статьи «мир» и «мир» в: Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. М., 2005. С. 177–178.

¹⁴ Бибихин В.В. Мир. С. 143.

это обретение мира и что именно представляет собой обретенный мир, каковы его составляющие. Для этого обратимся к двум параллельным сюжетным линиям романа «В круге первом».

Стоит отметить, что рассказ о внутреннем пути каждого из названных героев несет в себе моменты сказа об инициации, посвящении. Словесная символика посвящения пронизывает весь текст романа, через который проходят такие опорные образы, как розенкрейцеры, рыцарский орден, Замок Грааля, Ковчег. Начальный этап такой «инициации» связан со стремлением к знанию, ведь «посвященный» — это прежде всего знающий. Сначала это смутное, не оформившееся еще желание познать непознанное, почти — желание желания, но именно оно постепенно подводит героя к порогу тайны, приобщает его к ней, ведь такой внутренний голод не может удовлетвориться поверхностным познанием как простым набором сведений. А встреча с тайной, в свою очередь, оказывается важнейшей составляющей личного опыта героя и становится побуждением к поступку, началом рождения нового человека — человека мира¹⁵ (напомним, что действие романа происходит в дни Рождества).

Для успешного советского дипломата Иннокентия Володина переломившее его жизнь движение навстречу тайне шло через неудовлетворенность внешним благополучием на фоне душевной опустошенности, через чтение дневников матери, через столкновение с убожеством России (поездка в деревню Рождество), через общение с дядей, через пробуждение сознания, заставляющего задуматься над тем, что происходит вокруг. Все вышеперечисленное оказывается подготовительным моментом следующего этапа сюжета об «инициации»: посвящения в «тайное знание» — это случайно полученные дипломатом секретные сведения о предстоящем похищении «нашими» секрета атомной бомбы («Уж лучше б он не узнал. Не знал. Не узнал...» (с. 36)). Такое знание пробуждает работу сознания. Володин представляет: если советский тоталитарный режим, а вернее его глава, И. Сталин, завладеет атомной бомбой, к каким опасным последствиям может это привести, какой угрозой для мира стать (забота о мире здесь снова на первом плане). Сознание рождает ответственность, толкает к поступку. Иннокентий Володин звонит в американское посольство (бегом, боясь передумать, борясь со страхом, как торпеда, несется он к телефонной будке) и тем самым на 180 градусов меняет прежний ход своей жизни.

Вторая из выделенных нами сюжетных линий также начинается с посвящения в «тайное знание». Стремление к знанию, жажда правды звучит в жизни Глеба Нержина как «немой набат», правдоискательство герой ощущает как собственное призвание: в эпоху сталинских репрессий такое правдоискательство естественным образом приводит его в тюрьму. На шарашке следующим этапом становятся идейные споры с друзьями и преодоление Нержиным собственного скептицизма.

---

¹⁵ Характерен диалог Рубина с Нержиным в начале романа:

«— Слушай, Глебка, в конце концов, ведь я — еврей не больше, чем русский? И не больше русский, чем гражданин мира?»

— Хорошо ты сказал. Граждане мира! — это звучит бескровно, чисто» (с. 55).

Глава, в которой Глеб Нержин принимает решение не идти на уступки начальству ради шарашечных земных благ, а нырнуть в лагерь, многозначительно называется «Розенкрейцеры». Инженер-полковник госбезопасности Яконов, сводя Нержина с его университетским учителем, математиком Веренёвым, который, по его мысли, должен убедить Глеба всерьез начать математическую работу на госбезопасность, бросает: «Математики мне всю жизнь казались какими-то розенкрейцерами, я всегда жалел, что не пришлось приобщиться к их таинствам» (с. 79). И Нержин действительно приобщается к таинству, хотя и не так, как хотелось бы его собеседникам¹⁶.

В момент совершения поступка мир и начинает свое рождение: он перестает быть простым набором окружающих человека внешних и безразличных предметов. Вещи становятся выпуклыми и объемными, яркие краски бросаются в глаза, привлекая внимание, становясь силовыми линиями, соединяющими человека и предметы в единство мира, уже полного знаков, предупреждающих и говорящих, несущих весть. Уже решившийся на поступок Иннокентий Володин бегом, движением отбрасывая остатки страха, вылетает на улицу: там угрожающим линкором с орудийными башнями высится «серо-черная девятиэтажная туша» здания Большой Лубянки, но приветливо горят «первозажженные огни Петровки». Он нащупывает в кармане две пятнадцатикопеечные монеты: само их наличие уже знак («Значит, быть по тому»). Такси проезжает мимо посольства («Значит, судьба»). Яркость мира словно одаривает решившегося ободряющей улыбкой: «Арбат был уже весь в огнях. Перед “Художественным” густо стояли в очереди на “Любовь балерины”. Красное “М” над метро чуть затягивало сизоватым туманом. Чёрная южная женщина продавала маленькие жёлтые цветы. <...> На него вскинула глаза встречная девушка. И ещё одна. Очень милая. Пожелай мне уцелеть» (с. 37–38). Столь же яркие и ощутимы предметы, окружающие Глеба Нержина в кабинете Яконова, участвующие в его решении: красная ковровая дорожка, сень медных бра, ярко-лазурная скатерть на столе, «гнутые формы письменного стола и кресла» (с. 77), цветной карандаш.

Кульминацией внутреннего движения героев к собственной подлинности, к своему второму рождению становится сам поступок, его совершение: в истории души это порыв и взлет, в истории жизни — крутой перелом. В таком поступке сквозь «светлое отчаяние» последнего шага навстречу опасности и начинает прорастать в бывшем неженке-дипломате Иннокентии Володине бесстрашие (а мы помним, что именно оно является главной отличительной чертой мира-согласия, обретаемого героями в конце): «Кажется, он успокаивался. Опасно не опасно —

---

¹⁶ «Знающий» Нержин начинает с жалостью смотреть на Веренёва, ученик — на своего бывшего учителя, знающего математику, но не прошедшего школу жизни, что-то безвозвратно упустившего: «Ему вдруг стало жаль Веренёва... Множества упорядоченные, множества не вполне упорядоченные, множества замкнутые... Топология! Стратосфера человеческой мысли. В двадцать четвёртом столетии она, может быть, и понадобится кому-нибудь, а пока... А пока...

Мне нечего сказать о солнцах и мирах,

Я вижу лишь одни мученья человека...» (с. 79–80).

другого решения быть не может. Чего-то всегда постоянно боясь — остаемся ли мы людьми?» (с. 37). К такому же поднимающему ввысь вопросу приходит в своем поступке Нержин: «Для чего же жить всю жизнь? Жить, чтобы жить? Жить, чтобы сохранять благополучие тела? Милое благополучие! Зачем — ты, если ничего, кроме тебя?..» (с. 82). Сама эта форма вопросительного обращения к себе не случайна: поступок рывком вклинивается в человеческое «я», образуя «щель», наполняя ее воздухом, давая ощущение полета и приподнимая человека над самим собой. Но это еще не устойчивая цельность мира, не то прочное бесстрашие, которое обретается в финале. Это первоначальное, зачаточное бесстрашие еще непрочно и шатко, оно «огненно» (пол горит под ногами Иннокентия и телефонная трубка в руке) и сродни полету (как торпеда, несется он наперерез линкору Лубянки), — но окончательно похожим на птицу станет Володин только в тюрьме, только уже пройдя первые круги ее ада («Иннокентий взял руки назад и с запрокинутой головой, как птица пьет воду, вышел из бокса» (с. 724)). Композиционно жертвенное событие поступка отнесено к началу романа (поступком Володина роман открывается, Нержин принимает решение в 10-й главе), а обретение мира происходит в конце. Только одного поступка тут мало: нужно еще взвалить на себя бремя его последствий (мучительный страх испытывает Володин до ареста, затем — потрясение и мытарства самого ареста, медленное и безжалостное приобщение к адской действительности тюрьмы; Нержин не просто решается на отправку в лагерь, он еще должен нанести этим решением удар любимой жене и сжечь рукопись, мысль о которой и стояла у истоков его решения), нести это бремя, все ниже опускаясь под его тяжестью и не идя на попятный (как идет Сологдин, сжегший свой проект, но затем соглашающийся его восстановить). Только эта взваленная на себя тяжесть, бремя (в евангельском контексте этого слова) и приводит к установлению душевного равновесия, достижению мира с самим собой.

Попробуем перейти от прослеженной истории обретения мира к самой его сути, к тому почти детскому вопросу, над которым напряженно бьется мысль В. Библихина в упоминавшейся нами книге: что же такое мир? Мы уже видели, как поиск ответа на этот вопрос сразу выводит нас к сопряжению двух разных планов: внешнего и внутреннего, мира-вселенной и мира-согласия. В мысли Библихина мир как гармоничный лад души оказывается связанным с ощущением мира как целого, а себя — человека как его части — с попытками человека найти свое собственное место в мире. Тем же путем в плоскости художественных образов движется мысль Александра Солженицына. Первое, что бросается в глаза в характеристике души солженицынских героев, — это обретение свободы как выхода из замкнутого круга. Потому и образ круга вынесен в заглавие разбираемого романа и архетипичен для всего корпуса солженицынского творчества: огненное («Красное») колесо истории появляется уже в этом романе¹⁷, одна из глав

---

¹⁷ В описании того, как Лев Рубин приступает к прослушиванию пленки с записью разговора об атомной бомбе. Рубин чувствует при этом свою причастность к истории: «Все молчали. Все чувствовали на себе касание огненного колеса. ...Вот и ему сейчас доведется посылно поработать на старуху-Историю» (с. 270).

называется «Кольцо обид». Сцена размыкания первого круга ада в конце романа зеркально противостоит сцене замыкания этого же круга за приехавшими на шарашку новичками в начале¹⁸. Выходит и Иннокентий Володин из эпикуровского круга бесплодных удовольствий: «Вдруг будто снялась тонкая пелена с мозга — и отчётливо само проступило, что он думал и читал днём:

“Вера в бессмертие родилась из жажды ненасытных людей. Мудрый найдёт срок нашей жизни достаточным, чтоб обойти весь круг достижимых наслаждений...”

Ах, разве о наслаждениях речь! Вот у него были деньги, костюмы, почёт, женщины, вино, путешествия — но все эти наслаждения он бы швырнул сейчас в преисподнюю за одну только справедливость! Дожить до конца этой шайки и послушать её жалкий лепет на суде!

Да, у него было столько благ! — но никогда не было самого бесценного блага: свободы говорить то, что думаешь, свободы явного общения с равными по уму людьми» (с. 710). И еще один «круг» размыкает Иннокентий Володин на своем пути к свободе: он выходит из колючей проволокой оцепленного круга «отечества», а тот, в свою очередь, отгорожен от более просторного круга «человечества» так, что попасть туда можно только через жертву¹⁹.

Прорыв размыкания (именно он и является главным метафизическим сюжетом романа) — это путь «утерявших всё до конца», он-то и ведет героев к бесстрашию, рождающемуся в преодолении последнего страха, в мужественном шаге навстречу лишению, опасности и смерти. Именно в этом встречном, упреждающем шаге жертва перестает быть пассивным орудием страдания, но становится подлинно свободной личностью, т. е. личностью, достойной свободы и способной прочно в ней стоять. Страх не столько даже сопровождает утрату основных жи-

¹⁸ В 3-й главе, в сцене прибытия новичков, вводится отсылающий к Данте образ «первого круга» ада, возникающий в диалоге новичка с завсегдатаем шарашки Рубиным. Восхищающийся шарашкой новичок восклицает: «Мне чудится, я — в раю!» На что Рубин рассудительно парирует: «Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший, высший круг — в первый» (с. 45). В финале романа, на этот раз голосом Нержина, уже променявшего шарашку на «несравненно худшее», дается ее определение, почти слово в слово повторяющее рубинское: «Нет, Илья Терентьевич, это не ад. Это — не ад! В ад мы едем. В ад мы возвращаемся. А шарашка — высший, лучший, первый круг ада. Это — почти рай» (с. 752).

¹⁹ Неподалеку от деревни Рождество Иннокентий палочкой рисует на земле Кларе: «Вот видишь — круг? Это — отечество. Это — первый круг. А вот — второй. — Он захватил шире. — Это — человечество. И кажется, что первый входит во второй? Ничего подобного! Тут заборы предрассудков. Тут даже — колючая проволока с пулемётами. Тут ни телом, ни сердцем почти нельзя прорваться. И выходит, что никакого человечества — нет. А только отечества, отечества, и разные у всех...» (с. 337). Этот прорыв из узкого круга в широкий берет в Иннокентии начало с вопроса, поставленного ему тверским дядюшкой Авениром (характерно и имя, Авенир — будущее, именно проводником в будущее и оказывается для Иннокентия дядя) в опоре на фразу Герцена: «Герцен спрашивает, — набросился дядя, наклонился со своим плечом... — где границы патриотизма? Почему любовь к родине надо распространять и на всякое её правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?» (с. 467). Вслед за дядей Иннокентий повторяет вопрос, прерывая его на полуслове из-за возможности быть подслушанными соседями. Уже в камере тот же самый, на том же месте оборванный вопрос, — последнее, что мы слышим в романе об Иннокентии: «Почему любовь к родине надо распротра...?» (с. 724).

тейских благ (всегда остается что-то, что еще можно отнять), сколько предваряет: мы заранее боимся потерять эти блага. Цепляясь за них, человек прежде всего цепляется за главное из них — за саму жизнь. Отказываясь на своем пути к свободе от жизненных благ, высвобождаясь из их пут, человек должен быть готовым и к последнему, решающему шагу к свободе. Это отказ от цепляния за саму жизнь, т. е. готовность к смерти (именно ею проверяет лучших своих героев Солженицын, сам готовый за правду «принять смерть»²⁰), уже почти вступление в нее, уже впускание ее в пределы жизни таинственным, причастным к тайне воскресения образом. Как ни парадоксально это звучит, но именно этот последний отказ от жизни и делает более живой саму жизнь.

Феномен рождения абсолютной свободы в жертвенном шаге навстречу смерти осмысляет чешский философ Ян Паточка²¹. В своих «Еретических эссе о философии истории» Паточка рассматривает XX в. как время войны и ночи, которых не могут преодолеть идеи мира и дня, потому что их цепляние за жизнь и ее блага оказывается новым плацдармом для войны и ночи. Победить эту нескончаемую лихорадку войны, поставить ей заслон можно только жертвенной готовностью погрузиться в самую ее гущу, принять всю тяжесть войны и ночи на свои плечи: на решившихся на такой шаг «нисходит абсолютная свобода, свобода от всех интересов мира, жизни, дня. Это означает: жертва этих обреченных теряет относительное значение, перестает служить путем к программам восстановления, прогресса и расширения жизненных возможностей и получает значение исключительно в себе самой»²². Так погружение в ночь, преодолевающее дурную бесконечность постоянной мобилизации для борьбы за день, открывает шагнувшему в нее абсолютную свободу уже сейчас, на самом дне беды и ночи, дает то самое «бесценное благо: свободы говорить то, что думаешь», которое только в тюрьме и обретает наконец солженицынский герой Иннокентий Володин. Это и есть обретение свободы быть самим собой.

Разрывающее круг опасное вступление в свободу похоже на разверзающуюся щель, ущелье. Вспомним самое начало романа, когда Иннокентий Володин, на

²⁰ «Никому не перегородить путей правды, и за движение её я готов принять смерть» (*Солженицын А. Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей // Солженицын А. Ленин в Цюрихе: Рассказы. Крохотки. Публицистика. Екатеринбург: У-Фактория, 1999. С. 527*). В этом контексте хорошо вспомнить слова еще двух свидетелей XX в., весомость их голосам придает именно готовность к смерти, все тот же шаг ей навстречу. Эта готовность звучит в словах Дитриха Бонхёффера: «Не внешние обстоятельства, а мы сами сделаем из смерти то, чем она может быть, — смерть по добровольному согласию» (*Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М., 1994. С. 47*). Или в мандельштамовском «Я к смерти готов», увековеченном Ахматовой: «Мы шли по Пречистенке (февраль 1934 года), о чем говорили — не помню. Свернули на Гоголевский бульвар, и Осип сказал: “Я к смерти готов”. Вот уже 28 лет я вспоминаю эту минуту, когда проезжаю мимо этого места» (*Ахматова А. Листки из дневника: (О Мандельштаме) // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 164*). Эта же фраза звучит в ахматовской «Поэме без героя»:

Вопль: «Не надо!» и в отдаленьи

Чистый голос: «Я к смерти готов». (Там же. Т. 1. С. 326.)

²¹ Паточка (Рато́чка) Ян (1907–1977) — ученик Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, один из основателей движения за права человека «Хартия 77», он умер в 1977 г. в Праге после серии допросов, вызванных опубликованием декларации «Хартии 77».

²² Паточка Я. Еретические эссе о философии истории. Минск, 2008. С. 160.

ходу преодолевая страх, мчится по Москве к собственному поступку: «Как широк мир, и сколько в нём возможностей! — а у тебя ничего не осталось, только вот это ущелье» (с. 38). Этот мир, суженный до размеров «ущелья», «клиновидной щели между двумя сдвинутыми горными обрывами», того Рубикона, который нужно перейти, узкой, но уходящей в бездну опасной щели-пропасти, которую нужно преодолеть, мы видим в романе еще раз: на картине шарашечного художника Кондрашёва-Иванова, изобразившего замок святого Грааля²³. Тот, кому удалось одолеть подобную щель-пропасть, все опасности ущелья, выходит к тому в себе, что уже больше себя (Кондрашёв-Иванов называет это «Образом Совершенства», который каждый носит в себе), к своему Граалю. «Я» вписывается в структуру мира, становясь его частью, а щель претворяется в то, что М. Хайдеггер называл «просветом бытия»²⁴.

Именно частицей бытия начинает чувствовать себя Иннокентий Володин, когда при спуске в тюремный ад начинает постепенно затоплять его душу райское состояние мира с самим собой (это затопление описано автором в нескольких главах, пристально и подробно): «...странная радость — радость крохи бы-

²³ «Это была клиновидная щель между двумя сдвинутыми горными обрывами. На обоих обрывах, справа и слева, чуть вступали в картину крайние деревья леса — дремучего, первозданного. И какие-то ползучие папоротники, какие-то цепкие, враждебные уродливые кусты прилепились на самых краях и даже на отвесных стенах обрывов. Наверху слева, из лесу, светло-серая лошадь вынесла всадника в шлемовидном уборе и алом плаще. Лошадь не испугалась бездны, лишь приподняла ногу в несделанном шаге, готовая, по воле всадника, и попытаться и перенестись.

Но всадник не смотрел на бездну перед лошадью. Растерянный, изумлённый, он смотрел туда, перед нами вдаль, где на всё верхнее пространство неба разлилось оранжево-золотистое сияние, исходящее то ли от Солнца, то ли от чего-то ещё чище Солнца, скрытого от нас за замком. Вырастая из уступчивой горы, сам в уступах и башенках, видимый и внизу сквозь клиновидную щель, и в разломе между скалами, папоротниками, деревьями, игловидно поднимаясь на всю высоту картины до небесного зенита, — не чётко-реальный, но как бы сотканный из облаков, чуть колышистый, смутный и всё же угадываемый в подробностях нездешнего совершенства, — стоял в ореоле невидимого сверх-Солнца сизый замок святого Грааля» (с. 356–357).

²⁴ Интересно, что М. Хайдеггер также усматривает в человеческом ответе на вызов бытия добровольность жертвы. В «Послесловии к “Что такое метафизика?”» он пишет: «Это мышление отвечает вызову бытия, когда человек передоверяет свое историческое существо той единственной необходимости, которая не понуждает вынуждением, но создает нужду, восполняемую свободой жертвы. Нужда в том, чтобы сохранялась истина бытия, что бы ни выпало на долю человеку и всему существу. Жертва есть изъятие из всякого принуждения, ибо поднимающееся из бездны свободы растрачивание человеческого существа на хранение истины бытия для сущего». И далее: «Жертва есть расставание с сущим для того, чтобы сохранить расположение бытия. Жертву, конечно, можно подготовить и обслужить делами и достижениями в круге сущего, но ее никогда невозможно таким путем совершить. Ее совершение коренится в неотступности, с какой каждый исторический человек, поступая, — и бытийное мышление есть поступок, — хранит достигнутое присутствие для сохранения достоинства бытия. Эта неотступность есть спокойная решимость, не дающая оспорить свою затаенную готовность к расставанию, какого требует существо всякой жертвы. Жертва таится под кровом события, каким выступает бытие, когда захватывает человека, требуя его для своей истины. Поэтому жертва не терпит никакого расчета, всякий раз пересчитывающего ее на какую-то пользу или бесполезность, все равно, низкие или высокие поставлены цели. Такой пересчет искажает существо жертвы. Одержимость целями спутывает ясность готовой к ужасу робости жертвенного дерзания, отважившейся на соседство с Нерушимым» (Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1990. С. 40). Здесь тот же пейзаж, что и разбираемый нами: расставание (т. е. лишение), поступок, свобода.

тия — пришла к нему» (с. 696). Узкая щель выводит на простор, а жизнь человека, решившегося на жертву, из ничтожного личного существования становится подлинным бытием в мире.

Пульс такого бытия — у-миро-творение, согласие, спокойная сопряженность с природой и вещами. Хранительницей тайны такого умиротворения оказывается именно природа, ее пытается передать в своих пейзажах Кондрашёв-Иванов: «Вот эта вода — она была и налита, и холодна, и глубока, и неподвижна — но всё это было ничто, если она не передавала высшего синтеза природы. Этого синтеза — понимания, успокоения, всесоединения — сам в себе, в своих крайних чувствах Кондрашёв никогда не находил, но знал и поклонялся ему в природе» (с. 353). Одаренные чуткостью к природным тайнам, герои несут в себе ее загадку и ее мир: так, Агния крепко связана с лесом, дворник Спиридон — с землей. Ощувив себя частью мира, герои приобщаются к этому таинственному покою: у Нержина во время прогулки «душа сливалась с покоем неба — даже вот такого мутного, зрелого снегом» (с. 357); Рубин, с головной болью идущий к фельдшеру, любителю ночными липами, вбирает в себя запах снега, отирает им лицо, набивает рот, так что «душа его приобщила к свежести мира» (с. 551). Такую же свежесть и силу чувствует в тюрьме Володин: «В человеке, не спавшем ночь, не евшем, с жизнью, переломленной в десяток часов, открывалось высшее проникновение, открывалось то второе дыхание, которое возвращает каменеющему телу атлета неутомимость и свежесть» (с. 722). Мы уже помним, как ожили и приобрели знаковую природу предметы, окружающие героев в момент совершения поступка. Теперь эта бытийственная причастность миру воспринимается всеми органами чувств оживающего тела. У человека словно открывается второе дыхание. Снег обретает запах, а вкус простейшей еды и питья оказывается почти таинством: «И вторую кружку, уже без сахара, но обострённо ощущая плохонький чайный аромат, Иннокентий с дрожью счастья втянул в себя. Мысли его просветлились до ясности, давно небывалой!» (с. 723). Сходным образом чувствует новизну мира и Нержин, сравнивающий лагерную скудную еду с причастием²⁵.

Эта сопряженность человека с миром, позволяющая найти в мире себя и занять именно свое место, благодарно (именно благодарность испытывает обретший мир человек; «Благословение тебе, тюрьма!» — признательно шепчет Нержин слова, которые произнес в «Архипелаге...» сам Солженицын) совпасть с даруемым простором, открывается через совесть, со-весть. Тема рождения, пробуждения совести — одна из центральных у Солженицына²⁶. Здесь интересно отметить ее непосредственную связь с темой обретения мира. Внутрен-

---

²⁵ «Вспомни ту реденькую полуводяную — без единой звёздочки жира! — ячневую или овсяную кашу! Разве её *ешь*? разве её *кушаешь*? — ею причащаешься! к ней со священным трепетом общаешься, как к той пране йогов! Ешь её медленно, ешь её с кончика деревянной ложки, ешь её, весь уходя в процесс еды, в думанье о еде, — и она нектаром расходится по твоему телу, ты содрогаясь от сладости, которая тебе открывается в этих разваренных крупинках и в мутной влаге, соединяющей их. И вот, по сути дела питаясь *ничем*, ты живёшь шесть месяцев и живёшь двенадцать! Разве с этим сравнится грубое пожирание отбивных котлет?» (с. 71).

²⁶ Наиболее подробный анализ этой темы см. в статье: *Clement O. Soljenitsyne ou L'instauration de la conscience // Soljenitsyne: Colloque de Cerisy. Paris, 1974. P. 269–308.*

ний кризис Иннокентия Володина, ставший этапом его движения к поступку, в какой-то момент прорезается светом новорожденной совести: «Раньше истина Иннокентия была, что жизнь даётся нам только раз. Теперь созревшим новым чувством он ощущал в себе и в мире новый закон: что и совесть тоже даётся нам только раз» (с. 461). В себе и в мире. В том размыкании кругов (о котором мы говорили выше), выводящем человека на разомкнутый простор бытия в мире, орудием размыкания является совесть. Такую же характеристику дает ей в «Бытии и времени» М. Хайдеггер: «Совесть размыкает и принадлежит тем самым к кругу экзистенциальных феноменов, конституирующих бытие вот как разомкнутость»²⁷. В. Биbihин, размышляя в «Мире» над этой тайной размыкания, впускаящей нас внутрь мира, вслед за П. Чаадаевым переходит от понятия «сознание жизни» к почти неожиданно, почти чудесным образом возникающему слову — совесть²⁸.

Впущенные совестью в мир, ставшие его частью герои Солженицына сами становятся миротворцами, несущими умиротворение. Нержин перед отправлением на этап мирит захлебнувшихся в злобе спора друзей — Рубина и Сологодина. Володин в камере мечтает о мире всего мира: «Всё сольётся... “Пройдёт вражда племён”. Исчезнут государственные границы, армии. Созовут мировой парламент» (с. 711–712). Вершиной эволюции Иннокентия, его про-зрения («вдруг будто снялась тонкая пелена с мозга» (с. 710)) уже как следствия совершенного поступка и обретения душевного мира становится его мирная устремленность к людям: «Не известных ни в лицо, ни по имени — сколько их было здесь, за кирпичными перегородками этого здания! И как обидно умереть, не обменявшись с ними умом и душой» (с. 710). Запертый в одиночках и боксах Володин пока что отгорожен от этих людей (чтобы в глаза другого арестанта не «черпнуть себе поддержки»). Он только готовится, вырывает к этому чуду любви: своим желанием, томлением, доверием, новой способностью видеть (он замечает стертые ступеньки Лубянки: сколько же прошло здесь людей!), уже рождающимся контактом с одним из надзирателей (у которого

²⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2006. С. 270. В феномене *воли иметь совесть* Хайдеггер видит «экзистентное избрание выбора быть самим собой», называемое *решимостью* и проявляемое способом бытия-в-мире.

²⁸ Цитируя отрывки и афоризмы П.Я. Чаадаева, В. Биbihин размышляет вместе с ним, диалогизируя своей мыслью с чаадаевской. Диалог отталкивается от чаадаевского тезиса: «Жизнь разумная прерывается всякий раз, как исчезает сознание жизни». Далее следует разговор — двухголосие (идет речь Чаадаева, а в скобках — реплики на нее Биbihина), как раз и приводящий к понятию совести: «Когда говорю сознание жизни, я не подразумеваю то идеологическое сознание, на которое опирается новая философия: простое чувство существования (имеется в виду декартовское “сознаю, следовательно, существую”. — В.Б.). Я понимаю под этим сознанием не только чувство жизни, но и отчетливость в ней. Это сознание есть власть, данная нам действовать в настоящую минуту на минуту будущую, устраивать, обдeldывать (имеется в виду не “обдeldывание делишек”, а работа с веществом жизни, как обдeldывание древесины, выдeldывание вещи. — В.Б.) жизнь нашу, а не просто предаваться ее течению, как делают скоты бессловесные (как так? Значит, “идеологическое сознание” пока еще не мешает быть “скотами бессловесными”, нужно какое-то другое сознание? Так найди же слово, хоть ты и пренебрегаешь терминологией, нельзя же одним и тем же словом называть противоположные вещи! И Чаадаев находит, вернее, в русском языке находится слово по его смыслу. — В.Б.). — Когда эта совесть, это сознание потеряно, то нет воскресения» (В. Биbihин. Мир. С. 88).

«всё-таки было что-то живое в этом мёртвом лице!» (с. 719)). Но этот шаг к другим остается за пределами рассматриваемого романа, посвященного обретению мира. Обретение любви Солженицын рисует через семантику света, но это центральная тема уже другой книги — «Ракового корпуса».

ЖЕРТВА И СВЕТ («Раковый корпус», 1968²⁹)

Предпоследняя глава «Ракового корпуса» посвящена тому, что мы только что разобрали, рождению мира, и носит характерное название: «Первый день творения». Бывший арестант, ссыльный Олег Костоготов, выздоравливая, выходит из ракового диспансера, куда умирающим попал месяц назад и из которого уже и не чаял выбраться живым. Как бы рожденный заново, герой вступает в восточный город, в свою собственную новую жизнь, как в первый день творения еще сияющего новизной мира. Но композиционно заканчивается роман не этой главой, она лишь подводит нас к финальному крещендо (финал «Ракового корпуса» — может быть, один из сильнейших в солженицынской прозе) последней главы: «И последний день».

В последний день Творения, как мы помним, был создан человек. Каким же образом совершается здесь это творение человека? Узнавший первозданную красоту мира, прикоснувшийся к ней, но уже и успевший совершить ряд ошибок и падений, герой мучается дилеммой: остаться ли с любимой или же уехать, потому что, пройдя курс гормонотерапии, сейчас он все равно не сможет стать ей мужем и дать ей счастье. Олег решает, что он не вправе обременять собой возлюбленную, он жертвует счастьем, пишет ей прощальное и пронзительное письмо любви и садится в поезд. «Только когда дрогнул и тронулся поезд — там, где сердце, или там, где душа, — где-то в главном месте груди — его схватило — и потянуло к оставляемому. И он перекрутился, навалился ничком на шинель, ткнулся лицом зажмуренным в угловатый мешок с буханками.

Поезд шёл — и сапоги Костоготова, как мёртвые, побалтывались над проходом носками вниз»³⁰. Такова финальная сцена повести. У оставляемой героини, врача Веры Корнильевны Гангарт, есть еще одно имя, безоговорочно принятое Олегом: Вега. Звезда. И рождение любви описано в оптике света.

Раковый корпус — еще одна разновидность адской действительности, еще один из кругов ада, подобно лагерю или тюрьме. Как и там, люди здесь подвергаются встречей со злом (здесь выступающим в форме болезни) и нависшей над ними смертью. Как и там, люди в раковом корпусе атомизированы. В лагере их разделяли страх и стукачество, здесь — озабоченность каждого своей собственной болезнью, застилающей взгляд на чужие страдания. Однако если, по мнению

---

²⁹ Работа над повестью велась в 1963–1966 гг. В 1968 г. повесть была опубликована на Западе, сразу в нескольких «тамиздатовских» издательствах.

³⁰ *Солженицын А.И.* Раковый корпус. М.: АСТ, 2003. С. 506. Все дальнейшие цитаты из этого произведения даны по этому изданию, с указанием в скобках номера страницы.

А.Ф. Лосева, Солженицын — гениальный изобразитель социальных страстей³¹ этого разорванного общества запертых в свои индивидуальности людей, не менее гениален он, на наш взгляд, и в изображении прорывов этих замыканий, в изображении робких попыток исцелить социальные страсти. В мертвом правлении тоталитаризма, болезни, смерти, отчуждения человека от человека Солженицын как чудо рисует возводимые между людьми мосты: взгляд (всегда описанный емко и поэтически), ниточку, протянутую от человека к человеку. Фактически в каждом своем произведении Солженицын рисует эту новую, перечеркивающую небытие социальность, побеждающую принцип, взятый на вооружение тоталитаризмом: «разделяй и властвуй».

В палате ракового корпуса тоже начинают протягиваться эти ниточки человеческих связей. На фоне равнодушия или антагонизма (Костоготов — Русанов) начинают появляться робкие побегии внимания друг к другу, способность слушать и делиться, происходят встречи, высвечивающие судьбы. Именно высвечивание и становится главным моментом, признаком подлинности состоявшегося события встречи. Один из персонажей повести, Шулубин, называет нравственными ценности, «направленные на взаимное осветление человеческих душ» (с. 364). В больничной палате, где собраны разные люди, с разным нравственным уровнем, их человеческое присутствие друг для друга особенно ощутимо. Именно возможность осветления душ как результат человеческого присутствия и является сюжетообразующим стержнем книги.

Прежде чем вернуться к основному сюжету о прозрении/исцелении Олега Костоготова, обратимся к двум другим героям, в чьих судьбах вырисовывается горизонт возможностей такого осветления. Павел Николаевич Русанов — один из самых неприятных образов «Ракового корпуса». Связанный с «органами» сотрудник, заведующий на предприятии анкетным хозяйством и посадивший за решетку немало людей, причем часть из них по мотивам личной мести или корысти, попав в больницу с опухолью шеи, постоянно обманывает себя, уходя от реальности в пучину страха, попыток ложного самоуспокоения и недовольства другими. Именно он первым сталкивается со светом — сначала с внешним светом больничных ламп, воспринимаемым как угроза и давление: «Даже через полотенце ощущался этот свет» (с. 23). Именно попыткой, не спросив других, выключить свет и обусловлено первое столкновение Русанова с соседями по палате. С темой ложного света как напыщенного фальшивого блеска идеологии связан образ дочери Русанова (которой тот очень гордится). Авиета приносит отцу книги с характерными названиями: «У нас уже утро», «Свет над землей» и т. д. Этот вторичный свет идеологии (с кроваво-багряным оттенком) отражен и в портрете самой Авиеты: «Вся спина её, выгнутая прочным мостом, крепко обтянутая неразношенным свитером, была равномерно густо-бордовая, и только одно плечо, на которое падал вторичный солнечный зайчик, отблеск открытого где-то окна, — плечо было сочно-багряное» (с. 275). Однако игра света и тьмы, их перетягивание, —

---

³¹ Слова А.Ф. Лосева («Солженицын гениально изображает страсти социальные») записал в своем дневнике Владимир Биbihин (запись от 30 сентября 1971 г.). См.: *Биbihин В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М., 2004. С. 114.

чья возьмет? — наполняющие собой повесть, не обходят и Русанова. Ему снится сон о длинной, бесконечной трубе, по которой он ползет, пытаясь выбраться из ее тоннеля к свету. До просветляющего финала сон так и не доходит. Однако и Русанов знает моменты просветления. В минуту плача, пусть даже вызванного жалостью к себе, он вдруг понимает, что «слёзы, оказывается, помогают. Они не отодвигали от него ни одной из опасностей и бед — ни раковой смерти, ни судебного разбора старых дел, ни предстоящего укола и нового бреда, и всё же они как будто поднимали его на какую-то ступеньку от этих опасностей. Ему будто светлей становилось» (с. 250). На этом апогее своей просветленности Русанов совершает то, что, с его точки зрения, является поступком: не доносит на Костоглотова, заявившего при нем главврачу, что он целинник (а не ссыльный). Русанов вдруг впервые видит в своем больничном противнике не просто помеху своему существованию, а Другого: «...в конце концов, взрослый человек, имеет свою судьбу, может не очень счастливую, и пусть живёт как хочет» (с. 251). Не так уж и мало.

Еще один интересный пример возможности про-светления — Ефрем Поддубев. Умиравший от рака горла Ефрем, бывший беззаботный работяга и охранник, легко бросивший женщин и пользовавшийся жизнью в свое удовольствие, испытывает перед смертью покаянное изменение ума, метанойю. Начинается оно с книги рассказов Л. Толстого, данной ему Костоглотовым. Сначала Ефрем просто просматривает названия, среди которых — «Ходите в свете, пока есть свет». Затем читает «Чем люди живы?», задает этот вопрос соседям по палате, сам думает над ним. Работа покаяния движется медленно: от начальной темноты («День наружный был без просвета» (с. 102)) к постепенному просветлению («Зажгли прежде времени свет» (с. 104)); наконец Ефрем начинает видеть лица брошенных им женщин и тех эзков, которых он принуждал работать в крошечную непогоду и на исходе сил. Он прозревает.

Однако вернемся к главному герою и истории его исцеления. Олег Костоглотов — отнюдь не бывший сексот или охранник, которому требуется долгий путь покаяния. С точки зрения суда совести история его жизни безупречна: прошедший через войну и лагерь, никого не предавший, он научен «мудрости жизненных жертв — уменью всё страхнуть с себя, кроме главного» (с. 145). Именно он встречается с Вегой, с женщиной-звездой, излучающей свет. Светоносные женские образы неоднократно появляются на страницах прозы Солженицына — женщины, никому не достающиеся, как маяки, светящие мужчинам. В романе «В круге первом» такой фигурой была Агния, имя которой связано с огнем. Здесь Вега, звезда. «Такое светящееся лицо. С ней так приятно разговаривать. Но ведь никогда невозможно будет её поцеловать. И когда он вернётся в свою глушь, ему даже поверить будет нельзя, что он сидел рядом вплоть вот с такой светящейся женщиной...» (с. 224). Самое главное в ней — это глаза: «Что было в этих глазах? Неторопливость. Внимание. Первая непроверенная тревога. Глаза врача. Но помимо этого всего они были светло-кофейные. Если на стакан кофе налить молока пальца два. Впрочем, давно Олег кофе не пил, цвета не помнил, а вот — дружеские! очень старо-дружеские глаза!» (с. 314). Светоносность этой женщины свя-

зана с верностью, с «незащищённой светлостью ещё ничего не выдавших глаз» (с. 329) ее жениха, семнадцатилетнего мальчишки, убитого на войне. Четырнадцать лет, дважды по семь, библейский срок, она старалась не разменивать этот скапливающийся в ней свет. Но теперь чувствует, что звезда ее «светит, ещё в полную силу светит, но никому её свет уже не виден и не нужен» (с. 330). Кто-то должен войти в этот свет, вобрать его в себя.

Возможность про-светления главного героя, его встречи со светом, изначально обусловлена его поиском цельности, связанным с чувством ущербности. Это чувство ущербности расположено в сфере мужского/женского: в лагере Костоготов долго был лишен женского общества, в ссылке мечтал жениться и даже примеривался с этим намерением к нескольким избранницам, но все время получалось что-то не то. Потом его скрутила болезнь, в раковый корпус он приехал умирать, но выжил. Однако выздоровление его омрачено тем, какую цену ему приходится за него платить: последствия гормонотерапии должны сказаться на его мужских способностях, так что мечты о женитьбе, похоже, придется оставить. Горизонт искомой цельности, таким образом, сразу очерчен не только бинарной оппозицией мужского/женского, но и духа/плоти, души/тела. Возвращение к жизни, параллельное весеннему возрождению природы, проходит на фоне обостряющейся чувственности, потребности в женской ласке и все растущей уверенности в неисполнимости задуманного.

Как в такой ситуации происходит движение героя к свету, совпадающее с движением к цельности? Здесь стоит еще раз обратить внимание на природный фон повести: движение мира к весне рисуется в противоборствующей смене картин света и тьмы — то прилива света от разгорающегося и начинающего припекать солнца, то сдачи позиций полумраку пасмурного неба, то возвращения к прорывающемуся весеннему солнцу. Это качание светового маятника ощутимо на всем продолжении повести.

Первой попыткой преодоления ущербности как разрыва цельности оказывается встреча Олега с Зоей. Зоя — жизнь. Милая, налитая жизнью девушка, медсестра с пышными формами и золотистой челкой, похожая на пчелку. Роман Олега с ней — это игра, математически выверенная шахматная партия с заранее продуманными ходами. Это возвращение из умирания к жизни через пробуждение желаний. Работа про-зрения начинается уже на этом уровне, ведь это прозрение в жизнь, перечеркивающее небытие. Именно перед встречей с Зоей (встречей как событием) слышит Костоготов «ту мелодию (Олег истолковывал её так), где герой, то ли вернувшись к жизни, то ли быв слепым и вот прозревающий, — как будто нащупывает, скользит рукою по предметам или по дорогому лицу — ощупывает и боится верить своему счастью: что предметы эти вправду есть, что глаза его начинают видеть» (с. 150). Именно так, на ощупь — глазами, руками, губами, — прикасается Олег к первозданной жизни. Радость узнавания прочерчена вспышками света: светом вечеряющего солнца, золотистых Зоиних волос, ее губ «цвета светлого огня» (с. 167): «Что-то было даже в свечении голубой скатерти — этой узбекской невычерпаемой голубизны, вспыхнувшей от солнца, — что продолжало в нём вчерашнюю мелодию узнавания, прозревания» (с. 168). Однако

горизонт такого прозрения оказывается сразу четко очерченным: первозданная жизнь животна («А к зоо? К зоо-предкам вы не чувствуете иногда своей близости?» (с. 168), — спрашивает Олег Зою; и в финальных главах путь героя через город/новорожденный мир не минует зоопарка), она заставляет бурлить кровь, но это бурление страсти: «Все страсти жизни возвращались в выздоравливающее тело! Все!» (с. 168). Она не приносит облегчения: в момент накала звучит фальшивая нота (движение бедрами под музыку из индийского фильма, напоминающего Олегу об урках, от которых он получил шрам), гасящая световую вспышку: «Он уже не возвратился к прежнему светлому выражению, и уже жёлтое солнце не теплило его, и видно было, как же он всё-таки болен» (с. 169).

Дальнейший путь к прозрению вступает уже в пространство дилеммы: душа и тело, — на первых порах вроде бы не только не ведущей к цельности, но уводящей от нее в усугубление разрыва, в четкое осознание героем своей ущербности. Если тело и пробуждение телесных желаний связано с жизнью, Зоей, то душевные устремления героя, его внутренний поиск обусловлены Вегой, звездой. Общение с ней проходит под знаком узнавания и возвращения к себе, но к себе подлинному. Новорожденное «я» этой подлинности даруется как возвращение в детство, как соединение с тем лучшим, что было в Олеге-ребенке. Апогеем такого общения-узнавания героя с Вегой является сцена переливания крови. Сцена дана в световом обрамлении, и перемены светового ландшафта постоянно фиксируются автором (так же как при описании встречи с Зоей). Начинается сцена с сидения Костоглотова на «солнечном пригреве» на больничном дворе: Олег словно вбирает в себя солнечный свет, его тепло, когда его окликает нянечка. На ее оклик «Костоглов поднял голову и, против солнца переморщив лицо, разглядывал её с искажающим прищуром» (с. 309). Это прелюдия. В перевязочной, где происходит действие сцены, свидетелем и участником общения Веги и Олега становится световое пятно на потолке. Именно оно предшествует появлению Веги: «Солнце уже завернуло на сторону перевязочной. Прямо сюда оно не попадало, но два окна светились ярко, а ещё часть потолка была занята большим световым пятном, отразившимся от чего-то. Было очень светло, и к тому же чисто, тихо» (с. 313). Именно на этом фоне, тоже световым явлением, появляется Вега: «Она вступила в его поле зрения» (с. 313). Затем, по мере того как разговор набирает ход, пятно света становится «праздничным» (с. 317). Общение словами усугубляется диалогом глаз, которые «как будто теряют защитную цветную оболочку и всю правду выбрызгивают без слов, не могут её удержать» (с. 318). В момент обостренно поднятого вопроса, вызванного этой выплеснувшейся правдой, вопроса о неумолимой и уже неминуемой дихотомии души и тела, о возможности союза только душ, о возможности победы над плотью и ее желаниями, в этот момент пятно становится «мерцающим слабо-солнечным» (с. 319). И даже болезненно-живым: «А это пятно на потолке — оно почему-то иногда вздрагивало: пожималось краями, что ли, или какая-то морщина переходила по нему, будто оно тоже думало и не понимало. И становилось неподвижным опять» (с. 320). И вот тут, рядом с этим болезненно корчащимся пятном света, и совершается толчок к перемене. Вопрос Веги, измученный, почти крик души, потому что в нем все выстраданное ею до

сих пор, вся ее верность, вся ее жертва предыдущих лет, о том, что если только по плоти думать и решать, то «среди кого ж тогда жить? Зачем?..» (с. 320). Этим криком-вопросом она как будто толкнула Олега «из всех силёнок, чтоб он долетел, косный, тяжёлый, — куда одно спасенье было долететь» (с. 321). После такого полета «по сумасшедшей параболе» попадает Олег Костоглотов «в страну детства!» (с. 321). Событие встречи становится событием узнавания: он вспоминает, как сам мальчиком думал точно так же, он возвращается к себе. И тогда открывает себя тайна светового пятна и называется тот самый праздник, о котором нас уже предупреждали: «Странное бледно-солнечное пятно на потолке вдруг зарыбило, где-то сверкнуло ярко-серебряными точками, и они побежали. И по этой бегущей рыби, по крохотным волнышкам понял наконец Олег, что загадочная возвышенная туманность на потолке была просто отблеском лужи, не высохшей за окном у забора. Преображением простой лужи» (с. 322). Преображающийся герой начинает видеть свою вину («Ему приятно, даже сладко было перед ней виниться» (с. 322)), в сияющем лице Веры-Веги он узнает наконец и ее саму, сквозь круг самоузнавания начинает пробиваться новая, детская способность — видеть Другого: «Да это была девочка его детства, школьная подруга, как же он не узнал её!» (с. 322).

Главным в этом новорожденном видении друг друга и себя через другого (ему противоположно видение только себя, образом которого является зеркало: именно отражение в зеркале становится препятствием на пути героя к Веге в предпоследней главе) является само чувство присутствия: «...присутствие Веги делало весь раковый корпус интересным, цветным» (с. 407). В Костоглотове «возникло и присутствовало какое-то внутреннее напряжение, но не утомляющее, а — радостное. Он даже точно ощущал, в каком месте это напряжение: в передней части груди, под костями. Напряжение это слегка распирало — как горячеватый воздух; ныло приятно; и, пожалуй, звучало — только не звуками земли, не теми, которые воспринимает ухо» (с. 406). Это рождение души соотносимо с происходящим в финальной сцене (даже то же место в груди уже названо), но здесь оно еще не окончательно, это не конец процесса, а его начало, проходящее под знаком надежды («Это чувство в груди одно и осталось надеждой...») (с. 407)).

Надежда начинает приносить свои плоды в картине сотворения мира, его повторного чудесного творения для выздоравливающего. Олег идет по молодому, для него зеленеющему, облитому утренним солнцем миру. Он видит искомое чудо цветущего урюка, он и сам чувствует себя новым и безгрешным: в этом райском мире его ждет впереди только добро, он уже не будет больше ошибаться. Однако райская безгрешность быстро сменяется сценами грехопадения, обусловленными все той же дихотомией души и тела, духа и плоти. Душа хочет безгрешности в новорожденном мире, тело тянет вниз и обуславливает одно падение за другим: палочка шашлыка за невиданную цену, вино, от которого тяжелеет голова, универмаг, похожий на капище, где он в зеркале видит себя, отяжелевшего и неприглядного, недостойного Веги. И хотя невозможность идти к Зое принимается сразу, возможность идти к Веге становится мучительным вопросом. Но вот в зоопарке, после рядов клеток со зверями, каждый из которых становится знаком и напоминанием ему о чем-то важном, он видит антилопу Нильгау, это «чудо духовности»

(с. 481) с печальными глазами Веги, с молчаливым упреком ему. И тогда, оставив все сомнения, он бросается к ней. Его чувство к ней уже прошло очищение («Он не мог сейчас думать о ней ни с жадностью, ни с яростью...» (с. 482)), поток его мыслей сосредоточен уже не столько на нем самом, сколько на ней: а она выдержит ли этот союз душ при невозможности союза тел — она, и без того столько перенесшая? Волнуясь, как мальчик, купив по дороге букетики фиалок, он идет к ней с замирающей нежностью и натывается на: сохнувшее постельное белье, выпирающий из квартиры мотоцикл, враждебно настроенную соседку по коммуналке. И на то, что ее, Веги, нет дома. Тянущая вниз плоть, словно вобравшая в себя и это сохнувшее белье, и тяжелый мотоцикл, и враждебность окружающего мира к юному чувству, эта плоть становится уже не только весомой, но непреодолимой. Олег покорно и горестно признает ее права и решается на жертву счастьем.

В чем смысл этой жертвы и как герой проявляется в ней? В прощальном письме названо то, что разлучает любящих друг друга героев, что возникло бы между ними, если бы Олег сделал иной выбор: «Вы, я, и между нами это — какой-то серый, дохлый, но всё растущий змей» (с. 302). Картина библейского пейзажа ощутимо узнаваема: райский мир первого дня творения, мужчина и женщина, и — разрушающий безмятежность райского жития змей. Проблема познания добра и зла наготове и в солженицынском мире: образом беспримесного, внешне ничем не обусловленного (просто так, ни за что) зла становится ослепление человеком обезьяны, столь поразившее Олега в зоопарке. Ощутимость змея связана с темными притязаниями непобежденной чувственности, непретворенной плоти: попытка ее обойти или замолчать только сильнее подчеркнет ущербность лишённого целостности человека. Герой признает свое поражение: «...я открою вам: и тогда, когда мы говорили о самом духовном, и я честно тоже так думал и верил, мне всё время, всё время хотелось — вскинуть вас на руки и в губы целовать!» (с. 503). Горестное признание собственного бессилия и поражения духа перед плотью парадоксальным образом становится актом рождения побеждающего духа (вспоминается победивший змея Георгий Победоносец): изливанием той подлинной, уже ни от чего ни зависящей и ничему не подвластной любви, которая и есть свет, сама сущность света. Свидетельством такой любви и становится прощальное письмо: любовь сквозит в самом его тоне, в каждой фразе, в обращении, наконец-то прорвавшемся (милая Вега). Но главное в том, что речь здесь ни в коей мере уже не идет об авторе письма, об Олеге Костоглотове, его судьба отступает на второй план, на первый выходит адресат. Именно о ней он думает, именно за нее боится перед лицом этого угрожающего им обоим змея. Именно ее жертвы не хочет, стараясь предупредить ее своею: «Вы полжизни своей закололи, как ягнёнка, — пощадите вторую!» (с. 502).

Механизм светоносного действия жертвы как уничтожения себя ради свободного разлива света описан в «Раковом корпусе» на примере другого героя, старого мудрого доктора Орещенкова. В его взгляде всегда заметен «как бы постоянный присвет отречённости» (с. 400), появившийся после смерти жены. Это отречение от себя, от затемняющей тяжести собственного «я», и дает светиться той светоносной сердцевине, составляющей самую сущность человека, тому образу Совер-

шенства, который, как мы помним, подобен сияющему Граалю. Человек становится прозрачным, он уже не мешает свету. Вот как происходит это с доктором Орещенковым: «Его внутреннее состояние как будто требовало омыться, опрозрачить. В такие минуты весь смысл существования — его самого за долгое прошлое и за короткое будущее, и его покойной жены, и его молоденькой внучки, и всех вообще людей, — представлялся ему не в их главной деятельности, которую они постоянно только и занимались, в ней полагали весь интерес и ею были известны людям. А в том, насколько удавалось им сохранить неомутнённым, непродрогнувшим, неискажённым — изображение вечности, зароненное каждому. Как серебряный месяц в спокойном пруду» (с. 406). Образ спокойной воды, появляющийся в конце этого описания, весьма характерен для солженицынского творчества, знаменует собой саму возможность встречи земного с небесным, их гармонического «всесоединения»³².

Так главный герой повести через жертву становится причастен свету. Напомним, что в евангельском рассказе следует за сценой Преображения: спустившийся с горы Господь исцеляет бесноватого, которого без Него не смогли исцелить Его ученики (Мф. 17: 14–21; Мк. 9: 14–29; Лк. 9: 37–43). Только теперь повесть подходит вплотную к своему финалу, заострившему тему исцеления как обретения искомой цельности. Только теперь речь уже идет полным голосом не о болезни и здоровье, а о признанной, в жертве смиренно явленной неизлечимой ущербности человека и о его, человека, исцелении. «Бесноватый» появляется сразу после написания Олегом письма, появляется у вагона поезда. Слово «бесноватый», без кавычек, повторяется несколько раз, словно набирая скорость, как чуть позже будет ее набирать поезд («Скорость, близкая к свету» — так называется одна из глав, в ней тоже появляется «бес»: «Этот бес — неутолимая жажда времени...» (с. 241)). Бесноватым притворяется человек, пытающийся таким притворством без очереди занять место в поезде. Олег «исцеляет» его узнаванием («Э-э-эй! Я тоже — оттуда!» (с. 504)). Однако исцеление притворного бесноватого оказывается неполным (тот покорно пропускает Олега вперед себя, но вслед за ним все же просачивается в поезд), как неполна болезнь сидящего в поезде хромого: «...всполошился какой-то хромым, но здоровый» (с. 505). Полное исцеление происходит уже после того, как начинает набирать скорость поезд, и исцеленным оказывается главный герой, Олег Костоглотов. Последствием жертвы, болью разрыва, тянет Олега к оставляемому, через эту боль что-то уже неотменяемо и неотторжимо восстанавливается в нем «там, где сердце, или там, где душа, — где-то в главном месте груди» (с. 506). Боль окончательного исцеления судорогой сводит тело, заставляя героя перекрутиться, навалиться ничком, уткнуться зажмуренным лицом в угловатый свой мешок, — именно висящими, как мертвые, сапогами этого словно прошедшего через смерть тела и заканчивается повесть, отсылая своим концом к евангельской картине исцеления: «Иисус, видя, что сбегается народ, за-

³² См. приведенную выше цитату с описанием неподвижной воды на пейзаже шарашечного художника Кондрашёва-Иванова в романе «В круге первом» (с. 353). См. также водные образы в солженицынских «Крохотках», в частности «Озеро Сегден» и «Отраженье в воде» (*Солженицын А. Рассказы и крохотки*. М.: АСТ: Астрель, 2006. С. 237–238, 241).

претил духу нечистому, сказав ему: дух немой и глухой! Я повелеваю тебе, выйди из него и впредь не входи в него. И, вскрикнув и сильно сотрясши его, вышел; и он сделался, как мертвый, так что многие говорили, что он умер. Но Иисус, взяв его за руку, поднял его; и он встал» (Мк. 9: 25–27).

ЖЕРТВА КАК ПУТЬ ТЕОЗИСА («Красное Колесо», 1991³³)

Анализируя «В круге первом» и «Раковый корпус», мы проследили, как добровольная жертва может стать шагом к обретению внутреннего мира и шагом к свету. Оба произведения уже затрагивают сферу богословия, но очень ненавязчиво, словно стараясь не отпугнуть тех, кому она чужда. Вершина творчества Солженицына, эпопея «Красное Колесо», все так же чуждаясь религиозной лексики (а значит, и не профанируя ее), вклинивается в самую сердцевину богословской мысли и святоотеческого предания: в проблему теозиса, «обожения» человека. Повествование о русской революции, об общероссийской катастрофе, ее начале и постепенном разворачивании, о том, как, отчего и почему все обрушилось к состоянию адской реальности «Архипелага ГУЛАГа», — странным образом переплетается с самой труднодоступной, ускользающей, с трудом поддающейся разуму мыслью о восхождении человеческого духа: о том, что Бог стал человеком, чтобы человек мог стать богом. Этот путь теозиса³⁴ мы попробуем проследить на примере двух героев «Красного Колеса»: генерала Самсонова и царя Николая Второго.

Н.А. Струве в статье «Спор об “Августе Четырнадцатого”» заметил: «Вслед за Достоевским Солженицын не побоялся вписать образ Христа в героя романа, к тому же в судьбу русского генерала»³⁵. Бросается в глаза это выражение: «не побоялся». Внутренне мы с ним сразу как-то соглашаемся: авторский замысел и вправду отдает напряженностью дерзновения, нотой бесстрашия. С чем это связано? Конечно, не только с «соперничеством» с Достоевским: речь идет не о страхе вступить в русскую классику. Скорее о том же замирании души, какое испытывал Александр Блок, разглядевший Христа в том, Кто идет впереди «двенадцати». В этом скрещивании двух бездн — верхней и нижней — действительно есть что-то пугающее. Бушующая бездна революции как некий оползень, уносящий с со-

---

³³ Основная работа над текстом десятитомной эпопеи «Красное Колесо», замысел которой А.И. Солженицын вынашивал с юности, была завершена автором в 1989 г. В 1991 г. читатель смог познакомиться с полной версией произведения: в 19-м и 20-м томах двадцатитомного собрания сочинений А.И. Солженицына (Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1991) был опубликован «Апрель Семнадцатого». Предваряющие тома «Август Четырнадцатого» и «Октябрь Шестнадцатого» были опубликованы в том же собрании сочинений в 1983–1984 гг. Однако и после возвращения в Россию в 1994-м писатель продолжает вносить поправки и изменения в текст эпопеи.

³⁴ Сам термин «теозис», обожение, связан со святоотеческой мыслью о том, что Бог во Христе стал человеком для того, чтобы человек смог стать богом. Подробнее см., напр., в: *Диоклетиан Каллист (Уэр)*, еп. Православная церковь. М., 1997. С. 239; *Евдокимов П.* Православие. М., 2002. С. 91.

³⁵ *Струве Н.* Православие и культура. М., 2000. С. 485.

бой все в низину низин, в жестокость существования расчеловеченного человека. И вершина существования — теозис, Христос, вписанный в обычного человека (или же, как у Блока, шествующий впереди, словно прокладывая путь). И все же выражение «не побоялся» в процитированной мысли Н. Струве связано скорее с другим. У Александра Солженицына парадокс заострен еще сильнее, до предела: смыкание горнего с дольным, сошествие небес в эту нижнюю бездну затрагивает не просто обычного, рядового человека, но — самого виноватого. Христос оказывается вписанным не просто в страдающего человека, щепку мировой истории, и даже не в борца со злом, не в героя и рыцаря. Нет, Его облик прорисовывается в чертах генерала гибнущей армии, сознающего себя ответственным за ее гибель (и именно эта гибель и станет, по Солженицыну, началом оползня, первым звеном в цепочке российских катастроф). Помимо генерала, Он оказывается вписан еще и в последнего царя, того самого, который неумелостью своего правления и довел Россию до революции, а своим отречением от престола способствовал дальнейшему разворачиванию катастрофы.

Вглядимся в образ генерала Самсонова. Первое, на что мы наталкиваемся в нашем читательском знакомстве с командующим Второй армией, — это его неспособность поспеть за событиями: «Непосильно стало управиться ни в будни, ни по воскресеньям, и перепутался даже самый счёт дней, вчера только к вечеру он вспомнил, что прошло воскресенье. Что ни ночь — бессонно ожидал он опаздывающих распоряжений штаба фронта и посылал свои приказания в неурочные часы. И стоял в голове постоянный шумок, мешавший соображать»³⁶. Здесь обращают на себя внимание два момента. Первый — это ускорившийся ход событий, за которым невозможно поспеть: набирающее скорость Красное Колесо катится как бы само собой, хотя и не без участия людей, но как-то почти всегда помимо их воли, вроде бы тянущейся к добру и благу, вроде бы не делающей сознательный выбор в пользу зла. Второй момент — это осознаваемая неспособность понять происходящее, почти физически ощущаемая преграда для мысли и зрения, «шумок» в голове, туман перед глазами, неспособность видеть, пелена, прорвать которую не представляется возможным, несмотря на искреннее желание прорваться к правде и даже — несмотря на молитву о таком прорыве. Причина и характер такой слепоты могли бы стать отдельной темой для мысли, отдельным вопросом, но дело сейчас не в этом. И Самсонов, и царь даны нам с этой слепотой — как бы с неким врожденным дефектом, от которого оба пытаются избавиться на протяжении всего повествования, сначала безуспешно, сначала погрязая в этом пороке (или все той же человеческой ущербности, как та, что была нам явлена в «Раковом корпусе?»), который оказывается для них замкнутым кругом: порожденные слепотой ошибки лишь все больше и больше увеличивают слепоту, а значит, влекут за собой все новые и новые ошибки. Так, генерал Самсонов все снова и снова делает это усилие прозрения, внутреннее движение к нему, и все четче и четче видит — лишь собственную слепоту. Ощущая свое теперешнее, сейчас развора-

³⁶ *Солженицын А.И.* Красное Колесо: В 10 т. М.: Военное издательство, 1993. Т. 1. С. 84. Все дальнейшие цитаты из «Красного Колеса» даются по этому изданию, в скобках указываются том и страница.

чивающееся время как пик, как «die höchste Zeit»³⁷, «только не понимал он, где этот пик торчит, и в какую сторону толчок надо делать. Не мог он ясно охватить всё положение армии и указать решительное действие» (т. 1, с. 319). Этот же паралич зрения осознает в себе и Николай Второй. Нерешительный от природы, он каждый раз мучительно взвешивает каждое решение, каждый вынужденный выбор, всем своим существом стремясь к добру и благу для России, стараясь угадать волю Божию относительно каждой ситуации и опять не угадывая, не видя, совершает ошибку за ошибкой: «Иногда, скальвая лёд в саду Зимнего, или во время верховых прогулок под Царским, Николай так напрягался умственно, сопоставляя противоречивые мнения собеседников и подчинённых, что передайся его напряжение в лом — тот бы заплясал как бешеный, а пройди и отзовись его усилие в лошади — она бы захрапела, понесла» (т. 2, с. 374). Величина такого усилия пропорциональна только его тщетности.

Когда же эта воля к обретению зрения перестает быть тщетной? Тогда же, когда перестает быть тщетной воля к исцелению: в момент смиренного признания своей ущербности и неисцеленности. Человек при этом как будто «ставит на себе крест» — мы обозначаем привычно такой фразой человека, махнувшего на себя рукой, признавшегося в своей окончательной несостоятельности. Этот крест означает, что все пропало, все рухнуло на самое дно, в низину низин, на которую мы с этого поставленного на себе креста перестаем смотреть свысока, сверху вниз. Мы уже не на высоте: в эту низину низин мы спускаемся сами. И неожиданно оказывается, что только здесь, только в этом завершающемся спуске, мы вдруг начинаем догонять события, которые шли помимо нас, которые давно уже, минуя нас, скатывались колесом в эту самую яму. Такой спуск начинает генерал Самсонов: «...какой-то пласт его души с какого-то пласта как будто сшибся и стал помаленьку, медленно-медленно сползать» (т. 1, с. 320)³⁸. Именно с этого момента, с этой ямы, и начинает вписываться в русского неудачливого генерала вечный Христос. Самсонов слышит после молитвы пророческий голос: «Ты — успишь...» Он пытается понять смысл, вступить с голосом в диалог: «Уже светло было в комнате, при незадёрнутом окне. И от света сразу прояснился смысл: успишь — это от Успения, это значит: умрёшь. Прилил холодный пот наяву» (т. 1, с. 326). Этот завершающий молитву холодный пот уже подобен кровавому поту Христа после Гефсиманского моления. Этот пот приносит с собой бесстрашие («Солдаты уже

---

³⁷ «Сквозь пелену и погуживание, мешавшие Самсонову соображать все эти дни, а сегодня особенно, вдруг прорвалось и выплыло не нужное что-нибудь, а — гимназическое, из немецкой хрестоматии, фраза одна: “Es war die höchste Zeit sich zu retten”».

Статья была о Наполеоне в горящей Москве, но ничего из нее не запомнилось, а эта фраза всегда была в памяти из-за странного сочетания “die höchste Zeit” — высшее время. Будто время могло быть пиком, и на этом пике миг один, чтобы спастись» (т. 1, с. 319). Немецкая фраза переводится в примечании: «Было крайнее время спастись». Солженицын обыгрывает буквальное значение немецкого выражения; в более точном переводе — «самое время».

³⁸ Ср. ощущение Николая Второго при известии о том, что царское селенье перешел на сторону восставших: «Сердце Государя обронулось во мрак. Затмился свет, рухнула опора, державшая эти дни. Он выслушивал со спокойным выражением, но внутри его заваривалось отчаяние. Только он не имел права и вольности выказать это видом и словами» (т. 6, с. 384).

умирали — а командующий боялся» (с. 326)), бодрость, ясность и освобождение. Самсонов, переброшенный на этот фронт с другого, сразу не одобрявший неудачного плана кампании, но вынужденный ему подчиняться, перестает отстаивать свою правоту и тем самым растрачивать силы на мелкие дразги и переключивание вины. Начиная видеть свою вину в общей совокупности вин, он перестает судить других, очищая этим зрение и переводя его на главное. Обращение внимания внутрь себя подготовлено еще и тем, что его, генерала Самсонова, личная судьба в этом оползне в самый низ катастрофы оказывается спаянной, сплетенной с судьбой России, его собственная гибель, гибель его армии становятся частью ее гибели: «День Нерукотворного Образа идёт вослед за днём Успения. Эту полночь — с Успения Божьей Матери на Христов Нерукотворный Образ, генерал Самсонов нынче проводил в седле, отступая. До последней минуты исчерпался, минул, канул день Успения — и не протянула Божья Матерь своей сострадательной руки к русской армии. И уже мало было похоже, что протянет Христос. Как будто и Христос и Божья Матерь отказались от России» (т. 1, с. 417).

И вот с этой разделенности общего жребия в богооставленности начинается путь жертвы как предельного отречения от себя, от всех одежд своего звания, положения, характера, начинается кеносис, постепенное и необратимое опустошение, умаление бывшего генерала, бывшего главнокомандующего, бывшего добродушного, любившего неторопливость и стремившегося к добру человека. И именно такой кеносис переходит в теозис: рождающийся в Самсонове на наших глазах Христос Своим Рождеством уже перечеркивает, отменяет и наше знание о богооставленности России. Самсонов, прошедший и через свой «вход в Иерусалим» — праздничное прощание с войсками, обдавание их своими лучами, — прошедший и через предельное одиночество, и через позорное положение «тележного ездока» (т. 1, с. 448), которого как будто везут на казнь, сбрасывает с себя, одну за другой, все тяжести своего «я», возвращаясь к тому ребенку в себе, который был им уже почти забыт. В этом труде кеносиса он становится «агнцем семипудовым» (т. 1, с. 423), добровольно отдающим себя на заклятие за всех тех, кто с ним связан общим облаком вины, за невинно убитых, за всех тех, кто еще будет убит, за Россию, за жизнь мира. На пределе умаления, перед самым выстрелом, который должен зачеркнуть его неудавшуюся, виноватую, искупаемую жизнь, он видит звездочку: «Опустясь на колени, на тёплые иглы, не зная востока — он молился на эту звездочку» (т. 1, с. 455). Так кончается жизнь генерала Самсонова — сияющей звездой Рождества.

В рассказе о теозисе царя интересна его неожиданность: автор как будто бы сам не ожидал такого поворота событий, как будто сам захвачен им врасплох. Увлеченный личностью П.А. Столыпина и его идеями, Солженицын с болью рисует, как царь предаёт своего умнейшего министра, как даже не подходит к постели умирающего, чтобы получить от него последнее напутствие. В длинной, бесконечной главе второго тома автор воспроизводит внутренний монолог царя, его жизнь изнутри самой этой жизни: с его постоянной нерешительностью, с искренней верой и стремлением к добру, но с полной неспособностью видеть, различать, управлять своей жизнью и своей страной. Длинноты этой главы словно усилива-

ют собою мучительность нерешительности, заставляют и читателя приобщиться к ней, почувствовать ее на себе. Именно царь с его несчастным характером становится одним из главных виновников происходящего: его нерешительностью и неспособностью править упускается Россия в катастрофу.

И вот наконец в момент свершения катастрофы, в момент подписания отречения от престола, с царем совершается какая-то перемена. Он все так же нерешителен, он и здесь терзается своей неспособностью видеть, какое решение будет правильным, что именно может принести благо России. Но свое отречение он воспринимает как жертву — жертву собой ради России, ради того, чтобы предотвратить худшее кровопролитие. «Нет той жертвы, которую я не принёс бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки-России. Посему я готов отречься от престола» (т. 6, с. 621), — пишет он в манифесте. И с этой жертвы начинается путь кеносиса, предельного умаления бывшего царя, переставшего быть царем, опустошения, стряхивания с себя всех своих личин и качественных проявлений, всего того, чем он был до сих пор и что заполняло его жизнь. Как и Самсонов, он возвращается к тому ребенку в себе, который был забыт и задавлен всеми последующими наслоениями и разветвлениями его «я», а теперь найден и этой находкой возвращает саму способность видеть, понимать и быть понятным: «Мы — не могли разгадать Спасителя, но Он — понимал нас сразу, до разъёма, и во всём — сделанном, подуманном, упущенном. И от этого полного мгновенного понимания ощущаешь себя вдруг — ребёнком, слабым, но защищённым. И под Его рукой — плакал, плакал отрекшийся император, и вся обида невысказанная, вся боль к себе неумелому, вся тоска безвыходная и даже весь ужас — выхлестывали из него, облекая» (т. 6, с. 744). Лишенный прежних одежд царского звания и положения, защищавших его от мира и, как оказалось, от самого себя, царь становится беззащитно раздетым: «А был он теперь — особое пустое холодное место, выставленное на позор и насмешку всем, кто знал его в прежней жизни. ...Ощущение было как будто раздетости или измазанности. Чего-то очень униженного» (т. 7, с. 186). Он теперь ни то, ни другое, ни третье, как во время линьки, сходит с него все, чем он был до сих пор. Вот каким видит генерал Алексеев, глава Ставки, бывшего царя: «Посреди салона, уже ожидая его, стоял без папахи тоже не Государь, и не полковник, не кубанец-пластун, но 48-летний простоватый, усталый, ещё на дюжину лет загнанный человек и, не скрывая тревоги, расширил глаза на Алексеева» (т. 7, с. 661). В этих расширившихся глазах умаленной, обнищавшей, до состояния ничто сведенной человечности и начинает свое рождение Спаситель. Судьба царя огненными моментами совпадений и приобщений начинает вписываться в евангельский рассказ о Страстях Христовых. Словно поцелуй Иуды, горит на нем поцелуй Рузского, этого похожего на злобного хорька генерала, в момент подписания отречения («сердце изворотилось при целовании этого зверька с оловянными очками» (т. 6, с. 620)). Как Христос, он познает предельное одиночество, предательство близких, бегство и оставленность теми, кто клялся в верности и причислял себя к его друзьям (уже с поезда начинают сбегать придворные, стараясь незаметно вынести на станциях свои вещи). Как Иисус был выставлен Пилатом перед толпой, кричащей: «Распни Его!», так и царь позорно «предъ-

явлен» комиссару Совета рабочих депутатов: «Ещё змейней были те глаза, они жгли ненавистью» (т. 7, с. 737). А вот уже и кричащие толпы праздно любопытных собираются перед царскосельской оградой: «Но нередко собиралась за решёткою парка толпа, глазела, а то и выкрикивали насмешки и оскорбления, свистки будто на зверей, — тогда переходили куда поукромней, к летней пристани, и били лёд там. (А толпа ещё аукала и кричала.)» (т. 10, с. 248). И как Тот, Кто просил Отца Своего простить им, «ибо не ведают, что творят», так и Николай раскрывается навстречу насмешкам и улюлюканью, не может не протянуть руки, не кивнуть, не простить: «Не задевали мелкие оскорбления младших офицеров, обманутых солдат. Это всё они совершали — по неведению» (т. 8, с. 279). Царь молится за сместившее его Временное правительство, молится за Россию. Это нарождающееся вписывание образа Христа в никчемного царя — вдруг сближает Николая со всей Россией, вдруг преодолевает ту бездну непонимания, которая лишь росла, все больше и больше отделяя царя от его страны, общества и народа. Теперь они встречаются на общероссийской Голгофе: «Начиналась Крестопоклонная неделя. Крест голгофских страданий, вынесенный в центр храма, становится в центр мира» (т. 7, с. 312). Именно Крестом (общим — и для себя, Николая, и для России) заканчивается последнее упоминание царя в «повествовании в отмеренных сроках»: «Господи, Господи, что же готовит Твоё Провидение нашей бедной России?.. Да будет воля Божья над нами! Записал так в дневник, и после восклицательного поставил Крест» (т. 10, с. 253).

Кульминацией этого общего Крестовоздвижения становится в «Красном Колесе» 430-я глава «Марта Семнадцатого», где описывается всеобщая с выносом Креста, увиденная глазами Веры Воротынцевой. Здесь соединяются вместе и воспаряющий праздник, и мир храма, и согласное, в единство сплетенное победное пение, и символ главной жертвы — Крест, возносящийся в центр храма, и грядущие испытания, и где-то вдалеке, в неведомом, еще не знакомое и неузнанное, маячащее далеким светом Воскресение. Символом жертвы в этой главе становится свеча, церковная свечка, за которой, поставив ее, любит следить во время службы Вера: «Ты поставила свечу, отошла, но бестелесные нити между тобою и ею остались: она в убыстрённом и пламенном виде отдаёт Небу свою (и твою) жизнь, свою и твою молитву, — и в чём-то провидит и предсказывает твою, пусть ещё не короткую, судьбу» (т. 7, с. 283).

Свеча на ветру — важный для солженицынского творчества образ: так называлась написанная автором в 1960 г. пьеса. Он отсылает к известному евангельскому выражению: «И свет во тьме светит» (Ин. 1: 5). Образ такого светящего во тьме света полнее всего резюмирует солженицынскую метафизику жертвы. Именно этот свет светит со страниц «Архипелага ГУЛАГа», предельно жесткого повествования, вобравшего в себя хор голосов всех убитых и замученных в XX в., всех жертв советского тоталитаризма. Свет освещает тьму, позволяет увидеть ее угрожающее присутствие и одновременно прорезает ее, давая надежду. Такая метафизика естественным образом отсылает к Жертве Христа, вписанной в каждую подлинную невинную жертву, к победе, смыкающейся с предельным поражением, к пасхальной вести о Воскресении: «Смертию смерть поправ...»

А.С. Кручинин

«... ТЕПЕРЬ ЖЕ ОСТАВИТЬ ПЕТРОПАВЛОВСК...»:
К ИСТОРИИ ЭВАКУАЦИИ РУССКИХ ВОЙСК
С ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ОКТЯБРЕ – НОЯБРЕ 1922 г.

События девяностолетней давности, когда, фактически завершая Гражданскую войну, родную землю покидали войска Земской рати генерала М.К. Дитерихса, намного хуже описаны и изучены, чем аналогичная эвакуация Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма двумя годами ранее. Сравнительно небольшие масштабы приморской эвакуации по сравнению с крымской (речь должна идти о тысячах, в то время как для Юга России — более чем о сотне тысяч человек) и меньшая угроза, которую Приамурский земский край — последнее антибольшевицкое государственное образование на территории России — представлял для центральной советской власти, не делают, однако, дальневосточные события осени 1922 г. менее драматичными или менее достойными изучения.

В указе, завершавшем эпопею борьбы белого Приморья, Дитерихс уповал, что умирающий Земский край умрет только «как тело»: «В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской исторической нравственно-религиозной идеологии, он никогда не умрет в будущей истории возрождения великой святой Руси»¹. И все же, несмотря на эту искреннюю и горячую веру, основанную на монархических декларациях состоявшегося в августе 1922 г. во Владивостоке Земского собора, несмотря на действительно героическое сопротивление Земской рати в ее последних боях, несмотря на сам факт спасения от вероятной расправы столь многих военных и штатских лиц с их семьями, — история дальневосточной эвакуации, как и всякого события подобного рода, изобиловала и трагическими страницами, и даже была омрачена обвинениями в адрес русского командования на Камчатке — буквально «последнем клочке русской земли», эвакуированном той осенью.

Русские войска появились в Охотско-Камчатском крае в октябре 1921 г., заняв Охотск после незначительного сопротивления, а остальные пункты охотского побережья и Петропавловск-на-Камчатке — и вовсе без боя (Камчатский областной народно-революционный комитет 28 октября, после получения известий, что из Охотска на Камчатку идут корабли с десантом, незамедлительно принял решение «не вступая в вооруженную борьбу, отступить вглубь области»² и отвел своих сто-

---

¹ Указ правителя Приамурского земского края от 17 октября 1922 г. № 65 // Генерал Дитерихс. М., 2004. С. 486.

² [Постановление Камчатского облнарревкома от 28 октября 1921 г. № 66] // За власть Советов: (Из истории борьбы за установление Советской власти в Камчатской области), 1920–1922 гг.: Док-ты и м-лы. Владивосток, 1967. С. 96 (документ № 62).

ронников из Петропавловска в сопки). Временное Приамурское правительство, возглавлявшее в этот период антибольшевицкое движение на Дальнем Востоке, назначило своим особоуполномоченным в крае владивостокского промышленника и домовладельца Х.П. Бирича с прикомандированием к нему, в не совсем понятном статусе «представителя правительства», статского советника Н.М. Соколова, а Северный экспедиционный отряд (в составе штаба отряда, двухсотенного дивизиона и интендантства³) возглавил есаул Валериан Иванович Бочкарев, к началу 1922 г. произведенный Приамурским правительством в полковника за операцию по занятию края. Разделив свои силы, Бочкарев со 2-й сотней остался на охотском побережье (Охотский и Гижигинский военные районы), а 1-ю отправил на Камчатку (Петропавловский военный район); Петропавловск, как краевой центр, стал и резиденцией Бирича, в то время как управление отряда Бочкарева обосновалось в Гижиге.

Вражда, разгоревшаяся между Биричем и командованием Экспедиционного отряда, а также многочисленные нарекания в адрес особоуполномоченного и обвинения его в злоупотреблениях своим положением привели 31 августа 1922 г. к распоряжениям Дитерихса, сменившего к тому времени Приамурское правительство, о смещении Бирича и назначении дознания о его «действиях по должности особоуполномоченного»⁴. Еще раньше, 22 июля, на Камчатку была направлена из Владивостока канонерская лодка «Магнит» с Отдельной морской десантной ротой для усиления гарнизона и капитаном 1-го ранга Борисом Павловичем Ильиным для объединения в его руках командования войсками в Петропавловске, а при необходимости — и «приведения к повиновению Бочкарева», быстро завоевавшего репутацию чрезмерно самостоятельного (до своеволия) начальника⁵.

Наконец, двумя эшелонами — 8 сентября и 1 октября 1922 г. — в порт Аян на охотском побережье прибыла Сибирская добровольческая дружина генерала Анатолия Николаевича Пепеляева, прославившегося многочисленными победами в 1918–1919 гг.⁶: дружине предстояло продвинуться в пределы Якутской области и поддержать действовавшие там отряды «бочкаревцев» и Якутской народной добровольческой армии корнета Василия Алексеевича Коробейникова (члена Временного якутского областного народного управления, сформированного на съезде представителей уездов и партизанских отрядов).

Таковы были основные группировки русских войск в Охотско-Камчатском крае; однако эвакуировалась 2 ноября 1922 г. за границу лишь одна — занимавшая Петропавловск, а прочие оказались просто брошенными. В результате дружина Пепеляева, атакованная советским экспедиционным отрядом С.С. Вострещова, 17 июня 1923 г. была вынуждена капитулировать; еще трагичнее сложилась

³ Структура Северного экспедиционного отряда восстанавливается по более поздним данным (1922 — начало 1923 г.).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-937. Оп. 1. Д. 5. Л. 92–93.

⁵ См.: *Старк Г.К.* Отчет о деятельности Сибирской флотилии в период 1921–1922 гг. // Морские записки, издаваемые Обществом офицеров Российского Императорского флота в Америке (Нью-Йорк). Т. 11. 1953. № 3. Ноябрь. С. 29; Т. 12. 1954. № 2. Июль. С. 26.

⁶ См.: *Вишневский Е.К.* Аргонавты белой мечты: Описание Якутского похода Сибирской добровольческой дружины. Харбин, 1933. С. 23.

судьба отряда Бочкарева, после короткого боя истребленного 13 апреля 1923 г., по сообщению советского телеграфного агентства, поголовно⁷ (подробности, быть может, никогда не станут известными, и остается лишь надеяться, что в число убитых не вошли члены семей «отрядников» — женщины и дети, во имя спасения которых Бочкарев согласился сложить оружие). Обреченность войск, покинутых на охотском побережье, впоследствии побуждала к крайне резкой постановке вопроса. «Почему все же погиб отряд генерала Пепеляева, кто погубил отряд Бочкарева? — возмущенно писал прапорщик А.П. Еленевский, в эмиграции собиравший и систематизировавший сведения о Белом движении на востоке России. — «Отчет о Сибирской флотилии» адмирала Старка содержит ответ на этот вопрос. Предали оба отряда, погубили 900 бойцов-антикоммунистов временный губернатор Камчатки капитан 1-го ранга Ильин и присланный ему на смену генерал Иванов-Мумжиев»⁸.

Еленевский ссылается на слова из составленного в 1920-е гг., в эмиграции, адмиралом Георгием Карловичем Старком — бывшим командующим Сибирской флотилией и начальником Тылового района — «Отчета о деятельности Сибирской флотилии в период 1921–1922 гг.» (таково правильное название документа): «Сама эвакуация Камчатки произошла без всякого давления противника и без какого-либо распоряжения с моей стороны. Сведения о занятии Владивостока красными, отсутствие Правителя (Дитерихса. — А.К.) и моего приказа о сохранении Камчатки за нами были сочтены кап<итаном> 1 р<анга> Ильиным и прибывшим ему на смену ген<ералом> Ивановым-Мумжиевым достаточными основаниями для принятия самостоятельного решения об эвакуации»⁹. Брошенное (хотя и заочно и *post factum*) Ильину и Иванову обвинение в предательстве может выглядеть еще более тяжелым, если учесть, что в 1921–1922 гг. полуостров Камчатка нередко рассматривался как альтернатива эвакуации за границу, как плацдарм для дальнейшего развития антибольшевицкой русской государственности.

С.П. Руднев, возглавлявший созданное Приамурским правительством Особое по Охотско-Камчатскому краю совещание, по мере знакомства «с Камчатскими делами и создавшейся там обстановкой» постепенно склонился к убеждению, что в случае эвакуации из Приморья союзных японских войск («а это ведь должно же было когда-нибудь наступить») удержаться одними русскими силами не удастся, если только не перенести центр тяжести борьбы на сравнительно труднодоступную для противника Камчатку.

«Если принять во внимание, — вспоминал в эмиграции Руднев свои тогдашние размышления, — что в случае ухода японцев нас ждет все равно океан и изгнание, то к этому же самому в конце концов можно прийти, и поселившись на Камчатке, только значительно позднее.

---

⁷ См.: [Сообщение Дальроста от 20 апреля 1923 г. (опубликовано 22 апреля) о ликвидации отряда В.И. Бочкарева] // Дальревком: Первый этап мирного советского строительства на Дальнем Востоке, 1922–1926 гг.: Сб. док. [Хабаровск], 1957. С. 78 (документ № 46).

⁸ Еленевский А.П. 1921–1923 годы в Якутской области // Первопоходник: Летопись белой борьбы (Лос-Анджелес). 1976. № 33. Октябрь. С. 14.

⁹ Старк Г.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии... // Морские записки... Т. 14. 1956. № 1. Апрель. С. 54. В тексте — явная опечатка: «...и моей приказ...»; восстановлено по смыслу.

Для того чтобы красным потом завоевать у белых Камчатку, — нужен флот, и малый, а его надо в Тихий океан откуда-то привести, нужна и большая армия, а перекинуть ее через Охотское море не так-то будет просто!

Поселившись, не спеша и с толком, на Камчатке со всем флотом адм<ирала> Старка и оборудовав в Петропавловске небольшой завод для починки и ремонта морских судов, взяв для этого все необходимое из Владивостока, с Механического судостроительного завода, — при надлежащем и экономном управлении можно жить на те рыбные и пушные богатства, которые дает Камчатка и которые можно увеличить, если там будет работать тысяч 12–15 каппелевцев и прочего переселившегося туда люда. Близость Америки и Хакодатте даст возможность покупать необходимый провиант и привозить оттуда».

К сожалению, председатель Совещания, если верить его мемуарам, стал развивать эту идею в неожиданном направлении, сосредоточившись на агитации за приглашение кого-либо из лиц императорской фамилии на роль того вождя, «кто поведет туда и кто возглавит этот новоявленный Китеж», «с кем бы было “и жить, и умирать легко”»¹⁰, в то время как проект требовал прежде всего тщательных расчетов и заблаговременной подготовки.

Даже если предположить, что вопреки представлениям Руднева было бы возможным наступление советских войск по материку в обход Охотского моря (к примеру, полковник Бочкарев считал, что переброска части его отряда из Петропавловска в Гижигу «санним путем» — «путешествие не трудное»¹¹), — необходимость продвижения значительных контингентов действительно превращала бы войну в «войну снабжений» (в первую очередь требовались бы этапные пункты, продовольственные склады, помещения для постоя или оборудование для биваков). Однако и перебазирование из Приморья в Петропавловск поставило бы вопрос снабжения с предельной остротой.

В крае, где население городов и поселков насчитывало по несколько сот человек (и лишь в Петропавловске проживало около тысячи), перемещение «одним махом» двенадцати-пятнадцати тысяч прежде всего создало бы безумный жилищный кризис, тем более что помещения в столице области находились в бедственном состоянии: «Особенное внимание необходимо обратить на ремонт казенных зданий в Петропавловске, потому что, если необходимый ремонт не будет произведен до наступления холодов, часть зданий выйдет из строя вследствие негодности печей и проч., — писал статский советник Соколов в конце августа 1922 г., откуда следовало, что в течение почти года для этих целей ничего сделано не было. — Так как в районе Камчатки никаких строительных материалов нет, необходимо все строительные материалы <...> отправить из Владивостока»¹². Не лучше была ситуация и с продовольствием, поскольку Охотско-Камчатский край жил привозными продуктами первой необходимости, распределяемыми из казенных складов (начиная с муки и соли), — а значит, появление «переселившегося туда люда» в таких количествах обрекало последний на перспективу зимов-

¹⁰ Руднев С.П. При вечерних огнях: Воспоминания. [Харбин, 1928]. С. 414–415.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.

¹² Там же. Л. 15 об.

ки в землянках или юртах и впроголодь. Не производилось и крупномасштабных заготовок провианта, которым мог бы обеспечить этот регион (рыба, оленина). Эвакуация же судостроительного завода или хотя бы его части, необходимой для производства капитального ремонта изношенных кораблей Сибирской флотилии, и вовсе представляется делом практически невозможным, тем более что время на подготовку этого с конца 1921 по лето 1922 г. было безвозвратно упущено.

Через год или два генерал П.П. Петров вспоминал, как весной 1922 г. в Приморье «говорили о переброске остатков армии даже на Камчатку, но для этого нужны были большие средства»¹³, — и его «даже» само по себе звучит достаточно красноречиво. А генерал В.М. Молчанов в 1970 г. был намного более эмоционален: «...я был полностью против этого. Это была немыслимая затея. <...> Что бы мы делали? Сидели бы в одном городе Петропавловске? Чем бы мы питались? Нас кормила бы наша флотилия? Особенно если учесть, что красные собирались послать против нас флотилию с Балтийского моря (это утверждение относится к области слухов, но деморализующее воздействие подобные слухи, как видим, оказывали даже на старший командный состав. — А.К.). А японцы сказали, что американцы вмешаются и не позволят японцам держать там свой собственный гарнизон. Так что это было безнадежно»¹⁴. Тем не менее осенью 1922 г., в ситуации, когда становилось ясно, что сопротивление Земской рати в Приморье сломлено и предстоит эвакуация за границу, идея о переносе борьбы на Камчатку вновь стала темой обсуждений.

Адмирал Старк, как уже упоминалось, совмещавший с командованием флотилией должность начальника Тылового района, даже после известий о неудачных боях 8–14 октября под Спасском и Монастырищем продолжал считать, что Владивосток можно попробовать удержать. Имея в своем распоряжении около 5000 штыков и шашек и заручившись согласием командовавших ими генералов Д.А. Лебедева и Ф.Л. Глебова, адмирал собирался дать бой наступающим красным войскам на подступах к Владивостоку и остановить противника до окончания японской эвакуации (22 октября), после которой союзники передали бы русскому командованию богатые запасы вооружения, до тех пор находившиеся под их полным контролем. В то же время перспектива неудачи продолжала оставаться вполне реальной, и «как один из исходов в этом случае, — рассказывает Старк, — рисовалась возможность перейти с частью войск и флотилией в Петропавловск-на-Камчатке, где по времени года и вследствие нашего перевеса на море можно было рассчитывать продержаться еще довольно долго. Как раз в эти дни было закончено формирование 3-й роты морских стрелков, предназначенной на Камчатку. Правителем был назначен новый губернатор Камчатки (начальник Камчатской области. — А.К.), генерал-майор Иванов-Мумжиев, подчиненный мне как начальнику тыла. Он отбыл в Петропавловск со всем штабом управления и с запасами продовольствия на п<аро>х<оде> “Сисшан”. 3-ю роту я задержал ввиду моего намерения сохранить Владивосток»¹⁵.

---

¹³ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых: Воспоминания, документы. М., 2011. С. 223.

¹⁴ Молчанов В.М. Последний белый генерал: Устные воспоминания, статьи, письма, документы. 2-е изд., испр. и доп. М., 2012. С. 183.

¹⁵ Старк Г.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии... // Морские записки... Т. 13. 1955. № 2/3. Август. С. 80. В тексте — «как одним из исходов...».

Однако все планы спутал Дитерихс, 16 октября освободивший Старка от должности начальника Тылового района, в отношении морских сил в частном разговоре с адмиралом заявивший, «что по выполнении эвакуации Владивостока флотилия должна самостоятельно избирать свои пути, т. к. борьба кончена», и намеревавшийся в ближайшее время уехать к основной группировке Земской рати, которая должна была переходить границу возле Посьета, предоставив Старку «завершить эвакуацию». «Я указал, — вспоминает адмирал, — на возможность перехода части флотилии после эвакуации на Камчатку в случае, если к тому будут благоприятные обстоятельства, на что генерал Дитерихс еще раз ответил мне, что я волен поступать с флотилией самостоятельно»¹⁶.

Подобная позиция правителя вряд ли способствовала не только планомерности эвакуации крупного портового города-крепости, но и простому поддержанию порядка во Владивостоке, где уже начиналась паника. Если группировки Лебедева и Глебова не должны были, вопреки мнению Старка, принимать бой, — значит, им следовало грузиться на суда, поскольку иначе отступить за границу они, по видимому, уже не успевали. Всего же, по оценке командующего флотилией, «эвакуации подлежало около 10 000 чел^овек», считая в том числе несколько сот раненых, для которых попечением правителя было зафрахтовано два японских парохода»¹⁷. В такой ситуации для перегруженных кораблей уже не было никакой возможности ни идти снимать остатки войск с Камчатки или охотского побережья, ни тем более заниматься крупномасштабными перебросками с целью укрепления новых плацдармов, хотя бывший глава Приамурского правительства С.Д. Меркулов, заблаговременно отбывший за границу, и продолжал сообщать из Токио, «что на Востоке еще не все потеряно и что он надеется, использовав свои связи в некоторых влиятельных японских кругах, обеспечить нам отход на Камчатку и помощь Японии новому Камчатскому государственному образованию»¹⁸. Все эти проекты были явно запоздалыми, и Охотско-Камчатский край оказывался предоставленным самому себе: ни правитель, ни флотилия помочь ему более не могли.

Нарисовав такую неутешительную картину, Старк сопровождает уже известное нам упоминание факта оставления Камчатки «без давления и без распоряжения» заключением, никак не упомянутым прапорщиком Еленевским в связи с его обвинениями в адрес камчатского командования: «Обстановка была так сложна и положение флотилии было настолько тяжелым, что я ни тогда не осудил, ни теперь (напоминаем, написано в 1920-е гг. — А.К.) не могу осудить начальствовавших на Камчатке лиц за проявленную ими поспешность. Трудно сказать, случилась ли бы какая-нибудь польза для нашего общего дела от того риска, с которым была сопряжена для людей, находившихся на Камчатке, задержка ими эвакуации»¹⁹. В то же время, несмотря на явно некорректное обращение Еленевского с цитатой, вряд

¹⁶ Старк Г.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии... // Морские записки... Т. 13. 1955. № 2/3. Август. С. 81.

¹⁷ Там же. № 4. Декабрь. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 78.

¹⁹ Старк Г.К. Отчет о деятельности Сибирской флотилии... // Морские записки... Т. 14. № 1. С. 54.

ли следует упрекать эмигрантского исследователя в прямой подтасовке, поскольку личное мнение адмирала Старка — это все-таки всего лишь личное мнение, а для выводов о целесообразности действий генерала Петра Михайловича Иванова-Мумжиева и капитана 1-го ранга Ильина, особенно ввиду тяжести обвинений, следовало бы обратиться к более объективным источникам.

История Гражданской войны, к сожалению, изобилует примерами того, как из-за недостатка первоисточников оказывается затруднительным или даже невозможным восстановить подлинную картину событий во всех деталях, не говоря уже о внутренних мотивировках людей, в этих событиях участвовавших. В данном случае, однако, в нашем распоряжении имеется уникальный документ, позволяющий увидеть, каким образом принималось решение об эвакуации Камчатки, — подлинник «Протокола заседания Военного совета в г<ороде> Петропавловске-н<а>-К<амчатке> 30 октября 1922 года»²⁰ под председательством Иванова-Мумжиева. Военный совет был созван в весьма представительном составе (начальник гарнизона Петропавловска капитан 1-го ранга Ильин, командир единственного на Камчатке военного корабля — канонерской лодки «Магнит» — лейтенант Д.А. фон Дрейер и командиры всех наличных сухопутных частей: 1-й пластунской сотни — бывших «бочкаревцев» — подполковник В. Кузнецов, 2-й пластунской сотни — полковник Н. Лавров и Отдельной морской десантной роты — лейтенант А.И. Сеньковский) и подробно рассмотрел перспективы дальнейшего пребывания русских сухопутных и морских сил на Камчатке.

Прежде всего следует признать, что положение самого начальника области и председателя военного совета было чрезвычайно сложным. Получивший назначение довольно давно, он прибыл на Камчатку лишь 22 октября, таким образом, покинув Владивосток в дни, когда власть там уже шаталась (как мы помним, даже рота морских стрелков, которая должна была сопровождать Иванова-Мумжиева, была изъята из его подчинения и оставлена в распоряжении Старка). Ранее с Охотско-Камчатским краем генерал никак не был связан, хотя и служил в Приморье достаточно долго (с 1900 по 1914 г., тогда же окончил Восточный институт во Владивостоке, и во время Гражданской войны — с февраля 1918 по июнь 1919-го и вновь — в 1920–1922 гг.)²¹. Таким образом, в критический момент, требовавший быстрых и одновременно — хорошо продуманных и взвешенных решений, Иванов-Мумжиев оказался в незнакомом крае, где было достаточно своих особенностей и проблем, причем проблемы эти, похоже, не замедлили на него обрушиться. Иначе трудно интерпретировать не вполне ясное сообщение генерала на военном совете, «что им было вчера (т. е. 29 октября. — А.К.) получено заявление делегатов от населения Завойкинской волости, что местное население сел и деревень считает, что власть на Камчатке должна быть такая же, как и во Владивостоке». По-видимому, информация о падении белого Приморья (части РККА, уже практически не маскировавшиеся под «Народно-революционную армию Дальневосточной

---

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-3756. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2. Дальнейшее цитирование протокола производится по этому экземпляру.

²¹ См.: *Кутцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л.* Белый генералитет на востоке России в годы Гражданской войны: Биограф. справ. М., 2011. С. 214–215.

республики», вступили во Владивосток 25 октября) начинала распространяться по территории полуострова и вызывать брожение умов.

Источником информации, предположительно, являлось японское консульство в Петропавловске, получавшее официальные сообщения из Японии и, естественно, обеспокоенное судьбою своих соотечественников, которые могли в тот момент находиться на Камчатке (жертвы погромов и массовых убийств, учиненных весной 1920 г. в Николаевске-на-Амуре красными партизанами, были еще хорошо памятны). Именно от японского консула Симады начальник области узнал не только о событиях в Приморье, но и о том, «что оружие и боевые припасы, оставшиеся от армии адмирала Колчак^а и хранившиеся во Владивостоке, японское военное командование решило передать накануне занятия города войсками ДВР — самообороне города Владивостока, — но последняя от приема оружия и припасов отказалась». На деле это означало, что военные склады Приморья, принадлежавшие в то время России лишь номинально и находившиеся под безраздельным контролем японцев, теперь были окончательно потеряны, и помощи в этом отношении ожидать более не приходилось. А между тем вопрос вооружения, и особенно огнеприпасов, в отсутствие источников снабжения для Камчатки стоял более чем остро.

Капитан 1-го ранга Ильин и лейтенант фон Дрейер доложили военному совету о плачевной ситуации с патронами и снарядами: морская рота, вооруженная трехлинейными винтовками (как, должно быть, и команда «Магнита») имела «всего 13 000 патрон^{ов}», а две пластунские сотни для своих американских винчестеров — «всего по 50 патронов на каждого бойца»; единственной артиллерией в крае были два орудия канонерской лодки, причем «было доложено, что в запасах на корабле состоит в наличии к 75-мм орудию 19 снарядов, из них 5 холостых (сигнальных? — А.К.), и к 47-мм орудию 39 снарядов — все бронебойные». Из последнего обстоятельства следовало, что пушки «Магнита» фактически не могли оказывать серьезной помощи сухопутным частям в случае активизации действий находившихся близ Петропавловска красных партизан или высадки красноармейского десанта, поскольку для артиллерийского огня против берега нужна была шрапнель, а не бронебойные снаряды.

Возможность вражеского десанта также рассматривалась на военном совете, причем «офицерами флота было доложено, что вооружение во Владивостоке одного из п^ар^ох^одов Добровольного флота займет не более одной недели, и в случае прихода такового к^ан^он^ер^ская л^од^ка «Магнит», вступив с ним в бой, не может рассчитывать на успех, т. к. кан^он^ер^ская лод^ка «Магнит» не имеет брони и представляет ^со^бо^й обыкновенный тип коммерческого парохода» (корабль изначально был минным транспортом и служил в этом качестве при Владивостокской крепости с 1911 г.). Заметим, что опасения были совершенно оправданными: советский экспедиционный отряд (300 штыков, 2 орудия, 8 пулеметов) был направлен из Владивостока на Камчатку уже 7 декабря и прибыл в Петропавловск 21-го²². К тому же фон Дрейер сообщил, «что состояние корпуса корабля и механизмов, не имевших капитального ремонта в течение последних

²² См.: *Рейхберг Г.* Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). М., 1940. С. 207.

4–5 лет, таково, что корабль в местных условиях сможет проплыть не более как 2–3 месяца и что ввод корабля в док для исправления дейдвуда (деталь корабельного корпуса. — А.К.) необходим теперь же», — а значит, даже если зима и прошла бы спокойно, в следующую навигацию «Магнит» уже не смог бы эвакуировать гарнизон Петропавловска, окажись это необходимым.

Члены военного совета единодушно отвергли возможность перехода к «партизанской войне в случае, если Петропавловск будет занят десантом». Главную роль при таком повороте событий играло бы неравенство сил, поскольку красное командование, высвободив свои войска в Приморье, имело теперь возможность перебросить на Камчатку отряд любой численности, заведомо достаточной, чтобы раздавить три роты и команду одной канонерки. Кроме того, переход к партизанским действиям прежде всего означал бы борьбу за «жизненное пространство» с красными партизанами, которые обложили Петропавловск, — борьбу не на жизнь, а на смерть, в противоположность неустойчивому равновесию, установившемуся между правительственными и красными силами в течение года. С другой стороны, следует признать, что рознь, а затем и открытая вражда между Биричем и военным командованием уже в начале 1922 г. привели и к расколу их сторонников на «биричат» и «семеновцев» («бочкаревцев»: в 1920 г. Бочкарев был известен как приверженец атамана Г.М. Семенова), что затрудняло управление областью и борьбу с партизанами, а морально неустойчивому элементу предоставляло немало возможностей для самоуправства, озлоблявшего местное население. В то же время преобладающие среди жителей настроения представляются не столько активно-враждебными, сколько нейтральными, и об этом также говорилось на военном совете.

Подполковник Кузнецов, «как долее всех пробывший <...> на Камчатке», на вопрос о возможной поддержке со стороны местных жителей ответил, «что население края относится совершенно индифферентно к этому вопросу и перейдет на сторону более сильную»; лейтенант фон Дрейер подтвердил, что население восточного побережья полуострова Камчатки и далее к северу до бухты Провидения (Чукотка) «в большинстве совершенно индифферентно и не реагирует ни на какое национальное движение, частью же настроено определенно против, что Чукотский край в особенности живет совершенно отдельной жизнью на иждивении гл<авным> обр<азом> американских промышленников и коммерсантов, а вообще население заинтересовано в существовании власти постольку, поскольку власть может снабдить их продовольствием, оружием и пр<очим> необходимым».

Особое положение Крайнего Севера описывает и статский советник Соколов: «В районе Анадырско-Чукотском органов нашей власти по-прежнему еще нет, и этот район по-прежнему, несомненно, находится под экономическим и политическим влиянием различных американских предпринимателей и американских хищников»²³. Американское влияние не было единственным, — так, Александр Антонович Пурин, старожил (с 1910 г.) и большой патриот Камчатки, прикомандированный к генералу Иванову-Мумжиеву в качестве правителя канцелярии, еще в августе предупреждал: «Как обыватели Петропавловска, так и лица, прибы-

---

²³ ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 11 об.

вавшие из разных мест области, чистосердечно заявляли мне, что им не надо ни белых, ни красных. Никто из них порядка не дал, а все только хулиганят и грабят. При данных условиях инородцы готовы просить вмешательства японцев, которые этого усиленно добиваются, затрачивая здесь миллионы иен на представительство и подарки, разъезжая по селениям и агитируя о необходимости создания автономии под протекторатом Японии»²⁴.

Соколов, не предполагая наличия у японцев столь далекоидущих планов, все же считал японское влияние в крае дестабилизирующим на общем фоне противостояния красных партизан и правительственного гарнизона Петропавловска: «В интересах Японии, несомненно, поддерживать такое неопределенное положение на Камчатке, в особенности в Петропавловском районе. <...> Пока будет такая, как теперь, неопределенность, двойственность власти в этом районе, у японцев снова будет основание и в будущем <1923> году не платить нам денег за конвенционные рыболовные участки...»²⁵ Экономические перспективы на 1923 г. беспокоили и членов военного совета, склонявшихся к мысли, что положение области окажется катастрофическим и без советского десанта.

«С авторитетом местной власти в вопросах охраны промыслов пушных, морских звериных и рыбных представители иностранных фирм и промышленники считаться в будущем году не будут, почему на приток денежных средств или валюты по промысловым налогам рассчитывать нельзя», — подводились неутешительные итоги в протоколе военного совета; а это вдобавок ко всему угрожало еще и продовольственным кризисом: «Имеемые запасы продовольствия обеспечивают наше пребывание здесь только до весны 1923 года, после какого времени запасов продовольствия не остается, а рассчитывать на пополнение запасов продовольствия, угля, материалов и снабжения для судов нельзя». При этом действительно не вызывает сомнений заключение, что «гарнизон, занимающий Петропавловск, при оторванности от главной организации Национального движения не может оказать последней никакой материальной помощи», и единогласное решение военного совета, утвержденное Ивановым-Мумжиевым и выделенное в протоколе: «Не ожидая дальнейшей информации с материка и из Японии, теперь же оставить Петропавловск и приложить все усилия к соединению с главными нашими силами».

Дальнейшие события не замедлили. «С утра 1 ноября с <его> г <ода> в городе неожиданно стало известно, что правительство и войска спешно эвакуируются из Петропавловска, — сообщала 5 ноября местная газета. — В городскую управу стали поступать от разных лиц запросы, правда ли это, но ответить на этот вопрос было затруднительно, так как управе самой не было ничего известно. В таком положении было приблизительно часов до 5 вечера, к какому времени городской голова был срочно вызван к генералу Иванову-Мумжиеву, и уже официально было сообщено, что город Петропавловск по причине падения города Владивостока и с ним власти правителя Дитерихса будет местным отрядом во

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 10. Первоначально было «...Камчатской автономии...», но исправлено в первоисточнике.

²⁵ Там же. Л. 11 об.-12.

главе с представителями правительства покинут и власть в городе передается Петропавловскому городскому самоуправлению»²⁶. В своем прощальном обращении генерал фактически возлагал на население области вину за вынужденную эвакуацию за границу «группы русских людей, много лет неустанно сражавшихся на разных фронтах»: «...не встретив в населении готовности к активной борьбе вместе с нами и не желая рисковать жизнью офицеров и солдат, ряды которых с каждым днем и так все больше и больше редуют, я решил покинуть Петропавловск и Камчатку...»²⁷

Объявление стали расклеивать по городу 2 ноября, когда погрузка на канонерку «Магнит» и пароход «Сишан» уже шла вовсю. Пурин, бывший в числе эвакуирующихся, рассказывает: «Приносят обращение к населению, в котором говорится, что власть передается городской думе Петропавловска, что мы искренне желаем населению перенести ниспосланное свыше испытание, что мы уходим, но что духовно мы всегда будем с Россией и что никакая сила не вырвет из сердец наших любовь к своей стране и к народу». Он же вспоминал:

«Уезжает не только пришлый элемент — “мурки”, как их называют инородцы, но и группа аборигенов Камчатки, оставляя свои хозяйства, семьи, родных и добровольно обрекая <себя> на полную неизвестность.

Их уговаривают остаться, но разве уговорами воздействуешь на человеческую совесть людей, идейно борющихся с разным анархическим сбродом, заполонившим в дни революции нашу милую Камчатку...»

В четыре часа пополудни после сигнального выстрела с «Магнита» корабли покинули Петропавловск:

«“Сишан” медленно выходит из ковша (бухты. — А.К.), имея на борту 400 человек, — вспоминает Пурин. — Мы идем под охраной “Магнита”, пересекаем Авачинскую бухту и выходим в беспредельную ширь Тихого океана...»

Видим, как над областным управлением спускается национальный флаг. Последний национальный флаг»²⁸.

Спустив русский трехцветный флаг, оказавшаяся у власти Петропавловская дума должна была озаботиться встречей победителей, — возможно, не без страха, и страха обоснованного: через несколько дней вышедший из сопок Областной народно-революционный комитет начнет свое воззвание угрожающе: «В Петропавловске с помощью городской думы нашли себе приют шайки Бирича — Полякова (генерал Н.А. Поляков был у Бочкарева начальником штаба. — А.К.)»²⁹. Срочно созданное 2 ноября «общее собрание граждан города Петропавловска и представителей окрестных селений» в своей резолюции приветствовало Облнарревком и уповало: «Мы искренне верим в то, что с вашим приходом навсегда прекратится братоубийственная война и рознь и над нашей далекой окраиной России воссия-

²⁶ [Сообщение газеты «Камчатский листок» от 5 ноября 1922 г. об эвакуации Петропавловска] // За власть Советов. С. 165 (документ № 105).

²⁷ Цит. по: Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России... С. 216.

²⁸ Пурин А.А. В день эвакуации Петропавловска // Камчатка: Юбилейный сборник в память 200-летия основания гор<ода> Петропавловска-на-Камчатке, 1740–1940. Шанхай, 1940. С. 38.

²⁹ Цит. по: Махоркин И., Слободчиков Ф. Годы борьбы и побед // За власть Советов на Камчатке (1917–1923 гг.): Сб. ст. Петропавловск-Камчатский, 1957. С. 77.

ет светлое и радужное солнце свободы и порядка»³⁰. Носители «радужного солнца», однако, не сразу решились вступить в покинутый русскими войсками город (и это само по себе характеризует силы и отвагу красных партизан): передовые части появились в Петропавловске 6-го, а основные с Облнарревкомом — лишь 10 ноября³¹. Корабли с беженцами в те дни шли в Хакодате или даже уже прибыли в этот японский порт, где был оставлен «Сишан» с его пассажирами; «Магнит» же направился из Хакодате в Гензан (Корея), на соединение с эвакуировавшей Владивосток Сибирской флотилией адмирала Старка. Для них начиналось изгнание...

Однако разговор о петропавловской эвакуации на этом не окончен, поскольку остается открытым вопрос о брошенных отрядах Бочкарева и Пепеляева. Удерживать Камчатку с незначительными запасами продовольствия и боеприпасов, без каких-либо источников пополнения и с перспективой высадки сильного советского десанта было невозможно, и с этой точки зрения решение военного совета является, безусловно, обоснованным, в чем и следует согласиться со Старком; однако существовала ли возможность спасти остатки русских войск с охотского побережья и как оценить степень вины Иванова-Мумжиева и Ильина в печальной судьбе «бочкаревцев» и «пепеляевцев»?

Прежде всего, попыткам снять с побережья оба отряда вряд ли препятствовала бы навигационная обстановка. В те годы Гижигинская губа замерзала «к концу ноября месяца», а Пенжинская губа, куда в случае необходимости не очень сложно было перебросить 2-ю сотню и управление отряда Бочкарева, базировавшиеся на Гижиге и Няяхане, не замерзала вовсе благодаря взламывавшим лед течениям (хотя те же течения и плавающий лед могли, в свою очередь, затруднять судоходство); Пепеляеву предстояло бы эвакуироваться через Охотск или Аян, где образование ледяного покрова на поверхности моря также начиналось не ранее ноября (а в заливе Аян — конца ноября), и таким образом, плавание должно было оказаться сложным, но не невозможным³².

Камнем преткновения могла стать численность эвакуируемых — как мы помним, в распоряжении камчатского командования было лишь два корабля. Однако в январе 1923 г. согласно точному именному списку в составе бочкаревского отряда насчитывалось всего 42 человека и 40 прикомандированных, из которых, вероятно, не все пожелали бы уезжать (среди прикомандированных — портные, сапожник, повар, столяр, моторист, в том числе вольнонаемные китайцы или корейцы, а также «гражданин Адолин» и «ссылно-каторжный Юзеев»)³³. Гораздо более многочисленной была дружина Пепеляева, в которой даже к моменту ее капитуляции в июне 1923 г., после понесенных в боях потерь, все еще насчитыв-

³⁰ [Обращение населения Петропавловска-на-Камчатке к Облнарревкому от 2 ноября 1922 г.] // Дальревком. С. 35 (документ № 18).

³¹ См.: [Сообщение газеты «Дальневосточный путь» от 14 ноября 1922 г. о вступлении партизанских отрядов в Петропавловск-на-Камчатке] // Там же. С. 36 (документ № 19).

³² См.: *Давыдов Б.В.* Люция побережий РСФСР Охотского моря и восточного берега полуострова Камчатка с островом Каргинским включительно. Владивосток, 1923. С. 403, 489, 787, 823–824.

³³ См.: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39772. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.–7 об.

валось 357 человек³⁴. Сопоставимая с общим числом эвакуированных из Петропавловска на «Сишане», эта цифра действительно делала невозможным снятие с берега всего отряда (хотя и в нем, наверное, нашлись бы желающие остаться), однако не следует полностью исключать переброску «пепеляевцев» партиями из Аяна хотя бы по кратчайшей линии на Сахалин: остров еще оставался целиком под контролем японских войск, покинувших его северную часть лишь в 1925 г. Разумеется, подобный план легче предложить, чем выполнить, и при попытках его реализации пришлось бы столкнуться с немалыми трудностями; но, если вспомнить, что речь шла о спасении жизней сражавшихся против большевиков солдат и офицеров, которые в противном случае обрекались на неизбежное поражение и оставались на расправу противнику, — трудно отделаться от мысли о необходимости испробовать хоть какой-нибудь способ помочь им.

Могли ли для любого из этих способов встретиться непреодолимые препятствия, не нашедшие отражения в известных нам источниках? — Конечно могли: осень 1922 г. могла оказаться холоднее обычного, а замерзание моря — начаться ранее; погода на Охотском море могла установиться особенно бурной и угрожающей для перегруженных кораблей; состояние самих кораблей или количество имеющегося угля могло не позволить совершать дополнительные переходы к Охотскому побережью или тем более челночные рейсы Аян — Сахалин (а угля и вовсе могло хватить лишь до Хакодате). Все эти причины, особенно последняя из перечисленных, выглядят вполне правдоподобными; но здесь выступает на сцену не объективный, а субъективный фактор, выразившийся в том, что на военном совете вопрос о помощи русским войскам на Охотском побережье вообще не поднимался.

В самом деле: к примеру, для перехода петропавловского гарнизона к партизанским действиям объективных условий было не больше, чем для захода кораблей в Гижигинскую губу с целью спасения «бочкаревцев»; однако Иванов-Мумжиев не посчитал лишним специально спросить членов военного совета, «возможна ли с нашей стороны партизанская война в случае, если Петропавловск будет занят десантом» (естественно, «присутствующие высказались отрицательно»). Нет сомнения, что и на предложение идти на выручку Бочкарева и Пепеляева нашлось бы немало аргументированных и объективно обоснованных возражений. Но такого предложения даже не прозвучало (хотя бы с эгоистической целью застраховать начальника области и его помощников от обвинения в предательстве), и это заставляет предположить, что оба отряда действительно были камчатским командованием уже списаны со счета.

Понимали ли в Петропавловске, как будут выглядеть их действия со стороны? — Вероятно, да, — вряд ли случайно Пурин (не приглашенный на военный совет, хотя он, даже будучи штатским, как местный старожил и ближайший помощник Иванова-Мумжиева по гражданским делам, мог бы оказаться очень полезным) почти два десятилетия спустя вспоминал о событиях 2 ноября: «Делаю последнюю попытку на петропавловской радиостанции войти в связь с генералом

---

³⁴ См.: *Фетисов А.П.* Последний залп: Конец одной генеральской авантюры. [Магадан], 1971. С. 79.

Пепеляевым в Аяне, с Н.М. Соколовым в Охотске и с полковником Бочкаревым в Наяхане, чтобы информировать их о случившемся в Приморье, выяснить их намерения и планы, но, увы, попытки безуспешны. Ни одна из этих радиостанций не отзывается на вызовы»³⁵. Однако весь рассказ выглядит лишь запоздалым и слабым самооправданием, если вспомнить о тогдашнем состоянии средств связи на Охотском побережье.

Селение Аян называлось «портом» лишь по традиции, оставшейся от времен Российско-американской компании; к 1916 г. же в нем «оседло проживали <...> только одно русское семейство, урядник с помощником, в ведении которого находились казенные грузы, да две туземных семьи»³⁶, — соответственно, ни о какой радиостанции там говорить не приходилось, и кого мог вызывать в Аяне Пурин — непонятно. Кроме того, даже если бы в распоряжении Пепеляева имелась полевая радиостанция (о чем ничего не известно), он все равно не смог бы рассказать о своих «намерениях и планах», поскольку мощности такого передатчика для разговора через все Охотское море явно не хватило бы.

В Охотске радиостанция была, однако еще в мае 1920 г. по распоряжению «военревштаба Охотского района в согласованности с командующим Николаевским районом и округом т-оварищем» Тряпицыным (организатором бойни в Николаевскена-Амуре. — А.К.) она была сильно повреждена³⁷. В частности, красные партизаны разрушили 75-метровые железные мачты, и хотя впоследствии на замену были сооружены деревянные³⁸, станция могла работать только на прием³⁹, — впрочем, и в первоначальном-то, исправном своем состоянии она способна была переговариваться с Петропавловском не напрямую, а лишь через Наяхан⁴⁰.

Радиостанция близ селения Наяхан, откуда вел переговоры Бочкарев, поддерживалась в исправном состоянии и могла не только слушать, но и сама передавать радиogramмы в Охотск, Петропавловск, Анадырь. Тем не менее получение 2 ноября сообщения об эвакуации Петропавловска и запроса о «намерениях и планах» уже ничем не могло бы помочь остаткам Северного экспедиционного отряда и выглядело бы просто злою насмешкой. В самом деле, что оставалось делать Бочкареву? Двигаться на Охотск — Аян на соединение с Пепеляевым, по-прежнему без каких бы то ни было перспектив для дальнейших операций? Прорываться через контролируемые красными партизанами районы к Петропавловску, чтобы найти брошенный город и отсутствие каких бы то ни было средств эвакуации? Взывать из Наяхана по радио ко «всем, всем, всем» о помощи с наибольшей вероятностью, что призывы первым услышит советский корабль, идущий из Владивостока с десантом?! — Поистине, радиogramма Пурина, если она была принята Бочкаревым,

³⁵ Пурин А.А. В день эвакуации Петропавловска. С. 38.

³⁶ Давыдов Б.В. Лоция побережий РСФСР Охотского моря... С. 407.

³⁷ [Телеграмма Охотского военно-революционного штаба В.И. Ленину от 23 мая 1920 г.] // Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль 1920 — ноябрь 1922 гг.): Док-ты и м-лы: В 2 ч. Владивосток, 1993. Ч. 1. С. 233 (документ № 97).

³⁸ См.: Фетисов А.П. Последний залп... С. 15. Приведенная А.П. Фетисовым ссылка на источник информации не соответствует действительности.

³⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 15.

⁴⁰ См.: Давыдов Б.В. Лоция побережий РСФСР Охотского моря... С. 488.

говорила лишь об одном: об отчаянном, безысходном положении брошенных солдат и офицеров, и неудивительно, что ответа на нее не последовало: отвечать, в сущности, было нечего.

В чем же причина трагедии — ибо судьбу оставленных без помощи отрядов трудно назвать иначе чем трагической? Еленевский, похоже, считал это следствием простой нераспорядительности, в тех условиях становившейся уже преступной: «...эвакуация была проведена настолько скверно, что были брошены небольшие посты на побережье. Пост в устье реки Тигиль (подъесаул Савич и 10 чинов) спасся только благодаря тому, что смог погрузиться на американский пароход; другие посты погибли»⁴¹. Правда, сведения о судьбе «поста» на реке Тигиль, источник которых неизвестен, выглядят довольно сомнительными: непонятно, откуда и почему в такой сезон (уже не рыболовный и еще не охотничий) близ устья оказался пароход из Америки; почему он не оказал помощи другим подразделениям — хотя бы «постам» по побережью полуострова или отрядам в Гижиге и Няхане; наконец, что представлял собою сам «пост» подъесаула Савича и почему он там находился.

Селение Тигиль, близ которого в устье одноименной реки располагался временный летний лагерь, было крайним пунктом по западному берегу полуострова, соединенным со столицей области телеграфной линией Петропавловск — Большерецк (или Усть-Большерецк) — Тигиль. Однако благодаря стараниям красных партизан линия не действовала — что, кстати, усложняло оповещение о происходивших в Петропавловске событиях, — а район Большерецка контролировался партизанской группой, численность которой оценивалась в 100 человек, — немалая сила по масштабам камчатских формирований⁴². Пытаясь прорваться на помощь Петропавловску или просто желая взять под контроль район Тигиля, Бочкарев еще в апреле 1922 г. направил туда из Гижиги небольшой отряд, и первым в Тигиль действительно прибыл «подъесаул Савич с двумя ординарцами»⁴³. Однако Савичу пришлось по требованиям местных жителей вернуться обратно, а более сильная разведывательная группа в мае попала в засаду и была перебита⁴⁴. Возможно, речь здесь должна идти не столько о борьбе сознательных сторонников советской власти, сколько об известном нам желании населения «не надо ни белых, ни красных»; но в любом случае на таком фоне появление в Тигиле в ноябре «поста» того же Савича выглядит маловероятным.

Вернемся, однако, к мотивам петропавловского командования. Нам кажется правдоподобным, что для дружины Пепеляева роковую роль сыграла даже не дальность дополнительного перехода с Камчатки в Аян (переходы Петропавловск — Гижигинская губа — Хакодате продолжительнее), а сравнительно большая численность отряда, для которого, как молчаливо решили, должно быть, Иванов-Мумжиев с Ильиным, тоннажа решительно не хватало. Ситуация же с отрядом Бочкарева представляется более сложной и намного более неприглядной.

---

⁴¹ Еленевский А.П. 1921–1923 годы в Якутской области. С. 15.

⁴² См.: ГА РФ. Ф. Р-6143. Оп. 1. Д. 13. Л. 11 об., 14 об.

⁴³ [Сообщение волостного комитета из Тигиля в Облнарревком от 18 апреля 1922 г.] // За власть Советов. С. 141 (документ № 85).

⁴⁴ См.: Махоркин И., Слободчиков Ф. Годы борьбы и побед. С. 74.

Начальник Северного экспедиционного отряда пользовался весьма неоднозначной репутацией — и как «калмыковец» (соратник покойного уссурийского атамана генерала И.П. Калмыкова), и как «семеновец» (приверженец атамана Г.М. Семенова в 1920-м и летом 1921 г., в период наиболее острой розни «семеновской» и «каппелевской» группировок в Приморье), и, наконец, как человек, чья деятельность на охотском побережье, справедливо или несправедливо, вызывала многочисленные обвинения в самовольстве, своекорыстии и жестоком обращении с местным населением. Достаточно сказать, что даже такой скрупулезный и в целом объективный историк кампании 1921–1922 гг. в Приморье, как поручик Б.Б. Филимонов (ведущий в эмиграции автор, писавший на эту тему), повторил не только расхожие обвинения, но и лживую советскую версию, будто Бочкарев выжил и бежал за границу («...со своими друзьями и неправдой приобретенным богатством оказался в Шанхае, а Приамурское правительство, не получив от всего этого дела ни единых копеек, лишь “запачкало” свое имя»)⁴⁵.

А тогда, осенью 1922 г., подобная неприязнь могла повлечь за собой и тяжкие последствия: возглавлявший крохотный гарнизон («пост»?) в бухте Барона Корфа на восточном побережье Камчатки полковник Данин после разговора с офицерами заходившей в бухту канонерки сообщал для передачи Бочкареву, «что отношение к Отряду со стороны офицеров “Магнита” отрицательное, и, по словам Дрейера, во Владивостоке среди морских офицеров и некоторых высших чинов идет сильная агитация против полк<овника> Бочкарева и нашего Отряда». Более того, той же осенью, незадолго до общей эвакуации, «“Магнит” увез из бухты 600 пуд<ов> муки, 27 бочек по 35 пуд<ов> солонины и на 1500–2000 руб<лей> пушнины»⁴⁶, — и если о потере пушнины можно было сожалеть или не сожалеть, то столь существенное уменьшение продовольственных припасов накануне зимы становилось уже фактически ударом по «бочкаревцам». И отдавали себе участники военного совета в этом отчет или нет, — но полное отсутствие какой бы то ни было заботы о судьбе Бочкарева и его людей, вероятно, имело основанием ту самую «сильную агитацию», о которой Иванов-Мумжиев вряд ли мог не знать, собираясь из Владивостока на Камчатку.

«Перевернулась еще одна страница российской истории, страница трагическая для нас, уходящих, ибо горечь разлуки с родиной — одна из величайших трагедий человечества», — писал много лет спустя о петропавловской эвакуации Пурин⁴⁷. Но к этому следует добавить и слова, сказанные другим участником событий о тех, кого не оказалось среди эвакуированных и кому предстояло принять безнадежный бой на родной земле: «Северо-восток России оказался местом последней схватки между белыми и красными, и разыгравшиеся здесь эпизоды полны глубокого трагизма»⁴⁸.

⁴⁵ Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. [Роквилль (США)], 1971. С. 89.

⁴⁶ РГВА. Ф. 39772. Оп. 1. Д. 3. Л. 14 об.

⁴⁷ Пурин А.А. В день эвакуации Петропавловска. С. 38.

⁴⁸ Орлов М.Ф. На Камчатке в 1921 и 1922 годах // Камчатка: Юбилейный сборник... С. 150.

ПИСЬМА ПРОТ. В.В. ЗЕНЬКОВСКОГО к Д.И. ЧИЖЕВСКОМУ
(1948–1962)

*Публикация, предисловие и подготовка текста В.В. Янцена,
комментарии В.В. Янцена и О.Т. Ермишина*

Продолжая серию публикаций эпистолярного наследия из гейдельбергского архива русско-украинского философа и слависта Дмитрия Ивановича Чижевского (1894–1977)¹, обратимся к хранящимся там письмам философа и богослова прот. Василия Васильевича Зеньковского (1881–1962).

¹ Письмо Б. Пастернака Д.И. Чижевскому [от 26.05.1959 г.] / Публ. М.А. Рашковской // Дружба народов. 1990. № 3. С. 242–243; Чуднов О. Письма Д.И. Чижевского к А.В. Флоровскому (1937–1944 годы) // Записки обласної наукової бібліотеки імені Дмитра Чижевського. До 100-річчя з дня народження Дмитра Чижевського / Упор. О. Чуднов. Кіровоград, 1994. С. 31–34; Жизнь в изгнании: письма М.М. Новикову — бывшему ректору Московского университета [письма Д.И. Чижевского — М.М. Новикову: 4.04.; 18.4.; 2.06.1957 г.] / Публ. Т.И. Ульянкиной // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 1. С. 134–135; Письмо Д.И. Чижевского Томасу Манну [27.10.1945 г.] / Публ. В. Янцена // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2003. С. 305–321; *Пшеничний Є., Янцен В.* Листування Дмитра Чижевського с Василем Сімовичем [1926–1937] // Славістика. Т. 1: Дмитро Чижевський і світова славістика / Ред. Р. Мних, Є. Пшеничний, Дрогобич, 2003. С. 251–330; *Янцен В.* Неизвестное письмо Б.В. Яковенко к Д.И. Чижевскому (1934): К истории одного философского скандала // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник 2003 [6] / Под ред. М.А. Колерова. М., 2004. С. 605–608; *Schifferová V.* Comeniana aus dem Nachlass von Dietrich Mahnke: Die Korrespondenz zwischen Dietrich Mahnke und Dmitrij Tschizewskij aus dem Jahre 1935 // Acta Comeniana. 2004. № 18. S. 213–223. *Янцен В.* Об иррациональном в истории: Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932–1937, 1947 гг.) // Русский Берлин: 1920–1945: Международн. науч. конф. / Науч. ред. Л.С. Флейшмана; Сост. М.А. Васильевой, Л.С. Флейшмана. М., 2006. С. 304–326; *Он же.* Российские ученики Э. Гуссерля из фрейбургской «Святой общины»: Фрагменты переписки Д.И. Чижевского и Е.Д. Шора [1924–1933] // Логос. М., 2006. № 1 (52). С. 138–169 (перепечатано в сб.: Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 16: Русские евреи в Германии и Австрии / Ред.-сост. К. Кикоин и М. Пархомовский. Иерусалим, 2008. С. 127–157); Из архива А.К. Случевской-Королицы: Письма Д.И. Чижевского [1961 г.] / Публ. и коммент. И. Иванченко // Новый журнал. 2006. № 243. С. 164–168; Д.И. Чижевский: Письма А.Л. Бему (1925–1932). А.Л. Бем: Письмо Д.И. Чижевскому (1930) / Публ. М. Магидовой (Прага) и В. Янцена (Галле) // Rossica: Научные исследования по русистике, украинистике и белорусистике. Прага, 2007. С. 67–96; *Бердяев Н.А.* Письмо Д.И. Чижевскому / Публ. В. Янцена // Новый журнал. 2007. № 246. С. 212–216; Избранные автобиографические письма Д.И. Чижевского за 1921–1976 гг. и биографические материалы о нем см.: *Чижевский Д.И.* Избранное: В 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977) / Сост., вступ. ст. В. Янцена. М., 2007 (далее: Материалы); *Кантор В.К.* Возможна ли дружба интеллектуалов в эмиграции?: (Степун и Чижевский) [19 писем Ф.А. Степуна Д.И. Чижевскому (1946–1963)] // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 84–117; Jan Patočka — Klaus Schaller — Dmitrij Tschizewskij: Philosophische Korrespondenz 1936–1977 [письма Я. Паточки Д.И. Чижевскому: 19.02.1936; 16.03.1944, 7.07.1956, 14.07 и 16.09.1957, 1.02.1966 г.] / Hrsg. von H. Blaschek-Hahn und V. Schifferová. Würzburg, 2010. S. 17–28; *Dopisy Jana Patočky Dmytrovi Čyževskému (1932–1968)* // Jan Patočka: Korespondence s komeniologu II. Sebrané spisy Jana Patočky. Sv. 22 / Red. V. Schifferová a I. Chvatík. Praha, 2011. S. 9–38; *Янцен В.* Марбургское дело Чижевского:

Памятью о гегелевской заповеди «истинное есть целое», необходимо сказать, что публикуемые здесь письма — значительная, но, увы, только часть истории реального общения и переписки В.В. Зеньковского с Д.И. Чижевским. Косвенно об этом свидетельствуют многие факты: в одном из первых послевоенных писем Зеньковский говорит о «восстановлении» их связи, что подтверждается дарственными надписями на сохранившихся в библиотеке и в личном архиве Чижевского книгах и оттисках статей Зеньковского за 1920–1930-е гг.², рецензией Чижевского на первое издание книги Зеньковского «Русские мыслители и Европа»³, их совместной работой в 1920-е гг. в пражском Философском обществе, возникшем как филиал основанного по инициативе В.В. Зеньковского Общества русской философии в Берлине, участием в работе и изданиях созданного А.Л. Бемом (еще одним представителем «киевского землячества» в Праге и бывшим учеником Зеньковского) Семинария по изучению Достоевского, сотрудничеством в одних и тех же эмигрантских («Русская школа за рубежом», «Современные записки», «Путь») и иностранных («Orient und Occident», «Zeitschrift für slavische Philologie») журналах и, наконец, текстами мемуарного характера, написанными ими друг о друге⁴.

К истории одного академического скандала (1948–1949) // Славистика. Т. 2: Дмитро Чижевський і європейська культура: Збірник наукових праць / Під ред. Є. Пшеничного, Р. Мниха, В. Янцена. Дрогобич, 2010. С. 137–194 (далее: Славистика 2); *Блашків О.* Дмитро Чижевський та Словаччина: за архівами Словацької національної бібліотеки та Матиці Словенської. Додаток 1: Листи Дмитра Чижевського до Андрея Мраза [1933–1937]; Додаток 2: Лист А. Мраза до Д. Чижевського [21.05.1943]; Додаток 3: Лист Дмитра Чижевського до Йозефа Шкульгети [14.01.1934]; Додаток 4: Лист Дмитра Чижевського до Антіна Штефанека [11.04.1943] // Там саме. С. 195–224; *Пшеничний Є.* Дмитро Чижевський і Наукове товариство Шевченка [Письма и материалы из личного дела: 1927–1933 гг.] // Там саме. С. 321–334; *Ульяновський В.* «Ціле море інтелекту»: Листи Дмитра Чижевського до Миколи Геппенера 1944 року // Там саме. С. 335–376; *Тетеріна-Блохіна Д.* Листування Домета Олянична з Дмитром Чижевським [1926–1928, 1934–1937, 1947, 1964 гг.] // Там саме. С. 377–396; *Валявко І.* Заметки к биографии двух мыслителей: Дмитрий Чижевский и о. Георгий Флоровский. [Приложение:] Письма Д. Чижевского и о. Георгия Флоровского / Публ. И. Валявко [письма Чижевского от 26.04.1949 г., 14.06.1950 г., 14.10.1968 г.; письмо о. Георгия от 18.10.1968 г.] // *Colloquia Litteraria Sedlcensia*. Т. 4: Дмитрий Чижевский и европейская культура / Под ред. Р. Мниха и Ю. Урбан. Дрогобич; Siedlce, 2010. С. 231–285; Письма Н.С. Трубецкого Д.И. Чижевскому / Публ. В. Янцена // Там же. С. 287–294; Д.О. Святский. Два письма Д.И. Чижевскому (1929) / Публ. В. Янцена и А. Тоичкиной // Там же. С. 295–298; *Янцен В.* Другая философия: Переписка Д.И. Чижевского и Г.В. Флоровского (1926–1932, 1948–1972) как источник по истории русской мысли (в печати в ежегодн. «Исследования по истории русской мысли»).

² В личной библиотеке Д.И. Чижевского в Галле имеются следующие издания В.В. Зеньковского: «Психология детства» (Лейпциг, 1924); «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (Париж, 1934); отд. оттиск: «Преодоление платонизма и проблема софийности мира» (Путь (Париж). 1930. № 24. С. 3–40). Все они с дарственными надписями. В полной послевоенной коллекции оттисков, принадлежавшей Д.И. Чижевскому, а ныне находящейся в моем частном собрании чижевскианы в Галле, имеется оттиск следующей довоенной статьи: *Zen'kovskij V.* Gogol als Denker // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Leipzig, 1932. Bd. 9. H. 1/2. S. 104–130. Дарственная надпись: «Дорогому Д.И. Чижевскому от автора 1932. 5/IX».

³ См.: *Прокофьев П.* [Д.И. Чижевский] В.В. Зеньковский: Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1926 // *Современные записки*. 1927. № 32. С. 475–481.

⁴ *Зеньковский В., прот.* Мои встречи с выдающимися людьми. Встречи в Киеве: Дмитрий Иванович Чижевский // *Записки Русской академической группы в США*. Нью-Йорк, 1994. Т. 26. С. 56–59 (перепечатано с комментариями в изд.: *Материалы*. С. 243–245, 526–528); *Чижевский Д.И.* Василий Васильевич Зеньковский † (1881–1962) // *Материалы*. С. 822–825, 835–836.

Поэтому естественно, что при публикации писем только одного корреспондента реалии, связанные с их адресатом, предстают либо только в отраженном виде, либо вообще остаются «за кадром», требуя дополнительного комментирования.

Вехи жизненного пути В.В. Зеньковского исследованы довольно хорошо⁵, ведут они из Киева через Белград и Прагу в Париж. Дважды в жизни он в течение нескольких лет находился в тесном общении с Д.И. Чижевским: в Киеве, где был его учителем и наставником по философии с 1913 по 1919 г. (правда, из-за научной командировки Зеньковского в Германию в 1913–1914 гг. их первая встреча состоялась в 1915 г., как об этом сообщает сам о. Василий⁶), и в Праге с 1924 по 1926 г. Но и живя в разных странах, они не теряли друг друга из виду, вели деловую и доверительную переписку, обменивались визитами, публикациями, текущими новостями, оказывали друг другу различные услуги, материальную и духовную поддержку. Трудно переоценить значение этой переписки и мемуарных текстов для исследования их творчества и биографий. Много может она дать и для постановки вопроса о структуре наследия и генезисе философской системы Зеньковского, но главное — для лучшего понимания его личности. Как известно, вся довоенная корреспонденция Зеньковского была конфискована французской полицией при его аресте осенью 1939 г. и, вероятно, погибла, а разыскать письма Д.И. Чижевского в разбросанном ныне по различным странам послевоенном архиве его учителя пока не удалось. Библиотека и личный архив Чижевского за 1930–1945 гг. хранятся в университете города Галле, но до сих пор полностью не описаны, и ранних писем Зеньковского там обнаружить не удалось.

В автобиографиях и различных выступлениях Чижевский не раз подчеркивал духовную и личную близость к В.В. Зеньковскому, сравнивая его роль в своей жизни только со значением С.Л. Франка и своих немецких учителей — Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Р. Кронера и Ю. Эббингхауза. Нет сомнений в том, что тема неопубликованной дипломной работы Чижевского «О философском развитии Шиллера», написанной в 1918–1919 гг. в Киевском университете, была выбрана под влиянием Зеньковского. Опубликовать из этой работы удалось лишь небольшой фрагмент — статью «Шиллер и “Братья Карамазовы”», где упоминается такой малоизвестный

⁵ Автобиографические и биографические материалы о прот. В.В. Зеньковском см.: *Зеньковский В.В. Очерк внутренней моей биографии* // Вестник РСХД. 1962. № 66–67. С. 8–15; *Он же. Очерк моей философской системы* // Там же. С. 37–39; *Он же. Из моей жизни* // Там же. 1964. № 72/73. С. 79–90; Вестник РХД. 2002. № 183. С. 303–325; *Он же. Мое участие в РСХД* // Вестник РХД. 1997. № 177. С. 83–121; 1998. № 178. С. 109–139; 2001. № 182. С. 315–325; *Зеньковский В., прот. Мои встречи с выдающимися людьми* // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1994. Т. 26. С. 3–61; 1995. Т. 27. С. 3–52; 1996–1997. Т. 28. С. 3–19. *Он же. Пять месяцев у власти* [(15.05–19.10.1918)]: Воспоминания / Под ред. М.А. Колерова. М., 1995; *Скоропадский П. Спогади*. Київ, 1995. С. 162, 170–171, 200; *Григорьев Д., свящ.* О. Василий Зеньковский // Русская религиозно-философская мысль: Сб. ст. / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975. С. 231–239; Памяти отца Василия Зеньковского. Париж, 1984; *Сапов В.В.* В.В. Зеньковский. Очерк жизни и творчества // Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М., 1997. С. 550–557; *Сербиненко В.В.* Василий Васильевич Зеньковский // Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 5–12; *Ермишин О.Т.* Путь к идейному синтезу и единству: (О жизни и трудах В.В. Зеньковского) // Зеньковский В.В. Собр. соч. М., 2008. Т. 1. С. 5–37 и др.

⁶ «Я его знаю с 1915 года» (Материалы. С. 243).

факт: в Киеве Зеньковский и Чижевский вместе писали книгу «Шиллер в России»⁷. Вряд ли можно сомневаться и в том, что Зеньковский всячески приветствовал интерес своего ученика к Гоголю. Неудивительно и то, что по его рекомендации Чижевский был оставлен на историко-филологическом факультете Киевского университета для подготовки к профессорскому званию⁸. Чувство глубокой признательности своему учителю Чижевский сохранил на всю жизнь, приложив немало усилий для популяризации его творчества, издания его работ в Германии, их рецензирования и обсуждения со студентами, одним из первых обратил внимание на их литературоведческое, общекультурное, а не только узкофилософское значение.

В.В. Зеньковский считал Чижевского одним из самых талантливых своих учеников⁹. В письмах к нему, в книгах «История русской философии» (1948, 1950) и «Н.В. Гоголь» (1961) он многократно упоминает и очень высоко оценивает его историко-философские и литературоведческие работы. В 1948 г., когда министр культуры земли Гессен Э. Штайн публично обвинил Чижевского в профессиональной некомпетентности и шпионаже в пользу СССР, одним из первых в его защиту выступил в немецкой прессе В.В. Зеньковский: «1. По поводу той клеветы, что господин проф. Чижевский является советским агентом, могу Вам сообщить, что знаю проф. Чижевского более 30 лет и могу подтвердить, что это утверждение — абсолютная чушь и что не нужно ему придавать никакого значения. С юных лет, с самого начала занятий политикой проф. Чижевский был решительным и бескомпромиссным врагом коммунизма, и именно поэтому он был вынужден эмигрировать. 2. Научная компетентность проф. Чижевского вне всяких сомнений. Он один из самых компетентных специалистов в области истории, литературы и языкознания славянских народов. Его научная продуктивность, многосторонняя эрудиция и ряд блестящих работ по славистике сделали ему имя в различных славянских странах»¹⁰.

На фоне их многолетнего плодотворного сотрудничества непонятным диссонансом звучат лишь следующие слова из мемуарного очерка Зеньковского о Д.И. Чижевском, написанные между 1953 и 1955 гг. (курсив мой): «...неожиданно открылась для меня неведомая раньше сторона в Д.И. Он оказался членом украинской партии соц. демократов. И то, что он оказался связан с украинским движением (стал даже членом Центральной Рады) и был соц. демократом, все это как-то “не шло” к нему, не вязалось с его серьезными научными интересами. Надо сказать, что вся эта “подпольная” жизнь Д.И. (длившаяся до эмиграции) оставалась для меня всегда загадкой. <...> ...В Киеве я его всегда встречал в сопрово-

⁷ См.: Čyževský J. Schiller und die «Brüder Karamazov» // Zeitschrift für slavische Philologie. Leipzig, 1929. Bd. 6. H. 1–2. S. 1–42. «Влияние Шиллера на русских мыслителей исследуется в разных работах В.В. Зеньковского. Его работа “Шиллер в России” подготовлена вместе со мной» (Ibid. S. 4. Anm. 5).

⁸ «Чижевский сразу выделился среди своих коллег разнообразием и основательностью своих знаний. Он был оставлен мной при университете для подготовки к профессорскому званию» (Материалы. С. 243).

⁹ «Дмитрий Иванович — один из крупнейших историков культуры, как русской, так и западноевропейской. Количество его работ превосходит две сотни. А разнообразие областей изучения (история философии, история литературы, история религиозных и мистических течений и т. д.) тоже очень велико» (Там же).

¹⁰ Янцен В. Марбургское дело Чижевского: к истории одного академического скандала (1948–1949) // Славистика 2. С. 165–166.

ждении очень красивой и дельной бырышни, кажется по фамилии Агеевой (не уверен, что воспроизвожу точно фамилию), принадлежавшей тоже к с. д. партии. Она была беззаветно предана Д.И., и он как-то добродушно и мило принимал ее помощь, услуги, видимо ничего ей не давая. Но и в это время у Д.И. была особенность: он жил как бы в полусне, жил в научных изысканиях и в то же время очень легко сходилась с людьми, оставаясь к ним совершенно равнодушным. Так, по крайней мере, мне казалось. <...> Его имя становилось все более известным; тогда я не потерял еще надежды, что из него выйдет философ (чего не вышло, хотя одна треть или чуть меньше его статей посвящена философским темам). После войны 1939–45 годов я дважды приезжал в Марбург по приглашению Д.И. и делал доклады в его семинаре. Здесь Д.И. был уже другим — столь же милым, внимательным (болтливый — это качество, впрочем, было у него всю жизнь) и столь же закрытым в своей глубине, но он уже занимал кафедру в одном из лучших университетов, имел большое имя, был в переписке со всеми “первыми” лицами в славистике (Vasmer, Якобсон и др.), дружил с талантливым историком Бенцем. Печать спокойствия, уверенности в себе, прочности лежала на нем. И вдруг все это провалилось. Правые немецкие круги <...> при новом министре маленькой страны (кажется, Hessen), куда входил Марбург, его не утвердили ординарным профессором. Чижевский боролся за себя, настолько он, вообще пассивный, был возмущен и потрясен. Но... “теллургические силы истории”, как говорит Кайзерлинг, оказались сильнее, пришлось спасаться в Америку. Его приняли в Harvard (где доныне царит Якобсон), но Ч. приехал в Америку злой, недовольный, отказался изучать английский язык (читает для студентов, изучающих русский язык). Пока все еще там, но в тяжелом, удрученном состоянии. Меня всегда поражало в Чижевском то, что его колоссальные знания, его исторические интересы убили в нем мыслителя. Филологическая стихия, очень яркая в нем (ср. его первоначальные этюды о Гоголе), помешала его философскому творчеству. Может быть, не хватило дарования? Может быть, но мне кажется, что потребность Д.И. все изучать (по латинскому рецепту: *quid novi?*¹¹) убила его собственное творчество»¹².

Учитывая, что очерк этот писался одновременно с сочувственными, глубоко личными и доверительными письмами Чижевскому середины 1950-х гг., при его первой републикации пришлось поломать голову над вопросом, где же Зеньковский писал правду, а где оставался «себе на уме» или даже кривил душой? Известным оправданием для автора было то, что его мемуары не предназначались для печати и не были опубликованы при жизни ни автора, ни описываемых в них лиц. Но суть проблемы оставалась неразрешенной. В очерке, посвященном Д.И. Чижевскому, поражало как большое количество фактических ошибок¹³ (наводящих на мысль, что все данные записывались о. Василием по памяти, без попытки их уточнения по каким-либо источникам, а хронология в его преклонном возрасте, увы, уже не была его сильной стороной), так и явное противоречие с характером их взаимоотношений и содержанием отзывов Зеньковского о Чижевском в печати и в переписке. За-

¹¹ Что нового? (*лат.*).

¹² Материалы. С. 244–245.

¹³ Их перечень и подробный комментарий к ним см.: Материалы. С. 526–528.

конченный к середине 1950-х гг., он и не мог претендовать на полноту. Но ведь уже к тому времени Чижевский заявил о себе не только как литературовед и филолог, но и как вполне самостоятельный мыслитель и особенно историк славянской и западноевропейской мысли. По-видимому, обращая особое внимание на внешнюю, биографическую канву повествования, а в характеристике личности Чижевского на ее привязанность к внешней стороне жизни, автор мемуаров просмотрел специфику духовного развития своего ученика. Слов нет, в публикациях Чижевского история явно преобладает над систематикой, а филология — над философией. Но и в, казалось бы, чисто филологических и исторических его работах всегда присутствует философский фон, а его историко-философские исследования заметно выигрывают от постоянно применяемых в них методов сравнительного и стилистического анализа. Междисциплинарный и компаративный характер работ Чижевского, его размышления о проблеме «интерпретации» и «понимания» в гуманитарных науках позволяют причислить его к родоначальникам современной философской герменевтики, которая у него (в отличие от М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера) никогда не теряла непосредственной связи с герменевтической практикой (филологией, историей философии, религии и литературы). Именно в этом специфика и итог развития Чижевского как мыслителя, а не в мнимой его погоне за многознанием и не в том, что из профессионального философа он — далеко не по собственному желанию, а по невостребованности его философского творчества на Западе и тем самым из-за трагики своей личной судьбы в эмиграции — вынужден был стать профессиональным филологом.

Как это ни странно для такого компетентного специалиста в области истории русской философии, каким был Зеньковский, но необъективность его оценки творчества Чижевского была связана с незнанием всех перипетий его биографии и всех его работ, о чем косвенно свидетельствует уменьшение их общего количества более чем в четыре раза (с 500 до 100!), характеристика опубликованных объемистых книг в 200–300 страниц как «этюдов», а также с убеждением автора в том, что оригинальность философского творчества определяется степенью его оформления в законченную систему: «Очень плодovit и имеет огромные заслуги в разных областях исторического изучения философии (русской, украинской, чешской, немецкой) Д.И. Чижевский... Он написал несколько философских этюдов по логике, этике, философии языка и философии истории. Но все это лишь материалы для некоей “чаемой” системы, которая чувствуется в этюдах Чижевского. <...> Число этюдов и книг, написанных Чижевским, превышает уже 100 номеров. К систематическим построениям имеют отношение этюды “О формализме в этике”, “Логика и этика”»¹⁴. О том, что у Чижевского к середине 1950-х гг. было написано еще более десятка книг, среди которых были и чисто философские¹⁵, но

¹⁴ Зеньковский В.В. История русской философии. Париж, 1950. Т. 2. С. 460.

¹⁵ О нереализованных творческих проектах Чижевского см.: Янцен В.В. Неизвестный Чижевский: Обзор неопубликованных трудов. СПб., 2008; Plotnikov N. Der Sinn der Individualität: Zum Entwurf einer phänomenologischen Ethik bei Dmitrij Tschizewskij // SYNEIDOS: Deutsch-russische Studien zur Philosophie und Ideengeschichte. Bd. 3: Zwischen den Lebenswelten: Interkulturelle Profile der Phänomenologie / Hrsg. von N. Plotnikov, M. Siegfried, J. Bonnemann. Münster, 2012. S. 147–165.

которых он не мог опубликовать, живя сначала в нацистской и полуразрушенной послевоенной Германии, а затем в США, где из-за сложностей с английским языком у него не было никаких связей с издателями. Зеньковский знать, конечно, не мог. Тем более делает ему честь выражение искреннего удивления и радости в письмах второй половины 1950-х гг. по поводу «творческого подъема» Чижевского и его энергичной издательской деятельности.

Скорректировав эти существенные ошибки в оценке Зеньковским творчества Д.И. Чижевского, можно было бы поставить точку. Но ведь из всего вышесказанного отнюдь не следует, что многоопытный душевед ошибался и в характеристике личности Чижевского. Парадокс его антиномичных отзывов о творчестве и личности Чижевского можно попытаться разрешить, обратив внимание на специфику, жанровое различие и несравнимость текстов, в которых эти отзывы содержатся. В чисто академических публикациях Зеньковского никаких негативных личностных характеристик Чижевского не было и не могло быть¹⁶. Нет их и в его письмах. Встречаются они только в мемуарах.

Но как раз предназначение и судьба мемуаров В.В. Зеньковского полны загадок. Во-первых, неясен вопрос об их точной датировке. А без датировки нельзя понять последовательность и цель их написания, а также возможную связь их содержания с системой христианской философии Зеньковского. Во-вторых, существуя в виде готовых рукописей, все эти тексты по своему замыслу взаимосвязаны друг с другом, и, следовательно, завершение их без малейшего шанса на прижизненную публикацию имело для автора даже более приоритетное значение, чем завершение его философской системы.

Можно предположить, что между отдельными текстами воспоминаний Зеньковского существует какая-то иерархическая связь и что каждый из них в ней выполняет свою собственную функцию. При их чтении сразу же бросается в глаза, что центральным предметом рассмотрения в них являются не описываемые события сами по себе и не переживания мемуариста по их поводу, а люди, история отношений с ними и личное свидетельство о них Зеньковского. В какой-то мере они выполняют обычно не свойственную мемуарам функцию интимного дневника или отчета за свою жизнь перед самим собой. Предвосхищая метафору историоскопа Л.Н. Гумилева, Зеньковский рассматривал свои сюжеты с разных точек удаления, в разных ситуациях и контекстах, существенно влияющих на интерпретацию событий и действующих лиц. Поэтому совершенно естественно и понятно, что одни и те же люди могут по-разному, с разной степенью личного приближения к ним автора изображаться в текстах, посвященных темам государственной («Пять месяцев у власти») и церковной («Второй Епархиальный съезд и жизнь Экзархата после него», «Моя работа в Епархиальном совете и церковные события после съезда 1952 г.») политики, академической и педагогической рабо-

---

¹⁶ Нельзя впадать в модернизацию прошлого: уже само упоминание самостоятельного философского творчества Чижевского в «Истории русской философии», а тем более положительные отзывы о его работах во введении, дискуссия с ними в главах о Сковороде, о русском гегельянстве и шеллингианстве, а также о Белинском свидетельствуют не только о серьезном к ним отношении, но и о включении их в историографию и историю русской философии.

ты («Из моей жизни», «Моя работа на педагогическом поприще»), церковной и административной деятельности («Мое участие в русской церковной жизни в Западной Европе (1920–1952)», «Мое участие в церковной жизни в Западной Европе (1956–1961)», «Мое участие в РСХД»), истории личных отношений с выдающимися людьми, включающей сжатые характеристики их личностей («Мои встречи с выдающимися людьми»), самоинтерпретации и автобиографии («Очерк внутренней моей биографии», «Очерк моей философской системы»). Даже не вдаваясь в детали содержания каждого из этих мемуарных текстов, можно констатировать их единство, целостность и подчиненность общему плану, что, разумеется, необходимо учитывать и при их издании. Это не просто мемуары и не только материалы, посвященные основным биографическим сюжетам или линиям жизни автора, но тексты, являющиеся реконструкцией смысла жизни и своеобразия личности прот. В.В. Зеньковского. Ответ на вопрос о собственной судьбе и идентичности, о единстве своей жизни он находил в реконструкции своих встреч и отношений с различными людьми, которых называет «выдающимися». Поэтому центральным среди всех его воспоминаний оказывается текст «Мои встречи с выдающимися людьми».

Это, на мой взгляд, уникальный не только в русской, но и в мировой литературе текст с изображением своеобразия девяносто одной личности! При соблюдении одной и той же логической схемы повествований (история взаимоотношений — характеристика личности) Зеньковскому успешно удалось избежать самоповторов, которые допускались только в важных сюжетах, уже затрагивавшихся в каких-то других воспоминаниях, а не в характеристиках личности. А на такое способен только писатель высочайшего класса.

Но что же понимает Зеньковский под личностью?

Здесь он следует традициям русского православия и немецкой мистики. Речь у него чаще всего идет о религиозности и неверии, добре и зле, дарах и испытаниях, различных вариациях «поиска себя», «полноте жизни» и отклонениях от нее. При этом под личностью понимается живое единство тела, души и духа конкретного человека. Но ведь это только в теории легко объяснить, почему именно это единство является личностью. А на практике, когда кого-нибудь из нас просят описать главное в каком-либо человеке, чаще всего все сводится к описанию каких-то ярких и особенно запомнившихся частных черт характера, эмоциональной и интеллектуальной жизни человека, основной сферы его деятельности. О душе же если и заходит речь, то области «душевного» и «духовного» в обыденном словопотреблении постоянно смешиваются, а о теле при слове «личность» забывают не одни моралисты. Не всегда вспоминает о нем в своих кратких эссе и Зеньковский. Но если такие вещи, как физические недостатки, болезненность, здоровье, красота, статность, внушительность фигуры, эротичность, харизматическая манера речи, необычный тембр голоса, действительно влияли на его восприятие чьей-то личности, он обязательно о них упоминал. Станным образом понятие «души» и в описаниях Зеньковского чаще всего совпадает со сферой «духа».

Конечно, все эти характеристики выдающихся личностей, с которыми ему приходилось встречаться, относились к закрытой, внутренней, приватной, ми-

стической сфере жизни Зеньковского, — к сфере его «стояния перед Богом», не предназначенной для публичности. И в этой сфере ни о каком лукавстве или разладе его собственной личности не могло быть и речи. Он просто добросовестно «для себя» описывал собственные интуиции и собственное восприятие тех исторических событий и тех выдающихся людей, которые запечатлелись в его памяти. При этом они нередко оказывались неполными или ошибочными. Но как факт его биографии, сиюминутного самоотчета они сохранились в его наследии и теперь доступны для исследования, помогая нам лучше и глубже понять его личность.

В своем биографическом значении мемуары очень близки к переписке. На трудном и далеко еще не завершенном пути возвращения наследия прот. В.В. Зеньковского на родину менее всего повезло его эпистолярию¹⁷. Публикация его писем к Д.И. Чижевскому, заполняя один из таких пробелов, представляется перспективным направлением более всестороннего изучения биографии и творчества Зеньковского.

Автографы публикуемых писем и открыток прот. В.В. Зеньковского хранятся в личном архиве Д.И. Чижевского при отделе рукописей и редких книг библиотеки Гейдельбергского университета¹⁸. Все они — рукописные, написаны по старой орфографии, исправленной в нашем издании на современную. Пунктуация в письмах также исправлена на современную. Многочисленные сокращения (кроме общеизвестных) раскрыты в угловых скобках. Существенной проблемой при подготовке писем к публикации была их неполная датировка: в большинстве случаев Зеньковский не обозначал года написания письма, ограничивая дату лишь днем и месяцем. Обоснование датировки года приводится в комментариях в начале каждого письма. Авторские подчеркивания сохранены.

В заключение хочется выразить глубокую признательность доктору Армину Шлехтеру за предоставление материалов прот. В.В. Зеньковского из личного архива Чижевского в Гейдельберге, Ирине Валявко и Винценту Зивекингу за указание на местонахождение отсутствовавших первоначально писем, В. Бушу за помощь в переводе латинских цитат, Олегу Ермишину за ценную критику, исправление датировки ряда писем и участие в работе над комментариями (его дополнения отмечены инициалами — О.Е.), а всем вышеупомянутым лицам — за любезное разрешение упоминания и публикации этих материалов в России.

---

¹⁷ Дискуссия о монашестве: Из переписки отца Василия Зеньковского с сестрой Иоанной Рейтлингер // Вестник РХД. 2003. № 185. С. 53–64; Письма В.В. Зеньковского о. Сергию Булгакову (1925–1927) / Публ. Н. Струве // Вестник РХД. 2006. № 191. С. 162–185; *Зеньковский В.В.* Письма Г.П. Федотову [19.02, 7.03, 23.06.1939] // Федотов Г. П. Собр. соч. М., 2008. Т. 12. С. 294–296, 317–320, 374–376; *Сидяков Ю.* Из архива архиепископа Иоанна (Поммера): Письма В.В. Зеньковского к архиепископу Иоанну [13(26).08.1926, 8.02, 9.08.1932] // *Seminarium Hortus Humanitatis*. Альманах X: Русский мир и Латвия. Рига, 2006.

¹⁸ *Nachlass von Dmitrij Ivanovič Tschizewskij in der UB Heidelberg* // Heid. Hs. 3881. Abt. C / Buchstabe Z, Kasten — Zen'kovskij V., Mappe 1–7.

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. D. Tchiżewsky
bei Prof. Benz
21, Latzerstr.
Marburg
Allemagne

12.VII.<1948>¹

Дорогой Дмитрий Иванович, очень был рад получить известие о Вас. По получении (два года назад) Вашего письма я писал Вам на Marburg, но ответа не получил, потом пошли слухи, что Вы в Мюнхене. Слышал, что Вы болеете (от недоедания). Отчего не переберетесь к Лидии Израилевне?² Еще не скоро у Вас придет пора обеспеченного Existenzmin<imum>³. Я тоже хвораю (сердце), но не прекращаю работы. Сейчас печатается 1-й том моей «Истории рус<ской> фил<ософии>»⁴ (осужденной несправедливо Флоров<ским>⁵), 2-й том (от Солов<ьева>) надеюсь кончить к январю. Если получу ответ, pošлю Вам несколько оттисков новых работ моих. В общем все же я очень постарел (67 лет!).

Всего доброго. Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Чижевская Лидия Израилевна (урожд. Маршак; 1897–1983) — врач-дерматолог, жена Д.И. Чижевского, работала в городской больнице в чешском городе Рымаржове (Рёмерштадте). После отъезда Чижевского в 1932 г. в Германию жила в Рымаржове с дочерью Татьяной отдельно от мужа. В 1938 г. эмигрировала через Англию в США, обосновалась в городе Чикаго.

³ Прожиточный минимум (нем.).

⁴ Зеньковский В.В., прот. История русской философии. Париж: YMCA-Press, 1948. Т. 1; 1950. Т. 2.

⁵ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) — богослов, историк и философ, преподававший в Православном богословском институте в Париже патрологию (1926–1939), догматическое (1947–1948) и нравственное (1946–1948) богословие, почетный доктор богословия старейшего шотландского Университета имени св. Андрея в Эдинбурге (1937), профессор догматического богословия (1948–1955) и декан (1951–1955) Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке, профессор различных университетов и богословских школ в США (Гарвард, Принстон), активный деятель экуменического движения. Чижевский был дружен с Г.В. Флоровским с середины 1920-х гг. С В.В. Зеньковским Г.В. Флоровский принципиально расходился в вопросе о «своеобразии» русской философии. Так, в письме к Д.И. Чижевскому от 23 августа 1949 г. он писал по этому поводу: «Моя очередная и ударная тема и задача (с чем Вы, может быть, и не

согласитесь, — здесь я очень радикален и совершенно рву с нашими привычками, и поэтому очень недоволен Зеньковским) — опровергнуть опасный предрассудок, что русская философия и культура “совсем особенная” и даже категории у них совсем другие. Я же уверен, 1. что русская философия 19-го века есть просто глава истории “европейской” философии и понятна только в контексте “западной” проблематики (а толковать ее в контексте воображаемого “народного духа” значит растворять историю философии в психологии культуры, если не в публицистике), и 2. что самое противопоставление Востока и Запада, греко-славянского и романо-германского миров, нуждается в серьезном ограничении — это два сиамских близнеца, неудачно и трагически разъединенные и тяжело больные после насильственной операции. Еще недавно у нас “западники” становились “славянофилами” и думали, что время славянофильствует и Россия есть великий западо-восток. Я же давно из псевдо-евразийца стал западником, вернее — икуменистом и ишу действительного синтеза, который должен быть действительным преодолением исторической бифуркации и реинтеграцией “отвлеченных начал”, а не притязательным и праздным выдаванием “русской души” за всечеловеческую» (Heid. Hs. 3881. Abt. C / Buchstabe F, 2. Kasten, Mappe 4–8).

2

NB. Я здесь до 6/IX, мой адрес в Париже:
38, r. G. Pitard, Paris XV

14/VIII <1948>¹

Дорогой Дмитрий Иванович, Ваше письмо мне переслали в Швейцарию, где мне устроили месячный отдых в Locarno. Очень рад, что между нами восстановилась связь, — я часто, очень часто вспоминал Вас. С Либом у меня никогда не было особенно близкой связи, а его симпатии к сов<етскому> правит<ельству> (его книга о России² на редкость мизерна!) совсем оттолкнули меня от него, — поэтому не через кого было узнавать что-либо о Вас. Наш милый Асмус³ (помните его?) подвергся ныне в Москве жестокой критике. Да, времена тяжкие.

Я так был и уверен, что Вы много работаете. Рад буду всяким Вашим этюдам, надеюсь из Парижа послать Вам кое-что свое. Когда я сидел в лагере⁴ (14 мес<яцев>), много написал черне, но обрабатываю очень медленно, т. к. священство, работа (хотя и уменьшенная) в РСХД отнимают много времени. Над Ист<орией> рус<ской> фил<ософии> (работа для меня не случайная, но я случайно взялся ее писать — было предложение франц<узского> издателя, который, однако, все еще не печатает, хотя перевод 1-го тома готов, — теперь начало печатать рус<ский> текст УМСА-Press) работаю 3 года, надеюсь к янв<арю> кончить все. Для полной истории нужно было бы 4 тома, а в 2 тома (хотя и по 700 ст.) вмещается только самое главное. Но я мучусь потребностью писать работу систематич<еского> характера⁵. У меня вчерне (лишь 3 главы 1-й работы напеча<таны>) готовы: 1) принципы христ<ианской> космологии, 2) основы христ<ианской> антропологии, 3) принципы христ<ианской> филос<офии> истории. Идею «Софии» (тварной) я защищаю, но решительно отгораживаюсь от софиологич<еского> монизма

Булгакова⁶. С Берд<яевым>⁷, увы, мы все давно разошлись из-за его легкомысленного светофильства.

Ваша дочь⁸ у меня не была. Нет ли во Фран<к>фурте кого-нибудь из YMCA? М<ожет> быть, через знакомых американцев я мог бы помочь Вам вылезти в Америку. Когда будете писать жене, передайте ей привет.

С любовью Ваш Прот. В. Зеньковский

¹ Датировка года — по русскому изданию первого тома «Истории русской философии» В.В. Зеньковского (1948). См. примеч. 4 к письму 1.

² *Lieb F. Russland unterwegs: Der russische Mensch zwischen Christentum und Kommunismus*. Bern, 1945. Книга «Россия в пути. Русский человек между христианством и коммунизмом» была итогом многолетних занятий швейцарского протестантского богослова Фрица Либа (1892–1970) русской историей и русской мыслью и его формулировкой послевоенного политического кредо христианского социализма. Некоторые главы книги представляют собой переработку его докладов и лекций начала 1930-х гг. в Боннском университете. Заглавие и основная идея книги восходят к К. Барту — учителю и другу Ф. Либа. Работу над книгой автор начал в самом разгаре Второй мировой войны под впечатлением той огромной роли, которую Советский Союз играл в борьбе с фашизмом, и завершил ее в середине мая 1945 г. Сразу после выхода в свет книга получила широкий резонанс в западных странах и была переведена на многие языки. Примерно одну треть книги составили исторические и философские главы «Русский человек в исторической действительности» и «Самопонимание русского человека», в которых через анализ сочинений Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева дается попытка выяснения сущности русского мировоззрения. Затем следуют опирающиеся на советские источники публицистические главы «Современный русский человек послереволюционной эпохи» и «Отношение государства и церкви в Советском Союзе», и наконец, заключительная глава — «Европейский человек между библейским Евангелием и марксистским коммунизмом». Предисловие и послесловие с заглавием «Россия и будущее Европы» были написаны уже после капитуляции Германии. В них и формулируются основные надежды автора на демократическую эволюцию послевоенной России и перспективы мирного сотрудничества России и Запада. По замыслу автора, книга должна была «внести вклад в мирное и плодотворное взаимопонимание между Западной и Восточной Европой» (Ibid. S. 16). Книга была написана с большой симпатией и уважением к русскому человеку, к истории и настоящему России. Но было в ней немало и критических страниц, посвященных беспросветным периодам русской истории, а также террору и диктатуре коммунистов. Однако многими западными рецензентами и частью российской эмиграции (в том числе В.В. Зеньковским) она была воспринята как однозначно просоветская книга. В.В. Зеньковский состоял с Ф. Либом в переписке (1931–1934) в связи с публикацией своей статьи «Дух утопии в русской мысли» в редактировавшемся Либом и Н.А. Бердяевым журнале «Orient und Occident» (1934. № 16. S. 23–31). В 1957 г. Зеньковский и Либ еще раз обменялись письмами накануне намечавшегося приезда Либа в Париж. Д.И. Чижевский дружил и переписывался с Либом с конца 1920-х гг.

³ Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975) — выпускник историко-филологического факультета Киевского университета (1919), ученик В.В. Зеньковского, впоследствии известный советский философ, специалист в области истории русской и зарубежной философии, логики, эстетики и литературы, доктор философских наук (1940), профессор Московского университета (с 1939 г.), старший научный сотрудник Института

мировой литературы (с 1956 г.) и Института философии АН СССР (с 1968 г.), лауреат Государственной премии СССР (1943) за участие в создании коллективной «Истории философии» (1940–1943), заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международного института философии в Париже. Д.И. Чижевский был автором критических рецензий в журнале «Современные записки» на первые советские монографии В.Ф. Асмуса.

⁴ В конце августа 1939 г. Зеньковский был без предъявления обвинения арестован французскими властями, 40 дней провел в одиночной камере тюрьмы Санта в Париже, в октябре 1939 г. был отправлен в лагерь Верне на юге Франции, в ноябре 1940 г. неожиданно был отпущен на свободу и вернулся в Париж. (О.Е.).

⁵ В дальнейшем «работа систематического характера» получила название «Основы христианской философии», из трех предполагаемых томов были изданы два: Т. 1: Христианское учение о познании (Франкфурт-на-Майне, 1961); Т. 2: Христианское учение о мире (Франкфурт-на-Майне, 1964). До выхода 1-го тома Зеньковский опубликовал из него первые главы: *Зеньковский В.*, прот. *Идея христианской философии // Церковный вестник. 1957. № 2 (май – декабрь). С. 47–59; Он же. Современные учения о разуме // Православная мысль. 1957. Кн. 11. С. 73–85. (О.Е.).* Отдельный оттиск статьи «Идея христианской философии» был подарен автором Д. И. Чижевскому с дарственной надписью: «Дорогому Д.И. Чижевскому. В. Зеньковский. 1958. 4. III» (Собрание В.В. Янцена в Галле).

⁶ *Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944)* — экономист, философ, богослов, публицист и общественный деятель, в своей духовной эволюции прошедший путь от легального марксизма через идеализм к религиозной философии. С 1918 г. священник. Один из создателей Сергиевского подворья и Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, в котором преподавал догматическое богословие, Ветхий Завет и христианскую социологию. С 1931 г. инспектор института, с 1940 г. его декан.

⁷ *Бердяев Николай Александрович (1874–1948)* — философ и публицист. После высылки в 1922 г. из советской России жил в эмиграции в Германии (1922–1924) и во Франции (1924–1948), работал в тесном сотрудничестве с американской Ассоциацией молодых христиан (YMCA), был инициатором создания русской Религиозно-философской академии в Берлине и Париже, соредактором религиозно-философского журнала «Восток и Запад», а также инициатором и главным редактором журнала русской религиозной мысли «Путь». После войны написал ряд работ, ложно истолкованных многими представителями первой русской эмиграции как односторонне просоветские. В 1946 г. Бердяев, правда, сам писал Чижевскому: «Характерно то, что мы очень приблизились к Советской России, это основной факт. У меня самого патриотически-советская ориентация, но это совсем не значит, что я все одобряю и отказываюсь от критики». Одновременно он подтвердил свое расхождение с профессорами Богословского института: «Отца В. Зеньковского и отца Г. Флоровского я никогда не встречаю. Мы совершенно разошлись во взглядах и церковно-религиозных, и социально-политических, они принадлежат к совсем другим группировкам. Для них я слишком левый и религиозно, и политически» (*Бердяев Н.А. Письмо Д.И. Чижевскому / Публ. В. Янцена // Новый журнал. 2007. № 246. С. 213–214.*)

⁸ *Чижевская Татьяна Дмитриевна (1924–1986)* — дочь Чижевского, в то время студентка Колумбийского университета, впоследствии профессор славистики Уэйнского университета, специалист по древнерусской литературе.

2/XI <1948>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

простите великодушно, что не ответил Вам сразу на первое письмо. Как только вернулся из Швейцарии, сейчас же обступили мои «дела». Самое трудное для меня, конечно, священство — не в том смысле, что я тягочусь этим (я, наоборот, счастлив своим священством), но в том, что меня не оставляют духовные «чада». Это становится постепенно неспособу. Оставишь какой-либо час для писем, — и кто-либо придет, заберет все время, а там уже надо куда-либо идти... Вы, кажется, не знаете Парижа; мне, например, до Бог<ословского> инст<итута> надо ехать час, да назад час... и т. д. А я еще при этом тороплюсь кончить свою книгу по рус<ской> философии. 1-й том уже весь набран и, вероятно, скоро выйдет, а во втором еще осталось глав 6... Пишу все это, чтобы просить снисхождения.

Дочь Ваша так и не была у меня. Я просил через Флоровского американцев принять меры к устройству Вам разрешения ехать, но не знаю, сделал ли что-нибудь Флоровский. Он сейчас в New York, имеет место в Union Theolog<ical> Seminary (часть Колумб<ийского> универс<итета>), а также в Рус<ском> бог<ословском> факультете там же. С нами же он, по красочному выражению Гоголя, когда он покидал Петерб<ургский> универ<ситет>, «расплевался»...²

Говорят, в Германии оживает книгоиздательство; дай Бог! Франц<узское> финанс<овое> положение доходит до того, что, напр<имер>, книга Зандера³ об о. С. Булгаков<ове> (I–II т.)⁴ стоит 2200 f! Говорят, франц<узские> издательства, кроме романов, ничего издавать не могут. Я очень устал от своей работы, хочется кончить; сейчас пишу главу о Плеханове, Ленине и т<ак> наз<ываемой> сов<етской> философии.

Всего доброго. Буду очень рад, если напишете.

Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по русскому изданию первого тома «Истории русской философии» В.В. Зеньковского.

² Прот. Георгий Флоровский в годы Второй мировой войны жил в Югославии, в 1946 г. смог вернуться во Францию, но его профессорская должность на кафедре патрологии Свято-Сергиевского православного богословского института была уже занята. Он согласился на должность профессора по кафедре нравственного богословия, но был этим недоволен и, как только представилась возможность, в 1948 г. покинул институт и уехал в США, где стал профессором Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке. Кроме основного места работы преподавал, как упоминает Зеньковский, в Колумбийском университете и Юнион-семинарии в Нью-Йорке. (О.Е.).

³ Зандер Лев Александрович (1893–1964) — философ, ученик В. Виндельбанда, последователь и популяризатор учения свящ. С. Булгакова, публицист, художник и иконописец, один из основателей РСХД, его секретарь в Прибалтике, а затем и генеральный секретарь, видный деятель экуменического движения, почетный доктор богословия Марбургского

университета, доцент, профессор и почетный доктор Православного богословского института в Париже, где преподавал логику, педагогику и обличительное богословие, а также был финансовым секретарем и библиотекарем. Автор работ о Достоевском, о мирозерцании свящ. Сергия Булгакова и экуменизме.

⁴ *Зандер Л.А.* Бог и мир: Мирозерцание отца Сергия Булгакова. Париж: YMCA-Press, 1948. Т. 1–2.

4

<28/VII.1949>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

завтра или послезавтра вышлю Вам статью свою (т. е. главу из книги из II т.) о Бердяеве и Шестове². Все дополнения и предисловие к книге «Русские мыслители»³ вышлю уже из деревни, куда уеду 2/VIII веч<ером>. Надеюсь, что это не будет поздно?

У меня к Вам просьба, в исполнимости которой сам не уверен. Возможно ли теперь, когда печатание книги решено, получить небольшой аванс — напр<имер>, 50 мар<ок>? Это крайне нужно для брата⁴, который должен через несколько недель ехать в Америку — а денег совсем нет. На всякий случай прилагаю расписку (она, вероятно, не по форме, но я сейчас же пришлю по Вашему указанию — лишь бы скорее послать деньги по адресу: Oberpf. G. Benigsen für Zenkovsky, Mauerkirchestr. 5, München). Простите, что обременяю Вас этой просьбой. Вы сами хорошо знаете, какая у всех нужда в деньгах.

Ваш Прот. В. Зеньковский

NB. Что делать с книгами, которые Вы мне дали для прочтения?⁴ В сентябре мог бы уже выслать, — но если Вы уедете в Америку, куда высылать?

<Приложение>

Habe bekommen 50 (fünfzig) DM als eine «Avance» zur Rechnung des Honorars für mein Buch «Russische Denker und Europa».

*B. Zenkovsky*⁵

Paris

1949

28/VII

---

¹ Датировка года — по дате на расписке.

² Д.И. Чижевский собирался издавать на немецком языке «Ежегодник истории славянской литературы и мысли», в плане первого выпуска которого значилась указанная в письме статья В.В. Зеньковского. См. письмо Д.И. Чижевского Ф.А. Степуну от 3 июля 1949 г.: «Первый том выйдет точно. Ваша статья очень хорошо подходит к чисто историко-литературному содержанию. В 1 выпуске точно выйдут: 1. Чижевский: “Лабиринт“ Комен-

ского; 2. Мюллер Л.: Бердяев и Ницше; 3. Бенц: О Гердере и Шеллинге в России; 4. Бубнов: Социальный вопрос у Достоевского; 5. Лютер: Пушкин в Германии; 6. Зеньковский: Бердяев и Шестов; 7. Сечкарев: (тема не определена); 8. Шерех: «Русский язык» В. Виноградова (1946)» (Fedor Stepun Papers, Gen Mss 172, Box 34, Folder 1171 // The Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University Library, New Haven, Connecticut, USA). Проект ежегодника остался нереализованным в связи с отъездом Д.И. Чижевского в США.

³ *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж: YMCA-Press, 1926. 2-е дополн. изд.: Париж: YMCA-Press, 1955. Приложенная к письму квитанция и последующие письма Зеньковского к Чижевскому не оставляют сомнений в том, что существовал план перевода этой книги на немецкий язык, который, однако, не был осуществлен.

⁴ *Зеньковский Александр Васильевич* (1878–1966) — общественный и земский деятель, старший брат В.В. Зеньковского, профессор по кафедре земских и городских финансов Киевского коммерческого института, служащий Киевского губернского земства, ближайший сотрудник П.А. Столыпина по земельным вопросам, автор книги «Правда о Столыпине» (Нью-Йорк, 1956). В эмиграции жил в Германии (Берлине и Мюнхене), с 1949 г. — в США (О.Е.).

⁴ В 1949 г. о. Василий несколько раз приезжал в Марбург с докладами и, вероятно, одолжил из личной библиотеки Чижевского какие-то книги. В письме Г.В. Флоровскому от 26 апреля 1949 г. Д.И. Чижевский писал: «Книги Зеньковского еще не видал. Он был здесь, прочел два доклада, в общем очень удачно» (Georges Florovsky Papers. C 0856. Correspondence. Box 18, Folder 1 // Princeton University Library, Department of Rare Books and Special Collections. USA). А в письме Ф.А. Степуну от 15 июня 1949 г. Чижевский сообщил: «28-го выступит Зеньковский о Пушкине и русской культуре (на русском языке)». (Fedor Stepun Papers, Gen Mss 172, Box 34, Folder 1171).

⁵ Получил 50 (пятьдесят) НМ в качестве «аванса» в счет гонорара за мою книгу «Русские мыслители и Европа». В. Зеньковский (*нем.*). Немецкий текст написан с грамматическими и стилистическими ошибками.

5

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Dr. Tchiževsky
Friedrichplatz 9 III
Marburg/Lahn
US Zone Allemagne

17/VIII <1949>¹. Дорогой Дмитрий Иванович, сейчас приступаю к писанию заключения к моей книге «Рус<ские> мыслит<ели>», если не будет известия о Вашем отъезде, то 1–2 сент<ября> вышлю Вам. Еще раз повторяю насчет статьи о Бердяеве, если она показалась неудачной, задержите, — я надеюсь ее немного переработать для II т. Сейчас дописываю главу о Франке², над которой пришлось очень много потрудиться, осталась глава о Флоренском³ и Булгакове, а

затем дополнение об университетских деятелях по философии, к 1/Х надеюсь сдать в печать II т. Вы мне ничего не написали относительно того Штутгартского нем<ецкого> издательства, которому я обещал дать эту о православной антропологии⁴. Как обстоит дело с Вашим отъездом?

Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Франк Семен Людвигович (1877–1950) — философ и публицист. После высылки в 1922 г. из советской России жил в Германии (1923–1938), где был профессором философии Русского научного института в Берлине (1923–1932) и Берлинского университета (1930–1933), а с конца 1931 до 1932 г. был директором Русского научного института. После эмиграции из Германии в начале 1938 г. жил во Франции (1938–1945) и Великобритании (1945–1950). Чижевский считал себя учеником Франка и после его смерти приложил немало усилий для публикации его наследия в Германии.

³ Флоренский Павел Александрович (1882–1937) — философ, богослов, поэт, искусствовед и естествоиспытатель. Зеньковский упоминает последнюю главу «Метафизика всеединства. В) о. П. Флоренский и о. С. Булгаков» из 2-го тома «Истории русской философии».

⁴ Эту ода была издана под названием «Образ человека в Восточной Церкви: Основы православной антропологии»: *Zenkowsky V. Das Bild vom Menschen in der Ostkirche: Grundlagen der orthodoxen Anthropologie.* Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk, 1951; 2-е изд.: Marburg: Oekumenischer Verlag, 1969. (O.E.).

6

22/VIII <1949>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

посылаю Вам 1) предисловие к немецкому изданию (русское предисловие не нужно, по-моему) — в нем, выражая Вам благодарность за инициативу в издании книги, не говорю ничего о примечаниях, которые Вы хотели сделать, ибо не знаю, успеете ли Вы ввиду Вашего отъезда сделать их. Если успеете, тогда к словам, относящимся к Вам, нужно добавить «особенно благодарен проф. Чижевскому за сделанные им дополнения, необходимые для немецкого читателя» и 2) заключение, заменяющее прежнее.

Очень прошу Вас до отъезда сообщить мне: 1) адрес д-ра Мюллера², 2) буду ли я иметь возможность просматривать корректуры или это будет всецело предоставлено Мюллеру, 3) есть ли какие-нибудь условия относительно гонорара и если есть, когда и как он выплачивается, 4) получу ли я в свое распоряжение некое количество экземпляров нем<ецкого> издания и могу ли указать, кому следует послать книги, 5) Ваш адрес в Америке, 6) как мне быть с Вашими книгами, которые Вы мне дали, вообще — оставляете ли Вы свою библиотеку в Марбурге.

Кажется, все. Спасибо за желание что-нибудь сделать в денежном отношении для моего брата, но я так и предполагал, что это трудно осуществимо.

Всего доброго. Счастливого пути! Привет Лидии Израилевне и дочери. Пишите из Америки, а в Гарвардском университете передайте мой сердечный привет Мих. Мих. Карповичу³.

Ваш Прот. В. Зеньковский

NB. Относительно статьи моей о Бердяеве, очевидно, буду в переписке с Мюллером? Надеюсь иметь и № журнала и оттиски.

¹ Датировка года — по дате отъезда Чижевского в США.

² Мюллер (Müller) Людольф (1917–2009) — немецкий славист и протестантский теолог, действительный член Гейдельбергской академии наук, автор фундаментальных трудов по истории русской церкви, русской религиозной мысли и древнерусской литературы, автор переводов на немецкий язык сочинений В.С. Соловьева, комментированного перевода Слова о полку Игореве, а также около 700 поэтических произведений (В.С. Соловьева, Ф.И. Тютчева, А.А. Ахматовой, А.К. Толстого и др.). В 1938–1939 гг. изучал теологию и славистику в Галле. После шестилетней службы в армии, во время которой ему пришлось принять участие в военных действиях во Франции, России и Италии и которая в 1945 г. закончилась американским пленом, он в том же году возобновил изучение славистики, германистики и философии в Геттингене, а затем в Марбурге, где в 1947 г. под руководством Д.И. Чижевского защитил философскую диссертацию «Эсхатологическое понимание истории Владимира Соловьева», а в 1949 г. под руководством теолога Э. Бенца габилитировался с диссертацией «Критика протестантизма в русском богословии и философии». После отъезда Чижевского в США до 1953 г. Л. Мюллер был приват-доцентом теологического факультета, исполнял обязанности профессора славистики на философском факультете, читая одновременно курсы по истории церкви, древнерусской литературе и русской литературе XVIII и XIX вв. В 1953 г. стал профессором славянской филологии в Киле, а в 1961 г. — в Тюбингене, где преподавал до 1982 г. Л. Мюллер принимал участие в подготовке неосуществленного немецкого издания книги В.В. Зеньковского «Русские мыслители и Европа».

³ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) — историк, ученик В.О. Ключевского, активный деятель эсеровской партии в период первой русской революции. Впоследствии от активной политической деятельности отошел. После Февральской революции 1917 г. выехал в составе российского посольства Временного правительства (послом которого был близкий знакомый Карповича — Б.А. Бахметев) в США, где и работал до закрытия посольства в 1924 г. С 1927 г. преподавал русскую историю, историю литературы и идейных течений в России, всеобщую историю Европы в Гарвардском университете, пройдя в нем путь от лектора до профессора и заведующего славянским отделением. С 1943 г. был главным редактором «Нового журнала», продолжившего традиции парижских «Современных записок». С 1949 по 1956 г. начальник и коллега Чижевского на славянском отделении Гарвардского университета.

7

27/X <1949>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

сейчас получил Ваше письмо и страшно рад, что могу послать мою книгу и тем хоть ничтожную сумму послать брату (5 dol. 50 с.). Деньги перешлите Alexandre Zenkowsky

634 West 135 St. Ap. 52.

New York 31.

Спасибо за сведения о статье моей. Я уже кончил 2-й том свой — слава Богу.

От души желаю всего доброго. Привет жене и дочери.

Ваш Прот. В. Зеньковский

NB. Если можете, пошлите деньги брату немедленно по получении письма (книга идет не par avion).

---

¹ Датировка года — по дате приезда Чижевского в США.

8

10/XII <1949>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

очень давно не писал я Вам — был загружен работой (не научной, а церковной). Сейчас мне (чуть-чуть) легче, и я возвращаюсь к своей переписке.

Большое спасибо за пересылку денег брату за мою книгу. Я уже писал Вам, что 2-й том своей книги я кончил. А сейчас кончил небольшую брошюру (около 3 печ<атных> листов) для одного нем<ецкого> издательства (я писал Вам об этом ранее) на тему «Принципы православной антропологии» и сел за написание этюда «Вопросы морального воспитания в Православии» (на темы моей книги «Проблемы воспитания в свете христ<ианской> антропологии»²) для англ<ийского> Yearbook³. От Müller'a не имею за все время никаких вестей ни о книге моей «Русские мыслители и Европа», ни о статье о Бердяеве. Буду на днях ему писать.

Представьте себе мое изумление, когда Benz⁴ вдруг известил меня, что факульт<ет> платит мне 100 мар<ок> за лекцию в июне м<есяце>⁵. Я послал ему доверенность на получение денег. Очевидно, когда Вы уплатили мне 15 марок за дорогу, то это были Ваши собственные деньги? Считаю себя должным Вам 15 мар<ок>.

Как же идут Ваши учебные и научные дела? Хотя Вы считаете себя не очень способным к языкам, но я думаю, что Вы в течение одного года настолько овладе-

ете англ<ийским> языком, что перестанете чувствовать трудности. Кроме того, я уверен, что Ваши филологич<еские> друзья (Якобсон⁶ и др.) не выпустят Вас из Америки.

Всего доброго. При случае кланяйтесь Лидии Израилевне (если она меня не забыла).

Ваш Прот. В. Зеньковский

¹ Датировка года — по дате приезда Чижевского в США.

² *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. Париж, 1934. В личной библиотеке Д.И. Чижевского имеется экземпляр этой книги с дарственной надписью автора. См.: *Dimitrij I. Tschizewskij und seine halle'sche Privatbibliothek: Bibliographische Materialien / Hrsg. von A. Richter; Eingeführt von A. Augustin; Bearbeitet von A. Augustin und A. Richter. Münster; Hamburg; London, 2003. S. 435 (№ 4369).* Ср. примеч. 5 к письму 9.

³ Ежегодник (*англ.*). Речь идет о «Педагогическом ежегоднике» («The Yearbook of Education») Педагогического института Лондонского университета.

⁴ *Бенц (Benz) Эрнст (1907–1978)* — немецкий протестантский теолог, историк Церкви и немецкой мистики, интересовавшийся философией и германославикой. С 1931 г. приват-доцент в Галле, с 1935 г. экстра-ординариус, а с 1937 г. ординариус протестантской теологии в Марбурге, с 1945 г. первый послевоенный декан теологического факультета Марбургского университета. Согласно воспоминаниям Э. Бенца его знакомство с Чижевским датируется весной 1932 г. Возникнув на почве общих научных интересов (германославика, отцы Церкви, немецкая мистика и философия, их влияние на русскую религиозную философию), оно переросло в дружбу на всю жизнь. С 1932 по 1935 г. они жили в Галле в одном доме, будучи соседями по этажу. Бенц тогда готовился к своей габилитации и был непременным активным участником «открытых вечеров», проводившихся на квартире Чижевского. С 1935 по 1945 г. они неоднократно обменивались визитами в Галле и Марбурге. Упрочение позиции Бенца в послевоенном Марбургском университете определенно сыграло роль при выборе места жительства и работы Чижевским после его отъезда из Галле. В голодные послевоенные годы семейство Бенц окружило Чижевского теплом и заботой. И в Марбурге друзьями создается неформальное научное содружество, плоды которого документированы многочисленными совместными публикациями.

⁵ В воспоминаниях Л. Мюллера о Д.И. Чижевском упоминается один из докладов Зеньковского в 1949 г. в Марбурге. См.: *Материалы*. С. 304.

⁶ *Якобсон Роман Осипович (1896–1982)* — русско-американский лингвист, литературовед, культуролог, один из основателей Пражского лингвистического кружка, в деятельности которого активное участие принимал и Д.И. Чижевский. Отношение Чижевского к Якобсону в разные годы — неоднозначно. В Праге их связывали не только общие научные интересы, но и личная дружба. Из сохранившейся переписки выясняется, что, приезжая впоследствии в Прагу из Германии, Чижевский чаще всего останавливался у Якобсона и получал на его адрес свою почту. Во времена безработицы они взаимно помогали друг другу советами и рекомендательными письмами, а переезд Чижевского в Америку в 1949 г. стал возможен только благодаря энергичной протекции Якобсона. Но после переезда Чижевского в США, где они вместе работали на кафедре славянской лингвистики и литературоведения Гарвардского университета, их личные отношения заметно охладились, между ними стали нередко возникать конфликтные ситуации. Переписка Чижевского этих лет с родными и друзьями полна резких характеристик Якобсона: «В департаменте Якобсон

снова начал свои старые “свинства”: т. е. решения, не спрашивая никого. Такого хамства не было даже при Гитлере, когда деканы и ректоры были объявлены “вождями” и им предоставлено право решать самостоятельно все вопросы. Ни один из них на это не решился. А Якобсон же вообще даже и не декан. Просто хам. Не лишенный, конечно, иногда “человеческих чувств”. Но работать с ним в одном учреждении невозможно» (цитата из недатированного письма, адресованного З.О. Юрьевой (Собрание В.В. Янцена в Галле). Вместе с тем Чижевский никогда не подвергал сомнению научный авторитет Якобсона и определенное влияние его идей на собственные научные воззрения.

9

1/1 <1950>³¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

давно не писал Вам. Прежде всего поздравляю Вас с Новым годом и от души желаю Вам закрепиться в Америке. Лидии Израилевне и Тане передайте мой привет и поздравления.

После того когда я кончил 2-й том моей Ист<ории> рус<ской> фил<ософии>, я написал довольно большой этюд для Штутгартск<ого> издат<ельства> «Die Grundlagen d<er> orthodoxen Anthropologie»², но, кажется, у издательства денежные дела не ладны. А Müller пишет мне, что издательство (Kochs), которое должно было издать мою книгу «Рус<ские> мыслители и Европа», отказало ему в оплате (но кто же станет переводить, если не платят по предъявлении перевода). По-видимому, все это не случайный факт. Пишу для Ганца³ (Вы его знаете, он ученик Гессена⁴) для Пед<агогического> ежегод<ника> небольшую статью «Вопросы мор<ального> воспитания в Православии»⁵, — но тут дело солидное.

Как же складывается Ваша научная и преподавательская жизнь в Harvard Univ<ersity>? Я очень надеюсь, что Вы там осядете, а издательские возможности в Америке — не то, что в Европе! С Вашими разнообразными знаниями Вы очень скоро станете влиятельным человеком.

С изданием философского журнала⁶, для которого я дал этюд о Бердяеве, как пишет Мюллер, дело не ладится. А помните, я писал Вам, что Benz известил меня, что для меня есть 100 мар<ок> за лекц<ию>. Я послал ему доверенность, дважды писал, но ответа нет — не понимаю, в чем дело.

Всего доброго. Пишите.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по дате приезда Чижевского в США.

² «Основы православной антропологии» (нем.). См. примеч. 4 к письму 5.

³ Ганц Николай Адольфович (1888–1969) — теоретик и историк российской и зарубежной педагогики, выпускник и преподаватель Новороссийского университета в Одессе, один из основоположников педагогической компаративистики, постоянный автор редактировавшегося С.И. Гессеном пражского журнала «Русская школа за рубежом» и «Совре-

менных записок», автор защищенной в Лондоне диссертации «История образовательной политики в России» (1926), сотрудник Педагогического института Лондонского университета и «Педагогического ежегодника», автор совместного с С.И. Гессеном исследования «Школьная политика в советской России» (1930), получившего высокую оценку американского философа Дж. Дьюи и В.В. Зеньковского, написавших о нем обстоятельные рецензии (см.: *Осовский О.Е.* Малоизвестная рецензия Джона Дьюи // Гуманитарные науки и образование. Саранск, 2010. № 3. С. 26–30).

⁴ Гессен Сергей Иосифович (1887–1950) — философ, публицист, ученик В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Э. Ласка и Г. Еллинека, автор диссертации «Индивидуальная причинность» (1909), литературных эссе о творчестве Достоевского и многочисленных трудов по педагогике, социально-правовым темам и этике (охарактеризованных В.В. Зеньковским как «прикладная философия»), участник Гейдельбергского философского немецко-русского содружества, объединявшего молодых философов-неокантианцев (Н.Н. Бубнов, Ф.А. Степун, Г. Мелис, Р. Кронер), в 1909 г. опубликовавших свой программный сборник «О Мессии», а в 1910 г. основавших международный журнал по философии культуры «Логос». С 1921 г. в эмиграции, сначала в Германии (1921–1924), где был сотрудником Русского научного института в Берлине, затем в Чехословакии (1924–1935), где в Русском высшем педагогическом институте в Праге занимал кафедру педагогики, был активным участником Русского философского общества и соредактором журнала «Русская школа за рубежом», и наконец в Польше (1936–1950), где получил кафедру педагогики в Свободном польском университете в Варшаве, а после войны был профессором педагогики в университете города Лодзь. Друг Д.И. Чижевского, состоявший с ним в переписке (в гейдельбергском архиве Чижевского сохранились письма С.И. Гессена за 1947–1950 гг.). Вряд ли корректно называть Н.А. Ганца учеником Гессена — почти одногодки, они были друзьями и сотрудниками.

⁵ Эта статья сохранилась в личном архиве Н.А. Ганца при Педагогическом институте Лондонского университета среди неопубликованных в «Педагогическом ежегоднике» материалов. В каталоге архива она имеет название «Вопросы морального воспитания в свете Православия» (40 стр.). См.: *Papers of Nicholas Hans (1888–1969), Ref № NH/8/4/1 / Articles, etc not by NH / Various articles and other unpublished material / B. Zenkiovsky, Russian Orthodox Theological Institute, Paris, Voprosy Moralnogo Vospitaniya v Svete Pravoslaviya // The Institute of Education University of London Library, Deposited Collections, London, GB.*

⁶ Нереализованный план издания философско-литературного журнала.

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо за письмо. Очень понимаю, что Вас тянет в Европу: в Америке, при наличии (большей частью из Европы) крупных и настоящих ученых, много полу-ученых. О научной атмосфере, какая есть в Европе, невозможно и думать. Но, с другой стороны, в Америке действительно есть широкие возможности, каких нигде нет, — и если Вы останетесь в Америке, то, конечно, эти возможности откроются и для Вас. И Вы могли бы постепенно перейти с чистой славистики на общие курсы литературы (не только русской, славянской, но, напр<имер>, немецкой).

С Бенцом у нас оживленные отношения, Бог<ословский> инст<итут> посылает ему приглашение (он довольно ясно сам намекнул об этом в письме ко мне) приехать прочитать несколько лекций в Б<огословском> и<нституте>. В связи с рядом явлений, касающихся сближения лютеранства с православием, его работы получают очевидное значение.

А вот в воскресенье (т. е. завтра) будет у меня один (пока незнакомый мне) американец², который хочет переводить мою Ист<орию> р<усской> фил<ософии> на англ<ийский> язык (он читает по-русски, писал диссертацию на тему о Спинозе в р<усской> фил<ософской> литерат<уре>³). С франц<узским> переводом пока все без движения — попал на хорошего, но ленивого переводчика⁴.

Посылаю Вам конверт с возвращенной мне поздравительной карточкой Вам — и указано, что, мол, нет указания на штат — тогда как совершенно ясно указан Connecticut — Ваш штат. Пусть Таня при случае пойдет на главную почту и пристыдит их (хотя вина лежит, как видно, на New York).

Всего доброго. Привет Лидии Израилевне и Тане.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по дате приезда Чижевского в США.

² Подразумевается Джордж Клайн (Kline; род. 1921), американский историк русской философии и профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке, который перевел на английский язык «Историю русской философии» В.В. Зеньковского, вышедшую в Издательстве Колумбийского университета в 1953 г. Сохранилось письмо В.В. Зеньковского к Дж. Клайну от 14 февраля 1950 г. с предложением посетить его в Париже. В письме Зеньковский пишет: «Dear Sir. Очень рад, что могу писать Вам по-русски. Очень благодарен Вам за Ваш интерес к моей книге. Думаю, что было бы хорошо нам повидаться; если удобно Вам, приезжайте ко мне в воскресенье 19/II между 5 и 6 часами вечера» (Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 3). (О.Е.).

³ «Его магистерская диссертация в Колумбийском университете была об этике толстовского учения о непротивлении злу насилеием и критике этого учения (Вл. Соловьев, Франк, Ильин). В том же университете молодой человек получил докторскую степень за диссертацию «Спиноза в советской философии»» (Сенкевич В. Джордж Клайн и его Иосиф Бродский // Новый журнал. 2009. № 255. С. 361).

⁴ Zenkovsky V. Histoire de la philosophie russe / Traduit du russe par C. Andronikof. Paris: Gallimard, 1953. Т. 1; 1954. Т. 2. Переводчиком «Истории русской философии» на французский язык был выпускник Сорбонны и Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже князь Константин Ясеевич Андронников (1916–1997).

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. D. Tchiżewsky
10 Mellenstr.
Cambridge (Mass.)
USA Amerique
Par avion

1/IV <1950>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

давно не писал Вам. Как живете? Уже несколько раз мне писал о Вас с тревогой Benz — у него все боязнь, что интриги против Вас² могут быть снова и кафедра (в Cöln?) не будет Вам предложена, он считает, что Вам нельзя пока рвать с Америкой. Я надеюсь увидеть Benz'a, т. к. проведу 3 дня в Франк<фурте> (на богосл<овском> съезде — Benz туда не приглашен — чем очень огорчен — по засилию в Kirchenamt³ бартианцев). Книга моя (2-й т.) вся набрана, идет уже 2-я корректура. Если 1-й том многим не нравится по религ<иозному> освещению диалектики рус<ской> мысли, то 2-й том возбудит негодование за главы о Лосском⁴, Бердяеве, Булгакове и даже Соловьеве. Читали ли Вы рецензию Франка на мою книгу (в Нов<ом> жур<нале>)⁵. Все же никто не сможет упрекнуть меня в пристрастиях. — Я часто болею, придется мне поехать в сердечн<ый> курорт. Пишите!

Сердечно Ваш *Прот. В. Зеньковский*

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Чижевский был создателем и временным директором Семинара славистики в Марбургском университете (1946–1949). Но в результате доносов и интриг университетских коллег, закулисного влияния американских спецслужб, скандала с гессенским министром культуры, публично объявившим Чижевского в прессе «шпионом», «коммунистом» и «неквалифицированным славистом», последний не получает предложенных ему кафедр ни в Марбурге, ни в ряде других немецких университетов (Франкфурт, Мюнстер) и — по настоянию Р.О. Якобсона, В.В. Зеньковского и Б.И. Николаевского — покидает Германию, приняв осенью 1949 г. приглашение Гарвардского университета. Описывая впоследствии причины своего отъезда в Америку, он вынужден был с горечью признать: «Решающий вопрос заключается в том, что я — “политически преследуемый”, но не столько в Третьем рейхе, сколько в демократической Германии» (черновик письма Чижевского ректору Гейдельбергского университета, проф. Отто от 3 февраля 1959 г.: Heid. Hs. 3881 / Abt. A). В окончательном варианте письма это место представило в более смягченной формулировке: «Решающий вопрос заключается в том, что я — “политически преследуемый”, но, собственно говоря, в демократической Германии». В полеми-

ке с гессенским министром культуры Э. Штайном Чижевский писал: «Возмутительно, что в демократическом Гессене мне снова приходится сталкиваться с теми же самыми методами, с которыми я уже познакомился трижды в моей жизни: в царской полиции, в большевистском ЧК и в гестапо» (цит. по: Янцен В. «Марбургское дело Чижевского»: К истории одного академического скандала (1948–1949) // Славистика. Т. 2: Дмитро Чижевський і європейська культура: Збірник наукових праць / Ред. Євген Пшеничний (Україна), Роман Мних (Польща), Володимир Янцен (Німеччина). Дрогобич, 2011. С. 137, 192).

³ Управление по делам церкви (нем.).

⁴ Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) — философ. Чижевский был знаком с Лосским со времени своего обучения математике в Петербургском университете (1911–1913). В его гейдельбергском архиве хранятся письма Н.О. Лосского за 1950–1962 гг.

⁵ Франк С. Прот. В.В. Зеньковский. История русской философии, т. 1 // Новый журнал. 1950. № 22. С. 294–298. Оценив в начале и в конце рецензии книгу Зеньковского в самых благоприятных и суперлативных выражениях («весьма значительное, не только как образцовое по полноте, точности и объективности научное исследование, но и по живости и талантливости трактования темы», «основоположное пособие при изучении русской мысли и русской философии»), Франк все же делает ряд принципиальных возражений: 1) в книге дана история не русской философии, а русской мысли, в результате чего в качестве «философов» в ней рассматриваются не только профессиональные философы, религиозные мыслители, но и писатели, публицисты, моралисты, социологи и литературные критики; 2) признав верной главную идею книги о том, что подлинной основой для развития русской философской мысли являются ее религиозные корни и искания, он считает, что это — общеевропейская тенденция духовного развития последних веков, а русская мысль — соучастник судьбы общеевропейского христианского человечества; 3) абсолютизация национального своеобразия мысли может привести к соблазнам национальной самовлюбленности и гордыни, в то время как в современной России актуальны как раз национальное самопокаяние, критика и преодоление аморализма и нигилизма. Для С.Л. Франка эти мысли не случайны, поскольку он сам в последние годы жизни занимался отбором текстов для англоязычной антологии по истории новейшей религиозной мысли России.

12

15/VII <1950>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

очень был рад получить Ваше письмо; когда вернусь в Париж, непременно перешлю Вам ту открытку от Вас, которая вернулась с отметкой «unknown»!²

Мне понятно, что Вы не можете «слиться» с Америкой после той живой научной среды, какую Вы имели в Германии. Конечно, в Америке более чем пусто. Исключения редки там. Но я почему-то думаю, что не скоро Вас пустят в Германию, т. е. дадут Вам кафедру — несмотря на огромную Вашу работоспособность, Ваши труды. Германия более, чем когда-либо, занята Россией, славянами — и число молодых немецких ученых, работающих в этой области, все растет — а Вы — «чужак», эмигрант. Но не тужите — даст Бог, Вы выберетесь на дорогу и в Америку; только почему же Вам не дают более высокой квалификации? Зависит ли это от Карповича? Или просто Вы «поздно» приехали и нет свободного «штатного» места? Мне очень обидно за Вас.

Мой вопрос, о котором я Вам писал, касается Державина, в частности источников его оды «Бог». Я так мало начитан в Deržaviniāna, что не знаю, не работал кто-нибудь над темой об источниках этой оды. Вы столько знаете в немецк<ой> литературе XVIII в. (а Державин, кажется, знал не одну немецкую, но и франц<узскую> литературу), что, может, подскажете что-нибудь мне?

Если буду жив и здоров и ничто не изменит намеченных планов, то приеду месяца на два в будущем году в Америку (в авг<усте> и сент<ябре>) — там будет съезд Студ<енческого> хр<истианского> движения.

Я много пишу, но «настоящего» написал только две главы в задуманной большой работе по христ<ианской> фил<ософии> (системат<ической>, первая часть — посвящена гносеологии).

Пишите и дай Бог Вам лучше устроить свою жизнь. Живете ли Вы с Таней?

Любящий Вас Прот. В. Зеньковский

Пишите мне на парижский адрес. Я как кончу свое лечение (по 23/VII), поеду на юг zur Nachkur³ (у меня неладны дела с сердцем), а потом — в Париж.

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Неизвестен (англ.).

³ Для послекурортного отдыха (нем.).

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Dr. D. Tchižewsky
10 Mellen Str.
Cambridge (Mass.)
USA Amerique
Par avion

28/VII <1950>¹

Дорогой Дмитрий Иванович, от Вас ужасно давно не было писем, и я не знаю, где Вы сейчас, как решился Ваш вопрос о следующем годе? Черкните пару слов по парижскому моему адресу, мне перешлют.

Знаете ли Вы о кончине С.И. Гессена?

Ваш Прот. В. Зеньковский

Мой 2-й том² выйдет уже к сентябрю.

¹ Датировка года по почтовому штемпелю на открытке.

² Имеется в виду 2-й том «Истории русской философии».

14

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Tchiževsky
10, Mellerstr.
Cambridge (Mass.)
USA Amerique
Par avion

9/XI <1950>¹

Дорогой Дмитрий Иванович, очень давно не имею никаких вестей от Вас, похоже, Вы остаетесь в Америке. Как дела Ваши с англ<ийским> языком? Только теперь, по моему настоянию, наконец послали Вам 2-й том моей книги о рус<ской> фил<ософии>, хотя я написал Ваш адрес еще месяц назад.

Вы, наверное, познакомились с К.А. Ельчаниновым², который из нашего Бог<ословского> инст<итута> поехал поработать в Harvard Univ<ersity>. Я пишу для «Нов<ого> жур<нала>» статейку о С.И. Гессене как философе³ и, вероятно, напишу для Slav<ic> Review статью (учение о личности у Г<ессена>)⁴. Франк тоже, увы, близок к смерти. Пишите.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года по почтовому штемпелю на открытке.

² Ельчанинов Кирилл Александрович (1923–2001) — ученый и церковно-общественный деятель, в 1947 г. окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже, в 1950–1951 гг. учился в аспирантуре по истории древней философии в Гарвардском университете, с 1953 г. доцент Свято-Сергиевского православного богословского института, в 1953–1980 гг. генеральный секретарь РСХД, в 1983–1995 гг. председатель РСХД, в 1995–2001 гг. почетный председатель РСХД. (О.Е.).

³ Зеньковский В., прот. С.И. Гессен как философ // Новый журнал. 1950. № 25. С. 209–214.

⁴ В каталоге публикаций журнала «Slavic Review» за 1941–1964 гг. такая статья Зеньковского не значится.

28/XI <1950>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

получил Ваше письмо и очень огорчен Вашей душевной депрессией. Вы все сводите к скуке, а мне кажется, дело и глубже, и сложнее. Конечно, Вам не хватает среды, той ученой товарищеской среды, к которой Вы привыкли в Германии, — и, конечно, я был бы за Вас рад, если бы Вы могли вернуться в Германию. Но если это окажется невозможным, Вы должны «переориентироваться», друг мой! Годы идут, Вы стареете, одиночество становится тяжелым. Считаете Вы совершенно невозможным вернуть себе семейный очаг, т. е. жить с Лидией Израилевной? О романтике не может быть речи, но уют она Вам даст. Конечно, хорошо бы и «на-ново» жениться — мне показалась, напр<имер>, жена Бенца хорошим типом профессорской жены — умная, серьезная, уютная. Может быть, найдете кого-нибудь, если никак с Лид<ией> Изр<аилевной> сойтись не можете.

Но все это внешнее (как и возвращение в Германию), а надо подумать и о том, чтобы укрепить себя внутренне. Конечно, для серьезного человека тут возможно лишь одно — религиозная жизнь. Не знаю, никогда не позволял себе входить в это, — как здесь обстоят у Вас дела, думаю, что, вероятнее всего, — не только «пусто», но есть и положительное отталкивание. Но дорог к Абсолюту много, лишь бы, подобно Плотину², Его ощутить. Как был бы я рад, если бы Вы углубились в эту область. Вы так много знаете, что Вам нетрудно найти то, что при первом приближении будет менее всего шокировать Вас... Кстати, знаете ли Вы, что Гессен в письме почти предсмертном писал мне, что если бы я был возле него, он через меня перешел бы в православие... Оттого я теперь, когда он ушел в другой мир, всегда вспоминаю его на молитве, когда молюсь о покойниках.

Дело не в одних нервах у Вас, не в одних тяжелых внешних условиях, хотя они и имеют большое значение. Но то, исторические проявления чего Вы так много изучали, как бы встает перед Вами — уже не для исторического подхода, а для живой «встречи». Я свою давнюю религиозность (у меня, правда, дед по отцу священник) связываю с тем, что по крови я на 7/8 — украинец, украинской душе религиозная жизнь больше и по-иному нужна, чем великороссам...

Вы просите молиться о Вас. С радостью исполню Вашу просьбу и всегда буду молиться о Вас, ибо, столько лет Вас зная, всегда Вас любил.

Сердечно Ваш *прот. В. Зеньковский*

---

¹ Датировка года — по упоминанию смерти С.И. Гессена.

² *Плотин* (205–270) — античный философ, основатель неоплатонизма, автор трактатов, известных под названием «Эннеады» (составлены учеником Плотина Порфирием). Вероятно, Зеньковский подразумевает разработанное Платином учение о Едином, воссоединение с которым достижимо для человеческой души посредством мистического экстаза. (О.Е.).

26/XII <1950>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

бесконечно благодарен Вам за Ваше письмо и за все Ваши столь ценные для меня указания². Никто, кроме Вас, не является столь компетентным в суждении о моей книге, ибо Вы соединяете философскую чуткость с исторической вдумчивостью. Очень жалею, что о Вернадском³ я не имел под руками иных работ, кроме тех, которые я цитировал, не мог, к сожалению, коснуться его натурфилософии. О Введенском⁴ скажу, что полное отсутствие личных впечатлений помогло мне, так я думаю, быть более беспристрастным. О книге Карсавина⁵ о личности⁶ я читал довольно подробный реферат (в одном католическом журнале⁷), но самой книги достать не мог.

Я Вам писал, что как будто дело с американским изданием⁸ налаживается (хотя до сих пор University Press не прислало мне контракта), хуже обстоит дело с французским переводом (1-й том уже переведен, а на 2-м томе переводчик засел безнадежно, по-моему, — хотя издатель уверяет меня, что к осени 1951 г. выйдут оба тома).

Очень печально все то, что Вы пишете о своем положении в университете, и очень понимаю Вашу тягу назад в Германию. Но политические обстоятельства вызывают к благоразумию, — не будьте и Вы глухи к нему!

Шлю Вам сердечный новогодний привет.

С любовью Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по дате выхода 2-го тома «Истории русской философии».

² Вероятно, в письме Д.И. Чижевского, немало опубликовавшего к тому времени книг и статей по истории не только русской, но и славянской, и западноевропейской философии, был дан подробный разбор 2-го тома «Истории русской философии» Зеньковского, часть которого он затем повторит в своей обзорной рецензии «Три книги о русской философии (В. Зеньковский, Н. Лосский, А. Койре)» (Новый журнал. 1952. № 30. С. 279–287).

³ Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) — ученый-энциклопедист, выдающийся естествоиспытатель и мыслитель, основоположник геохимии, биогеохимии, радиогеологии и учения о биосфере, организатор и первый президент Украинской академии наук. В студенческие годы дружил с дядей Д.И. Чижевского, Павлом Ивановичем, и во время своих заграничных поездок (Прага, Париж, Лейпциг) в 1920-е гг. по ошибке принял Д.И. Чижевского за его сына. С 1926 по 1936 г. Д.И. Чижевский переписывался с В.И. Вернадским. Переписка велась в основном во время приездов В.И. Вернадского в Европу и сохранилась в личном архиве его сына, Г.В. Вернадского, в Бахметевском архиве в Нью-Йорке и в личном архиве В.И. Вернадского при архиве Академии наук СССР в Москве. Ответные письма В.И. Вернадского из-за отсутствия полного перечня материалов галльского архива Д.И. Чижевского пока не найдены. В письмах Чижевского обсуждается широкий круг методологических проблем истории науки. Интересны они также содержащейся в них биобиблиографической информацией. Чижевский высоко ценил философские и историко-научные работы В.И. Вернадского, посвятил им большой очерк в журнале «Slavische

Rundschau» (1935. № 5. S. 213–221), скрыв, однако, свое авторство под псевдонимом «Фриц Эрленбуш». Позднее он сообщал о своей переписке с В.И. Вернадским его сыну следующее: «Очень полезна для меня Ваша библиография. Кроме Ваших работ, указания на переводы статей Владимира Ивановича: я ведь все еще собираюсь написать о его философских взглядах подробнее. Он мне в свое время прислал несколько интересных замечаний по поводу статьи “Эрленбуша” (т. е. моей) о его натурфилософии. Здесь, однако, его русских работ почти нет» (письмо от 11 февраля 1955 г.). «Ко всему прочему, и интерес к истории науки во мне, между прочим, поддержал Владимир Иванович, познакомившийся со мною случайно — считая меня по ошибке сыном его друга студенческих лет Павла Ивановича Чижевского, который был в действительности моим дядей и которого я вообще никогда не встречал. Позже Владимир Иванович при своих посещениях Праги всегда назначал мне свидания, еще позже присылал мне свои работы (на основании которых и написана моя статья о его натурфилософии; позже я написал еще одну статью для укр<аинской> газеты в Кракове; Вам она осталась неизвестна; если я найду экземпляр, охотно пришлю Вам копию (и писал мне из России и из своих поездок за границу). К сожалению, мне до сих пор не удалось ничего выполнить из работ, которыми заняться он мне рекомендовал (м<ежду> пр<очим>, о физике Коменского). Надеюсь кое-что еще сделать» (письмо от 7 июня 1966 г.). (Оба цитированных письма хранятся в личном фонде Г.В. Вернадского при Бахметевском архиве в Нью-Йорке.)

⁴ *Введенский* Александр Иванович (1856–1925) — философ, психолог, логик, профессор Петербургского университета.

⁵ *Карсавин* Лев Платонович (1882–1952) — историк, философ, один из ведущих мыслителей евразийского движения в 1926–1928 гг.

⁶ *Карсавин Л.П.* О Личности. Каунас, 1929.

⁷ *Wetter G.A. L.P.* Karsawins Ontologie der Dreieinheit // *Orientalia Christiana Periodica*. IX. 1943. № 3/4. S. 366–405.

⁸ Имеется в виду американское издание «Истории русской философии» В.В. Зеньковского.

17

38, r. G. Pitard Paris XV
1/VIII <1951>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

давно, очень давно мы не обменивались с Вами письмами. Как Ваши дела — в смысле того, что остаетесь ли и на будущий год в Амер<ике>? Что нового напечатали? У меня вышла небольшая брошюра «Das Bild des Menschen in <der> Ostkirche. Die Grundlagen der orth<odoxen> Anthropologie»² — где есть несколько существенных положений, которые, если еще проживу, разовью в книге, которую я готов назвать третьим томом «Ист<ории> рус<ской> фил<ософии>» — конечно, лишь в том смысле, что она примыкает к двум томам. Я был бы рад Вам послать свою книжечку, но мне нужно подтверждение Вашего адреса.

В этом году мне исполнилось уже 70 лет!

Для интеллектуальной работы еще есть силы, но в телесном смысле — плоховато (очень слабо сердце, всякое физическое усилие трудно). Но, как Вы знаете,

у меня и теперь (как и всегда) очень много «общественной» работы — и это мне уже не по силам.

Жду отклика, чтобы послать книжонку свою.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по упоминаемому в письме 70-летию В.В. Зеньковского.

² «Образ человека в Восточной Церкви. Основы православной антропологии» (нем.). См. примеч. 4 к письму 5.

18

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Dr. D. Tchižewsky
12 A Farwell Place
Cambridge 38
(Mass.)
USA Amerique
Par avion

<19.XI.1952>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

Ваша рецензия на мою книгу² очень меня обрадовала, спасибо за добрый отзыв и за отдельные указания. Меня только взяло сомнение относительно года смерти Вл. Ив. Вернадского — откуда у Вас сведения о 1945 г. Сообщите. Я просил своего америк<анского> переводчика, который сейчас профессорствует в Чикаго, принять во внимание Ваши указания.

Всего доброго. Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

19/XI

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Чижевский Д. Прот. В. Зеньковский. История русской философии. Том II. Париж, 1950 // Новый журнал. 1952. № 30. С. 279–283.

27/ХІІ <1952>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

послал Вам вчера свою небольшую вещицу «Наша эпоха»² (мое понимание проблематики нашего времени). Если тиснете заметку о ней, буду очень рад (как и о брошюре по антропологии). Еще одна литературная просьба — не могли ли бы написать заметку о книге С.Л. Франка «Свет во тьме»?³ В ней есть одна идея философски трудная — он ее называет «христианским реализмом» — проблема отношения общих моральных идей и реальной работы. Я сам — кажется, я писал Вам, в чем тут причина, — не хочу писать в «Новом журнале», но напишу для «Возрождения»⁴.

Прочитал заметку о Вашей неизвестной мне украинской статье «Гоголь как мыслитель и художник»⁵. Если у Вас есть оттиск, пришлите (как и другие обещанные). Кстати, не Вы ли давали книгу Райнова «Наука в России XI–XVIII в.»?⁶ Если да, я мог <бы> ее выслать Вам.

У меня еще есть просьба весьма деликатная — относительно моего племянника⁷. У него разладились отношения с его шефом Гинсбургом⁸. Ему хотелось бы получить место по слав<янской> истории и литературе где-нибудь в другом месте. Не могли ли бы Вы помочь ему? Мой племянник, увы, не получил хорошей школы, его нужно бы засадить за полезную работу; не могу сказать, талантлив ли он, но он наверное способный человек. — С него может быть толк. Буду очень Вам благодарен, если поможете ему устроиться где-нибудь — особенно там, где есть Правосл<авная> Церковь (что особенно важно для его родител<ей>). Если сможете, сделайте что-нибудь.

Всего доброго. Сердечно Ваш *Прот. В. Зеньковский*

С Новым годом!

---

¹ Датировка года — по упоминаемой в письме брошюре В.В. Зеньковского «Наша эпоха».

² *Зеньковский В., прот.* Наша эпоха. Париж: YMCA-Press, 1952.

³ *Франк С.Л.* Свет во тьме: Опыт христианской этики и социальной философии. Париж: YMCA-Press, 1949. Рецензии на эту книгу Чижевский не написал.

⁴ Эта заметка Зеньковского вышла в другом журнале: *Зеньковский В., прот.* Идея христианского реализма: (По поводу книги С.Л. Франка «Свет во тьме») // Вестник РСХД. 1954. № 33. С. 19–22.

⁵ Фактическая ошибка: такой украинской статьи Чижевского не существует. Эта работа первоначально вышла на английском языке: *Čiževsky D. Gogol': Artist and Thinker* // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US. N. Y., 1952. Vol. 4/2. P. 261–278. Основой для статьи послужил доклад, прочитанный в 1952 г. Д.И. Чижевским в Украинской академии наук в Нью-Йорке, сообщение о котором в украинской прессе ввело Зеньковского в заблуждение относительно языка первой публикации. В гейдельбергском архиве Чижевского удалось найти первоначальную русскоязычную версию этой статьи: *Чижевский Д.И.* Гоголь как художник и мыслитель / Публ. и коммент. В. Янцена // Вопросы философии. 2010.

№ 1. С. 118–129. Интерес Зеньковского к этой теме связан с тем, что именно он первым стал рассматривать Гоголя не только как художника слова, но и как оригинального мыслителя.

⁶ Райнов Т.И. Наука в России 11–17 веков: Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу / Академия наук Союза ССР. Постоянная комиссия по истории техники и естествознания. М.; Л., 1940. Ч. 1–3.

⁷ Зеньковский Сергей Александрович (1907–1990) — американский историк, племянник В.В. Зеньковского, преподаватель русского языка и литературы в Университете штата Индиана, профессор истории и славяноведения Гарвардского, Стетсонского, Колорадского и Вандербильтского университетов, исследователь русского старообрядчества, переводчик Никоновой летописи, редактор английских изданий «Сравнительной истории славянских литератур» (1971) и двухтомной «Истории русской литературы 19 века» (1974) Д.И. Чижевского, с которым его связывала многолетняя переписка.

⁸ Гинзбург Михаил (1902–1982) — преподаватель русского языка, основатель и декан отделения славянских языков и литературы при Университете штата Индиана в Блумингтоне.

20

<5.X.1953>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

я виделся с Вашей ученицей Юрьевой² (которая работает над Гоголем), она хотела звать Вас в N. York на weekend 11–12. Я вернусь из Канады 11 утром (буду ехать в спальном вагоне), так что от 2½ до 5½ или 5 мог бы провести с Вами время. Очень хотел бы Вас видеть, если удастся Вам приехать, буду очень рад этому.

На всякий случай телефон Верховских³, у которых я живу:

НИ-ской — б 8702. Предполагаю, что буду дома около 9–9½.

Ваш Прот. В. Зеньковский

5/X

Если приедете 10/XI, позвоните Вы (или Юрьева) к Верховским — предупредить, что Вы приехали. У меня отдельная комната, да мы могли бы пойти с Вами в Cafe.

---

¹ Датировка года — по письму Д.И. Чижевского З.О. Юрьевой за сентябрь 1953 г., в котором он спрашивает: «Не приехал ли Зеньковский, — о нем была заметка в Н<овом> р<усском> с<лове>» (автограф цитируемого письма хранится в собрании В. Янца в Галле).

² Юрьева Зоя Осиповна (1922–2000) — русско-американская славистка, ученица Р. Ингардена, Д.И. Чижевского и Р.О. Якобсона, автор диссертации о Гоголе и символизме, впоследствии профессор славистики Нью-Йоркского университета, автор воспоминаний о Чижевском.

³ Верховской Сергей Сергеевич (1907–1986) — выпускник и преподаватель истории философии, догматического и нравственного богословия Свято-Сергиевского православного богословского института, активный деятель РСХД, был женат на дочери протоиерея Сергия Четверикова Ольге Сергеевне, с 1951 г. доцент и профессор нравственного и сравнительного богословия Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке.

2/XI <1953>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

большое спасибо за Ваше письмо, спасибо за библиографич<еские> сведения, касающиеся Гоголя. На днях я буду в École des langues orientales², увижу, где находится журнал «Христианская мысль», в которой печаталась моя статья о Гоголе³, и напишу Вам.

Очень мне было приятно читать отзыв о моем племяннике. Я сам имел с ним свидание в N. York и очень был рад убедиться и в широте его интересов, в солидности его научных методов. Мне очень жалко, что он остается в Bloomington, где Гинсбург (по тем или другим причинам) не делает ничего для печатания работ своего отделения. При случае, если что-нибудь будет у Вас на виду, вспомните о моем племяннике.

В Париже меня ждали две приятных новости: вышел в свет франц<узский> перевод моей книги (1-й том)⁴ — долгожданный! — и у меня состоялось свидание с моим переводчиком книги на немецкий язык⁵. Это особенно мне приятно.

На днях я получил рукопись предисловия к нем<ецкому> переводу моей книги «Рус<ские> мыслители и Европа» — переводу, как известно Вам, не состоявшемуся. Но где мой русский экземпляр книги? Если Вы можете мне указать, где его искать, я напишу туда.

Всего доброго. Сердечно Ваш *Прот. В. Зеньковский*

Вашей статьи о Коменском⁶ не получал. Пришлите ее и все, что есть нового.

---

¹ Датировка года — по связи содержания (поездка в США) с предыдущим письмом.

² Институт восточных языков (*фр.*).

³ *Зеньковский В.В.* Н.В. Гоголь в его религиозных исканиях // Христианская мысль. Киев, 1916. № 1. С. 26–57; № 2. С. 5–17; № 3. С. 5–19; № 5. С. 3–19; № 7–8. С. 3–19; № 10. С. 60–73; № 12. С. 39–55. (О.Е.).

⁴ См. примеч. 4 к письму 10.

⁵ План немецкого издания «Истории русской философии» Зеньковского не был осуществлен.

⁶ *Cizevsky D.* Comenius' Labyrinth of the World: its Themes and their Sources // Harvard Slavic Studies (Cambridge, Mass.). 1953. Vol. 1. P. 83–135.

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Tchiżewsky
12 A Farwell Place
Cambridge 38
(Mass.)
USA

3/XII <1953>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

сейчас получил три Ваших оттиска (в том числе об А. Коменском), спасибо. Мне совестно, что я так долго не писал Вам, хотелось сообщить Вам точно, где были напечатаны первые главы моей книги о Гоголе. Но я все время чувствую слабость (сердце!), с трудом выполняю свои обязательные дела по Бог<ословскому> институту и по Бог<ословским> жен<ским> курсам. Мне обещали навести точные справки — и до сих пор этого не сделали. — Как только буду иметь точные данные, сейчас напишу Вам. — На Ваше участие в сборнике памяти С.Л. Франка² мы рассчитываем, только не опоздайте (последний срок присылки 1/III). Всего доброго. Пишите.

Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под ред. прот. В. Зеньковского. Мюнхен, 1954.

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Tchiżewsky
12 A Farwell Place
Cambridge 38
(Mass.)
Par avion

23/XII <1953>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
сердечно поздравляю Вас с близким Новым годом, от всей души желаю Вам, чтобы он принес Вам лучшие условия жизни. Всегда с восхищением слежу за многообразием и интенсивностью Ваших трудов и радуюсь об этом. Дай Бог, чтобы продуктивность Ваша не слабела. — Где Стремоухов² нашел №№ «Христ<ианской> мысли» с моими статьями? Если в Париже, хотел бы их перечитать, так как очень хочется и мне написать книжку о Гоголе (в трех частях: Г<оголь> как художник, Г<оголь> как мыслитель и Г<оголь> как человек), но удас<тся> ли? Моя книга по гносеологии движется (есть уже 3 главы), но ужасно медленно. Административные дела съедают мое время.

С любовью Ваш Прот. В. Зеньковский

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² *Стремоухов* Дмитрий Николаевич (1902–1961) — профессор славистики в Сорбонне, автор работ о Владимире Соловьеве (*Stremoukhoff D. Vladimir Soloviev et son œuvre messianique. Strasbourg, 1935*) и Ф.И. Тютчеве (*Stremoukhoff D. La poésie et l'idéologie de Tioutchev. Paris, 1937*).

24/I <1954>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
вчера получил новую книжку «Нового журнала» и нашел там Вашу прекрасную рецензию² на книгу Бенца³ (которую я не смог, за отсутствием для этого времени, прочитать всю, но прочитал несколько глав). Книги Сюзини⁴ (мы здесь так его произносим, так как издание вышло по-фран<цузски>) я купил для Богосл<овского> инст<итута>, — но насколько интересны и важны оба тома с

новыми материалами, настолько слаб и даже бесцветен том, излагающий мысли Susini о Баадере⁵.

Я рад за Вас, что Карпович пустил «в ход» Вашу рецензию⁶. Я думаю, что он задавлен массой материала и, охраняя свои литературно-общественные связи, распределяет материал так, чтобы не обидеть «сильных» мира сего (мира литераторов). А у нас очередной скандал литературный — Мельгунов⁷, который сделал «Возрождение» интересным (хотя и несколько односторонним) журналом, рассорился с издателем, так что журнал перейдет в чьи-то недостойные руки.

Я должен был (не стану рассказывать почему) согласиться стать председателем Епархиального совета, и это совсем лишает меня кусочков свободного времени для себя, впрочем (раз в неделю отвоёвываю 2 часа для себя), продолжая писать книжку по гносеологии. Но такой метод работы не только тяжел и утомителен, но есть настоящее терзание.

Я очень сожалею, что не могу послать Вам французское издание (1 т.) моей книги — я получил только 3 экз. и их раздал! А сейчас, по-видимому, окончательно решен вопрос об издании моей книги на немецком языке.

Всего доброго. Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по выходу статьи Чижевского «Баадер и Россия» в последнем номере «Нового журнала» за 1953 г.

² Чижевский Д. Баадер и Россия // Новый журнал. 1953. № 35. С. 301–310.

³ Benz E. Die abendländische Sendung der östlich-orthodoxen Kirche. Wiesbaden, 1950.

⁴ Сюзини (Susini) Эжен (1900–1982) — французский исследователь творчества Франца Ксавера фон Баадера, редактор шеститомного собрания его писем (1942–1983). В рецензии Чижевского на книгу Бенца фамилия Сюзини писалась как «Сюсини».

⁵ Баадер (Baader) Франц Ксавер фон (1765–1841) — религиозный философ-католик, мистик, естествоиспытатель, врач, предшественник немецкого романтизма, один из родоначальников экуменического движения, веривший в особую миссию России и православия и с конца 1817 по 1823 г. состоявший «литературным корреспондентом» на службе в российском Министерстве просвещения. В 1822 г. предпринял не увенчавшуюся успехом поездку в Петербург в сопровождении ученика Гегеля барона фон Юксюля (остановлен по указанию Александра I в Ревеле с запретом въезда в Россию).

⁶ Вероятно, Чижевский жаловался в своих письмах Зеньковскому на то, что посылаемые им Карповичу статьи годами не публикуются в «Новом журнале».

⁷ Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) — историк, публицист, издатель, общественно-политический деятель, в 1922 г. выслан за границу и лишен советского гражданства, с 1950 по 1954 г. редактор журнала «Возрождение».

8/III <1954>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

очень давно не писал Вам, был очень занят это время — скопилось много срочных работ (я должен был читать публичную лекцию об экзистенциализме — франц<узском> и немецком — и это потребовало очень много времени).

Как же обстоит дело с Вашим преподаванием в Harvard? Ваше последнее письмо было тревожно, а с Карповичем и у Вас (как и у многих) отношения совсем разладились?² Очень меня интересует Ваша тема книги «Духовная история России»³; понимаю, что Ваше освещение дух<овной> истории России будет вызывать споры. Кстати, скажу Вам, что я считаю книгу Флоровского («Пути...»)⁴ очень неудачной — при всей великолепной эрудиции и несомненной и яркой талантливости ее. Фл<оровский> как в кривом зеркале изобразил историю церковной жизни в России — как обратное (в другую сторону) «кривое зеркало» дал Карташев⁵ в блестящих статьях в сборнике, изданном под редакцией Верховского («Православие в жизни»⁶).

Вы спрашиваете о сроке представления статьи о Франке — считайте к 20/III — не позже 1/IV, присылайте прямо ко мне. Я хотел бы написать (еще не начал) на тему «Проблема человека у Фран<ка>» (по его неизданной еще книге «Человек и реальность»⁷). Это все та же, но очень углубленная антропология системы «всеединства» (Плотина⁸, Ник. Кузанского⁹).

Если выйдет Ваша статья о Карпове¹⁰, непременно пришлите ее. Аввакума¹¹ и я не очень люблю!

Сердечно Ваш *Прот. В. Зеньковский*

---

¹ Датировка года — по дате выхода сборника памяти С.Л. Франка.

² Как видно из писем Чижевского из США, его отношения с Карповичем были далеко не безоблачными: он часто впадал в глубокую депрессию, критикуя не только низкий общеобразовательный уровень американских студентов («уровень плохой гимназии»), но и всю систему американского высшего образования («организованное надувательство, называемое университетом»), был крайне возмущен неопределенностью своего лекторского статуса и сравнительно низкой оплатой труда, нередко конфликтовал с коллегами и администрацией, что требовало от уважавшего научные заслуги Чижевского Карповича немалого дипломатического такта при улаживании этих конфликтов. Чижевский довольно быстро понял, что научные и исследовательские способности не являются сильными сторонами Карповича, а последний был не только его непосредственным начальником в Гарварде, но и оказывал решающее влияние на публикацию или непубликацию его трудов в Издательстве имени Чехова и в «Новом журнале». Невысокого мнения о Карповиче как историке был и Зеньковский: «В отзывах о Карповиче много верного: он благороден, умен, популярен, он в то же время скромен — что лучше можно себе представить? Одна лишь беда (если считать это бедой): он не призван быть ученым. Как один из лучших учеников Ключевского <...> Карпович, конечно, владеет научным методом, но он не живет

научными интересами, его мысли заняты политическими, литературными вопросами, но не наукой. У него нет специфической увлеченности наукой, научной работой (его специальность история), без которой нельзя быть ученым» (*Зеньковский В., прот.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1996–1997. Т. 28. С. 14).

³ Вышла в двух томах на немецком языке: *Tschizewskij D.* Das heilige Russland: Russische Geistesgeschichte I. 10.–17. Jahrhundert. (Rowohlts deutsche Enzyklopädie. Bd. 84). Hamburg: Rowohlt Verlag, 1959; *Idem.* Zwischen Ost und West: Russische Geistesgeschichte II. 18.–20. Jahrhundert. (Rowohlts deutsche Enzyklopädie. Bd. 122). Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1961. Переиздана в одном томе: *Idem.* Russische Geistesgeschichte. 2. erw. Aufl. München: Wilhelm Fink Verlag, 1974.

⁴ *Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. В отличие от В.В. Зеньковского Д.И. Чижевский ценил основной труд Флоровского высоко, назвав его в предисловии к русскому изданию «Тегеля в России» (1939) «основоположной историей русского богословия» и приложив немало усилий для так и не осуществившегося ее немецкого издания.

⁵ *Карташев* Антон Владимирович (1875–1960) — историк, церковный и политический деятель. Выпускник и доцент истории русской церкви Санкт-Петербургской духовной академии, председатель Религиозно-философского общества в Петербурге в 1912–1917 гг., после Февральской революции последний обер-прокурор Св. синода, затем министр вероисповеданий Временного правительства. С 1919 г. в эмиграции, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1925–1960), где читал общий курс истории церкви, историю русской церкви, часть курсов по Ветхому Завету и еврейскому языку.

⁶ *Карташев А.В.* Церковь и государство. Православие и Россия // Православие в жизни: Сб. ст. / Под ред. С.С. Верховского. Нью-Йорк, 1953. С. 145–178, 179–210.

⁷ *Франк С.Л.* Реальность и человек: Метафизика человеческого бытия. Париж: YMCA-Press, 1956.

⁸ О Плотине см. примеч. 2 к письму 15.

⁹ *Николай Кузанский* (1401–1464) — немецкий философ, богослов и церковный деятель раннего Возрождения, оказавший значительное влияние на идейное развитие С.Л. Франка, который в предисловии к книге «Непостижимое» назвал его своим «единственным учителем философии».

¹⁰ Речь идет, вероятно, о *Карпове* Владимире Порфирьевиче (1870–1943) — биологе, историке науки, переводчике трудов Аристотеля, профессоре Московского университета, стороннике витализма. Отдельной статьи Чижевского о В.П. Карпове не существует (см. упоминание о нем в рецензии Чижевского на 2-й том «Истории русской философии» Зеньковского: Новый журнал. 1952. № 30. С. 281).

¹¹ *Аввакум Петрович* (1620–1682) — протопоп, духовный писатель, один из первых духовных вождей старообрядчества, противник искажения древних православных обрядов сторонниками патриарха Никона, исповедник, принял мученическую смерть на костре. Автор автобиографического сочинения «Житие протопопы Аввакума». Причислен к лику святых старообрядческой Церковью белокриницкого согласия (1916).

25/IV <1954>¹

Узнал из только полученного от Вас письма, что Вам стукнуло 60² лет — примите мое сердечное приветствие. Дай Бог еще много лет здравствовать и работать! Очень радуюсь о Вас, что немецкие коллеги издадут сборник в Вашу честь³ — это прекрасный обычай — праздновать таким образом разные даты жизни.

Я вполне понимаю, что Вы считаете Вашу поездку в Америку наибольшим несчастьем Вашей жизни, — все то, что Вы описываете, что я знаю от своего племянника, — да и то, на что я наглядился 25 лет назад, когда провел 9 месяцев⁴ — все это так характерно для Америки во всех сферах ее жизни. Привозные таланты и свои дилетанты, редкие большие люди и огромное большинство ловкачей — такова университетская жизнь в Америке. Но не унывайте, даст Бог, вернетесь в Германию!

Сердечно Ваш *прот. В. Зеньковский*

---

¹ Датировка года — по 60-летнему юбилею Чижевского.

² Д.И. Чижевский родился 23 марта (по старому стилю, по новому стилю — 4 апреля) 1894 г. в г. Александрия Херсонской губернии.

³ Festschrift für Dmytro Čyževskýj zum 60. Geburtstag am 23. März 1954 / Hrsg. von M. Vasmer. Berlin, 1954.

⁴ В своих мемуарах Зеньковский пишет: «...осенью (в октябре. — В.Я.) 1926 года я уехал (на девять месяцев) в Америку для научных занятий и вернулся в Париж только в июле 1927 года» (*Зеньковский В., прот. Мое участие в церковной жизни // Вестник РХД. 2010. № 196. С. 236*).

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Dr. D. Čiževsky
c/o Mr Velnote
Northwood Narrows
(New Hampshire)
USA
Par avion

30/VII <1954>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

все ждал Вашей рукописи, задержка теперь только за Вами. Если немедленно по получении этого письма пошлете мне (по парижскому адресу), то можно обычной почтой, если задержите больше чем на 4–5 дней, пошлите par avion. — Я сейчас не в Париже, отдыхаю в деревушке, много пишу (в том числе перевалил очень трудную для меня главу из части, посвященной гносеологии).

Напишите о себе и своих работах, мне все это интересно.

С любовью. Прот. В. Зеньковский

NB. Удалось ли Вам устроить фотокопии моей статьи о Гоголе?
Моя улица George, а не Gaston Pitard.

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. D. Tchiževsky
Northwood Narrows
New Hampshire
USA
Par avion

1/IX <1954>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

сегодня пришла наконец Ваша прекрасная статья для сборника в память С.Л. Франка², большое спасибо, она дает достаточный обзор ист<орико->фил<ософских> и ист<орико->литературных работ С.Л.

Я еще в деревне у знакомых, но 7/IX уже возвращаюсь к обычной своей работе в Париж. Мне почти удалось вчерне закончить свою книгу (гносеол<огия>), но она требует еще большой работы для систематизации и четкости. Как дела у Вас с книгой о Гоголе³, есть ли надежда ее напечатать?

Любящий Вас Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² *Чижевский Д. С.Л. Франк как историк философии и литературы // Сборник памяти С.Л. Франка / Под ред. прот. Василия Зеньковского. Мюнхен, 1954. С. 157–174.*

³ Гоголь был любимым писателем Чижевского, и книга о нем была задумана давно. Первое литературное выражение интерес к Гоголю получил уже в пражских лекциях и книгах об украинской философии (1926, 1929, 1931). Но работы, специально посвященные Гоголю, были написаны Чижевским лишь в 1938 г.: рецензия на книгу А. Белого «Мастерство Гоголя» и статья «О “Шинели” Гоголя», сразу же принесящая Чижевскому славу одного из самых компетентных и оригинальных исследователей творчества писателя. По статье «О “Шинели” Гоголя» видно, что для Чижевского эта тема не нова (этой темой он мог заинтересоваться, еще будучи студентом у В.В. Зеньковского, уже до революции написавшего большую книгу о мировоззрении Гоголя, впоследствии утраченную и написанную заново после Второй мировой войны) и что статья могла быть фрагментом какого-то более обширного исследования. Начало работы над книгой о Гоголе относится к рубежу 1920–1930-х гг., но, к сожалению, эта книга, над которой Чижевский с перерывами работал более сорока лет, принадлежит к незавершенным и лишь отчасти реализованным творческим замыслам. Известен неопубликованный популярный немецкоязычный вариант этой книги, сохранившийся у одной из последних корректорш Чижевского, кельнской славистки А. Лаухуз (ныне хранится в Доме А.Ф. Лосева (Москва)). Несколько иного плана был русскоязычный вариант этой книги, над которым Чижевский интенсивно работал в 1952 и 1953 гг. (см. план книги о Н.В. Гоголе в изд.: Материалы. С. 583).

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Dr. D. Tchiževsky
12 A Farwell Place
Cambridge 38
(Mass.)
Par avion

29/IX <1954>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

простите, что отвечаю на Ваше письмо с таким опозданием. Рукопись Ваша сдана в печать. Очень бы хотел иметь Ваш комментарий к Евг. Онег<ину>², если есть у Вас экземпляр — пришлите мне. Как же будет с книгой Вашей о Гоголе? И еще, удалось ли Вам иметь фотостат моих статей в «Христ<ианской> мысли», как Вы предполагали весной? Я с радостью заплатил бы за 1–2 экземпляра. Сообщите об этом. Я уже в разгаре общ<ественной> и церк<овной> работы. Пишу для Мюнх<енского> инст<итута>³ краткий очерк о рус<ском> утопизме⁴ и, вероятно, напишу еще о «мнимом материализме рус<ской> науки и филос<офии>»⁵ (против советск<их> казенных критиков). Буду рад, если сможете иногда моему племяннику, — я хотел бы, чтобы с него вышел уче<ный>.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² *Pushkin A.S. Evgenij Onegin: A Novel in Verse / The Russian Text, edited with Introduction and Commentary by D. Čiževsky. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1953.*

³ Мюнхенский Институт по изучению истории и культуры СССР, затем переименованный в Институт по изучению СССР, был создан 8 июля 1950 г. как свободное объединение российских ученых-эмигрантов второй волны, целью которого было изучение СССР и ознакомление западного мира с результатами исследований. Прообразом института были русские академические группы, создававшиеся в западных странах первой волной эмиграции. Возглавил вновь созданный институт Н.А. Троицкий (Б.А. Яковлев). Испытывая финансовые затруднения, сотрудники института приняли приглашение участвовать в проекте исследований послевоенной эмиграции из СССР, проводившихся Русским исследовательским центром Гарвардского университета по инициативе политолога Дж. Фишера, развернули широкую программу научных исследований, включавшую в себя ежегодные международные конференции, выпуск «Вестника» института и серии монографий «Исследования и материалы». Но к середине 1950-х гг., когда главными спонсорами института стали американские спецслужбы, он постепенно утратил свою самостоятельность, его проекты, все более политизируясь, ориентировались на национальное

расчленение СССР, а сотрудничество с известными учеными русской эмиграции свелось к заказу скриптов для передач радио «Освобождение» и «Свобода» (В.В. Зеньковский, Ф.А. Степун, В.В. Вейдле, В.Н. Ильин, А.Д. Шмеман). Характерна дата ликвидации института: в 1972 г., как миролюбивый жест со стороны американцев в связи с начинавшейся политикой разрядки. К моменту закрытия института его библиотека насчитывала около 100 000 томов и самое большое в Германии собрание советской периодики.

⁴ Публикация такого текста Зеньковского в изданиях мюнхенского Института по изучению СССР неизвестна. Но та же работа была опубликована в другом месте: *Зеньковский В., прот.* Черты утопизма в истории русской мысли // Новый журнал. 1955. № 42. С. 221–234.

⁵ Работа опубликована: *Он же.* О мнимом материализме русской науки и философии. Мюнхен, 1956 (Институт по изучению СССР. Исследования и материалы. Серия 1-я. Вып. 27). (О.Е.).

30

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. D. Tchiževsky
12 A Farwell Place
Cambridge 38
(Mass.)
Par avion

16/XI <1954>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

давно Вам не писал, был очень загружен не учеными, а административными (по Церквини) делами. Надеюсь, Вы получили корректуры Вашей статьи для сборника и не задержите их. Я сейчас занят (для Мюнхенского института) работой на тему «О мнимом материализме русской науки и философии». Также работаю для серии публичных лекций на тему о развитии эстетических идей в России² (не знаю ни одной сводки работ). Очевидно, Ваш комментарий по Ев. Онегину Вы не нашли?

Всего доброго. Ваш *Прот. В. Зеньковский*

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Материал лекций был издан Д.И. Чижевским на немецком языке под названием «Из истории эстетических идей в России в XIX–XX вв.» в серии брошюр по истории славянских литератур и культур: *Zen'kovskij V. Aus der Geschichte der ästhetischen Ideen in Russland im 19. und 20. Jahrhundert.* (Musagetes. VII) 's-Gravenhage, 1958. На русском языке работа впервые опубликована: *Зеньковский В., проф.* Из истории эстетических идей в России в XIX–XX вв. // Вестник РХД. 2002. № 184; 2003. № 185, 186; 2004. № 187. (О.Е.). Оригинал

русскоязычной 59-страничной машинописи этой работы сохранился в гейдельбергском архиве Д.И. Чижевского (Heid. Hs. 3881. Abt. D / 23).

31

26/XI <1954>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо за письмо. Надеюсь, что с корректурой статьи для сборника о Франке все уже кончено.

Вы спрашиваете меня о Мюнх<енском> инст<итуте>. После длительных переговоров (по их инициативе) и довольно неприятной мороки они назначили мне «стипендию» на 3 м<есяца> по 100 \$ (один раз в начале ноября я уже получил). Для Америки стипендия 200 \$ в месяц (дается для работы). Кажется, я Вам писал, что я для них пишу «О мнимом материализме русской науки и философии» (1-ю часть и введение уже написал). Кроме того, я послал для их Вестника статью «Заметки о русском утопизме» (все это оплачивается). Спишитесь с проф. Бор. Ив. Ивановым² (Forschungs Institut Postfach 5, München 97), а во главе отдела стипендий стал проф. Зоргенфрей³). [Думаю, что все это маргариновые професс<ора>, но я им пишу «collega».] Курс по истории эстетич<еских> идей в России я уже составил, получилось любопытное дополнение к моей книге.

Очень рад, что в честь Вашу издан Festschrift⁴. Вы заслужили это. А с Карповичем, раз отношения у Вас разладились, все так и будет продолжаться. Но — не только свету, что в карповическом окошке.

Всего доброго.

Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

NB. Ваша тема — разбор советских книг по истории др<евне>рус<ской>⁵ литературы, по-моему, им подходит, но лучше запросите Иванова (он во главе «Вестн<ика>»).

---

¹ Датировка года — по 60-летнему юбилею Чижевского.

² Иванов Борис Иванович — исследователь истории религии в СССР, профессор мюнхенского Института по изучению СССР, заведующий издательским отделом института. Переписывался с Д.И. Чижевским, неоднократно приглашая его участвовать в изданиях института. Чижевский от сотрудничества отказался.

³ Зоргенфрей Алексей Густавович (1895–1957) — филолог, сын известного русского педагога Г.Г. Зоргенфрея, заведующий кафедрой новых языков в Педагогическом институте им. Герцена (Ленинград), профессор мюнхенского Института по изучению СССР, автор повести «Я гражданин Ленинграда». Состоял в переписке с Д.И. Чижевским.

⁴ Юбилейный сборник (нем.). См. примеч. 3 к письму 26.

⁵ Здесь в оригинале письма явная описка: «др<евне>сов<етской> литературы». Чижевский в это время интересовался темой советских фальсификаций истории древнерусской литературы.

6/II <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо за Ваше, как всегда насыщенное, письмо.

1) Душевно буду рад, если устроится Ваша поездка в Европу²; надеюсь, увидимся тогда.

2) Рецензию на книгу Ф.Г. Спасского³ я не получал; пожалуйста, пришлите (!!).

3) Чрезвычайно мне интересно то, что Вы сообщаете об Асмусе. В каком журнале он печатается?⁴

4) Есть ли у Вас какие-либо сведения (и от какого времени) о Дыннике⁵ (жив ли он — он был ведь с-р), об А.Н. Раевск<ом>⁶ (он стал проф. в Киевском университете), о его писаниях. (Из нашего Семинара филос<офии> в Киеве.)

Спасибо за напоминание о 150-летнем юбилее со смерти Шиллера; хотел бы что-нибудь написать о нем.

Что касается сборника о Франке⁷, то 1) Арсеньев⁸ сам напросился — как и С.А. Левитский⁹, а Т.С. Франк¹⁰, все хлопотавшая, чтобы было много лиц-участников, очень хотела поместить его статейку. Я, конечно, не мог препятствовать. 2) Вышеславцев¹¹ написал (то есть диктовал жене), уже умирая!! А о Лосском — я лично был возмущен его статьей, но вернуть ее назад, Вы сами понимаете, было невозможно¹².

Очень жду рецензию на книгу Спасского.

Сейчас пишу статью о Вышеславцеве.

Всего доброго. Сердечно Ваш *Прот. В. Зеньковский*

¹ Датировка года — по 150-летней годовщине смерти Шиллера.

² В это время велись переговоры о предоставлении Чижевскому рабочего места в Лейдене, а также о годичной стипендии имени Гуттенгейма, которую Чижевский затем и получил на 1956 г.

³ *Čyževskýj D.* [Рец.:] F. Spasskij: Russkoe liturgičeskoe tvorčestvo. (Po sovremennym minejam). Paris, 1951. 318 S. // Zeitschrift für slavische Philologie. 1954. Bd. 23. H. 1. S. 210–216.

⁴ В.Ф. Асмус печатался тогда в журналах «Смена», «Новый мир», «Вопросы философии», «Советская музыка». См. избранную библиографию его работ в издании: *Асмус В.Ф.* Историко-философские этюды. М., 1984. С. 312–317.

⁵ *Дынник* Михаил Александрович (1896–1971) — выпускник историко-филологического факультета Киевского университета (1919), ученик В.В. Зеньковского, впоследствии известный советский философ, переводчик, специалист по истории античной и новейшей зарубежной философии, профессор (1934), лауреат Государственной премии СССР (1943) за участие в создании первых двух томов коллективной «Истории философии» (1940–1943), доктор философских наук (1949), член-корреспондент АН СССР (1958).

⁶ *Раевский* Александр Николаевич (1891–1971) — психолог, специалист по истории психологии, выпускник историко-филологического факультета Киевского университета (1917), ученик В.В. Зеньковского, преподаватель (1917), профессор (1925) и заведующий

щий кафедрой психологии Киевского университета (1945), автор учебника «Психология» (1941) и исторического исследования «Психология речи в советской психологической науке за 40 лет, 1917–1957» (1958).

⁷ См. примеч. 2 к письму 22.

⁸ *Арсеньев* Николай Сергеевич (1888–1977) — философ, богослов, культуролог, приват-доцент кафедры западноевропейской литературы Московского университета (1914–1918), профессор кафедры сравнительной истории религий Саратовского университета (1918), с 1920 г. в эмиграции, был преподавателем (1921) и профессором русской литературы Кенигсбергского университета (1924–1944), с мая 1945 г. жил в Париже, преподавал в Сорбонне, с февраля 1948 г. профессор Свято-Владимирской духовной семинарии (1948–1960), председатель Русской академической группы в США (1971–1977). В сборнике памяти С.Л. Франка опубликовал краткую статью «Раскрывающиеся глубины. О философии С.Л. Франка» (с. 73–75). Д.И. Чижевский не ценил Н.С. Арсеньева как ученого и, вероятно, был возмущен как претенциозностью, так и бессодержательностью его статьи.

⁹ *Левецкий* Сергей Александрович (1908–1983) — философ, ученик и последователь Н.О. Лосского, с 1928 г. жил в Чехословакии, выпускник Карлова университета в Праге (1939), позже жил в Германии и в США, член НТС (с 1942), профессор Джорджтаунского университета. В сборнике памяти С.Л. Франка опубликовал статью «Этика Франка» (с. 117–132).

¹⁰ *Франк* Татьяна Сергеевна (урожд. Барцева; 1886–1984) — жена С.Л. Франка, инициатор сборника его памяти, состояла в многолетней переписке с Д.И. Чижевским.

¹¹ *Вышеславцев* Борис Петрович (1877–1954) — юрист, философ, публицист, литературный критик, редактор парижского издательства YMCA-Press, соредактор журнала «Путь», профессор Религиозно-философской академии и Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, в котором преподавал нравственное богословие. В сборнике памяти С.Л. Франка опубликовал краткую статью «Памяти философа-друга» (с. 40–43).

¹² Н.О. Лосский написал для сборника памяти Франка статью «Теория знания С.Л. Франка» (с. 133–144). Причина возмущения Зеньковского статьей Лосского прекрасно резюмируется словами Т.С. Франк из ее письма к Д.И. Чижевскому от 6 декабря 1954 г.: «Лосский уже может говорить только о себе» (Heid. Ns. 3881 / Abt. C, Buchstabe F, 2. Kasten, Mappe 11).

33

14/II <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо Вам за обстоятельное письмо о б<ывших> членах нашего Семинара в Киеве. Относительно Сергея А. Гиляра² и я слышал (от кого — не помню), что он погиб.

Вы, конечно, видели книгу Сазоновой (Чех<овское> изд<атель>ство) по истории рус<ской> лит<ературы> (др<евний> период)³. Сазонова⁴, насколько ее знаю по журнальным статьям, совершенно хороша для небольших и популярных очерков, — но что она могла дать по истории рус<ской> литературы? Напишите, что думаете о ее книге⁵.

Если найдете у себя сборник, вышедший в сов. России о Вернадском, пришлите мне.

Вышел наконец 2-й том по-французски моей книги; когда получу его, пошлю Вам, надеюсь послать тогда и 1-й том.

Я закончил для Мюнхенского института> (получил 3 раза по 100 \$ от них) статью «О мнимом материализме русской науки и философии»). [Кстати, я не написал себе Вашего указания, какие натурфилософские статьи Вернадского вышли — кроме «Очерки и речи»⁶ и кроме статьи о времени?⁷] Сейчас пишу небольшую статью «Вышеславцев как философ»⁸ (для Н<ового> журнала, по соглашению с М.М. Карповичем).

Надеюсь, Вы получили сборник в память С.Л. Франка. Не все в нем хорошо, а в общем сборник удался.

Всего доброго. Сердечно Ваш *Прот. В. Зеньковский*

¹ Датировка года — по статье о. Василия о Вышеславцеве.

² *Гиляров* Сергей Алексеевич (1887–1946) — сын философа, академика А.Н. Гилярова (учителя В.В. Зеньковского и Д.И. Чижевского), выдающийся украинский искусствовед, в 1928 г. идентифицировавший в Киеве картину Лукаса Кранаха Старшего «Адам и Ева», профессор Киевского университета, заместитель директора по науке и хранитель Музея западного и восточного искусства в Киеве, репрессированный после войны. Обвиненный в сотрудничестве с немцами во время оккупации, С.А. Гиляров был 30 декабря 1945 г. арестован, а 8 февраля 1946 г. умер в больнице Лукьяновской тюрьмы от истощения, отказавшись принимать пищу. Реабилитирован посмертно. См.: *Гиляров С.* Новознайдений твір Кранаха в Музеї мистецтва Всеукраїнської академії наук. Київ, 1929.

³ *Сазонова Ю.* История русской литературы: Древний период. Нью-Йорк, 1954.

⁴ *Сазонова* (урожд. Слонимская) Юлия Леонидовна (1887–1957) — поэтесса, литературный и театральный критик, режиссер, историк театра, литературовед, дочь публициста Л.З. Слонимского.

⁵ Что думал Чижевский о книге Ю. Сазоновой, можно узнать из его рецензий: *Čiževsky D.* Julija Sazonova. Istorija ruskoj literatury. Drevnij period. 2 vols. New York: Chekhov Publishing House, 1955. 411, 412 pp. // *American Slavic and East European Review* (New York). 1955. № 4. P. 564–566; *Idem.* Julija Sazonova, Istorija ruskoj literatury. Drevnij period. New York, 1955, Band I–II, 411 + 413 S. // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Heidelberg, 1956. Bd. 24. H. 2. S. 415–419. Сжатое изложение критики этой книги находим в его письме от 17 июня 1955 г. к З.О. Юрьевой: «Но я упомянул о качествах книги Сазоновой. Александрова (представитель Издательства имени Чехова. — В.Я.) возражает, что это объясняется ее «источниками». Но ни в одном источнике «Торжественик» — собрание проповедей не называется «словарем», проповеди Григория Богослова — «стихами», не говорится, что Гомер был переведен на церковнославянский язык в 10 веке в Болгарии, слово «Апракос» не пишется «апрак^сос», «синаксарий» — «син^ксарий» (по несколько раз!), Никола Святоша не «Никита Пустоша»(!), Лукиан не называется римским писателем, «Три отрока в печи огненной» не считаются апокрифом (это из книги пророка Даниила), Саввина книга не глаголическая, а кириллицкая и т. д. Я считаю, что в книге около 2000 ошибок. А по-русски напечатать рецензии нигде нельзя» (Собрание В.В. Янцена в Галле).

⁶ *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Пг., 1922. Вып. 1, 2.

⁷ *Он же.* Проблема времени в современной науке: Докл. // Изв. АН СССР. Сер. 7, ОМОН. 1932. № 4. С. 511–541.

⁸ *Зеньковский В., прот.* Б.П. Вышеславцев как философ // Новый журнал. 1955. № 40. С. 249–261.

5/III <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

умиляюсь и люблю Вашу память и широтой Ваших знаний и интересов. Спасибо за письмо с «биографическими» материалами. Помните ли Вы, кстати, В.Н. Ильина² — он, бедный, при бесспорном большом даровании, при больших знаниях, порядка в голове не имеет. У него написаны кипы монографий, но все с такими нелепостями, что им нет ходу (напр<имер>, в монографии о Н.Ф. Федорове³ пустил столько грубых ругательств, ничем не вызванных, по адресу Бердяева⁴, что УМСА-Press (созданная Бердяевым!) отказалась печатать, — и так во всем. Сейчас он считает меня (абсолютно без всяких оснований) своим врагом, — что я будто бы препятствую ему в УМСА-Press (хотя к УМСА-Press я имею отношение лишь как автор).

Отзывы о сборнике Франка все добрые, — но есть два замечания верных — мы совсем не коснулись социальных и политических идей и высказываний Франка. Последнее не важно, а первое очень (в его книге «Духовные основы общества» много ценных идей по социальной философии и психологии). Один проф. из Мюнхена (Иванов) предлагает мне заняться сборником о Флоренском, но где найти деньги на это?

Как я Вам написал, Карпович попросил меня написать статью о Вышеславцеве. Я написал и послал, надеюсь, что будет напечатано; конечно, я мог лишь очень бегло написать. Его книга («Этика Фихте»⁵) — знаете ли Вы ее? — вместе с книгой Гурвича⁶ — русский вклад в фихтеанство. Приходится ли Вам знакомиться с экзистенциализмом? Французский экз<истенциали>зм (типа Сартра⁷) очень интересен по яркости и остроте. Heidegger⁸ по-своему значительный, а вот Jaspers'a⁹ я мало выношу.

С Мюнхеном я в некоей «ссоре»; сами просили написать им этюд для их Вестника, я написал «Заметки о русском утопизме», они решили печатать в т<ак> наз<ываемых> ротаторных их изданиях, ибо мой этюд мало занимается «тематикой», им нужной (хотя ленинская утопия была достаточно анализирована). Я взял назад... *Nabent sua fata libelli...*¹⁰

Быть может, я попаду в Франкфурт; если в Марбурге Müller¹¹ (знаете ли Вы, где он?), я бы дал перевести на немецкий язык этот этюд, чтобы прочитать в Семинаре — но при условии, что уплатят гонорар. Как Вы думаете, возможно ли это?

Недавно издатель Brockhaus (энциклопедического словаря) просил меня составить краткий очерк истории русской философии. Я написал, и они очень хорошо заплатили мне (более 20 \$!) за 5 страничек.

Ну, я разболтался.

Будьте здоровы и держитесь крепче, чтобы побольше написать.

Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

В ближайшее время выйдет 2-е издание (на рус<ском> яз<ыке>) «Русские мыслители и Европа»¹².

Отзыв о книге Спасского еще не получил. А как с коммент<арием> к «Евг. Онегину»?

¹ Датировка года — по дате выхода 2-го издания книги «Русские мыслители и Европа». См. примеч. 3 к письму 4.

² Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) — психолог, философ, историк философии, литературы, богословия, естествознания, медицины и музыки, публицист, композитор, участник евразийского и студенческого христианского движения. В парижском Свято-Сергиевском православном богословском институте был доцентом и профессором, преподавал с 1925 по 1941 г. литургику и историю философии. Обширное и разностороннее творческое наследие В.Н. Ильина, превышающее 400 названий, в значительной своей части еще не исследовано и не опубликовано. Почти неизвестен он в России и как психотерапевт и основатель методики театральной терапии. Опубликованные труды: «Преподобный Серафим Саровский» (1925), «Запечатанный гроб. Пасха нетления. Объяснение служб Страстной недели и Пасхи» (1926), «Всенощное бдение» (1927); «Атеизм и гибель культуры» (1929), «Шесть дней творения. Библия и наука о творении и происхождении мира» (1930), «Загадка жизни и происхождение живых существ» (1929), «Арфа царя Давида в русской поэзии» (1960), «Религия революции и гибель культуры» (1987), «Эссе о русской культуре» (1997). Его мемуарные тексты, дневники и письма свидетельствуют, однако, об отсутствии твердого нравственного стержня в этом человеке, очевидной духовной раздвоенности, доходившей порой до юродства, беспринципности, нытья, кликушества и предательства. В годы гитлеровской оккупации Парижа он сотрудничал с немецкими властями и с Управлением по делам русских беженцев, писал в издании этой организации «Парижский вестник» фельетоны против своих коллег и митрополита Евлогия, за что был уволен из института. В.В. Зеньковский, учитель Ильина по Киевскому университету и коллеги по Богословскому институту, в посвященном ему довольно просторном в сравнении с характеристиками других выдающихся лиц эссе дает сочувственно-убийственную итоговую характеристику его личности (*Зеньковский В., прот. Мои встречи с выдающимися людьми: Владимир Николаевич Ильин // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1994. Т. 26. С. 37–41*). См. библиографические очерки о В.Н. Ильине: *Козырев А. В тени Парнаса и Афона // Ильин В. Эссе о русской культуре / Вступ. ст., библиогр. А. Козырева. СПб., 1997. С. 3–34, 449–460; Petzold H. Leben und Werk Vladimir N. Il'ins // Kyrios: Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas. 1974. Jg. 14. S. 253–272* (статья ученика В.Н. Ильина, развившего из обоснованной Ильиным методики терапевтического театра современную школу интегративной двигательной телесной терапии).

³ Федоров Николай Федорович (1829–1903) — религиозный мыслитель, автор «Философии общего дела», родоначальник русского космизма. Известны две статьи В.Н. Ильина о Н.Ф. Федорове: «О религиозном и философском мировоззрении Н.Ф. Федорова» (Евразийский сборник: Политика, философия, россиеведение. Кн. 6. Прага, 1929. С. 17–23) и «Н. Федоров и преп. Серафим Саровский» (Вестник РСХД. 1931. № 7. С. 8–13; № 8–9. С. 9–26; № 11. С. 13–16).

⁴ До скандального анонимного фельетона на книгу Н.А. Бердяева «Судьба человека в современном мире: к пониманию нашей эпохи» (1934), опубликованного под псевдонимом П. Сазанович с тенденциозным названием «Идеологическое возвращенство» в газете «Возрождение» (1935. 1 февр. № 3530. С. 2), В.Н. Ильин считался другом семьи Бердяе-

вых, пользовался их доверием и всяческой поддержкой. В дневнике жены Бердяева Лидии Юдифовны эта статья называется не иначе как «клеветой» В.Н. Ильина и «грязным пятном на его личности». Попытки примирения, предпринимавшиеся Ильиным с 1935 по 1943 г. (см.: *Козырев А.* В тени Парнаса и Афона. С. 28) при посредничестве В.В. Зеньковского (см.: *Зеньковский В., прот.* Мои встречи с выдающимися людьми. С. 41), успехом не увенчались, о чем красноречиво свидетельствуют слова об Ильине в «Самопознании» Бердяева: «Я заметил неискренность в отношении ко мне со стороны некоторых русских. Люди выражали больше единомыслия со мной и больше любви ко мне, чем это в действительности было. Очень многие избегали споров со мной в случае несогласия. Отчасти это может объясняться тем, что в спорах я мог быть резок и вспыльчив, но не только этим. Наиболее печальна была история с В. И., человеком больших умственных дарований, разговор с которым бывал интересен. В. И. постоянно у нас бывал, был другом дома, объяснял мне в любви, целовал в плечо, называл себя моим последователем. И потом вдруг написал против меня отвратительную по тону статью в очень враждебной мне газете. Он полетел по наклонной плоскости, и в нем обнаружился настоящий зубр. Многое объясняется тут крайней неуравновешенностью, тяжелой болезнью души. Это очень несчастный человек, который не может реализовать своих дарований. В прошлом я его очень защищал и многое ему прощал» (*Бердяев Н.А.* Самопознание. М., 1991. С. 286). О конфликте между В.Н. Ильиным и Н.А. Бердяевым см. также: *Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа / Сост., авт. предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М., 2002. С. 81–82, 86–88, 90, 93; *Безносков В.* Покаянные письма В.Н. Ильина, или Страсти по Бердяеву // Звезда. 1997. № 3. С. 169–173; *Ильин В.Н.* Письма Н.А. Бердяеву / Публ. В. Безносова и Е.В. Бронниковой; коммент. Е.В. Бронниковой // Там же. С. 174–187; *Бронникова Е.В.* К истории взаимоотношений В.Н. Ильина и Н.А. Бердяева // Там же. С. 187–189.

⁵ *Вышеславцев Б.П.* Этика Фихте: Основы права и нравственности в системе трансцендентальной философии. М., 1914.

⁶ *Gurwitsch G.* Fichtes System der konkreten Ethik. Tübingen, 1924. *Гурвич* Георгий Давидович (1894–1965) — философ, социолог, член Русского философского общества в Праге, сотрудник журнала «Современные записки», автор исследований «Система конкретной этики Фихте» (1924), «Современные тенденции в германской философии 1927–1928» (1930), «Идея социального права» (1932). В 1921–1924 гг. преподавал в качестве приват-доцента социологию и философию права на Русском юридическом факультете в Праге. С 1925 г. жил во Франции, читал курс лекций по русской философии права в Сорбонне, преподавал философию и социологию в колледже Севинье и в университете г. Бордо. В 1940 г. эмигрировал в США, был профессором социологии Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке и в Гарвардском университете. После войны Г.Д. Гурвич — одна из центральных фигур французской социологии.

⁷ *Sartre (Sartre) Жан Поль* (1905–1980) — французский писатель и философ-экзистенциалист.

⁸ *Хайдеггер (Heidegger) Мартин* (1889–1976) — немецкий философ-экзистенциалист. Зеньковский, вероятно, не знал, что Д.И. Чижевский учился у Хайдеггера и Ясперса во Фрейбурге и Гейдельберге.

⁹ *Ясперс (Jaspers) Карл* (1883–1969) — немецкий философ-экзистенциалист.

¹⁰ Имеют свою судьбу книги (*лат.*).

¹¹ См. примеч. 2 к письму 6.

¹² См. примеч. 3 к письму 4.

7/III <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

Kohlhammer², издатель из Штутгарта (с которым у меня был договор об издании моей большой книги³), сделал мне новое предложение — издать краткое (*kurzgefasste Gesch<ichte> d<er> r<ussischen> P<hilosophie>*⁴) руководство на 160 стр. (имея в виду, что в международном обращении имеется франц<узский> и англ<ийский> переводы, что очень сокращает рынок для немецкого перевода). Книжка эта была бы в серии *Urban Bücher (Taschenbuch!)*⁵.

Я склоняюсь к тому, чтобы принять это предложение ввиду того, что перспективы на полное немецкое издание все нет и нет. Но прежде чем дать окончательный ответ Kohlhammer (который советовался и с Winter⁶), чтобы аннулировать наш прежний договор, который остается без реализации уже 5-й год, — хочу иметь Ваше мнение. Не откажите поскорее написать мне, буду очень благодарен.

А что все же случилось с рукописью Иваска⁷: напишите прямо. Как это ни неприятно, но надо знать.

Всего доброго.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по связи содержания с письмом от 6 апреля 1955 г. (сотрудничество с издательством В. Кольхаммера).

² Штуттартское «Общество с ограниченной ответственностью Вильгельм Кольхаммер» — основанное в 1866 г. В. Кольхаммером (1839–1893) издательство, в программу которого с конца XIX в. была включена богословская и философская литература.

³ Имеется в виду двухтомная «История русской философии» В.В. Зеньковского.

⁴ Краткая история русской философии (*нем.*).

⁵ Книги серии «Урбан» (карманное издание) (*нем.*). Этот проект остался нереализованным.

⁶ Университетское издательство Карла Винтера, основанное в 1822 г., было старейшим издательством научной литературы в г. Гейдельберге, программа которого охватывала весь спектр университетских дисциплин, в том числе и издание журнала «*Zeitschrift für slavische Philologie*».

⁷ *Иваск* Юрий Павлович (1907–1986) — поэт второй волны русской эмиграции, аспирант Д.И. Чижевского в Гарвардском университете (1952–1954), профессор русской литературы Амхерстского колледжа Массачусетского университета (1969–1977), автор шести поэтических сборников и исследований о К.Н. Леонтьеве и В.В. Розанове, состоявший в переписке с Д.И. Чижевским. (По свидетельству В. Зивекинга, Берберова в беседе с ним категорически настаивала на том, что Иваск при въезде в Америку фальсифицировал дату своего рождения, на самом деле он родился в 1898 г.) О какой рукописи Ю.П. Иваска идет речь, по контексту письма сказать трудно. Возможно, о рукописи диссертации, первый вариант которой, по предложению Чижевского, должен был быть посвящен крупным русским писателям в эмиграции, многие архивы которых находились во Франции, и, возможно, Чижевский обращался в этой связи к Зеньковскому за помощью или советом. Но в

конец 1953 г. Иваск выбрал иную тему: «Вяземский — литературный критик», по которой и защитил свою диссертацию в Гарвардском университете.

36

13/III <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

получил Ваше письмо, получил и две рецензии (о книге Спасского и о философии в Словакии²).

Очень мне было интересно то, что Вы сообщаете о работе (этюде) W. Jäger³ а³ о Макарии⁴ (или, как тут принято щеголять научностью, — «псевдо Макарий»⁵). Где напечатал Jäger свой этюд? Будете писать, сообщите.

Что касается книги «Русские мыслители и Европа», то она, как Вы знаете, вышла в Университетском издательстве в Америке (очень плохо издана, неряшливо)⁶. А русское 2-е издание, уже прокорректированное, вероятно, в начале или в середине апреля выйдет в свет.

Я чувствую, как Вам трудно в Harvard, — и думаю, что лишь при возвращении в Германию Вы вернете себе то благодушное отношение к жизни, которое раньше Вас спасало. Международная обстановка всюду мало благоприятна для культурной работы — и все же живее всего научная атмосфера в Германии.

А я сейчас занят рецензией на книгу (коллективную) о диалектическом материализме (для Мюнхена), напишу и о большой, очень подробной и в этом смысле ценной и интересной книге Wetter. Der dialektische Materialismus⁷. Между прочим, он не раз ссылается на Ваши статьи о советской философии, которые Вы писали в «Современных записках» (под псевдонимом Прокофьева)⁸. Мелкие работы отнимают у меня все (и без того малое мое) свободное время, увы.

От Müller получил его перевод одной части сочинений Вл. Соловьева⁹.

Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

Получили ли Вы 2-й том моей Исторической русской философии по-французски?

---

¹ Датировка года — по упоминанию в письме известия о получении Чижевским годичной стипендии Гуггенгейма.

² *Tschizewsky D. Zwei Bücher über die Philosophie in der Slowakei // Südost-Forschungen. München, 1954. Bd. 13. S. 279–284.*

³ *Jäger* (Jaeger) Вернер Вильгельм (1888–1961) — немецкий историк, филолог-классик, профессор классической литературы и культуры Гарвардского университета, автор фундаментального трехтомника «Paideia: The Ideals of Greek Culture» (N. Y.: Oxford University Press, 1939–1945).

⁴ *Jaeger W. Two Rediscovered Works of Ancient Christian Literature: Gregory of Nyssa and Makarius. Leiden, 1954.* В. Йегер, впервые открывший полный текст «Великого послания»

(«Epistola magna») Макария Египетского, пришел в своей работе к выводу, что основные идеи этого послания почерпнуты из открытой Йегером новой редакции сочинения «О цели жизни по Богу и об истинном подвижничестве» («De instituto christiano») св. Григория Нисского.

⁵ *Макарий Египетский* (ок. 300–391) — христианский святой, отшельник, почитаемый в лике преподобного, автор духовных бесед, аутентичность части которых была в XX в. подвергнута сомнению.

⁶ *Zenkovsky V.V. Russian Thinkers and Europe. Ann Arbor (Mich.), 1953.*

⁷ *Wetter G.A. Der dialektische Materialismus: Seine Geschichte und sein System in der Sowjetunion. Wien, 1952.* Зеньковский опубликовал на книгу Г. Веттера «Диалектический материализм» краткую рецензию: Вестник РСХД. 1955. № 37. С. 40. (О.Е.). *Vemmer* Густав Андреас (1911–1991) — философ-неотомист, член ордена иезуитов, один из основателей советологии, профессор истории русской философии Папского восточного института в Риме, автор книг: «Советский диалектический материализм» (1948), «Советская идеология сегодня: диалектический и исторический материализм» (1962), «Оборачивание Гегеля. Принципы и истоки советской философии» (1963), «Коммунизм и религия. Церковь в Советском Союзе» (1964), «Ленин и советский марксизм» (1968) и др. Г.А. Веттер хорошо знал и постоянно ссылался в своих работах по истории русской и советской философии на историко-философские статьи и книги Д.И. Чижевского.

⁸ *Прокофьев П. [Д.И. Чижевский] «Советская» философия // Современные записки. 1927. № 33. С. 481–501; Чижевский Д. Философские искания в советской России // Там же. 1928. № 37. С. 501–524; Прокофьев П. [Д.И. Чижевский] Кризис советской философии // Там же. 1930. № 43. С. 471–488.*

⁹ Людольф Мюллер, защитивший у Чижевского кандидатскую диссертацию о Соловьеве, принимал активное участие в переводе и издании немецкого собрания сочинений В. Соловьева: *Solowjew W. Deutsche Gesamtausgabe der Werke von Wladimir Solowjew / Hrsg. von W. Szykarski, W. Lettenbauer, L. Müller. 8 Bd. u. 1 Erg.-Bd. München; Freiburg in Br.: Erich Wewel Verlag, 1953–1980.*

37

26/III <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо за Ваше, как всегда насыщенное, письмо. Лишь одну поправку должен внести в Ваши указания относительно работы Jäger's — Вы все писали о его работе о Григор<ии> Богослове, а по сведениям нашего патрулога (о. Киприана Керна², у которого есть книга Jäger's), дело идет о Григории Нисском³. Это, вероятно, описка у Вас.

Я уже писал Вам, что сделал работу для Мюнхена (на тему «О мнимом материализме русской науки и философии»), за что в течение 3 мес<яцев> получал по 100 \$, но будут ли они печатать эту работу, они еще не решили. Если они не напечатают, неужели посылать «солидаристам» в журнал «Грани»⁴, очень не хотелось бы. А с другой стороны, оставлять работу в рукописи просто бессмысленно.

Я наконец сбыл все побочные работы и уже с следующей недели могу наконец вернуться к большой своей работе. Никак не могу я освободиться от

общественной работы (деканство в Богословском институте и на Женских богословских курсах, председательствование в Епархиальном управлении и в Движении), все это расхищает мое время беспощадно. А мне вот-вот исполнится 74 года.

Видели Вы (если интересуетесь герметизмом) превосходное издание Festugière в 4 томах?⁵ Для истории и научных и религиозных идей это бесценное пособие.

Всего доброго. Сердечно Ваш

Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по упоминанию в письме предстоящего 74-летия о. Василия.

² *Киприан* (Керн; 1899–1960) — архимандрит, выпускник юридического (1922) и богословского (1925) факультетов Белградского университета, профессор Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, в котором преподавал литургику, греческий язык, пастырское богословие, с 1940 г. — патрологию (см.: *Киприан (Керн), архим.* Золотой век святоотеческой письменности. М., 1995).

³ *Григорий Нисский* (ок. 325–394) — христианский святой, богослов, представитель греческой патристики, епископ г. Ниссы.

⁴ «Грани» — эмигрантский общественно-политический журнал, издававшийся сначала в Лимбурге (1946–1951), а затем во Франкфурте-на-Майне (1952–1990). С 1991 г. издается в Москве.

⁵ *Hermès Trismégiste. Corpus hermeticum* / Éd. Arthur D. Nock et André-Jean Festugière, tr. André-Jean Festugière. Paris: Les Belles Lettres, 1946–1954. Vol. 1–4. *Фестужьер* (Festugière) Андре-Жан (1898–1982) — французский историк античной философии и религии, священник доминиканского ордена.

3/IV <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

большое спасибо за Ваше письмо. От всей души желаю Вам получить стипендию на выезд в Европу; даст Бог, приедете и устроитесь здесь. Мой племянник передаст Вам отпечаток моей статьи о Соловьеве («Идея всеединства у Вл. Соловьева»)².

Не знаю, насколько Вы в курсе французской истории философии, но обращаю внимание на большую новую книгу Jacques Chevalier³ (того самого, которому принадлежит превосходный этюд о понятии необходимости у Аристотеля⁴ — когда я занимался томизмом и неотомизмом, я очень многое брал у Chevalier) «Histoire de la pensée» (I т. — античная философия)⁵. По истории философии здесь есть превосходные работы — в частности, и по Средневековью.

Я, слава Богу, смог вернуться наконец к большой своей книге, она требует больших переработок, но я не жалею об этом. Я имел однажды возможность чи-

тать в Богословском институте три больших курса, где суммировал свои построения.

Карпович напечатал (заказанный им же) этюд о Вышеславцеве как философе. Вышеславцев был очень даровит, много работал, но писал мало, как Вы знаете.

Близятся праздники, шлю Вам сердечные поздравления и добрые пожелания.

С любовью Ваш Прот. В. Зеньковский

¹ Датировка года — по упоминанию стипендии Гуттенгейма.

² Зеньковский В.В., прот. Идея всеединства в философии Вл. Соловьева // Православная мысль. Париж, 1955. Вып. 9. С. 45–59. На принадлежавшем Чижевскому оттиске этой статьи имеется дарственная надпись: «Дорогому Дмитрию Ивановичу Чижевскому от автора. Париж 22/ III 1955» (Собрание В.В. Янцена в Галле).

³ Шевалье (Chevalier) Жак (1882–1962) — французский католический философ и историк философии, автор работ о Декарте, Паскале, Бергсоне и четырехтомной «Истории мысли».

⁴ Chevalier J. La notion du nécessaire chez Aristote et chez ses prédécesseurs, particulièrement chez Platon: avec des notes sur les relations de Platon et d'Aristote, et la chronologie de leurs œuvres. Paris: F. Alcan, 1915. (Collection historique des grands philosophes.)

⁵ Idem. Histoire de la Pensée. I: La Pensée antique. Paris: Flammarion, s. a. [1955]. Vol. 1.

6/IV <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

поздравляю Вас с наступающими праздниками, Христос Воскресе! От души желаю Вам воспользоваться небольшой передышкой и отдохнуть.

Kohlhammer (т. е. Rühle²) приняли мое предложение об издании двух томов с разными заглавиями (примерно так: а) Russische<r> philos<ophischer> Gedanke im XIX. Jahrh<undert> и б) Russische Philosophie im XX. Jahr<hundert>³). Первый томик включал бы и Влад. Соловьева (†1900). Я в письме, предваряющем составление нового договора, написал о необходимости составления немецкой библиографии по истории русской философии с помощью L. Müller, но так, что его труд должен быть оплачен. До получения ответа на это не могу, конечно, писать Müller'у. Предполагаю закончить первый томик к 1/IX.

В сущности, это новая работа (на основании большой моей книги).

Что у Вас нового? Как идут Ваши работы?

Всего доброго. Ваш

Прот. В. Зеньковский

¹ Датировка года — по упоминанию в письме известия о получении Чижевским годичной стипендии Гуттенгейма («воспользоваться небольшой передышкой и отдохнуть»).

² Рюле (Rühle) Оскар (1901–1980) — штутгартский историк и издатель, автор книги «Солнце и луна в примитивном мифе» (1925), статей о Вильгельме и Вальтере Кольхаммерах, составитель юбилейного сборника издательства «Издательству “Кольхаммер” 100 лет» (1966).

³ а) Русская философская мысль в XIX в. и б) Русская философия в XX в. (нем.).

40

1/VI <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

очень был рад получить Ваше письмо и очень за Вас радуюсь, что у Вас будет стипендия. Слава Богу! Если и вернетесь в Harvard в 1956–7 г., то все же после года жизни в Европе.

Надеюсь, Вы получили 2-е изд<ание> моей книжки «Рус<ские> мыслители и Европа» — я ее почти не изменил сравнительно с первым изданием. Я по-прежнему раздираем направо и налево посторонними (т. е. не связанными с научной работой) делами и снова забросил свою работу по гносеологии. Она по существу закончена, но меня не удовлетворяет (в смысле формулировок и т. д.). Может быть, мне ее удастся закончить — но все равно печатать негде.

Получил заслуженные упреки от одного сведущего лица по поводу моей статьи о Вышеславцеве — в частности, и его биографии. Как я вижу, я многого (и как раз «некрасивого»²) не знал и мне в самом деле лучше было бы не касаться биографии В<ышеславцева>. Упреки исходят из кругов, близких к Бердяеву.

Устал я неимоверно, да и немощи старческие (мне ведь этим летом будет 74 года) сказываются порой очень мучительно, так что мой élan vitale³ очень падает. До 15/VII остаюсь здесь.

Всего доброго. Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по упоминанию в письме предстоящего 74-летия Зеньковского.

² Речь, вероятно, идет о сотрудничестве Вышеславцева во время Второй мировой войны с немецкими оккупационными властями и с партией НТС в послевоенный период, когда он жил в Швейцарии. Первое пока не подтверждено ни одним источником, второе — вопрос личных политических предпочтений.

³ Жизненный порыв (фр.), аллюзия на одно из основных понятий философии Анри Бергсона (Bergson; 1859–1941).

26/VI <1955>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо за письмо, очень радуюсь, что Вы получаете стипендию на год — даст Бог, совсем вернетесь в Европу. Но найдете ли заместителя? Думаю, что это действительно трудно — м<ожет> быть, надо распределить Ваши курсы между несколькими лицами?

Ваших оттисков еще не получил, надеюсь, что они благополучно дойдут. А получили ли Вы 2-е изд<ание> моей книги «Русские мыслители и Европа»?² Если еще нет, пришлите сейчас же открытку, я наведу справки в YMCA-Press — они имели Ваш адрес от меня и указание, чтобы Вам послали.

В Нов<ый> жур<нал> я дал (увы, сильно сокращенный) этюд мой «Черты утопизма в истории рус<ской> мысли»³ — это было написано для Мюнхенского института, но так как это мало касается современной рус<ской> жизни, то они решили печатать на ротаторе!! (есть такой — третьестепенный — тип издания). Я пришел в возмущение, взял назад, дал печатать в «Возрождение», но прочитал в очередном № «Возрожд<ения>» статью Сургучова (театр<альные> воспом<инания>)⁴, и взяло меня такое отвращение, что я отказался печатать в «Возр<ождении>» и послал в Н<овый> жур<нал>. *Habent sua fata libelli...*

Будьте здоровы и дай Бог Вам благополучно наладить Вашу поездку в Европу.

Сердечно с Вами *Прот. В. Зеньковский*

Я уезжаю 12/VII в Varetta (Alsa), но адрес почтовый остается у меня тот же.

---

¹ Датировка года — по упоминанию в письме известия о получении Чижевским годичной стипендии Гуггенгейма.

² См. примеч. 3 к письму 4.

³ См. примеч. 4 к письму 29.

⁴ *Сургучев И.* Из театральных воспоминаний // *Возрождение*. 1955. № 40. С. 63–74.

4/I <1956>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

очень был рад получить Ваше письмо с столь интересными сведениями о Ваших трудах. Как всегда, и удивляюсь, и восхищаюсь Вашей продуктивностью.

Очень странно то, что Вы пишете о Вашем паспорте; думаю все же, что это или недоразумение, или простая ошибка, которую нетрудно выправить. Но все же Вы, как я раньше понял, едете прежде всего в Голландию и только уже оттуда начнете свои разъезды по Европе? В Париже есть недурные книгохранилища, но

они слабее немецких. Знаю, что унив<ерситет> в Erlangen купил до 10 000 книг из Синодальной библиотеки — там наверное есть много и для Вас интересного. Мы получили даже, благодаря любезности одной русской барышни, работающей в Erlangen<er> унив<ерситете>, картотеку купленных книг, но она еще не разобрана вполне, так что я ее не видел.

Сов<етская> пресса дважды посвятила моей и Лосского книге большие ругательные статьи (в «Вопросах философии»² и в «Коммунисте»³). Благодаря любезности мюнхенского Radio Liberta я мог ответить (в 5 выступлениях) на эту глупую критику⁴. А недавно франц<узское> радио подготовило беседу о моей книге (в беседе я участвовал еще с 3 лицами). Здоровье мое среднее, а часто и «ниже среднего», легко очень утомляюсь, но мне в 1956 г. исполняется ведь 75 лет; не шутка!

А ведь мой племянник не оставлен в Harvard'e на след<ующий> год, — я (да и он) очень жалею об этом.

Шлю Вам добрые пожелания к Новому году.

Сердечно с Вами

Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по упоминанию в письме предстоящего 75-летия Зеньковского.

² *Тараканов Н.* Фальсификаторы истории русской мысли // Вопросы философии. 1955. № 3. С. 73–85.

³ *Малинин Т., Тараканов Н., Щипанов И.* Против современных буржуазных фальсификаторов истории русской философии // Коммунист. 1955. № 10. С. 62–77.

⁴ *Зеньковский В. прот.* Кто фальсифицирует историю русской философии? // Вестник РСХД. 1955. № 39. С. 30–35.

27/1 <1956>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

думаю, что мое письмо застанет Вас еще в Harvard. Ужасно печально складывается сейчас Ваша жизнь, неужели нельзя Вам устроиться в Германии? Там Вас знают и чтут, там у Вас серьезные и давние связи... От души хотел бы этого для Вас. В Англии тоже занимаются и русскими проблемами, и славистикой, — но там много совершенно бесталанных людей, однако прочно сидящих на своих местах! В общем, картина одна и та же всюду — здесь тоже близко к Вашим порядкам. Правда, Стремоухов² устроен, А.Н. Грабар³ даже получил профессуру в Collège de France, а Унбегауна⁴ проводит Pascal⁵ в Сорбонну (т. е. хочет иметь вторую русскую кафедру). Но все это люди, давно здесь живущие, свободно читающие лекции по-франц<узски> (это обязательно), а главное — имеющие франц<узский> паспорт. То, что я (пока) устроен — это просто личная удача...

Я взялся писать для заработка т<ак> наз<ываемые> скрипты (для радио); платят недурно. [Я знаю, что для о. Шмемана⁶, который давно этим занят, заработок от скриптов составляет половину бюджета!] Но все это в Мюнхене, — но и тут надо «приспособляться» (к чему очень способен Вейдле⁷, сейчас директор Radio в Мюнхене), а это противно.

От всей души желаю Вам устроиться в Германии. А то, что Вы мне написали о моем племяннике, особенно мне тревожно.

Будьте здоровы. Если двинетесь в Европу, укажите, куда писать.

Сердечно Ваш

Прот. В. Зеньковский

¹ Датировка года — по упоминанию в письме подготовки Чижевского к отъезду в Европу.

² О Стремоухове см. примеч. 2 к письму 23.

³ *Грабар* Андрей Николаевич (1896–1990) — историк искусства, византинолог, ученик Н.П. Кондакова, профессор Коллеж де Франс (1946–1966).

⁴ *Унбегаун* Борис Генрихович (1898–1973) — лингвист, специалист по славянской филологии и ономастике, выпускник Сорбонны, профессор славянской лингвистики в Оксфордском (1953–1965) и Нью-Йоркском (1965–1973) университетах.

⁵ *Паскаль* (Pascal) Пьер (1890–1983) — выдающийся французский историк, писатель и литературовед, профессор русского языка и литературы в Сорбонне (1950–1960).

⁶ *Шмеман* Александр Дмитриевич (1921–1983) — протопресвитер, богослов, церковный деятель, проповедник, выпускник парижского Свято-Сергиевского православного богословского института (1945), оставленный для подготовки к ученой степени при кафедре церковной истории. С 1946 г. священник. В 1951 г. переселился в Нью-Йорк, приняв приглашение Свято-Владимирской духовной семинарии. В 1959 г. защитил в Париже докторскую диссертацию по литургическому богословию. С 1962 г. декан Свято-Владимирской духовной семинарии. Почетный доктор ряда университетов, член Митрополичьего совета, неустанный проповедник, с 1953 по 1983 г. автор воскресных докладов для «Радио Свобода», вещавшей на Россию.

⁷ *Вейдле* Владимир Васильевич (1895–1979) — критик, историк искусства, публицист, выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, с 1924 г. в эмиграции, жил в Париже, с 1925 г. преподаватель, с 1932 по 1952 г. профессор истории христианского искусства в парижском Свято-Сергиевском православном богословском институте, после войны сотрудник мюнхенского «Радио Свобода». Краткая мемуарная заметка Зеньковского, посвященная В.В. Вейдле, заканчивается словами: «Вейдле безусловно корректнейший, очень принципиальный человек, но вот попал он в Мюнхен, в американское радио и, увы, стал оппортунистом. Все эти зигзаги в личности Вейдле заставляют думать, что мы все мало разбираемся в нем. Боюсь, впрочем, что я несколько несправедлив к нему» (*Зеньковский В., прот. Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1996–1997. Том 28. С. 9.*)

44

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Dr. D. Tschizewsky
Postlagernd
Heidelberg
Allemagne

20/IV <1956>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

очень был рад Вашей открытке и узнать, что Вы уже в Европе. Дай Бог, чтобы пребывание Ваше в Европе стало длительным... Как всегда, Вы поражаете меня своей работоспособностью. О себе могу сказать, что силы мои значительно уменьшились, но, сколько могу, работаю. Мюнхенский институт обещает в середине мая выпуск<ить> мою раб<оту> «О мнимом материализме русской науки и философии». О летних моих планах ничего еще сказать не могу, но конечно непременно все налажу в свое время так, чтобы нам увидиться, когда попадете во Францию.

С сердечным приветом Ваш

Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

45

11/V <1956>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

поздравляю Вас с светлым праздником, Христос Воскресе! Очень рад о Вас, что у Вас есть лекции, — это сразу дает связи и со студентами, и с факультетом. Кажется, и сейчас еще славянским отделом ведает Бубнов?² Из того, что я слышал о нем (кажется, от г-жи Савицкой³, — Вы ее, наверное, встречаете?), он очень одряхлел? Кстати, Вы, наверное, встречаете и Rössler⁴ (Романа Рихардовича), который взялся переводить мою книгу на немецкий язык. За два года он успел перевести 3 главы! При таком темпе мне не дожидаться выхода моей книги на нем<ецком> языке! В прошлом году, ввиду такой медленности работы, я посоветовал передать 2-й том другому переводчику, какого мне указали из Берлина, — д-ру Preuss⁵; тот (по соглашению с Rössler) взялся, но пока ни одной главы не прислал. Если Вам удобно, как-нибудь спросите Rössler (как бы от себя), рассчитывает ли он кончить

перевод в 2 года, т. е., иначе говоря, хочет ли он серьезно взяться за работу? Ведь книга с каждым годом стареет, появляется постоянно много новых малых и больших книг... Буду очень признателен.

Из вашего письма заключаю, что в настоящий момент у Вас еще не определилась возможность «зацепиться» (не случайно, а серьезно) в Германии?

Всего доброго. Сердечно с Вами

Прот. В. Зеньковский

¹ Датировка года — по упоминанию первых лекций Чижевского в Гейдельбергском университете.

² Бубнов Николай Николаевич (1880–1962) — выходец из России, философ, ученик В. Вундта, В. Виндельбанда, Г. Риккерта и Г. Елиннека, профессор философии Высшей экономической школы в Мангейме, лектор русского языка и профессор философии Гейдельбергского университета, основатель гейдельбергского Института славистики, пропагандист и популяризатор русской культуры в Германии. Принадлежал к кружку создателей международного философского журнала «Логос», активный участник бердяевского «Пути», в котором публиковал рецензии на немецкую философскую и богословскую литературу. Переводчик и составитель (совместно с Х. Эренбергом) немецкоязычной антологии «Восточное христианство. Документы», том 1: Политика (1923), том 2: Философия (1925), а также переводчик и составитель немецкоязычной антологии «Русские религиозные философы» (1956), автор многочисленных статей о русской классической литературе и многократно переиздававшегося после войны учебника русского языка. С Чижевским был знаком еще с 1920-х гг. (самый ранний известный нам оттиск, посланный Чижевским Бубнову, датирован 12 ноября 1930 г.). После войны они планировали совместное издание в Германии философского, литературного и духовно-исторического журнала, посвященного проблемам славянской культуры. В гейдельбергском архиве Чижевского сохранилось 30 адресованных ему писем Бубнова и его жены за 1945–1962 гг., показывающих если не дружеский, то очень доверительный характер их отношений до переезда Чижевского в Гейдельберг, одним из инициаторов которого был, несомненно, Н.Н. Бубнов. После выхода Бубнова на пенсию в 1956 г. связь его с Институтом славистики и его новым директором, Чижевским, фактически прервалась. К деятельности своего предшественника Чижевский стал относиться односторонне негативно, всячески ее принижая в переписке и в общении с коллегами и не оказывая никакого внимания старому ученому. Живя всего в нескольких минутах ходьбы от квартиры Бубнова, Чижевский узнал о его серьезной болезни только из письма Степуна, но так до самой смерти Бубнова и не нашел времени проведать его, ограничившись потом лишь официальным письмом с соболезнованиями его жене. Примечательно, что в отношениях с приемниками подобная же трагическая участь ожидала и самого Чижевского.

³ Савицкая М.С. — преподаватель русского языка в Гейдельберге, упоминается в каталоге корреспондентов Д.И. Чижевского в его гейдельбергском архиве.

⁴ Рёсслер (Rössler) Роман (1915–1991) — первый ассистент Чижевского в Гейдельберге, ученик Н.Н. Бубнова, перешел в православие, автор диссертаций «Предпосылки и основы идеи объективации Н.А. Бердяева» (1953) и «Мировоззрение Николая Бердяева. Экзистенция и объективация» (1956), впоследствии профессор и директор славянского отделения Института переводчиков Майнцского университета.

⁵ Доктор Пройс — неустановленное лицо, которому был поручен перевод «Истории русской философии» Зеньковского.

1/VI <1956>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

мне кажется, что я ответил Вам на Ваше письмо от 16.V, но уверенности нет — последние две недели я был просто перегружен срочными делами, и многое в голове спуталось. Поэтому отвечаю так, как если бы ничего не писал после 16/V.

К сожалению, у меня нет ничего, что я мог бы предложить для Вашей голландской серии², у меня есть собранный мной материал по истории эстетич<еских> идей в России, я мог бы даже приготовить его к печати (напр<имер>, к ноябрю м<есяцу>), но я ведь не пишу свободно ни на одном из 3 евр<опейских> языков, — оплачивать сам перевод не могу. Если же издательство согласится оплатить, то это будет из моего же гонорара! Сами видите, что это не подойдет — не говоря о том, <что> все «русское» как-то не укладывается в общие рамки «славистики».

Как всегда, радуюсь Вашей творческой продуктивности: дай Бог Вам сил и здоровья! Кстати, я рассчитываю август провести в Nauheim³, может быть, и свидимся с Вами. Мое здоровье держится, увы, на медикаментах, но все же после 15/X я надеюсь (т. е. твердо хочу) перестать быть председ<ателем> Епар<хиального> управ<ления> (что отнимает много времени и много сил).

Дошла ли до Вас только что изданная мюнхенским Forschung-Institut моя книжечка «О мнимом материализме русской науки и философии»? Они должны были послать Вам на Slav<isches> Institut.

Всего доброго. Я до 20/VII остаюсь в Париже.

Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по дате выхода брошюры Зеньковского «О мнимом материализме русской науки и философии».

² В письме от 16 мая 1956 г. Чижевский, вероятно, предложил Зеньковскому участвовать в серии брошюр, которую он собирался издавать в голландском издательстве Мутона. То же предложение он сделал Степуну, Флоровскому, С.А. Зеньковскому и ряду своих старших учеников и коллег-славистов. Вот как описывались им задачи новой серии в письме к Г.В. Флоровскому от 27 апреля 1956 г.: «Следующее сообщение: будет выходить серия брошюр под моей редакцией на литературно-исторические и духовно-исторические темы (издатель тот же Мутон). Объем брошюры — от 20–80 страниц. Темы — любые, но желательно принципиальные, и чтобы каждая брошюра давала законченное целое. Языки — английский, немецкий, французский. Славянские цитаты возможны в любом количестве, но всегда с переводом. Гонорар (кроме авторских экземпляров) 10 % цены. В конце года надо издать одновременно “для начала” 5–6 выпусков сразу. Поэтому запрашиваю Вас: не можете ли Вы к ноябрю дать статью указанного размера и характера? Какова тема. Если не можете дать теперь, то какие темы Вы наметили бы для себя (но посоветуйте и для других) на будущее?» (Georges Florovsky Papers. C 0856. Correspondence. Box 21, Folder 4).

³ *Бад-Наухайм* — один из главных курортов Германии по лечению болезней сердца и системы кровообращения минеральными водами.

16/VI <1956>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

я так замотался последнее время с массой мелких работ и моих административных по разным делам обязанностей, что только сегодня могу взяться за письмо к Вам.

Если все будет благополучно с паспортом у меня, вернее с немецкой визой (в прошлом году мне отказали!), то буду в Nauheim с 16/VII по 10/VIII и очень надеюсь повидать Вас. Тогда и стоворимся насчет моего этюда «Из истории эстетических идей в России». Подробный конспект (и цитаты) у меня хранятся, но писать я смогу только в сентябре.

Я все занят одной богословской работой, а свою книгу по философии (1-я часть — гносеология — закончена, но надежды напечатать у меня нет) заложил надолго. Все, в сущности, готово для 2 и 3 части (антропология и космология), но мои «дела» расхищают ужасно мое время. Мое содержание в Богословском институте лишь на $\frac{3}{4}$ покрывает мой расходный бюджет, и я вынужден работать для добывания денег (пишу для Мюнхена «скрипты» для Voice of America², — но оплачивается это, увы, очень скромно). А деньги за книгу мою, хоть и поступают, но как-то нерегулярно... Но что об этом писать, — ведь и Вам нелегко с деньгами.

Итак, до 16/VII я здесь.

Всего доброго. С любовью

Прот. В. Зеньковский

NB. Чем же кончились Ваши переговоры с министром?³

---

¹ Датировка года — по упоминаемым в письме переговорам Чижевского с министром культуры и образования земли Баден-Вюртемберг, состоявшимся 16 июля 1956 г. См.: Материалы. С. 544.

² Голос Америки (англ.).

³ Переговоры с министром культуры и образования земли Баден-Вюртемберг, организованные по настоянию Х.-Г. Гадамера, закончились получением гостевой профессуры и назначением Чижевского временным директором Института славистики в Гейдельберге, который еще предстояло создать. См.: Материалы. С. 544.

Zenkovsky
bei Ella Köllner
Bad Nauheim
Roterstrausst. 8
Prof. Tschizewsky D.
Blumenstr. 34
Heidelberg

5/VIII <1956>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

очень радуюсь, что Вы побывали у меня — мы так давно не виделись с Вами! Получил здесь № «Нового журнала» и с большим наслаждением прочитал Вашу статью². В статье Юрьевой³, кроме хорошего знания литературы, есть несколько интересных мыслей. Очень любопытна статья Ульянова⁴ (встречали ли Вы его в Америке? Он, кажется, ученик Платонова⁵). 15 вечером покидаю Nauheim и буду уже безвыездно в Париже.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² *Чижевский Д.* Шиллер в России // *Новый журнал*. 1956. № 45. С. 109–135.

³ *Юрьева З.* Иннокентий Анненский о Гоголе // Там же. С. 136–148.

⁴ *Ульянов Н.* Комплекс Филофея // Там же. С. 249–273. *Ульянов Николай Иванович* (1904–1985) — русский историк и публицист, в 1930–1933 гг. профессор Архангельского педагогического института, затем жил в Ленинграде, подвергся аресту и ссылке, во время Второй мировой войны был угнан из СССР в Германию, затем жил в США, профессор в Нью-Хейвене (штат Коннектикут). (О.Е.).

⁵ *Платонов Сергей Федорович* (1860–1933) — русский историк, профессор русской истории Петербургского университета, академик (1920–1931), репрессированный в 1930 г. по обвинению в создании в Академии наук контрреволюционной монархической организации. Умер в ссылке в Самаре. За работу «Влияние иностранного капитала на колонизацию русского Севера в XVI–XVII вв.» (1927) Н.И. Ульянов был направлен С.Ф. Платоновым в аспирантуру.

18/V <1957>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
 посылаю Вам манускрипт. Перевод мне понравился, читается все легко. У меня есть несколько замечаний, которые позвольте Вам сообщить.

Стр. 1. «Умозрение в красках» я бы перевел «die geistige Schau in Farben» (не «Speculationen»).

Стр. 4. (Внизу — я всюду в манускрипте ставлю точку слева). Не «Rechtgläubig<e> Kultur», а «Orthodoxe Kultur». Термин «Die Orthodoxie» уже завоевал международное признание.

Стр. 8. «Избранные места из переписки с друзьями» можно перевести «Ausgewählte Stellen aus Briefwechs<el> mit Freunden», но просто «Ausgewählte Stellen» неясно. То же и на 11 стр., но уже на 12 (прим.) верно.

Стр. 13. Упущено примечание о том, что о термине «теургический» см. главу о Соловьеве.

Стр. 17. «Бесы» разве переводят немцы Teufel, а не Dämonen? Но Вам лучше знать.

Стр. 42. Я ставил в кавычки слова «в литературу».

Стр. 43. Внизу добавил точное указание о моей статье в «Новом журнале»².

Там же 43. «Преображение» обычно переводят Verklärung, а не Verwandlung (это обычно в литургических текстах). Это относится к стр. 44, 46, 48, 51, 52.

Стр. 47. «Свет невечерний» едва ли хорошо переводить Lux Aetern. Почему не Nichtabende Licht (Abendlicht — свет вечерний). Но не уверен.

Стр. 50. Маленькая поправка (Aroto с большой буквы).

Это все. Спешу отправить.

Ваш *Прот. В. Зеньковский*

Простите, что письмо написано небрежно: мне все время мешали.

¹ Датировка года — по дате выхода в свет книги Зеньковского «Из истории эстетических идей в России», первые корректуры манускрипта которой (указанные в них страницы еще не совпадают с печатными) предлагаются в письме. См. примеч. 2 к письму 30.

² Речь идет о статье Зеньковского «Черты утопизма в истории русской мысли» (см. примеч. 4 к письму 29).

4/VIII <1957>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
 если Вы сейчас в Heidelberg, то очень прошу немедленно выслать мне обещанные 100 dm. Мюнхен, хотя обещал сюда прислать к 1.VIII (около 350 dm), молчит,

а 9/VIII у них все закрывается на месяц, — т. е. 8 все складывается, последний день работы 7/VIII. Если не получу до 9 от них денег, должен буду прервать свое пребывание и вернуться уже 11/VIII в Париж — иначе не справлюсь с обязательствами. Но пока не теряю надежды, что деньги Мюнхен пришлет.

Всего доброго. Ваш *Прот. В. Зеньковский*

---

¹ Датировка года — по дате (20 августа 1957 г.) на расписке в получении части гонорара от Чижевского. См. письмо 54 (от 23 сентября 1957 г.).

51

Zenkovsky
bei El. Köllner
Bad Nauheim
12 Parkstrasse
Prof. Tchižewsky
Slavisches Institut
Augustinerstrasse
Heidelberg

10/VIII <1957>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

получил сегодня и письмо, и деньги. Мне очень хотелось бы повидать Вас — это возможно в нечетные дни. Всего удобнее для меня 19-е. Вероятно, до 12 ч. у меня будет приезжающая ко мне из Erlangen Strauss² (приедет 18 после обеда), но к 12 я ждал <бы> Вас у себя, и мы пошли бы вместе пообедать. Можно приехать и 21 (но я 22 уже уезжаю), можно и 17 (это лучше 21), но самое лучшее 19 к 12 дня (а если Strauss даст знать, что не приедет, так и раньше). Жду указаний от Вас.

Сердечное спасибо за деньги. Мюнхен уже прислал деньги, все наладилось.

Ваш *Прот. В. Зеньковский*

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Неустановленное лицо.

9/IX <1957>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо за письмо; не смог сразу написать Вам, был в хлопотах; к сожалению, мне не удалось иметь хотя бы небольшой Nachkur², поэтому первые дни после Nauheim были томительны. Теперь пошло все легче.

Ковалевский³ написал статью в Рус<ской> мысли о съезде в Гейдельберге⁴ — беглый рассказ. Он везде хочет побывать, ко всему «прикоснуться», и оттого печать поверхностности лежит у него на всем (хотя знаний у него много). Вы пишете, что Гл. Струве⁵ был Вам не по вкусу. И мне тоже — из его братьев два (оба покойники)⁶ были симпатичные, третий брат странный (торгует книгами в Париже)⁷.

Имели ли Вы когда-нибудь в руках книгу Тхоржевского «Русская литература»?⁸ Это книга образованного и часто тонкого любителя литературы, вся она — «заметки читателя» — иногда удачные, иногда неверные, но есть и любопытные вещи.

Каковы Ваши ближайшие планы? Ведь занятия начинаются нескоро?

Всего доброго. Ваш *Прот. В. Зеньковский*

---

¹ Датировка года — по связи содержания (пребывание на курорте) с предыдущими письмами.

² Послекурортный отдых (нем.).

³ Ковалевский Петр Евграфович (1901–1978) — историк, окончил Парижский университет со степенью доктора филологических наук (1926), преподаватель латинского, французского и немецкого языков в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже (1925–1949), автор фундаментального двухтомного исследования «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)» (Париж, 1971; 1973).

⁴ Ковалевский П. Гейдельберг: Из путевых наблюдений // Русская мысль. 1957. 7 сент. № 1105. С. 4. (О.Е.).

⁵ Струве Глеб Петрович (1896–1985) — историк литературы, критик, переводчик, поэт, сын П.Б. Струве, в 1932–1946 гг. профессор Лондонского университета, в 1947–1967 гг. профессор кафедры славянских языков и литератур Калифорнийского университета в Беркли. Чижевский состоял с ним в переписке, но о его научной квалификации всегда отзывался крайне отрицательно. Так, ассистент Чижевского в гейдельбергском Институте славистики Х.-Ю. цум Винкель (zum Winkel; 1927–2004), систематически записывавший его устные высказывания о различных известных личностях, сохранил в своих воспоминаниях следующий отзыв о Г.П. Струве: «Его отец был известным политиком. Сам же он — дурак. По поводу вопроса, является ли “Слово о полку Игореве” фальсификацией, он написал: истина, пожалуй, находится посередине!» (Личный архив Х.-Ю. цум Винкеля в собрании В.В. Янцена в Галле).

⁶ Струве Константин Петрович (в монашестве Савва; 1902–1949) и Лев Петрович (1902–1929) — сыновья П.Б. Струве. К.П. Струве — выпускник Свято-Сергиевского пра-

вославнобогословского института в Париже, один из создателей Сергиевского братства и «Сергиевских листков», с 1930 г. иеромонах, с 1944 г. архимандрит в Прикарпатской Руси. Л.П. Струве — студент юридического факультета в Праге, умер в Швейцарии от туберкулеза легких.

⁷ Струве Алексей Петрович (1899–1976) — сын П.Б. Струве, библиофил, владелец букинистического торгового дела в Париже. Состоял в многолетней переписке с Д.И. Чижевским.

⁸ Тхоржевский И. Русская литература. Париж: Возрождение, 1946. Т. 1–2; 2-е изд.: Париж: Возрождение, 1950. Тхоржевский Иван Иванович (1878–1951) — до революции высокопоставленный государственный чиновник, камергер, поэт и переводчик, автор воспоминаний о государственных деятелях России.

53

17/IX <1957>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо за письмо. От г-жи Winkler² получил как раз письмо; перевод моей книги идет у нее вяло, но со 2-м томом, кажется, совсем плохо. Я просил мою знакомую в Берлине выяснить, как обстоит дело у Preuss, и лишь тогда можно будет снова вести переговоры с фирмой Kohlham<mer>.

Очень интересуюсь я всеми работами, которые Вы ведете, — особенно книгой с иллюстрациями («Рай и ад»³ — сюжет очень обильный в иллюстрациях).

Книга Тхоржевского все же интересна — но она, конечно, вовсе не исследование, а просто заметки читателя. Эти заметки порой и удачны, и метки, а порой неинтересны.

Всего доброго. Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по дате выхода книги Чижевского «Рай и ад» и по связи содержания (обсуждение книги Тхоржевского) с предыдущим письмом.

² Неустановленное лицо, которому был поручен перевод «Истории русской философии» Зеньковского на немецкий язык.

³ Tschizewskij D. Paradies und Hölle: Russische Buchmalerei. Recklinghausen, 1957.

23/IX <1957>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
получил Ваше письмо; пока ни «Св. Николая»², ни, конечно, «Рай и ад» не имею, когда получу, с удовольствием напишу в «Нов<ый> журнал». Расписки о деньгах посылаю.

С Winkler я в переписке, так что пока Вашей интервенции не нужно; спасибо. Здесь уже «полным ходом» идет наша жизнь, — как в тюрьме, дни и часы распределяются.

Всего доброго. Ваш *Прот. В. Зеньковский*

<Приложение>

Reçu te la part Prof. D. Tchiżewsky 100 dm pour mon livre «Aus d<er> Geschichte d<er> aestetischen Ideen in Russland» (Serie «Moussaget»)³

Prof. B. Zenkovsky

20.VIII
1957

¹ Датировка года — по дате выхода книг Чижевского «Св. Николай» и «Рай и ад». В письме от 19 декабря 1957 г. к о. Георгию Флоровскому Чижевский писал: «...издал две брошюры с прекрасными репродукциями: о св. Николае Мирликийском и о старообрядческих изображениях рая и ада» (Georges Florovsky Papers. C 0856. Correspondence. Box 22, Folder 5).

² *Tschizewskij D. Der hl. Nikolaus: Ikonen / Hrsg. von Martin Winkler. Recklinghausen, 1957. Bd. 4.*

³ Расписка о получении гонорара за книгу: «Получил от проф. Д. Чижевского 100 немецких марок за мою книгу “Из истории эстетических идей в России” (Серия “Moussaget”») (фр.). О книге Зеньковского см. примеч. 2 к письму 30. (О.Е.).

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Tchiževsky
Augustinergasse 15
(oder Unterer Fauler Pelz 2¹)
Heidelberg
Allemagne

13/XII <1957>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

давно не было от Вас писем. Что нового в деле издания моей брошюры?

Не знаю, доходит ли до Вас русский журнал «Опыты» (издание М.С. Цетлин², N. York); в только что вышедшем № гадкая статья Ульянова о Чаадаеве³; небольшая ее правда соединена с такой неправдой, как статья Айхенвальда о Тургеневе...⁴ Ну и историк Уль<янов>! Я считал его очень талантливым, а это просто хлесткий публицист...

Всего доброго. Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по публикации статьи Н.И. Ульянова о Чаадаеве.

² *Цетлина* Мария Самойловна (1882–1976) — дочь московского ювелира Самуила Григорьевича Тумаркина, доктор философии Бернского университета, участница русского революционного движения, член партии эсеров, жена Н.Д. Авксентьева, во втором браке — литературного критика, поэта и переводчика М.О. Цетлина, одного из наследников «чайной империи» Высоцких и редактора отдела поэзии журнала «Современные записки» (Париж, 1920–1940). При финансовой поддержке Цетлиных были созданы эмигрантские журналы «Окно» (Париж, 1923–1924), «Новый журнал» (Нью-Йорк, с 1942 г.), по инициативе М.С. Цетлиной — «Опыты» (Нью-Йорк, 1953–1958).

³ *Ульянов Н.И.* Мысли о П.Я. Чаадаеве // Опыты (Нью-Йорк). 1957. № 8. С. 50–72. Позже статья была переиздана в сборнике Н.И. Ульянова «Диптих» (Нью-Йорк, 1972) с измененным названием: «Басманный философ» (Мысли о Чаадаеве)», под которым и вошла в современную исследовательскую литературу. Резкое неприятие этой статьи Зеньковским, вероятно, было связано со стремлением Ульянова развенчать представления современников Чаадаева, а затем и исследователей его творчества как в эмиграции, так и в СССР о нем как об оригинальном мыслителе, «дворянском просветителе», борце с самодержавием и крепостным правом, друге Пушкина и декабристов, сделав упор на эклектичности, несамостоятельности, реакционности и зависимости от католицизма его воззрений. Неприемлемо было для Зеньковского, давшего в своей «Истории русской философии» взвешенный биографический очерк и реконструкцию системы философских взглядов П.Я. Чаадаева, их огульное отрицание путем дискредитации личности философа («безмерное честолюбие», «рано облысевший бесполоый юноша», «пророк, непризнанный в своем отечестве»,

«предтеча тех наших философов, что вызывают подозрение в панибратских отношениях с Господом Богом», «провозвестник нового Евангелия», «великолепный Торквемада на Новой Басманной», «неофит латинства», «ощутил родную землю как недостойную его гения», «устыдился своего происхождения и своих родителей», «презрел и возненавидел самую душу России, выраженную в ее истории», «он первый вознес на нее хулу и только за это сам был вознесен» и др.). Можно предположить, что «небольшую правду» этой статьи Зеньковский видел в критике советских интерпретаций наследия Чаадаева. Приходится сожалеть, что неизвестен отклик на эту статью Д.И. Чижевского, одним из первых в эмиграции отозвавшегося на публикацию новых «философических писем» Чаадаева и во время Второй мировой войны подготовившего за неимением других возможностей их чешскую публикацию с основательным собственным введением: *Čyževskij D. Petr Jakovlevič Čaadajev. Úvodní studie k Čaadajevovým «Filosofickým listům»*, Praha 1947 // Dmytro Čyževskýj osobnost a dílo: Sborník z mezinárodní konference k 25. výročí úmrtí / Red. Z. Rachůnková, F. Sokolova, R. Šišková. Praha, 2004. S. 444–476.

⁴ *Айхенвальд Ю.И.* Силуэты русских писателей: В 3 вып. М., 1906–1910; 2-е изд.: М., 1908–1913; переизд. всех трех выпусков: М.: Республика, 1994. Печально знаменитая эпатирующая фраза Ю.И. Айхенвальда «Тургенев не глубок. И во многих отношениях его творчество — общее место» из этюда о Тургеневе вызвала множество справедливых критических откликов, к которым присоединяется и Зеньковский. Его ученика тоже вряд ли можно причислить к защитникам Айхенвальда: в основном труде Чижевского «Гегель в России» И.С. Тургеневу отведена специальная глава, в которой было обращено внимание на тот забытый факт, что И.С. Тургенев прошел через увлечение гегельянством, готовя себя к философской доцентуре, упоминается его неопубликованная работа о пантеизме и отголоски юношеского интереса к гегельянству в его более поздней прозе и публицистике.

56

11/I <1958>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

посылаю Вам корректуру. Новой корректуры мне не нужно. Но у меня есть несколько вопросов, разрешение которых передаю Вам.

1. Моя фамилия в англ<ийской> и франц<узской> транскрипции (и в немецкой инт<ерпретации>) пишется Zenkowsky; в книжке по истории эстетических идей везде стоит апостроф (Zen'kovs<kij>). Это дает более точную транскрипцию, но

а) она отступает от принятой уже и б) эстетич<ески> апостроф мешает.

Но решайте Вы, как писать.

2. «Герцен» я везде исправил на Herzen, а не Gerzen... Herzen — общепринятая транскрипция.

3. «Цветаева» надо, по-моему, писать Zwetaieva, а не Cvetaieva (стр. 50 и 51). Если Вы согласны, внесите поправку.

4. На 33 стр. слова Леонтьева «только поэзия религии может вытеснить поэзию изящной безнравственности» лучше бы перевести «Die Poesie d<er> Religion... die Poesie d<er> schönen Sittenlosigkeit») — т. е. не Dichtung, а Poesie. Но я недостаточ-

но чувствую нем<ецкий> язык. Если Вы согласны со мной, внести поправку на стр. 33.

5. Мои слова «Эта работа еще никем не проделана» неверно переданы: «Diese Arbeit ist von niemandem vollendet». Не тот смысл. Не проще ли «von niemandem gemacht»? Если Вы согласны, внести поправку.

Это все.

Всего доброго. Сердечно

Ваш Прот. В. Зеньковский

Посылаю в двух заказных пакетах все (очень толстая бумага).

---

¹ Датировка года — по дате выхода в свет книги Зеньковского «Из истории эстетических идей в России», корректуры отдельных мест которой предлагаются в письме (указываемые Зеньковским страницы совпадают с печатным вариантом). См. примеч. 2 к письму 30.

57

Zenkovsky
Villa Emmy
Bad Nauheim
5 Küchlerstr.
Prof. D. Tchižewsky
Unter<er> Fauler Pelz 2 ¹
Heidelberg

3/VIII <1958>¹

Дорогой о. Димитрий²,

для верности приезжайте Вы ко мне, буду очень благодарен. У меня от ванн большая вялость (неизбежная), а когда плохо посплю ночью, то совсем à plat³, — и это делает меня неуверенным в моих планах.

Поэтому раз Вам возможно, приезжайте ко мне в пятницу 8.VIII, дайте знать, в каком часу приедете, я Вас встречу. Итак, до скорого!

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Случайная описка.

³ Плашмя (*фр.*). Здесь: лежать пластом, быть крайне уставшим.

Zenkovsky
 38, r. G. Pitard
 Paris XV
 France
 Prof. Tchiževsky
 Unt<erer> Fauler Pelz 2 ¹
 Heidelberg
 Allemagne

9/XI <1958>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

большое спасибо за присылку Вашего этюда. Хочу спросить Вас, есть ли у Вас средства снять микрофильм моей статьи о Гоголе² (в Хр<истианской> мысли — есть в Риме в Russicum), как Вы раньше предполагали? Я к лету надеюсь написать 3 Kapitel über Gogol³ (должна выйти книжка из это<го>), поэтому интересуюсь этим. Занят я сейчас еще одной работой: «Филос<офские> мотивы в рус<ской> поэзии» (хотел в свое время сделать Anhang⁴ к ист<ории> рус<ской> фил<ософии>, сейчас, может быть, удастся напечатать отдельные этюды). Между прочим, я просил Вас, если можно, распорядиться прислать мне 3 экз<емпляра> «Aus d<er> Gesch<ichte> d<er> aesthet<ischen> Ideen in Russ<land>» (в счет возможно накапливающегося гонорара); если это не трудно, сделайте это. Всего доброго. Пишите.

Ваш Прот. В. Зеньковский

Здесь кто-то сказал, что Вы избираетесь повторно на время, а не на постоянное место в Heid<elberg>. Разве это так?⁵

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² См. примеч. 3 к письму 21.

³ 3 главы о Гоголе (нем.).

⁴ Приложение (нем.).

⁵ Зеньковский невольно задал здесь своему ученику один из самых болезненных вопросов: перейдя границу 60-летнего возраста, Д.И. Чижевский уже не мог получить в Германии ординарной профессуры и поэтому, даже будучи директором Института славистики Гейдельбергского университета, имел статус сначала гостевого, а затем гонорарного профессора, не обеспечивавший ему ни положения государственного чиновника, ни права на пенсию и требовавший регулярного продления договора с университетом. Как выясняется из следующей открытки Зеньковского, Чижевский очень легко понял, что эта новость была сообщена Зеньковскому Л.А. Зандером, и, вероятно, в довольно резких выражениях отозвался о нем.

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. D. Tchiževsky
Unterer Fauler Pelz 2¹
Heidelberg
Allemagne

15/XI <1958>¹

Большое спасибо за письмо и за Ваш этюд. Что касается фотокопий моей работы о Гоголе, то в Париже ее действительно нет, но есть в Russicum в Риме. Я через одного коллегу запрошу проф. Schultze² (из Russicum) о возможности заказать фотокопии. Работу «Фил<ософские> мотивы в рус<ской> поэзии» начал, но не знаю, когда кончу, — как и Вы, хоть и по-другому, очень занят. В новом № «Нов<ого> жур<нала>» статья Левицкого о Страхове³ скользит по материалу — он зачем-то занялся второстепенным биографическим вопросом о взаимоотношениях Страхова с разными людьми... Насчет Зандера Ваше сообщение о нем⁴ меня огорчило — у него скорее это Inferiority Complex⁵ — он боится, что Вы его не цените. Но я поговорю с ним.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² *Шультце* (Schultze) Бернхард (1902–1990) — католический священник, выдающийся исследователь истории русской религиозной мысли, профессор Папского восточного института в Риме, располагавшего одной из лучших европейских библиотек с русскоязычной богословской литературой.

³ *Левицкий С. Н.Н.* Страхов: Очерк его философского пути // Новый журнал. 1958. № 54. С. 164–185.

⁴ Чижевский, по-видимому, сообщил Зеньковскому о Л.А. Зандере то же самое, что писал о нем 29 июля 1959 г. Ф.А. Степуну: «Зандер же приезжает сюда на какие-то конференции (“таинственные”) и еще ни разу у меня не был, что производит самое скверное впечатление. Впрочем, он и Флоровскому не кланяется» (Fedor Stepun Papers, Gen Mss 172, Box 34, Folder 1172).

⁵ Комплекс неполноценности (англ.).

21/XI <1958>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

получил письмо от некоей Марианны Богоявленской² из университета в Swartmore (Pensilvania), которая пишет диссертацию о Гоголе (о его религиозной мысли)³ и сообщает, что у них есть Христианская мысль за 1916/17 год с моей статьей о Гоголе⁴ (но она добавила — в библиотеке нашлась только первая часть. Но из моей работы только и было напечатано около 10 печ<атных> листов — остальное осталось в России и пропало там). Я ей написал о том, что она меня спрашивала (ей нужно разные книги), и попросил ее снять фотокопию того из моих статей, что у них есть. Подожду ответа Богоявленской, поэтому о римской библиотеке пока не навожу справок.

К статье «Фил<ософские> мотивы в русской поэзии» материалов (т. е. исследований) не нахожу, — между тем одна ода «Бог» (не говоря о других) заслуживает внимательного фил<ософско->богосл<овского> анализа. Я здесь нашел одну франц<узскую> брошюру с анализом 15 франц<узских> переводов оды «Бог». В издании Грота «объяснительные замечания» самого Державина ничего не дают.

К работе о Гоголе все время глотаю разные вещи, хотелось бы к весне уже написать книжку, но не знаю, смогу ли я — очень уже я занят вне научных занятий.

Всего доброго. Пишите.

Ваш Прот. В. Зеньковский

Зандер мне сказал, что он пробыл всего 2 дня в Heidelberg и был сильно занят в Экум<еническом> семинаре Schlink'a⁵.

---

¹ Датировка года — по связи содержания с предыдущей открыткой.

² Богоявленская Марианна Сергеевна (урожд. Унгер-Штейнбор; р. 1915) — специалист по русской лингвистике, литературовед, выпускница Хельсинкского университета, автор докторской диссертации по истории рецепции религиозной мысли Гоголя, защищенной в Пенсильванском университете (1960), в то время преподаватель русского и немецкого языков в колледже Свартмор.

³ Богоявленская М.С. Религиозный лик Гоголя в новом освещении: (К развитию и восприятию религиозной мысли Гоголя). Нью-Йорк, 1960.

⁴ Хронологическая неточность, повторяемая и в предисловии к книге Зеньковского о Гоголе: его статья была опубликована в журнале «Христианская мысль» за 1916 г. См. примеч. 3 к письму 21.

⁵ Шлинк (Schlink) Эдмунд (1903–1984) — немецкий протестантский богослов, основатель и профессор первого в Германии Экуменического института при Гейдельбергском университете.

<4.I.1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

спасибо за письмо. Радуюсь, как всегда, Вашей неутомимой деятельности, — и сердечно поздравляю с Новым годом и Рождеством Христовым. А я сам все болею (кишечник + печень); сейчас выздоровел, но повторные заболевания заставили моих друзей устроить меня в госпиталь (для радиографии, чтобы выявить источник заболевания). На праздники меня «отпустили» домой, а затем снова придется лечь в госпиталь.

Все это задержало мою переписку с Гельсингфорсом, но надеюсь через 2–3 дня ее возобновить и добиться фотокопий.

Всего доброго. Сердечно Ваш

Прот. В. Зеньковский

4/I

---

¹ Датировка года — по связи содержания (болезнь) с последующей открыткой.

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. D. Tchiževsky
Unterer Fauler Pelz 2¹
Heidelberg
Allemagne

11/I <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

я медленно оправляюсь от болезни кишечника и почек (похудел более чем на 10 кило); еще предстоит радиография, а там медленно, даст Бог, буду входить в «норму». — Своих книжек (Aest<hetische> Ideen) я так и не получил: кроме того, Вы раньше говорили, что Л.И. делается подсчет продажи; если что-нибудь набежало для меня, я был бы так рад получить. Насчет фотокопий моей статьи о Гоголе я написал в Рим проф. Schultze (Russicum), пока ответа не имею; если с Римом ничего не выйдет, попробую списаться с Helsinki (там живет один

б<ывший> проф<ессор> Бог<ословского> Инст<итута>, он, кажется, работает в Университ<етской> Библ<иотеке>)².

Как Ваше здоровье, оправились ли от гриппа<?>³

Сердечно Ваш Прот. В. Зеньковский

Надеюсь скоро начать писать работу о Гоголе (все подготовительное сделано).

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² *Сове* Борис Иванович (1899–1962) — выпускник и доцент Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже, бакалавр богословия Оксфордского университета. В 1931–1939 гг. преподавал в Свято-Сергиевском православном богословском институте Ветхий Завет и древнееврейский язык. С 1939 г. жил в Финляндии, заведовал славянским отделением Хельсинкской университетской библиотеки.

³ В письме о. Георгию Флоровскому от 21 декабря 1958 г. Чижевский лапидарно сообщает: «Я сейчас болен гриппом. Надеюсь к праздникам поправиться» (Georges Florovsky Papers. C 0856. Correspondence. Box 23, Folder 8). О том же пишет и Ф.А. Степуну в недатированном письме в конце декабря 1958 г.: «Мои дела пока сводятся к чтению четырех корректур книг, которые Вы по выходе получите, и к гриппу, который, впрочем, уже проходит, но помешал всем моим рождественским планам» (Fedor Stepun Papers, Gen Mss 172, Box 34, Folder 1172).

63

12/1 <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
сейчас получил письмо от проф. Schultze (Pontificio Istituto Orientale, Piazza S. Maria Maggiore 7 Roma).

Он пишет следующее:

1) В библиотеке их института (и только там) есть «Христ<ианская> мысль», но первая и, видимо, вторая главы моей работы отсутствуют, но есть дальн<ейшие> 65 страниц. В № 5 (май) глава 3-я 16 стр., в 7–8 — 16 стр., в № 10 — 13 стр., в № 12 — 16 стр.².

2) Страница для микрофильма стоит — так он пишет — 20 лир; фотокопия страницы — около 200 лир.

3) Он ждет от Вас заказа.

.....

Я лично хотел бы, конечно, иметь фотокопию, но мне не по средствам оплатить около 13 000 f.; да, собственно, если бы Вы имели фотокопию и прислали мне для чтения, это вполне удовлетворило бы меня, — я сейчас, несмотря на то что все еще болею, начал уже писать работу о Гоголе.

Кстати, Богоявленская готова прислать мне напечатанную на машинке первую часть моей работы. Возможно, что можно путем соединения воссоздать все.

Итак, Дмитрий Иванович, пишите от себя официальную просьбу Prof. P. Venhard Schultze по указанному адресу, сославшись на мое письмо к Вам и на его готовность содействовать получению микрофильма или фотокопии.

Слабость проходит у меня, но медленно, но еще предстоят радиографии (одна очень мучительная — это радиография кишечника).

Всего доброго

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по связи содержания (копирование статьи о Гоголе) с предыдущей и последующей открытками.

² См. примеч. 3 к письму 21.

64

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. D. Tchiżewskij
Unterer Fauler Pelz 2¹
Heidelberg
Allemagne

16/I <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

надеюсь, Вы получили мое письмо относительно микрофильма или фотокопий моей работы о Гоголе в Риме через Prof. Schultze. Сейчас пишу о другом. Вы не можете мне сказать, когда рассказ о похождениях Чичикова превратился у Гоголя в «поэму»?² Мотивы этого более или менее ясны, но едва ли так было с самого начала его работы. Буду очень благодарен. Моя работа о Г<оголе> медленно, но подвигается вперед, как и здоровье лучше.

Всего доброго. Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Тема превращения «Мертвых душ» в «поэму», первоначально задуманных как «рассказ» или «роман» о похождениях Чичикова, осталась в книге Зеньковского нераскрытой, хотя упоминается она в ней неоднократно (см.: *Зеньковский В., прот. Н.В. Гоголь. Париж, 1961. С. 22–23, 37*). Но дата появления слова «поэма», возможно благодаря ответному письму Д.И. Чижевского, названа точно: 1836 г. (см.: Там же. С. 23).

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Tchiževsky
Unterer Fauler Pelz 2 ¹
Heidelberg
Allemagne

1/III <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
через несколько дней я вышлю Вам половину переписанной моей работы о Гоголе; к концу следующей недели будет готова и вторая половина. Общий расход за переписку будет приблизительно 17–18 тысяч франков, значит, Ваша половина будет от 8 ½ до 9 тысяч франков². Не откажите прислать нам расписку, под которой подпишется переписчица; если можно, пошлите Вашу долю теперь же, так как я должен расплатиться сразу. Я, увы, продолжаю хворать, какой-то микроб сидит в организме. Лечусь, но слабость все еще велика.

Ваш *Прот. В. Зеньковский*

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Поскольку Д.И. Чижевский также писал книгу о Гоголе, он был заинтересован в получении копии статьи Зеньковского, еще во времена студенчества повлиявшей на зарождение его собственного интереса к Гоголю как религиозному мыслителю, и поэтому он, вероятно, предложил Зеньковскому разделить расходы на ее перепечатку.

<5.IV.1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
пересылаю Вам расписку о деньгах. Книгу Вашу (*Die G<eistesgeschichte> alten Russlands*²) получил; удивляюсь (и даже завидую), как Вы можете столько писать и печатать. По-прежнему очень прошу настоять о высылке мне 3 экзмп<ляров> «*Die aesthetischen Ideen in Russland XIX.–XX. Jahrh<underts>*».

Поздравляю Вас с 70-летним юбилеем³; очень понимаю, что всячески надо избегать «публичного чествования». Меня это, слава Богу, совершенно миновало — никто и не вспомнил о моих разных датах. Это и к лучшему.

Ваш *Прот. В. Зеньковский*

5.IV.

¹ Датировка года — по дате выхода в свет 1-го тома «Истории русской мысли» Д.И. Чижевского.

² «Духовная история древней Руси» (нем.). Речь идет о первом томе «Истории русской мысли (X–XVII в.)» Д.И. Чижевского. См. примеч. 3 к письму 25.

³ Ошибка: Чижевскому в 1959 г. исполнилось 65 лет.

67

1/VII <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

давно Вам не писал и от Вас давно не имею вестей. Моя болезнь стихла (в желч<ном> пузыре обнаружили камни — *inde irae!*²), вот уже 3-й месяц я на строгой диете и, слава Богу, все время чувствую себя бодро. К работе о Гоголе (на-чисто готова лишь вводная глава, да 1-я глава — вчерне, а 2 и 3-я — в голове) не приступаю сейчас — одолевают люди и мелкие дела. 8.VII еду к друзьям под Фонтенбло (адрес остается парижский), а с 1.VIII по 20 буду отдыхать еще в женском монастыре во Франции (в русском монастыре).

5.VII у нас о. Шмеман защищает докторскую диссертацию («Церковный устав», но по существу об изменениях богослужебных форм в связи с изменениями в «литургическом благочестии»). Работа смелая и талантливая, но слишком много гипотез. Я приму участие в диспуте (по поводу излюбленной о. Шм<еманом> идеи о «богословии времени»).

К Вам должна заехать Милица Киселева³, ученица Якобсона, — у нее есть желание о чем-то побеседовать с Вами. Не знаю ни ее знаний (она имеет степень Master of arts⁴), ни дарования, но она всем здесь пришлось по душе (я ее знал еще в 1947 г., когда отец ее создал замечательное дело в Мюнхене «Дом милосердного самарянина»⁵). Буду очень рад, если окажете ей внимание и поощрите к научной работе.

В Германию, как я Вам писал, из-за болезни желч<ных> путей в этом году не поеду.

Пишите. Ваш Прот. В. Зеньковский

Книгу Вашу собираюсь летом прочитать.

---

¹ Датировка года — по дате защиты докторской диссертации о. А. Шмеманом.

² Отсюда гнев (*лат.*). Здесь: вот в чем причина.

³ Холодная Милица Александровна (урожд. Киселева; р. 1934) — выпускница отделения славянских языков и литератур Гарвардского университета, ученица Р.О. Якобсона и о. Г. Флоровского, преподаватель русского языка и литературы в Вассар-колледже (1958–1960), в Бернارد-колледже и Колумбийском университете (1963–1968), в колледже Сары Лоренс (1970–1972), деятель РСХД и Свято-Серафимовского фонда в Нью-Йорке.

⁴ Магистр гуманитарных наук (англ.).

⁵ Благотворительная православная организация помощи послевоенным русским беженцам «Дом милосердного самарянина» в Мюнхене (Mauerkircherstrasse, 5) была создана активным деятелем РСХД, бывшим священником РОА о. Александром Киселевым (1909–2001) в августе 1945 г. в полуразрушенном четырехэтажном здании, которое было постепенно собственными силами восстановлено и в котором помимо домового храма во имя преп. Серафима Саровского действовали русская гимназия, детский сад, амбулатория, школа сестер милосердия, издательский отдел духовной литературы, книжный магазин, отдел социальной помощи, бесплатная столовая, молодежные православные кружки, курсы лекций о русской культуре (см.: *Киселев А., прот.* Краткий отчет о возникновении и деятельности Дома «Милосердный самарянин». Мюнхен, 1947).

68

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Tchiževsky
Unterer Fauler Pelz 2 ¹
Heidelberg
Allemagne

23/VII <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,
спасибо за исполнение просьбы. Сейчас кончил читать Вашу книгу, в ней много удачного — особенно в тех частях, где Вы касаетесь нетрадиционно поминаемых черт. Одно плохо во всех этих изданиях — не щадят глаз мелким набором.

Упрямо пишу свою книгу о Гоголе, надеюсь к августу кончить 1-ю главу «Гоголь как художник» (2-я — Гоголь как мыслитель, 3-я — Гоголь как личность). Не знаю, что выйдет, да и удастся ли издать.

Отдыхайте и Вы!

Сердечно Ваш *Прот. В. Зеньковский*

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

17/X <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

простите, что так долго не писал Вам. К началу года бесконечные заседания по Бог<ословскому> инст<итуту>, да еще трудные дела по церкви, где я все еще в очень ответственном положении. Потихоньку, можно сказать украдкой, обрабатываю том, посвященный метафизике христианства (черновик был написан еще к лету, но работа и сама по себе требует много времени и всяких справок, — да и время у них расхищают: я ведь не только ученый, но священник и общественный деятель). Мне никак в смысле продуктивности не угоняться за Вами².

«Посев» действительно объявил о выходе моей гносеологической книги³, но ни одной корректуры еще я не получил. Сейчас издаю небольшую книжку (собственно, перепечатаваю старую статью⁴ и даю добавление: «Русская педагогика в XX в.»⁵).

У нас холодно, а в моем доме все еще не наладили отопления. Я от этого очень страдаю — у меня очень прогрессирует ревматизм.

Всего доброго. Пишите.

Ваш Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по дате выхода в свет работы Зеньковского «Русская педагогика в XX веке».

² Д.И. Чижевский в это время, помимо собственных книг, еще активно издавал по пять-шесть томов в год различных репринтных изданий и исследований своих коллег в редактируемых им сериях «Musagetes», «Slavistische Studienbücher», «Heidelberger Slavische Texte» и «Aporophoreta Slavica».

³ Зеньковский В., прот. Основы христианской философии. Frankfurt am Main: Possev-Verlag, 1960. Т. 1: Христианское учение о познании.

⁴ Зеньковский В.В. Русская педагогика в XX столетии // Записки русского научного института в Белграде. Белград, 1933. Вып. 9. С. 291–326.

⁵ Зеньковский В., прот. Русская педагогика в XX веке / Издание Религиозно-педагогического кабинета при Богословском институте. Париж, 1960.

18/XI <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

мне очень стыдно, что я с таким опозданием отвечаю на Ваше письмо; я в октябре очень ослабел (сердце!) и едва справлялся с самыми очередными делами. Сейчас вошел, до известной степени, в норму.

Очень радуюсь Вашей, как обычно, интенсивной деятельности; особенно меня интересует намеченный Вами сборник «Россия и Европа»². О житии св. Стефана Пермского³, конечно, поместим рецензию или заметку в Вестнике РСХД, по этому пришлите книжку.

Я кончил вчерне книжку о Гоголе; сейчас она перепечатывается на машинке; декабрь уйдет на разные исправления, к январю текст будет готов. Вы писали о возможности издать книгу по-немецки (в ней около 15 печатных листов по 40–42 тысячи букв). Но две трудности — найти издателя и найти переводчика. Если у Вас что-либо в этом отношении мелькнет, сообщите.

Издательство «Посев» предложило мне издать мою книгу по гносеологии (как 1-й том книги «Основы христианской философии»). Займусь выправкой текста и сдам в марте месяце.

Пишите. Всего доброго.

Ваш Прот. В. Зеньковский

Здоровье мое сравнительно благополучно. А Ваше?

¹ Датировка года — по дате выхода в свет антологии Д.И. Чижевского и Дитера Гро «Европа и Россия. Тексты к проблеме западноевропейского и русского самопонимания» (Дармштадт, 1959).

² Europa und Russland: Texte zum Problem des westeuropäischen und russischen Selbstverständnisses / Hrsg. von D. Tschizewskij und D. Groh. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1959. Неудивителен интерес Зеньковского к этой антологии текстов западноевропейских и русских мыслителей о Европе и России, поскольку он сам одним из первых занялся исследованием этого вопроса в книге «Русские мыслители и Европа».

³ Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. Археограф. ком., под ред. В.Г. Дружинина. СПб., 1897. (Arophoreta Slavica. Bd. 2. Hrsg. von D. Tschizewski. 's-Gravenhage, 1959).

24.XI <1959>¹

Дорогой Дмитрий Иванович.

Спасибо за письмо и за Вашу готовность помочь в устройстве моей книги о Гоголе (даже на русском языке!! Это любопытно, тем более что YMCA-Press все еще не вышла из «переходной» стадии, и пока серьезные переговоры с ними невозможны).

Книга моя кончена, сейчас переписывается на машинке последняя часть. Дней через десять пошлю Вам рукопись².

Possev Verlag берется печатать мою книгу «Основы христианской философии» (пока совсем готов только 1-й том, 2-й и 3-й тома — космология и антро-

пология, если буду жив, в два года кончу). Здоровье мое сравнительно благополучно. Литературных планов у меня, как всегда, масса — а мало лишь времени, увы! Потому и поражаюсь Вашей кипучей деятельности. Насчет здоровья я вот на половине 79-го года, и то мне с желчным пузырем вышла история (сейчас уже 8 месяцев благополучно, но я на строгом режиме), а сердце мое в общем справляется. Так и Вы — то, что Вы всегда на работе, это хранит организм!

Всего доброго. Сердечно Ваш

Прот. В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по упоминанию возраста Зеньковского («на половине 79-го года»).

² Оригинал русскоязычной 191-страничной машинописи этой работы сохранился в гейдельбергском архиве Д.И. Чижевского (Heid. Hs. 3881. Abt. D / 8). К той же единице хранения относится перепечатанное на машинке начало работы В.В. Зеньковского «Н.В. Гоголь в его религиозных исканиях». См. примеч. 3 к письму 21.

72

2/V <1960>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

давно не имел от Вас вестей, да и сам не писал Вам. На мне лежит сейчас много церковно-административных дел (в связи со смертью митр. Владимира² и подготовкой епархиального съезда для выборов правящего архиерея³), да еще обилие служб (наш настоятель⁴ все болеет, и поэтому у меня большая нагрузка). Все же хоть медленно, но пишу свою книгу по метафизике (метафизике мира, не метафизике Абсолюта, что есть уже богословие). Думаю, что к июню закончу вчерне, но к печати это будет готово не раньше января.

Очень хочу попасть в Naüheim, чтобы подкрепить сердце, — и если это удастся, то, даст Бог, мы с Вами увидимся. А каковы Ваши планы? Не думаете о серьезном отдыхе? Что на очереди у Вас для печатания? Всегда радуюсь Вашей работоспособности и Вашей многообразной ученой деятельности.

Всего доброго. Ваш сердечно

В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по дате смерти митрополита Владимира (18 декабря 1959 г.) и по упоминанию подготовки епархиального съезда (состоялся 12 июня 1960 г.). (О.Е.).

² *Владимир* (в миру Тихоницкий Вячеслав Михайлович; 1873–1959) — митрополит. С 1907 г. епископ Белостокский, с 1923 г. архиепископ и управляющий Гродненской епархией в Польше, в 1924 г. за непризнание автокефалии Польской православной церкви выслан из Польши в Чехословакию, в 1925 г. переехал во Францию, назначен

митрополитом Евлогием (Георгиевским) архиепископом на юг Франции, в Ниццу, в 1946 г. избран правящим архиепископом на епархиальном собрании Экзархата западноевропейских русских приходов Константинопольского патриархата, с 1947 г. митрополит. (О.Е.).

³ 12 июня 1960 г. епархиальным собранием в Париже был избран главой Экзархата епископ Георгий (в миру Тарасов Георгий Васильевич; 1893–1981), с октября 1960 г. архиепископ (О.Е.).

⁴ *Сергий* (в миру Мусин-Пушкин Мстислав Владимирович; 1899–1960) — архимандрит, настоятель храма Сергиевского подворья в 1948–1960 гг. Зеньковский пишет о болезни настоятеля накануне его смерти (архимандрит Сергий умер 8 мая 1960 г.). (О.Е.).

73

16/VI <1960>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

сейчас получил письмо от своего племянника², он умоляет меня уговорить Вас вернуть ему его рукопись³ (на напечатание у Вас он уже не рассчитывает). Пожалуйста, сделайте это теперь же (его адрес до августа 10):

30 C University Housing
Madison University of Wisconsin
Wisconsin

Очень прошу Вас, не откладывая, исполнить просьбу Сережи.

Ваш В. Зеньковский

¹ Датировка года — по письмам С.А. Зеньковского (от 11 февраля и 27 октября 1960 г.) Чижевскому с просьбой вернуть ему рукопись (Heid. Hs. 3881. Abt. C / Buchstabe Z, 1. Kasten, Mappe 1–2).

² См. примеч. 7 к письму 19.

³ С.А. Зеньковский послал Д.И. Чижевскому в 1958 г. рукопись, которую он 29 октября 1957 г. описал следующим образом: «...собрал много материалов о пресиллабической поэзии и под заглавием “Ранняя московская поэзия” или “Начало русского стихотворчества” хочу вам предложить, если можно, — издать в Гайдельбергских текстах. Хочу поместить (в выдержках): Хворостинина, Иванца Фруникова, Палицына, Наседку, Касаткина-Ростовского, Шаховского, Азовское сказание, Старообр<ядца> Авраамия, старообрядцев Федора, неизвестного самосжигателя 1680 гг. с предложением сжигаться, Семена Денисова и некоторых других. К этому короткие комментарии и биографические заметки». Технический вид этой рукописи, по словам Чижевского, был «не вполне удовлетворительный, и с ней придется повозиться» (Heid. Hs. 3881. Abt. C / Buchstabe Z, 1. Kasten, Mappe 1). По прошествии двух лет, 27 октября 1960 г., С.А. Зеньковский попросил вернуть ему эту рукопись: «Если Вы еще не выкинули в мусор мои заметки о московских виршоплетах, то может быть, скажете вашей секретарше переслать их мне, когда у нее на то будет время. Видимо, об издании их нужно забыть» (Heid. Hs. 3881. Abt. C / Buchstabe Z, 1. Kasten, Mappe 2). Но поскольку Чижевский на это письмо не ответил, он попросил В.В. Зеньковского повлиять на него. «Московская поэзия» в сериях Д.И. Чижевского так и не вышла. Но это не испор-

тило его добрых отношений с С.А. Зеньковским — в 1970 г. он издал одну из главных его книг «Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века» в своей серии «Forum Slavicum» (Т. 21).

74

23/VII <1960>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

к сожалению, мой план поехать к Вам не могу осуществить. В этом году ванны даются мне несравнимо тяжелее, чем раньше, — хотя порция их та же, но я устаю ужасно. Это просто следствие крайней переутомленности в истекшем году. Очень жалею, но просто сил нет решиться на поездку к Вам.

Если Вы смогли бы на пару часов заехать в Bad Nauheim 4 или 5 (а еще лучше 6) августа, я был бы очень рад. Мне очень совестно, но сил так мало, что не могу и думать о поездке к Вам. В Париж еду 7/VIII.

Ваш В. Зеньковский

NB. Не забудьте о рукописи Сережи.

---

¹ Датировка года — по связи содержания (лечение в Бад-Наухайме и напоминание о рукописи племянника) с предыдущим письмом.

75

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Tchiževsky
Unterer Fauler Pelz 2¹
Heidelberg
Allemagne

26/IX <1960>¹

Дорогой Дмитрий Иванович, спасибо за письмо.

Я, по-видимому, с пользой лечился в Nauheim, а Nachkur² провел во Франции у моря, так что посвежел. Книга моя о Гоголе³ вся набрана, надеюсь, в ноябре выйдет в свет. Набрана и первая книга (теория познания) в издании «Посев», Франкфурт; сколь могу, работаю над томом по метафизике. Для «Нов<ого> жур<нала>

написал статью «Толстой как мыслитель»⁴ (об его имперсонализме). — Как идут Ваши работы? Каковы впечатления Тани от Петербурга?⁵

Всего доброго. Ваш *Прот. В. Зеньковский*

Карташев скончался 10/IX; это для нашего института большая потеря.

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Послекурортный отдых (нем.).

³ *Зеньковский В., прот.* Н.В. Гоголь. Париж: YMCA-Press, 1961.

⁴ *Он же.* Л. Толстой как мыслитель: К диалектике его идейных исканий // Новый журнал. 1960. № 61. С. 281–291.

⁵ Дочь Чижевского, будучи специалистом по древнерусской литературе, получила в 1960 г. годичную стажировку в Ленинграде, и почти все знакомые эмигранты первой волны спрашивали у Чижевского о ее впечатлениях о городе, СССР и о возможностях свободной работы в библиотеках и архивах для западных исследователей.

76

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. Tchiževsky Dm.
Unter<er> Fauler Pelz 2 ¹
Heidelberg
Allemagne

25/V <1961>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

получил 13 апр<еля> письмо, очень рад, что моя книга Вам по душе². А с филос<офской> книгой все тянут и не рассылают — но я не теряю надежды, что Вы еще до каникул ее получите. Из Ваших книг я получил лишь 2-й том Geist<es> Gesch<ichte> d<es> Russland³ (еще не читал, а только ознакомился с ее планом) — а книг Ист<ория> рус<ской> лит<ературы> XI–XVIII <в.>⁴ и новое издание Гегеля у славян⁵ не получал. Нажмите!

Очень надеюсь в июне быть в Nauheim, может быть, смогу заехать на день к Вам. Какие летние сроки у Вас?

Будьте здоровы. Сердечно Ваш

В. Зеньковский

NB. Здесь P<усское> движ<ение> только что отпраздновало мое скорое (в июле) 80-летие. Уже 80 лет!!

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Книга «Н.В. Гоголь».

³ Духовная история России (нем.). См. примеч. 3 к письму 25.

⁴ Čiževskij D. History of Russian Literature from the Eleventh Century to the End of the Baroque (Slavistische Drukken en Herdrukken uitgegeven door C.H. van Schooneveld. Bd. 12). 's-Gravenhage: Mouton & Co, 1960.

⁵ Hegel bei den Slaven. 2. verb. Aufl. / Hrsg. von D. Tschizewskij (Čyževskýj). Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1961.

77

Zenkovsky
38, r. G. Pitard
Paris XV
France
Prof. D. Tchiževsky
Unter<er> Fauler Pelz 2 ¹
Heidelberg
Allemagne

27/I <1962>¹

Дорогой Дмитрий Иванович, спасибо за письмо.

Если Вы получите «Новый журнал», то в последней книжке (№ 66) плохая статья С.С. Верховского о моей книге о Гоголе². Я не очень огорчен, так как В<ерховской> явно не знает всей сложной культурной обстановки в России в 30–40<-х> годах. Тут друзья хлопочут о французском издании моей философской книги, но я гораздо больше был бы рад, если бы она появилась в немецком переводе. Пишу сейчас III том; но урывками, так как масса повседневной работы. Физически я сравнительно благополучен — а Вы совсем ли освободились от недомогания? Сейчас всегда отвратительная погода.

Всего доброго. Ваш В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по почтовому штемпелю на открытке.

² Верховской С.С. О Гоголе: По поводу кн. прот. В. Зеньковского «Н.В. Гоголь» (Париж, 1961) // Новый журнал. 1961. № 66. С. 260–266.

13/II <1962>¹

Дорогой Дмитрий Иванович,

Вы как-то выразили желание иметь кусок к<акой->нибудь моей рукописи. Я набрел случайно на несколько страниц и посылаю Вам².

У меня все не ладится с изданием 2-го тома³; третий только пишу, и если даст Бог жизни, понадобится год. Если в первом только 150 стр., во втором будет до 300, в третьем, боюсь, до 500. Но лишь бы написать.

Когда сижу дома и работаю, чувствую себя хорошо, но заседания (особенно по церковным делам — я снова был вынужден до осени 1962 быть председателем Епарх<иального> совета) утомляют ужасно. Увы, сил у меня мало.

Всего доброго. Ваш В. Зеньковский

---

¹ Датировка года — по связи содержания с предыдущей открыткой.

² Чижевский никогда не был собирателем рукописей или библиофилом. В его личном книжном и архивном собрании было немало редких и даже уникальных изданий и рукописей, но приобретал он их только в том случае, если они ему были нужны для его работ. Начиная же приблизительно с 1962 г. Чижевский развил в своем институте активную деятельность по разысканию славянских архивных материалов в Германии, начал интересоваться историей русской колонии в Гейдельберге, собирать воспоминания о «русском Гейдельберге» и постепенно пришел к идее о необходимости создания специального отдела славянских рукописей в библиотеке своего института. С этой же целью он стал обращаться к своим друзьям и знакомым, принадлежавшим к первой волне русской эмиграции: В.В. Зеньковскому, Ф.А. Степуну, жене С.Л. Франка Т.С. Франк, Н.О. Лосскому и многим другим. Например, в его архиве оказались машинопись книги С.Л. Франка «Реальность и человек» (с авторской правкой), рукопись книги С.Л. Франка «С нами Бог». С уходом Д.И. Чижевского с поста директора института эта его инициатива не получила дальнейшего развития. Какую рукопись послал ему Зеньковский, выяснить пока не удалось.

³ Том был издан уже после смерти автора: *Зеньковский В., прот.* Основы христианской философии. Франкфурт-на-Майне, 1964. Т. 2.

«ХОТЕЛОСЬ БЫ ИМЕТЬ ОТ ВАС ВЕСТОЧКУ...»:
ПИСЬМА Ю.Д. ШУМАКОВА к Л.Ф. ЗУРОВУ
(1965–1966)

*Публикация, предисловие, подготовка текста
и комментарии А.В. Бакунцева*

Публикуемые ниже письма принадлежат перу человека, чье имя больше известно в Эстонии, чем в России. *Здесь* его знают главным образом как «самого плодovitого» среди авторов, когда-либо писавших об Игоре Северянине¹. Там он прославился еще и как поэт, переводчик, эссеист, мемуарист, просветитель и горячий поборник диалога культур — русской и эстонской. Эти стороны творческого облика Ю.Д. Шумакова в той или иной степени проявились и в его письмах к Л.Ф. Зурову.

Замысловата история этих писем. Присланные адресату в середине 1960-х гг., они после его смерти в числе прочих материалов зуровского архива были унаследованы профессором Эдинбургского университета М.Э. Грин (1912–1998). Та в свою очередь осенью 1978 г. передала их в составе большого корпуса писем разных лиц Зурову во «Всероссийскую мемуарную библиотеку» А.И. Солженицына. В 1996 г. все полученные от М. Грин бумаги Зурова (включая и шумаковские письма) автор «Архипелага ГУЛАГа» подарил Библиотеке-фонду «Русское зарубежье»².

Еще замысловатее судьба самого Юрия Дмитриевича Шумакова. Он родился 5 (18) сентября 1914 г. в Петрограде в интеллигентной семье. Нареченный при крещении Георгием, он впоследствии, став литератором, заменил это имя более емким и звучным — Юрий. Вкус к литературе, театру и вообще всякому искусству он, по всей видимости, перенял от отца, Дмитрия Львовича Шумакова (1885–1971), который, будучи по образованию инженером, а по профессии школьным учителем математики, писал романы и пьесы, участвовал в любительских спектаклях и даже, после переезда в 1916 г. всей семьи в Юрьев (Тарту), создал там театральную организацию под названием «Зеленая палочка».

Близкое знакомство в раннем возрасте с литературно-художественным миром определило судьбу Юрия. Наибольшее впечатление на него произвел Игорь Северянин³, под чьим влиянием он как поэт находился на протяжении всей жизни.

---

¹ См.: *Городницкий Л.* «О бессмертье своем не забочусь»: Рассказы, очерки, эссе об Игоре Северянине. Hannover, 1999. С. 114.

² Среди бумаг Зурова, помимо «писем разных лиц», были материалы его археолого-этнографических и топонимических экспедиций 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. в Печорский край, а также документы, относящиеся к истории Северо-Западной армии. Поначалу все эти материалы составили фонд № 3 БФРЗ/ДРЗ, но затем его военная часть (по истории Северо-Западной армии) была выделена в отдельный фонд № 39.

³ В конце 1980-х гг. Шумаков рассказывал автору этих строк, что в 1921 г. на венчании Игоря Северянина с эстонской поэтессой Ф.М. Круут (1902–1957) он, семилетний мальчик, нес икону перед молодыми.

Ю.Д. Шумаков. 1930-е гг.
 Фото из журнала «Радуга» (Таллин).
 1989. № 9. С. 53

В 1931 г., когда Шумакову было 16 лет, состоялся его литературный дебют: нарвская газета «Русский вестник» опубликовала его патриотическое стихотворение «На страже русского дела», посвященное русскому общественному деятелю Эстонии В.Б. Булгарину (1881–1941).

Поступив в 1932 г. на юридический факультет Тартуского университета, Шумаков не только не перестал сочинять, но, напротив, отдался занятиям литературой со всем пылом молодости. В 1934–1936 гг. он выпустил подряд три стихотворных сборника: «Третья встреча», «Вне» и «Около», — которые были замечены эмигрантской критикой. Правда, отзывы о шумаковских книгах оказались довольно двусмысленными. Например, Г.В. Адамович писал: «Странное впечатление производит “Вне”, сборник стихов Юрия Шумакова. Строки легкие, легчайшие, часто безвкусные, не всегда грамотные и кое в чем северянинские, — но хранящие слабый, смутный отклик настоящего словесного вдохновения,

неподдельной “благодати”. Надо бы запомнить имя этого поэта: “что-то” в нем есть, — что-то такое, чего, может быть, нет у других. Ищу цитаты и почти ни на чем не могу остановиться, не поморщившись. Но каждая из этих причудливых, полубезумных и беспомощных строф задевает слух, как песня, пропетая живым, впервые услышанным голосом»⁴. Схожие оценки дал шумаковским сборникам М.О. Цетлин⁵.

Адамович и впрямь не забыл имя Шумакова, и когда вместе с М.Л. Кантором он отбирал материал для антологии русской зарубежной поэзии «Якорь» (Париж, 1936), в нее были включены три стихотворения молодого поэта: «Со стен монастыря» («Лесов окрестных чернобровье...»), «Стало слово прозрачным...» и «Уже Симеон Листопроведец...». В своей «технической» переписке составители «Якоря» в отношении шумаковских произведений проявили редкое единодушие. Так, в июле 1935 г. Адамович писал Кантору: «По-моему, в стихах его есть истинная прелесть, хотя это и лепет (как хорошо-неожиданно у него вынырнул

⁴ Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости (Париж). 1935. 20 июня. № 5201. С. 2.

⁵ См.: Цетлин М.О. [Рец.:] Шаховская З.А. Дорога: Стихи. Брюссель: Новь, 1935; Булич В.С. Маятник: Стихи. Гельсингфорс: Либрис, 1934; Шумаков Ю.Д. Третья встреча: Звукопись. Братислава: Альтарир, 1934; Шумаков Ю.Д. Вне. Белград; Тарту: Orsa, 1935; Шкляр Е.Л. Poeta in Aeternum: Восьмой сборник стихов. 1925–1935. Рига: Мир, 1935 // Современные записки (Париж). 1936. Кн. 60. С. 466; Он же. Новые сборники стихов // Там же. Кн. 63. С. 406.

Ив. Тургенев)»⁶. Кантор отвечал Адамовичу: «Из Шумакова взял Тургенева и си-неуственность. Это какой-то дуанье Руссо в поэзии»⁷.

Переводческая деятельность Шумакова также была весьма успешной. Эстонский язык он прекрасно знал с детства и переводил как с эстонского на русский, так и с русского на эстонский. Его переводы печатались соответственно в русской и национальной прессе Эстонии и даже выходили отдельными книгами: так, в 1934–1935 гг. Шумаков издал на русском языке два сборника произведений крупнейших эстонских поэтов XX в. — Густава Суйтса (1883–1956) и Марие Ундер (1883–1980). По несколько переводных текстов было включено и в его авторские сборники, о которых уже шла речь.

С конца 1930-х гг., особенно после переезда в Таллин (1938), Шумаков всячески стремился к налаживанию литературных связей с советской Россией. В сентябре 1939 г. при посредстве Всесоюзного общества культурной связи с заграницей он побывал в СССР, где «завязал много литературных знакомств, начал сотрудничать с журналом “Интернациональная литература”»⁸. После этой поездки Шумаков стал горячим сторонником включения Эстонии, Латвии и Литвы в состав Советского Союза.

С началом Великой Отечественной войны Шумаков эвакуировался в Ярославль. Здесь при помощи эстонского поэта и писателя Йоханнеса Семпера (1892–1970), занявшего в советском аппарате высокий пост, он устроился литературным сотрудником Государственного эстонского художественного ансамбля, созданного для объединения эвакуированных из Эстонии представителей творческих профессий. Шумаков готовил тексты для эстонских артистов, сам читал стихи и просветительские лекции, предворяя ими концерты Эстонского симфонического оркестра.

Сравнительно благополучное существование кончилось для Шумакова неожиданно: в апреле 1944 г. по ложному доносу он был арестован в Москве сотрудниками НКВД. Ему было предъявлено совершенно абсурдное обвинение в шпионаже в пользу одновременно Германии и США. Однако истинной причиной его ареста была, скорее всего, «контрреволюционная» деятельность старшего брата — Льва Дмитриевича Шумакова (1911–1942), который, подобно другим членам Русского студенческого христианского движения, весьма активно проявлявшего себя в 1930-х гг. в государствах Прибалтики, подвергся репрессиям и в конце концов погиб в сталинских лагерях.

После многомесячного следствия Ю.Д. Шумаков был осужден по статье 58-10, часть 2 УК РСФСР на восемь лет исправительно-трудовых лагерей с поражением

---

⁶ Цит. по: Якорь: Антология русской зарубежной поэзии / Под ред. О. Коростелева, Л. Магаротто, А. Устинова. СПб., 2005. С. 270. Адамович имел в виду финал стихотворения «Уже Симеон Листопроходец...»: «Ушел в закат, сиренев, // Не помышляя ни о чем, // Иван Сергеевич Тургенев // С двустволкой за плечом».

⁷ Там же. С. 273. «Синеуственность» — авторский неологизм Шумакова в стихотворении «Стало слово прозрачным...»: «Сколько нежности, // Сколько грустности // В неизвестности, // В синеуственности...». «Дуанье Руссо» — *Russo* (Rousseau) Анри Жюльен Феликс (1844–1910) — французский художник-самоучка. Получил прозвище Таможенник (*Le Douanier*), так как служил на парижской таможене. Считается основоположником примитивизма (*Art Naïf*) во французском искусстве.

⁸ Круус Р. О Шумакове // Радуга (Таллин). 1989. № 9. С. 54.

в правах на три года. Срок он отбывал в разных зонах Каргопольлага Архангельской области. Один из многочисленных друзей Шумакова — рижский литератор и краевед С.А. Журавлев — писал: «Многое пережил Юрий Дмитриевич в сталинских лагерях, чудом выжил: конвоир прикладом разможил ему кости черепа, один глаз после этого ослеп, ямка на голове была видна до конца жизни»⁹. Тем не менее «и в эти суровые годы он не оставлял пера»¹⁰. Стихи, написанные в заключении, впоследствии составили цикл под названием «Архангельская тетрадь».

По отбытии срока, в 1952 г., Шумаков вернулся в Ярославль, поступил в здешний педагогический институт имени К.Д. Ушинского на отделение немецкого языка, которое окончил в 1956 г. После XX съезда он получил возможность уехать «домой», в Таллин, но официальной реабилитации ему пришлось ждать еще три года.

В Таллине Шумаков поначалу работал учителем русского языка в эстонской школе¹¹, затем начал переводить на русский язык эстонские песенные тексты. «Из-под его пера, — свидетельствовал впоследствии друг Шумакова, эстонский писатель Ээрик Тедер (1928–2004), — выходят сотни сольных и хоровых песен... В исполнении Георга Отса и других эстонских певцов эти музыкальные произведения пользовались широким успехом в Советском Союзе и за его пределами»¹². Не забывал Шумаков и о литературе более высокого ранга: переводил русских, эстонских классиков и современников, а также эстонский, грузинский, армянский эпос. При этом с собственным творчеством дело обстояло гораздо хуже: как оригинальный, хотя и не безупречный стихотворец, внушавший некоторые надежды своим довоенным критикам, Шумаков, по-видимому, иссяк.

Между тем, как оказалось, Шумаков был слишком амбициозен, чтобы довольствоваться скромным «титолом» переводчика-песенника, и с конца 1950-х гг. он планомерно начал выстраивать себе репутацию «последнего из могикан» русской культуры в межвоенной Эстонии. Ставку он сделал на свои воспоминания о выдающихся представителях русского зарубежья, с которыми ему доводилось встречаться в молодости. Надо отдать Шумакову должное: он приложил немало усилий для того, чтобы «вернуть народу» незаслуженно забытые или вовсе оказавшиеся под запретом имена. В своих мемуарных очерках об Игоре Северяnine, И.А. Бунине, Д.А. Смирнове, Н.П. Богданове-Бельском и др. он умел избегать всевозможных острых углов. Своих героев Шумаков старался как бы «реабилитировать» в глазах аудитории, вызвать к ним сочувствие, делая упор на то, что при всех своих политических «заблуждениях» эти «белоэмигранты» любить Россию никогда не переставали.

⁹ Журавлев С.А. Путешествие И.А. Бунина в Балтийские страны // Вечера И.А. Бунина в Балтийских странах в 1938 году / Сост., вступ. ст. С.А. Журавлева. Рига, 2003. С. 4.

¹⁰ Тедер Э. Юрий Шумаков — строитель мостов между культурами разных народов // Шумаков Ю.Д. Избранное. Таллин, 1997. С. 7.

¹¹ См.: Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг.: Антология / Под ред. С.Г. Исакова. Таллин, 2002. С. 283. По другим данным, Шумаков, наоборот, преподавал эстонский язык в русской школе (см.: Тедер Э. Юрий Шумаков — строитель мостов между культурами разных народов. С. 7).

¹² Тедер Э. Юрий Шумаков — строитель мостов между культурами разных народов. С. 7.

Поистине изумительна шумарковская работоспособность этого периода. Эстонский литературовед Рейн Круус (1957–1992) насчитал у Шумакова к 1989 г. «сотни историко-культурных статей и заметок — о русско-эстонских литературных связях, о деятелях довоенной русской зарубежной культуры, особенно много об Игоре Северяnine»¹³. К 1997 г. — году смерти Юрия Дмитриевича — количество этих работ увеличилось еще на несколько десятков. Особенно много было публикаций в середине 1990-х гг. в еженедельнике «Русский телеграф», который являлся приложением к таллинской ежедневной газете «Молодежь Эстонии». А вот книг у Шумакова после войны вышло совсем немного: среди них историко-литературная «тетрадь» «Русские писатели в Таллине» (Таллин, 1984); сборник эссе и мемуаров на эстонском языке «Tartu tiivustusel» («Окрыленный университетским Тарту»; Tallinn, 1985); сборник «Последнее свидание: Материалы о посещении И.А. Буниным Прибалтийских государств в 1938 году» (Таллин, 1992); двуязычный том «Избранного» (Таллин, 1997) и написанные в соавторстве с таллинским историком-краеведом В.Н. Илляшевичем «Эстляндские были» (Таллин, 1998).

Ю.Д. Шумаков в своем рабочем кабинете. 1990-е гг. Фото из книги: Шумаков Ю.Д. Избранное. Таллин, 1997. С. 4

Шумаковские биографы утверждают, что, несмотря на реабилитацию и более чем лояльное отношение таллинского литератора к советской власти, «его не оставляли в покое»: в частности, в 1969 г. привлекли свидетелем по делу ленинградского поэта-диссидента (а ныне известного монархиста) Н.Н. Брауна, долгое время не допускали в Союз писателей и т. п.¹⁴ Однако на исходе своих дней Шумаков был вознагражден за пережитые в прошлом страдания и обиды. В 1996 г. он стал первым лауреатом премии имени Игоря Северянина, учрежденной членами Русской фракции эстонского парламента — Рийгигогу.

Скончался Ю.Д. Шумаков 24 декабря 1997 г.

* * *

В современной Эстонии отношение к Шумакову можно назвать двойким (впрочем, у него и при жизни были как поклонники, так и оппоненты). Непререкаемым авторитетом его труды пользуются, пожалуй, лишь среди дилетантов¹⁵. В научных

¹³ Круус Р. О Шумакове. С. 54.

¹⁴ См.: Там же; Тедер Э. Юрий Шумаков — строитель мостов между культурами разных народов. С. 7; Русская эмиграция и русские писатели Эстонии 1918–1940 гг. С. 283.

¹⁵ К разряду таковых, как ни печально, следует отнести и таллинское Северянинское общество культуры в Эстонии, где Шумакова почитают как «патриарха» северяноведения.

же кругах к его писаниям относятся скептически. Литературоведы, историки литературы, культурологи не раз ловили Шумакова на фактических неточностях, а иногда и на откровенной мистификации. Так, в ответ на утверждение Шумакова, что Бунину во время его пребывания в Тарту в 1938 г. (в ходе литературного турне по Прибалтике) был показан «экземпляр “Горя от ума”, комедии, посвященной автором Ф.В. Булгарину»¹⁶, профессор Тартуского университета С.Г. Исаков писал: «Ю. Шумакову явно остался неизвестным тот факт, что этот список давно, еще в 1879 г., был передан сыновьями Булгарина в Публичную библиотеку в Петербурге»¹⁷. По мнению ученых, даже «образ Северянина, созданный Шумаковым, хотя и сочетает в себе массу привлекательных черт и может вызвать только восхищение и любовь как к личности Северянина, так и к творчеству поэта, но в то же время он во многом искусственен, создан зачастую фантазией Шумакова, а в ряде принципиальных позиций противоречит высказываниям самого Северянина. Так из литературоведения о Северянине исчезает правда и появляется полуправда, а иногда и неправда»¹⁸.

В этой связи, как нам представляется, публикация писем Ю.Д. Шумакова к Л.Ф. Зурову приобретает особый историко-культурный смысл. Главная их ценность состоит в том, что они как бы разоблачают своего автора, развенчивают некоторые мифы, которые Шумаков годами создавал вокруг себя, существенно преувеличивая степень своей близости к тем, о ком он свидетельствовал устно и письменно. В его воспоминаниях правда всегда сращена с вымыслом, факт художественно преобразен и перелицован¹⁹. Например, случайная, единичная встреча с той или иной знаменитостью под пером Шумакова неизменно обрастала разного рода подробностями, превращалась в *серию встреч* и/или получала «продолжение» в виде переписки. Примерно в таком ключе мемуарист повествовал и о своем знакомстве с Буниным и Зуровым.

Бунину Шумаков посвятил не менее дюжины текстов — как на русском, так и на эстонском языках²⁰. В них Шумаков весьма подробно, со множеством деталей,

¹⁶ Шумаков Ю. Звезда над Прибалтикой // Последнее свидание: Материалы о посещении И.А. Буниным Прибалтийских государств в 1938 году / Сост. Ю.Д. Шумаков. Таллин, 1992. С. 28.

¹⁷ Исаков С.Г. Очерки истории русской культуры в Эстонии. Таллин, 2005. С. 134.

¹⁸ Городницкий Л. «О бессмертье своем не забочусь». С. 114.

¹⁹ Впрочем, подобной двойственностью грешат не только мемуары Шумакова: в каком-то смысле это характерная черта вообще всей мемуаристики XX в.

²⁰ См.: Шумаков Ю. Иван Бунин в Тарту // Москва. 1964. № 11. С. 201–202; *Он же*. Бунин-книжник // В мире книг (Москва). 1970. № 10. С. 42–43; *Он же*. Первая любовь Ивана Бунина // И.А. Бунин: [Материалы межвузовск. науч. конф., посвященной творчеству И.А. Бунина; Елец, окт. 1969 г.] / Известия Воронеж. пед. ун-та. Воронеж, 1971. Т. 114. С. 20–26; *Он же*. И.А. Бунин в Прибалтике // Таллин. 1984. № 3. С. 90–96; *Он же*. Русские писатели в Таллине / Сост. Ю. Шумаков. Таллин, 1984. С. 31–32; *Он же*. И.А. Бунин в Таллине: К 120-летию со дня рождения великого писателя // Вечерний Таллин. 1990. 22 окт. № 244. С. 3; *Он же*. Слово о Буине: К 120-летию со дня рождения великого писателя // Советская Эстония (Таллин). 1990. 30 окт. № 250. С. 3; *Он же*. Звезда над Прибалтикой // Последнее свидание. С. 5–42; То же // Шумаков Ю.Д. Избранное. С. 162–194; *Он же*. Иван Бунин — поэт // Русский телеграф (Таллин). 1995. 26 мая. № 19. С. 5; *Он же*. И.А. Бунин в Эстонии: К 125-летию со дня рождения // Там же. 20 окт. № 39. С. 5; *Он же*. Звезда над Прибалтикой: Турне лауреата Нобелевской премии И.А. Бунина по городам Прибалтики [в 1938 г.] / Публ. Г. Кузьмина // Встреча (Москва). 1998. № 3. С. 32–35; Šumakov J. Ivan Bunin Tartus // Keel ja kirjandus (Tallinn). 1963. № 9. Lk. 558–560; *Ibid*. Bunin Baltikumis // Looming (Tallinn). 1981. № 1. Lk. 129.

рассказывал о своих встречах и совместных прогулках с нобелевским лауреатом в Тарту в 1938 г., о доверительной переписке с ним как до, так и после его турне по Прибалтике. Сама же эта переписка, по утверждению мемуариста, возникла в 1930-х гг., когда Бунин «был обуреваем замыслом написать монографию [так!] о Михаиле Юрьевиче Лермонтове и по рекомендации парижского литератора Л.Ф. Зурова, много лет прожившего в доме Бунина», написал Шумакову, «прося рассказать о связях гениального поэта с Прибалтикой»²¹.

Между тем, как видно из содержания публикуемых ниже писем, в этих строках, которыми, по сути, начинается самый большой очерк Шумакова о Бунине, нет ни слова правды. Бунин в самом деле одно время вынашивал замысел «романизированной биографии» Лермонтова (а вовсе не монографии о нем), но это было не в 1930-х, а в конце 1920-х гг.²², когда Шумакову было 14–15 лет и он не мог, при всей своей одержимости литературой, быть для маститого писателя полноценным консультантом. Вымышленными являются и шумаковские свидетельства о душевных беседах с нобелевским лауреатом в мае 1938 г. Вопреки этим свидетельствам, Шумаков вовсе не был так близко знаком с Буниным, а сведения о его прибалтийском турне и вовсе черпал большей частью из тогдашней прессы (см. письмо № 5). И уж тем более Шумаков никогда не переписывался с нобелевским лауреатом. Ни в одном из каталогов бунинских материалов, хранящихся в отечественных и зарубежных архивах, письма Шумакова не значатся²³. Да и в посланиях к Зурову о переписке с Буниным речь не идет, зато упоминаются «книги с дарственными надписями от Ивана Бунина», бесследно пропавшие во время войны (письмо № 2). Но даже если такие книги действительно существовали, это не значит, что у именитого писателя и молодого поэта были какие-то особые контакты: во время своего турне после творческих вечеров и на банкетах Бунин раздавал автографы направо и налево и мог подписать шумаковские экземпляры своих сочинений, что называется, в общем ряду, машинально. Не исключено, впрочем, что между Буниным и Шумаковым, который, кстати, перевел на эстонский язык бунинское стихотворение «Цветные стекла» («Люблю цветные стекла окон...»)²⁴, все же состоялся некий разговор, но вряд ли он был столь уж значительным, как о том любил впоследствии рассказывать Шумаков. В любом случае правды нам уже не узнать никогда.

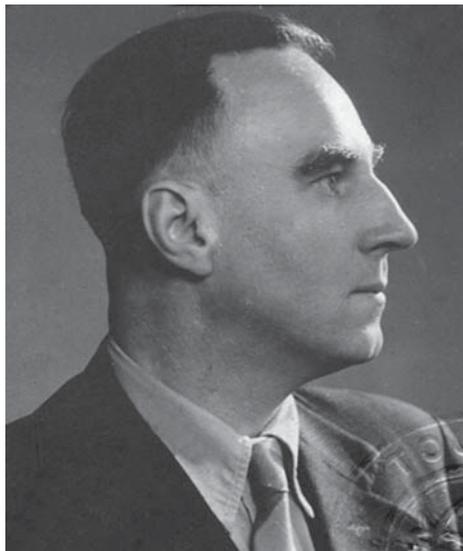
Что же касается Зурова, то с ним Шумаков встречался, видимо, в 1935 и 1937 гг. в Печорах и в Таллине. Однако тогда их знакомство никакого продолжения (например, в виде переписки) не имело. По крайней мере, в публикуемых

²¹ Шумаков Ю. Звезда над Прибалтикой. С. 5.

²² См. об этом: *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. М., 2004. С. 198–199, 445.

²³ См.: Бунинские материалы в архивах Советского Союза // Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 447–514; Описание материалов Государственного музея И.С. Тургенева / Сост. А.С. Логвинов, А.И. Понятовский, В.В. Сафронова, Е.М. Шинкова. Орел, 1979; *Heywood A.Y.* Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections / Ed. by Richard D. Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds, 2000.

²⁴ См.: *Bunin I. Värvilised ruudud / Tõlk. J. Šumakov // Postimees (Tartu). 1938. 9 mai. № 125. L. 5.* Републикация: Шумаков Ю.Д. Избранное. С. 280.

Л.Ф. Зуров. 1948 г.
 Фото с членского билета № 68.040
 Французского туристического клуба.
 ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 140. Л. 2

письмах Шумакова нет ни слова о такой переписке, и в каталоге лидской части зуровского архива²⁵ имя Шумакова также не значится.

Публикуемые нами письма неопровержимо свидетельствуют о том, что Шумаков пытался установить личные контакты с Зуровым только в середине 1960-х гг., т. е. через 30 лет после их первой встречи. И судя по всему, попытка эта не увенчалась особым успехом. Похоже, Зуров неохотно отвечал на шумаковские послания, сам тон которых мог его раздражать то приторной лестью, то неожиданной надменностью, то неоправданной и ненужной высокопарностью. В этих посланиях восторги их автора по поводу зуровских произведений чередуются с собственной похвальбой; подробные отчеты о путешествиях по градам и весям России, о посещении монастырей, музеев, концертов — с настой-

чивыми просьбами прислать какие-нибудь из выходящих в эмиграции книг и почти требованием справиться на почте о судьбе посланной из Парижа и затерявшейся по пути в Таллин бандероли; бессчетные ссылки на общих знакомых и напоминания о довоенном прошлом — с нескончаемым сетованием на отсутствие ответных писем Зурова и т. п. К сожалению, нам неизвестны эти самые ответные зуровские письма: вместе с прочими материалами шумаковского архива они бесследно исчезли после смерти «самого плодovitого» северяноведа²⁶. Так или иначе, завязавшаяся летом 1965 г. переписка Шумакова с Зуровым прекратилась примерно через год. И скорее всего, инициатором ее прекращения был Зуров, поглощенный в то время работой над повестью «Иван-да-марья», которая так и осталась неоконченной²⁷.

²⁵ М. Грин предоставила Солженищину далеко не весь архив Зурова: значительная его часть в 1980-х — начале 1990-х гг. несколькими партиями была передана в Русский архив Лидского университета (см.: *Neuwood A.Y. Catalogue of the I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov and E.M. Lopatina collections*. P. XXVIII).

²⁶ По словам председателя Северянинского общества культуры в Эстонии В.А. Банниковой и шумаковского крестника (как он сам себя аттестует) В.Н. Илляшевича, после смерти второй жены Шумакова все имущество из их таллинской квартиры, включая архив, было увезено в неизвестном направлении ее родственниками. Проверить достоверность этой информации не представляется возможным.

²⁷ Эта повесть впервые была опубликована (в реконструированном виде) И.З. Белобровцевой в 2005 г.: *Зуров Л. Иван-да-марья* / Подгот. текста И. Белобровцевой // *Звезда* (СПб). 2005. № 8. С. 61–113; № 9. С. 99–145.

А кроме того, Зуров, вероятно, понял (особенно после шумаковского письма № 5), что имеет дело с литературным мистификатором и авантюристом. В этом письме, расспрашивая Зурова о том, что Бунин рассказывал в Париже о своей поездке в Прибалтику, Шумаков пообещал со временем сообщить «немало редкостного» о бунинском посещении (которого на самом деле не было) Псковско-Печерской обители. Между тем Зуров знал точно от самого Бунина, что нобелевский лауреат в Печоры и Изборск не ездил, и не мог понять, для чего Шумакову понадобилась эта дутая «сенсация».

* * *

В зуровском фонде архива Дома русского зарубежья письма Шумакова имеют индекс: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 124. Л. 1–20 об. Писем всего пять. В ходе их изучения и подготовки к публикации было обнаружено, что архивная пагинация была проведена формально, без учета содержания писем и их палеографических признаков — в том числе особенностей почерка, цвета чернил, типа, фактуры и размера бумаги²⁸. Одной из объективных причин такого формализма было отсутствие датировки в четырех письмах (л. 1–1 об., 2–6 об., 12–17 об., 18–20 об.), а также отсутствие конвертов. Текст л. 7–11 об. датирован на одной из страниц (л. 10 об.) 19 августа 1965 г.

Анализ содержания и палеографических признаков всех пяти писем позволил в конце концов установить реальную последовательность их поступления к адресату, а также даты их написания. Правильная последовательность писем такова: письмо № 1 = л. 1–1 об.; письмо № 2 = л. 7–11 об.; письмо № 3 = л. 18–20 об.; письмо № 4 = л. 2–6 об.; письмо № 5 = л. 12–17 об. В нашей публикации письма Шумакова приводятся именно в таком порядке. Что же касается их датировки, то в двух случаях (письма № 1, 4) были установлены точные даты (причем письмо № 1 датировано с помощью дополнительного источника, а именно приложенного к этому письму послания Зурову поэта Н.В. Банникова от 16 июня 1965 г.²⁹), в двух других (№ 3, 5) — только приблизительные.

Письма печатаются по нормам современной орфографии и пунктуации, с сохранением особенностей авторского написания некоторых слов (напр., «Печеры», «Печерский»). Почерк Шумакова местами трудночитаем. В ряде случаев отдельные слова воспроизводились публикатором по догадке, исходя из смысла всего высказывания, в соответствии с окружающим контекстом. Там, где разобрать почерк Шумакова не удавалось, по традиции в угловых скобках проставлено: «нрзб.». Также в угловые скобки помещены восстановленные публикатором фрагменты слов (в том числе имен собственных), которые были сокращены или

---

²⁸ В частности, тексты л. 2–6 об., 12–17 об. и 18–20 об. написаны одними и теми же светло-синими чернилами на сложенных пополам листах писчей бумаги желтоватого цвета, формата А 4, при этом почерк на л. 12–17 об. более крупный и размашистый, чем на других листах. Текст л. 7–11 об. написан на такой же бумаге, но цвет чернил — черный. Текст л. 1–1 об. зафиксирован на бумаге совсем другого типа: это лист в клеточку формата А 4, исписанный с двух сторон, сверху донизу, синими чернилами.

²⁹ ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 28. Л. 19–19 об.

пропущены Шумаковым. В квадратные скобки заключены публикаторские пояснения. Все авторские выделения (подчеркивание одной и двумя линиями, разрядка), а также даты и места написания писем и подпись Шумакова в публикации даны курсивом.

* * *

Автор публикации сердечно благодарит за оказанную ему помощь сотрудников читального зала библиотеки и архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, сотрудников Отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, сотрудников Эстонской национальной библиотеки, а также лично И.З. Белобровцеву (Таллин), Л.А. Давтян (Москва), И.А. Костомарову (Орел), С.Н. Морозова (Москва), Г.В. Прутцова (Москва), А.Т. Ракитянского (Рига).

1

16 июня 1965 г. Москва

Дорогой Леонид Федорович!

Помните ли Вы тридцатые годы... Таллин, Тарту, Печоры... Ваш самоотверженный труд по реставрации Николы Ратного¹, Ваши статьи, глубокие и проникновенные в «Нови»²... К<оку> Анд<реева>³... Тех, с кем встречались в те годы... Наши встречи...

За эти годы я не раз вспоминал Вас, хотел Вам написать... Но мне думалось, б<ыть> м<ожет>, Вы забыли меня...

Живу я в Таллине. На днях у И<рины> К<онстантиновны> Б<орман>⁴ говорили о Вас. Альбом: она — в виде девы-соблазнительницы, Вы — клонящий долу взор смиренномудренник... Всколыхнулось в памяти многое...

Сейчас я проездом в Москве. Ник<олай> Пав<лович> Смирнов⁵ дал Ваш адрес, я собрался с духом написать Вам, решил направить Вам мои работы.

Прошлым летом был в Орле, Вы, вероятно, знаете, что Л.Н. Афонин⁶ — директор тамошнего музея писателей-орловцев — энтузиаст, что в Орле есть зал, посвященный Ив. Бунину⁷. Я дал им также ряд материалов⁸, попросил Костаса Корсакаса (Вильнюс) послать свои мемуары⁹ и т. п.

Мне очень хотелось бы верить, что музей этот приобретет у Вас то, что Вы захотите передать родному городу великого писателя¹⁰. Мне хотелось бы, чтобы Вы как писатель, кроме того, внесли свою лепту — опубликовали бы на родине свои мемуары о Бунине¹¹.

Я много печатаюсь, работаю. Вы, б<ыть> м<ожет>, помните, что я переводил поэзию Бунина и на эстонский язык¹². Нет у меня, конечно, «Якоря», где печатались мои юношеские стихи¹³, нет ни «Темных аллей», ни воспоминаний В<еры> Н<иколаевны Муромцевой-Буниной>, нет даже «Жизни Арсеньева» — книги, которую я так люблю, но это не значит, что я забыл обо всем.

Хотелось бы иметь от Вас весточку, Ваши книги, Ваши воспоминания об Ив. Бунине, который так любил Вас¹⁴.

Не сердчайте же на меня за это бестолковое письмо.

Сердечно Ваш *Юрий Шумаков*

[На л. 1, в левом поле:] Посылаю Вам и программку — в Таллине прошла премьера — мой русский текст...¹⁵ Поет наш известный певец Г. Отс¹⁶.

[На л. 1 об., в левом поле:] Мой адрес: Таллин 22, Мичурина, 13, кв. 43. Юрию Дмитриевичу Шумакову.

[На л. 1 об., в правом поле:] P.S. Передаю ручку поэту Ник<олаю> Вас<ильевичу> Банникову¹⁷, почитателю творчества Бунина.

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 124. Л. 1–1 об. Автограф, ручка, синие чернила. Датировано по письму Н.В. Банникова, приложенному к письму Шумакова.

¹ Церковь Николы Ратного (Николаевская церковь) в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре была воздвигнута в 1564–1565 гг., во время Ливонской войны, преподобным Корнилием и зодчим П.П. Заболоцким, в иночестве Пафнутием. Л.Ф. Зуров реставрировал звонницу и крыльцо Николы Ратного летом 1935 г. Об этом он рассказывал в статьях «Из истории церкви Николая Ратного в Печерском монастыре» (Новь (Таллин). 1935. № 8. С. 93–98), «О древностях Изборского и Печерского края» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 13. Л. 1–3), а также в «Записке о произведенном обследовании древностей Псковского и Изборского края и о результатах археологических разведок 1935–1938 гг.» (Париж, 1946). Рукопись этой работы хранится в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 9). О реставрации Зуровым Николы Ратного писал также Выборгский «Журнал Содружества» (1935. № 10. С. 34–36).

² Шумаков имеет в виду статьи «Из истории церкви Николая Ратного в Печерском монастыре» и «Как был открыт древний город, носящий название Городачек» — обе были напечатаны в № 8 альманаха «Новь», который выходил в Таллине в 1928–1935 гг., и сопровождались вклеенными иллюстрациями. Первые четыре выпуска «Нови» вышли в газетном, последующие четыре — в журнальном формате. С 1932 г. (№ 4) альманах выпускал «Ревельский цех поэтов». Подробнее об этом см.: *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии (1918–1940): Историко-культурные очерки. Тарту, 1996. С. 106–107; Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике (1918–1940) / Под ред. проф. С.Г. Исакова. Тарту, 2000. С. 283–285; *Белобровцева И.* К истории раскола Ревельского цеха поэтов и конца сборника «Новь» // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. XI. Таллин, 2006. С. 165–190; и др.

³ *Андреев* Николай Ефремович (1908–1982) — историк, литературовед, искусствовед. В эмиграции с 1919 г. Жил в Эстонии (1919–1927), Чехословакии (1927–1945), Германии (1947–1948), Великобритании (1948–1982). В 1945 г. был арестован сотрудниками Смерша, до 1947 г. находился в заключении в советской оккупационной зоне в Бауцене и Дрездене. В Праге и затем в Кембридже читал лекции по русской истории и литературе. В 1937 г. в составе группы из пражского Института Н.П. Кондакова участвовал в научной археологической экспедиции в Печоры, где и познакомился с Л.Ф. Зуровым. Об этом см.: *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / Под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. СПб., 2008. С. 346–366; *Он же.* Отчина и ее автор // Новый журнал (Нью-Йорк). 1971. Кн. 105. С. 139–147; *Он же.* Памяти ушедших. Л.Ф. Зуров // Там же. С. 274–276. Переписка Зурова с Андреевым хранится в ДРЗ

Стихотворение

И.А. Бунина «Цветные стекла»
 («Люблю цветные стекла окон...») —
 в переводе Ю.Д. Шумакова
 на эстонский язык. Фото из газеты
 «Постимеэс» («Postimees»; Тарту).
 1938. 9 мая. № 125. С. 5

(Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 24–26). Друзья, близкие называли Н.Е. Андреева Кóкой, хотя Шумаков вряд ли входил в их число: в своих мемуарах Андреев его ни разу не упомянул.

⁴ Борман Ирина Константиновна (1901–1985) — поэтесса, певица-любительница, в 1930-х гг. член «Ревельского цеха поэтов», выступала в печати под псевдонимом ИрБор (Ир-Бор). После Второй мировой войны работала инструктором по физиотерапии и массажу в клинике профессора Раудкеппа и в Республиканской больнице в Таллине. Активно пропагандировала творчество Игоря Северянина. Шумаков знал И.К. Борман и ее семью с 1920-х гг. О встречах с Борман в 1950–1980-х гг. Шумаков писал: «После войны и непионерских лагерей, когда мне снова было разрешено поселиться в Таллине, я нередко навещал ИрБор. Жила она на Нарвском шоссе во дворе, занимая скромную комнату наверху деревянного домишки. В эту келейку надо было проходить через чердачное помещение. Однако и здесь, как в Шмецке (дачный поселок, ставший частью нынешнего городка Нарва-Йыесуу на северо-востоке Эстонии. — А.Б.), Ирина Константиновна умудрялась раз в месяц устраивать “приемы”. Накануне она декорировала свой чердак всякими рисунками, изображениями диких животных

и птиц, расставляла столики и садовые стулья, варила кофе, готовила бутерброды оригинальной формы, увенчанные “кораблями” из сыра. Программа вечеров была разнообразна. <...> Гости чердачка бывали скрипач Курт Бринкман, пианист Д.Н. Черкасов, коллекционер О.И. Тютрюмов, художница Л.И. Столейкова, Т.П. Милютин. Часто встречал я на Нарвском шоссе ленинградцев и москвичей, гостивших и живших “на чердачке” у Ирины. <...> Последние годы жизни Ирина Константиновна жила в однокомнатной квартире на Вяйке-Ыйсмэя (улица в одном из “спальных” районов Таллина. — А.Б.). И здесь она продолжала устраивать приемы, держала “салон”...» (Левин А., Шумаков Ю. Ирина Борман (1901–1985) // Радуга (Таллин). 1989. № 5. С. 74–75). См. также: Хлебникова-Смирнова К. Воспоминание об Ирине Борман (псевдоним ИрБор) // Таллин. 1996. № 5–6. С. 187–188. Известно одно, очень едкое, письмо И.К. Борман Зурову от 1 декабря 1935 г. по поводу его попытки помирить рассорившихся членов «Ревельского цеха поэтов» (см.: Белобровцева И. К истории раскола Ревельского цеха поэтов и конца сборника «Новь». С. 178–181).

⁵ Смирнов Николай Павлович (1898–1978) — писатель, литературовед, литературный критик. В 1920-х гг. сотрудник «Нового мира». В 1934 г. был арестован за «антисоветскую агитацию», освобожден в 1941 г., реабилитирован в 1956 г. С 1948 г. редактировал альманах «Охотничьи просторы», с 1955 г. — журнал «Охота и охотничье хозяйство». В 1961–1970 гг. сотрудничал в парижской просоветской газете «Русские новости». Переписывался с писателями-эмигрантами, в том числе с Г.В. Адамовичем, Б.К. Зайцевым, Л.Ф. Зуровым. Интересовался творчеством И.А. Бунина. Автор сообщения «Русская древность и фольклор в поэзии Бунина» (Литературное наследство. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 408–411). Письма Смирнова Зурову хранятся в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 105).

⁶ *Афонин* Леонид Николаевич (1918–1975) — литературовед, писатель, театральный критик, автор первой монографии о Леониде Андрееве. В 1959–1967 г. директор Орловского государственного литературного музея И.С. Тургенева (ОГЛИМТ).

⁷ Из этого зала впоследствии, в 1991 г., «вырос» отдельный, хотя и входящий в структуру ОГЛИМТ, Орловский музей И.А. Бунина.

⁸ Шумаков подарил ОГЛИМТ машинопись своего очерка «Иван Бунин в Тарту», опубликованного в 1964 г. в № 11 журнала «Москва» (с. 201–202). См.: Описание материалов Государственного музея И.С. Тургенева / Сост. А.С. Логвинов, А.И. Понятовский, В.В. Сафронова, Е.М. Шинкова. Орел, 1979. С. 127.

⁹ *Корсакас* (Korsakas) Костас (1909–1986) — писатель, критик, филолог-литературовед, мемуарист, действительный член Академии наук Литовской ССР, профессор Вильнюсского университета, директор Института литовского языка и литературы. Автор мемуарного очерка «Бунин в Каунасе» (Советская Литва (Вильнюс). 1963. Кн. 9. С. 63–73). Судя по «Описанию материалов Государственного музея И.С. Тургенева», К. Корсакас ничего в ОГЛИМТ не передавал.

¹⁰ Неточность: родным городом Бунина был не Орел, а Воронеж. Вероятно, Л.Н. Афонин рассказывал Шумакову о своей переписке с В.Н. Муромцевой-Буниной и Л.Ф. Зуровым по поводу передачи в ОГЛИМТ части архива и мемориальных вещей Бунина. Часть этой переписки хранится в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 27).

¹¹ Зуров приступал к написанию воспоминаний о Бунине, но так и не написал их. Подробнее об этом см.: *Белобровцева И.З.* Попытка мемуаров: Леонид Зуров о Бунине // Мемуары в культуре русского зарубежья: Сб. ст. / Отв. ред. А. Данилевский. М., 2010. С. 106–114.

¹² Шумаков неоднократно и в письмах личного характера, и в мемуарах утверждал, что он переводил на эстонский язык *поэзию* (или «творчество») Бунина. Однако кроме эстонского перевода стихотворения «Цветные стекла» («Люблю цветные стекла окон...») другие переводы Шумакова из бунинской поэзии неизвестны.

¹³ «Якорь» — антология зарубежной поэзии, составленная Г.В. Адамовичем и М.Л. Кантором и выпущенная берлинским издательством «Петрополис» в 1936 г. В антологию вошли произведения 77 поэтов из стран Центральной и Восточной Европы, а также из Китая. Это были стихотворения как маститых авторов вроде Д.С. Мережковского, Вяч.И. Иванова, И.А. Бунина, В.Ф. Ходасевича, М.И. Цветаевой, Игоря Северянина, так и молодых: А.П. Ладинского, Д. Кнута, В.А. Мамченко, Э.К. Чегринцевой, Т.Д. Ратгауз, Ю.П. Иваска, Г.П. Струве, З.А. Шаховской, С.Ю. Прегель, В.В. Сирина-Набокова и др. Шумаков был представлен в «Якорь» тремя стихотворениями (см. предисловие).

¹⁴ Шумаков, видимо, не знал, что отношения между Буниным и Зуровым были далеко не безоблачными. См. об этом: «Дорогой Еруслан», «Дорогой Бова», «Милый, милый Ленья»: Переписка И.А. Бунина с Зуровым. Часть II (1933–1953) / Вступ. ст. И. Белобровцевой; публ. И. Белобровцевой и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2. М., 2010. С. 179–224.

¹⁵ В фонде Зурова в ДРЗ этой программки не оказалось.

¹⁶ *Отс* (Ots) Георг Карлович (1920–1975) — эстонский оперный и эстрадный певец (лирический баритон). Народный артист СССР (1960), лауреат двух Сталинских (1950, 1952) и Государственной премии СССР (1968).

¹⁷ *Банников* Николай Васильевич (1918–1996) — поэт, переводчик, составитель множества поэтических сборников, антологий. Член редколлегии, заместитель главного редактора еженедельника «Литературная Россия». В своем письме к Зурову от 16 июня 1965 г., которое, по-видимому, было вложено в тот же конверт, что и шумаковское послание, Банников предлагал Зурову напечатать в «Литературной России» «заметки или воспоминания об Иване Алексеевиче» и интересовался «судьбой последних писаний Веры Николаевны» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 28. Л. 19–19 об.). Зуров в ответ прислал

Банникову «любезное письмо» и несколько работ «с прибавлением воспоминаний Веры Николаевны о “Нобелевских днях”» (см. письмо Н.П. Смирнова к Зурову от 22 апреля 1966 г.: Там же. Карт. 2. Ед. хр. 105. Л. 25). Однако эти материалы в «Литературной России» опубликованы не были.

2

19 августа 1965 г. Таллин

Дабы и Вы, дорогой Леонид Федорович,

в какой-то мере извинили меня за недопустимо медлительный отклик на Ваше письмо, расскажу о том, где я побывал за эти месяцы: начав свой путь с Москвы, где у меня было много дел и встреч, я держал путь на Ярославль. Это, в сущности, русская Италия... Какой расцвет искусства... XVII–XVIII век... Здесь, навещая Илью¹ и Предтечу², любясь Рождеством³ и Николомокринским храмом⁴, входя в Спас на Городу⁵ и Николу Надеина⁶, бродя по переходам Спасского м^{онасты}ря⁷, вспоминал Вас и думал, что Вам как зодчему была бы очень по душе такая прогулка. Метеор (60 км в час) домчал меня по Волге до Нижнего. Здесь много радости дал Кремль, побывал в храме, где покоится Минин⁸.

Пароходом — до Саратова. В этом городе имел много славных эмоций... При-
сутствовал на открытии моста через Волгу. Это самый большой мост во всей Ев-
ропе⁹.

Затем был на 80-летию Саратовской картинной галереи¹⁰. Если помните — ос-
новал ее Боголюбов — внук Радищева. В этом *первом* в России — после Петер-
бурга и Москвы — городе — столице Поволжья — было создано собрание картин
80 лет тому назад. Любовно собирал картины в Париже Боголюбов, откликну-
лись и многие русские художники, пожертвовавшие свои произведения Саратову.
Местные уроженцы Борисов-Мусатов и мн^{огие} др^{угие} богато представлены
в картинной галерее.

Навещал я в Саратове Оперный¹¹. Состав славный. В «Искателях жемчугов»
порадовал отличный тенор Арбузов (лауреат международных конкурсов).

После Саратова — Камышин. Здесь гастролировала Волгоградская музкоме-
дия¹². Царицынские певцы также неплохи, красочный балет.

По железной дороге вернулся в Москву. Здесь, как и всегда, навестил Вознесе-
нье в селе Коломенском¹³, побывал в Савва-Сторожевском м^{онасты}ре¹⁴. Очень
мил театр миниатюр — здесь идут талантливо оформленные пародии¹⁵.

Из Москвы — в Новгород Великий. И вот тут-то, в Юрьевом м^{онасты}ре¹⁶,
у Спаса в Нередице¹⁷, в Спасе на Ильине¹⁸, рассматри^{ва}я Пантократа¹⁹ в купо-
ле, я вспоминал давние времена, лето, Печеры, нашу встречу. Вашу самоотвер-
женную работу по реставрации Николы Ратного, вспоминал и Коку А^{ндре}ева²⁰.
Приходил на ум и Ревель-Таллин, где мы также встречались и говорили пре-
имущественно о зодчестве. Ведь и у меня есть склонность к этому прекрасному
искусству, вот отчего я так часто навещаю древние места. После воссоединения
Эстонии с Россией мы получили возможность навещать такие зовущие места,

как Углич, Переславль-Залесский, Ростов Великий, Борисоглебск, Романов²⁰, Новгород и т. д.

Фотографии Ваши показывала мне Ир. Бор. (Ирина Константиновна Борман). Она ведь писала стихи и также встречалась с Вами.

На меня в свое время огромное впечатление произвели не только Ваши литературные произведения, но и статьи об искусстве, особенно опубликованная в «Нови» о Печорах²¹. Помню, как она мило была иллюстрирована и с каким интересом она читалась у нас в Эстонии. Наши этнографы Вас помнят и знают Ваши работы.

Я думаю, что о Борисе Вильде²² <так в оригинале> — моем соученике по Русской гимназии в Тарту (Юрьеве), имя которого теперь широко известно (как о погибшем от руки гитлеровцев²³ о нем писал Любимов²⁴ — «На чужбине» и в журнале «Огонек» и т. п.). Но ведь я знал Борю как поэта, мечтателя, большого поклонника этнографии. Он и в 1937 г., навестив Эстонию, заходил к нам²⁵. Помнится, говорили и о Вас.

Л.Н. Афонин относится к Вам с большим уважением, я рассказывал ему о встречах с Вами, о том, какого высокого мнения был о Вас незабвенный Иван Алексеевич, о Ваших литературных произведениях. Н.П. Смирнова я знаю, он также говорил мне о Вас светло.

Меня порадовало Ваше письмо. Вы сообщаете о том, что Иван Алексеевич Бунин рассказывал Вам обо мне и моих переводах из его творчества. Это, конечно, меня очень радует.

Теперь, когда я переслал Вам № «Москвы»²⁶, Вы имеете некоторое представление о моей прежней деятельности.

Я полагаю, что у Вас не сохранился журнал с опубликованной в Эстонии работой Вашей о реставрации²⁷ — я хотел бы Вас порадовать и добыть этот №. Нелегко это, но, б<ыть> м<ожет>, и удастся.

Ясно, что «Якоря» не достать²⁸. В нем было два моих стихотворения²⁹.

Если у Вас будут какие-нибудь издания и Вас не затруднит — пошлите мне.

Сейчас я много работаю и, как только выйдет какая-либо интересная работа — послал бы Вам с радостью.

О том, что Вас интересует из выходящей литературы у нас, пишите — я постараюсь Вам послать. Книг, правда, выходит множество, их мгновенно раскупают.

В свое время я читал многое из произведений авторов, сотрудничавших в «Современных записках». Журнал этот, конечно же, был весьма добротным.

В войну у меня все сгорело, т<ак> ч<то> не уцелело ничего. Так жаль, например, книг с дарственными надписями от Ивана Бунина, сборников стихотворений Игоря Северянина с его посвящениями³⁰ и мн<ого>, мн<ого> другого.

Желаю Вам всего светлого! Пишите. Теперь я уже «напрочно» в Таллине и сразу же отвечу Вам.

Искренне Ваш Юрий Шумаков

[На л. 1 в правом поле:] Часто бывал во Пскове: Спасо-Мирожский...³¹ Снетогорский...³² Троицкий...³³

*М.В. Карамзина. Конец 1930-х гг.
НИОР РГБ. Ф. 693. Карт. 1. Ед. хр. 12. Л. 1*

*В.В. Шмидт. 1930-е гг.
НИОР РГБ. Ф. 693. Карт. 1. Ед. хр. 7. Л. 1*

[На л. 10 об. в правом поле:] 19 авг. 1965 Преображенье

Р. Р. С. Итак, я направляю Вам это письмо. Что могу — пришлю Вам, буду в свою очередь Вам очень признателен, если сможете что-либо направить мне из того, что, на Ваш взгляд, может быть для меня интересно, что я смогу в дальнейшем также в какой-то мере использовать для своих работок. Особенно меня интересует, конечно, творчество Бунина. Сейчас у нас готовится новое издание³⁴. Надо Вам сказать: <нрзб.> ведь яко наг — яко благ... Все эта проклятая война. О том, что случилось с Карамзиной³⁵, не ведаю, в Тарту жива одна девушка³⁶, у нее также есть письма Ив<ана> Ал<ексеевича>, но она бережет их как зеницу ока и никуда не отдает этот материал. Там есть и редкостные фото и т. п. Я считаю это неправильным — она могла бы дать сделать музею фотокопию. Но вопрос деликатный, сугубо личный³⁷.

Скажу одно — музей в Орле очень ценный.

Я послал свои воспоминания, записи рассказа Игоря Северянина о его юношеских годах, проведенных в Череповце, в местный музей³⁸. В череповецкой газете опубликовал статью — воспоминания³⁹ и в ней печатаю отрывки из поэмы «Роса оранжевого часа», где поэт рассказывает о Череповце в начале века⁴⁰. На эти публикации имею отклики. В свое время получал письма — отзывы на фрагмент из воспоминаний о Бунине. У меня записано много со слов Ив<ана> Ал<ексеевича>. Кое-что напечатал и в Орле. Жму руку. <нрзб.>

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 124. Л. 7–11 об. Автограф, ручка, черные чернила. Датировка авторская.

¹ Церковь Ильи Пророка в Ярославле построена в 1647–1650 гг. на средства купцов братьев Скрипиных. Один из наиболее полно и хорошо сохранившихся памятников ярославского зодчества.

² Церковь Иоанна Предтечи в Толчкове построена в 1671–1687 гг. Одна из самых красивых церквей Ярославля. Рекомендована ЮНЕСКО для показа туристам.

³ Церковь Рождества Христова построена в 1636–1644 г. на средства купцов Назарьевых-Гурьевых.

⁴ Храм Николы Мокрого построен в 1665–1672 гг. на средства купцов А. Лузина и А. Лемина и посадских людей Ф. Выморова и С. Тарабаева. Одно время был одним из самых больших храмов Ярославля. Сильно пострадал по время Ярославского восстания 1918 г. Был закрыт, использовался как склад. В 1992 г. возвращен Русской православной церкви, в 2002 г. возобновлены богослужения.

⁵ Церковь Спаса на Городу построена в 1672 г.

⁶ Церковь Николы Надеина построена в 1622 г. по инициативе и на средства купца Е.А. (Надеи) Светешникова (?–1646). Считается, что именно с нее началась ярославская школа русского зодчества.

⁷ Спасский (Спaso-Преображенский) монастырь основан во второй половине XVII в. для защиты подступов с запада к Ярославскому кремлю у переправы через реку Которосль. На территории монастыря расположен Спасо-Преображенский собор — место упокоения ярославских удельных князей.

⁸ Имеется в виду Михаило-Архангельский собор (храм Архангела Михаила), построенный в 1628–1631 гг. Пострадал во время пожара в Нижегородском кремле 1704 г. В 1920-х гг. закрыт, с 1962 г. филиал Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника, в том же году в храм был перенесен прах Козьмы Минина (?–1616). В 2000 г. Михаило-Архангельский собор передан Церкви.

⁹ Автомобильный мост через Волгу между Саратовом и Энгельсом был открыт для движения 10 июля 1965 г. Протяженность моста — 2825,8 м.

¹⁰ Имеется в виду Саратовский художественный музей имени А.Н. Радищева — первый общедоступный художественный музей в русской провинции. Открыт 29 июня (11 июля) 1885 г. по инициативе Алексея Петровича Боголюбова (1824–1896) — военного моряка, живописца, ученика И.К. Айвазовского, профессора Российской академии художеств, просветителя, мецената. В основе экспозиции — дары А.П. Боголюбова; имеются работы В.Л. Боровиковского, К.П. Брюллова, В.Г. Перова, И.Е. Репина, В.И. Сурикова, А.Н. Бенуа, В.Э. Борисова-Мусатова, И.К. Айвазовского, О.А. Кипренского, А.А. Иванова, И.И. Шишкина, И.П. Кончаловского, Э.М. Фальконе, Ф.С. Рокотова, К.С. Петрова-Водкина, К.С. Малевича и др.

¹¹ Саратовский академический театр оперы и балета — один из старейших в Поволжье и вообще в России — основан в 1803 г.

¹² Волгоградский (первоначально Сталинградский) театр музыкальной комедии создан в 1932 г. В 1960–70-х гг. основой репертуара были классические и современные оперетты. С 1995 г. носит название Волгоградский муниципальный музыкальный театр, с 2000 г. в репертуар включаются оперные спектакли.

¹³ Церковь Вознесения Господня в селе Коломенском — летней резиденции московских великих князей и царей — построена в 1532 г., ознаменовала начало каменного шатрового зодчества на Руси.

¹⁴ Саввино-Сторожевский монастырь основан в 1398 г. под Звенигородом, на берегу реки Москвы, на горе Стороже преподобным Саввой, звенигородским чудотворцем, уче-

ником Сергия Радонежского по просьбе звенигородского князя Юрия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского.

¹⁵ Московский театр миниатюр (не путать с Ленинградским государственным театром миниатюр под руководством А.И. Райкина) с 1959 г. работал в саду «Эрмитаж». Ныне в этом здании — театр «Эрмитаж».

¹⁶ Новгородский Юрьев мужской монастырь — древнейшая русская обитель — основан в 1030 г. Ярославом Мудрым на левом берегу реки Волхов, в устье Князева ручья. На территории монастыря возведено восемь храмов. Самый грандиозный — собор во имя великомученика Георгия — один из лучших образцов русского зодчества XII в. Во время Великой Отечественной войны немцы безуспешно пытались взорвать его.

¹⁷ Церковь Спаса на горе Нередице построена в 1198 г. Ярославом Мудрым. Исключительный интерес представляет внутренняя роспись. В 1941–1943 гг. в результате планомерных артобстрелов превращена в руины. Частично восстановлена после войны.

¹⁸ Церковь Спаса Преображения на Ильине построена в 1374 г., один из наиболее выдающихся памятников новгородского зодчества XIV в. Фресковая роспись создана в 1378 г. Феофаном Греком.

¹⁹ Правильнее — Пантократор (греч. Pantokrator — всесильный, всемогущий, вседержитель) — одно из имен Иеговы, означающее всемогущество, славу и беспредельное величие Бога, его владычество над всем творением. При переводе библейских текстов на греческий этим именем заменялось имя Саваоф.

²⁰ Правильнее: Романов-Борисоглебск. С 1918 г. и поныне — город Тутаев Ярославской области.

²¹ См. примеч. 2 к письму 1.

²² Вильде Борис Владимирович (1908–1942) — поэт, прозаик, журналист, ученый-этнолог. В 1917–1930 гг. жил в Эстонии, учился на физико-математическом факультете Тартуского университета. Как член «Юрьевского цеха поэтов» участвовал в сборниках «Новь» под псевдонимом А. Дикий. В 1930 г. уехал в Германию, в 1932 г. — во Францию. С 1937 г. сотрудник парижского Этнографического музея (Музея человека). В 1939–1940 гг. служил во французской армии. После капитуляции Франции организовал один из первых отрядов французского Сопротивления. Нелегально издавал газету «Резистанс» («Résistance»). В 1941 г. арестован нацистами, расстрелян.

²³ Сверху на листе приписка рукой Шумакова: «Работал в Музее человека».

²⁴ Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976) — историк, искусствовед, переводчик, журналист, общественный деятель. В эмиграции с 1919 г. Жил в Болгарии, Германии, Франции. Сотрудничал в ряде эмигрантских изданий, в том числе в газетах «Возрождение», «Советский патриот». После Второй мировой войны был одним из руководителей Союза советских граждан в Париже. В 1947 г. выслан из Франции. Жил в Сибири, затем в Москве, сотрудничал в советских периодических изданиях, в Совинформбюро. Автор книги воспоминаний «На чужбине» (М., 1963).

²⁵ В 1937 г. Б.В. Вильде участвовал в зуровской экспедиции в Печоры и Изборск. По свидетельству Зурова, Вильде приехал в Печорский край после него и «взял на себя обследование сетских (правильнее: сетуских. — А. Б.) деревень» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1 Карт. 1. Ед. хр. 9. Л. 31). В Тарту он приезжал по делам экспедиции.

²⁶ Шумаков имеет в виду № 11 журнала «Москва» за 1964 г. со своим очерком «Иван Бунин в Тарту».

²⁷ Имеется в виду статья Зурова «Из истории церкви Николая Ратного в Печорском монастыре» в № 8 «Нови».

²⁸ «Якорь» и впрямь стал библиографической редкостью.

²⁹ На самом деле в «Якоре» было напечатано три стихотворения Шумакова. См. предисловие.

³⁰ Среди уцелевших книг с дарственной надписью Северянина Шумакову — «роман в строфах» «Рояль Леандра» (Бухарест, 1935): «Милому Юрию Дмитриевичу Шумакову с запоздалой ласковостью. Автор. 1941 г.»

³¹ Псковский Спасо-Преображенский Мирожский монастырь построен в 1155–1156 гг. по инициативе архиепископа Новгородского Нифонта. Стал первым центром летописания во Пскове. Считается, что здесь был выполнен один из списков Слова о полку Игореве.

³² Дата основания действующего женского Рождества Пресвятой Богородицы Снетогорского монастыря в точности неизвестна. Первое летописное упоминание о нем относится к XIII в. Первоначально был мужским. Здесь был центр летописания на Псковщине, работала иконописная мастерская, колоколотейное производство. Монастырская святыня — икона Знамени Пресвятой Богородицы.

³³ Собор Святой Живоначальной Троицы построен в 1682–1699 гг. Семиярусный иконостас выполнен в конце XVII — начале XVIII в. В этот период был усыпальницей псковских архиереев. В 1852 г. был открыт позолоченный центральный купол собора. В 1901 г. совершено полное освящение собора. В 1935 г. храм был закрыт, в 1938 г. в нем был учрежден антирелигиозный музей. В годы Великой Отечественной войны богослужение возобновилось с разрешения немецких оккупационных властей. Храм стал центром возрождения русского национального самосознания. В 1946 г. собор был заново освящен патриархом Алексием I.

³⁴ Имеется в виду бунинское 9-томное Собрание сочинений (М., 1965–1967). О подготовке этого издания Зуров в подробностях знал из писем к нему А.К. Бабореко (см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 34).

³⁵ *Карамзина* Мария Владимировна (урожд. Максимова, в первом браке Гримм; 1900–1942) — поэтесса, писательница, эссеистка. С 1927 г. жила в Эстонии — сначала в Тарту, затем в шахтерском поселке Кивиыли. В 1937–1940 гг. переписывалась с Буниным, в 1938 г. встречалась с ним в Тарту. Во многом именно при моральной поддержке Бунина Карамзина выпустила свой единственный сборник стихов «Ковчег» (Нарва, 1939). В 1941 г. как жена «белоэмигранта» и «врага народа» была сослана с детьми в спецпоселок Волково Васюганского района. Ее муж В.А. Карамзин (1885–1941) как бывший белый офицер был расстрелян НКВД. Письма Бунина к Карамзиной, а также фотопортреты писателя и вырезки из эмигрантских газет с его публикациями хранятся в НИОР РГБ (Ф. 693. Карт. 1. Ед. хр. 2, 5, 8). Письма эти опубликованы в 84-м томе «Литературного наследства» (Кн. 1. С. 663–687). Письма Карамзиной к Бунину хранятся в РАЛ (MS. 1066/7216). Шумаков до конца жизни испытывал непонятную неприязнь к Карамзиной. Так, в очерке «Звезда над Прибалтикой» он довольно зло и бестактно писал: «Бунин и вообще-то был окружен в Прибалтике разного рода дамами типа М.В. Карамзиной, стремившимися добиться с помощью писателя отзыва на свои литературные опусы» (*Шумаков Ю. Звезда над Прибалтикой*. С. 27). В этих строках — по крайней мере по отношению к Карамзиной — содержится прямая клевета: Карамзина никогда, выражаясь словами Шумакова, не стремилась «добиться с помощью писателя отзыва на свои литературные опусы». Наоборот, это Бунин подсказывал ей, в какие издания следует обратиться, чтобы получить отзывы, сам же он, насколько известно, не оказывал никакого давления на потенциальных рецензентов и напрямую о положительных отзывах на произведения Карамзиной не просил.

³⁶ Имеется в виду *Шмидт* Вера Владимировна (1915–2000) — поэтесса, мемуаристка, педагог. В 1930-х гг. — студентка Тартуского университета (окончила философский и историко-филологический факультеты). В 1937–1944 гг. переписывалась с Буниным, в 1938 г. встречалась с ним в Тарту. После войны работала в одной из тартуских школ учительницей русского языка и литературы, более 25 лет руководила русским литературным объ-

единением при Тартуском отделении Союза писателей Эстонии. В 1991 г. в таллинском издательстве «Александра» был выпущен единственный сборник ее стихов «В пути».

³⁷ Письма Бунина к В.В. Шмидт были опубликованы в 1973 г. в 84-м томе «Литературного наследства» (Кн. 2. С. 331–340). В 1974 г. Шмидт передала эти письма в НИОР РГБ, где они хранятся и ныне (Ф. 429. Карт. 4. Ед. хр. 16).

³⁸ Шумаков, скорее всего, имеет в виду Череповецкий историко-краеведческий музей (основан в 1896 г.), так как Литературный музей-усадьба Игоря Северянина в деревне Владимировке под Череповцом был открыт только в 1996 г.

³⁹ Шумаков, видимо, имеет в виду свою статью «“Череповец, уездный город”: Из воспоминаний об Игоре Северяnine» (Коммунист (Череповец). 1965. 6 июня). См.: Киви О. Эстонская художественная литература, фольклор и критика на русском и других языках народов СССР. 1976–1980: Библиографический указатель. Таллин, 1986. С. 354.

⁴⁰ Поэма «Роса оранжевого часа» была написана и опубликована Северяниным в 1925 г. в Тарту. Хронологически это первая часть автобиографического лироэпического триптиха, в который входят также поэмы «Падающая стремнина» (1922) и «Колокола собора чувств» (1925). В «Росе оранжевого часа» повествуется о детстве, отрочестве и юности автора, о разрыве между родителями, об отъезде с отцом, отставным штабс-капитаном В.П. Лотаревым, в Череповецкий уезд, относившийся в то время к Новгородской губернии (1896), затем в Порт Дальний (1903) и о возвращении к матери в Гатчину (1904).

Эмигрантская критика встретила эту поэму прохладно. Например, Г.В. Адамович в парижской газете «Звено» писал: «В Эстонии вышли две книжки Игоря Северянина. Помечены они 1925 годом. Названия их довольно причудливы: “Роса оранжевого часа” и “Колокола собора чувств”».

Но только названия в них и причудливы. Содержание обыденно до крайности. Это две поэмы: одна, “поэма детства” — рассказ о первых годах жизни автора; вторая — повествование об его литературных и декламаторских успехах. Все это изложено четырехстопным ямбом, небрежным и неуклюжим. Язык плоский и бессильный. Так сочиняют “романы в стихах” великовозрастные институтки. Так в былое время в министерстве какой-нибудь чиновник писал сатиру на сослуживцев и начальство, ходившую по рукам и возбуждавшую восторги. К литературе и к искусству это имеет отношение только приблизительное.

Кое-где сказывается все-таки дарование Северянина, в особенности, — как это ни странно, — в его упоминаниях о России, очень простых, тоскливых и, кажется, искренних. Нет-нет, да и послышится тот соловьиный голос, к которому лет пятнадцать назад прислушивались, насторожась, и Сологуб, и Брюсов, и Гумилев. Но Северянин сорвал свой голос, а кроме голоса у него ничего никогда и не было. Писатель он никакой, и там, где он пускается в “беллетристические картины”, он напоминает Брешко-Брешковского, в лучшем случае. Совсем слабо.

Поклонников Северянина обе поэмы, вероятно, разочаруют. Ни эксцессов, ни дюшесов, ни королев и принцесс не осталось и следа. Все серо и бедно в его новых поэмах. Некоторые строчки, впрочем, еще способны возбудить былые восторги. Например:

Твои каштановые кудри,
Твои уста, твой гибкий торс
Напоминают мне о Лувре
Дней короля Луи Каторз.

Эта строфа не совсем благополучна по части истории. Но поклонников Северянина такие пустяки не смутят» (Адамович Г. Литературные беседы // Звено (Париж). 1925. 16 марта. № 112. С. 2).

После 24 сентября 1965 г. Таллин

Я послал Вам, дорогой Леонид Федорович, несколько писем, но отклика не имею.

В одном из них я подробно рассказывал о памятниках русского зодчества, которые я имел радость видеть этим летом.

Одно из писем Вы, видимо, получили, это где были строки Б<анникова>.

Я часто Вас вспоминаю. Просматривая старые материалы, то и дело встречаю Ваши рассказы, статьи и т. п.

Недавно закончил воспоминания о *Дмитрии Смирнове*¹, работаю над мемуарным этюдом о встречах с Богдановым-Бельским². Там очень много о Печорах. Художник в свое время рисовал мой портрет³.

Да, Вы сообщили, что послали мне свое произведение, к сожалению, до сих пор я не получал ничего.

Был недавно в Москве, тепло вспоминали о Вас в беседе с *Николаем Павловичем*⁴.

Мне рассказали, что парижская газета «Русские новости» (№ 1055, 3 стр. «Другими, не нами, без нас» Е. Х.⁵ и № 1058 стр. 5 «Неизвестный Северянин»⁶) откликнулась на мой мемуарный этюд об Игоре Северяnine⁷. Сообщили мне, что Е. Х. — Евгений Сергеевич Хохлов⁸, мой отец когда-то в Петербурге встречался с ним.

Мне хотелось бы очень иметь что-либо из Вашего.

В Таллине Вас светло вспоминает И.К. Борман.

Написал я по-эстонски об Ив. А. Бунине⁹.

Собираюсь на Новый год в Ленинград, буду вскоре в Москве.

Откликнитесь!

Искренне Ваш *Юрий Шумаков*

P. S. Помните ли Вы свои выступления:

1. в «Перезвон<ах>» 1928 г. «Моск<овское>»...¹⁰

2. «Выручка»¹¹ в № 35, 1927

3. «Тот уголок»¹² в № 32

На стр<аницах> «Сегодня»...¹³

Мне было интересно всегда читать Ваши рассказы, я люблю Ваш стиль.

Кроме того, работа о Печерах!

В «Нови». Помню, были добрые иллюстрации. Между прочим, мы с Вами печатались одновременно: Ваш рассказ о реставрации Николы Ратного, там же и мои стихотворения¹⁴.

Я закончил воспоминания (обе работы) 1. о Дмитрие Смирнове, 2. о Богданове-Бельском.

Мелькает у меня мысль, не послать ли их в «Русские новости». Ибо это представляет собой интерес и для русских за рубежом.

Очень я любил Богданова-Бельского. Много встреч.
 Ну, а Дмитрий Смирнов...
 Б<огданов>-Б<ельский> рисовал меня в Печерах на Св<ятой> горе¹⁵.
 Черкните вскоре. Хотелось бы очень иметь Вашу книгу.

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 124. Л. 18–20 об. Автограф, ручка, светло-синие чернила. Датировано по содержанию.

¹ См.: Шумаков Ю.Д. Великий русский вокалист // Избранное. С. 154–161. Смирнов Дмитрий Алексеевич (1882–1944) — певец (тенор). До революции солист Большого и Мариинского театров. С 1920 г. в эмиграции. Часто выступал в Эстонии, в 1932 г. получил эстонское гражданство, в 1937–1940 гг. жил в Таллине. Похоронен в Риге.

² См.: Он же. Певец русских детей // Там же. С. 147–153. Богданов-Бельский Николай Петрович (1868–1945) — художник, ученик И.Е. Репина, действительный член Российской академии художеств. В 1921–1944 гг. жил в Риге.

³ Эта история очень литературно, и скорее всего не слишком правдиво, рассказана Шумаковым в очерке «Певец русских детей» (странно, что автор замалчивает свой тогдашний возраст): «Детство я провел в эстонском университетском городе Тарту и летом часто бывал в Печерском крае, входившем в те годы в состав Эстонии. Любимым местом моих игр и прогулок был живописный Псково-Печерский монастырь...

Однажды июльским полднем, проходя через древние ворота монастыря, я обратил внимание на немолодого уже человека, расположившегося в тени вечных берез. Мольберт, складной стульчик, кисти, ящик с красками... Все эти атрибуты художника были мне не вновь. Я уже встречал десятки живописцев, рисовавших Печеры. Но в лице и во всем облике этого человека было что-то особенно глубокое, выделявшее его среди множества других...

Незнакомец рисовал старика-нищего, гревшегося на солнцепеке у самого входа в обитель. Почувствовав, что дальше глазеть просто неприлично, я перебежал через дорогу и стал отсюда наблюдать за художником и его моделью. <...>

Мои маневры не остались незамеченными художником, лицо его озарилось улыбкой. Он тихонько поманил меня к себе...

— А я пишу не только стариков, но и детей, — сказал он приветливо. И, окинув меня долгим взглядом, после некоторого раздумья добавил, что хотел бы меня нарисовать.

Работа подошла к концу, и художник отправился меня провожать, чтобы переговорить с моими родителями. Мы подошли к дачному поселку. Оказалось, что художник когда-то встречался с моим отцом. После ухода гостя родители сказали мне, что этот с первого взгляда полюбившийся мне «дядя Коля» — знаменитый художник, академик Николай Петрович Богданов-Бельский, и что он просил разрешения писать меня.

На следующее утро, задолго до назначенного художником часа, я поспешил к месту нашей встречи. <...>

Задумавшись, я не заметил, как появился художник.

Богданов-Бельский подошел ко мне, поздоровался. «А там — Россия», — сказал он, кивнув в сторону границы. В голосе его прозвучала неподдельная печаль.

Я стал всматриваться вдаль. День был на диво ясен, и мне показалось, что на горизонте — высокий купол. Я сказал об этом художнику. Он заметил: «Это главы Троицкого собора. Отсюда рукой подать до Пскова».

Николай Петрович внимательно оглядел меня. <...>

Мы пошли к намеченному художником месту, и он принялся меня рисовать. Николай Петрович, почувствовав, что я интересуюсь русской историей, сумел заворожить меня своими рассказами о Печорах. Я сидел не шевелясь (что и требовалось художнику), боясь пропустить хотя бы одно слово, и не заметил, как прошел сеанс. <...>

Мой портрет, так же как и многие другие картины Богданова-Бельского, вскоре уплыли за океан... Приобрел его американский миллионер-турист, скупавший в окрестных селах пузатые медные самовары, висячие лампы, старинные иконы...» (Шумаков Ю.Д. Избранное. С. 147–149).

⁴ Имеется в виду Н.П. Смирнов. См. примеч. 5 к письму 1.

⁵ См.: Е. Х. «Другими, не нами, без нас...»: Судьба Игоря Северянина // Русские новости (Париж). 1965. 3 сент. № 1055. С. 4.

⁶ В библиотеках Москвы данный номер «Русских новостей» отсутствует, однако точно известно, что он вышел 24 сентября 1965 г.

⁷ Имеется в виду статья: Шумаков Ю. Игорь Северянин на чужбине // Родина (Москва). 1965. № 4. Июль – август. С. 22–23.

⁸ Хохлов Евгений Сергеевич (1890–1971) — прозаик, поэт-сатирик, публицист, мемуарист. В эмиграции жил в Париже, сотрудничал в еженедельнике «Иллюстрированная Россия». С 1947 г. секретарь редакции журнала «Русская мысль», в том же году вышел из парижского Союза русских писателей и журналистов в знак протеста против исключения из союза его членов, принявших советское гражданство. В середине 1950-х гг. сам принял советское гражданство, вернулся в СССР. Сотрудничал в просоветской газете «Русские новости» (Париж). По-видимому, Шумаков не знал, что Е.С. Хохлов в 1960-е гг. уже находился в Москве.

⁹ Известны два очерка Шумакова о Бунине на эстонском языке: *Šumakov J. Ivan Bunin Tartus // Keel ja kirjandus* (Tallinn). 1963. № 9. Lk. 558–560; *Ibid. Bunin Baltikumis // Looming* (Tallinn). 1981. № 1. Lk. 125–132. Возможно, в письме Шумаков говорит о некоем «промежуточном» тексте.

¹⁰ Зуров Л. Московское // Перезвоны (Рига). 1927. № 28. Январь. С. 896–897.

¹¹ Он же. Выручка // Там же. № 35. Август. С. 1114–1120.

¹² Он же. Тот уголок земли... // Там же. № 32. Май. С. 997–999.

¹³ В рижской газете «Сегодня» Зуров печатался в 1931–1940 гг., нечасто. См.: Зуров Л. Латгалия // Сегодня (Рига). 1931. 14 мая. № 133. С. 4; Он же. Средиземное море // Там же. 28 июня. № 176. С. 5; Он же. Последний вечер: Рассказ // Там же. 1932. 3 апр. № 93. С. 93; Он же. Увоз: Латгальская история // Там же. 1935. 14 февр. № 45. С. 3; Он же. Короткая любовь: Из старинных рассказов // Там же. 19 апр. № 109. С. 4; Он же. Степан // Там же. 1937. 19 дек. № 348. С. 4; Он же. Игумен Корнилий: Из Печерских впечатлений // Там же. 1938. 25 дек. № 356. С. 2; Он же. Живые воды: На боевых могильниках Изборска // Там же. 1939. 24 дек. № 355. С. 4; Он же. Обитель // Там же. 1940. 11 февр. № 41. С. 4. Переписка Зурова с редакцией «Сегодня» хранится в Латвийском государственном историческом архиве (Ф. 3283) в Риге. Частично она опубликована в пятитомном труде Ю. Абызова, Б. Равдина и Л. Флейшмана «Русская печать в Риге: из истории газеты *Сегодня* 1930-х годов» (В 5 кн. Stanford, 1997. Кн. 2. С. 135–158; Кн. 4. С. 105–109).

¹⁴ Шумаков ошибается: его стихи в № 8 «Нови» не появлялись. В этом сборнике у него были следующие публикации: оригинальное стихотворение «По груде камней ветхих дóсера...» (1933. № 5. С. 17) и переводы с эстонского из Г. Суйтса (1883–1956) «К ребенку» («Твой звонкий смех нарушил строгость грусти...») и «Начало — конец» («Вникайте: в дрожании твердь...») (1934. № 6. С. 74).

¹⁵ В очерке «Певец русских детей» о такой детали упоминания нет.

27 января 1966 г. Таллин

Благодарю Вас за добрую весточку, дорогой Леонид Федорович, я рад узнать: Вы все же получили мои письма, я же, увы...

В январе месяце я побывал в Москве. Навестил Польскую выставку¹. Очень своеобразна выставка Федотова². Много набросков с очень оригинальными надписями: Федотов многогранно талантливый человек.

В Ленинграде я побывал в музее Бродского³. Здесь собрана богатейшая коллекция. Портрет Шаляпина в роли Мефистофеля (работы Головина), Рябушкин, Сомов, Врубель, целая стена *Кустодиева*, Шагал, Юон («Псков»), Рерих («Ростов»). То, что Вы пишете о <нрзб.>, — соответствует истине. Вы, вероятно, помните альбом к 450-летию обители⁴, где были работы Богданова-Бельского и, особенно, С. Виноградова⁵. Этих художников я знал и любил. 8 декабря <19>68 г. исполняется 100 лет со дня рождения Николая Петровича. Мне хотелось бы организовать выставку, посвященную Б<огданову>-Бельскому. Я попытаюсь добыть посланную Вами мне в подарок книгу⁶.

В Москве виделся со многими братьями по перу. Был у сына Н.Д. Телешова — Андрей Николаевич⁷ хранит много ценных рукописей, интересны и его материалы по Ивану Алексеевичу. Очень много ценного о Шаляпине. (Знаете ли Вы их адрес?)

В Ленинграде я слушал мессу Моцарта в исп<олнении> Капеллы. Побывал и в гостях у Вс. А. Рождественского⁸. Видимо, выйдет П^{ое} издание его мемуаров⁹.

Мне очень хотелось бы иметь издание Гумилева. (В парижской газете я прочитал о том, что книга вышла¹⁰.)

Как только выйдут в свет мои воспоминания о Богданове-Бельском и С. Виноградове, я непременно пошлю Вам.

Кроме того, мне хотелось бы Вас порадовать чем-либо из новинок наших.

Был в гостях у Алпатова¹¹. Говорили о книге воспоминаний о Ремизове.

Вы, вероятно, приняли участие в 85-летию Б. Зайцева...¹² Мне стыдно признаться, но сейчас у меня нет ни одной его книги... Впрочем, что же стыдно... война... Моя библиотека ведь сгорела. Правда, недавно произошел интересный случай, я получил письмо... Мне сообщили: если я хочу что-либо интересное узнать о Барбарусе¹³ (псевдоним Вареса — поэта, первого председателя Презид<иума> Верх<овного> Совета Эстонской ССР), то просят зайти по такому-то адресу...

Женщина, незнакомая мне, передала мне шесть сборников стихов с автографами и дружескими посвящениями И. Барбаруса мне. Книги эти попали к ней случайно, в дни войны.

Нахлынуло множество воспоминаний. Следовательно, в период оккупации моя квартира и уникальная библиотека была разграблена, а потом уже дом разбомблен.

Появилась полунадежда: б<ыть> м<ожет>, найдутся и другие книги (как гласит лат<инская> поговорка: у книг есть своя судьба), и в их числе бесконечно дорогие мне тома Ив<ана> Алексеевича с его милыми строками на память. Было же у меня много и другого, и автографы тех, кто бывал в буржуазной Эстонии — на

перепутье — с Востока и Запада. Были письма Марины Ивановны Цветаевой, из Москвы от Алексея Николаевича Толстого¹⁴, много парижских сувениров от тех поэтов, которых Вы близко знали.

В настоящее время в Таллине много интересных спектаклей. Кое-что делаю для Оперного.

Ваши приветы и поздравления передал И<рине> К<онстантиновне Борман>.

Задумал переводить немецкую поэзию. Вы, вероятно, не помните, что, кроме юридического факультета Тартуского университета, который я закончил в 1937 г. (в числе профессоров Д.Д. Гримм¹⁵, И.М. Тютрюмов¹⁶, Корсаков¹⁷, А.П. Мельников-Печерский¹⁸, <М.>А. Курчинский¹⁹ и т. п.), я закончил и германское отделение филологического факультета. В связи с этим я усовершенствовался в немецком языке, которым владел и в детстве.

Недавно в Л<енингра>де вышел в переводе на р<усский> яз<ык> сборник Р.-М. Рильке. Его творчеством я увлекался давно.

Хочется верить: буду иметь от Вас весточку, а также, б<ыть> м<ожет>, дойдут и книги.

Есть ли у Вас друзья-музыканты — (пианисты, певцы), прислал бы Вам кое-какие романсы и песни на мои слова.

Дружески Ваш Юрий Шумаков

Р. S. Да, был на Главном почтамте по поводу Ваших бандеролей.

Мне сказали, что справиться может отправитель, ведь у него на руках квитанции.

Здесь же, в Таллине, ничего об этом нельзя узнать. Вся корреспонденция, мол, доставляется адресатам.

Вчера здесь выступала певица Кира Изотова²⁰ — обладательница чудесной колоратуры. Голос не из сильных, типично камерный. Программа изысканная. Я уже в третий раз с удовольствием ее слушаю.

На днях гастролирует Аркадий Райкин²¹, у него в Таллине, так же как и повсюду, много поклонников.

На Вышгороде, рядом с лютеранским собором (где гробница адмирала Грейга, Крузенштерна, Понтуса и де ла Гарди [так!] и т. д.)²², я часто сижу в библиотеке.

Знаете ли Вы интервью И. Северянина о встрече с Буниным в 1938 г.²³ Написано своеобразно.

Не забывают!

Юрий Дмитриевич Шумаков

Таллин 22 Мичурина 13 кв. 43.

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 124. Л. 2–6 об. Автограф, ручка, светло-синие чернила. Датировано по содержанию.

¹ Имеется в виду одна из ежегодных выставок с участием «братских» социалистических стран.

² Имеется в виду Федотов Павел Андреевич (1815–1852) — русский живописец и график, поэт, композитор, офицер-гвардеец. Многие свои картины, начиная со «Сватовства

майора» (1849), сопровождал стихотворным объяснением их сюжетов. Сочинял стихи с детства, автор басен, элегий, «альбомных песен», романсов, которые сам перелagal на музыку, а также солдатских песен.

³ *Бродский* Исаак Израилевич (1883/1884–1939) — живописец, график, коллекционер, педагог, организатор художественного образования, один из зачинателей художественной ленинианы. В своей квартире на площади Искусств создал музей русского искусства конца XIX — начала XX в., где представлены произведения самых знаменитых художников этого времени. Сохранилась мемориальная обстановка, как бы воспроизводящая атмосферу 1920–30-х гг. Музей основан в 1939 г., открыт спустя 10 лет. Ряд картин, упомянутых в письме, в настоящее время является частью постоянной экспозиции Русского музея.

⁴ Имеется в виду Псково-Печерский монастырь. В 1929 г. в Риге под редакцией профессора Латвийского университета В.И. Синайского (1876–1949) была издана книга «Псково-Печерский монастырь: Общий исторический очерк». Материал для этого издания в большей степени был собран Зуровым в ходе его первой поездки в Печорский край в 1928 г., инициированной проф. В.И. Синайским (1876–1949) и художником С.А. Виноградовым.

⁵ *Виноградов* Сергей Арсеньевич (1869–1938) — живописец, график, педагог, действительный член Российской академии художеств. С 1924 г. и до конца своих дней жил в Риге. Организовал здесь частную художественную школу, провел ряд персональных выставок. Часто бывал в Псково-Печерском монастыре, который дал немало сюжетов для рисунков и картин художника.

⁶ О какой книге идет речь, неизвестно. Вероятно, Зуров послал Шумакову свой сборник «Марьянка» (Париж, 1958).

⁷ *Телешов* Андрей Николаевич (1899–1966) — искусствовед, фотохудожник, график, сын писателя Н.Д. Телешова, первый хранитель Мемориального кабинета Н.Д. Телешова в Москве, в котором собраны ценные материалы по истории русской культуры конца XIX — первой половины XX в.

⁸ *Рождественский* Всеволод Александрович (1895–1977) — поэт, переводчик, мемуарист, автор ряда оперных либретто, песен, член редколлегии журналов «Звезда» и «Нева», один из крупнейших переводчиков эстонской поэзии на русский язык.

⁹ Имеется в виду книга В.А. Рождественского «Страницы жизни: Из литературных воспоминаний». Первое издание — М.; Л., 1962. Второе издание вышло в Москве лишь в 1974 г.

¹⁰ Вероятно, Шумаков имеет в виду третий том 4-томного Собрания сочинений Н.С. Гумилева, которое в 1962–1968 гг. выпускало нью-йоркское «Издательство книжного магазина Victor Kamkin». Третий том вышел в 1966 г.

¹¹ *Аллатов* Михаил Владимирович (1902–1986) — искусствовед, профессор Московского художественного института имени И.В. Сурикова, специалист в области искусства Древней Руси, Древней Греции и Возрождения, автор 3-томной «Всеобщей истории искусств» (М.; Л., 1948–1955), действительный член Академии художеств СССР (1954), заслуженный деятель искусств РСФСР (1958), лауреат Государственной премии СССР (1974). Доводился двоюродным племянником А.М. Ремизову.

¹² Б.К. Зайцеву исполнилось 85 лет 10 февраля 1966 г. Письмо Шумакова, несомненно, написано до этой даты. Почему Шумаков пишет о юбилее Зайцева в прошедшем времени, неизвестно.

¹³ *Барбарус* (Barbarus) Йоханнес (псевд., наст. фам. Варес; 1890–1946) — эстонский поэт и государственный деятель, заслуженный писатель Эстонской ССР (1945). В июне 1940 г. председатель народного правительства Эстонской Республики, в 1940–1941 и 1945–1946 гг. председатель Верховного совета ЭССР.

¹⁴ Возможно, Шумаков здесь имеет в виду автографы писем, которые были адресованы не ему, а, например, Игорю Северянину. В одном из очерков о Северянине Шумаков цитирует письмо, посланное бывшему эгофутуристу А.Н. Толстым. «Как зеницу ока берег

Игорь Северянин письма Алексея Толстого, — пишет Шумаков. — Одно из них (посланное, очевидно, вскоре после возвращения Алексея Николаевича на Родину) я переписал в свой дневник: “Ты, Игорь, поэт Божьей милостью... Богата и многогранна наша литература. Но в хоре русских поэтов твой голос неповторим. Тебя исковеркала подлая российская действительность. Тебе мешало многое, в том числе и недостаточность образования, но в строках твоих нет-нет, да и сверкнет самоцветный камень. Ты талант самобытный. Не верь парижским брехунам. Ты не забыт. Твое место в Москве”» (Шумаков Ю. Игорь Северянин на чужбине. С. 23).

¹⁵ *Гримм* Давид Давидович (1864–1941) — ученый-юрист. В 1889–1891 гг. приват-доцент, в 1927–1934 гг. профессор римского права Тартуского университета.

¹⁶ *Тютрюмов* Игорь Матвеевич (1865–1943) — ученый-юрист и общественный деятель. В 1890-е гг. служил в Ревельском окружном суде, был также сенатором и депутатом Государственной думы Российской империи. В 1920–1935 гг. профессор гражданского права Тартуского университета. Участвовал в выработке законодательства Эстонской Республики.

¹⁷ *Корсаков* Федор Иванович (1883–1932) — ученый-юрист, в 1921–1934 гг. преподавал международное право в Тартуском университете.

¹⁸ *Мельников* Алексей Павлович (1867–1934) — ученый-юрист, писатель, общественный и политический деятель, сын писателя П.И. Мельникова-Печерского. В 1921–1934 гг. преподавал криминалистику в Тартуском университете.

¹⁹ *Курчинский* Михаил Анатольевич (1876–1939) — ученый-юрист, общественный и политический деятель. До революции профессор Петербургского университета, в 1921–1939 гг. ординарный профессор народного хозяйства в Тартуском университете. В 1926–1929 и 1936–1938 гг. депутат рийгигогу — эстонского парламента. Один из крупнейших в мире специалистов по юридическим проблемам национальных меньшинств и культурной автономии. Автор большого числа научных трудов по политической экономии, статистике, народному хозяйству.

²⁰ *Изотова* Кира Владимировна — певица (сопрано), музыкальный педагог, профессор Санкт-Петербургской консерватории, заведующая кафедрой камерного пения. Лауреат международных конкурсов, заслуженная артистка РСФСР (1970), заслуженный деятель искусств России (2006). В тот раз, о котором пишет Шумаков, К.В. Изотова выступала в Таллине в концертном зале «Эстония» 26 января 1966 г. Первые сообщения об этом: Советская Эстония (Таллин). 1966. 23 янв. № 19. С. 4; Молодежь Эстонии (Таллин). 1966. 25 янв. № 17. С. 4.

²¹ А.И. Райкин (1911–1987) должен был выступить в Таллине в Концертном зале «Эстония» 29 января 1966 г. Первые сообщения об этом: Советская Эстония (Таллин). 1966. 22 янв. № 18. С. 4; Молодежь Эстонии (Таллин). 1966. 22 янв. № 15. С. 4. Однако с 26 января сообщения о творческом вечере Райкина перестали печататься. Отчета о нем в русской печати Эстонии также не было. Так что состоялся ли этот вечер, неизвестно.

²² Таллинская Домская церковь построена не ранее XIII в., является одним из старейших храмов Таллина. Расположена в верхней части Старого города, которая называется Вышгородом. Посвящена святой Деве Марии. Современный облик церковь приобрела в результате многочисленных перестроек. Ее башня относится к эпохе барокко, часовни-пристройки — к более поздним архитектурным стилям. Внутри храма находятся захоронения XIII–XVIII вв., а также различные дворянские гербы и эпитафии, относящиеся к XII–XX вв. *Грейз* (Greig) Самуил Карлович (1736–1788) — адмирал российского флота, по национальности шотландец, сын капитана торгового судна. На русской службе с 1764 г., участник Русско-турецкой (1768–1774) и Русско-шведской (1788–1790) войн. За боевые заслуги пожалован в потомственное дворянство (1770). Внес большой вклад в развитие и перевооружение российского флота. *Крузенштерн* Иван Федорович (Адам-Иоганн; 1770–1846) — российский мореплаватель, адмирал, почетный член Санкт-Петербургской

академии наук. Потомок дворянского остзейского рода. Участник и руководитель первой русской кругосветной экспедиции на парусных шлюпах «Нева» и «Надежда» (1803–1806). *Делагарди* (De la Gardie) Понтус (1520–1585) — шведский полководец и государственный деятель французского происхождения, барон Энхольм (с 1571 г.), член риксрода, губернатор Эстляндии (1574–1575), Лифляндии и Ингерманландии (1583–1585), основатель шведского дворянского рода Делагарди.

²³ На самом деле это был очерк: *Северянин И.* Моя первая встреча с Буниным // Вести дня (Таллин). 1939. 14 авг. № 182. С. 2; То же // Русский вестник (Таллин). 1939. 16 авг. № 64. С. 2.

5

Между 5 марта и 10 апреля 1966 г. Таллин

С наступающим Великим Праздником¹, дорогой Леонид Федорович!
Вас я вспоминаю очень часто и с добрым чувством.

Подхожу к концу — завершаю большую работу «И.А. Бунин в Прибалтике». (Это о поездке в апреле – мае 1938 г., о выступлениях².)

Мой очерк исследовательско-мемуарного толка. Я просмотрел литературу — газеты и журналы — отклики на посещение Иваном Алексеевичем Литвы, Латвии, Эстонии. Таким образом — газеты русские, латышские, литовские, эстонские, газеты, выходившие на немецком языке, на английском — отклики шведских, норвежских и датских газет.

Будут, кроме моих воспоминаний — *расширенных* значительно (в «Москве» лишь фрагмент), мемуары Игоря Северянина, литовского академика Костаса Корсакаса и мн<огое> др<угое>.

Мне хотелось бы *процитировать* и *Ваше* письмо, с указанием, конечно, Вашей фамилии и того, что это — строки писателя, человека близкого Ивану Алексеевичу и т. д. Т. е. о том, что *Вам* рассказывал И<ван> А<лексеевич> о своей поездке в Прибалтику. В последнем письме Вы, правда, откликнулись, но весьма скупое, на эту тему.

Нельзя ли Вас попросить рассказать подробнее. О Тарту, Риге, Таллине и о Печерах, об Изборске (по словам И.А. Б<унина>).

Кроме того, меня интересует вопрос: какое *влияние* оказала эта поездка на *творчество* Бунина, как она отразилась в рассказах, стихах³.

Мой очерк обширный — листов шесть — для «Литературного наследства»⁴.
Выйдет *посвященный* Бунину том.

(Вы видели, например, том чеховский — в нем очень много о Бунине.)

Я пишу *не* биографию и *не* о творчестве, а только о *пребывании* в Прибалтике. И то — взял «на учет» более 500 статей, заметок и т. п.

Не писали ли чего «Послед<ние> новости» об *этой* поездке⁵, не рассказывал ли Б<унин> в печати или в беседе об этой поездке в Париже⁶.

Вы отдали свою жизнь великому писателю и поэтому, я надеюсь, найдете возможным помочь мне в моей бескорыстной работе — она требует такой затраты труда, радует меня только то, что это *расширит* представление о Бунине.

Я немало пишу о Б<унине> как о тцеце. Скажите, есть ли об этом литература у Вас?

Да, проверили ли Вы на почте, отчего не дошло Ваше произведение? (Вы посылали заказным?)

Так мне хотелось бы иметь Вашу книгу, а также «Булнина»⁸, ну, и Гумилева. Кстати, я бывал у Анны Андреевны, к моему 50-летию она прислала мне свои стихотворения с чутким посвящением⁹.

А теперь ее не стало. В эстонской печати я опубликовал очерк о поэтессе¹⁰.

Все время думаю о том, чем бы Вас порадовать, какую бы послать Вам книгу? Черкните мне.

Увы, книги до 1940 года не рекомендуют посылать.

Просматривая материалы о Б<унине>, я с наслаждением прочитал Вашу работу. Как она изящно иллюстрирована. Вообще этот № «Нови» интересен¹¹. Я ведь тоже сотрудничал в этом журнале (стихи). Вы, вероятно, не имеете, б<ыть> м<ожет>, и забыли! А ведь о Ратном Вы изумительно написали, Вы самую сущность архитектурного стиля выразили словами, исполненными красоты, изящества, эрудиции. Я говорил в свое время о Вашей работе Игорю Эммануиловичу (Грабарю)¹², рассказывал и Алпатову.

Вы простите меня, но мне очень хотелось бы получить от Вас поскорее ответ, я хочу включить Ваши воспоминания, со слов Ивана Алексеевича, о Прибалтике.

Говорил ли И<ван> А<лексеевич> о Печерах? Это тема особая... Я Вам сообщу немало редкостного по этому поводу¹³.

Еду в Москву, там Вас будем «упоминать» (и вспоминать) в беседах с Николаем Павловичем¹⁴.

Когда выйдет том «Наследства», я, конечно, сочту своим долгом — преподнести Вам¹⁵. Его — этот том — готовят наши специалисты — эх, Вы бы!..

И<рина> К<онстантиновна Борман> вспоминает Вас с любовью.

Примите же мои поздравления и пожелания здоровья и творческого настроения.

И.А. Бунин на вокзале в Тарту.
5 мая 1938 г. Фото из газеты
«Постимезс» («Postimees»; Тарту).
1938. 6 мая. № 122. С. 3

Искренне Ваш Юрий Шумаков

P. S. А когда Ваш юбилей? Мне хотелось бы Вам <нрзб.> и кое-что о Вас.

Сейчас пишу о Печерах кое-что.

[В правом поле:] Между прочим, я написал письмо Хохлову (из «Русских новостей») по поводу И. Северянина, но отклика не имею.

ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 124. Л. 12–17 об. Автограф, ручка, светло-синие чернила. Датировано по содержанию.

¹ Очевидно, Шумаков поздравляет Зурова с Пасхой, которую в 1966 г. христиане всего мира (православные, католики и протестанты) праздновали в один день — 10 апреля.

² Бунин находился в Прибалтике с 21 апреля по 12 мая 1938 г., выступал в Каунасе, Риге, Даугавпилсе, Тарту, Таллине.

³ На самом деле турне Бунина по Прибалтике никак не повлияло на его творчество, не отразилось ни в стихах, ни в рассказах. Тем не менее Шумаков утверждал, что неожиданная встреча в Таллине Бунина с Э.В. Фехнер, с которой у писателя в юности был роман и которая стала впоследствии прототипом Анхен в «Жизни Арсеньева», легла в основу рассказа «Темные аллеи». «Летом 1938 г., — писал Шумаков, — Бунин сообщил мне в письме, что под влиянием пережитого в Таллине он задумал написать рассказ о первой любви. И действительно, в конце того же года писатель создает рассказ “Темные аллеи”, ставший заглавием для его последней книги. Мне вспомнилось, как в артистической, прощаясь с И<ваном> А<лексеевичем>, Эмилия поцеловала писателю руку. Подобно Э.В. Фехнер, героиня рассказа — Надежда — “...подошла и поцеловала ему руку”. Конечно, это другие люди, они встретились после трех десятилетий, а не через пятьдесят три года... Но где, как не в жизни, черпает художник такие детали, правдивые интонации...» (Шумаков Ю. Звезда над Прибалтикой. С. 42).

Мало того, что между Буниным и Шумаковым никогда никакой переписки не было (см. предисловие), сам автор «Темных аллей» совершенно иначе объяснял происхождение этого рассказа: «Перечитывал стихи Огарева и остановился на известном стихотворении:

Была чудесная весна!
Они на берегу сидели,
Во цвете лет была она,
Его усы едва чернели...
Кругом шиповник алый цвел,
Стояла темных лип аллея...

Потом почему-то представилось то, чем начинается мой рассказ, — осень, ненастье, большая дорога, тарантас, в нем старый военный... Остальное все как-то само собой сложилось, выдумалось очень легко, неожиданно, — как большинство моих рассказов» (Бунин И.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 2000. Т. 7. С. 568).

Зная, что Бунин всегда отрицал автобиографический характер своих произведений (даже когда эта автобиографичность для всех была несомненна), легко усомниться в искренности бунинских слов, если бы эта версия происхождения рассказа «Темные аллеи» не была повторена почти слово в слово в письме Бунина к Ю.Л. Сазоновой-Слонимской от 16–23 августа 1952 г. (см.: «Драгоценная скупость слов»: Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Ю.Л. Сазоновой (Слонимской) (1952–1954) / Вступ. ст. К. Триббла; публ. К. Триббла, О. Коростелева и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. 2. С. 296). Это обстоятельство доказывает достоверность бунинского свидетельства, так как в своих письмах к Сазоновой автор «Жизни Арсеньева» и «Темных аллей» был поразительно откровенен и часто признавал то, что прежде оспаривал.

⁴ Предварительная работа по сбору материала для 84-го, бунинского, тома «Литературного наследства» началась весной 1966 г. 18 мая 1966 г. А.К. Бабореко писал Зурову: «Редакция “Литературного наследства” (издание Академии наук СССР) скоро обратится

к Вам, а также к другим писателям и лицам, знавшим Ивана Алексеевича, с просьбой написать воспоминания о нем...» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 126).

⁵ Публикаций о прибалтийском турне Бунина в «Последних новостях» не было.

⁶ 25 января 1967 г. Зуров писал биографу Бунина А.К. Бабореко: «Он [Бунин] нам хорошо рассказывал о своем путешествии по весям и градам Прибалтики. Вернулся Иван Алексеевич совершенно больным и разбитым. Раздраженным до крайности. В Прибалтике его хорошо угощали. А пить ему было запрещено» (цит. по: *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. С. 321).

⁷ Кое-какая литература о Бунине-чтеце к середине 1960-х гг. была: например, автобиографические записи самого Бунина, свидетельства Н.Я. Рощина, В.М. Зензинова; затем последовали воспоминания А. Седых, Г.Н. Кузнецовой, Г.В. Адамовича, А.В. Бахраха и др.

⁸ Имеется в виду книга В.Н. Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина» (Париж, 1958).

⁹ А.А. Ахматова прислала Шумакову свой сборник «Стихотворения» (М., 1958) с надписью на титульном листе: «Юрию Дмитриевичу Шумакову в Его День — от автора. Анна Ахматова. 18 сентября 1964. Комарово» (цит. по: *Шумаков Ю.Д.* Избранное. С. 364).

¹⁰ В очерке «Слово об Анне Ахматовой» Шумаков пишет, что некролог, посвященный поэтессе, он напечатал в эстонском еженедельнике «Сирп я вазар» («Sirp ja vazar») (см.: *Шумаков Ю.Д.* Избранное. С. 196). Об А.А. Ахматовой Шумаков писал и позже — как по-эстонски, так и по-русски. См., напр.: *Šumakov J. Mälestuskilde Anna Ahmatova // Šumakov J. Tartu tiivustusel: Esseid ja memuaare. Tallinn, 1985. Lk. 96–98* (перепечатка из газеты «Кодумаа» («Kodumaа») за 4 июля 1979 г.); и др.

¹¹ Имеется в виду № 8 «Нови».

¹² На И.Э. Грабаря (1871–1960) и его «Историю русского искусства» (М., 1909–1916) Зуров ссылался в своей статье «О древностях Изборского и Печерского края» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 13. Л. 1).

¹³ Выполнил ли Шумаков свое обещание, неизвестно. Но, так или иначе, в своем очерке о Бунине для «Литературного наследства» он написал о том, что писатель якобы посетил втайне от эстонских властей Псково-Печерский монастырь и Изборск, хотя русские газеты Эстонии сообщали: «К сожалению, в Петсерский [от эст. Petseri — Печоры] край из-за недостатка времени в этот раз И<вану> А<лексеевичу> попасть не удастся» (Вести дня. (Таллин). 1938. 9 мая. № 103. С. 1; Русский вестник (Таллин). 1938. 11 мая. № 36. С. 2). И М.В. Карамзина впоследствии сетовала (письмо от 17 сентября 1938 г.): «Мне жаль, что вы не побывали в Печорах. Я была там теперь в первый раз, монастырей в России видела много, но впечатление от Печор большое...» (цит. по: Письма <И.А. Бунина> к М.В. Карамзиной // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 673).

¹⁴ Н.П. Смирнов писал Зурову 22 апреля 1966 г.: «Вчера был у меня еще Юрий Дмитриевич Шумаков... его рассказы о встречах с Буниным... во многом замечательны. Вчера он читал мне, в частности, большие отрывки из своих воспоминаний о Бунине (“Бунин в Прибалтике”). Они очень интересны. Особенно те главы, которые посвящены пребыванию Бунина в Печерском монастыре, где он со слезами слушал стародавний русский звон, и в Изборске, так глубоко уводящем в родную нашу древность» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 105. Л. 24 об.).

¹⁵ Шумаков писал это, по-видимому, в твердой уверенности, что его очерк «И.А. Бунин в Прибалтике» будет напечатан в «Литературном наследстве». Однако этого не произошло. Редакция «Литературного наследства» усомнилась в достоверности сообщаемых автором сведений. Биограф-буниновед А.К. Бабореко писал по этому поводу Зурову 4 января 1967 г.: «Некто Ю.Д. Шумаков предлагает “Литературному наследству” свои воспоминания о Иване Алексеевиче и пишет, будто Иван Алексеевич в 1938 году побывал в Печерах и Из-

борске, что поездку к границе он скрывал по политическим соображениям, потому, мол, говорил корреспондентам газет, что в Печерском крае не побывал.

Мы с Верой Владимировной Шмидт, встретившись в Москве прошлым летом, долго обсуждали эту версию воспоминаний Шумакова (он кое-что печатал из своих воспоминаний в журнале “Москва”, но о поездке Бунина в Печерский край тогда не писал). И мы оба совершенно единодушны в том, что это литературная мистификация. Вы очень хорошо и убедительно написали о том, что Иван Алексеевич на границе в те дни не побывал. Но для того чтобы основательно вооружиться мне аргументацией для разговора в редакции “Литературного наследства” о степени достоверности воспоминаний Шумакова, не можете ли Вы сообщить дополнительные данные — по письмам или, быть может, дневниковым заметкам И.А. Бунина и Вашим записям. Очень это важно» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 136–136 об.). В ответ Зуров сообщал 25 января 1967 г.: «В Печерский край Иван Алексеевич не поехал. Весна была холодная. Боялся простудить голову. Остался в Тарту (Юрьеве)...» (цит. по: *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. С. 321).